

АНТОН ПЕРВУШИН

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ
ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ

САГАРИН

Антон Первушин

Юрий Гагарин: Один полет и вся жизнь

*Полная биография первого космонавта
планеты Земля*

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 629.7(09)
ББК 39.6г
П26

Первушин А.

П26 Юрий Гагарин: Один полет и вся жизнь. Полная биография первого космонавта планеты Земля / Антон Первушин. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 663 с. — (Серия «Пальмира_Биография»).

ISBN 978-5-521-00287-0

Эта книга является не только масштабным исследованием жизни и подвига первого в мире космонавта Юрия Гагарина, но и историей советского ракетостроения. В ней рассматриваются разнообразные подходы к исследованию Вселенной и роли в них человека — как абстрактного, так и конкретных героев космоса.

УДК 629.7(09)
ББК 39.6г

© Первушин А. И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00287-0

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Часть первая

ПРОСТАЯ СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ

Глава первая. Гагарины из Клушина	12
Глава вторая. Жизнь в захолустье	20
Глава третья. Звёздный мальчик	26
Глава четвертая. В тылу врага	40
Глава пятая. Мечта о небе	55
Глава шестая. Освоение ремесла	71
Глава седьмая. Энтузиаст космонавтики	101
Глава восьмая. Культ героя	121
Глава девятая. Выбор пути	131
Глава десятая. Подняться в небо	147

Часть вторая

ВСЁ ВЫШЕ И ВЫШЕ

Глава одиннадцатая. Прирожденный летчик	165
Глава двенадцатая. Первые погоны	173
Глава тринадцатая. Любовь курсанта	183
Глава четырнадцатая. Проблемы с реактивными	188
Глава пятнадцатая. Первые спутники	200
Глава шестнадцатая. За полярным кругом	217
Глава семнадцатая. Космос как предчувствие	230
Глава восемнадцатая. Приглашение в будущее	240
Глава девятнадцатая. Критерии отбора	252
Глава двадцатая. Двадцать лучших	262

Часть третья

КОСМИЧЕСКИЕ СТУПЕНИ

Глава двадцать первая. Проект «Восток»	272
Глава двадцать вторая. Испытание на прочность	284
Глава двадцать третья. Засекреченные катастрофы	300

Глава двадцать четвертая. Тренажерный минимум	319
Глава двадцать пятая. Страшная тайна	332
Глава двадцать шестая. Трое избранных	340
Глава двадцать седьмая. Двенадцатое апреля	362
Глава двадцать восьмая. День космонавтики	385
Глава двадцать девятая. Во имя рекордов	400
Глава тридцатая. Исследователь на орбите	420

Часть четвертая

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Глава тридцать первая. Эффект Гагарина	435
Глава тридцать вторая. Советский момент	449
Глава тридцать третья. Синдром Титова	461
Глава тридцать четвертая. Делегат съезда	468
Глава тридцать пятая. Космическая инициатива	476
Глава тридцать шестая. Небесные братья	494
Глава тридцать седьмая. Женщина в космосе	503
Глава тридцать восьмая. Звёздный городок	517
Глава тридцать девятая. Политика и литература	525
Глава сороковая. К вопросу о Боге	534

Часть пятая

НА ПОРОГЕ ВЕЧНОСТИ

Глава сорок первая. Шаг к Луне	541
Глава сорок вторая. Космический линкор	545
Глава сорок третья. Открытие космоса	555
Глава сорок четвертая. Тема «Союз»	563
Глава сорок пятая. Жертва гонки	571
Глава сорок шестая. Тема для диссертации	577
Глава сорок седьмая. Психология и космос	589
Глава сорок восьмая. День рождения	599
Глава сорок девятая. Последний полет	603
Глава пятидесятая. Музей будущего	616

Послесловие	619
-----------------------	-----

Хроника жизни Ю. А. Гагарина (1934–1968)	622
Библиография	644

Предисловие

История советской космонавтики фальсифицирована.

К такому неутешительному выводу приходишь, когда начинаешь изучать ее глубже информационного слоя, содержащегося в сообщениях ТАСС или научно-популярных книгах. Разумеется, далеко не всё, что мы знаем о советских космических достижениях, — фальшивка. Наоборот, значительных достижений хватало, и многие из них до сих пор вызывают благоговение. Больше того, российская космонавтика, само существование которой автоматически делает нашу страну одной из сверхдержав, развивается благодаря колоссальному заделу, доставшемуся в наследство от СССР. Однако проблема в том, что реальные факты о становлении космонавтики разительно отличаются от интерпретаций, которые давала советская пропаганда и которые предлагает сегодня публицистика.

Можно ли всерьез обсуждать космическую проблематику и гордиться достижениями, если даже официальная историография изобилует фактическими ошибками, пропагандистскими уловками и пробелами, которые никто не спешит заполнить? Как получилось, что самый величественный научно-технический проект Советского Союза, изменивший ход цивилизации, остается малоизученным, провоцирующим волны нелепых слухов и дилетантских дискуссий?

Назову три причины, хотя их, конечно, больше.

Первая причина — стратегия засекречивания подробностей, связанных с военно-политической деятельностью. Космонавтика, как

известно, является во многом продуктом холодной войны, то есть жесткого противостояния между СССР и США в геополитическом пространстве. Но если в США в конце 1950-х годов сумели частично оторвать ракетно-космическую отрасль от военно-промышленного комплекса, создав «гражданскую» структуру в виде НАСА, то в Советском Союзе «родительская» связь оставалась преобладающей до его развала в 1991 году. Поэтому любой (включая научные) запуск пилотируемого корабля или беспилотного аппарата на орбиту, сопровождался мощной дезинформационной кампанией, призванной скрыть реальные технические детали и отчасти цели запуска, что позднее неизбежно приводило к путанице в интерпретациях, прослеживаемой даже в мемуарах непосредственных участников событий. Хуже того, на важнейшие документы, в которых содержатся подробности подготовки и осуществления запусков, немедленно накладывался гриф «совершенно секретно», после чего они отправлялись в архивы, из которых извлечь что-либо проблематично и по сей день. В результате из истории выпали десятки, если не сотни, интереснейших проектов (например, советские лунная и марсианская программы), о которых мы узнаем по обрывкам информации, но которые, безусловно, формировали облик реальной космонавтики.

Вторая причина — политика замалчивания проблем и сбоев, ставшая традицией с середины 1930-х годов. Идеологическое здание сталинского СССР возводилось на превознесении достоинств «самого прогрессивного общественного строя» и порицании любых альтернатив, что накладывало известные ограничения на информацию, распространяемую от лица государства. Некоторое время идеологическая цензура обходила стороной научно-технические процессы. Всё изменилось после того, как 30 января 1934 года погиб экипаж стратостата «Осоавиахим-1», рекордный полет которого был устроен в честь XVII съезда ВКП(б), и предвкушаемый триумф обернулся жуткой трагедией, на которую откликнулась «буржуазная» пресса. В итоге на правительственном уровне было приказано запретить публикацию каких-либо данных о полетах в стратосферу без специального разрешения, и этот норматив распространили впоследствии на авиацию и космонавтику. В итоге официальная хроника превратилась в сплошную череду великих достижений и блистательных побед, хотя, конечно, любому взрослому человеку понятно, что побед без проблем не бывает. Последствия такой по-

литики в общем-то предсказуемы: с одной стороны, за счет пустой декларативности девальвировался подлинный подвиг работников ракетно-космической отрасли, включая космонавтов, с другой — западные средства массовой информации в опоре на слухи, утечки и крупницы разведывательных данных выстраивали совершенно мифологическую картину, которая по сей день оказывает значительное влияние на восприятие советской космической экспансии в мировом сообществе и исследовательской среде. Тут достаточно вспомнить душераздирающие байки о тайных жертвах советской космонавтики, на которые, бывает, ссылаются и вполне авторитетные ученые.

Третья причина — «клановая» борьба внутри самой ракетно-космической отрасли, когда руководители предприятий и бюро с целью принизить достижения «конкурирующих фирм» вмешивались в процесс сохранения наследия. Хрестоматийным примером стало уничтожение архива лунной ракеты «Н-1», работу над которой, конечно, нельзя назвать особенно успешной, но изучение которой раскрыло бы многие интересные страницы недавней истории. Есть и более неприглядные факты, когда заслуги одних специалистов приписывались другим. Впрочем, подобным мифотворчеством злоупотребляло и высшее советское руководство — чего стесняться-то? Как известно, у победы множество отцов, а поражение — всегда сирота. Однако и здесь негативный эффект вполне очевиден: принадлежность к тому или иному «клану» накладывает отпечаток на отношение к истории, поэтому попытки докопаться до истины зачастую встречают яростное сопротивление. Ситуацию исправил бы институт независимой экспертизы, но кому выгоден такой институт и кто будет с ним работать, если даже небольшие группы энтузиастов не могут договориться друг с другом?

Как видите, мотивов для тотальной фальсификации более чем достаточно. И она, увы, пронизывает любой эпизод, что делает историю советской космонавтики зависимой от публицистических толкований: в произвольный момент подвиг можно назвать преступлением, достижение — провалом, значительное событие — ничтожным действием. Не обошлась без фальсификаций и биография Юрия Алексеевича Гагарина.

Его имя знакомо нам с детства, а его звучная фамилия стала нарицательной, обозначением человека, который первым сумел вы-

рваться за границы освоенного мира, преодолеть законы природы, сделать сказку реальностью. Мы привыкли гордиться тем, что Гагарин — наш соотечественник, что наши родители были его современниками. Однако я возьмусь утверждать, что при всём этом именно биография первого космонавта планеты остается наиболее искаженной в части фактов и интерпретаций. Можно даже сказать, что она остается наиболее наглядным примером искажения исторической правды в угоду политической конъюнктуры, а самое печальное, что в этом процессе пришлось принять участие и самому Юрию Алексеевичу.

Существует четкая граница между двумя массовыми интерпретациями биографии Гагарина: советской и постсоветской. Хронологически она проходит по апрелю 1991 года, то есть по тридцатилетнему юбилею его триумфального полета. Советская интерпретация создавалась в условиях жесточайшей цензуры, когда первому космонавту, не говоря уже о других причастных, не позволялось публично высказываться о конструкции его корабля или, например, о его сослуживцах, готовящихся к новым рейсам на орбиту. Со временем сокрытые детали становились известны, причем они входили в заметное противоречие с тем, что было сказано ранее, но однажды выстроенный образ и не думали менять. В 1992 году на смену диктатуре идеологии пришла диктатура рынка, и хотя появилось множество рассекреченных документов, журналисты и авторы исторической прозы в основном отдавали предпочтение «сенсационным подробностям», а не тем фактам биографии космонавта, которые открывали для нас настоящего профессионала в его развитии.

Хотя обе массовые интерпретации кажутся взаимопротиворечащими, в них есть много общего. Признавая подвиг Юрия Гагарина, их авторы изображают космонавта не в качестве «субъекта», а в качестве «объекта», не в качестве «испытателя», а в качестве «испытываемого». Верный сын коммунистической партии, согласно советской интерпретации, и баловень судьбы, в одночасье вознесенный на вершину социального олимпа, согласно постсоветской интерпретации, ничем, в сущности, не отличаются друг от друга. И там, и там нам доказывают, что вся заслуга Юрия Алексеевича якобы состояла в том, что он оказался в нужное время на нужном месте, что его выбрали за улыбку, что любой справился бы, что нет ничего особенного в его полете на орбиту, что его работа там свелась к пассивно-

му ожиданию, что его дальнейшая деятельность имела значение только для пропаганды в рамках идеологической борьбы. И так далее, и тому подобное. Поскольку обыватель обычно не вникает в тонкости, то он принимает одну из двух интерпретаций согласно своим убеждениям, не подозревая даже, что его кормят всё той же мифологией, которая имеет лишь разный политический подтекст. И это, конечно, обидно. Первый космонавт планеты не заслужил такого отношения к себе!

Я прочитал множество биографий Гагарина и на страницах этой книги неоднократно обращаюсь к ним, чтобы продемонстрировать, как менялись интерпретации. С большим сожалением вынужден признать, что ни одна из них не избежала воздействия мифологии, посему более или менее достоверного рассказа о первом космонавте нет до сих пор. Здесь я попытаюсь провести реконструкцию его жизни, наиболее полную из возможных, особо обозначив эпизоды, которые требуют дополнительного изучения по мере рассекречивания архивных документов. Где-то нам придется довериться очевидцам, поскольку отдельные моменты не имеют документального подтверждения. Где-то нам придется прибегать к источникам, имеющим лишь косвенное отношение к заявленной теме. Где-то нам необходимо будет провести параллели между советскими и американскими реалиями, чтобы на контрасте увидеть, почему фальсификации вредны космонавтике и не могут найти оправдания в апелляции к историческому контексту.

Пришло время поговорить о Юрии Алексеевиче Гагарине всерьез. Ведь только через серьезный, без скидок, без преувеличений и преуменьшений, разговор и можно по-настоящему разобраться, что он сделал для страны, мира и каждого из нас.

Знаете, каким он парнем был?.. Я расскажу!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Простая советская семья

Глава первая

Гагарины из Клушина

Впервые мир услышал о Юрии Алексеевиче Гагарине 12 апреля 1961 года из сообщения ТАСС, переданного в радиозэфир в 10 часов 2 минуты по московскому времени, почти через час после старта ракеты-носителя с космическим кораблем «Восток». Тогда же диктор Юрий Борисович Левитан зачитал короткую выдержку из биографии космонавта, сообщив, что тот происходит из семьи колхозника, его отец работает столяром, а мать — домохозяйка.

Хотя в контексте эпохи выглядит логичным, что на роль первого космонавта советские вожди постарались отобрать выходца из рабоче-крестьянской семьи, западные комментаторы немедленно усомнились в правдивости официальной версии, благо его фамилия вроде бы указывала на родственные связи с одним из знаменитых дворянских родов дореволюционной России. В итоге появился самый первый миф о Юрии Гагарине, который оказался необычайно живуч: правда, сейчас его можно встретить разве что в альтернативно-исторической фантастике и сатирических стишатах.

Буквально на следующий день, то есть 13 апреля, в авторитетной газете «Los Angeles Times» появилось сообщение, что Юрий Алексеевич — внук князя Михаила Гагарина, участвовавшего в Гражданской войне на стороне «белых» и расстрелянного «красными» в 1919 году. Чтобы как-то объяснить очевидную несуразность предлагаемой версии (коммунисты посылают в космос внука репрессированного кня-

зя, ведущего происхождение от Рюрика!), некий русский эмигрант Алексей Щербатов, профессор истории, заявил, что, вероятно, исход орбитального полета был непредсказуем, поэтому в него и решили отправить человека, которого не жалко. Тот же эмигрант добавил к своим словам еще более красочные подробности. Оказывается, отец космонавта, Алексей Михайлович Гагарин, бежал, спасаясь от преследования властей, на Урал, и там в городе с загадочным названием *Оренберг* у него и родился сын Юрий. В 1939 году Алексей Михайлович исчез, став очередной жертвой большевистского террора.

Советские журналисты, конечно же, немедленно высмеяли версию о сыне князя (тем более что отца космонавта звали Алексей Иванович), но она еще долго перекочевывала из публикации в публикацию. А ведь тем, кто ее тиражировал, достаточно было обратиться к генеалогическим таблицам княжеского рода Гагариных, чтобы убедиться: в нем не так уж много Михайлов, а на роль «растрелянного деда» подходит лишь Николай Николаевич Гагарин, владелец имения Ивановское Елатомского уезда Тамбовской губернии, действительно погибший в 1919 году вместе со своей женой. И у него действительно был сын, но, разумеется, не Алексей Михайлович, а тоже Николай Николаевич, эмигрировавший во Францию и умерший там в преклонном возрасте.

Когда нелепую гипотезу профессора Щербатова отвергли, возникла другая: дескать, Гагарины были богатыми помещиками, владевшими большими землями, а крепостных крестьян, принадлежавших им, после освобождения тоже записывали по фамилии княжеского рода. Такую версию можно найти даже в советских источниках, и ее популярность объясняется тем, что происхождением первого космонавта плотно никто не занимался, доверившись рассказам его родителей.

Всё же со временем необходимая работа была проделана, и результаты кропотливых изысканий мы находим в документально-исторических очерках Галины Мозгуновой «Предки Ю. А. Гагарина» (журнал «Москва», 2006, № 7) и «Родовые корни» (журнал «Родина», 2011, № 4), а также в обзорной статье Ларисы Ковалёвой «О происхождении рода Ю. А. Гагарина из крестьян д. Конышево Чухломского уезда Костромской губернии (ныне Антроповский район Костромской области)» (2015). Обратимся к этим материалам за подробностями.

Начнем с отца космонавта — Алексея Ивановича Гагарина. Хотя восстановление дореволюционной родословной крестьян затруднительно, поскольку в сохранившихся документах они часто фигурируют без фамилий, сравнительно быстро удалось установить, что его отца (то есть деда космонавта) звали Иван Фёдорович Гагарин. В метрической книге Николаевской церкви села Клушино есть запись от 31 августа [12 сентября по новому стилю] 1884 года о его бракосочетании с местной девицей. Жених, как указано в документе, «уволенный в запас 7-го резервного кадрового пехотного батальона рядовой Иван Фёдоров Гагарин, православного вероисповедания, 26 лет». Его невестой была «Клушинской волости села Клушина крестьянина Степана Михайлова дочь девица Анастасия Степанова, православного вероисповедания, 20 лет». Известно, что в девичестве ее звали Настасья Лысикова. Особую ценность брачной записи придает наличие фамилии Гагарин. В последующих актовых записях о рождении его детей она больше ни разу не упоминается.

Кроме того, в селе Клушино ходило предание, что Иван Фёдоров (Фёдорович) был родом из Костромской губернии. И действительно — в метрической книге Николаевской церкви за 1887 год была обнаружена уникальная запись следующего содержания: «*Костромской губернии, Чухломского уезда, Просековской волости, дер. Коньшево запасной рядовой Иван Фёдоров*». Поиски продолжились в костромских архивах, увенчавшись значительным открытием: в метрической книге Богородицкой церкви села Бушнево исследователи нашли еще одну историческую запись от 1858 года: «*Дата рождения — сентябрь 19, крещения — 21. Имя родившегося — Иоанн. Звание, имя, отчество и фамилия родителей — государственный крестьянин деревни Коньшево Фёдор Петров и законная жена его Епестемья Николаева, православного вероисповедания. Восприемники: той же вотчины и деревни крестьянин Пётр Сергеев*». Таким образом, стали с большой долей достоверности известны дата и место рождения деда космонавта, имя и отчество его прадеда — Фёдор Петрович, имя прапрадеда — Пётр.

Впрочем, исследователям требовались дополнительные документы для окончательного установления истины. Главное подтверждение правильности выбранного направления поисков было обнаружено в архиве Чухломского уездного по воинской повинности присутствия. Упоминания о представителях рода Гагариных встречаются там не-

однократно, имеются даже их автографы. В посемейном списке Прокофьевской волости на лиц, подлежащих призыву в 1890 году, встретилась запись о семье Фёдора Петровича Гагарина, то есть прадед космонавта уже носил эту фамилию. Список составлялся в 1871 году: глава семьи и его старший сын Василий значатся к тому времени умершими, младшему Павлу исполнилось три года. О среднем брате, то есть о деде космонавта, узнаем из более поздней приписки: *«Иван, родился 19 сентября 1858 г., принят на службу в 1879 г., а теперь находится в отпуску»*. Из этой же записи стало известно, что Иван Фёдорович в 1890 году всё ещё числился крестьянином деревни Конышево. Для того чтобы перевестись в другое крестьянское или мещанское общество, необходимо было получить разрешение сельского схода. До тех пор все подати крестьянин обязан был платить в общину, которая, со своей стороны, отвечала за своих членов, где бы те ни жили.

Сопоставляя полученные данные с периодическими переписями податного населения (ревизскими сказками), удалось проследить родословную Юрия Гагарина по мужской линии до начала XVIII века. Сегодня она выглядит так: отец Алексей Иванович (род. в 1902 году), дед Иван Фёдорович (род. в 1858 году), прадед Фёдор Петрович (род. в 1832 году), прапрадед Пётр Аввакумович (род. в 1798 году), прапрапрадед Аввакум-Абакум Фёдорович (род. в 1771 году), прапрапрапрадед Фёдор Петрович (род. в 1740-е годы), прапрапрапрапрадед Пётр (род. в 1710-е годы).

Кроме того, доподлинно установлено, что изначально предки Гагарина по мужской линии, жившие в Конышеве, были крепостными крестьянами, принадлежавшими вотчине лейб-гвардии Семёновского полка капитана Александра Матвеевича Толстого. В 1821 году, после смерти барина, его наследник, генерал от инфантерии генерал-адъютант граф Александр Иванович Остерман-Толстой, за небольшой выкуп в 17,5 тысячи рублей освободил своих крестьян и перевел их в разряд вольных хлебопашцев. В 1850 году статус жителей Конышева снова изменился: они стали называться государственными крестьянами, водворенными на собственных землях.

Впервые фамилия Гагарин встречается в метрической книге за 1864 год. Носил ее дядя Ивана Фёдоровича — Яков Петрович Гагарин. Исследователи предполагают, что в таком случае «родоначальником» фамилии был Пётр Аввакумович. Поскольку никакого отношения крестьяне Конышева к князьям Гагариным не имели, то бытовая

версия о ее происхождении должна быть отвергнута. Скорее всего, фамилия появилась от прозвища Гагара. В словарях можно найти разные толкования этого слова: «морская птица», «смуглый, черномазый человек», «хохотун, зубоскал», «неуклюжий, длинный». Однако доподлинно установить, что имели в виду авторы прозвища и почему оно закрепилось, дав через столетие фамилию будущему космонавту, не представляется возможным.

В начале XX века деревня Конышево была сравнительно большой, с населением 250 человек, и в ней продолжали проживать Гагарины, однако через пятьдесят лет их почти не осталось: в похозяйственной книге 1950-х годов записано лишь одно хозяйство, которым владела Елизавета Алексеевна Гагарина, 1904 года рождения, четвероюродная сестра космонавта. В настоящее время Конышево всё еще числится на картах, находится оно в Курновском сельском поселении Антроповского района Костромской области, в нескольких километрах от районного центра.

Снова вернемся в село Клушино, где после женитьбы в 1884 году обосновался Иван Фёдорович Гагарин. Всего в его семье было восемь детей: Павел (род. в 1885 году), Николай (род. в 1887 году), Параскева (род. в 1889 году), Михаил (род. в 1891 году), Иван (род. в 1894 году), Дарья (род. в 1897 году), Савва (род. в 1899 году); Алексей Иванович, отец будущего космонавта, был младшим ребенком; он родился 14 марта [27 марта по новому стилю] 1902 года.

В записях о рождении детей глава семьи до 1897 года значится как отставной рядовой, а с 1899 года — как крестьянин. Однако крестьянский труд он чередовал с отхожим промыслом. Согласно рассказам клушинских старожилов, Иван Фёдорович был искусным плотником и столяром. Часто уходил на заработки, причем добирался до соседних губерний. Из одного такого похода он не вернулся. У Алексея Ивановича осталось в памяти, что последний раз он видел отца в 1914 году. По другим данным, дед космонавта пропал еще до 1910 года.

В 1917 году, как показывает перепись, семью возглавляла Анастасия Степановна Гагарина, то есть бабушка космонавта. В подворной карточке, помимо хозяйки, перечислено девять человек: три сына, дочь, внук, две внучки, две снохи. Гагарины на момент переписи имели в общинном владении 5,4 десятины (один надел) земли, лошадь, корову, поросенка.

Судьбы детей клушинской ветви рода Гагариных сложились по-разному. Старший сын, Павел Иванович, еще до революции окончил Военно-фельдшерское училище в Петербурге, долгие годы работал в родном селе ветеринарным врачом. Оставшись на склоне лет одиноким, он много времени проводил в семье брата — Алексея Ивановича, любил общаться с племянниками. Сыновья Николай, Михаил и Иван в молодости уезжали на заработки в столицу. После революции в Клушино вернулся только Николай, а два других брата «сгинули», как их отец.

Николай и Савелий (по церковной книге — Савва) незадолго до Великой Отечественной войны переехали в Москву. Алексей как младший сын находился при матери, помогал ей, летом пас скот. Рано освоил плотницкое ремесло. Учился в местной церковно-приходской школе. В одной из служебных анкет он позднее писал, что имеет образование четыре класса. Но есть сведения и о том, что Алексей Иванович был вынужден бросить учебу, не завершив полный курс начальной школы, поэтому даже читал с большим трудом.

Из двух дочерей Гагариных только Прасковья Ивановна (по церковной книге — Параскева) прожила долгую жизнь. Она вышла замуж за многодетного вдовца Алексея Матвеевича Матвеева, и это событие предопределило дальнейшую судьбу ее младшего брата Алексея.

Теперь заглянем в родословную матери космонавта — Анны Тимофеевны Гагариной, происходившей как раз из семьи Матвеевых. Те жили всего в четырех верстах от Клушина — во владельческой деревне Шахматово. До отмены крепостного права она принадлежала графам Каменским. Крестьянские наделы были небольшими, поэтому многие мужчины, чтобы прокормить семьи, занимались отхожим промыслом.

Шестнадцатилетним юношей Тимофей Матвеев вместе с братьями Ефимом и Алексеем уехал в Санкт-Петербург и там работал на Путиловском заводе, иногда наезжая в деревню. В один из таких приездов, 13 февраля 1891 года, он женился на крестьянской девице из соседней волости. В метрической книге Пятницкой церкви села Воробьева в сведениях о женихе записано: *«Воробьевской волости деревни Шахматово крестьянина Матвея Фёдоровы сын Тимофей Матвеев, православного вероисповедания, 21 год»*. Его невестой была *«Петропавловской волости деревни Лукьянцево крестьянина Егора Иванова дочь Анна Егорова, православного вероисповедания, 19 лет»*.

После женитьбы Тимофей Матвеевич работу на заводе не бросил. Анна Егоровна на зимние месяцы приезжала к мужу в город. В семье рождалось много детей, но они умирали в младенчестве; в живых осталось только пятеро, среди них — дочь, которую тоже называли Анна и которая родилась 7 декабря [20 декабря по новому стилю] 1903 года.

В 1912 году Анна Егоровна вместе с детьми переселилась в Санкт-Петербург. Семья жила на Богомоловской улице, дом 12, квартира 3 (ныне — улица Возрождения, неподалеку от станции метро «Кировский завод»). Поначалу всё складывалось удачно. Тимофей Матвеевич был квалифицированным рабочим, очень неплохо зарабатывал. Но через два года пришла беда — он получил на производстве тяжелую травму. Старший сын Сергей и старшая дочь Мария устроились на работу. Оказавшись в пролетарской среде, они рано приобщились к революционному движению, которое в то время набирало силу.

Все дети в семье Матвеевых были грамотными. Анна Тимофеевна успела окончить начальное училище при Путиловском заводе. В личном архиве матери космонавта сохранилось выданное ей свидетельство № 5501:

«Постоянная комиссия Императорского Русского технического общества по техническому образованию сим удостоверяет, что Матвеева Анна Тимофеевна, дочь крест. Смоленской губ., Гжатского уезда, Воробьевской вол., д. Шахматово, родивш. в 1903 г. дек. 7 дня, прав. вер., в 1916 году успешно окончила курс в детских классах Путиловского училища и на испытании, произведенном при депутате Министерства народного просвещения, показала познания:

По закону Божьему хорошие
Русскому языку хорошие
Арифметике отличные
Естествознанию отличные
Чистописанию хорошие

Выдано 13 числа июля месяца 1916 года».

Девушке дали рекомендацию продолжить учебу, но на обучение в гимназии средств не хватило. Как видите, вопреки распространенным стереотипам крестьянская «домохозяйка» оказалась более образованным человеком, чем ее муж, учившийся лишь в сельской церковно-приходской школе, что, кстати, отмечали и современники. Больше того, из всех советских книг, посвященных детству и взрослению первого космонавта, книга Анны Тимофеевны Гагариной

«Память сердца» (1985) является, пожалуй, самым достоверным источником, что мы увидим в дальнейшем.

Бурный 1917 год семья Матвеевых встретила в Петрограде; революционную власть все они приветствовали. Сергей и Мария с большим энтузиазмом записались в красногвардейский отряд. Между тем выживать в голодном городе становилось всё тяжелее. В семье заговорили о том, что надо бы возвращаться в деревню, но по-настоящему собрались только весной. Бывшим горожанам пришлось покупать лошадь, заготовливать лес для постройки нового дома. К сожалению, глава семьи Тимофей Матвеевич не дожил до завершения строительства: его здоровье с каждым днем убывало, и в ноябре 1918 года он скончался.

Сергей и Мария работали в Гжатске на бирже труда. Казалось, что жизнь снова постепенно налаживается. И тут в 1922 году во время эпидемии тифа умер Сергей, а через девять дней, не выдержав горя, умерла мать семейства Анна Егоровна. После эпидемии восемнадцатилетняя Анна Тимофеевна, тоже переболевшая тифом, стала за старшую. Под ее опекой оказались шестнадцатилетний брат Николай и одиннадцатилетняя сестра Ольга. Родственники, конечно, помогали осиротевшим детям.

Они же позаботились и о том, чтобы подыскать для Анны надежного спутника жизни. В гости к Прасковье Матвеевой, в девичестве Гагариной, захаживал из соседнего Клушина ее младший брат Алексей. Был он на хорошем счету: трудолюбив, мастеровит, считался хорошим гармонистом. Прасковья и сосватала его Анне, которая приходилась племянницей ее мужу.

Молодые обвенчались сразу после окончания полевых работ — 14 октября 1923 года. Анне Тимофеевне в то время было девятнадцать лет, ее супругу — двадцать один год. Как и положено по обычаю, Алексей Гагарин привел жену в родительский дом на окраине Клушина. Ее младшие брат и сестра остались в Шахматове на попечении у Прасковьи и Алексея Матвеевых. Две ветви крестьянских семей объединились, чтобы дать жизнь новому поколению.

Конечно, очень забавно наблюдать за попытками представить Юрия Алексеевича Гагарина отпрыском древнего княжеского рода, восходящего к Рюрику. Однако архивы неумолимы: по своему происхождению первый космонавт планеты был простым русским мужиком. Не больше. Но, заметим, и не меньше!

Глава вторая

Жизнь в захолустье

Когда читаешь советские биографические книги о Юрии Гагарине, то невольно складывается впечатление, что он родился в каком-то диком захолустье.

Вот, например, что писала Лидия Алексеевна Обухова в документальной повести «Любимец века» (1972): *«Изба Гагариных стояла предпоследней на западной окраине села, неподалеку от большой ветряной мельницы. Сейчас ни этой мельницы, ни старого гагаринского дома нет. Клушино вообще часто попадало на проезжую колею истории; разорение, пожары, войны то и дело перекраивали его внешний вид. Но окрестность мало изменилась. Край здесь равнинный. Как яблочко по тарелочке катится невозбранно взгляд по лугам и полям, натываясь лишь на копны сена с перекрещенными сверху жердями да на далекие, подобные разбредшимся муравьям, стада. Кустарник, травяные канавы, холмы, длинная полоса пыли по проселочной дороге — вот это и есть земля, над которой клубится облаками высокое, как лоб великана, небо. <...> Когда в августовском предвечерье, заслоня низкое солнце, облако на западе станет похоже на сизый дредоут, его восточный собрат, легкий белый, проплывает невесомо, собирая на себе, как парусный кораблик, дневной отблеск. В такой час верховой пастух гонит стадо мышастых коров на вечернюю дойку, а привязанные к колышкам козы настырно мекают, призывая хозяйку. Не дожидаясь сумерек, примется тарыхтеть движок; задымится летняя кормокухня. В деревенских садах яблоки-падунцы безостановочно, как удары маятников, валяются в траву с глухим укорливым стуком... Всё это похоже на древнюю пастораль земли, неизменную от века к веку».*

Поэтично, не правда ли? При этом образ создается совершенно конкретный: деревня, глухомань, красота невероятная, однако ничего не меняется, даже когда прокатываются войны и прочие пожары. Вольно или невольно биографы подвели читателя к выводу: у Юрия Гагарина, родившегося в пасторальной провинции, практически не было шансов стать выдающимся человеком эпохи, если бы он сам не отличался какими-то особыми талантами. В таком контексте первый космонавт выглядит настоящим «самородком», которого «выкопала» советская власть, чтобы сделать из него «человека будущего».

Как водится, действительность несколько отличалась от предложенной картины. Прежде всего нужно сказать, что Гжатский район, к которому относилось село Клушино, находится западнее Москвы, а от самого села по прямой до московского Кремля всего 180 км. Да, во время Великой Отечественной войны оно было сильно разорено, как и Гжатск, поэтому позже казалось запущенным местом; уцелевшие переезжали в поисках лучшей доли, а давней историей здесь никто не занимался.

Ситуация мало изменилась и после первого космического полета. В сообщении ТАСС, прочитанном всему миру Левитаном, село даже не упоминается: сказано только, что космонавт «родился в Гжатском районе Смоленской области» и что «после окончания Второй мировой войны семья Гагарина переехала в город Гжатск». Разумеется, ушлые журналисты искали место рождения великого соотечественника и, конечно, нашли, но возвращались из Клушина разочарованными, ведь там не сохранился даже его дом. Стоит ли заниматься глухим селом, если есть Гжатск, с которого по большому счету и следует начинать описание юности Юрия Гагарина?..

Всё же некоторые исследователи, среди которых была и Лидия Обухова, пытались обратиться к истории Клушина, поскольку информация о многих аспектах предполетной и послеполетной деятельности Юрия Гагарина оставалась засекреченной, а повторять одно и то же, дозволенное, из статьи в статью, из книги в книгу, очевидно, не хотелось. Но настоящих краеведов среди них не было, поэтому сухой информационный остаток выглядит скудным: боярин Клуш как основатель, битва 1610 года с разгромом армии Дмитрия Шуйского, разорение села во время войны 1812 года, казнь контрреволюционерами большевистского военкома Ивана Сушкина — вот, собственно, и весь рассказ. Посему не приходится удивляться, что многие статьи о первом космонавте содержали характерную фразу: «Ничем не примечательное ранее село Клушино...»

Однако Юрий Алексеевич Гагарин приехал в Клушино после своего полета, навестил престарелую соседку, прошелся по окрестностям. И, наверное, стоило бы поподробнее изучить, что же представляло собой село не в легендарные времена Наполеоновских войн, а в то время, когда там жила его семья.

В декабре 2005 года состоялась научно-практическая конференция «История Гжатских деревень», в рамках которой обсуждалось

и Клушино. Кроме того, поистине бесценным источником информации на эту тему является книга Анны Тимофеевны Гагариной «Память сердца» (1985, 1986), в которой приводятся точные детали, подтверждаемые другими источниками. На основе этих материалов вполне реально реконструировать историю села в первые десятилетия XX века и разобраться, было оно «захолустьем» или нет.

Итак, село Клушино находится на отлого-гористой возвышенности, на северо-восток от города Гжатска по старинной Волоколамской дороге. Оно было расположено четырьмя слободами или улицами, из которых основные, старинные и самые длинные, шли параллельно указанной дороге, а две, возникшие позднее и прилегающие к основным с западной стороны, составляли с ними прямой угол. Посередине села, на возвышении, стояла церковь, окруженная кладбищем с каменной оградой.

Близ восточной окраины села протекает река Дубна, впадающая в реку Гжать у деревни Сотники. Недалеко от села видны развалины старинной плотины возле крутого левого берега. О плотине и мельнице упоминается в плане на церковную землю. На левом берегу, вблизи плотины, была возведена фабрика под названием «Галкина», производившая хлопчатобумажные полотна. Каких-либо следов фабрики не сохранилось. Накануне Отечественной войны 1812 года местные крестьяне обнаружили там нечто вроде подвала, заполненного тюками с разноцветной одеждой древнерусского покроя. Одежда к тому времени сильно истлела и от прикосновений рассыпалась. Иногда в Клушине находили клады с монетами XV–XVII веков.

Окружающая местность ровная, низменная. Когда-то здесь преобладали дремучие леса и болота. Отвоевывая у них землю, крестьяне постепенно окультурили территорию, в результате чего Клушино оказалось на открытом месте: его видно с расстояния 25 км. На левом берегу находится деревня Прилепово, отделенная от села околицей и рекой, но составляющая с ним как бы одно целое через продолжение главных улиц. В окрестностях села есть и другие деревни; ближе остальных расположены Воробьево, Пречистое, Самуйлово. Обилие лесов позволяло местным жителям обстраивать село и деревни добротными хатами, и хотя пожары периодически уничтожали строения, село восстанавливалось быстро, а издалика походило на небольшой городок.

Клушино росло, в том числе за счет приезжих, что способствовало повышению уровня грамотности. На крестьянских сходах не раз составлялись прошения об открытии сельского приходского училища. Оно было основано в 1848 году; около трети крестьянских детей овладели грамотой. Разумеется, некоторые из них уезжали затем в города, становясь квалифицированными рабочими, как отец Анны Тимофеевны Гагариной.

В середине XIX века казенное село Клушино было по количеству дворов (146) крупнейшим, а по численности жителей (901) вторым сельским населенным пунктом Смоленской губернии. В начале XX века Клушино оставалось самым большим селом Гжатского уезда (143 двора, 795 жителей на 1904 год). На его территории находились церковь, церковно-приходское училище, фельдшерский пункт, две чайные лавки, две ветряные мельницы, кузница. Ежегодно здесь проводились три ярмарки.

Вскоре после Октябрьской революции была установлена советская власть. Ее организатором в Клушине стал местный уроженец, коммунист Иван Семёнович Сушкин, занимавший должность военного комиссара Пречистенского волисполкома. В октябре 1918 года в Гжатском уезде вспыхнул «эсеро-кулацкий» мятеж, сопровождавшийся разгромом волисполкомов, расхищением ценностей, захватом оружия, арестами советского и партийного актива. 19 ноября мятежники вошли в Клушино, арестовали Сушкина и публично расстреляли его. Перед казнью ему предложили публично покаяться и отречься от принадлежности к большевикам, на что Сушкин сказал: «Я честно выполнял свой долг перед народом, я был коммунистом — им и умру...» В 1930 году его именем назовут местный колхоз.

Жизнь молодой семьи Гагариных проходила в нелегких крестьянских трудах. Кроме того, Алексей Иванович, числившийся «бедняком», частенько подрабатывал на стороне: «живые» деньги были необходимы для становления собственного хозяйства. В архиве сохранился его «Трудовой список» за 1921–1928 годы. Первая запись свидетельствует о том, что еще до женитьбы Алексей Гагарин успел поработать «по ведомству почтовой связи» почтальоном в Клушине — с 1 апреля 1921 года по 1 июня 1922 года. Затем он некоторое время работал по договорам (от двух недель до полугода) милиционером на охране разных объектов: в Гжатской городской ведомственной милиции — в 1925–1927 годах, в Пречистенской волостной

милиции — с января по апрель 1928 года. Впрочем, эта служба осталась лишь эпизодом в трудовой биографии Алексея Ивановича, ведь главным делом его жизни было плотницкое ремесло.

Первый сын, названный Валентином, родился 30 июля 1925 года. Почти через два года, 6 июня 1927 года, появилась на свет дочь Зоя. В 1933 году, на время коллективизации, у Гагариных было крепкое хозяйство: лошадь, корова, бык, несколько овец и поросят, гуси, куры. По словам Анны Тимофеевны, «в колхоз пришли не с пустыми руками, не меньше других принесли».

Алексей Иванович, по словам старшего сына, сначала не хотел вступать в колхоз, но его хороший друг, председатель сельсовета Василий Дмитриевич Воронин из деревни Затворово, посоветовал: «Не хочешь быть раскулаченным — вступай, иначе могут сослать неизвестно куда...» После этих разговоров глава семьи Гагариных решил стать колхозником.

Вначале Клушино было разделено на несколько колхозов, которые в народе называли «четвертями». На территории одного из них, получившего название «Ударник», и оказалась семья Гагариных. В «Ударнике» был свой колесный трактор; работал на нем, как вспоминают старожилы, передовой механизатор Александр Михайлов. Общих скотных дворов тогда еще не строили, поэтому скот по-прежнему возвращался к своим хозяевам. На колхозных полях выращивали картофель, гречиху, горох, рожь, пшеницу (яровую и озимую), сажали иногда турнепс.

Мать будущего космонавта поначалу была занята на полеводстве вместе с другими местными женщинами (чаще с Анной Беловой и Прасковьей Бирюковой). Они соревновались друг с другом, но Анну Тимофеевну, говорят, трудно было обогнать: вспахивала она, как правило, 1 гектар 5 соток, а иногда и 1 гектар 20 соток.

Работая в колхозе, отец будущего космонавта часто помогал владельцу ветряной мельницы по фамилии Мигин отремонтировать ее, а затем тот научил Алексея Ивановича молоть. Мельнику не повезло: в годы коллективизации большая семья Мигина была раскулачена; всю ее забрали и увезли. Через некоторое время сам Мигин вернулся, но уже другим человеком: молчаливым и замкнутым.

Старожилы вспоминают еще одного жителя села — Афанасия Галкина, в доме которого находилась школа. Говорят, он был вовсе не богач, но человек очень хозяйственный; его дом был невелик, но

«ладный», с кирпичным амбаром. Галкина тоже собирались раскулачить, но выяснилось, что во время мятежа 1918 года он прятал у себя на чердаке шестерых коммунистов, чем заслужил «прощение».

Интересен в этой связи рассказ первого председателя колхоза «Ударник» Михаила Никитича Гурева: *«Выбрали правление. Меня избрали председателем. На первых порах создали четыре бригады. Руководить ими поставили двух братьев Цыцаревых, И. Киселева и В. С. Шарова. К весне в колхоз вступило более ста крестьянских дворов. Были трудности. В родное село я вернулся в тот самый день, когда кулачье убило моего товарища, комиссара И. С. Сушкина. Не всем нравился колхоз. Особенно мешали кулаки. Помню, как сожгли они нашу мельницу. Мало-помалу дела налаживались, люди привыкали к новому, коллективному... После меня колхозом руководили Василий Цыцарев и И. Д. Белов. До войны колхозники жили довольно богато...»*

Маленькие хозяйства Клушина в ходе коллективизации были укрупнены. С тех пор все местные крестьяне трудились в большом колхозе имени И. С. Сушкина.

Некоторое представление о том, каким хозяйством располагал колхоз накануне Великой Отечественной войны, дают «Акты учета злодеяний немецко-фашистских захватчиков над мирными гражданами и военнопленными и ущерба, причиненного народному хозяйству Гжатского района Смоленской области», составленные 24 марта 1943 года: *«Было уничтожено 27 домов колхозников, один колхозный дом, два дома сельсовета, клуб, изба-читальня, молпункт, два склада, сельпо, 4 школьных здания, 33 сарая, 6 амбаров, <...> сельхоз. инвентарь — 20 плугов, 14 борон, 30 телег, 40 саней, 13 веялок и сортировок, жатки, сенокосилки, льномялки, вся сбруя, <...> деревянный инвентарь. Колхозный скот, оставшийся на день оккупации, частью съеден, частью угнан в тыл».*

Из документов следует, что после коллективизации Клушино росло и богатело, оставаясь своего рода местным центром. С грустью и сожалением вспоминают старожилы довоенные времена: в селе устраивали концерты, театральные постановки, отмечали не только советские, но и традиционные православные праздники.

Все эти редкие свидетельства указывают нам на то, что в годы раннего детства Юрия Алексеевича Гагарина его «малая родина» была вовсе не захолустьем, а растущим поселком, в котором быстро поднимался образовательный и культурный уровень. И это, разуме-

ется, не могло не сказаться на формировании личности ребенка, который не только чувствовал все трудности колхозной жизни, но и видел, как взрослые последовательно их преодолевают. У Юрия, как и у многих его сверстников, было будущее. И он это знал.

Глава третья

Звёздный мальчик

Знаменитый советский журналист и популяризатор Ярослав Кириллович Голованов в статье «Размышления над попытками приукрасить историю» (журнал «Огонек», 1989, № 10) предостерегал коллег от примитивизации образов людей, связанных с космонавтикой. Причем зачастую такая примитивизация появляется из лучших побуждений, когда биографы стремятся «исправить» тот или иной исторический образ, избегая упоминаний поступков или высказываний, которые «противоречат» сложившемуся стереотипу. Кроме того, велик соблазн выпятить какие-то моменты биографий в ущерб другим, чтобы подчеркнуть некую predeterminedность жизненных событий. В качестве примера Голованов приводил случай с интервью, которое дала ему Мария Николаева, мать главного конструктора ракетно-космической техники Сергея Павловича Королёва. Вспоминая детство своего сына, она упомянула о сказках, которые рассказывала ему вечерами, и среди них, как подсказал ей сам Голованов, была, конечно, сказка о ковре-самолете. И всё бы ничего, но только история о маленьком Серёже, которого очаровала волшебная идея ковра-самолета и который благодаря ей мечтал стать авиационным конструктором, сделалась распространенным штампом, тиражируемым из публикации в публикацию.

Оба публицистических способа примитивизации образа применялись и к Юрию Гагарину, однако возникала проблема: в отличие от главного конструктора он не имел каких-либо выдающихся заслуг до исторического полета на орбиту, поэтому почти сразу возник пропагандистский миф, согласно которому первый космонавт всегда и во всём был первым, а в чем-то даже исключительным, что и предопределило выбор руководства, доверившего ему столь ответственную миссию. Со временем этот образ «первого из первых», «лучшего из лучших» пополнился соответствующими признаниями оче-

видцев, которые вольно или невольно корректировали свои воспоминания, сообразуясь с заданным пропагандой эталоном, причем уникальность Юрия Алексеевича прослеживалась чуть ли не с младенчества. На выходе вырисовывался парадокс: семья у Гагарина была «обыкновенной», «рядовой», а сам он получался каким-то «уникумом». Впрочем, в рамках советской идеологии никакого парадокса не усматривали: ясно же, что только при власти коммунистов простой крестьянский сын получал возможность выбиться в люди, развив свои скрытые таланты, поэтому Гагарин — не исключение, а общее правило.

Вообще говоря, детство и юность первого космонавта в советские времена изучались чуть ли не лучше его взрослой и послеполевой жизни. С одной стороны, там не было «подводных камней» (точнее, они были, но их научились ловко обходить), с другой — через рассказ о детстве проще популяризировать исторический образ среди молодежи. Например, сколько советских художественных фильмов о Гагарине вы можете назвать?.. Подумайте! «Укрощение огня» (1972)? Уверены? Вы удивитесь, но там нет Гагарина — там есть некий летчик, которого другие персонажи упорно называют «надеждой всего прогрессивного человечества». И что? И всё? На самом деле один советский художественный фильм о Гагарине всё же был. В апреле 1977 года в прокат вышла полнометражная кинолента режиссера Бориса Алексеевича Григорьева «Так начиналась легенда», в которой, как легко догадаться, рассказывается о клушинском периоде жизни Юрия Алексеевича. В фильме добавлено много «отсебятины», однако он более или менее полно представляет зрителю элементы «канонизированной» биографии Гагарина, к чему мы еще вернемся. Особенно хорош, конечно, юный Олег Орлов, исполнитель главной роли, — твердое волевое выражение лица и при этом яркая запоминающаяся улыбка.

Вообще говоря, «легенда» имеет как минимум три варианта. Первый вариант принадлежит самому Гагарину, точнее — литературным обработчикам, журналистам Николаю Николаевичу Денисову и Сергею Александровичу Борзенко, создавшим на основе послеполевых интервью Юрия Алексеевича книгу «Дорога в космос» (1961, 1963, 1969, 1978, 1981, 1984). В ней, разумеется, активно педалируется идея особого вклада Коммунистической партии и советского правительства в судьбу семьи Гагариных. *«Мои родители, — сообщает космо-*

навт в первом же абзаце, — *простые русские люди, которым Великая Октябрьская социалистическая революция, как и всему нашему народу, открыла широкий и прямой путь в жизни*». В остальном книга достаточно безобидна и хорошо согласуется с фактами, оглашенными позднее. Юрия Алексеевича попросили изложить свою биографию, делая упор на самые яркие воспоминания, включая те, которые можно было бы прямо увязать с его космическим подвигом, и он сделал это легко, без фактологической избыточности, подтвердив на контекстуальном уровне свою личную скромность. Этот вариант «легенды» идеально преобразовывался в детскую адаптацию, которая появилась в виде небольшой иллюстрированной книги для подростков «Вижу Землю...» (1968, 1971, 1976); литературными обработчиками указаны В. Ардатовский и В. Михайлов.

Второй вариант «легенды» воплощен в опубликованных мемуарах ближайших родственников Гагарина. Старший брат космонавта, Валентин Алексеевич, при участии литературного обработчика Валентина Ивановича Сафонова написал обширный том «Мой брат Юрий» (1972, 1979, 1982, 1984, 1986, 1988, 2002), в котором несомненная правда причудливо перемешивается с откровенным вымыслом. Мать космонавта, Анна Тимофеевна, при участии литературного обработчика Татьяны Копыловой создала очень интересную книгу, изданную под названиями «Слова о сыне» (1983, 1985, 1986), «Память сердца» (1985, 1986) и «Юрий Гагарин. Глазами матери» (2011); там приводится множество ценных деталей, дополняющих и даже заметно меняющих известную по другим источникам биографию Юрия Алексеевича. В этих текстах наметилась линия к идеализации личности космонавта с уклоном в его исключительность, особость, инаковость, которая проявлялась чуть ли не с младенчества. Пошла в ход мемуарная селекция, о которой рассказывал Ярослав Голованов: когда из всех многочисленных фактов биографии отбираются для озвучивания преимущественно те, которые «работают» на заранее известный результат. В качестве примера приведу фрагмент из книги «Мой брат Юрий» (цитирую по изданию 1988 года):

«— Смотрите, — торжественно сказал дядя Павел. — Запрокиньте головы и смотрите в небо.

Мы подвинулись к окошку, послушно подняли головы вверх. Юра первый, кажется, догадался, зачем привел нас сюда дядька.

— Ага, звезды какие крупные. По кулаку.

— Точно, Юрок. А Млечный Путь видите? Млечный Путь наблюдаешь, Валентин?

— Ну, вижу.

Голос у дяди стал по-мальчишески звонким, и это удивило меня.

— Вот там, ребята, и скопились все другие миры. Там много солнц, много планет, и каждая ходит по своему кругу. Есть среди тех планет и такие, как наша.

— Может, кто-нибудь оттуда сейчас на нас смотрит, — предположил Юра.

Дядька отозвался с пылом:

— Конечно, смотрят. Им же интересно узнать, как мы тут, на Земле, живем и есть ли мы вообще.

Холод пробрал меня до пяток: босиком, в одной ситцевой рубашонке пустился я в эту прогулку. Юра и вовсе: штанишки по колено...

— Эх, дядь Павел, — укорил я. — Млечный Путь и с нашего сеновала хорошо виден. Зачем мы сюда-то тащились?

— Чудак ты, Валентин, — не сразу откликнулся дядька, и голос его потускнел, упал. — С сеновала мы посмотрели бы на него, поговорили — и всё. И забыли бы о нем. А теперь он на всю жизнь в твою душу западет.

Юра выдернул свою руку из моей.

— Ты чего? — спросил я. Он не ответил, но мне и так понятно: обиделся за дядьку. Мне и самому неловко стало: не подумав, с бухты-барахты взял да и сказал глупость, но как ее, эту глупость, поправить, сразу я не сообразил. <...>

Я ушел разочарованный: и звезды мелковаты, и душа спокойна.

Юра, знаю, тоже несколько раз бегал туда по ночам — и один (представляю, скольких страхов ему это стоило!), и с товарищами».

Речь в этом фрагменте идет об одной из множества импровизированных лекций, которые Павел Иванович Гагарин, брат отца космонавта, прочитал для своих юных племянников еще до войны. Бросается в глаза откровенная литературность текста: хотя Валентин Гагарин был к описываемому периоду (весна 1941 года) вполне зрелым пятнадцатилетним подростком, вряд ли он запомнил всё настолько детально, вплоть до того, как менялся голос дяди. Конечно, в подобном подходе к биографии нет ничего плохого, но, как мы видим, с его помощью создается и фиксируется определенный образ, в угоду которому Валентин Алексеевич даже приносит в жертву собственную репутацию. Подобных тихих жертв будет еще много.

Третий вариант «легенды» сформулировали советские прозаики 1970-х годов, взявшиеся романтизировать образ космонавта с учетом воспоминаний его родственников и современников. Поскольку никаких особенно новых фактов они не приводили, покровы не срывали, а особенно сильно фантазировать им не дозволялось, то в ход пошел очередной литературно-публицистический прием — поэтизация детского бытия Гагарина на основе «почвеннической» эстетики. Пытливый жизнерадостный паренек рос в окружении дивной природы Смоленщины, на русской земле, которая поражает своими просторами и осенена славной историей, впитывал любовь к родине и народу через патриархальный быт, корни которого уходят в седую мудрую древность... ну и так далее. Чтобы как-то оправдать тиражирование патриотических «словомельниц», в которых мало-мальски ценное содержание терялось за нагромождением отвлеченных описаний и эпитетов в превосходной степени, такие биографии космонавта официально относили к жанровому направлению «документальная повесть», которая вроде бы ни к чему автора не обязывает, кроме простого следования общеизвестным фактам и убедительной демонстрации собственного литературного дарования.

Наиболее полно используемый прием проявился в работах вышеупомянутой Лидии Обуховой: «Звёздный сын Земли» (журнал «Пионер», 1972, № 3–7), «Любимец века» (1972, 1977, 1979, 1983), «Вначале была Земля...» (1973), «Звёздный сын Земли» (1974) и «Как мальчик стал космонавтом» (1984, 1987). В предисловии к первой работе Обухова глубокомысленно сообщает: *«Космос, конечно, — вещь великая, но еще важнее для нас что-то узнать о человеческой душе. О самом Юрии Гагарине. О том, каким он остался в памяти людей. Попробуем, не теряя ощущения достоверности, закинуть лбы и увидеть высокое»*. Намерение в целом правильное, однако получалось, что образ Гагарина в этих текстах с закинутыми лбами терял индивидуальность, становясь своего рода воплощением «духа родной земли», практически — персонажем русского языческого эпоса, которых так любили изображать советские «почвенники». При чтении возникает даже некоторая неловкость, что отметил Ярослав Голованов в предисловии к «Любимцу века», вроде бы и не осуждая автора: *«О жизни Юрия Алексеевича Гагарина написано немало. Тем труднее было Лидии Обуховой найти не только новые, неизвестные читателям факты его жизни, но определить сам тон этого документального*

повествования. Путь выбран единственно правильный: полный отказ от исключительности образа героя. Обаяние этого образа уходит корнями своими в неподдельную народность его, в его демократизм в самом высоком смысле этого слова. И потому уместны в этой книге рядом с фактами — молва, рядом с документом — легенда. Правда и вымысел здесь одинаково красноречивы».

Помимо Лидии Обуховой, стоит упомянуть и других прозаиков, занимавшихся поэтизацией юности Гагарина. Нечто похожее можно найти в книгах Марии Ефимовны Залюбовской «Знаете, каким он парнем был» (1977), «Сын Земли и звезд» (1980, 1984); в детских книгах Виктора Владимировича Синицына «Первый космонавт» (1979, 1981) и Юрия Марковича Нагибина «Рассказы о Гагарине» (1971, 1974, 1978, 1979, 1986, 1988, 2010, 2011, 2014), «Маленькие рассказы о большой судьбе» (1976, 1989). Кстати, именно Нагибин был автором сценария фильма «Так начиналась легенда».

В новейшее время о клушинском периоде жизни космонавта пишут сжато и поверхностно, как будто там не было ничего интересного. Лев Александрович Данилкин в увесистой книге «Юрий Гагарин» (2011), выпущенной в престижной серии «Жизнь замечательных людей» к 50-летию первого космического полета, замечает: *«Гагарина-ребенка — то есть в совсем нежном возрасте — не так уж легко себе представить. Во время войны Клушино было фактически стерто с лица земли, так что про первые семь, довоенных, лет гагаринского детства мало что известно: посторонних свидетелей не осталось, а сами Гагарины в своих книгах не сумели выстроить живую — как в гайдаровских повестях — картину детства Юрия. Соответствующая иконография тоже практически отсутствует; вообще, почему-то советская пропаганда не сочла нужным разыграть тему „маленького Гагарина“ и позаботиться о составлении сборника нравоучительных историй о детстве космонавта с расчетом задать эталон поведения для юных граждан».* Здесь Данилкин глубоко не прав, ведь перечисленные выше работы, включая кинофильм, вполне отвечали задачам создания «картины детства» и «соответствующей иконографии». Однако проблема совсем в другом: жизнеописания маленьких детей до тех пор, пока они сами не начнут писать и тем самым проявляться как формирующиеся личности, не отличаются разнообразием, а потому не имеют особого смысла. Куда продуктивнее говорить о времени, которое дети не выбирают, появляясь на

свет, но которое прямо или опосредованно влияет на их дальнейший выбор. В отношении Гагарина такая работа не была проделана, словно его село находилось не на отшибе даже, а в межпланетном вакууме. И это легко объяснимо: время действительно было неоднозначное, и в 1970-е годы советские публицисты о нем предпочитали не вспоминать. Но мы-то с вами живем в другую эпоху, посему пытаемся здесь и в следующих главах вчерне заполнить пробел, вернув биографию первого космонавта в исторический контекст.

Начнем с общеизвестных фактов. Юрий Алексеевич Гагарин родился 9 марта 1934 года. Иногда можно встретить утверждение, будто бы на самом деле дату его рождения следует отмечать на сутки раньше, но Алексей Иванович записал сына на более позднее время, поскольку не хотел, чтобы тот мучился, всю жизнь совмещая свой личный праздник с Международным женским днем. Версия ничем не подтверждена, поэтому остается на совести ее распространителей.

Вопреки сложившимся представлениям, родился Гагарин не в селе Клушино, а в районном центре Гжатске. За подробностями тут имеет смысл обратиться к воспоминаниям матери Анны Тимофеевны:

«В начале марта 1934 года отвез меня Алексей Иванович в родильный дом в Гжатск. Акушерка пошутила:

— Ну, раз к женскому дню ждем, значит, будет девочка.

Но прошел день восьмого марта, наступила ночь. Я-то ждала сыночка, даже имя ему заранее определили — Юрочка. Вот он и родился. Привез меня Алексей Иванович домой, развернули мы мальчишечку. Он лежал такой складненький, крепенький, аж пеленать его не хотелось».

В семье, как мы помним, уже было двое детей: сын Валентин Алексеевич, родившийся в 1925 году, и дочь Зоя, появившаяся на свет в 1927-м. То есть к рождению Юры старшие дети успели обрести относительную самостоятельность, поэтому могли помогать в уходе за младенцем. Сначала, впрочем, Гагарины, занятые на работах в колхозе, пригласили нянчиться соседскую старушку по имени Татьяна, но та оказалась настолько дряхлой, что не могла адекватно следить за ребенком: уронила трехмесячного Юру с колен, зимой напоила ледяной водой. Поэтому само собой получилось, что нянькой стала Зоя. Много позже она вспоминала: *«Каждый день мне нужно было носить его на кормление маме в колхоз. А он в детстве толстенный был, и почему-то мне удобнее было тащить его ногами квер-*

ху. *Готовила его уже тогда к космосу*». Кстати, практически эталонный образец мемуарной селекции!

Чем же был знаменателен 1934 год? В книге «Юрий Гагарин» (1987), подготовленной в серии «Жизнь замечательных людей» к 25-летию первого космического полета, ее автор Виктор Александрович Степанов пытается описать тот год, но делает это в духе советской пропаганды, то есть отмечает явные народные достижения, игнорируя проблемы и глубинные, прямо-таки тектонические, изменения в государственной политике. Степанов пишет: *«Но что же это была за весна 1934 года? Ее по праву можно назвать весной героев»*. Далее он перечисляет «героические» события: XVII съезд ВКП(б); планы по строительству Уральского и Краматорского заводов тяжелого машиностроения, Уральского вагоностроительного и Челябинского тракторного заводов, «Азовстали» и «Запорожстали», Беломорско-Балтийского канала; предпосылки к возникновению «стахановского» движения; публикация письма клушинских колхозников в гжатской газете «За коллективизацию»: *«К весеннему севу мы готовы...»* Непосредственно 9 марта, в день когда родился Гагарин, напоминает Степанов, весь советский народ напряженно следил за полярной эпопеей спасения участников экспедиции на ледокольном пароходе «Челюскин». И среди спасателей был Николай Петрович Каманин, назначенный командиром смешанного летного отряда. Он лично совершит девять посадок на льдину, вывезет тридцать четыре челюскинца, за что в апреле станет одним из первых Героев Советского Союза. Отвечая на вопросы корреспондента «Правды», Каманин скажет: *«Ничего особенного мы не сделали. Мы только выполнили приказ партии и правительства. И легче нам было его выполнить потому, что за собою мы всё время чувствовали вас, тысячи советских людей, всю нашу огромную страну»*. Знакомый стиль, не так ли? Через двадцать пять лет Каманин будет руководить отбором и подготовкой отряда летчиков-космонавтов.

Не меньшее внимание Степанов уделил положению ракетостроения и теоретической космонавтики. В журнале «Вокруг света» опубликована статья «За атмосферу», написанная основоположником Константином Эдуардовичем Циолковским и посвященная аспектам межпланетного полета на «реактивном приборе». В это же время молодой авиаконструктор, планерист и ракетчик-энтузиаст Сергей Павлович Королёв готовится к 1-й Всесоюзной конференции по изу-

чению стратосферы, назначенной в Ленинграде на начало апреля. Его доклад отличался от многих аналогичных деловым подходом и критикой изобретательских прожектов, которых в связи с растущей популярностью темы развелось невиданное количество.

Таким незамысловатым способом биограф Гагарина давал понять читателю, что тот родился в героическое время среди героического народа, что его подвиг по факту готовился заранее, а судьба некоторым образом была predetermined. Ну и, конечно, про съезд — куда ж без него? В действительности, как водится, жизнь и триумф Юрия Алексеевича predetermined (рассуждая в категориях советского фатализма) совсем другие события.

Если говорить о 1934 году, то прежде всего стоило бы упомянуть, что это был год торжества гитлеровцев: после смерти рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (NSDAP) захватила всю полноту власти в Германии, а Адольф Гитлер получил диктаторские полномочия. После этого новая мировая война стала практически неизбежной, ведь пересмотр условий Версальского мирного договора, заключенного в 1919 году, был одним из стратегических приоритетов нацистов. Установив тотальный политический контроль, гитлеровцы бодро взялись и за реформирование армии. Одним из экзотических направлений, которыми занимался в то время вермахт, были ракеты, и на артиллерийском полигоне Куммерсдорф, в пригороде Берлина, над их разработкой трудилась группа, которую возглавлял талантливый конструктор Вернер фон Браун, мечтавший о межпланетных перелетах. Кстати, в июне 1934 года он защитил диссертацию, став самым молодым доктором наук в Германии, а в декабре его группа успешно запустила две баллистические ракеты «А-2», что стало по-настоящему серьезным шагом к созданию летательных аппаратов, способных развить космическую скорость. С позиций анализа реальной истории космонавтики запуск этих двух ракет имел куда большее значение для судьбы Юрия Гагарина, чем статья Циолковского и доклад Королёва, но, конечно, советские биографы не могли проводить подобные сравнения.

В Советском Союзе тоже начала укрепляться диктатура. В сельском хозяйстве завершилась коллективизация, были окончательно ликвидированы капиталистические формы хозяйства. Взят курс на быструю индустриализацию. В июле для борьбы с «вредителями»

образован Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД). Созданное тем же постановлением Особое совещание при НКВД получило право на внесудебное вынесение приговоров — вплоть до пяти лет лагерей. Заметно ужесточилось наказание за «государственные» преступления: за шпионаж, выдачу военной тайны и бегство за границу обвиняемый мог быть приговорен к расстрелу или к десяти годам с конфискацией имущества. Причем под наказание попадали и члены семьи: от пяти до десяти лет с конфискацией имущества. Кроме того, в 1934 году высшее руководство страны запустило процесс «зачистки» идеологического поля: в августе состоялся 1-й Всесоюзный съезд советских писателей, на котором была четко расписана роль творческой интеллигенции в грядущем противостоянии с капиталистическим миром и европейским фашизмом. 1 декабря произошло еще одно знаковое событие: в здании Ленинградского обкома ВКП(б) был застрелен член Политбюро ЦК ВКП(б) Сергей Миронович Киров, что стало поводом для принятия постановления «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», в котором прямо говорилось: *«Следствие по этим делам [о террористических организациях и террористических актах] заканчивать в срок не более десяти дней. <...> Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора»*. С этого момента принято вести отсчет волны политических репрессий, получившей в историографии название «Большой террор». Через четыре без малого года под нее подпадет и Сергей Королёв, которого обвинят во «вредительстве» и приговорят к высшей мере наказания — по воле счастливого случая расстрел будет заменен на десять лет лишения свободы.

Всё это пока не имело отношения к маленькому человеку по имени Юра. Мрачные события обходили его семью стороной. Однако желание приукрасить еще и его эпоху, оставив в ней только позитивные события (то есть трудовой подвиг народа, героизм полярников, выступления пионеров космонавтики), означает утратить понимание того, что находилось в основе космического прорыва и почему он был поистине невероятным, почти чудесным предприятием. При прочих равных условиях, но без торжества нацизма в Германии и установления политической диктатуры в Советском Союзе, которая изменила судьбу в том числе Сергея Королёва, Юрий Гагарин вполне мог стать хорошим летчиком, но маловероятно — космонавтом. Все

более или менее значимые предпосылки для появления тяжелых баллистических ракет закладывались в суровое предвоенное время, о чем мы поговорим позже.

А сейчас вернемся в Клушино. 2 июня 1936 года семья Гагариных пополнилась еще одним ребенком — Борисом Алексеевичем. Трудиться приходилось много, поэтому, как и заведено в крестьянских семьях, часть ведения быта приходилось перекладывать на детей. О повседневности того периода подробно рассказала Анна Тимофеевна:

«В доме у нас сложилось распределение обязанностей. Хозяйство и скотина были за мной, а вся плотницкая и столярная, словом, мужская работа — за Алексеем Ивановичем.

Ему никогда не приходилось будить меня, говорить: „Нюра, вставай, корову доить пора!“ Встанешь сама часа в три утра, печь затопишь, приготовишь еду на весь день, оставишь ее на загнетке. А тут уж пора корову доить, глядишь — время и на работу идти. Вечером после дойки скотину обходишь, вещички у ребят пересмотришь — что подштопать, что починить, а там и спать пора.

Алексей Иванович всё своими руками сделал: буфет, стол, диванчик, качку, детскую кроватку. Дом сам строил, печь сам клал. Валенки подшить или ботиночки починить — тоже его работа была. Сколько ремонта дом требует, чтобы всегда был в порядке! И никогда не приходилось мне его понукать. Если иной раз и скажешь: то-то надо сделать, то только потому, что, может, он сам не заметил.

Думается, что и ребята наши, видя, что родители без подсказки работают, тоже тянулись за нами дружно. Каждый из них свою работу знал.

Валентин подросток — за ним было угнать скотину в стадо. Вместе с отцом плотничал, починкой дома занимался. <...>

Зоя тоже постепенно в хозяйство входила. Вначале немудрящее только могла приготовить, потом сама хлеб ставила, караваи выпекала, а это — каждая хозяйка знает — нелегкое дело. Так же и со стиркой, уборкой. Поначалу она как следует Юру пеленать не могла, но времени немного прошло, стала Зоя такой умелой нянечкой, что я с легкой душой на нее малышей оставляла. Переоденет, накормит, спать уложит.

Юра и Борис ее слушались, выполняли, что она скажет. Младшие очень любили свою сестру. Мне кажется, они чувствовали — на девочке лежит большая забота, и потому старались ей помочь.

Как легко, приятно было возвращаться домой по вечерам! Придешь с Алексеем Ивановичем в избу, а дом убран, печка протоплена, обед сварен, ребяташки нас ждут: сидят за столом довольные, гордые, что всё к нашему приходу успели. <...>

Очень мы любили своих детей. Всё нам с Алешей в их занятиях было интересно. Учеба, дела, разговоры. Да и им с нами было хорошо.

У меня так и стоит перед глазами, как в зимние вечера заберется с ребятами Алексей Иванович на печку и начнет им сказки рассказывать. В сказках мудрости много, да и Алеша мой, что нужно, присочинит: или заленившегося малыша устами сказочного богатыря подковырнет, или разбаловавшихся ребят припугнет, или того, кто бахвалится, пристыдит. Ну и, конечно, любил рассмешить. Тут такой звонкий смех да веселые восклицания неслись из этого „клуба“ на печке, что самой смеяться хотелось!

А то соберутся в большой комнате у стола под висячей керосиновой лампой, просят:

— Мама! Книжку почитай.

Я всё новые книжки в избе-читальне брала. В Гжатске, когда туда по делам ездила, тоже старалась книжки купить. Потом Зоя стала ребятам читать. Однажды в магазине увидела я „Приключения Тома Сойера“. Привезла. За чтением собиралась вся семья. Алексей Иванович просил Зою всё дальше и дальше читать. Чтение закончим, а я про свое детство, про Путиловское училище, завод, Петроград вспоминаю. Потом разговор на нынешний день перейдет...»

Всё же что-то не устраивало Гагариных-старших в крестьянской жизни. Вероятно, мать семейства полагала, что полноценное образование ее дети получают только в городе, ведь у нее был соответствующий опыт. В 1938 году Гагарины приняли решение о переезде, и Алексей Иванович отправился в Брянск в гости к родственникам жены, а точнее — к семье ее младшей сестры Ольги. К тому времени паспортизация городов в основном завершилась, поэтому для семьи колхозников выехать из деревни стало довольно сложно, однако параллельно шел активный набор крестьян, занимающихся отхожими промыслами, для работы в промышленности, что даже приводило к «перегибам на местах», когда наркоматы вербовали больше, чем могли «переварить». Тем не менее у Алексея Ивановича по каким-то причинам в городе не заладилось, после чего он вернулся назад. Единственным позитивным результатом поездки стало то, что он

сблизился с брянскими родственниками жены и с радостью принял их в Клушино, когда те собрались нанести ответный визит.

Дети, растущие в большой и дружной семье, обычно торопятся социализироваться, стать полезными. Юра был именно из таких. Анна Тимофеевна вспоминала:

«В сороковом году, когда приезжала к нам погостить сестра Ольга с мужем и дочкой Лидой, в доме оказалось трое малышей: Юре было шесть, Лиде — пять, а Бориске — четыре года.

Придешь с работы, сразу — на скотный двор, там тебя наша коро-ва Зорька ждет. Тут же малышовая команда с кружками в руках. Юра определенный порядок устанавливает, командует. Говорить он сразу стал чисто, хорошо, слова звонко раздавались:

— Сегодня первой — Лидочке, она помогла корову загонять, не боялась.

Или:

— Бориска! Вперед! Он с Зоей избу мыл.

Сам последним подходит: старший, командир. Я через плечо гляну, до чего ж они хорошие — ребятишки: волосы выгорели до белизны, у Лиды косички в стороны торчат, глаза у всех синеют, светятся.

Прямо в подставленные кружки дою, молоко туго звенит, стараюсь точно в кружку попасть.

Сейчас припоминаю: ну что такого особенного было в этом занятии? Значит, было, если не надоедало, если каждый вечер опять они меня ждали, подставляли кружки, выслушивали Юрины похвалы да его командирские оценки. Радость была».

Стремление быстрее повзрослеть подталкивало Юру к тому, чтобы быть на виду, получать признание взрослых. Старшие дети готовились к вечерам школьной самодеятельности — Юра подхватывал, разучивал вместе с ними стихи. Одно из стихотворений, которое он научился читать с выражением, запомнилось современникам настолько, что его цитируют почти во всех книгах о Гагарине. Процитирую и я:

*Села кошка на окошко,
Замурлыкала во сне.
Что тебе приснилось, кошка?
Расскажи скорее мне!
И сказала кошка: «Тише,
Тише, тише говори.
Мне во сне приснились мыши —
Не одна, а целых три».*

Стихотворение «Сны» (здесь лишь первая его часть) для журнала «Ёж» написал в 1935 году поэт Серебряного века Александр Иванович Введенский, друг Даниила Хармса, причислявший себя то к футуристам, то к абсурдистам. В сентябре 1941 года Введенский был арестован в Харькове по обвинению в «антисоветской монархической агитации», был этапирован в Казань, но в пути умер от дизентерии. Вероятно, из-за неоднозначности финала его биографии нигде не упоминается, что он был автором стихов, так полюбившихся Юре и его родственникам. С другой стороны, «Сны» неоднократно переиздавались и в 1960-е годы, и позднее. Кстати, в одном из «взрослых» стихотворений Введенского, сочиненном в 1930 году, но опубликованном только недавно, есть такие строки:

*Дайте Обер[т]а ракету,
Лошадиных дайте сил —
Я поеду по Вселенной
На прекрасной этой конке,
Я, Земли военнопленный,
Со звездой устрою гонки.*

Поскольку речь в стихотворении явно идет о немецком основоположнике космонавтики Германе Оберте, учеником которого был вышеупомянутый Вернер фон Браун, то здесь мы находим признаки прямого влияния романтики межпланетных полетов на поэзию Серебряного века.

Анна Тимофеевна вспоминала, что Юра любил декламировать еще одно, более брутальное, стихотворение «Письмо Ворошилову» (1936), сочиненное поэтом-песенником Львом Моисеевичем Квитко на идише и переведенное Самуилом Яковлевичем Маршаком на русский язык:

*Климу Ворошилову письмо я написал:
Товарищ Ворошилов, народный комиссар!
В Красную армию в нынешний год,
В Красную армию брат мой идет!
Товарищ Ворошилов, ты, верно, будешь рад,
Когда к тебе на службу придет мой старший брат.
Нарком Ворошилов, ему ты доверяй:
Умрет он, а не пустит врага в Советский край!*

Ранняя социализация привела Юру в местную школу до положенного возраста. Пользуясь разрешением учительницы Анастасии

Степановны Царьковой, он посещал уроки вместе с сестрой Зоей и очень гордился, когда его приглашали к доске почитать какой-нибудь стишок.

Таланты Юры не остались незамеченными: когда в 1940 году директор школы Пётр Алексеевич Филиппов собирал группу клушинских детей для выступления в Доме пионеров Гжатска, он включил в ее состав и шестилетнего мальчика. Поездка в город произвела огромное впечатление на крестьянского сына, тем более, что он впервые в жизни увидел автомобили. Вряд ли в то время в нем возникло осознанное желание вырваться в большой мир, однако не приходится сомневаться: рано или поздно город позвал бы его.

Детство Юрия Алексеевича Гагарина было вполне обыкновенным и даже скучноватым с учетом тех процессов, которые происходили вне Клушина. Его положение в семье (не самый старший, но и не самый младший) заставляло проявлять инициативу и стремиться как можно быстрее «вписаться» в число взрослых. Однако какими-то уникальными качествами он не обладал, поэтому дальнейшая судьба Юры во многом зависела от того, куда качнется маятник истории. Всем в то время было ясно только одно: на пороге — война.

Глава четвертая

В тылу врага

Кажется, что военный период молодости Юрия Гагарина изучен чуть ли не поэпизодно. Причем довольно быстро была сконструирована определенная героическая схема, которую растиражировали в десятках книг, включая большинство современных.

Спору нет, Великая Отечественная война сопровождалась беспримерным героизмом советских людей, проявившимся не только на фронте, но и в тылу. Проблема в том, что семья Гагариных оказалась не в советском тылу, а во вражеском. Конечно, если бы Алексей Иванович был официально признанным участником партизанского движения, то и вопросов не возникло бы, однако он, наоборот, сотрудничал с оккупационными властями, работая на мельнице, что скрыть было невозможно. В такой ситуации пропагандистам ничего не оставалось, как педалировать тему отчаянного сопротивления оккупантам, в котором участвовали все Гагарины — от мала до велика.

Мы не станем оспаривать «легенду», ведь альтернативных источников, увы, нет и, вероятно, не появится, но попытаемся выявить нестыковки, аккуратно вернув, как и собирались, биографию Гагарина в исторический контекст.

Необходимо сразу отметить, что война для советских граждан началась не 22 июня 1941 года, а гораздо раньше. Фактически всё ранее детство будущего космонавта прошло под знаком войны. В июле 1936 года начался мятеж правых сил в Испанской Республике; он быстро перерос в гражданскую войну. Мятежников поддерживали Португалия, Италия и Германия, причем итальянские фашисты и немецкие нацисты с помощью своей авиации помогли завоевать господство в воздухе, а затем начали поставлять еще и тяжелую бронетехнику. В ответ республиканское правительство приняло решение сформировать интернациональные бригады, в состав которых вошли добровольцы из многих стран, включая Советский Союз. В сентябре Политбюро ЦК ВКП(б) постановило оказать республиканцам военную помощь, после чего начались поставки истребителей, бомбардировщиков и танков с экипажами. Несмотря на то что война в марте 1939 года завершилась падением республики и установлением диктатуры Франсиско Франко, сотни советских офицеров прошли через сражения, получили боевой опыт и были награждены, причем 59 человек стали Героями Советского Союза. О том, как они воевали с фашистами, писали многословно и в восторженных тонах, их ставили в пример подрастающему поколению.

Не менее драматические события разворачивались вокруг Монгольской Народной Республики. В 1937 году, во исполнение Протокола о взаимопомощи, на территории Монголии были развернуты подразделения Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), призванные противостоять японцам, контролировавшим марионеточное государство Маньчжоу-Го и претендовавшим на ряд приграничных районов. Многочисленные мелкие столкновения привели к военной эскалации. Первая серьезная схватка произошла летом 1938 года на спорных территориях у озера Хасан, причем советским войскам удалось за две недели разгромить и отбросить японские подразделения. Куда более серьезные боевые действия развернулись через год — вокруг реки Халхин-Гол. Одной из особенностей нового конфликта было активное использование авиации ради достижения господства в воздухе; при этом впервые в истории советские летчи-

ки применяли неуправляемые ракеты «воздух-воздух». К концу августа 1939 года территория Монголии была полностью очищена от японских захватчиков, что дало еще один повод для героизации действий красноармейцев и способствовало закреплению пропагандистского клише о неизбежной и быстрой победе СССР в будущей большой войне. Кстати, именно в период схватки за Халхин-Гол была учреждена медаль «Золотая Звезда» для Героев Советского Союза; при этом ее получили семьдесят участников боев.

1 сентября 1939 года вермахт вторгся в Польшу, а 17 сентября, через сутки после прекращения боевых действий на Дальнем Востоке, в восточные районы этой страны зашли и советские войска. При этом было заявлено, что РККА «берет под защиту братские народы». 28 сентября, когда пала Варшава, в Москве был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, установивший линию разграничения между немецкими и советскими войсками.

Однако мировая война продолжала разгораться. Германия сцепилась с Великобританией и Францией. В ноябре 1939 года началась советско-финская война, которая завершится только в марте 1940 года. Летом того же года в СССР войдут Литва, Латвия и Эстония, которые станут социалистическими республиками. Тогда же Румыния уступит Советскому Союзу территории Бессарабии и Северной Буковины, которые присоединят к Украинской и Молдавской Советским Социалистическим республикам.

Как видите, с сентября 1936 года по март 1940 года, то есть без малого четыре года и почти без перерывов, советские войска участвовали в боевых действиях той или иной степени интенсивности, одержав ряд убедительных побед и заметно расширив территорию СССР.

Духу времени соответствовала и пропаганда. Львиная доля печатных материалов была посвящена текущим войнам, героизму красноармейцев, описаниям новейших видов вооружений и перспективам применения невиданного оружия: телеуправляемых танков, гигантских субмарин, высокоскоростных самолетов, реактивных снарядов, химических бомб. Расцвела военно-утопическая фантастика. Разумеется, это жанровое направление не было чем-то особенно новым для мировой литературы, но в Советском Союзе возник своего рода бум вокруг нее. Одно за другим появляются такие произведения, как «Война будущего» Ольги Гурьян (1930), «Ипсилон» Якова Кальницкого (1930), «Капкан самолетов» Михаила Ковлева

(1930), «Может быть — завтра» Анатолия Скачко (1930), «Если будет война» Маргариты Ивенсен (1932), «Аэроторпеды возвращаются назад» Владимира Владко (1934), «О будущей войне» Саттара Ерубоева (1934), «Отраженный налет» Евгения Болтина (1935), «На Востоке» Петра Павленко (1936), «Большой день» Владимира Киришона (1936), «Разгром фашистской эскадры» Георгия Байдукова (1938), «Истребитель-таран» Марка Малкова (1938), «Крепость» Алексея Ольшванга (1938), «Истребитель 2Z» Сергея Беляева (1939), «Мимикрин доктора Ильичёва» Николая Томана (1939), «Первый удар» Николая Шпанова (1939), «Подводная война будущего» Павла Гроховского (1940). Выходили и фильмы: «Возможно, завтра» (1932), «Родина зовет» (1936), «Глубокий рейд» (1938), «На границе» (1938), «Если завтра война» (1938), «Танкисты» (1939), «Эскадрилья № 5» (1939). Все перечисленные тексты и киноленты доказывали: в ближайшее время следует ждать новых войн, но Красная Армия готова к ним, сумеет отбить вероломное нападение империалистов и погнать их через границу назад, а там иностранный пролетариат восстанет, свергнув путем революции свои буржуазные или фашистские правительства.

Именно в такой — тревожной, но в то же время вдохновляющей — атмосфере подрастало новое поколение советских граждан, к которому принадлежал Юрий Гагарин. Разумеется, старшие еще помнили и понимали, что такое настоящая большая война и какими жертвами она сопровождается, но донести это понимание до подростков можно было только в ситуации, когда общество априори осуждает насилие в любой форме, — советская пропаганда, наоборот, всячески героизировала «войну за свободу народов».

Хотя из воспоминаний современников Гагарина, помнивших его детство, тщательно вычищены какие-либо упоминания о ярой пропаганде милитаризации предвоенного времени, не приходится сомневаться, что процесс этот влиял на молодую поросль, которая во все времена имеет склонность к некроромантике и податлива культуре грубой силы. Наверняка и Юрий Алексеевич мечтал о ратных подвигах, воображал, как побеждает фашистов в небе Испании или империалистов над Халхин-Голом. И конечно, он не мог представить, чем реальная война обернется для него и его родных.

Начало Великой Отечественной войны у многих советских граждан того времени сцеплено с воспоминаниями о выпускных вече-

рах, проходивших в средних школах и ремесленных училищах 21 июня. В том году школу закончила Зоя Гагарина; в семье строили планы на будущее.

Обратимся вновь к воспоминаниям Анны Тимофеевны:

«Тот воскресный день июня сорок первого ворвался в нашу жизнь, как в жизнь всех советских семей, неожиданно.

Алексей Иванович по колхозным делам был с утра в сельсовете, оттуда пришел почерневшим: война!

Уже в первые дни отправились на фронт наши деревенские парни. Первыми ушли комбайнеры, трактористы, шоферы. Вскоре каждая семья стала семьей фронтовика. Ушел добровольцем на фронт мой младший брат Николай, были мобилизованы муж младшей сестры Ольги, муж Марии, братья Алексея Ивановича. Сам Алексей не мог вступить в ряды Красной Армии: еще с младенчества одна нога у него была короче другой. В мирной жизни это не особенно замечалось — Алексей Иванович мастерил себе сам специальную обувь, так что хромота не бросалась в глаза. Но ощущать он ее всегда ощущал: на здоровую ногу падала двойная нагрузка, и Алеша к концу дня уставал сильно. Замечала это только я, по особенной тяжести походки, но жаловаться было не в его характере.

То обстоятельство, что не может он стать красноармейцем, очень на Алексея Ивановича подействовало. Всю жизнь он жил и работал, как все. А тут вдруг исключение. Он стал мрачным, угрюмым. В первые дни войны заболел тифом.

Пролежал Алексей Иванович в больнице около двух месяцев, вернулся похудевшим до измождения».

Ее слова подтверждал и старший сын Валентин: незадолго до начала войны через Клушино проходил цыганский табор, и, вероятно, Алексей Иванович подхватил болезнь от кого-то из цыган. В результате отец семейства надолго попал в инфекционное отделение больницы в Гжатске, и это, конечно, сыграло свою роль в том, что он не был призван хотя бы и для службы в тыловых частях.

Через Клушино потоком шли беженцы, приносящие неутешительные новости. Вопреки довоенной пропаганде Красная Армия не сумела отбить натиск гитлеровских войск, а, наоборот, понесла тяжелейшие потери и отступала. Война обещала быть затяжной и кровопролитной, поэтому от многих планов Гагариным пришлось отказаться. Анна Тимофеевна вспоминала:

«В то время я работала свиаркой. С фермы ушли на фронт все мужчины. Мы, женщины, работу поделили между собой. Свиноферма у нас в колхозе была знатная, а молодняка в том сорок первом было много. Нужно было сохранить поголовье, выполнить задание по поставкам мяса. Выполнили.

Наступил сентябрь. Старшие мои отучились. Теперь об образовании Зои и речи не шло. Она работала в колхозе. Валентин остался на селе, не пошел в школу, не уехал в Москву на завод, как задумывали. В колхозе каждая пара рабочих рук была на вес золота. Военная пора, забравшая мужчин, требовала работы от подростков.

Но всё-таки один школьник у нас был. Хоть тогда учиться ребята начинали с восьми лет, а Юре только шел восьмой, он, мечтавший о школе уже давно, 1 сентября 1941 года отправился в первый класс. Даже в тот военный сентябрь мы постарались всё-таки отметить такой день. Я с утра пораньше побежала на ферму, а к восьми была уже дома. Провожали Юру братья, Зоя и я. Он шел гордый, в наглаженной матроске, с Зоиным портфелем, в котором лежал аккуратно обернутый в газету его первый учебник — букварь».

В середине сентября произошло событие, которое навсегда запомнилось жителям Клушина и которое упоминают все биографы космонавта, особенно писавшие для детей, как некий толчок, пробудивший в деревенском мальчишке мечту о небе. Сам Юрий Гагарин в книге «Дорога в космос» описывал этот эпизод так (цитирую по изданию 1961 года):

«Наступил сентябрь, и я со своими сверстниками направился в школу. Это был долгожданный торжественный и всё же омраченный войною день. Едва мы познакомились с классом, начали выводить первую букву „А“ да складывать палочки, как слышим:

— Фашисты совсем близко, где-то под Вязьмой...

И как раз в этот день над нашим селом пролетело два самолета с красными звездами на крыльях. Первые самолеты, которые мне пришлось увидеть. Тогда я не знал, как они называются, но теперь, припоминаю, один из них был „ЯК“, а другой „ЛАГГ“. Он был подбит в воздушном бою, и летчик тянул его из последних сил на болото, поросшее кувшинками и камышом. Самолет упал и переломился, а пилот, молодой парень, удачно выпрыгнул над самой землей.

Рядом с болотцем, на лугу, опустился второй самолет — „ЯК“. Летчик не оставил товарища в беде. Все мы, мальчишки, сразу побежали

туда. И каждому хотелось хоть дотронуться до летчиков, залезть в кабину самолета. Мы жадно вдыхали незнакомый запах бензина, рассматривали рваные пробоины на крыльях машин. Летчики были возбуждены и злы. Жестикулируя руками, они говорили, что дорого достался немцам этот исковерканный „ЛАГ“. Они расстегнули свои кожаные куртки, и на их гимнастерках блеснули ордена. Это были первые ордена, которые я увидел. И мы, мальчишки, поняли, какой ценой достаются военные награды.

Каждый в селе хотел, чтобы летчики переночевали именно у него в доме. Но они провели ночь у своего „Яка“. Мы тоже не спали и, поеживаясь от холода, находились с ними и, перебарывая молодой сон, не спускали с их лиц слипающихся глаз. Утром летчики улетели, оставив о себе светлые воспоминания. Каждому из нас захотелось летать, быть такими же храбрыми и красивыми, как они. Мы испытывали какое-то странное, неизведанное чувство».

В более поздних источниках эпизод оброс множеством красочных подробностей, превратившись в полноценное приключение. Дескать, летчики не просто провели ночь на болоте, а призвали местную детвору помочь им — принести ведра, чтобы перелить горючее с подбитого «ЛаГТа» в баки исправного «Яка». Причем сознательный Юра принес не только ведро, но и свежий хлеб, и кринку с молоком, и вареное мясо. Благодарные летчики угостили его шоколадом и дали посидеть в кабине «Яка». Фигурируют в рассказах и ордена, которые летчики получили «за Финляндию и Испанию». К сожалению, нигде не называются конкретные модели самолетов, но, вероятнее всего, то были истребители «ЛаГ-3» и «Як-1», принятые на вооружение перед самой войной и выпускавшиеся большими партиями. Пилотам пришлось повозиться, размещаясь вдвоем в тесной кабине одноместного «Яка», но, если верить рассказам бывалых летчиков, такое вполне возможно.

Еще позднее Валентин Алексеевич сообщил, что пилот «ЛаГТа» вышел на связь с космонавтом (цитирую по книге «Мой брат Юрий» 1972 года издания):

«Вскоре после своего полета в космос Юра получил письмо из города Горького. Автором письма оказался бывший военный летчик Ларцев. Он писал, что хорошо помнит сентябрьский день сорок первого года, когда сделал вынужденную посадку близ села Клушина, мальчишек клушинских помнит, Юру.

Он же сообщил, что второй летчик, его товарищ, погиб в воздушных схватках с фашистами.

„Мне верилось, — так писал Ларцев, — верилось, что из мальчика по имени Юра вырастет летчик, но о космосе мы, пилоты тех лет, в сороковые годы только мечтать могли“.

А я вот сейчас думаю, что среди тех людей, кто помогал Юрию ступеньку за ступенькой одолевать крутую дорогу в космос, кто помогал родиться и укрепнуть его мечте, — одно из первых мест по праву принадлежит двум летчикам-героям, двум товарищам, посадившим свои самолеты у нашего села тогда, в сорок первом году».

Фамилия была произнесена и растиражирована во множестве публикаций. Разумеется, жители Нижнего Новгорода (с 1932 по 1990 годы называвшегося Горьким в честь патриарха советской литературы) должны были раньше или позже заинтересоваться, кто же такой Ларцев, где он служил, в каких боях участвовал. Журналистка местного отделения газеты «Аргументы и факты» Наталья Халезова провела соответствующее расследование, результаты которого опубликованы в ее статье «Кумир Гагарина — горьковчанин?» (2011). Прежде всего не увенчались успехом поиски письма Ларцева: никто из музейных работников, занимающихся увековечиванием памяти первого космонавта, никогда его не видел и не смог сказать, где оно может храниться. Вдова космонавта тоже не сумела помочь журналистке. Тогда Халезова обратилась в Российский государственный военный архив с запросом на поиск летчика Ларцева, прошедшего Испанию и сражавшегося на подступах к Москве, но и там никаких сведений о нем найти не удалось. Скорее всего, Валентин Алексеевич что-то напутал: либо летчика звали по-другому, либо он не воевал в Испании. Информация о самом факте вынужденной посадки, впрочем, заслуживает доверия: ее подтверждали многие жители Клушина.

Но вернемся в 1941 год. Фронт неумолимо приближался, поток беженцев рос, среди них всё чаще попадались отступающие красноармейцы. Встал вопрос об эвакуации. Павел Иванович, дядя будущего космонавта, по распоряжению председателя погнал на восток колхозное стадо коров. Анна Тимофеевна в компании подруг погнала туда же свиней, однако была вынуждена вернуться: немецкие части совершили прорыв, и Клушино оказалось во вражеском тылу. Свиней раздали по дворам, а сами стали готовиться к неизбежному появлению оккупантов.

Немцы вошли в Клушино 12 октября. Сначала, как водится, устроили «зачистку» в поисках красноармейцев и коммунистов. Поблизости, в лесу, вспыхнул короткий ожесточенный бой, закончившийся гибелью небольшого отряда советских солдат, которые не успели отойти с другими частями. Местным жителям пришлось хоронить погибших. Клушинцы не могли в то время знать, что Москва находится на грани сдачи: 15 октября Государственный комитет обороны СССР принял решение об эвакуации столицы, а на следующий день город охватила паника; еще через четыре дня Москва и прилегающие районы были переведены на осадное положение.

Оккупационные власти расквартировали своих солдат в Клушино. По свидетельству Анны Тимофеевны, первое время в их доме жил немец по имени Пауль: он вел себя вполне прилично, никак не выказывал враждебность к Гагариным. Потом его часть перебросили на восток. Произошло это, по косвенным данным, в начале декабря, когда советские войска сумели в ожесточенных боях отразить наступление вермахта и даже перешли в контрнаступление. 8 декабря Адольф Гитлер подписал директиву № 39 о переходе к обороне на всём фронте.

В итоге зимой жители Клушина оказались предоставленными сами себе. Учиться, впрочем, Юра Гагарин не мог: занятия после прихода оккупантов прекратились, а школу сожгли. Анна Тимофеевна уверяла в мемуарах, что сделали это немцы, однако вряд ли им нужно было портить хороший крепкий дом с пристройками, ведь они планировали остаться здесь надолго.

Что касается повседневной жизни, то поначалу у клушинцев не было серьезных проблем. Валентин Алексеевич вспоминал: *«Особого голода в военные годы в селе не было: сперва были свои продукты; затем собрали урожай; в первую зиму немцы забрали у нас только овес и ячмень для своих лошадей, а рожь и пшеницу раздали населению по количеству едоков. Второй оккупационный год посеяли, посадили и собрали урожай».*

На подмосковном фронте тем временем происходили грандиозные и страшные события. Советское командование решило развить успех декабрьского контрнаступления и разгромить группу армий «Центр», не дожидаясь, пока противник закрепится и подтянет резервы. 8 января 1942 года началась операция, получившая название Ржевско-Вяземской. В ней участвовали войска Калининского и Западного

фронтов при содействии Северо-Западного и Брянского фронтов. Вначале успех сопутствовал Красной Армии, однако к концу января ситуация резко изменилась: немецкое командование спешно перебросило из Западной Европы двенадцать дивизий и две бригады, которые нанесли серию контрударов, после чего часть советских войск оказалась в окружении и понесла колоссальные потери: к концу апреля они достигли 272 тысяч человек убитыми и 504 тысяч человек ранеными. Группа армий «Центр» тоже была обескровлена, потеряв в общей сложности свыше 330 тысяч человек (фактически половину личного состава), но сумела удержать Ржев и так называемый Ржевско-Вяземский плацдарм (или Ржевский выступ), на котором закрепились войска 9-й и частично 4-й армий. Попытки взять выступ в «котел», предпринимаемые РККА в течение 1942 года, не увенчались успехом. Фронт пролегал всего в 20 км от Гжатска, но, чтобы преодолеть их, советским бойцам понадобился целый год.

Клушино вместе с Гжатском оказались в ближнем тылу немецких войск. В начале лета туда вступила новая часть. В доме Павла Ивановича, ушедшего с колхозным стадом на восток, поселился офицер в чине полковника, а дом Алексея Ивановича решили отдать под мастерскую и жилье механика по имени Альберт, вроде бы баварца. Анна Тимофеевна вспоминала:

«Алексей Иванович вырыл на огороде землянку. Она была глубокая, крыша в три наката. Вскоре пошли дожди, вода заливала пол, доходила до нар.

Сначала мы старались откачивать воду, выстраивались цепочкой и вычерпывали по сто ведер воды. Но вода не уходила. Тогда Алексей Иванович сказал: выроем другую. Вторая землянка спасала нас всё дальнейшее время оккупации. Алексей Иванович рыл, приговаривал:

— Фашист нас уничтожить хочет, не поддадимся.

Именно в этой землянке Гагарины прожили до весны 1943 года. В современных публикациях можно встретить утверждение, что она сохранена в неизменном виде и является частью дома-музея детства Юрия Алексеевича Гагарина в Клушине. Однако в действительности и землянка, и сам дом являются реконструкциями, построенными в начале 1970-х годов для увековечивания памяти первого космонавта.

В 1942 году всем уже стало ясно, что блицкриг, на который рассчитывали гитлеровцы, провалился. Если кто-то из немецких солдат,

воевавших в составе армий группы «Центр», поначалу и верил, что несет на восточные земли освобождение от «большевистского ига», то ожесточенное сопротивление советских войск и ширящееся партизанское движение развеяли эти иллюзии, порожденные пропагандой Геббельса. Оккупационные власти и без того не отличались мягкостью по отношению к местному населению, а через год после начала войны утратили какую-либо меру в терроре. В Гжатске, на Смоленской улице, был построен концентрационный лагерь, где содержали пленных красноармейцев и гражданских лиц, уличенных в связях с партизанами; условия содержания в этом лагере были таковы, что люди погибали от холода и голода. Многих крестьян выгоняли из собственных домов, как семью Гагариных. Власти изымали продуктовые запасы и теплую одежду, уводили скотину. Немецкие солдаты не брезговали мелким мародерством. Любое сопротивление жестко каралось, наказания варьировались от палочных ударов до расстрела. Известны случаи, когда немцы казнили людей, которые укрывали попавших в окружение красноармейцев.

В этой атмосфере бесконечного страха и насилия механик Альберт был скорее нормой, чем исключением. Но всё равно его жестокие выходки запомнились Гагариным навсегда. Можно сказать, что одна из них увековечила баварца, поскольку ее подробности мы находим во множестве самых разных источников. Вновь обратимся к мемуарам Анны Тимофеевны:

«Наш дом занял фашист Альберт. <...> На досуге любил развлекаться. То на глазах у голодных ребят скармливал собаке консервы, то начинал стрелять по кошкам, то принимался рубить деревья в саду.

Детей наших он ненавидел. Однажды Юра ворвался в землянку с воплем:

— Альберт Бориску повесил!

Я кинулась наверх. На дереве, подвешенный за шарф, висел мой младшенький. А рядом, уперев руки в бока, закатывался от смеха фашист. Я подлетела к яблоне, подхватила Бореньку на руки. Ну, думаю, если Альберт проклятый воспрепятствует, лопатой зарублю! Пусть потом будет, что будет. Не знаю, какое у меня лицо было, только Альберт глянул на меня, повернулся, в дом зашагал — сделал вид, что его кто-то окликнул. А я мигом в землянку.

Раздели мы с Юрой Бореньку, уложили на нары, стали растирать: смотрим — порозовел, глаза приоткрыл. Когда он в себя пришел, я уви-

дела, что с Юрой творится неладное. Стоит, кулачки сжал, глаза прищурил. Я испугалась. Подошла, на коленки к себе сына посадила, по голове глажу, успокаиваю:

— Он же нарочно делает, чтобы над тобой тоже поиздеваться, чтобы за пустяк убить. Нет, Юра, мы ему такую радость не доставим!

Думала, убедила сыночка. Прошло несколько дней, слышу, Альберт с мотоциклом своим возится, завести не может. Вышла из землянки, наблюдаю издалека. А уж когда он из выхлопной трубы мусор какой-то выковырял, сразу же поняла. Альберт ругнулся, к нам зашагал. Я к нему навстречу пошла, он мне на ломаном русском и говорит:

— Передай твой щенок, чтобы мне на глаза не попадаться.

На большее не решился. Фронт тогда уже дрогнул, артиллерийская канонада не умолкала. Всем было ясно: немцам здесь долго не продержаться.

Несколько дней Юра не ночевал в землянке — устроила я его у соседей, подальше от ненавистного Альберта. Когда Юра вернулся, я всё наказывала ему:

— Не подходи ты к немцам. Держись подальше! Да и за братом следи».

Но, конечно, удержать мальчишек от мелкого вредительства по отношению к оккупантам было невозможно. Юрий Алексеевич потом вспоминал, что вместе с приятелями он разбрасывал гвозди и стекло на дорогах, прокалывал шины немецких машин. И это было, пожалуй, всё, что они могли сделать в таком возрасте.

Надо сказать, что положение семьи Гагариных, несмотря на жизнь в землянке, было в целом получше, чем у большинства клушинцев. Оккупационные власти прослышали, что до войны Алексей Иванович периодически работал на мельнице, и определили его мельником. В помощники назначили бывшего красноармейца Виктора Каневского. Муку мололи, конечно, не только для немцев, но и для односельчан. Из-за этого Алексей Иванович даже пострадал, о чем сохранилась запись в «Акте учета злодеяний немецко-фашистских захватчиков»: «В с. Клушино широко применяли порку ремнем, кнутом, а то и палкой. Пороли за всякий малейший проступок, нарушающий распоряжение комендатуры. Так, например, Гагарин Алексей Иванович, 40 лет, получил 10 ударов за то, что отказался одной гражданке смолоть рожь вне очереди, а ее, как оказалось, прислал комендант...»

Рассказ Гагарина-старшего об этом инциденте очень художественно обработал Юрий Маркович Нагибин (цитирую по книге «Рассказы о Гагарине», 1979):

«Гарнизонный палач Гуго, толстый, страдающий одышкой, и переводчик, прыщавый паршивец, отвели Алексея Ивановича на конюшню...

— Велели они мне руками за стойку взяться. Схватился я покрепче за эту стойку и думаю: „Экая несамостоятельная нация: и вошь толком не умеет истребить, и человека высечь — на мне же полный ватный костюм“. Тут Гуго чего-то сказал толмачу, а тот перевёл: задержи, мол, ватник. Закинул я ватник на голову, — ничего, меня и брюки защитят! А они обратно посовещались и велют мне ватные брюки спустить. Ладно, на мне кальсоны байковые, авось выдержу. Но и кальсоны тоже велели спустить. Нет, нация не такая уж бестолковая!..

„А совесть у вас есть? — говорю. — Я же вам в отцы гожусь“.

Куда там! Гуго как завёл: „Ла-ла-ла-ла-ла-ла!“ — хоть уши затыкай.

Ладно, повинуюсь. В стойле рядом лошадь стояла, наша, смоленская, фрицами мобилизованная: худящая, вся спина в гнойниках, над глазами ямы, хрумкала сеном и вздыхала. Повернула она свою костлявую голову в нашу сторону и поглядела прямо-таки с человеческим стыдом на все эти дела. И вздрагивала она своей залысой шкурой при каждом ударе».

Всё же работа на мельнице давала Алексею Ивановичу возможность худо-бедно содержать семью и не волноваться о том, что его четверо детей будут завтра есть. Валентин Алексеевич подтверждал: отец приносил домой муку, из которой Анна Тимофеевна пекла хлеб. Кроме того, всегда было вдоволь конины — лошади гибли из-за артиллерийских обстрелов, которыми прифронттовую зону подвергали советские войска.

В течение 1942 года Красная Армия еще дважды пыталась «срезать» Ржевский выступ и, неся огромные потери, сумела-таки постепенно добиться стратегического превосходства, овладев 17 января 1943 года городом Великие Луки. Над 4-й и 9-й армиями вермахта нависла угроза окружения. После неоднократных обращений командования армий Гитлер разрешил отвести войска на запад от Ржева и выровнять фронт. Операцией по отводу, названной «Буйвол» («Büffel»), руководил генерал-полковник Вальтер Модель. В качестве подготовительного этапа войскам было приказано устроить глобальную «зачистку» территории от партизан, а также нанести мак-

симально возможный ущерб оставляемым населенным пунктам, отравить колодцы, заминировать дороги. Кроме того, предполагалось угнать в Германию на принудительные работы всю трудоспособную молодежь. Разумеется, коснулось это и Гагариных. Анна Тимофеевна вспоминала:

«18 февраля 1943 года поутру раздался стук прикладом в дверь нашей землянки. Я открыла. Гитлеровец, остановившись на пороге, обвел вокруг взглядом, глаза его задержались на Валентине.

— Одевайся! Выходи!

Я попыталась протестовать, но он замахнулся на меня автоматом:

— Шнель, шнель! Быстрее! Германия ждет!

Автоматчики согнали на площадь молодых парней, построили, окружили и повели. Угоняли в неизвестность, в неволю.

Как разрывалось мое сердце!

Считали денечки: где же, где наши? Немцы отходили. Вот уже из домов съехали. Мы вошли в избу. Грязь, погром. Стали с Зоей мыть, вражеский дух вымывать. По селу новые слухи: собираются угонять девушек. Зоя моет пол, плачет.

— Может, — говорит, — последний раз дом в порядок привожу.

Успокаиваю, что ее не возьмут, больно маленькая. Хочу верить своим словам, и не верю.

Действительно, через пять дней после угона Валентина снова стук в дверь. Фашист внимательно всех оглядел, в Зоину сторону пальцем ткнул:

— Девочка! На площад! Одевайся.

Я к нему:

— Посмотрите, она же маленькая. Толк какой с нее? Оставьте!

Фашист даже не глянул на меня, через мою голову Зое говорит:

— Ждать не буду! Ну!..

Зоя платок повязала, шубейку старенькую натянула, сунула ноги в валенки. Я на колени хотела перед фашистом броситься, она ко мне кинулась, не дает:

— Мамочка! Не надо! Мамочка! Не поможет! Мамочка! Не унижайся!

К мальчишкам, отцу обернулась:

— Берегите маму! Маму берегите! — Глаза у нее сухие, не плачет, только дрожит вся. — Прощайте!

Выбежала я вслед за ней — гляжу: из всех домов девушек и совсем молоденьких девчонок выгоняют.

Шла я за колонной наших девушек до околицы. А там на нас, матерей, фашисты автоматы направили, не пустили дальше. Стояла я, глядела вслед удалявшейся колонне.

Не помню, как домой добрела. Сына забрали — было тяжело, а дочку увели — стало вовсе нестерпимо. Какие только мысли в голове не бились! Пятнадцатилетняя девочка, да в неволе, на тяжелейшей работе, в полной власти фашистов, у которых человеческих понятий-то нету совсем...»

Советская разведка заметила приготовления немцев к отходу, однако командование отреагировало с задержкой. Только 2 марта появилась директива, предписывающая принять немедленные меры по преследованию войск противника. Выяснилось, что Ржев уже оставлен, и на следующий день передовые части Красной Армии вошли в него, не встретив сопротивления. Дальнейшее преследование затруднялось стычками с арьергардом, минными полями и разрушенными дорогами. Тем не менее 5 марта был освобожден Гжатск, а 6 марта отряд красноармейцев вошел в Клушино.

Подводя итог, можно сказать, что семье Гагариных очень повезло. Впоследствии на Смоленском процессе было установлено, что в период немецкой оккупации на территории области погибло 151 319 мирных жителей и 230 137 военнопленных. Многие из них были замучены, казнены, сожжены живьем, другие умерли от голода и холода. Были полностью истреблены евреи и цыгане, не успевшие эвакуироваться. До войны в Гжатском районе насчитывалось свыше 32 тысяч жителей, а к освобождению осталось 7500. Если же добавить к этому, что вокруг Ржевского выступа четырнадцать месяцев продолжалась беспощадная мясорубка, затмившая самые кровопролитные сражения в мировой истории, то спасение клушинцев от пуль, снарядов и огня выглядит настоящим чудом.

Оккупация, конечно же, наложила отпечаток на личность Юры Гагарина. И, вероятно, именно в те трудные годы он стал настоящим патриотом социалистической родины, потому что увидел врага и на всю жизнь запомнил, что несет враг его земле и его семье. Как бы ни была тяжела жизнь советского гражданина, в сравнении с тем, что творили на оккупированных территориях «цивилизованные европейцы», она казалась почти райской. И последствия деятельности «цивилизаторов» предстояло устранять еще не одно десятилетие.

Глава пятая

Мечта о небе

В отличие от периода оккупации о первых послевоенных («отроческих») годах жизни Юрия Алексеевича Гагарина писали неохотно и скучно. Там тоже хватало нюансов, афиширование которых, по мнению цензоров, могло бросить тень на безупречную репутацию первого космонавта планеты. Соответственно, в постсоветское время появились публикации, добавившие к биографии множество новых деталей и интерпретаций, но все они, увы, грешат тем, что их практически невозможно проверить через сопоставление с другими источниками, однозначно установив степень исторической правды.

Главной идеей, связанной с этим периодом, которую пытались донести до читателей еще советские авторы, стала мысль о том, что именно тогда окончательно сформировалась мечта о небе, которую юный Юра пронес через всю жизнь. Вот, например, что писала Мария Ефимовна Залюбовская в книге «Сын Земли и звезд» (цитирую по изданию 1984 года):

«В техническом кружке ребята под наблюдением Льва Михайловича Беспалова смастерили летающую модель самолета. В Доме пионеров помогли им достать игрушечный бензиновый моторчик (в Москву писали!). Вся школа пришла смотреть запуск самолета. И он не подвел, не посрамил ни ребят, ни Беспалова. Взлетел проворно и несколько минут парил под всеобщее ликование школы. Лев Михайлович в тот день вместе со всеми превратился в заправского кружковца, переживал, суетился, наконец крикнул на радостях:

— Неужто никто из вас не станет летчиком?! — И посмотрел в сторону Юры. — А вот и станет!

В то последнее лето отрочества он не раз слышал, когда шел в школу или в магазин за хлебом:

— Летчик, летчик идет!»

Если не обращать внимания на стилистические ошибки, то всё равно возникает вопрос: откуда Залюбовская взяла все эти развесистые подробности? И с чего вдруг Юру прозвали летчиком, если самолет запускали всем кружком?

Или там же:

«Беспалову по душе был смекалистый и неунывающий ученик. Что-то в нем созвучным показалось самому учителю, и он дал ему одну из

своих любимых книг — „Вне Земли“. Многого Юрий в ней тогда совсем не понял, но слова Циолковского о Земле как первоначальной колыбели человечества запали крепко в душу».

Здесь ошибки уже не стилистические, а фактические. Действие происходит, очевидно, в первой половине 1948 года, поэтому маловероятно, что учитель Беспалов мог дать Юре научно-фантастическую книгу «Вне Земли» Константина Циолковского: ее первое издание (если не считать незавершенную публикацию 1918 года в журнале «Природа и люди») было выпущено в 1920 году небольшим тиражом в Калуге и считалось не просто раритетом, а музейным экспонатом; второе же издание, напечатанное тиражом 50 000 экземпляров, появилось только в 1958 году, когда в космосе уже летали искусственные спутники Земли. Впрочем, даже если Юра получил от учителя редкую книжку или комплект журналов с повестью Циолковского, он всё равно не смог бы найти в ней знаменитую фразу основоположника теоретической космонавтики «Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели», потому что она завершает не повесть, а вторую часть довольно сложной статьи «Исследование мировых пространств реактивными приборами», опубликованную в 1911 году. Тем не менее исследователи указывают, что фраза из Циолковского всё же присутствует в личной тетради Юры, куда он выписывал понравившиеся ему цитаты и стихи, поэтому мы можем предположить, что юноша где-то ее услышал — возможно, от того же Беспалова. Биографу Залюбовской почему-то показалось этого мало, и она присочинила историю, даже не удосужившись взглянуть в труды основоположника.

Примерно такой же степени достоверности и другие сведения о том периоде. Посему в своей реконструкции мы будем опираться только на сохранившиеся документы и воспоминания непосредственных участников событий, делая, конечно, поправку на особенности мемуарной селекции.

Итак, немцы ушли, и в марте 1943 года Гагарины смогли наконец вернуться из тесной землянки в свой дом. Однако долгожданное освобождение от оккупантов никак не улучшило их жизнь, скорее наоборот. Семья лишилась двух старших детей. Весь район лежал в руинах, многие деревни вокруг были уничтожены, а поскольку фронт укатился на запад, то даже кониной теперь было негде разжиться. Ко всем прочим неприятностям, от переживаний и плохого

питания у Алексея Ивановича развилась язва желудка. Его направили на лечение в военный госпиталь Гжатска, где и пристроили к службе охранником. А Юра, оставшийся за старшего, должен был учиться.

Обратимся за подробностями к мемуарам Анны Тимофеевны:

«9 марта, в Юрин день рождения, был ему сделан самый желанный подарок: возобновились занятия в школе.

Накануне учительница Ксения Герасимовна Филиппова обошла все деревенские дома, изведала, чтобы назавтра к 9 часам все собрались в доме Веры Дмитриевны Клюквиной — там будет школа. Изба у Веры Дмитриевны была большая, а она осталась одна, вот и попросила Ксения Герасимовна разместить классы у нее. <...> Вера Дмитриевна охотно согласилась, избу всю почистила и полы помыла, у соседей лавки заняла, старалась как можно лучше всё устроить.

Я разыскала на чердаке Юрин портфельчик. А положить в него было нечего: букварь и другие учебники пошли у гитлеровцев на растопку, ни одной тетради не осталось. Но ученик есть ученик, должен быть с портфелем. Проводили мы Юру на уроки с пустой сумкой.

Вернулся он возбужденный, стал делиться впечатлениями. Учебников в классе не было, но командир полка передал Ксении Герасимовне „Боевой устав пехоты“. По нему-то и овладевали грамотой. В одной комнате располагалось по два класса: сначала первый и третий. Заканчивались у них занятия — начинали учиться второй и четвертый. Ксения Герасимовна сразу же дала задание набрать гильз, чтобы по ним учиться счету, поискать в домах бумагу.

Многого школе не хватало. Даже так скажу: ничего не было. А учила Ксения Герасимовна ребят хорошо. Да и воспитывала по-настоящему. В школе (в доме Клюквиной) даже самостоятельность была. Участвовал Юра в хоре, поначалу пели ребяташки довоенные песни, а потом стали услышанные по радио разучивать. Поставили спектакль „Встреча с Героем Советского Союза“. Я ходила на этот утренник. Показывали, как в освобожденное от фашистов село возвращается раненый летчик, Герой Советского Союза. Его встречают родные, односельчане. Он спрашивает, как они жили, рассказывает о боях, в которых отличился. Тут по радио сообщается: „Победа!“ Все кричат: „Ура!“ И мы, зрители, тоже закричали: „Ура!“»

Однако всеобщая разруха и бедность давали о себе знать. В начале лета в Клушине начался настоящий голод. Пока там стояла красноармейская часть, то местных подкармливали на солдатской кухне,

но когда военные ушли, стало совсем плохо. Гагариных выручал запас ржи, сохраненный Анной Тимофеевной, и паек, который получал Алексей Иванович на службе в госпитале.

Сохранились воспоминания клушинского одноклассника Евгения Яковлевича Дербенкова: *«После уроков приходилось помогать матерям в колхозе. Юра часто пас телят, а я свиней. После немцев повсюду было полно боеприпасов. Ходили мы в Вельковский лес с мальчишками, разряжали потихоньку снаряды. Как? А очень просто: сядем верхом на снаряд, в руках зубило, молоток, бьем, потом отвинтим головку. Как-то на плесе решили взорвать. Кроме меня, в этой затее участвовали Юра Кулешов, Коля Белов, Юра Гагарин и Толя Гольцов. Насыпали полную фуражку пороху... Удивительно, как уцелели!»* Знакомая картина. Те, кто жил в СССР, прекрасно помнят, что дети подрывались на старых снарядах, валявшихся в лесах, вплоть до начала 1980-х годов. Но Юре и его одноклассникам снова повезло.

Хотя в районе действовало военное положение, Анна Тимофеевна решила съездить к родственникам в Москву. Николай Иванович, дядя будущего космонавта, и его жена Мария Михайловна встретили ее радушно, прикупили гостинцев на Тишинском рынке: хлеб, сахар, мыло, подсолнечное масло, «петушки на палочке».

Из эвакуации вернулся в Клушино и другой дядя — Павел Иванович. Пришел вместе с поредевшим и отощавшим колхозным стадом. Из-за отсутствия техники и лошадей стадо использовали в качестве тягловой силы на пахоте. В Гжатск привезли семена для колхозов. Автомобилей тоже не было, поэтому деревенским женщинам пришлось ходить за ними — 12 км в одну сторону. Постепенно Гагарины восстанавливали хозяйство: получили теленка, поросенка, козу, потом смогли купить корову. Так и пережили тяжелейший 1943 год.

В сентябре Юра пошел во второй класс. Учился очень прилежно, понимая, видимо, что помощи в образовании ждать неоткуда. Живой ум помогал ему схватывать всё на лету: одноклассники подтверждали, что контрольные работы он сдавал раньше остальных, а стихи запоминал с первого раза.

В 1944 году наконец-то пришли вести от старших детей. Сегодня вокруг их судьбы много путаницы, поскольку достоверных сведений не сохранилось. Встречаются совершенно невероятные заявления: например, что Зою Алексеевну вместе с другими русскими девушками «гнали в Гданьск топить», — версия выглядит нелепо, поскольку

ку для уничтожения советских граждан гитлеровцы не прибегали к столь экзотическим методам.

Реальность была, конечно, прозаичнее. В интервью, которое дала Зоя Алексеевна английским исследователям Пирсу Бизони и Джеми Дорану, приоткрыт краешек правды. Старшие дети Гагариных действительно оказались в Гданьске и были направлены в трудовые лагеря. Зоя вспоминала: *«Мне приходилось каждую неделю обстирывать сотни немцев. Мы кое-как перебивались, но они были хозяева, а мы — рабы. Они всё могли с нами сделать — могли убить, а могли оставить жить. Нас всё время мучил страх, а выглядели мы как оборванные золушки, кожа да кости, одни локти торчат. Обувя у нас не было, иногда мы находили солдатские сапоги, но они были для нас слишком большими. <...> Немцы селили нас в разрушенных домах, после того как выгоняли оттуда тех, кто там жил».* Когда началась эвакуация лагерей на запад, в неразберихе сначала Валентину, а потом Зое удалось бежать. Они, конечно, стремились домой, но командование подразделений, на которые они вышли, по-другому распорядилось их дальнейшей судьбой. Валентина призвали в армию и после обучения он стал башенным стрелком на танке «Т-34»; в 1945 году был награжден медалями «За отвагу» и «За Победу над Германией». Зою с учетом ее колхозных навыков направили служить помощницей ветеринара кавалерийской части.

После Великой Победы отца семейства демобилизовали, но он решил остаться в Гжатске. Современный исследователь Владислав Иосифович Кац выдвинул в статье «О чем молчал Гагарин-старший» (2010) гипотезу, что Алексею Ивановичу было неудобно возвращаться в Клушино из моральных соображений: дескать, во время войны он сотрудничал с оккупантами и у его односельчан, приходящих с фронта, могли возникнуть к нему серьезные вопросы. Думается, причина всё же в другом (на оккупированных территориях всякое случалось, и демобилизовавшиеся это прекрасно понимали). Мы помним, что Гагарины еще в конце 1930-х годов собирались перебраться в город, а теперь причин для переезда прибавилось: поселок был razoren, жить там стало голодно и холодно. Кроме того, служа в Гжатске, Алексей Иванович сумел показать местным жителям свои таланты в качестве строительного рабочего с навыками каменщика, плотника, столяра и слесаря — в городе, который был почти полностью разрушен, такие специалисты весьма ценились.

Обратимся к мемуарам Анны Тимофеевны:

«Под новый, 1946 год перебрались мы в Гжатск. Построили на выделенном участке по Ленинградской улице небольшой, временный домик, стали готовиться наш деревенский перевезти. <...>

Более двадцати лет была я к тому времени замужем за Алексеем Ивановичем, но вот начинал он новое дело, к которому, кажется, подступиться невозможно, и я невольно любовалась им, как, бывало, в молодости: до чего же у него всё складно да ловко получалось! Так и с переездом на новое место. Решили перебираться, я похолодела: сколько забот, трудов, мороки! Подумать боязно — с насиженного места стронуться! Алексей Иванович успокаивает:

— Нюра, это только кажется, что трудно. Одолеем!

Стал перечислять: „Яму под фундамент да под печь в начале лета выкопаем, а уж там дела пойдут. Фундамент сложим. Избу клушинскую разберем, пронумеруем все бревнышки, собрать — проще простого. Не один дом строил. Никто, сама знаешь, не жаловался. Себе неужто не сделаю? Балки в доме крепкие, полы не гнилые, крышу подлатаем. Чего же ты, Нюра, боишься, я же все эти работы, считай, с закрытыми глазами могу делать. Так говорю?“

Не спорю. Успокаивать успокаивал, но заметила: сам готовился загодя, осмотрительно, неспешно. Видно, крепко спланировал, какую работу за которой выполнять. Юра с Борисом ему помогли по-взрослому. Землю копали, раствор месили, песок таскали, глину мяли, кирпичи подавали».

В городе было проще и с учебой. Хотя, как сообщают краеведы, две трети школьных зданий в Гжатске были разрушены, обучение подрастающего поколения быстро восстанавливалось: свои двери открыли начальная, две семилетние и средняя школы, а также вечерняя средняя школа рабочей молодежи. Юрий, которому в конце 1945 года было одиннадцать лет, и его младший брат Борис, которому исполнилось девять лет, устроились в начальную базовую школу при Педагогическом училище — оно располагалось в приметном двухэтажном особняке купца Степана Ивановича Церевитинова (современный адрес — улица Советская, 3), где 29 августа 1812 года оставался Михаил Илларионович Кутузов, направлявшийся в Царёво-Займище, чтобы возглавить отступающие русские войска.

О зачислении Гагарина сохранился даже соответствующий документ: *«Я, Лунова Елена Фёдоровна, бывшая заведующая начальной*

базовой школой при Гжатском педагогическом училище, подтверждаю, что Юрий Алексеевич Гагарин поступил в 3 класс в начале ноября месяца 1945 года в вышеназванную школу». Сама Елена Лунова, хорошо знавшая семью Гагариных, вспоминала эту встречу так (цитирую по книге Лидии Обуховой «Любимец века», издание 1979 года):

«— В пятидесятые годы, — говорит Елена Фёдоровна, — стала я заведовать начальной базовой школой при педучилище. По-моему, это была очень интересная и полезная форма: студенты училища имели свою школу. Они часто давали уроки и вообще привыкали к ребятам, присматривались к труду педагога. <...>

В это самое время иду я как-то по улице и вижу как будто знакомое лицо. „Ты ли это, Нюра?“ Мы с ней обнялись. Оказывается, она с детьми недавно сюда переехала. Жили еще в землянке, но уже перевезли сруб из Клушина и собирались ставить свой домик на новом месте. „Я к тебе, Елена Фёдоровна, своих двух младших приведу. Ты уж их, пожалуйста, возьми“. Я ответила: „Приводи“.

И вот на другой день Анна Тимофеевна приводит двух мальчиков-погодков: Юрку и Бориску. Смотрю на старшего. В сером костюмчике: мать перешила из своей старой хлопчатобумажной юбки. Потупился, а глаза плутоватые, быстрые. „Ты его в хорошие руки передай, — просит Анна Тимофеевна, — чтоб не забаловался“. Младший на вид был поспокойнее, попокладистее. Он пошел во второй класс, а Юра в третий. Там Нина Васильевна [Лебедева] преподавала, наша выпускница. Вот она уж учитель, как говорится, милостью божьей! Никогда голова не повышала, не сердилась, а слушали ее ребята раскрыв рты, так им было интересно».

Обращаю ваше внимание, что если бы не война, то в конце 1945 года Юрий должен был ходить в пятый класс, а не в третий. И то, что он учился в одном классе с детьми, которые были его на два года младше, конечно же, оказывало влияние и на него самого (переросток!), и на его окружение. Даже если бы Юрий не стремился в лидеры, его подталкивала к этому ситуация, в которой он оказался.

Вернемся к воспоминаниям Елены Луновой, в которых хорошо описан быт того времени:

«Всё у нас в школе тогда было еще самодельное. Вместо парт столики, а перед ними на двух чурбаках доска-скамейка. Мальчишки иногда выдирали гвозди, которыми доска держалась на чурбаках, и вдруг посреди урока — бух на пол! Тут уж не обходилось без Юры Гагарина. Он

был мальчишка подвижной, шаловливый. Но передалась ему и матвеевская деликатность, мягкость характера. Помещение у нас было маленькое, сидели по трое. Сначала Нина Васильевна [Лебедева] посадила Юру в глубине класса, но скоро поняла, глаз с него спускать нельзя. Если и не озорничает, то достанет потихоньку из стола книгу и смотрит себе в колени, читает. Читал больше старые журналы; что попадалось под руку. Перевели его на ближнюю парту. И помню, вместе с Пашей Дёшиным сидела с ними третьей такая маленькая девочка Анечка, самая крошечная в классе, ее легко было обидеть. Но Юра ее оберегал, провожал до дому — им в одну сторону было идти, — и даже раза два я видела, что несет ее сумку с книгами. Сумки были матерчатые, матери сами шили. У нас вообще в школе не существовало антагонизма между девочками и мальчиками, все дружили. Но даже и на этом фоне Юра относился к маленькой Анечке трогательно.

Возле школы бомбой разбило здание, и после уроков школьники разбирали его по кирпичу. Младших ставили на конвейер, старшие грузили. Стоят эти малыши, как муравьишки, цепью и по крошке, по песчинке, гору разбирают. „Посмотрите, — сказала потихоньку Нина Васильевна, — как Юра Гагарин о своей подшефной заботится“.

В самом деле. Стоят Паша и Юра, а между ними Анечка; если кирпич побольше, они его друг другу передают мимо нее».

В том, что Юрий брал шефство над другими детьми, нет ничего странного — он привык следить за Борисом, который тоже был на два года младше. Был ли Гагарин исключительно «правильным» подростком и отличником, каким пытались его представить некоторые из советских биографов? Очевидно, нет, что следует из рассказов учителей. Лидия Обухова в своей книге «Любимец века» (издание 1972 года) приводит такой случай:

«Но огорчений с ним тоже хватало. <...>

Третий и четвертый классы текли у Юры Гагарина с переменным успехом: он получал четверки и пятерки, а иногда ему выговаривали за то, что он не приготовил урока.

Как-то Нина Васильевна, тогда еще совсем молодая учительница, едва переступив порог классной комнаты, попросила Елену Фёдоровну пойти с нею к Гагариным. Она жаловалась, что Юра совсем запустил грамматику, не учит правила, а сегодня при практикантах опять оконфузил ее. Вместе с расстроенной Ниной Васильевной они пошли чуть не через весь город к дому Гагариных.

Дом еще только строился. Отец был на стропилах, а мать вышла навстречу очень встревоженная.

— Ну, что он набедокурил?

— Ничего особенного. Просто не учит уроки. Сегодня правила по грамматике не знал.

Юра стоял тут же неподалеку за маленьким верстачком, стругал какие-то планки. Он потупился и, глядя на босые ноги, упрямо пробормотал, как и всякий бы другой мальчишка на его месте:

— Я только один раз не выучил.

— А вчера, Юра? — мягко сказала Елена Фёдоровна. — А позавчера? А ведь мы тебя готовим в пионеры!

— Так вы с ним по-своему и поступите, — сказала в сердцах мать. — Жалеть не надо.

— Нет, — возразила Нина Васильевна, — лучше уж сами понаблюдайте, чтоб Юра готовил уроки.

Анна Тимофеевна сокрушенно покивала головой.

— С домом мы с этим занялись, выпустили его из рук.

В глазах Юры блеснули слезинки, которые, впрочем, тотчас и высохли».

В пионеры Юру, конечно, приняли: произошло это 4 ноября 1946 года. И по учебе он тоже выправился, закончив третий класс хоть и не отличником, но хорошистом. Мечтал ли он в то время о полетах, небе и карьере летчика? Учительницы, занимавшиеся с ним, в один голос утверждают: мечтал и даже готовился. Вот что, например, утверждала в интервью вышеупомянутая Нина Васильевна Кондратенкова (до замужества Лебедева):

«Как и все мальчики, Юра был шаловливым. Например, ведешь урок, смотришь — полетел бумажный самолетик. Спросишь: „Кто это сделал?“ Юра поднимается: „Я“. Глаза опускает: „Больше не буду“. Помню, в 4-м классе я вела авиамодельный кружок. И вот однажды, когда уже урок начался, открывается вдруг дверь, и входит наша заведующая Елена Фёдоровна Лунова, и какой-то мужчина с ней. Он держит в руках планер. Я насторожилась. Мужчина говорит: „Прохожу мимо школы, а вот из этого углового окна летит планер, и прямо мне на голову!“ Спрашиваю класс: „Чей планер?“ Юра встал: „Мой“. Конечно, сделали ему внушение. Но на этом всё и закончилось: никто его наказывать не стал, и родителей в школу не вызывали. Не тот был повод».

Здесь мы видим, при всём уважении к свидетелям, типичный пример мемуарной селекции. Если бы, скажем, Юрий Алексеевич стал знатным капитаном дальнего плавания, то Нина Кондратенкова, вероятно, вспомнила бы, как он складывал из газет кораблики — и ведь наверняка складывал! Самое интересное в этом интервью упоминание об инциденте с планером: поскольку он встречается в разных источниках, то, скорее всего, произошел на самом деле. Елена Лунова, например, давала подробности, которые невозможно выдумать:

«Как-то по школьному двору вдоль палисадника прогуливался в перерыву дежурный член родительского совета Фёдор Дмитриевич Козлов, по профессии техник-строитель, человек общительный и смешливый. <...>

Козлов не ждал беды, когда откуда-то сверху, может быть с неба, а вернее из окон третьего этажа, на него свалилось что-то достаточно увесистое. Это оказался самодельный самолет.

Елена Фёдоровна уже догадалась, чей он, и вошла в четвертый класс вместе с потерпевшим. Все дружно встали и открыто, в сознании собственной невинности, со спокойным любопытством смотрели на вошедших. Одна только пара глаз упорно не поднималась от пола.

— Ну, что ж, ребята, — начала Елена Фёдоровна, — вы ушибли Фёдора Дмитриевича, а могло случиться еще хуже. Просто не знаю, как теперь и быть! Не могу даже представить, кто из вас мог принести в школу этот самолет? А главное, бросить из окна. Самолеты надо испытывать в поле, на ровном месте. И если это хороший самолет, то он полетит вверх, а не вниз.

Козлов поддакивал:

— Будь он чуток побольше, у меня на голове получилась бы целая рана!

Тогда Юра не выдержал, вышел из-за парты.

— Это мой самолет, — прошептал. — Простите.

Ему сделали еще несколько упрёков, а когда собрались уходить, он догнал Елену Фёдоровну, тихо спросил:

— Вы отдадите мне его?

Елена Фёдоровна замялась.

— Знаешь, Юра, лучше пусть останется у нас в учительской. Это ведь модель, ее надо побережь.

Юра вздохнул: ему было так жалко своего самолетика...»

Можно ли говорить на основании этого эпизода, что юный школьник сохранил свою мечту о полете, которую заронили ему в душу предвоенные рассказы о героических пилотах и аварийная посадка «ЛаГГа» под Клушино? Можно, но с той оговоркой, что такая мечта не была чем-то особенным: профессия военного летчика оставалась в глазах молодежи одной из престижнейших, о ней мечтали многие, но вряд ли кто-нибудь, включая Гагарина, всерьез готовил себя к ней.

Лучшим другом будущего космонавта в тот период стал Павел Васильевич Дёшин. Он, со своей стороны, рассказывал об этом так: *«Мы с Юрием жили неподалеку друг от друга. Из школы ходили вместе и уроки очень часто готовили за одним столом. У меня дома или у него. Юра увлекался физикой, математикой. А мне эти предметы давались со скрипом. То и дело приходилось обращаться к нему за помощью. И что примечательно: Юра, бывало, не успокоится, пока не убедится, что я понял урок».*

Тут надо сказать, что Павел был, вероятно, самым старшим учеником в третьем классе базовой школы (на два года старше Юрия, который, как мы помним, и сам был переростком), и семья Дёшиных тоже хлебнула лиха: один из сыновей партизанил, попался на диверсии и был расстрелян; двух других вместе с матерью угнали на запад, красноармейцы освободили их только в Белоруссии. В любом случае жизненный опыт Павла был значительно больше, чем у Юры, и при этом, как подтверждают современники, Дёшин спокойно принял неформальное лидерство Гагарина, его опеку. Причем сам Юрий, когда у него возникли проблемы с грамматикой русского языка, ни к кому не обращался, а справился без посторонней помощи.

Разумеется, учителя быстро заметили лидерские качества Юрия и после принятия в пионеры начали «продвигать» его по линии общественной деятельности: он стал председателем совета школьного отряда, много бывал в Доме пионеров, занимался в драмкружке, участвовал в постановке спектаклей.

Весной 1947 года Юра закончил четвертый класс и, соответственно, осенью пошел в пятый класс средней школы № 1, которая располагалась в двух жилых зданиях по адресу: Советская улица, 91. Классной руководительницей была учительница русского языка и литературы Ольга Степановна Раевская. Обратимся к ее воспоминаниям:

«Нет ничего удивительного в том, что школа превратилась в значительный центр культурной жизни Гжатска. Мы давали концерты

не только учащимся, но и раненым в госпитале, выступали после торжественных собраний и конференций, ставили спектакли в пользу детского дома.

Оказывали дети посильную помощь и в восстановлении мирной жизни. Школьники расчищали развалины, во время каникул работали в пригородных колхозах — дергали лен, копали картошку, свеклу, морковь. И я не помню случая, чтобы ребята уклонялись от этих недетских, тяжелых даже для взрослых работ. Наоборот, если родители пытались удержать кого-нибудь из них дома, ребята просили учителей воздействовать на отца или на мать.

Некоторые из наших учеников могли гордиться и боевыми заслугами, свидетельствами которых были ордена и медали — награды за участие в партизанской борьбе. Учились у нас и „сыны полков“ — одетые в солдатское обмундирование воспитанники воинских частей. <...>

В трудных условиях жили дети, нелегко им было и учиться. <...> Несколькими учебниками обходился целый класс, писали ребята кто на чем мог, а вместо черновики использовали записные книжки, сшитые из газет. Зимой в классах было до того холодно, что замерзали чернила в пузырьках, а заниматься приходилось в пальто. Сидели ученики не за партами, а за самодельными, сколоченными из длинных досок столами — по пять-шесть человек за каждым столом. Чтобы выйти к доске, ученику нужно было нырнуть под стол или протиснуться за спинами товарищей.

Юра носил учебники в потертой полевой сумке. В школу он обыкновенно приходил в белой рубашке, подпоясанный широким солдатским ремнем с латунной пряжкой, на голове ладно сидела пилотка. Это был Юрин парадный костюм. Мальчик его очень берег и, возвращаясь из школы, переодевался в полосатую ситцевую рубашку, старые штанишки, снимал ботинки и до холодов бегал босиком.

Учился Юра очень хорошо. От других ребят его отличала необыкновенная живость. Он был очень непоседлив, энергичен, всегда первым рвался к доске и схватывал буквально на лету. Его хватало на всё: и на учебу, и на ребяческие проделки, и на участие в художественной самодеятельности. Помню его читающим с большим чувством стихи о Юрии Смирнове, декламирующим отрывок из романа „Молодая гвардия“ — „Руки моей матери“, лихо отплясывающим русский танец или „Лявониуху“. Если ставилась пьеса, Юра непременно играл в ней. В общем, был он, как говорят, один во многих лицах.

Часто мы оставались после уроков, чтобы почитать вслух интересную книгу. Некоторые отзывы о прочитанном у меня сохранились. Среди них — отзыв Юры Гагарина. Он пишет, что ему понравилась книга „В открытом море“, в которой рассказывается о героях-черноморцах, о борьбе моряков с врагами нашей Родины, о том, как, попав в плен, они не пали духом, а, совершив почти невероятное, вырвались на свободу».

Во многих источниках можно встретить утверждение, что именно Раевская привила Юрию страсть к чтению, однако мы видели, что читать и декламировать он пристрастился намного раньше, еще в Клушино. Тем не менее Гагарин упомянул свою классную руководительницу в книге «Дорога в космос» в числе других преподавателей гжатской школы.

Особое внимание он уделил также учителю физики (цитирую по изданию 1961 года):

«Физику в школе преподавал Лев Михайлович Беспалов. Интереснейший человек! Прибыл он из армии и всегда ходил в военном кителе, только без погон. В войну служил в авиационной части, не то штурманом, не то воздушным стрелком-радистом. Было ему лет тридцать. Но по лицу его можно было понять, что человек этот многое видел, многое пережил.

Лев Михайлович в небольшом физическом кабинете показывал нам опыты, похожие на колдовство. Нальет в бутылку воды, вынесет на мороз, и бутылка разорвется, как граната. Или проведет гребнем по волосам, и мы слышим треск и видим голубые искры. Он мог заинтересовать ребят, и мы запоминали физические законы так же легко, как стихи. На каждом его уроке узнавали что-то новое, интересное, волнующее. Он познакомил нас с компасом, с простейшей электромашиной. От него мы узнали, как упавшее яблоко помогло Ньютону открыть закон всемирного тяготения. Тогда я, конечно, и не мог подозревать, что мне придется вступить в борьбу с природой и, преодолевая силы этого закона, оторваться от земли, но смутные предчувствия, ожидания чего-то значительного уже тогда зарождались во мне.

В школе пионеры организовали технический кружок. Душой его был Лев Михайлович. Мы сделали летающую модель самолета, раздобыли бензиновый моторчик, установили его на фюзеляж, сделанный из камыша, казеиновым клеем прикрепили крылья. То-то радости было,

когда эта модель взмыла в воздух и, набирая высоту, полетела, проворная, как стрекоза!»

Учителя физики и бывшего штурмана бомбардировщика «Ту-2» Льва Михайловича Беспалова источники называют тем человеком, который первым познакомил Юрия с идеей космического полета. Причем тут источники разнятся: кто-то (как, например, Мария Залюбовская) утверждает, что Беспалов дал Юре почитать одну из книг Циолковского, кто-то (как, например, Анна Гагарина) говорит, что одну из книг о самом Циолковском. В начале главы мы уже установили, что вряд ли Беспалов мог располагать трудами Циолковского: в конце 1940-х годов они оставались большой редкостью. Что касается книг о Циолковском, то перед войной вышли биографии основоположника, написанные Николаем Алексеевичем Рыниным (в 1931 году) и Яковом Исидоровичем Перельманом (в 1937 году), однако они совершенно не были рассчитаны на читателей-подростков. Вероятнее всего, Беспалов дал своим школьникам на изучение одну из многочисленных статей, появившихся в прессе осенью и зимой 1947 года в связи с 90-летием калужского ученого. Но даже если так оно и было, то не стоит преувеличивать влияние материала о Циолковском на воображение юноши: у него в то время хватало других интересов и забот. Вот авиацией он действительно увлекался. Но ею в то время увлекались многие.

Были и другие претенденты на звание человека, познакомившего Гагарина с основами теоретической космонавтики. К примеру, учитель математики Натан Вульфович Марьяхин сообщал в собственноручно записанных воспоминаниях (7 марта 1972 года):

«Юра уже в детские годы обладал исключительной любознательностью. Возможно, что любовь к небу, мечта о межпланетных путешествиях у него проявились уже тогда, когда он посещал занятия математики и астрономии, на которых я рассказывал о геометрии Лобачевского, о космическом треугольнике для проверки суммы углов его, о тайнах далеких миров. Стремясь осуществить свою мечту, он занимался авиамоделизмом, спортом, очень любил играть в волейбол».

Речь, видимо, идет о пятом постулате (или аксиоме параллельности) Евклида, который в современной формулировке звучит так: «Если на плоскости при пересечении двух прямых третьей сумма внутренних односторонних углов меньше 180° , то эти прямые при

достаточном продолжении пересекаются». Пятый постулат настолько отличался от других, более простых и очевидных, что на протяжении двух тысячелетий не прекращались попытки вывести его как теорему. Российский математик Николай Иванович Лобачевский, разрабатывавший неевклидову геометрию, придумал проверить постулат практикой, используя астрономические наблюдения и изучая «космический треугольник» с диаметром земной орбиты в качестве основания и звездой Ригель в качестве вершины. История, конечно, волнующая, но не настолько, чтобы подвигнуть юного школьника к занятиям авиамоделизмом, спортом и волейболом — вероятнее были другие мотивы.

Впрочем, мы отвлеклись. В средней школе у Юры появились, конечно, новые друзья. Среди них был и Лев Николаевич Толкалин, не так давно опубликовавший повесть «Юрий Гагарин — наш одноклассник» (2007, 2011), написанную хорошим литературным языком. В его интерпретации будущий космонавт предстает героем приключенческого романа: лидером группы подростков, заводилой, капитаном футбольной команды и даже озорником, который, однако, знает границы допустимого и крайне редко переступает их. Рассказ Толкалина во многом совпадает с информацией из других источников, однако отличается от них большим количеством ярких подробностей, многие из которых кажутся неправдоподобными. Повесть состоит из отдельных глав-историй. В одной описывается забег класса на лыжах, из которого Гагарин вышел победителем. В другой он «зайцем» отправляется с компанией приятелей в Москву и по дороге чуть ли не дерется с уголовниками. В третьей собирает редколлекцию для изготовления стенгазеты. В следующей истории прыгает в реку Гжать с высокого моста в соревновании с местным хулиганом. В другой собирает «трофеи» в окопах и блиндажах, оставшихся с войны. И так далее, и тому подобное. Не удержался Толкалин и от мемуарной селекции: дескать, его отец, Николай Алексеевич, рассказал ребятам о реактивном двигателе, о Циолковском и даже помог изготовить модель ракетоплана из досок и паяльной лампы. Или вот другой эпизод из главы о ночной ловле раков:

«Поглядывали на луну и звезды. Гагарин любил фантазировать.

— На Луну бы слетать! Что там есть?

— Да ничего там нет, — торопился начитанный [Слава] Нижник. — Безвоздушное пространство. На чем туда полетишь?

— А ракета? — не сдавался Юра. — Она в безвоздушном точно полетит. Да и самолеты уже есть реактивные. Вон Левкин отец рассказывал, что сам видел: летают без винта. Да и брат Валентин видел немецкие реактивные истребители в конце войны.

Затягивался удивительно интересный разговор. Жаль, что ночью тогда нельзя было сфотографироваться всей компанией. А звезды притягательно манили к себе.

— Эх, космическая красотища! — мечтательно и почему-то вполголоса говорил Гагарин, лежа на спине. Все тоже смотрели в эту малящую даль».

Было такое? Вполне возможно. Но избыточные анахронизмы, которые хороши в литературном произведении, не очень уместно смотрятся в тексте, претендующем на документальность. Если уж и сам Гагарин не вспомнил о самодельном ракетоплане и разговоре под звездами, то, скорее всего, эти события не оказали на него сколько-нибудь значимого влияния. Интерес к космической теме появится у него много позже.

В то же время Толкалин сумел осветить многие детали биографии, которые в других источниках упоминаются лишь мельком. Например, именно его отец подарил ребятам немецкий трофейный фотоаппарат «Agfa», благодаря которому появилось множество уникальных снимков, украсивших книги о юности первого космонавта. Подробно Толкалин описывает занятия в литературном кружке и в духовом оркестре, подготовку стенгазеты, поездки в колхоз и на физкультурные соревнования. Главное — он подтверждает: Гагарин был увлекающимся подростком, спешащим жить и стремящимся к лидерству, автором множества инициатив; даже Гжатск, первый большой город в его биографии, был маловат для этого крестьянского сына.

Вполне вероятно, что если бы Юрий завершил обучение в средней школе, то подобно своему другу Лёве Толкалину пошел бы по научно-технической части, занимался бы радиоэлектроникой, работал бы на оборонную промышленность и тоже стал бы уважаемым профессором, доктором технических наук и прочее. Однако Гагарин выбрал другой путь — быстрого взлета, который в конечном итоге привел его в космос.

Глава шестая

Освоение ремесла

В книге Льва Александровича Данилкина «Юрий Гагарин» (2011), изданной в серии «Жизнь замечательных людей», высказывается удивительная версия о причинах отъезда будущего космонавта из Гжатска в Москву. Оказывается, Юра вместе с приятелями «надломил ларек», то есть участвовал в ограблении магазина, и был вынужден поспешно уехать, чтобы избежать наказания по уголовной статье. Версия противоречит всему, что известно о Гагарине, поэтому Данилкин и сам отвергает ее. Зачем тогда приводит? «Такие вещи лучше проговаривать», — пишет он. Интересно, кто ему сказал, что клеветнические измышления «лучше проговаривать»? Ведь наверняка среди его читателей найдутся и те, кто решит, что дыма без огня не бывает, а в их пересказах версия окрепнет, и, глядишь, появится еще один миф, который потом придется опровергать.

У отъезда Гагарина после окончания шестого класса были серьезные причины и без привлечения каких-либо криминальных версий. Прежде всего надо вспомнить, что в семью вернулись старшие дети: Зоя — весной 1946-го, Валентин — в апреле 1947-го. С одной стороны, появились дополнительные рабочие руки; с другой стороны, вернувшимся предстояло встать на ноги, завести собственные семьи и жилье, причем не в родном селе, а в Гжатске. Зоя вскоре вышла замуж за Дмитрия Бруевича — соседа по Клушину, фронтовика; у них родилась дочь Тамара, первая племянница будущего космонавта. Валентин в мае 1948 года женился на сироте Марии Александровне Ивановой из деревни Горлово и тоже перевез ее в Гжатск.

У Гагариных был свой огород, который выручал в голодное время, однако им остро не хватало «живых» денег. Алексей Иванович, несмотря на востребованность по строительной части, зарабатывал нерегулярно. Тем же самым занимался и зять Дмитрий. Валентин устроился электромонтером, но упал с подгнившего столба и сильно повредил ногу, на целый год сделавшись инвалидом. Анна Тимофеевна была полностью поглощена домашним хозяйством. О бедственном положении рассказывала и учительница Раевская: *«Семья Гагариных еле-еле сводила концы с концами. И Юра задумал сам пробивать себе дорогу в жизни. Я пыталась уговорить его кончить среднюю школу, и Анна Тимофеевна просила меня повлиять на сына, но*

Юра поступил по-своему: после шестого класса уехал в Люберцы, в ремесленное училище».

Проблема была в том, что еще в сентябре 1940 года была введена плата за обучение в старших классах средней школы, техникумах и вузах; для обычных городов типа Гжатска она составляла 150 рублей в год — вроде бы немного, если сравнивать со средней ежемесячной зарплатой по стране (например, в 1950 году она была 646 рублей в деньгах 1947 года), однако для семей, живущих крестьянским хозяйством, и такая сумма казалась существенной. Юрий с его деятельным характером не хотел быть обузой и понял, что пришла пора зарабатывать самостоятельно.

Кроме того, чем дальше, тем больше он ощущал возрастную разницу: весной 1949 года ему исполнилось пятнадцать лет, а большинству одноклассников было еще по тринадцать. Юрий на их фоне выглядел вполне созревшим молодым человеком с соответствующими интересами и мировосприятием; дети вокруг начали тяготить его. К тому же многие переростки, как свидетельствует Лев Толкалин, покидали школу и устраивались в ремесленные училища: обязательным в то время было только четырехлетнее образование, поэтому за дальнейшую судьбу детей отвечали родители. В качестве примера у Юры перед глазами выступал его товарищ по базовой школе Павел Дёшин, который устроился на работу и при этом обучался в вечерней средней школе.

Тут, конечно, имеет смысл обратиться к воспоминаниям самого Юрия Алексеевича, который подтверждает вышеизложенные сообщения (цитирую по книге «Дорога в космос» 1961 года издания):

«Окончив в Гжатске шесть классов средней школы, я стал задумываться о дальнейшей судьбе. Хотелось учиться, но я знал, что отец с матерью не смогут дать мне высшее образование. Зарботки у них небольшие, а в семье нас шестеро. Я всерьез подумывал о том, что сначала надо овладеть каким-то ремеслом, получить рабочую квалификацию, поступить на завод, а затем уже продолжать образование. <...>

Всё это я обдумывал наедине, советоваться было не с кем: ведь мать наверняка не отпустит меня. Для нее я всё еще оставался ребенком. Но про себя решил: если уеду из Гжатска, то только в Москву. Ни разу не побывав в ней, я был влюблен в нашу столицу, собирал открытки с фотографиями кремлевских башен, мостов через Москву-реку, памятников. Хоть сам я и не рисовал, но страстно хотел побы-

вать в Третьяковской галерее. Мечтал пройтись по Красной площади, поклониться великому Ленину.

Да и зацепка была у меня насчет Москвы. Ведь там жил брат отца — Савелий Иванович, работавший в строительной конторе. У него были две дочки — Антонина и Лидия, мои двоюродные сестры. Когда я сказал дома, чтобы отпустили меня к дяде Савелию, мать заплакала, а отец, подумав, сказал:

— На хорошее ты дело решился, Юрка. Езжай!... В Москве еще никто не пропал.

Учителя отговаривали: надо, мол, окончить семь классов. Но я уже тогда стремился не изменять однажды принятых решений. Собрали меня в дорогу. В поезде волновался: как встретят в Москве? Дядя жил на скромный заработок, а тут в его семье прибавлялся лишний рот. Но встретили меня хорошо, я бы сказал, даже очень хорошо. Сильно обрадовались двоюродные сестры».

В этом месте свидетельства расходятся. Сам космонавт, видимо, из соображения экономии печатного места сократил подробности своего приезда в Москву до нескольких фраз, из которых тем не менее можно сделать ошибочный вывод, что приехал он туда один и без предупреждения, то есть свалился как снег на голову. Скорее всего, это было не так. Анна Тимофеевна утверждала, что сначала списалась с Савелием Ивановичем и, только получив одобрение столичного родственника, попросила старшего сына Валентина «отвезти в Москву, да не уезжать, пока окончательно брата не устроит. Коли с ремесленным не выйдет (я на это очень надеялась), просила быстренько домой возвращаться». Ее слова подтверждал и Валентин Алексеевич, посвятивший этой поездке пять глав книги «Мой брат Юрий».

В конце августа (много времени ушло на принятие решения и оформление школьных документов) братья добрались на поезде до Москвы, там на метро — до станции «Сокол», рядом с которой по адресу 2-я Радиаторская улица, дом 2, квартира 4, жила семья Савелия Ивановича и Прасковьи Григорьевны Гагариных. Те приняли родственников радостно, устроили застолье, а на следующий день, в воскресенье, повели знакомиться с достопримечательностями столицы, посетили Третьяковскую галерею и цирк.

Однако все планы на быстрое обустройство судьбы племянника вскоре рухнули. Оказалось, что набор в московские ремесленные училища по специальностям токарь или слесарь давно завершен.

Кроме того, в большинстве из них требовалось законченное семилетнее образование. Попытки определить Юру в какое-либо училище строительного профиля, к которому Савелий Иванович имел отношение, также не увенчались успехом.

Разумеется, Юра сильно переживал по этому поводу, ведь ему придется менять планы, возвращаться в Гжатск, снова идти в школу, где его неизбежно встретят насмешки одноклассников. Получалось, что споры с родителями и учителями о праве выбирать собственный путь, выстраданное решение, мечта о самостоятельности — всё зря!

Его разочарование приняла близко к сердцу двадцатипятилетняя двоюродная сестра Антонина Савельевна, которая после отъезда Валентина пригласила Юру пожить к себе в коммунальную квартиру в Ананьевском переулке, на Сретенке. Ее муж Иван Иванович Ивановский, занятый в металлургии, обзвонил товарищей и выяснил, что в Люберецком ремесленном училище № 10 (в то время — № 14) при Государственном заводе сельхозмашин имени А. В. Ухтомского обнаружился недобор. Антонина и Юра немедленно выехали туда. Завуч училища Владимир Ильич Горенштейн поддался на уговоры и внес юношу в список поступающих. Гагарин уверенно сдал экзамен: сочинение на четыре и математику на пять.

Обратимся к воспоминаниям однокашника будущего космонавта по Люберецкому ремесленному училищу Тимофея Андреевича Чугунова, которые он изложил в небольшой книге «С юности на всю жизнь» (2006):

«В училище можно было получить специальность токаря, слесаря, литейщика и электромонтера.

Красивое многоэтажное здание училища меня обрадовало. В таком прекрасном здании мне предстояло учиться. Вот здорово! Но... впереди вступительные экзамены и приемная комиссия. <...>

Юра приехал в училище со своей двоюродной сестрой Тоней из Москвы. Она помогла ему во всех вопросах приема в училище. Экзамены он, конечно, сдавал сам.

Меня больше всего увлекало слесарное дело, а Юра хотел стать токарем. Хотя выбор профессий был разный, я с Юрой ходил вместе по коридорам училища в ожидании решения комиссии. Вскоре пришло к нам и общее огорчение: на токарные и слесарные профессии принимали с семилетним образованием, а у нас было 6 классов. Загоревали и Юра с Тоней, и я. <...>

Увидев наше расстройство, директор училища Иван Степанович Тихонов пригласил нас в свой кабинет и по-отцовски сказал: „Ребятки, я вам предлагаю учиться на литейщиков-формовщиков, на огненную профессию“. Об этой профессии мы и не слышали. Глядя на наши грустные лица, директор встал с кресла, подошел к нам совсем близко и стал рассказывать о мастерах-литейщиках, чьими руками отлиты исторические памятники, различные скульптуры для площадей и парков.

Мы внимательно слушали директора. И Юра тут же сказал, что он, когда его сестра Тоня знакомила с Москвой, уже видел памятники на улицах и в метро.

„Вот и хорошо, что видели эти памятники“, — спокойно заявил завуч училища Владимир Ильич [Горенштейн] и подчеркнул, что умелыми руками литейщиков-формовщиков изготавливаются отливки-заготовки для деталей всех видов станков, тракторов, комбайнов и самолетов.

Юра, услышав слово „самолетов“, радостно спросил у завуча: „А что для самолетов могут сделать литейщики?“

„Очень многие детали изготавливаются из цветных металлов точным литьем, а само сердце самолета — двигатель — тоже литье высокой точности и прочности“, — утвердительно сказал Владимир Ильич.

Получив такую информацию о своей будущей работе из первых уст, мы согласились учиться на литейщиков».

Конечно, что-то здесь приукрашено (упоминание самолетов — типичная мемуарная селекция!), однако зафиксирован и важный момент, который подтверждается другими источниками: изначально Юра не собирался становиться литейщиком-формовщиком и даже толком не знал, что это за специальность и зачем она нужна. Однако его намерение стать самостоятельным пересилило желание получить понятную и, как ему казалось, более престижную специальность. Гагарин добился своего, проявив характер, и не собирался останавливаться на достигнутом.

Биограф космонавта Лев Данилкин, правда, указывает: в сохранившейся «Поименной книге ремесленного училища № 10» написано, что Гагарин зачислен в училище согласно приказу № 140 от 30 сентября 1949 года, то есть не в августе, когда работала приемная комиссия. На основании этого Данилкин сделал вывод, что официальная биография подправлена: на самом деле Юрий вернулся в Гжатск, поступил в седьмой класс, а двоюродная сестра сумела

договориться с завучем после того, как учебный год начался. Однако эту версию не поддерживают ни воспоминания друзей Гагарина по училищу, ни свидетельства однокурсников из «параллельной» группы, ни «откровенные» мемуары Льва Толкалина. Возможно, расхождение в датах появилось в результате бюрократической волюнтаристичности: известно, например, что Гагарину сначала не хотели давать место в общежитии и на переговоры ушло какое-то время.

Люберцы, в которых предстояло жить и учиться Юрию, начали превращаться в индустриальный город в начале XX века, когда там открылся железнодорожный завод «Нью-Йорк», принадлежавший американскому бизнесмену и позднее перепрофилированный на производство сеноуборочной техники. В 1924 году завод был национализирован и переименован в честь машиниста Алексея Владимировича Ухтомского, командовавшего люберецкой боевой дружиной в ходе первой русской революции 1905 года и расстрелянного царскими карателями. В годы войны завод работал на фронт: там изготавливались корпуса для мин и другая военная продукция, за что был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

В 1949 году Люберцы представляли собой железнодорожную станцию и несколько рабочих поселков, выросших вблизи большого завода и множества маленьких. Жили там бедно, как в общем-то и везде в разоренной войной стране. В статье Юрия Кольванова, однокурсника Гагарина из «параллельной» группы, под заголовком «В начале пути» (газета «Люберецкая панорама» от 17 февраля 2011 года) есть, например, такое свидетельство времени: *«В конце работы приемной комиссии слово было предоставлено старшему мастеру училища. Он сообщил присутствующим в зале родителям тех ребят, которых приняли в группы токарей и слесарей, что на всех в училище не хватает штангенциркулей, и показал его. В то время этот прибор можно было купить на рынках-толкучках».*

Люберецкий краевед Герман Артёмов в статье «Пирожки горячие, мороженое „Мишка на Севере“» (газета «Люберецкая правда» от 22 октября 2004 года) так рассказывал о послевоенных реалиях родного ему города:

«Старожилы города Люберцы по старинке называют территорию на выходе из перехода на южной стороне города привокзальной площадью. И это обоснованно, так как на одной из железнодорожных платформ было здание вокзала.»

Что же представляла из себя площадь и чем она знаменательна для люберчан? <...> Где сейчас располагается торговый центр с застекленными павильонами, раньше были фанерные палатки голубого цвета. Государству всегда было выгодно продавать алкогольные напитки. И, конечно, на первом месте было питейное заведение. <...>

Начну описание с этого магазина-палатки, в простонародии прозванного „Голубой Дунай“. Были там стойки и столики. Продавали водку, вино в розлив и в бутылках. Самая маленькая тара — стограммовая бутылочка, и называли ее „шкалик“. <...> Вот в этом „Голубом Дунае“ можно было люберецким мужикам пообщаться и поделиться новостями. Многие вернулись с войны и вспоминали о жестоких боях.

В другой палатке продавали бочковое пиво. В бочке вышибалась пробка, и в отверстие вставлялся ручной насос. Продавица нагнетала воздух в бочку и разливала пиво по кружкам. Продавали здесь воблу и раков. Пиво пили не спеша и подолгу беседовали. Были палатки, где продавали брагу, квас и морс. <...> Мы, пацаны, пили квас и морс. Цены на прохладительные напитки были доступны. <...> Еще на площади продавали „газировку“ — газированную воду. Продавец привозил тачку, на которой установлено оборудование для приготовления газированной воды. Один стакан с сиропом стоил четыре копейки, без сиропа — одна копейка.

Привозили из пекарни на тележке батоны, и продавец зазывал покупателей: „Батоны горячие, рубль сорок!“ Вот такая была реклама в далекие времена. Цены постоянно менялись. В декабре 1947 года, когда отменили карточки и заменили деньги, немного стало получше жить. Появились продукты питания, но денег у людей всё равно было мало. Покупали колбаски, сырку по двести граммов, и продавец спрашивал покупателя: „Вам порезать колбаску?“ В годы войны, да и после, муку и крупу на площади продавали стаканами. Было определенное место, где продавали табак, махорку. Заядлые курильщики, чтобы купить стакан махорки, делали сигарку или „козью ножку“ из газеты и проверяли крепость. Потом уж насыпали кисеты. <...> Огонь добывали при помощи твердого камня, напильника и фитиля. Продавали и папиросы в россыпь, то есть можно было купить несколько папирос, обычно „Беломор“. Курить папиросы „Казбек“ считалось шиком. Вспоминается песня, которую исполнял Марк Бернес: „В ответ, достав «Казбеку» пачку, сказал ей Костя с холодком...“ Конечно, сигарет с фильтром не было.

В общем, чего только не продавали на площади! Продавали семечки, отмеряли гранеными стаканами или маленькими стаканчиками. Но прежде чем купить семечки, их пробовали. Торговки не возражали — так уж принято было. Были и тыквенные семечки. Пишу о еде, потому что есть постоянно хотелось.

Рабочие с ГЛЗ (Государственный Люберецкий завод) приносили для продажи дрова (обрезки досок и чурбачки). Целый ряд торговых предлажали „кофе“ (из желудей) и „какао“ (из шелухи от очистки зерен). Бабушки варили дома „питье“. Заливали в утепленные чайники и приносили на площадь. Зывали покупателей: „Кому горячий кофий!“, „Покупайте сладкая какава!“. Для сладости использовали не сахар, а сахарин. Тут же можно было купить вареную картошку с укропом, лепешки. Девчонки и мальчишки жевали жмых (остатки семян масличных растений после выжимания из них масла), чаще из подсолнечника. Позднее стали продавать пирожки с ливером по четыре копейки, а с мясом — по десять. <...>

Сейчас зайдешь в магазин — какого мороженого только нет, на любой вкус! А раньше мороженое умельцы делали дома. Торговали из бачков, наполняя ложкой приспособление, в которое вначале клали вафельку, затем сверху — другую и выдавливали. По форме мороженое было круглое. Позднее появилось с вафлями и в бумажной обертке, и продавцы носили его в ящиках с сухим льдом. Рекламировали так: „Мороженое „Мишка на Севере“ и для присказки добавляли: „Машка на Юге“.

Недалеко от площади, где сейчас дома № 5, 7 по улице Волковской, располагался старый рынок. Неверно называют книжный базар старым рынком, это уже второй. Когда закрыли малаховский рынок, то привокзальная площадь была еще более многолюдной. И здесь стали продавать костюмы, платья, пальто (лицованные-перелицованные).

Были и развлечения на площади. Обдуряли народ картёжники, умело жульничали и приговаривали: „Как туз, так и денег картуз“. Были и всевозможные рулетки, веревочки с петлями. Люди играли и наделись выиграть, но чаще проигрывали. На площадь народ приходил не только чтобы купить или продать, но и чтобы встретить знакомых и даже послушать музыку. Продавали здесь патефоны и граммофоны. Крутили довоенные пластинки. Играли на гармошках, баянах, аккордеонах, привезенных из-за границы.

Хотелось людям иметь хоть какую-нибудь отдушину в жизни. Тяжело жилось — много было нищих, инвалидов. Они просили милостыню:

„Подайте копеечку на пропитание“. Сердобольные подавали, хотя сами испытывали нужду. <...>

Так что площадь в городе имела большое значение».

Здание Люберецкого ремесленного училища № 10 и по сей день находится по адресу: Октябрьский проспект, 136 (на пересечении проспекта с Комсомольской улицей). Отсчет его истории принято вести с 4 декабря 1922 года, когда был выпущен первый учебный план для профессионально-технических курсов, учрежденных заводом завода сельхозмашин. Через три года курсы превратились в группу фабрично-заводского обучения, а в 1940 году наконец-то было открыто и само училище.

Хотя время было трудное и голодное, учащиеся сразу почувствовали опеку государства: каждому бесплатно предоставили койкоместо в общежитии, трехразовое питание и форменную одежду. Обедать ходили группами в столовую соседнего весового завода. После голодных военных лет каша с маслом и мясные щи казались вчерашним детям «царской едой». Литейщикам с учетом вредности их специальности ежедневно дополнительно выдавали 15–20 г сливочного масла и по стакану молока.

Общежитие было одноэтажным, барачного типа: здесь квартировали не только учащиеся, но и преподаватели. В комнатах жили по 15–16 человек; кровати были обычные, пружинные, не двухъярусные; матрацы набиты морской травой; там же общий стол, табуретки и тумбочки. Юрий Гагарин описывал быт общежития в радужных тонах: *«Жили мы между собой мирно, дружно. Во всём был порядок: вставали и ложились одновременно, вместе ходили в столовую, <...> вместе бегали в кино и на стадион, находившийся тут же под боком, в зеленой раме тополей».* Однако любому, кому приходилось скученно жить в компании разновозрастных сверстников, известно, что поначалу неизбежен период притирки, сопровождаемый выявлением лидеров и построением своеобразной иерархии. О том, как это происходило в Люберцах, Лидии Обуховой рассказал завуч Владимир Ильич Горенштейн (цитирую по книге «Вначале была Земля», 1973): *«Сообщество шестнадцатилетних, прежде чем стать коллективом, обязательно проходит период вольницы. Общежитийские спальни превращаются в ватаги; комната идет на комнату. <...> И в первый же год было у них генеральное сражение с парнями по второму году обучения. Второгодники хотели главенствовать и добивались этого методами от-*

кровенного насилия: они становились цепью в узком проходе и ловкими движениями срывали пояса у новичков. Пояса были на защелке под крупной металлической бляхой; раздавался быстрый лязгающий звук — и противник оказывался распояской, в виде, абсолютно унижительном для мужского достоинства! Случалось всякое. <...> Даже скоропалительная „забастовка“ из-за невыданных спецовок. Заупрямившиеся ребята решили не выходить из спальни и для этого... залезли под кровати».

Все эти молодежные проблемы умело решал воспитатель общежития Владимир Александрович Никифоров. В качестве превентивной меры он запретил какую-либо деятельность в здании после 22:15 и выключал комнатное освещение, чтобы предотвратить нарушения режима. Впрочем, тем, кто обучался в вечерней школе, он позволял делать домашние задания в общем коридоре.

В этой непростой ситуации Юрию Гагарину повезло найти верных друзей в первые же дни после поступления. Ими стали Тимофей Андреевич Чугунов и Александр Егорович Петушков. Их сблизил общность происхождения (Смоленская область) и сходство биографий (война, оккупация, два потерянных года). Они и жили вместе, и развлекались вместе, и даже вечернюю школу рабочей молодежи посещали вместе.

Обратимся к воспоминаниям Тимофея Чугунова:

«Койка Юры и моя стояли рядом в углу от окон. До безумия были рады первому жилью вдали от родителей. Здесь нам предстояло прожить два года. Общежитие — одноэтажное деревянное здание. Расположено оно рядом с заводом имени Ухтомского.

Во дворе общежития стояли спортивные снаряды. Уже в первый день Юра с ребятами из нашей комнаты испробовали свои силы на перекладине и брусьях. Саша Петушков крикнул Юре: „Не упади с брусьев головой вниз, голова нужна для учебы!“ С этого времени Юра и я познакомились с Петушковым. Он из Юхновского района Калужской области. Раньше этот район входил в Смоленскую область. Можно считать, что Саша — тоже наш земляк. <...>

Интересный момент в нашей жизни — получение формы. До этого мы выглядели каждый по-своему. Выдали нам гимнастерку, брюки, черную шинель с петлицами „РУ-10“, ботинки выходные и рабочие, шапку и фуражку с эмблемой „Ключ и молоток“, широкий ремень с опознавательным знаком „РУ“ на металлической пряжке, нательное белье, носки, носовые платочки, белые подворотнички.

Форма молодого рабочего нам понравилась. Правда, долго пришлось ее подбирать по размеру. В форме нас трудно было отличить друг от друга. <...>

Юра бережно относился к форменной одежде. У него каждый день чистый белоснежный подворотничок на гимнастерке, любил его стирать и подшивать ежедневно. У Юры и пряжка на ремне, и пуговицы на шинели и гимнастерке всегда излучали блеск после тщательной чистки их пастой или мелом. Да и ботинки свои он не оставлял на ночь грязными. К сожалению, некоторые ребята из нашей группы этого не делали. Бережливость и аккуратность Юры многим понравились. Со временем они стали относиться к своей одежде бережно, как Юра.

Через два месяца наша группа на училищном смотре по соблюдению формы одежды заняла призовое место. Первое поощрение от дирекции училища было воспринято каждым из нас как начало становления коллективной дружбы».

Историк Александр Валентинович Глушко в любопытной статье «Форма одежды Юрия Алексеевича Гагарина. Разновидности и особенности ношения» (журнал «Новости космонавтики», 2014, № 4) сообщает, что форменная одежда для учащихся специальных ремесленных училищ была введена приказом Главного управления трудовых резервов (ГУТР) при Совете народных комиссаров СССР приказами № 1435 (от октября 1943 года) и № 1832 (от 28 декабря 1943 года). Предусматривалось несколько видов обмундирования. Рабочая форма включала: темно-синюю хлопчатобумажную гимнастерку со стоячим воротником, пятью пуговицами и двумя верхними боковыми накладными карманами; пояс с металлической форменной пряжкой; хлопчатобумажные брюки того же цвета с двумя боковыми карманами. На ногах носили кожаные ботинки черного цвета. Выходное обмундирование, разумеется, отличалось: темно-синий, черный или коричневый однобортный китель из улучшенной шерстяной ткани на пяти серебристых пуговицах с изображением переkreпленных молотка и разводного ключа; на груди — два прорезных кармана с клапанами; воротник был отложной с застежкой на один крючок. Воротник и обшлага имели канты синего цвета. На черных петлицах с синим кантом крепились: металлический знак в виде молотка и разводного ключа, две металлические буквы «РУ» и цифра — номер ремесленного училища. Что касается Юрия Гагарина, то он носил петлицы без букв и цифр, с одной лишь эмблемой — это хоро-

шо видно на сохранившихся фотографиях. Брюки изготавливались из материала того же цвета и качества, что и китель, а фуражка — из сукна темно-синего цвета с синими кантами и матерчатым козырьком; ее ремешок был прикреплен двумя серебристыми пуговицами; к околышу фуражки крепился все тот же знак с молотком и ключом. Интересный факт: Гагарин, как и многие другие его сокурсники, носил китель с некоторым нарушением правил — расстегнув верхнюю пуговицу так, чтобы было видно белую рубашку и галстук.

В училище литейщиками занимались два мастера производственного обучения — Николай Петрович Кривов и Егор Алексеевич Прохоров. Официально к 21-й группе, в которой учился Гагарин с товарищами, был «приписан» первый из них, однако они периодически подменяли друг друга, из-за чего впоследствии возникла путаница в источниках, связанных с именем космонавта. На начальном этапе мастера вели теоретические занятия, посвященные истории завода, основам и специфике производства, технике безопасности и тому подобному. Затем начались практические занятия.

Вновь обратимся к мемуарам Тимофея Чугунова:

«Теоретические занятия шли полным ходом, но в цехах завода мы еще не были. Все мы рвались на завод. Очень хотелось своими глазами увидеть литейный цех, в котором нам предстояло в течение двух лет осваивать сложную специальность формовщика-литейщика. <...> Да и механические мастерские нашего училища находились на территории завода.

Сначала мы попали в эти мастерские. Шум токарных станков, удары слесарных молотков не помешали нам увидеть, как ловко и уверенно крутят рукоятками станков ребята второго года обучения. Их мастер показал много готовых деталей. „Вот здорово!“ — сказал Миша Громов, староста нашей группы. Мы понимали, что не нам здесь учиться. Наша судьба уже определена — мы будущие литейщики.

А вот и литейный цех. Мастер еще раз напомнил о строгих правилах техники безопасности в горячих цехах. Трудно описать, какое первое впечатление произвел литейный цех. Страх охватил нас от шума пневматических трамбовок — это вроде шахтерских отбойных молотков, только трамбовки у литейщиков служат для уплотнения формовочной смеси в опоках. А какой грохот от вибрационных решеток на выбивке форм с горячими отливками! По всему цеху движется подвесной конвейер с сотнями опок, готовых для заливки жидким чу-

гуном. Брызги металла при этом летят во все стороны. Настоящий фейерверк! Это нам понравилось. С участка заливки мастер повел нас к плавильным печам (вагранкам). Он коротко рассказал об исходных материалах (шихты) для плавки, при этом особо подчеркнул, что загрузка их в печь ведется в строгом соотношении. Только это и обеспечивает получение чугуна с заданными характеристиками по химическому составу.

Миша Седов спросил у мастера: „А мы будем плавить металл?“ Мастер ответил, что эту работу выполняют рабочие других специальностей — вагранщики, плавильщики. „Но вы после успешного окончания училища сможете эту работу выполнять. Программой обучения формовщиков-литейщиков предусмотрена практика (работа) на плавильных печах“. Кто-то издали крикнул: „Мы еще и металлургами станем?“ — „Да, — ответил мастер. — Литейщик и металлург — это профессии одной отрасли народного хозяйства (металлургической)“.

В первый день мы побывали на всех участках литейного цеха. Возвращались в общежитие уставшими, но никто из нас не подумал уходить из литейной группы».

На самом деле это было не совсем так. Юрий Гагарин не оставил намерения перевестись из группы литейщиков в токари, что подтверждал и сам, будучи уже всемирно известным космонавтом. Тем более что первое время учащиеся гнали сплошной брак, чем вызывали негативную реакцию мастеров и насмешки второкурсников. Однако со временем под руководством опытных рабочих у бывших школьников стало получаться, и Юрий сам не заметил, как увлекся новым для него делом. Товарищи отмечали, что к процессу он подходил творчески, обдумывая варианты получения отливки и выбирая лучший из них. Тяжело бывшим школьникам давалось черчение, однако и здесь Гагарин, проявив упорство, добился высоких оценок.

Его успехи подтверждает уцелевший отчет, составленный мастером Егором Алексеевичем Прохоровым осенью 1949 года. Из него можно узнать, что в первой четверти 1949/50 учебного года ремесленник Гагарин выполнил производственное задание на 102,3 процента; в длинном перечне учебных дисциплин у него только две четверки, всё остальное — «отлично».

Как и в Гжатске, помимо учебы, Гагарин активно занимался спортом. Интересно, что среди однокурсников у него появился соперник — спортсмен-любитель Виктор Лыков. При этом вместе они

достойно защищали честь 21-й группы на всевозможных соревнованиях. Сохранились собственноручно записанные воспоминания Ивана Николаевича Ровнова — преподавателя физкультуры (1983):

«Все мальчишки в группах литейщиков хотя и разные по росту, но физически крепкие, ладные ребята. Они прибыли в училище из деревень, а физическая работа дома сделала их сильными.

Первые уроки физкультуры — первые знакомства. Ребята на занятиях в той же ремесленной форме. Уроки по физкультуре проходят в помещении, приспособленном под физкультурный зал. Особенно интересны и разнообразны для ребят были уроки по гимнастике.

Среди ребят в группах литейщиков своим старанием, увлеченностью, стремлением научиться выполнять упражнения на гимнастических снарядах выделялся Юра Гагарин, паренек с звонким не устоявшимся голосом.

Если у Юры не получалось, например, на перекладине то или иное упражнение, он старался его выполнять по нескольку раз до тех пор, пока оно получалось.

Юрий одним из первых начал крутить „солнце“ на турнике. Это сложное упражнение. Он был членом совета физкультуры училища.

В училище проводились соревнования между группами по гимнастике, лыжам, волейболу и баскетболу. Как он любил играть в баскетбол! Хотя рост его не был баскетбольным по сегодняшним меркам. Играли учащиеся в баскетбол, в волейбол только на летних площадках».

Понятно, что и в Люберцах преподавательский состав обращал внимание на инициативных молодых людей, стремящихся к лидерству в учебе и общественной работе. Для дальнейшего роста Гагарину следовало вступить в комсомол. Тогда это делалось так: сначала кандидат писал заявление и собирал рекомендации от комсомольцев, затем его кандидатура обсуждалась на общем комсомольском собрании, которое направляло его дальше — на бюро городского комитета комсомола. Как и ожидалось, Юрий легко справился с формальностями. Сохранился протокол № 55 заседания бюро от 14 декабря 1949 года, в котором записано:

«Слушали: о приеме в члены ВЛКСМ Ю. А. Гагарина.

Рекомендуют: Т. А. Чугунов, А. В. Новгородцев.

Постановили: принять в члены ВЛКСМ Юрия Алексеевича Гагарина, 1934 года рождения, образование шесть классов, русского, ученика литейщика ремесленного училища № 10».

Первый комсомольский билет Юрия Гагарина, видимо, не сохранился — во время учебы в авиационном училище ему выдали новый, с № 02959544; дата выдачи указана 20 января 1956 года.

Из-за высокой занятости свое намерение получить семилетнее образование в вечерней школе рабочей молодежи Юрий отложил на потом. Однако ему об этом напомнили. В том же декабре в Люберцы приехала навестить сына Анна Тимофеевна. Ее появление хорошо запомнилось друзьям Юрия, и через много лет Тимофей Чугунов напишет:

«Она встретилась с нашим мастером и воспитателем общежития. Они показали ей кабинеты учебного корпуса, спортзал, столовую и здравпункт. Познакомилась с журналами теоретического и производственного обучения. <...> Затем воспитатель и Анна Тимофеевна пришли в общежитие, в комнату, где мы жили. Владимир Александрович сказал: „Посмотрите, какой порядок в этой комнате! Юра у них старшим выбран, он добросовестно следит за чистотой и порядком. Я очень рад, что такой у вас хороший сын“. Анна Тимофеевна поблагодарила воспитателя общежития и мастера группы за обучение и воспитание сына, всех ребят нашей группы. После этого выложила на середину стола гостинец: домашнюю выпечку, вареные яйца, соленое сало, яблоки своего сада и конфеты. Пригласила нас этим угощаться. Мы дружно сели за стол. <...>

Анна Тимофеевна на прощание нам сказала: „Ребята, учитесь хорошо, дисциплину не нарушайте, слушайте своих учителей. <...> Обязательно идите учиться в седьмой класс. А ты, Юра, обещал нам учиться в вечерней школе, когда уезжал из дома в училище. Слово свое, сынок, надо выполнять“. Юре в эти минуты пришлось покраснеть от упреков мамы. Он дал слово, что обязательно пойдет учиться в седьмой класс в 1950 году и закончит его с отличием. Слово Юра сдержал».

Хотя Юрий и жил в Люберцах, он оставался под контролем родственников. На выходные юноша приезжал в поселок Клязьма (ныне входит в город Пушкино Московской области), где жила семья Марии Тимофеевны Дюковой (урожденной Матвеевой), старшей сестры Анны Тимофеевны. Там он помогал по дому и отдыхал вместе с двоюродной сестрой Надеждой и двоюродным братом Владимиром. Надежда Кирилловна Щекочихина (урожденная Дюкова) позднее вспоминала (запись от 23 февраля 1983 года):

«Юра всегда приезжал в форменной одежде, выглядел стройным, подтянутым, в гимнастерке, подпоясанной ремнем. На гимнастерке любил носить значки, полученные им за спортивные достижения. <...> Однажды Юра приехал сильно расстроенный: во время работы в литейном цехе брызги расплавленного металла попали на спецодежду и прожгли ее. Пришлось ее латать. Помню, привез Юра свою первую самостоятельную работу — чернильницу, которую отлил своими руками из металла. Точно такую же чернильницу отвез в Гжатск, она сейчас находится в музее города Гагарина.

Новый, 1950 год Юра встречал вместе с нами. Но не было среди нас мамы — она в ту ночь дежурила в поликлинике. Незадолго до наступления Нового года мы оделись и пошли к ней на работу. Когда подошли к поликлинике, Юра оставил нас за углом, а сам постучался в дверь. Вышла санитарка, Юра жалобно сказал: „Мамка рождает“. Тут же на пороге появилась одетая, с медицинской сумкой в руках, мама. Мы подхватили ее под руки и за несколько минут привели домой к праздничному столу. Как нам было весело тогда, всё нас смешило. Мы пели, танцевали, шутили. Юра любил петь, с чувством пропел тогда длинную партизанскую песню: „Ой, туманы мои растуманы, ой, родные поля и леса, уходили на фронт партизаны, уходили на фронт на врага...“ И мне стало понятно, что в памяти Юры еще свежи годы войны, годы немецкой оккупации, когда дети несли бремя войны наряду со взрослыми».

От родственников в те праздничные дни Гагарин отправился в Москву. Дирекция училища наградила лучших учащихся поездкой 3 января 1950 года на новогоднюю елку в Колонный зал Дома Союзов. Нужно помнить, что многие из первокурсников всё еще оставались детьми (от четырнадцати до шестнадцати лет), причем прожившими всю жизнь в провинции, и для них подобное мероприятие было грандиозным событием. Юра и его друзья на всю жизнь запомнили аттракционы, игры и, конечно, праздничный хоровод.

После каникул, которые Гагарин провел в Гжатске, жизнь вернулась в прежнюю колею. Молодые ремесленники набирались производственного опыта и к весне включились в настоящее производство. Тимофей Чугунов вспоминал:

«Мастер поручал Гагарину сложные работы. Он с ними справлялся полностью, но были и трудности. Отливка шестерни с литым зубом поставила Юру в тупик. Мастер наблюдал за работой и видел его ошиб-

ки при уплотнении формовочной смеси в опоке, но ничего не сказал. Только к концу смены Гагарину удалось получить годную отливку. Мастер похвалил Гагарина и поставил в журнале отличную оценку. При подведении итогов за рабочую смену мастер сказал: „Юра Гагарин сегодня при отливке шестерни с литым зубом проявил рабочую смекалку и настойчивость. Берите с него пример!“ Юра, опустив голову, тихо проговорил: „В группе многие так работают, что тут особенного?“ <...>

Работали добросовестно. Большинство ребят выполняло производственное задание на сто и выше процентов. Брака заметно поубавилось. За годную продукцию начали выдавать нам зарплату по заводской ведомости. С этого времени стали себя считать „рабочими“, но впереди еще год учебы».

Как же выглядела работа Гагарина и его товарищей?

Сам космонавт описывал ее предельно кратко: «Мастер привел нас в механизированный литейный цех. Там из белого чугуна отливали средние и мелкие детали к машинам. Водил он нас и к термическим печам, показывал производство отжига, объяснял, как хрупкий металл превращается в вязкий, ковкий чугун. <...> Вскоре меня определили к станку — учили специальности формовщика. Рядом со станком двигался конвейер. Мы делаем формы, ставим стержни, накрываем опоку — и на конвейер».

Здесь пропущены важные моменты, поэтому за подробностями мы обратимся к книге профессора Александра Павловича Гавриленко «Механическая технология металлов. Литейное дело», впервые опубликованной в 1903 году и неоднократно переиздававшейся в советские времена с исправлениями и дополнениями. Как мы видим из описаний выше, производство на заводе было уже значительно механизировано по сравнению с довоенным, однако будущим ремесленникам давали в том числе основы специальности, то есть прививали навыки ручной работы, общая последовательность которой не менялась с конца XIX века. Сначала в особой машине изготавливается формовочная смесь — специальный песок, глина или так называемая «масса» (смесь огнеупорной глины с кварцем, графитом или коксом). Затем по соответствующим чертежам выпускается модель будущей детали — обычно из дерева, поскольку оно дешево и широко распространено. При проектировании модели следует учитывать удобство ее извлечения из смеси без нарушения правильности отпечатка. Следующий этап — набивка смесью опок,

то есть ящиков, в которые устанавливается модель. Опоки тоже изготавливают из дерева, а при массовом производстве — из чугуна. Обычно их делают сборными, скрепляя отдельные части шпильками, скобами и клиньями. Литейщик размещает опоку на формовочную («подмодельную») доску, соединяет и тщательно фиксирует части, а внутрь кладет готовую модель так, чтобы она соприкасалась своей разъемной поверхностью с доской. Убедившись, что всё готово, он просеивает смесь мелким ситом и аккуратно наполняет ею опоку, работая двумя инструментами: набойником с клинообразным концом и трамбовкой с плоской насадкой — тот и другой инструменты имеют ручку, длина которой зависит от того, сидит или стоит литейщик. Кстати, на знаменитой фотографии Юрия Гагарина в роли ремесленника он как раз держит в руках трамбовку с плоской насадкой. В зависимости от качества металла и размера будущего изделия смесь либо смачивают, либо оставляют сухой. Понятно, что от работника здесь требуется большой навык, поскольку плотность набивки определяет, как пройдет литье. Для облегчения выхода газов смесь протыкают толстой проволокой, делая в ней вентиляционные канавки, которые заполняются коксовой золой. После того как опока с моделью набита, ее накрывают другой («основной») доской, которую скрепляют струбцинами с нижней формовочной; затем всю получившуюся конструкцию переворачивают. Литейщик убирает струбцины и формовочную доску, смахивает отставшую мелочь щеткой, выравнивает смесь гладилкой, втыкает в нее модель литника, через который будет втекать раскаленный металл, и модель выпора, через который выйдет его избыток. Если модель изделия состоит из двух половин, то они соединяются; если из одной, то можно сразу приступить к установке и набивке верхней опоки, предварительно посыпав нижнюю разделительным белым песком. Излишки смеси сгребаются металлической линейкой или цилиндрической частью трамбовки. Окончив набивку, верхнюю опоку снимают и кладут в сторону. Теперь работник аккуратно вытаскивает из уплотненной смеси модели изделия, литника и выпора, с помощью специальных крючков убирает сор, который мог попасть в полученный отпечаток-форму, припыляет древесным углем для предотвращения пригорания смеси. Чтобы при заливке раскаленного металла форма не «поплыла», ее дополнительно укрепляют железными стержнями, смазанными для большей связи со смесью жидкой гли-

ной или тестом. На заключительном этапе работник накрывает нижнюю опоку верхней и соединяет их скобами — форма готова к заливке металлом.

Как видите, процесс многоэтапный и весьма творческий. Профессор Гавриленко отмечал, что качество полученного изделия очень сильно зависит от мастерства и даже таланта литейщика, ведь при извлечении модели форма всегда немного повреждается, поэтому, чтобы избежать малейшего брака, он должен внимательно изучить отпечаток в смеси и поправить дефекты пальцами, гладилками или специальными приспособлениями: например, испорченные зубья шестерни, о которой шла речь выше, можно «спасти», вставляя модель отдельного зуба в нужное место формы. При этом настоящий мастер мог подготовить от семидесяти до ста опок за рабочий день (речь идет, конечно, о самых простых формах).

Из воспоминаний товарищей Гагарина видно, что их обучали не только ручной формовке, но и машинной. Для нее в то время использовались пневматические трамбовки, модельные машины с односторонним и двусторонним прессованием, а также специальные машины для формирования сердечников и зубчатых колес. Они, конечно, сильно облегчали литейщикам работу, однако, как вскоре показала практика, навыки ручной формовки Гагарину и его друзьям тожегодились.

За продукцию, соответствующую стандартам качества, учащимся начисляли «получку», то есть заработную плату, которая составляла 300 рублей в деньгах 1947 года — вдвое меньше средней зарплаты того времени. Но для вчерашних школьников и это были огромные деньги. Они даже не знали, на что их потратить. Юрий, как свидетельствуют его друзья, решил отправлять половину заработка матери в Гжатск, что выглядит вполне естественным: с одной стороны, он знал, каким подспорьем его деньги станут для семьи, с другой — ему хотелось показать родителям свою полезность и правильность выбора.

С «получками» связана забавная история. Однажды родители Миши Седова из 21-й группы купили ему на Перовском рынке новый выходной костюм, который им там же завернули. Когда добрались до общежития, то выяснилось, что продавец-мошенник подменил костюм ворохом тряпок. Юра и его «смоленские» друзья поехали на рынок искать обманщика. Конечно, того и след простыл, зато сами

они сделали «некоторые приобретения»: Чугунов купил военный китель, Гагарин — фанерный чемодан.

Другим заметным приобретением Юрия стал массовый двухобъективный зеркальный фотоаппарат «Любитель» на двенадцать кадров — новинка, выпускавшаяся с 1950 года. С тех пор Гагарин вернулся к своему отроческому увлечению фотографией, которое не оставлял всю дальнейшую жизнь. Проявлением пленки и печатанием получившихся снимков он занимался в Клязьме с двоюродными братом и сестрой.

На летние каникулы 1950 года учащиеся разъехались уже вполне самостоятельными людьми. Юрий, разумеется, направился в Гжатск. Анна Тимофеевна вспоминала: *«Привез всем подарки на деньги, заработанные на заводе: мне — платок, отцу — нарядную рубашку. Валентиновой дочке — игрушки. А [племяннице] Тамаре привез трехколесный велосипед. <...> С какой же гордостью вручал он привезенное! Я радовалась подаркам, доброте и внимательности сына. Он вытянулся за эти полгода, стал ростом почти вровень со мной. Обычно ребята в этом возрасте угловаты, а Юра всегда ходил ровнехонько, как-то по-особенному подтянуто. Наверное, сказалось то, что он много занимался спортом. Он и дома всегда делал физзарядку, говорил, что это хорошая привычка, не надо ее терять. <...> Разговоров, особенно первое время, только и было, что об училище. О практике, о теоретических занятиях, о товарищах, о комсомольской работе. Несколько раз заговаривал о том, что после ремесленного училища можно поступить в техникум, в институт...»*

Чем именно занимался Юрий на каникулах? Привычными делами: опять помогал по дому, развлекался со старыми друзьями, на время вернулся в духовой оркестр, чтобы выступать на городской танцплощадке. Когда смотришь на фото Гагарина того времени, то действительно видишь не ребенка, не юношу, а вполне сформировавшегося молодого человека, который мало уже чем отличается от растиражированного образа космонавта после орбитального полета. Оно и понятно, ведь ему шел семнадцатый год, а выросел Юрий быстро: сказывались и суровое детство, и тяжелая работа в литейном цехе, и активные занятия спортом. Нет ничего удивительного, что он завел подружку.

Скажем прямо, Гагарин никогда не чурался противоположного пола и умел с ним общаться, благо у юноши хватало сестер. Старший

брат Валентин утверждал даже, что именно Юрий «сосватал» его будущей жене. Ко всему прочему, Гагарин был парень, что называется, видный: красивое приветливое лицо, ясный взгляд, располагающая улыбка, здоровые зубы, развитая мускулатура, самостоятельность, начитанность, чистоплотность, аккуратность. Неудивительно, что и девушки обращали на него внимание.

Знакомый нам Лев Толкалин в интервью Светлане Михайловой из «Комсомольской правды — Тула» (13 апреля 2004 года) сообщил, что серьезные отношения у Гагарина в тот период завязались с бывшей одноклассницей по гжатской средней школе Аидой Александровной Лукиной (ныне Цибановой). После его отъезда в Люберцы они активно переписывались, а встречаясь на каникулах, гуляли по городу. Девушка, согласно Толкалину, была очень красивая и спокойная, на нее заглядывались многие, но выбрала она Юрия. Среди общих друзей ходил слух, что они договорились сыграть свадьбу по достижении восемнадцати лет, однако судьба распорядилась иначе.

Вернувшись с каникул, Гагарин, Чугунов и Петушков подали наконец заявления на получение семилетнего образования. Люберецкая средняя школа рабочей молодежи № 1 при заводе имени А. В. Ухтомского размещалась в подвале одного из цехов, где производились моторы, неподалеку от второй проходной. В ней обучались не только молодые заводчане и учащиеся ремесленного училища, но и работники других предприятий города. В «гагаринском» классе было двадцать учеников, но не всем удалось закончить седьмой класс. Тимофей Чугунов свидетельствовал: *«Мой односельчанин Ваня Моисеенков и другие ребята из училища ходили в школу несколько недель, испугавшись трудностей, бросили учебу. Конечно, для нас это было огорчение, мы всячески агитировали, помогали им в учебе, надеясь, что они окончат седьмой класс»*. Интересный факт: если верить Анне Тимофеевне (а у нас нет оснований ей не верить), то даже после подачи заявления Юрий некоторое время не ходил в школу, объясняя это тем, что на время занятий накладывается производственная практика. Тем не менее всё у него вскоре наладилось: он быстро преодолел отставание и выбился в лучшие ученики.

Как и в гжатской школе, особые успехи Гагарин демонстрировал в алгебре, геометрии, физике и литературе. По воспоминаниям друзей, особо выделяла Юрия учительница русского языка и литературы Елена Петровна Михеева. Они подозревали, что она специально

вызывает его к доске чаще других, зная, что он всегда не только ответит грамотно на ее вопросы, но и даст более или менее подробный анализ прочитанного, что простимулирует интерес других учеников к художественной прозе и поэзии. Кроме того, она назначила Юрия редактором школьной стенгазеты, таким образом поддержав «традицию», начатую еще в Гжатске.

На увлечение Юрия Гагарина литературой стоит обратить особое внимание. Чтобы ни говорили сегодня о Советском Союзе как о «самой читающей» стране, в действительности не так уж много советских подростков можно было назвать библиофилами, последовательно расширявшими свой кругозор за счет классики и современной им прозы. Косвенное свидетельство этому мы находим и в мемуарах людей, окружавших Юрия до того, как он попал в отряд космонавтов: они так восхищаются познаниями Гагарина в литературе, его умением декламировать и цитировать, что невольно приходишь к выводу, что для того времени такая начитанность была чем-то особенным. Вероятно, будущий космонавт интуитивно осознавал недостаточность своего культурного уровня и стремился повысить его единственным доступным способом. Что же он читал, будучи в Люберцах? Друзья называют лишь несколько текстов: «Евгения Онегина» Александра Сергеевича Пушкина, «Повесть о настоящем человеке» Бориса Николаевича Полевого, «Это было под Ровно» Дмитрия Николаевича Медведева, «Сталь и шлак» Владимира Фёдоровича Попова. Если первые три текста хорошо известны, то последний, который с подачи некоторых источников называют чуть ли не самым любимым романом Гагарина, стоит полистать. Роман «Сталь и шлак» впервые вышел в 1948 году, а через год был награжден Сталинской премией 2-й степени. Вероятно, Гагарину импонировало то, что Попов был металлургом (практически — коллегой!), который, как тот сам пишет, «прошел всю производственную лестницу — начал с чернорабочего и кончил начальником мартеновского цеха». Тем более, что в книге в равной степени описывались и жизнь пролетариата, и работа в эвакуации, и партизанская деятельность в тылу врага. Наверняка всё это было близко юноше и искупало определенную повествовательную дидактичность.

Люберцы, конечно, давали больше простора для культурного развития, чем Гжатск. В городском кинотеатре шли фильмы, снятые по «горячим следам» реальной войны: «Молодая гвардия» (1948), «Ста-

линградская битва» (1949), «Падение Берлина» (1949), «Встреча на Эльбе» (1949), «Звезда» (1949), «Смелые люди» (1950) и тому подобные. Впрочем, политическая ситуация снова вызывала предвоенные ожидания: началась история очередного противостояния — теперь между СССР и США, поэтому в прокате появлялось всё больше кинолент, посвященных обличению американского империализма: «Секретная миссия» (1950), «В мирные дни» (1950), «Заговор обреченных» (1950).

Кроме того, учащиеся имели возможность чаще ездить в Москву. Как свидетельствовал Чугунов, они посещали музеи, зоопарк, а однажды Гагарин уговорил приятелей пойти на выступление поэта Назыма Хикмета в парке Сокольники. Сегодня имя этого человека мало кому известно, но в то время за ним закрепилась репутация «турецкого Пушкина». В 1921 году Хикмет, будучи еще очень молодым человеком, эмигрировал в Советскую Россию, вступил в РКП(б), получил образование в Коммунистическом университете трудящихся Востока, а в 1924 году выпустил свой первый сборник стихов. Затем он вернулся в Стамбул, где примкнул к революционному движению. В итоге попал в тюрьму и провел за решеткой многие годы. При этом он продолжал писать, переводил с русского (например, работы Владимира Ленина и роман Льва Толстого «Война и мир»). Несмотря на то что перед войной в СССР Хикмета называли «троцкистом», в 1951 году, после его освобождения по амнистии и отъезда из Турции, поэту предоставили политическое убежище; летом того же года он получил польское гражданство на основании происхождения своего прадеда. Понятно, что человек с такой колоритной биографией стал в послевоенном Союзе знаменитостью, и посещение его выступления надолго запомнилось молодым люберецким ремесленникам.

Интересно, что 13 апреля 1961 года Назым Хикмет подобно многим поэтам мира откликнулся на космический полет Гагарина, но посвятил свои стихи не ему, а более философскому вопросу:

Есть ли в космосе, кроме нас, живое существо?

Есть.

Похоже ль на нас?

Не знаю.

Может быть, красивей, чем мы?

Может быть, на бизона похоже,

В то же время нежнее травы?

*А быть может, похоже на блеск текущей воды?
Может, менее красиво, чем мы?
Например, похоже на муравья,
В то же время громаднее трактора.
А может быть, на скрип двери похоже?
Может быть, не красивей, чем мы, и не хуже,
Может быть, как две капли похоже на нас?..*

Еще через двадцать лет композитор Евгений Дмитриевич Дога положит эти стихи на музыку для четвертого выпуска телепередачи «Этот фантастический мир», посвященного вариантам контактов с инопланетянами. Вот так причудливо порой переплетаются судьбы и тексты...

Весной 1951 года, когда до выпускных экзаменов оставалось совсем немного времени, из-за болезни мастера Кривова 21-й группой занялся мастер Сергей Петрович Тихонов. Он организовал своим подопечным производственную практику на заводе, специализировавшемся на архитектурном литье. В то время завод обслуживал одну из «великих строек» — ускоренное возведение Главного здания Московского государственного университета на Ленинских (Воробьевых) горах. Кстати, торжественная церемония закладки первого камня состоялась 12 апреля 1949 года — ровно за двенадцать лет до полета Юрия Гагарина.

Вновь обратимся к воспоминаниям Тимофея Чугунова:

«Мастер на первом инструктаже обратил внимание на строгое соблюдение правил техники безопасности и рассказал о требованиях заказчика (МГУ) к качеству литья.

Формовочных машин здесь не было. Все работы выполнялись вручную. Свободные рабочие места в цехе заняла наша группа. <...> С первых дней начали выполнять задание мастера. Наши изделия принимали работники технического контроля завода.

От них мы узнали, что наш новый мастер до училища работал на этом заводе. Вот теперь нам стало понятно, почему мы оказались здесь на практике. Работа проходила нормально. Мастер показал нам новые способы изготовления сложных отливок с помощью различных шаблонов. Первыми за эту работу взялись Юра Гагарин и Миша Громов, наш староста группы. Большинство из нас шаблонную формовку осваивали в течение 2–3 дней, а они уложились в одну рабочую смену.

По определенному графику каждый прошел обучение на рабочих местах вагранщика и заливщика. Самым интересным для нас момен-

том было, когда пробиваешь острием металлического стержня летку (отверстие) в вагранке, и из нее тонкой быстрой струйкой по желобу бежит и искрится жидкий чугунок, и попадает в большой ковш, из которого потом разливается в ручные ковши.

Как-то в цех зашли представители от заказчика литья. Они удивились, когда в цехе увидели только нас, ремесленников. Спросили у мастера: „А где рабочие, которые для МГУ изготавливают литье?“ Сергей Петрович указал на Громова и Гагарина и сказал: „Вот они — рабочие, наша достойная смена“. Они долго наблюдали за нашей работой. Ходили от одного рабочего места к другому. Задавали вопросы о химическом составе чугуна для их отливок, о свойствах формовочной смеси, о стойкости металлической оснастки. На вопросы отвечали Володя Зотов, Федя Коновалов и Саша Петушков. Наш мастер внимательно слушал ответы каждого.

Один из представителей университета пригласил нашу группу на экскурсию в их городок. Юра Гагарин сразу засиял своей доброй улыбкой и произнес довольно громко: „На экскурсии я люблю ездить, но лучше бы поучиться в этом университете. Жаль, что только в этом году заканчиваю семилетку, но уже поставил задачу получить среднее образование, а потом и высшее“. На линейке при подведении итогов за день мастер похвалил ребят за правильные ответы на вопросы представителей МГУ. Он сказал: „Не думал, что у вас такие глубокие знания по теории и практике. Теперь убеждаюсь, что ваши преподаватели и мастера хорошо вас учили. Постараюсь и я передать вам свои знания и опыт до конца учебного года“. Эти слова мастера нам понравились».

К сожалению, Тимофей Чугунов не запомнил название завода, посему в большинстве публикаций о люберецком периоде жизни Гагарина этот момент обходят стороной. И зря, потому что найти место упомянутого действия довольно просто. Стройку Главного здания МГУ обслуживал Карачаровский механический завод (КМЗ), расположенный сегодня по адресу: Москва, Рязанский проспект, 2.

Историю КМЗ принято отсчитывать с 28 апреля 1948 года, когда прошло объединенное заседание исполнительных комитетов Московского областного и Московского городского советов депутатов, на котором было принято решение об отводе на стыке столицы и области, в районе бывшего села Карачарово, территории в 16,3 га для строительства «подсобных мастерских». Их создавали под конкрет-

ную задачу — изготавливать металлоконструкции будущих многоэтажных и высотных зданий МГУ. «Мастерские» напрямую подчинялись Главпромстрою МВД СССР, поэтому при их возведении действовал жесткий режим и были установлены предельно сжатые сроки. Понятно, что к работе привлекали и заключенных из исправительных лагерей, прежде всего репрессированных специалистов. Среди вольнонаемных хватало людей без образования, поэтому при стройке прямо в бытовках были организованы десятки курсов по обучению ремесленным навыкам, причем штат каждого цеха комплектовался по мере его ввода в эксплуатацию. Среди других был создан и цех архитектурно-художественного литья. Первая плавка чугуна в нем состоялась 17 февраля 1950 года. В приказе № 11 директора предприятия было отмечено: *«Сегодня первый раз задута вагранка литейного цеха и в 14 часов дан первый чугун хорошего качества в количестве 5 тонн»*. Примечательно, что именно эта дата была объявлена официальным днем рождения завода, поскольку, по мнению директора Владимира Ивановича Канахистова, заводом можно назвать только то предприятие, которое располагает собственным металлургическим производством.

Понятно, что с квалифицированными кадрами для литейного цеха поначалу было туго. Поэтому на выполнение работ пригласили ремесленников из Люберецкого училища. В 1951 году цех занимался изготовлением элементов декоративной ограды Главного здания протяженностью 13 км (!). И видимо, именно к этому ответственному делу привлекли «гагаринскую» группу.

Юрий продолжал поддерживать хорошую спортивную форму. Участвовал в областных соревнованиях между ремесленными училищами в качестве капитана баскетбольной команды. Притом что рост Гагарина мало соответствовал этому виду спорта, он вывел свою команду в победители первенства Добровольного спортивного общества (ДСО) «Трудовые резервы». Сохранилась и грамота за победу на спартакиаде ремесленного училища в беге на 100 м с результатом 12,8 сек., а также в эстафете 4 × 100 м, в ходе которой он пробежал свою стометровку за 12,4 сек. Более высокий результат объясняется тем, что эстафету принимают стоя. Разумеется, Гагарин претендовал на большее и, сдав все положенные нормы, получил 29 апреля удостоверение № 1295887 о том, что он имеет право на ношение значка «ГТО» («Готов к труду и обороне СССР»).

Тем временем приближались экзамены. Сначала их сдавали в вечерней школе. О том, как они проходили, написала 6 июня в многотиражке «Заводская правда» директор школы Марина Фёдоровна Гурьева: *«В седьмом классе сдают экзамены 32 учащихся. Все они хорошо написали изложение и выполнили письменную работу по алгебре. Первыми до установленного времени сдали работы по алгебре Гагарин, Чугунов, Черножуков, Золотов, Напольская и другие. По этому предмету и по геометрии они получили пятерки»*. По итогам экзаменов 15 июня 1951 года учащимся были выданы свидетельства; в том, которое получил Юрий Гагарин, при отличном поведении перечислены оценки, и все одиннадцать — только «пять». Кроме того, ему была вручена похвальная грамота.

Позднее прошли выпускные экзамены Люберецкого ремесленного училища. И здесь трое друзей — Гагарин, Чугунов и Петушков тоже получили аттестаты с отличием. 4 августа каждому была присвоена квалификация формовщика-литейщика пятого разряда; причем Чугунов утверждал, что обычно после училища в то время присваивался третий или четвертый разряд. Процитирую характеристику, выданную Юрию по итогам обучения: *«Гагарин Ю. А. в течение двух лет был отличником учебы, заносился на Доску почета училища. Дирекцией училища Гагарину Ю. А. была два раза объявлена благодарность за отличную учебу и за общественную работу. Кроме того, директором завода ему объявлена благодарность за хорошую работу в цехе. Учащийся Гагарин был физоргом группы, добросовестно и точно выполнял все поручения комсомольской организации и администрации училища»*.

Итак, вырвавшись в большой мир, Гагарин очень рано продемонстрировал свои таланты. Конечно, нельзя недооценивать и компанию, в которой он оказался. Хотя Чугунов и Петушков упоминаются в биографиях космонавта мельком, их влияние трудно переоценить. Видно, что эти трое не только защищали друг друга в молодежных стычках, но и стимулировали к продолжению обучения, к приобретению статуса отличника. Ведь бывает и наоборот. Больше того, именно Чугунов и Петушков определили дальнейший выбор Гагарина, который и привел его сначала в авиацию, а затем и в космос.

Надо сказать, что летом 1951 года этот выбор еще не был сделан (хотя, конечно, некоторые биографы уверяют, что даже в Люберец-

ком ремесленном училище Гагарин мечтал о карьере летчика). В действительности под влиянием преподавателя физкультуры Ивана Николаевича Ровнова будущий космонавт решил стать тренером.

Тут биографы космонавта снова расходятся. Некоторые из них (например, Лидия Обухова) утверждали, что Гагарин собирался поступать в Латвийский государственный институт физической культуры в Риге; другие настаивали, что его целью был Ленинградский техникум физкультуры и спорта ДСО «Трудовые резервы». Скорее всего, ближе к реальности вторая версия: для института у Юрия не хватало образования, да и он сам в книге «Дорога в космос» утверждал, что ориентировался на Ленинград, — это выглядит логичным с учетом того, что Ровнов и сам был выпускником упомянутого техникума.

Для того чтобы получить соответствующее направление, Гагарин поехал в Мытищи Московской области, на спортивную базу при стадионе «Торпедо», где прошел предварительные испытания. В течение двух дней он продемонстрировал экзаменаторам довольно высокие результаты: пробежал стометровку за 12,6 с, километровую дистанцию преодолел за 2 мин 46 с, прыгнул в длину на 5 м 11 см, 26 раз отжался от земли и получил высшую оценку при выполнении специального гимнастического комплекса.

Казалось, решение принято, и Юрия ждала карьера преподавателя физкультуры, однако судьба распорядилась иначе. Александр Петушков вспоминал:

«Я и Чугунов получили направление в Саратовский индустриальный техникум, а Юрию было предложено поступить в [Ленинградский] физкультурный техникум, поскольку он зарекомендовал себя неплохим спортсменом. Не один раз занимая призовые места в соревнованиях, Юрий прошел отборочные испытания в Мытищах, а когда он вернулся в Люберцы, ему сказали: „Если хочешь, можешь поступить в Саратовский техникум по своей литейной специальности. Но надо только поехать и сдавать экзамены немедленно, а в физкультурный техникум надо еще месяц ждать экзаменов“. „Но где ты будешь месяц болтаться?“ — спросил у него один из наставников, не желавший, чтобы пропадали у Юрия два года обучения литейному делу. Чугунов, а за ним и я, стали говорить о том, как же он там без нас. Юра немного помялся, а потом решительно сказал: „Поехали в Саратов“».

На этом завершился люберецкий период жизни Юрия Гагарина.

Биографы космонавта (кроме, разумеется, его близких друзей и однокурсников) не считают нужным подробно останавливаться на нем. Для советских исследователей эти два года оказались малоинтересными, вероятно, потому, что в ремесленном училище Юрий почти не проявлял свои «особые качества» — он, конечно, был отличником и превосходным спортсменом, однако рядом были такие же отличники и спортсмены. Кроме того, при всём желании из этого периода нельзя было извлечь ничего, что работало бы на «легенду» о ранних планах Гагарина по завоеванию неба. Вот, например, Лидия Обухова цитирует сказанные ей слова Тимофея Чугунова: *«Хотел ли он стать летчиком? Не знаю. Когда в Люберцах над нами пролетал самолет, мы долго смотрели ему вслед, и, конечно, всем нам очень хотелось бы очутиться в кабине... И всё-таки Юру больше тогда увлекала физкультура. Нет, он в своих мечтах никогда не зарывался, трезво выбирал возможное»*. Ту же мысль доносит Виктор Степанов: *«Юрий не думал и не мечтал учиться на летчика. Просто мальчишка нашел в себе мужество оставить родительский кров и отправиться в дальний жизненный путь. Он хотел стать рабочим — и всё»*. Никакой романтики — сплошной взрослый расчет! И где здесь найдется место красивой сказке о маленьком деревенском мечтателе, которому партия расчистила и проложила дорогу к звездам?

Если вспомнить современных биографов, то им люберецкие годы кажутся скучными по другим причинам. Например, Лев Данилкин прямо пишет: *«Свидетельства о двух люберецких годах в жизни Гагарина скудны и неразнообразны. Нам не известен ни один мемуарист, который сообщил бы об этом периоде что-нибудь не то что пикантное, а хотя бы не слишком пресное»*.

Что же представляет интерес для самого Данилкина? Вот, скажем, он изучает парту Гагарина, которая выставлена в Люберецком музее, и сообщает читателю: *«Деревянная конструкция выглядит убедительно; было бы здорово, если бы на ней оказалось еще вырезано что-нибудь, что позволило бы получить ответы на вопросы, которые роятся в голове у любого биографа: секс, конфликты, происхождение капитала — что там происходило в голове пятнадцатилетнего Гагарина, угодившего в чужую, наверняка враждебную, небезопасную среду? Но нет, приходится зачехлить лупу не солоно хлебавши»*.

Или вот пассаж о Чугунове: «Склонен педалировать „воспитательный момент“ — и не акцентировать какие-либо „темные стороны“ гагаринской личности — ну или, по крайней мере, какие-то любопытные эпизоды, которые, несомненно, должны были случаться, учитывая тогдашний возраст героя этой книги и его склонность к авантурным поступкам. Нет: „мы чувствовали ответственность, стремление учиться, получить специальность и побыстрее начать работать“. Ясно. А было ли что-то „такое“? (Автор вопроса при помощи интонации дает понять, что в идеале ему бы хотелось услышать о причастности юного Гагарина к серии ритуальных убийств.) „Наша лично группа — таких никаких нарушений не было. Приключений особых не было“».

Получается, что главной своей задачей Данилкин считал выискивание «темных сторон» личности первого космонавта, причем с уклоном в откровенный криминал, или, как минимум, «пикантных» подробностей типа сексуальных и экстремальных приключений (что такое «происхождение капитала», понять решительно невозможно).

Подобная позиция выглядит более чем удивительной на фоне того, что мы теперь знаем о люберецком периоде жизни Гагарина. Не нужно забывать, что он и его друзья всё же оставались несовершеннолетними подростками, перегруженными работой, учебой, решением повседневных проблем. Им нужно было выбирать: либо приключения с неизбежными негативными последствиями, либо жизнь в рамках строгих правил, устроенных практически по армейскому образцу. По итогам обучения в училище мы видим, что они выбрали. Какие уж тут «ритуальные убийства»?..

Биографам, советским и современным, стоило бы обратить внимание на то, чем занимался Юрий Гагарин, — например, поинтересоваться искусством литейной формовки. Оно вам кажется скучным? Тогда не стоит, наверное, братья за биографию такого человека, как первый космонавт. Потому что его история — это не набор баек с идеологическим, в ту или иную сторону, уклоном, а история специалиста. Повторю: прежде всего — история специалиста.

Если же не учитывать качества Юрия Гагарина как профессионального технаря, получившего образование непосредственно на производстве, то и впрямь становится трудноато объяснить, что же в нем было такого, отличающего его от других кандидатов на первый космический полет.

Глава седьмая

Энтузиаст космонавтики

О саратовском периоде жизни Юрия Гагарина написано куда больше, чем о люберецком. Оно и понятно: наконец-то детали биографии будущего космонавта начали вписываться в «легенду», сочиненную постфактум. Поскольку выбор источников большой, то мы, как и прежде, в первую очередь будем ориентироваться на воспоминания друзей, сокурсников и преподавателей Гагарина, отбирая их по соответствию историческому контексту и пересечению с другими источниками, прежде всего с сохранившимися документами.

Троицу отличников ремесленного училища (то есть Юрия Гагарина, Александра Петушкова и Тимофея Чугунова) в Саратов сопровождал воспитатель Владимир Александрович Никифоров — наставник, занимавшийся общежитием учащихся и, соответственно, их благоустройством. Прибыли 13 августа 1951 года, с вокзала сразу отправились в техникум, где оформили необходимые документы. Сохранилось заявление Гагарина:

«Директору Саратовского индустриального техникума министерства трудовых резервов от ученика ремесленного училища № 10 группы № 21 Гагарина Юрия Алексеевича, родившегося в 1934 году в Смоленской области Гжатского района, Клушинском с/с, деревня Клушино. Член ВЛКСМ с 1949 года.

Заявление

Прошу Вас зачислить меня учеником вверенного Вам техникума, так как я желаю повышать свои знания в области литейного производства и принести как можно больше пользы своей Родине. Все требования, предъявляемые ко мне, обязуюсь выполнять честно и бесприкословно.

6. 7. 1951

Ученик РУ-10 Гагарин».

Обратите внимание на дату — начало июля. В то время Юрий еще не был уверен, поедет ли в другой город расширять свое образование литейщика. Следовательно, документ оформлен задним числом, что было и, кстати, остается довольно распространенной практикой в учебных вопросах. Видимо, воспитатель Никифоров отправился

в Саратов именно для того, чтобы урегулировать любые проблемы, связанные с поступлением в техникум.

Есть и автобиография, написанная Гагариным тогда же. Ее тоже стоит прокомментировать отдельно.

«Автобиография

Я, Гагарин Юрий Алексеевич, родился 9 марта 1934 года в семье крестьянина-бедняка. Отец — Гагарин Алексей Иванович — родился в 1902 году, инвалид Отечественной войны. Мать — Гагарина Анна Тимофеевна — родилась в 1903 году. Брат — Гагарин Борис Алексеевич — родился в 1936 году, в настоящее время учится в Гжатской НСШ.

В 1943 году пошел в Клушинскую начальную школу. В 1945 году с семьей переехал в город Гжатск. Поступил учиться в Гжатскую среднюю школу, окончил там шесть классов и поступил учиться в РУ № 10 г. Люберцы. В 1950 году пошел учиться в седьмой класс Люберецкой школы рабочей молодежи № 1. В 1951 году окончил седьмой класс данной школы на „отлично“.

16 декабря 1949 года вступил в комсомол. Как со стороны комсомольской организации, так и со стороны администрации училища взысканий не имею.

Ю. Гагарин».

Юрий упрощает и слегка облагораживает свою биографию, что тоже было обычным делом (хочется написать «по тем временам обычным», но подобное сплошь и рядом происходит сегодня). Упрощение состоит в том, что Гагарин не упомянул базовую школу Гжатска, в которой отсидел третий и четвертый классы, а облагораживание в том, что назвал отца «инвалидом Отечественной войны», хотя формально инвалидность Алексея Ивановича к войне не имела никакого отношения. Обращает на себя внимание и то, что Гагарин не упомянул в автобиографии старшего брата Валентина и старшую сестру Зою. Исследователь Владислав Иосифович Кац в статье «То брат, то не брат» (2010) высказал очередную гипотезу, согласно которой Юрий не указал Валентина и Зою, потому что их насильно угоняли на работы в Польшу и это могло бросить на него тень. Мне кажется, что есть более простое объяснение: молодой человек не считал их частью своей семьи, ведь они обзавелись собственными семьями и жили отдельно, посему и не стал перечислять в краткой биографии, предоставление которой было лишь очередной бюрократической формальностью.

Оформив все документы, троица поселилась в общежитии, расположенном по адресу: улица Мичуринская, 21, комната 9. Снова обратимся к воспоминаниям Тимофея Чугунова:

«После Москвы город Саратов показался нам не таким уж и большим. Но он нам сразу понравился красотой своих улиц и площадей, а главное — людьми. Шли они с хорошим настроением, о чем-то разговаривали и часто улыбались. Наш воспитатель сразу подметил: „Вот видите, каким людям я вас передаю“. <...>

Приближался вечер. Нас один из дежурных студентов проводил в общежитие по улице Мичурина, 21.

Уставшие с дороги, мы быстро уснули. Чуть свет, когда еще не все проснулись, в комнату вошел мужчина высокого роста и громко сказал: „Где тут молодые москвичи, которые приехали к нам учиться?“ Тут и представился: „Я директор техникума, Александр Максимович Коваль“, спросил о нашем самочувствии на земле Саратовской и пригласил в техникумовскую столовую покушать.

Завтрак нам понравился. Работникам кухни сказали большое спасибо. А Юра Гагарин, улыбаясь, добавил: „Это наш первый прекрасный завтрак у вас, но не последний! Приехали мы в Саратов надолго“.

Приемная комиссия начинала работать с 9 часов. После завтрака успели походить по территории техникума. На крыше одного из зданий увидели искрогаситель на трубе диаметром не более 800 миллиметров. Стало понятно, что техникум имеет литейную мастерскую. „Вот здорово! — сказал Петушков, — ездить по заводам не придется“.

В 9 часов мы подошли к двери кабинета приемной комиссии. Вскоре нас пригласили зайти. Получая наши личные дела из рук воспитателя, директор внимательно их рассматривал, а потом сказал: „Наш техникум пополняется отличниками. Это очень хорошо! Экзамены по теории сдавать не будете. А вот умение работать по литейной специальности мы у вас проверим. Считайте, что все трое уже приняты в наш техникум“.

Контрольной производственной работы мы не боялись.

Радостные от решения приемной комиссии, мы отправились пешком на Волгу. Шли медленно, внимательно рассматривая всё, что встречалось на пути. Вот и Волга! Остановились на крутом берегу и долго любовались ее красотой. Мимо нас по реке двигались пассажирские пароходы, быстрые катера и совсем медленно плыли баржи, груженные лесом. У самого берега с лодок рыбачили сотни человек.

Юра Гагарин, обращаясь к воспитателю, сказал: „Давайте, Владимир Александрович, вместе покатаемся на лодке“. Охотно согласились все. Моторная лодка быстро мчала нас к одному из островов. Весь день мы отдыхали там. Саша Петушков, Владимир Александрович и я далеко от острова не отплывали. Для нас Волга оказалась непреодолимой. Мы по-хорошему завидовали Юре. Он уплывал так далеко, что его продолжительное время не было видно с острова. Да, постоянные занятия спортом, в том числе плаванием, давали о себе знать. Юрий чувствовал себя в большой реке, как на баскетбольной и волейбольной площадках. Полюбилась нам Волга».

Кстати, остров называется Зелёным и по сей день остается излюбленным местом отдыха саратовцев. На следующий день, 15 августа, Никифоров уехал восвояси, а «смоленская» тройца, которую здесь сразу прозвали москвичами, отправилась демонстрировать свои навыки формовщиков. Задание оказалось знакомым: им, вместе с другими претендентами, поручили под руководством мастера производственного обучения Анатолия Ивановича Рикнева выполнить заказ «коммунальщиков» по изготовлению ажурной чугунной ограды для сквера при Саратовском театре драмы имени К. Маркса (ныне — имени И. А. Слонова). Новички сами изготовили формовочную смесь, наполнили ею опоки, сформировали отпечаток с помощью модели, затем «варили» в вагранке чугун, заливали его в опоки, выбивали и вчерне обрабатывали готовые решетки. Мастер высоко оценил сделанную работу, и 18 августа «москвичи» были зачислены в техникум.

До начала занятий оставалось еще две недели, поэтому учащихся на несколько дней отправили в колхоз села Бакуры, в 200 км к северо-западу от Саратова, — помогать крестьянам с уборкой урожая пшеницы. Тимофей Чугунов вспоминал:

«На уборку отправились на грузовой машине во главе с шофером техникума Л. С. Месропяном. В колхозе работали на току. В то время не было электрических установок для сортировки и очистки зерна. Все работы выполнялись вручную. Готовую продукцию возили на элеватор в Екатериновку. Работа нам нравилась. Правда, от нее мы сильно уставали. Юра нас подбадривал шутками и песнями, призывая на ратный труд. Сам с еще большим азартом брался за работу. Честно отработали почти две недели. Жили мы в доме одной семьи. Кормили нас хорошо. Часто ели прямо из кастрюли. Молоко пили из больших алюминиевых кружек военного времени.

Председатель колхоза объявил нам благодарность и пожелал отличных успехов в учебе. <...> Возвращались в Саратов на той же машине и с тем же шофером Л. С. Месропяном. Обращались к нему со словами „Дядя Лева“».

До войны Саратов, раскинувшийся на правом берегу Волги, считался культурным и промышленным центром АССРНП — Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья; при этом административный центр находился на другом берегу, в Энгельсе (до 1931 года — Покровск). Поволжские немцы составляли 60 % населения республики, делопроизводство и обучение здесь велись на двух языках, в Саратове выходили газеты на немецком языке, национальные театры принимали зрителей.

К сожалению, история республики завершилась 28 августа 1941 года, когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, предписывающий выселить всех немцев в Казахстан, в Сибирь и на Алтай. В короткие сроки из региона было депортировано свыше 438 тысяч человек. Территория республики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями. В то же время началась эвакуация учреждений и предприятий из западной части СССР на восток, и многие из них были размещены в Саратове и области: в течение 1942 года там была запущена сотня заводов, вывезенных с потерянных территорий; монтаж на новом месте занимал от полутора до двух месяцев, после чего они начинали выпускать продукцию военного назначения. Через Саратов в течение войны прошло около миллиона беженцев, в город также был временно перемещен аппарат Президиума Верховного Совета и Совнаркома РСФСР. Понятно, что беженцами заселялись в первую очередь поселки депортированных поволжских немцев.

В результате эвакуации и начатого еще до войны промышленного строительства число заводов союзного значения в области выросло в полтора раза. Наиболее важными саратовскими предприятиями были авиационный завод, выпускавший истребители «Як-1» и «Як-3», нефтеперерабатывающий, подшипниковый и аккумуляторные заводы. Однако к концу войны потенциал Саратова был исчерпан: промышленное оборудование изношено и требовало полной замены; до критического минимума снизилось производство товаров народного потребления; пришло в упадок сельское хозяйство; нависла угроза голода. Особенно тяжелым положение было на терри-

ториях ликвидированной АССРНП, где из-за нехватки трудоспособного населения не обрабатывалось 40 % посевных площадей. Поэтому сразу после устранения последствий бомбежек началось интенсивное восстановление хозяйства региона. Значительный вклад в это внесли десять тысяч немцев из специальных лагерей ГУПВИ (Главное управление по делам военнопленных и интернированных) НКВД/МВД СССР, расположенных в Саратовской области, — небольшая трудовая армия. К 1950 году в мобилизационном режиме удалось не только полностью восстановить разрушенное, но и вдвое перекрыть показатели довоенного уровня производства. На саратовские заводы, фабрики, электростанции, газовые месторождения пришло тридцать тысяч молодых специалистов. В этот поток предстояло влиться и трем друзьям из Люберец.

Саратовский индустриальный техникум имел славную историю. Отмена крепостного права в 1861 году стимулировала развитие российской экономики. Появилась острая потребность в квалифицированных рабочих, однако освобожденные крестьяне почти сплошь были неграмотны и не соответствовали запросам нового рынка труда. Саратовский купец Тимофей Ефимович Жёгин обратился к городскому обществу с предложением о пожертвовании денег на создание в городе ремесленного училища, которое готовило бы специалистов для промышленных предприятий, но собрать необходимые средства не сумел. Помог драматический случай: 4 (17 по новому стилю) апреля 1866 года революционер-террорист Дмитрий Владимирович Каракозов совершил неудачное покушение на императора Александра II, что, конечно же, вызвало в стране огромный резонанс. Общественность Саратова «в благодарность Всевышнему за спасение жизни Государя» решила открыть в городе ремесленное училище и назвать его в честь царствующей особы — Александровским. Через четыре года «высочайшее соизволение» было получено, и деятельность по созданию училища сразу оживилась. Городская управа выделила средства на покупку места и здания для училища. Жёгин сумел сравнительно дешево купить большой трехэтажный дом в центре города на углу улиц Никольской (ныне — улица Радищева) и Большой Кострижной (ныне — улица Сакко и Ванцетти, 15). Участок ранее принадлежал помещику Григорию Васильевичу Gladкову, устроившему там театр, в котором выступали крепостные артисты. Помещик разбил вокруг театра большой сад

с аллеями и беседками, некоторые участки которого сохранились до середины 1950-х годов: есть фотографии, запечатлевшие учащихся, в том числе и Юрия Гагарина, у клумбы с фонтаном во дворе техникума. Театр дважды горел, и Гладков продал землю, сад и здание помощнику губернатора Унковскому, который сломал здание, сложенное из саманного кирпича, и начал строить большой трехэтажный дом, идеально подходящий для учебного заведения.

30 августа (11 сентября про новому стилю) 1871 года в присутствии высокопоставленных чиновников во главе с губернатором состоялось официальное открытие Александровского ремесленного училища. На следующий день училище посетил сам император: его проводили к ученикам, которые в то время набирались в основном из детей-сирот, и он благосклонно побеседовал с ними. Поначалу здесь учили портняжному и переплетному делу, а также готовили певцов для церковных хоров. Позднее список специальностей расширился, а преподавание было подчинено так называемой «русской системе» производственного обучения, в рамках которой изготовление отдельных предметов заменялось освоением трудовых приемов и операций, которые можно было применить к целым классам изделий. Вырос и срок обучения: с двух до четырех лет.

При советской власти учебное заведение в центре Саратова пережило несколько реорганизаций. 5 января 1945 года приказом Главного управления трудовых резервов на базе ремесленного училища № 2 был создан Саратовский индустриальный техникум (СИТ), который начал готовить мастеров по трем специальностям: обработка металлов резанием (техник-технолог), монтаж и ремонт промышленного оборудования (техник-механик) и литейное производство черных металлов (техник-литейщик). Согласно инструкции о приеме учащихся, в техникум принимались граждане СССР в возрасте до тридцати лет, имеющие образование не ниже семи классов общеобразовательной школы, окончившие ремесленные училища, проработавшие по специальности не менее двух лет и имеющие производственную квалификацию не ниже 3-го разряда. Преимущества при поступлении получали фронтовики, демобилизованные из армии. Учащиеся обеспечивались бесплатным трехразовым питанием, форменным обмундированием, бельем, общежитием и стипендией. 1 марта 1945 года в Саратовском индустриальном техникуме прозвенел первый звонок; к занятиям приступили 240 учащихся. Офи-

циальное открытие техникума состоялось 24 марта. Учебным планом предусматривалась серьезная подготовка как по специальности, так и по общеобразовательным дисциплинам. Важно, что техникум имел педагогический уклон, то есть его выпускники получали направление на работу мастерами производственного обучения в системе трудовых резервов.

В Саратове Юрий Гагарин ожидаемо приобрел новых друзей. Один из них, Виктор Сидорович Порохня, оставил множество воспоминаний о будущем космонавте. Вот, например, как он описывал повседневность первого года обучения (цитирую по книге «Дорога на Байконур», 1977):

«Всех прибывших для поступления в техникум поселили в общежитие. Это было добротное, старинное, сложенное из красного кирпича двухэтажное здание. Правда, второй этаж возвышался лишь над третьей его длины. Навес преддверного крыльца удерживали литые чугунные колонны. Вход был ассиметричен по отношению к зданию и делил его на две неравных части.

На втором этаже находился спортивный зал, основные жилые помещения располагались на первом, а в цокольном этаже — подсобные службы. Вот это здание на протяжении всех четырех лет учебы служило нам родным домом.

Я несколько подробно описал наше жилище потому, что этого здания уже не существует. На его месте построены три девятиэтажных корпуса, которые с радостью заселили учащиеся техникума набора 1975 года. Да и как не радоваться: раньше в каждой комнате бывало устраивалась целая учебная группа, а сейчас живут по два-три человека.

Фасадом общежитие выходило на улицу Мичурина, а правым торцом — на Провиантскую. Эти улицы являлись началом ежедневного примерно километрового, но со многими поворотами пути на занятия. Конечным его пунктом была улица Сакко и Ванцетти. На ней в доме № 15 и размещался главный и единственный трехэтажный учебный корпус техникума. <...>

Нам в корпусе было тесновато. Столовая — в полуподвале, на первом этаже — дирекция и библиотека, на оставшихся двух — учебные аудитории, лаборатории, актовый зал и т. д. Просто диву даешься, как бюро расписаний умудрялось поставить дело так, что все группы выполняли учебную нагрузку.

Во дворе находились литейная, механическая и другие мастерские, в которых мы проходили текущую производственную практику. Между прочим, если мысленно продлить Провиантскую улицу на 250–300 метров, то мы окажемся как раз во владениях техникума. Это „мысленно“ частенько обретало реальную форму. Считая, что любая прямая короче любой кривой, мы решали эту задачу верным, хотя и несколько „противозаконным“, а потому заманчивым путем: перепрыгивали через удлинявший нам дорогу деревянный забор... И это невзирая на близость областного управления трудовых резервов, некоторые сотрудники которого преподавали в техникуме по совместительству и нас хорошо знали. Естественно, среди штурмовавших забор бывал и Юра Гагарин...»

На 24 августа 1951 года в группе Л-11 (литейщики, первый курс, первая группа), согласно сохранившемуся списку, числился тридцать один человек. Вместе с Гагариным закончили техникум одиннадцать: многие из учащихся были призваны в армию. Кроме того, в разное время к группе присоединились еще четверо, поэтому полный выпуск «гагаринского» набора составил пятнадцать человек.

Разумеется, все учащиеся находились на полном государственном обеспечении. Стипендия была скромной: на первых курсах — 50 рублей, для отличников — 60 рублей, на последнем курсе — 100 рублей (в деньгах 1947 года). Поскольку учащиеся были людьми достаточно взрослыми с соответствующими потребностями, то они искали возможность подзаработать. В одном из своих интервью Порохня рассказывал (цитирую по материалу «В. С. Порохня „Характер Юры ковался в Саратове“», опубликованному на сайте Роскосмоса 21 мая 2010 года):

«В целом же, нас в техникуме одевали, неплохо кормили, и в этом плане у нас не было особых проблем. Сначала этих денег хватало, но потом запросы возросли: хотелось с девушкой в театр или кино, купить часы, покататься на пароходе по Волге. Поэтому приходилось искать заработок.

У нас рядом была пристань на Волге, и по ночам мы бегали разгружать приходящие в Саратов баржи. Так мы зарабатывали деньги... Это позволило нам купить костюм — один на всех. Мы были все примерно одинакового роста, ну кто-то пониже, кто-то повыше, и когда вставал вопрос — выйти куда-то, побежать к девчонке, то мы одевали парня „будь здоров!“, с иголки. Парень был „гол как сокол“, но в костюме выглядел вполне прилично (улыбается).

Помню, как-то раз приходит к нам вечером бригадир с пристани — и вся комната поднялась и ушла на разгрузку арбузов. Это было часов десять вечера — начало одиннадцатого... Разгружали часов до пяти утра... Пришли в общежитие, еле ноги приволокли... Наелись арбузов — то одному в туалет надо, то другому... А тут — бух и уснули: сил просто не было».

Кстати, о костюмах. Помимо комплекта гражданской одежды (ватный бушлат, свитер, брюки, две рубашки, валенки, хромовые туфли с галошами), в техникуме тоже полагалась форма — элегантная, из черной ткани, за которую местные жители называли учащихся грачами. Вновь обратимся к статье Александра Валентиновича Глушко «Форма одежды Юрия Алексеевича Гагарина. Разновидности и особенности ношения» (2014). Он сообщает, что форменная одежда для студентов промышленных техникумов была введена приказом № 54 от 7 января 1944 года Главным управлением трудовых резервов при Совнарком. Она была идентична форме ремесленных училищ — с той только разницей, что на петлицах вместо молотка и разводного ключа с буквами и цифрами помещалась серебристая пуговица с тем же самым изображением, а темно-синяя суконная фуражка выходного обмундирования имела козырек, ремешок и канты одного цвета с фуражкой. На околыше размещались опять же перекрещенные молоток и разводной ключ. Именно в этой фуражке и светлом плаще мы видим Гагарина на растиражированных снимках: возле памятника в старейшем саратовском парке «Липки» и сидящим на скамейке. На левом рукаве кителя полагался нарукавный знак техникума, расцветка которого менялась в зависимости от цвета формы. Было и еще одно отличие: если на серебристой пряжке ремесленного училища располагались молоток и разводной ключ, то на пряжке промышленного техникума фигурировали две буквы: «ИТ». Друзья свидетельствуют, что на груди Гагарин носил комсомольский значок и «кругло-серебряный веночек спортсмена третьего разряда», полученный им в начале 1951 года после победы в лыжной гонке на 10 км, устроенной в Люберецком ремесленном училище.

Надо сказать, что комнаты в общежитии техникума были рассчитаны на большие группы ребят: в комнате 9, например, проживало в разное время от 13 до 15 человек. Но при этом, как утверждали однокурсники Гагарина, теснота не разделяла, а спаивала их коллектив. Сами себя они называли «индустриками» и придержи-

вались неписаных правил студенческого братства. Виктор Порохня вспоминал:

«Всех нас поселили в одной небольшой комнате... Посередине поставили стол, на нем мы и занимались. А кому-то приходилось выполнять домашние задания прямо на коленках — места всем не хватало...

Вообще надо сказать, что эта коммуналка каждого из нас высвечивала: были ребята, которые сами по себе, так сказать, держались особнячком, а были и очень компанейские парни. Но мы жили дружно. У нас было всё общее. Не было ни воровства, ни того, чтобы кто-то кому-то был должен и т. д. Если, например, заканчивался зубной порошок, я мог спокойно взять его у товарища.

Благодаря футболу у меня появились кое-какие деньги. Они лежали в тумбочке — была у нас обычная солдатская тумбочка. И я знал: их никто никогда не возьмет! А если и возьмет, то положит на место, деньги не пропадут. Никогда не было такого, чтобы я чего-нибудь недосчитался или еще что-то...»

Кроме того, при необходимости надо было и отстаивать честь «индустриков» в кулачном бою. Юрий Гагарин был в этом не из последних, имея большой опыт по Гжатску и Люберцам. Виктор Порохня свидетельствовал:

«Если из наших кого-то тронули или обидели, там такое может начаться — да всё общежитие может разом выбежать на улицу и устроить массовую драку... С этим у нас всё было очень серьезно: директор нашего техникума А. М. [Александр Максимович] Коваль регулярно получал по несколько строгих выговоров в год от райкома партии...

Причем наши драки были целенаправленные: если мы знали, кто именно являлся обидчиком, то ему несдобровать... Помню один случай. Как-то раз нашего тронули, а тот, кто обидел парня, жил рядом с кинотеатром. И в кинотеатре было вот как: вход с улицы, а выход — на переулок. Мы, значит, зашли с выхода, вытащили забияку из дома — и там такое „заварилось“... Наших было человек 100, представьте! И „ихние“ тоже подросли... Пока не пришла милиция — очень „горячо“ было у кинотеатра... И опять выговор Ковалю. Юра в стороне не стоял — если был клич, то он „срывался“ вместе со всеми.

Еще один похожий эпизод. В 1954 г. у нас была драка, и было это, если память не изменяет, на праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией. На площадь Революции в Саратове (сейчас она на-

зывается по-другому) приехала машина, на которую установили фортепиано. Выступали артисты, пели — в общем, был праздничный день...

А мы тогда гуляли группой: у нас была привычка ходить всем вместе — с одной стороны, нас боялись, с другой — мстили за то, что мы сильные. И вот на той площади разгорелась большая драка... А я только приехал с какой-то игры и был одет в красивую шелковую сорочку, и кто-то меня то ли ножом, то ли еще чем-то острым — в общем, разорвал мою рубашку, как и не было ее... Но на этом потасовка не закончилась: когда мы продвинулись дальше в толпу, то перевернули это несчастное пианино, потому что за ним прятались зачинщики драки... А одеты-то мы были в форму, такие вот внешне приличные ребята... Все в шинелях, костюмах, сорочках... А „оружием“ нашим был ремень с пряжкой — наматывали на руку — и вперед...»

Сохранила народная память и более интригующие истории. Одна из них приводится в книге Владимира Ивановича Россошанского «Парни из нашего города» (2004), которая представляет собой уникальный сборник верифицируемых материалов, посвященных выпускникам Саратовского индустриального техникума. Как-то раз Гагарин шел вечером в общежитие и в переулке услышал крик. Бросился на помощь. Перепуганная женщина с трудом объяснила: какой-то хулиган вырвал у нее сумку с деньгами и скрылся. Юра побежал в указанную сторону, нагнал грабителя и вступил с ним в схватку. Сумка была возвращена владелице.

Всё же главное занятие «индустриков» сводилось не к разгрузке барж, не к дракам и не к погоням за грабителями, а к обучению. Все выпускники вспоминают преподавателей техникума как опытных требовательных наставников, не делавших скидок никому. Классным руководителем группы Л-11 была учительница математики Анна Павловна Акулова, работавшая в техникуме с момента его открытия в 1945 году. Она не только преподавала свой предмет на очень хорошем уровне, но и с большим вниманием относилась к быту подопечных, к их досугу: участвовала в коллективных походах на театральные постановки и кинопремьеры, на стадион «Динамо», на Волгу, организовывала дискуссии и учебные конференции. Кроме того, Акулова была активным книголюбом, отдавая предпочтение современной литературе, приключенческой и фантастической прозе, никогда не стеснялась поделиться своими впечатлениями о прочитанном. Владимир Россошанский в своей книге приводит не-

сколько случаев из ее практики, характеризующих преподавательский стиль:

«Анна Павловна применяла и такой метод: спрашивает учащегося, ставит ему „пять“. На другой день опять вызывает к доске, а он не готовил урок, потому что она вчера его спрашивала. Ставит „двойку“:

— Успокойтесь, что вас не спросят сегодня? Вы учитесь не для меня, а для себя. Материал надо знать к каждому уроку.

И. Ф. [Иван Фёдорович] Никифоров — участник войны, грудь в орденах и медалях, пошел жаловаться директору на нее, что, мол, здорово жмет на них, „аж тошно становится“. Когда об этом узнала Анна Павловна, то сказала Ивану Фёдоровичу:

— А я думала, что вы взрослый человек... Извините.

Н. К. Бородин — тоже участник войны — заснул у Акуловой на уроке. Она подошла к нему и громко скомандовала:

— Встать! Немедленно умыться!»

Мы помним, что математика и геометрия легко давались Гагарину: наверное, благодаря его природному аналитическому складу мышления. Поэтому с Анной Павловной Акуловой он быстро нашел общий язык. Виктор Порохня вспоминал:

«Что касается учебы, мы часто были неусидчивыми, многое пропустили мимо ушей — молодежь... А вот Юра был более цельный... Мне запомнился такой случай. У нас была профсоюзная студенческая организация, которая закупала билеты в музеи, театры и т. д. И вот один раз мы пошли в Драматический театр имени К. Маркса на представление „Девушка с кувшином“. С нами была наша математичка А. П. Акулова. Все были под впечатлением от спектакля...

А на следующий день у нас урок математики: „театралам“ надо было отвечать логарифм корня, логарифм степени и т. д. А мы — ни бум-бум... И все получили двойки. И тут Анна Павловна вызывает к доске Юру. И он... начинает выводить формулы! Мы все в недоумении: когда успел подготовиться-то? Потом оказалось, что ничего он не готовил: просто привык на уроках быть собранным, всё быстро схватывал и запоминал. А мы были несколько иными...»

Надо сказать, что если в Гжатске и Люберцах будущий космонавт был одним из старших, то в Саратове оказался в числе самых юных, то есть едва набравших семнадцать лет. Здесь его предрасположенность к неформальному лидерству, выросшая из необходимости следить за благополучием младшего брата и оформившаяся в ста-

тусе заводили подростковой команды, требовала серьезной основы для дальнейшего развития, ведь Юрия окружали фронтовики с огромным жизненным опытом, которых нельзя пронять обаянием или смекалкой, — требовалось нечто существенное. И Гагарин, как мы видим, сделал ставку на свою способность быстро и надежно усваивать знания, благо он только что закончил седьмой класс, поэтому учебные премудрости всё еще были свежи в его памяти. Обратимся к воспоминаниям Виктора Порохни:

«В начале учебного года мне „не повезло“. Увлечись спортом, я „заработал“ несколько двоек по математике. В нашей группе мы оба и Женя Стешин, сталинградец, пробывший все годы войны в родном городе, оказались самыми молодыми — каждому по семнадцать лет. Многие наши старшие товарищи прошли суровую школу жизни — войну, работу на полуразрушенных предприятиях. Некоторые были женаты, имели детей. Знания им давались очень тяжело, но учились они упорно. Нам же, молодым, после невеселого военного детства иногда хотелось покуражиться. Порою всё казалось нипочем. Но когда надо мной нависла угроза исключения из техникума за неуспеваемость, бравада быстро слетела. И тут на помощь пришел Юра.

Хорошо знавший математику, он стал регулярно заниматься со мной. Часто мы засиживались далеко за полночь. Вместе со мной он готовил уроки. Прочитаем, бывало, материал раз, другой, третий, потом Гагарин закрывает книгу и говорит:

— Теперь извлекай теорему из своего серого вещества. В учебник не подглядывать...

Выполнив вместе теоретическую часть домашнего задания, мы, уже врозь, приступали к решению задач. После этого Юра, как завправский учитель, проверял мою работу.

Прошло некоторое время, и мы оба почувствовали, что дело у меня пошло, усилия не пропали даром, мутное месиво разных понятий, формул, теорем начало отстаиваться, упорядочиваться. „Спор“ между математикой и студентом был решен в пользу последнего. Злосчастные „пары“ в конце концов перестали появляться в классном журнале против моей фамилии. И какая для нас обоих была радость, когда все экзамены первой сессии я сдал успешно.

Большую помощь оказывал Юра и старшим товарищам. Для Леонида Котова, например, он оставался главным консультантом до последнего дня учебы».

Другим любимым предметом Юрия Гагарина была, конечно, физика. Он ею увлекался еще в средней школе Гжатска, а в Саратове получил дополнительные возможности для закрепления и расширения своих знаний.

Физику в техникуме преподавал Николай Иванович Москвин — представитель дореволюционной интеллигенции, получивший образование на физико-математическом факультете Варшавского университета. Он был одним из энтузиастов электротехники и провидчески полагал, что вскоре она изменит мир. Свои теоретические соображения по этому поводу он публиковал в журнале «Электричество», а в 1916 году выпустил брошюру «Электрический трамвай. В общедоступном изложении». Тогда же он перебрался в Москву из оккупированной немцами Варшавы. Большевистскую революцию Николай Иванович принял без особого восторга, но в годы Гражданской войны помогал «красным» налаживать полевою телеграфную и телефонную связь. В 1920-е годы Москвин состоял в Ассоциации энтузиастов-изобретателей (АЭИ) и участвовал в разработке электроракетного двигателя, на почве чего познакомился с калужским основоположником космонавтики Константином Эдуардовичем Циолковским. Однако по состоянию здоровья и, возможно, из-за политических разногласий с властью был вынужден покинуть столицу и переселиться на Волгу. Там сначала преподавал в Балаково Саратовской области, затем переехал в Саратов, где не только работал учителем физики, но и читал популярные лекции, руководил городской комиссией по подготовке и проведению олимпиад юных физиков и математиков. Когда открылся техникум, его пригласили туда как опытного педагога, имеющего звание «Отличник просвещения».

Исследователь Владимир Россошанский, подробно изучавший биографию Москвина, рассказывает о нем так:

«Николай Иванович Москвин был оригиналом. Это проявлялось в его подходе к жизни, педагогической работе, во взаимоотношениях с людьми, в изучении физики.

Женат он был <...> на полячке, моложе его лет на двадцать. Детей они не имели. Жили бедно, но работать жене не разрешал. Жену любил, советовался только с ней, других советчиков не признавал.

Жили они на Соколовой горе в частном доме на втором этаже, который они называли флигельным. На работу в техникум и обрат-

но — это примерно 10–12 км — Николай Иванович ходил пешком, несмотря на преклонный возраст. Сотрудники удивлялись, как он мог преодолевать такое расстояние в гололед. <...>

Он был представителем педагогов старой школы; несколько консервативным, суховатым, малообщительным. Хорошо знал и занимался только своим предметом. На занятия ходил в форменном костюме индустриков.

Иногда его называли космополитом. „Вот у меня приборы хорошие, еще немецкие!“ — говорил он и очень ими дорожил. Сам взбирался на стул, чтобы достать какой-то прибор из шкафа или с полки.

— Николай Иванович, давайте мы достанем! — говорили ему ученики.

— О, молодые люди, лучше я сам. Вы молодые, уроните нечаянно, а я нет.

Оригиналом он был и в оценках знаний учащихся. Он говорил:

— На „пять“ знает только автор учебника, на „четыре“ — я, а вы больше чем на „три“ не знаете. <...>

Николай Иванович мог спрашивать одного учащегося по 20, 30 и более минут, „вытрясая“ из него все знания по физике. Беглого опроса не делал, проверял глубоко, основательно. Чтобы получить у него заслуженную „тройку“, учащимся приходилось здорово попотеть. Искренне радовался, как ребенок, если учащийся давал хорошие ответы по физике. Не любил, когда к нему на уроки приходило начальство. Он мог, не приступая к уроку, уйти.

Он был фанатик своего дела. Все считали его отличным преподавателем, хорошо владеющим своим предметом, недостижимым в точных науках, как математика и физика, вызывавшим всегда законное восхищение. В преподавании физики всегда стремился использовать современные достижения науки и техники, открытия и гипотезы. Некоторые называли его „академиком“.

Многие преподаватели вспоминали, как Н. И. Москвин на педсоветах приставал к руководству техникума:

— Эй вы, диспетчеры, когда же, наконец, достанете мне колбочку с урановой рудой? Очень интересные опыты можно делать.

Иные недоумевали:

— Зачем ему это?.. Чудак!

Был очень трудолюбив. Мог подолгу заниматься с учениками и даже с одним из них, оставаясь после уроков в техникуме.

Много читал, особенно научную литературу. Читал критически, с карандашом в руке. Делал пометки на полях книги, выписывал отдельные мысли в тетрадь, делал свои расчеты, часто „спорил“ с автором.

Был всегда строг и справедлив. Шуток не любил.

Вот такой «космополит-академик-чудак» достался группе Л-11 в качестве преподавателя физики, что само по себе может быть расценено в случае Юрия Гагарина как «знак судьбы». Ниже я попробую обосновать эту мысль.

Из-за преклонного возраста и слабого здоровья Москвин периодически «выпадал» из учебного процесса, что не мешало ему оставаться лучшим преподавателем физики в городе. Например, в 1951 году он появился перед учащимися только 10 октября, однако сразу покори их манерой изложения материала. Говорил он тихо, но при этом четко. Каждое теоретическое утверждение старался иллюстрировать наглядным экспериментом. *«„Я давлю на стол, а стол давит на меня“, — говорил Москвин и давил обеими руками стол. Это сразу становится интересным, и все ученики дают свои столы, с удовольствием испытывая силу обратного давления».*

Юрий Гагарин сразу привлек внимание престарелого учителя. Семнадцатилетний ремесленник отличался живым умом, выдающейся памятью, хорошими базовыми знаниями, заинтересованностью в изучаемом предмете. Под руководством Москвина в техникуме действовал физико-технический кружок, и Юрий после первых же занятий стал его председателем. Николай Иванович вместе с ребятами чинил старые и монтировал новые физические приборы, делал различные опыты, готовил доклады, выпускал стенгазету. Важное место в деятельности кружка занимали научно-практические конференции, на которых учащиеся демонстрировали различные физические явления, показывали слайды, проводили викторины. Проходили они оживленно, с полемикой.

Первый доклад, который прочитал на одной из таких конференций Юрий Гагарин, был посвящен русскому физику-экспериментатору Петру Николаевичу Лебедеву и его знаменитому открытию эффекта светового давления. Следующий доклад был приурочен к 95-летию Константина Циолковского, который отмечался 17 сентября 1952 года. Гагарин, в то время второкурсник из группы Л-21, подготовил не только содержательное выступление, но и модель реактивной тележки, демонстрирующей принцип действия ракетного двигателя. Тот до-

клад запомнился и самому Юрию — в книге «Дорога в космос» ему уделено особое место:

«Я взялся за другую тему — „К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях“. Для этого мне пришлось прочесть и сборник научно-фантастических произведений Константина Эдуардовича, и все книги, связанные с этим вопросом, имевшиеся в библиотеке.

Циолковский перевернул мне всю душу. Это было посильнее и Жюль Верна, и Герберта Уэллса, и других научных фантастов. Всё сказанное ученым подтверждалось наукой и его собственными опытами. К. Э. Циолковский писал, что за эрой самолетов винтовых придет эра самолетов реактивных. И они уже летали в нашем небе. К. Э. Циолковский писал о ракетах, и они уже бороздили стратосферу. Словом, всё предвиденное гением К. Э. Циолковского сбывалось. Должна была свершиться и его мечта о полете человека в космические просторы. Свой доклад я закончил словами Константина Эдуардовича:

— „Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе всё околосолнечное пространство“.

Прочел и почувствовал, как сердце мое дрогнуло и забилось сильнее.

Все члены нашего кружка были поражены силой и глубиной мысли ученого. На эту фразу, похожую на формулу, обращал мое внимание еще Лев Михайлович Беспалов в Гжатской средней школе. Но тогда я не понимал ее значения так, как понял теперь. И, может быть, именно с этого дня у меня появилась новая болезнь, которой нет названия в медицине, — неудержимая тяга в космос. Чувство это было неясное, неосознанное, но оно уже жило во мне, тревожило, не давало покоя».

Признание Гагарина звучит в этом месте несколько расплывчато. Вполне веришь, что как раз в библиотеке Саратовского индустриального техникума молодой ремесленник мог найти книги, которыми вряд ли располагал гжатский учитель физики Беспалов. Упомянутый сборник научно-фантастических произведений — это, почти наверняка, небольшая книга, состоящая из двух текстов Циолковского: «На Луне» (1893) и «Грезы о земле и небе» (1894). Сборник издавался дважды, в 1935 и 1938 годах, под редакцией Якова Перельмана суммарным тиражом 70 000 экземпляров и распространялся по библиотекам. Может быть, конечно, речь идет об издании повести «На Луне» 1951 года, однако к нему не подходит определе-

ние «сборник». Что касается других книг, «связанных с этим вопросом», то Гагарин на тот момент мог воспользоваться «Трудами по ракетной технике» (1947) Константина Циолковского, «Полетом в мировое пространство» (1949) Ари Штернфельда, «Рассказами о ракетах» (1950) Бориса Ляпунова. Любая из этих книг могла послужить основой для доклада.

Однако расплывчатость признания состоит в другом. Биографы, ссылаясь на Гагарина, легко делали умозаключение, что хотя путь в космонавтику для Юрия Алексеевича начинался в кабинете Беспалова, именно в кабинете Москвина он обрел идеологическое обоснование, подарившее восемнадцатилетнему литейщику осознанную мечту о полете к звездам. На мой взгляд, такой вывод — очередное следствие стремления к упрощению биографии первого космонавта. Даже в тех воспоминаниях его друзей, которые изобилуют моментами мемуарной селекции, мы не находим конкретизированных упоминаний о теоретической подкованности Гагарина в области ракетостроения и космонавтики. По-настоящему серьезный интерес к этой проблематике придет у него позже. И Циолковский «перевернет душу» позже — примерно в то время, когда его фантастические прогнозы вдруг начнут сбываться, причем намного раньше и быстрее, чем полагал сам основоположник.

В то же время нельзя отрицать, что, находясь под влиянием такого энтузиаста-изобретателя, как Николай Иванович Москвин, который вроде бы лично знал Циолковского, Гагарин должен был уделять некоторое внимание означенной теме, следить за ней. Увлеченность же Москвина не вызывает сомнений. Владимир Россошанский сообщал по этому поводу (цитирую книгу «Парни из нашего города», 2004):

«Я слышал, что незадолго до смерти Н. И. Москвин просил передать Гагарину специально собранные для него рукописи и книги: „Может, пригодятся ему“.

Как-то спросил об этом бывшего директора техникума С. И. Родионова.

— Передавал, — сразу откликнулся Сергей Иванович. — Но мы их Гагарину не передали. Не успели... Думали, придет Юрий Алексеевич и вручим ему. Не успели, к сожалению.

— И где же они теперь? — с потаенной надеждой спросил я.

— Должны быть в кабинете директора, — уверенно ответил Сергей Иванович. — Я их там держал.

Иду к новому директору В. П. Ерофеевскому.

— Нет, не видел их, — задумался Виктор Петрович, когда я рассказал ему о свертке или связке Москвина. — Честно говоря, бумаги бывшего директора я тщательно не смотрел... Может быть, они где-то и лежат здесь. Посмотри. Я сейчас уезжаю, кабинет в твоём распоряжении.

...Кажется, в кабинете не осталось такого места, которое я не просмотрел. Не иголка же в стоге сена, а целая связка. Не может остаться незамеченной. Но связка как сквозь землю провалилась.

И вдруг мой взгляд остановился на подставке сейфа, на обыкновенной прикроватной тумбочке, которые были раньше в наших общежитиях. Попробовал открыть дверцу — не удалось. Старая высохшая краска, наложенная во много слоев, настолько заполнила все поры и трещины дверки, настолько схватила ее мертвой хваткой, что попытки просто открыть тумбочку, по-видимому, не приводили к успеху, и на нее перестали обращать внимание. Возился я с тумбочкой больше получаса, выковыривая ножом краску, стараясь не испортить ее внешний вид. Наконец она открылась, и я увидел много курсовых работ по предмету „Детали машин“ — его преподавал Родионов. Вынимаю их из тумбочки и у задней стенки вижу большой сверток. „Они! Рукописи!“ — обрадовался я, торопливо развязывая веревку, собранную из домашних тряпичных полосок...

Я не ошибся: в свертке действительно были рукописи Москвина. И книги из его личной библиотеки, которые он, видимо, считал полезными для космонавта.

Что же отобрал он для Ю. А. Гагарина? „Русские новаторы в мировой технике“ профессора В. В. Данилевского, „А. Ф. Можайский — создатель первого в мире самолета“ авторов Н. А. Черемных и И. Ф. Шипилова, „О чем рассказывает свет“ С. Г. Суворова, „От ракеты до реактивного самолета“ Б. В. Ляпунова, „Атомная энергия и ее применение в народном хозяйстве“ Н. Г. Дорфмана, „Первые использования авиации“ И. С. Краевского и другие.

Меня, конечно, интересовали в первую очередь рукописи. Бегло просматривая их, сразу заметил, что они связаны с космической наукой. И как контраст: страницы были сшиты нитками, местами закреплены швейными иголками, булавками...

Вот рукопись „Современное учение о Вселенной“. Осторожно листаю ее и невольно что-то читаю. „История человека говорит, что

люди, находясь еще на низкой ступени своего развития, обращали свои взоры к небу, чтобы изучить таинственные отношения звезд к смене времен года... Вспыхивала новая звезда, пронеслся по небу огненный шар, выплывала волосатая комета, и людям казалось, что эти явления, эти перемены в небе говорят о каких-то переменах в судьбе отдельных лиц и народов. Вера в предсказания астрологов была очень сильна“.

Н. И. Москвин раскрывает историю открытия Вселенной, называет имена великих ученых, внесших большой вклад в „устройство“ звездного неба и открывших законы его существования.

Заканчивается эта рукопись словами: „Красиво и величественно звездное небо во всей своей громаде. Уже невооруженному глазу ночное небо дает слабое предчувствие о неизмеримом богатстве звезд, рассеянных в мировом пространстве“.

Как это созвучно с высказыванием К. Э. Циолковского о пользе завоевания космоса, которое, как он полагал, в будущем даст „обществу горы хлеба и бездну могущества“. А ведь рукопись Москвина написана была еще до Октябрьской революции, когда с работами великого теоретика космоса мало кто был знаком».

Россошанский преувеличивает, проводя параллели между вычурной философией Циолковского и научно-популярным текстом Москвина, посвященном достижениям современной ему астрономии. Тем не менее история космонавтики (не только отечественной, но и мировой) знает множество примеров, когда «космополиты-чудаки-академики» становились идейными наставниками для восторженных юнцов, которые превращались потом в конструкторов и испытателей ракетно-космической техники. И в этом смысле параллели более чем уместны: именно Николай Иванович Москвин стал первым идейным наставником для Юрия Алексеевича Гагарина — и не только как для космонавта-испытателя, но и как для инженера-конструктора.

Глава восьмая

Культ героя

В своей книге «Юрий Гагарин» (2011), изданной в серии «Жизнь замечательных людей», Лев Александрович Данилкин сообщает: «В „Дороге в космос“ Гагарин рассказывает об особенностях учебного процесса в саратовском индустриальном с обстоятельностью Джоан

Ролинг, описывающей занятия в Хогвартсе; сегодня эти страницы не вызывают ничего, кроме приступов зевоты». Очень странное заявление! Во-первых, не совсем понятно, кого имеет в виду биограф: Гагарина или Ролинг (Роулинг?) — вопрос согласования внутри предложения остается открытым. Во-вторых, если речь идет всё-таки о Гагарине, то замечание Данилкина тем более удивительно, ведь, будучи филологом, он должен был заинтересоваться саратовским периодом обучения — временем, когда формировались разговорная речь и письменный стиль будущего космонавта. Больше того, как вспоминал сам Гагарин и подтверждали его друзья, в Саратове он прочитал множество новых книг, которые были недоступны ему ранее и которые, без сомнения, повлияли на формирование его убеждений. Казалось бы, какой простор для анализа со стороны профессионального литературного критика, коим числится Данилкин сегодня, но... нет, ему почему-то скучно до зевоты.

Мы же помним, что литература была третьим (наряду с математикой и физикой) учебным предметом, которым Гагарин всегда занимался с особым рвением, восполняя недостаток общей культуры. Что же он запомнил из саратовского периода? Откроем «Дорогу в космос» издания 1961 года:

«Литературу преподавала нам Нина Васильевна Рузанова, внимательный, заботливый педагог, влюбленный в свой предмет. Она составила список книг, настоятельно рекомендуя прочесть их каждому. В этот список входила вся серия „История молодого человека XIX столетия“, которую в свое время редактировал Максим Горький. Она знакомила нас с шедеврами русской и мировой классики. До сих пор помню волнение, охватившее меня, когда я читал „Войну и мир“ Льва Толстого. Больше всего в этой чудесной книге мне понравились батальные сцены и образы защитников Отечества от наполеоновского нашествия — артиллериста Тушина, командира полка князя Андрея Болконского, офицеров Ростова, Долохова, Денисова. И фельдмаршал Кутузов, словно живой, представал перед моими глазами.

В то время я прочел „Песню о Гайавате“ американского поэта Лонгфелло, произведения Виктора Гюго и Чарльза Диккенса. Читал много, наверстывая то, что не успел сделать в детстве. Как и все мои сверстники, увлекался Жюлем Верном, Конан-Дойлем и Гербертом Уэллсом».

Перед нами вполне стандартный набор чтения для школьника старших классов: с одной стороны, самое увлекательное из класси-

ки — Лев Толстой, Виктор Гюго, Чарльз Диккенс и Генри Лонгфелло; с другой стороны, общедоступные шедевры жанровой литературы — Жюль Верн, Артур Конан Дойл, Герберт Уэллс. Но наверняка было что-то еще. Что вы знаете, например, о серии «История молодого человека XIX столетия»? Вероятно, для поколения Гагарина не требовалось дополнительных объяснений, однако нам за ответом придется обратиться к библиотечным каталогам. Серия книг под таким названием выпускалась «Журнально-газетным объединением» в 1932 году, включала двадцать четыре томика в мягкой обложке с романами и повестями, посвященными заявленной теме и написанными самыми разными авторами (перечисляю по порядку выпусков): Франсуа де Шатобрианом («Рене», 1802), Бенжаменом Констаном («Адольф», 1816), Стендалем («Красное и черное», 1830), Альфредом де Мюссе («Исповедь сына века», 1836), Михаилом Юрьевичем Лермонтовым («Герой нашего времени», 1840), Иваном Сергеевичем Тургеневым («Рудин», 1856; «Отцы и дети», 1862), Николаем Герасимовичем Помяловским («Мещанское счастье», 1861), Василием Алексеевичем Слепцовым («Трудное время», 1865), Полем Бурже («Ученик», 1889), Генриком Сенкевичем («Без догмата», 1890), Эдвардом Бульвер-Литтоном («Кинельм Чиллингли», 1873), Оноре де Бальзаком («Шагреновая кожа», 1831), Вольфгангом фон Гёте («Страдания молодого Вертера», 1774), Хуаном Валера («Иллюзии доктора Фаустино», 1875), Уго Фосколо («Последние письма Джакомо Ортиса», 1802), Андреем Осиповичем Новодворским («Эпизод из жизни ни Павы, ни Вороны (дневник домашнего учителя)», 1877), Альфредом де Виньи («Стелло и черный доктор», 1832).

Как видите, серия под редакцией Максима Горького давала не только хорошее представление о европейской литературе XIX века, но и в значительной степени отражала умонастроения образованной части общества того времени — людей, считавших себя «лишними» среди процветающих буржуа и экзальтированного дворянства. Примечательно, что еще до выхода первых выпусков Горький столкнулся с резкой критикой концепции предложенного им издания. В самом деле — подавляющее большинство персонажей выглядят безвольными, безынициативными и пессимистически настроенными людьми, которые не желают участвовать в классовой борьбе за интересы народа на фоне грандиозных социальных преобразований, порожденных закатом империализма и научно-технической рево-

люцией. Хуже того, пользуясь их апатией, другие молодые люди с агрессивной натурой, опора буржуазии и колониального деспотизма, всячески угнетали пролетариат, но почему-то эта зловредная деятельность никак не отражена в серии книг, подготовленных Горьким. Пришлось великому пролетарскому писателю оправдываться, и он, прибегая к довольно искусственным аргументам, объяснил свой выбор тем, что буржуазия еще не побеждена, поэтому публикация авторов, воспевающих ее агрессивную часть, так или иначе поспособствует романтизации и даже героизации классовых врагов. С другой стороны, отобранные тексты демонстрируют крах индивидуализма как мировоззренческой системы и остро критикуют мещанство, за счет чего имеют высокое «социально-педагогическое» значение.

Трудно сказать, что именно из списка прочел и усвоил Юрий Гагарин. Вполне может оказаться, что прочитал всё, — будущий космонавт, как мы помним, отличался обязательностью, помноженной на любознательность. Но воспринимал ли он их в том же ключе, что и составитель Максим Горький? Напрашивается положительный ответ, ведь нам из современности кажется, что советская идеология менялась мало, особенно в отношении дореволюционной литературы. Однако в действительности это не так, и рубежом, после которого кардинальные идеологические изменения стали неизбежны, была Великая Отечественная война. Кстати, а вы не задумывались, откуда взялся термин, который знаком нам с детства? Оказывается, в качестве пропагандистского клише словосочетание «отечественная война» появилось почти сразу — 22 июня 1941 года, после радиообращения наркома Вячеслава Михайловича Молотова; вошло в широкое употребление после радиообращения Иосифа Сталина 3 июля 1941 года, а официально было закреплено в мае 1942 года учреждением специального ордена. Историки сходятся на том, что хотя и Первую мировую войну иногда называли Великой Отечественной, возвращение подзабытого термина связано с войной 1812 года, о которой много писали во второй половине 1930-х годов. Тут тоже есть нюансы. Эпитет «отечественная» применительно к той войне первым использовал писатель-декабрист Фёдор Николаевич Глинка в 1816 году, причем он вкладывал в него не патриотический, а географический смысл (то есть «российская» война). Среди советских историков первенство принадлежит Евгению Викторовичу

Тарле, который ввел термин (теперь в патриотическом смысле) в книге «Нашествие Наполеона на Россию» (1938), а позднее использовал в контексте противостояния с Третьим рейхом: например, в статье «Война отечественная, война освободительная», опубликованной в газете «Известия» 6 июля 1941 года. Получается, что изменение историографической парадигмы, связанной с пересмотром основ советской идеологии, началось еще до войны с Германией.

Что же произошло? Почему потребовалось пересматривать идеологию, а вместе с ней историю и литературу? Ответ напрашивается: мировая революция, на которую рассчитывали большевики, откладывалась на неопределенный срок; фашизм оказался в глазах значительной части европейцев привлекательнее коммунизма; немецкий пролетариат, который считался в рамках прежних доктрин самым прогрессивным, вместо борьбы за светлое будущее поддержал построение нацистского государства; над СССР нависла угроза очередной войны, причем со всем миром сразу, — где было черпать идеи для единения и мобилизации советского общества в противостоянии с империалистами? Очевидно, в великодержавном патриотизме, являвшем беспримерный героизм русского народа со времен битвы на Чудском озере.

Особого накала апелляция к военным победам предков достигла, что логично, в первые месяцы Великой Отечественной войны. Исследователи отмечают рост количества публикаций, связанных с событиями 1812 года: переиздаются книги Тарле и других авторов, выходят совершенно новые, в которых рассказывается о забытых героях и полководцах, разгромивших Наполеона. Что характерно, во многих публикациях отдельно подчеркивалась благодетельность тактики Кутузова, решившегося на отступление и сдачу территорий, включая Москву. Как мы знаем сегодня, осенью 1941 года такой «кутузовский» сценарий был вполне реален.

В конечном итоге процесс добрался и до ревизии учебников, которые всё еще интерпретировали историю страны и литературы с устаревших позиций борьбы за мировую революцию. Интересное совпадение: именно в Саратове, куда был эвакуирован Ленинградский государственный университет (ЛГУ), его сотрудники — Григорий Александрович Гуковский и Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов выпустили книгу «Любовь к родине в русской классической литературе» (1943), в которой задавался державно-патриотический

тон. Жертвенность во имя России, а вовсе не ради победы мировой пролетарской революции, называлась в ней высшей добродетелью, которая превращала человека, к какому бы социальному классу он ни принадлежал, в подлинного героя. Обратите внимание, как говорит Юрий Гагарин о дворянах-офицерах из «Войны и мира». Если вы думаете, что такая интерпретация, без упоминания их эксплуататорской сущности, была возможна в начале 1930-х годов, то глубоко ошибаетесь.

В 1944 году политуправление Ленинградского фронта выпустило брошюру «Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков» майора Александра Григорьевича Дементьева, в будущем одного из авторов учебника по советской литературе для 10-го класса. В сравнительно небольшой работе Дементьев исчерпывающе охарактеризовал принципы, по которым в дальнейшем следовало оценивать дореволюционную литературу: *«Патриотизм русских писателей — это не только чувство кровной связи с родиной, но и продуманное, вполне осознанное, цельное мировоззрение. Их патриотизм имел действенный характер, не удовлетворялся настоящим и был устремлен в будущее. <...> Русские писатели призывали к подвигу, к борьбе за лучшее и счастливое будущее родины».*

После войны новые подходы получили развитие: советская литература объявлялась прямой наследницей русской классики, продолжающей патриотические традиции, а романтика революционного протеста трансформировалась в постулаты так называемого «освободительного движения»: борьбе с самодержавием придавались все атрибуты национально-освободительной войны с иностранными захватчиками. В творчестве каждого автора в обязательном порядке выделялась либо военная тема (прославление русского оружия), либо обличение порядка вещей в самодержавном государстве (с той точки зрения, что этот порядок мешал процветанию родины). Партийный литературовед Александр Михайлович Еголин, один из авторов учебника по литературе для 9-го класса, в книге «Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века» (1946) писал: *«Историческое прошлое подготовило расцвет русской культуры и определило ее характерные черты — народность, свободолюбие, человечность, отсутствие национальной ограниченности. В русской литературе и искусстве воплотилась вера в творческие силы народных масс и нашла отражение борьба за пере-*

довые идеалы человечества. Начиная с неизвестного по имени, но великого по таланту творца „Слова о полку Игореве“ все видные писатели России — пламенные патриоты».

В этом ключе писались послевоенные учебники. В этом же ключе преподавала литературу и Нина Васильевна Рузанова, уроки которой хорошо запомнились Юрию Гагарину и его однокурсникам. Она оставила книгу воспоминаний «Юность космонавта» (1986), благодаря чему мы сегодня имеем возможность узнать, как формировались идейные убеждения будущего космонавта. Прочитую некоторые характерные моменты:

«Мы приступили к теме урока „Художественная литература и ее значение в общественной жизни“.

Урок проходил в форме живой беседы. Гагарин, Порохня, Стешин и Шикин сразу же активно включились в обсуждение. Чаще других поднимал руку Юрий, просил: „Разрешите, я добавлю!“ На вопрос о воспитательной роли литературы Гагарин ответил так:

— Сами-то мы, Гагарины, из крестьян. Дорого нам всё, что написано о крестьянской доле. Помню, долго не мог уснуть, прочитав стихотворение Некрасова „Размышления у парадного подъезда“. Всё стояли перед глазами обездоленные крестьяне, которых не пустили в дом вельможи. А ведь они шли к нему из далеких деревень за помощью. — Гагарин помолчал немного и продолжил: — Да разве хотели помочь народу те, кто грабил бедняков, а сам, не зная горя, вел праздную жизнь?! Стихотворение учит тому, что не надо искать помощи угнетателей, необходима борьба. В этом воспитательный смысл произведения.

*— Хорошо, Гагарин. Тему поняли правильно, отвечали интересно.
<...>*

Коллективно мы прослушали оперу М. И. Глинки „Иван Сусанин“.

Нашим учащимся, детям войны, был близок и понятен героический образ Сусанина.

— Любовь к Родине — вот главное, что мне понравилось в Сусанине, — сказал Гагарин. И это были не просто слова. В художественных произведениях, в театральных постановках Юрия всегда привлекали натуры сильные, героические, способные на подвиг.

<...>

Припоминается такой эпизод. В начале пятидесятых годов произведения Сергея Есенина не входили в программу, в библиотеке не было его стихов. А многие учащиеся очень интересовались поэзией Есенина.

Гагарин не раз спрашивал меня о жизни Есенина, его поэзии. У меня тогда не было книг этого поэта, но как только мне подарили небольшой сборник его стихов, я дала почитать книгу Юрию.

— Нина Васильевна! — восторженно сказал Юра, прочитав стихи. — Какой это удивительный поэт, как он любил Родину!

Слушая Гагарина, я радовалась тому, как тонко чувствует он красоту родной природы, воспетую в прекрасных стихах замечательного русского поэта... И сам Юра становился мне еще милее, дороже».

Рузанова, конечно, немного перебарщивала, придавая образу Гагарина черты, которые больше подходят школьному зубриле, чем восемнадцатилетнему учащемуся техникума с лидерскими задатками. И всё же Юрий Алексеевич здесь узнаваем — как человек, для которого идея русского патриотизма была не абстрактной категорией, которую можно применить к любому произведению искусства или литературному персонажу в зависимости от политической конъюнктуры, чем занимались авторы учебников, а «осознанным и цельным мировоззрением», выстраданным в военные годы. И новейшая идеология, ориентированная на объединение дореволюционной и советской эпох в единую историю свободолюбивого народа, превосходно ложилась на личное впечатление. В этом смысле весьма показателен момент с Иваном Сусаниным, который был отвергнут после революции как «слуга царей» (вплоть до того, что разрушили памятник ему в Костроме), а в 1938 году был «полностью реабилитирован» в качестве героя, отдавшего жизнь за Отчизну. Вероятно, не будь идеологической реформы в пользу патриотизма, Гагарин ничего и не узнал бы о Сусанине, но был ли Советский Союз способен победить без всенародного патриотического подъема?.. Вопрос риторический.

Помимо уроков, Рузанова вела еще и литературно-драматический кружок техникума, который был учрежден в октябре 1946 года. Гагарин, который еще в Гжатске тяготел к участию в самостоятельных постановках, почти сразу записался в него и вскоре стал членом совета кружка. В кружке ставили «Грозу» Александра Островского, «Недоросля» Дениса Фонвизина, «Шестеро любимых» Алексея Арбузова. Учащимся помогали профессиональные актеры, а сами спектакли проходили в актовом зале техникума. Здесь же устраивались и литературные вечера, посвященные обсуждению тех или иных книг или писателей. Рузанова вспоминала, как проходил вечер, посвященный творчеству Бориса Николаевича Полевого:

«Юрий пришел заблаговременно. Волновался наверняка, но виду не подавал.

Вскоре пришли В. Зубатов, А. Хайдуков, Е. Стешин, Р. Мироничева, В. Порожня и другие. Они подбадривали Юрия, желали ему успеха.

Диспут начался. Первое слово предоставили Гагарину. Юрий рассказал о жизни и творчестве Бориса Полевого, остановился на отдельных эпизодах „Повести о настоящем человеке“.

— Черты Мересьева типичны для советской молодежи, — подчеркнул Гагарин. — Борис Полевой продолжает традиции Николая Островского, утверждая пламенный девиз — „Через трудности к победе... Только вперед! Только на линию огня“. А предшественником их обоих я считаю Горького, утверждавшего, что в жизни всегда есть место подвигу. Все мы должны брать в пример пламенного Данко, Павку Корчагина, Алексея Мересьева, должны учиться у них бороться и побеждать.

Посыпались вопросы. Их было так много, что Гагарин едва успевал отвечать.

— Кто вам больше нравится: герой Войнич — Овод или герой Полевого — Мересьев?

— Овода, сильного духом и мужественного человека, я давно люблю, — ответил Юрий, — но Мересьева полюбил сильнее. Он — наш современник, близок нам по духу и убеждению. Мне очень хотелось бы встретиться с Алексеем Петровичем Маресьевым, о судьбе которого рассказал в своей повести Полевой, и пожать его руку. Хорошо бы пригласить этого мужественного человека к нам в гости.

К сожалению, такая встреча в техникуме не состоялась.

Но позднее Юрий Алексеевич встретился в Москве с Алексеем Петровичем [Маресьевым]. Встречался Гагарин и с Борисом Николаевичем Полевым».

В процитированном фрагменте легко увидеть вкрапления из книги Юрия Гагарина «Дорога в космос» и опять же идеализацию образа космонавта. Однако при этом мы можем вычлениить и другое, по-настоящему важное, а именно — желание молодого человека соответствовать духу времени, поиск себя через равнение на старших товарищей, которые успешно справились с суровым жизненным испытанием, делом доказав свой патриотизм. Расскажу тем, кто не читал «Повесть о настоящем человеке» (1946), что Алексей Петрович Маресьев (прототип Мересьева) был военным пилотом-истребителем, у которого ампутировали обе ноги, но который сумел вернуть-

ся в строй и даже сбил несколько вражеских самолетов. Конечно, история Артура Бёртона из романа «Овод» (1897) американки Этель Войнич, которого так ценят романтически настроенные подростки, проигрывала суровой прозе жизни героического летчика, настоящего патриота своей советской родины.

В дальнейшем кружок при участии Гагарина устраивал диспуты о Максиме Горьком, Льве Толстом, Николае Чернышевском, Владимире Попове. Члены совета кружка обязаны были вести дневник, и в нем сохранились записи, сделанные Гагариным:

«Вчера, 5 марта 1953 года, провели литературную викторину. Цель ее — проверить знания и интерес к русской классической литературе, привлечь к участию в ней как можно больше ребят.

Викторина выявила наш интерес к художественной литературе. Многие показали хорошие знания. За лучшие ответы ребят награждали книгами. Я получил роман Н. Островского „Как закалялась сталь“. Считаю, что такие мероприятия для нас очень полезны и нужны. <...>

Вчера, 15 октября 1953 года, смотрели в театре Карла Маркса драму Константина Симонова „Русские люди“. Перед нами проходили события Отечественной войны. Мы увидели окраину одного из южных городов, где немцы окружили небольшой отряд наших бойцов под командованием капитана Сафонова. Здесь каждый боец свято выполняет свой долг перед Родиной. На наших глазах быстро развивались острые, драматические события. Мы видели, как простые русские люди, вынужденно сменив мирные профессии на нелегкий и опасный труд воинов, в минуты тяжелых испытаний проявляют чудеса героизма и мужества, силу характера, патриотизм.

С волнением смотрели мы, как совершают подвиги шофер Валя, совсем молодая девушка, военфельдшер Глоба, майор Васин (артист Г. Сальников).

С отвращением и ненавистью видели изуверства фашистских захватчиков. Но как ни бесчинствуют, ни зверствуют розенберги, краузе, вернеры, им не покорить советский народ.

Волнующая тема и яркая игра артистов захватила нас всех. Дриму смотрели на одном дыхании. Когда закончилось последнее действие, театр взорвался от аплодисментов. Артисты вышли на сцену, и мы, не отпуская их, горячо аплодировали».

Обратите внимание, как называется пьеса Константина Симонова, написанная им в 1942 году. «Русские люди». Не советские, нет —

русские. И снова подвиг, снова самопожертвование, снова предельный акт патриотизма.

Строки, написанные Гагариным в дневнике литературно-драматического кружка, выглядят наивными, но нужно помнить, что в том возрасте (девятнадцать лет) у него еще не было сколько-нибудь значительного литературного опыта, и он следовал тем шаблонам, которые давали ему учебники и уроки. Что касается гагаринского мировоззрения, то как бы мы ни относились сегодня к идеологическому диктату сталинской эпохи, нужно признать: самозабвенный патриотизм не имел тогда альтернативы, ведь мировая война де-факто еще не закончилась.

Глава девятая

Выбор пути

Книга учительницы литературы Нины Васильевны Рузановой «Юность космонавта» (1986) начинается с эпизода, который трудно признать достоверным. Прочитирую:

«Осень в Саратове не так уж часто выдается теплой, солнечной. А в том памятном 1951 году оказалась именно такой. Природа словно задалась целью преподнести подарок саратовцам, не торопится их расставание с летом.

По-прежнему воздух был наполнен свежестью трав, деревья сохраняли пышный зеленый наряд. С Волги дул ветерок, разнося неповторимый аромат, который особенно ощущался в одном из любимых уголков отдыха горожан — парке „Липки“.

Воскресным днем мы с Марией Константиновной Юрьевой, тоже преподавателем Саратовского индустриально-педагогического техникума, гуляли по аллеям парка. Молодежи, в том числе нашим учащимся, нравилось проводить здесь свободное время: читать, слушать музыку.

Шли мы по тихой аллее и разговаривали на самые обыденные темы. Вдруг Мария Константиновна придержала меня за руку:

— Посмотрите, Нина Васильевна, вон туда, вправо. Видите?

Вглядевшись, я заметила невысокого юношу в форме учащегося нашего техникума, стоявшего перед скульптурой летчицы. Мы подошли ближе и, боясь потревожить паренка, замерли. <...>

Юноша, не замечая никого, продолжал внимательно рассматривать скульптуру. Но вот он словно встрепенулся, обошел монумент и торопливо зашагал к выходу из парка. Мы тоже направились туда. Выйдя из „Липок“, паренек быстро пересек улицу Радищева и вышел на перпендикулярную с ней — Сакко и Ванцетти. На ходу расправлял складки шинели, проверял, все ли пуговицы на ней застегнуты, ладно ли сидит на голове фуражка. Подойдя к техникуму, постоял немного, поправил воротник шинели и вошел в здание.

Это был учащийся Юрий Гагарин, в 1951/52 учебном году зачисленный на первый курс литейного отделения, в группу Л-11.

Через несколько дней я пригласила Гагарина в кабинет русского языка и сказала, что видела его возле скульптуры летчицы. Юрий сначала смутился, потом, мягко улыбувшись, сказал, как бы упреждая возможный вопрос:

— Да, Нина Васильевна, мне действительно нравится эта скульптура. Смотрю на нее, и невольно хочется отлить то же из металла. А еще... Еще мне кажется, что в монументе точно передано стремление человека совершить необычное. Знаете, я уважаю людей этой профессии — летчиков, завидую им... Если откровенно, Нина Васильевна, к небу я неравнодушен с детства. Помню, спрашивал: почему огромный тяжелый самолет летает, как птица, легко и не падает? Можно ли облететь на нем земной шар? Теперь-то не задаю этих смешных вопросов. Но один, наверное самый трудный, не дает покоя: как стать летчиком? Пока это лишь мечта...

— Мечты могут сбыться, Юра, если за них бороться.

Гагарин резко встал и, приложив руку к козырьку, совсем по-военному отчеканил:

— Есть, товарищ преподаватель, бороться за мечту!..»

В подборках фотографий, запечатлевших Юрия Алексеевича Гагарина в разные годы жизни, действительно можно увидеть его, позирующим рядом со скульптурой летчицы в саратовском парке «Липки». Она была установлена у юго-западного входа на том месте, где сейчас стоит памятник Александру Сергеевичу Пушкину, и не просто для красоты, а в память об экипаже Марины Михайловны Расковой, который 4 января 1943 года разбился при перелете в сложных погодных условиях неподалеку от села Михайловка Саратовского района. Вместе с ней, Героем Советского Союза, на упавшем бомбардировщике «Пе-2» находились штурман Кирилл Ильич Хиль,

стрелок-радист Николай Николаевич Ерофеев и инженер Владимир Иванович Круглов. Прах Расковой захоронен на Красной площади, в Кремлевской стене.

История драматичная, поэтому нет сомнений, что Гагарин с его отношением к героизму бывал у этого памятника и размышлял, видимо, о военной авиации, но всё остальное в рассказе учительницы выглядит красивой легендой, придуманной постфактум. Из воспоминаний других людей мы знаем, что если Гагарин чем-то увлекался по-настоящему, то не скрывал этого, а делился в разговорах и письмах. Но ничего подобного, указывающего на «авиационную мечту» Гагарина, мы в воспоминаниях близких людей о его первом годе в Саратове не находим.

В тот год будущий космонавт последовательно развивал навыки, которые приобрел ранее. Например, помимо учебы, он продолжал активно заниматься спортом. Юрий записался в секции плавания и пулевой стрельбы, зимой — в лыжную секцию. Но его любимым видом спорта оставался баскетбол. Сначала Гагарина не хотели брать в команду из-за низкого роста, но однажды он заменил отсутствующего игрока и показал столь хорошие результаты, что немедленно был зачислен. Сохранился документ от 7 декабря 1951 года, свидетельствующий о его успехах: *«Грамота Саратовского городского комитета по делам физкультуры и спорта, выданная Гагарину Ю. А., участнику сборной команды индустриального техникума за первое место в блицтурнире, посвященном Дню Конституции».*

Физрук Геннадий Григорьевич Соколов быстро заметил его организаторские способности: вскоре Гагарин стал капитаном баскетбольной сборной, занял должность секретаря низового совета Добровольного спортивного общества «Трудовые резервы» Саратовского индустриального техникума, принимал активное участие в проведении различных соревнований, сам судил многие спортивные встречи. Кстати, за судейство платили кое-какие деньги, которые стали хорошей прибавкой к стипендии. Кроме того, будучи членом бюро ВЛКСМ литейного отделения Юрий отвечал за физкультурно-массовую работу.

Можно подумать, что подобная общественная работа ни к чему особенно не обязывает, но очевидцы утверждают обратное. Вот, например, что рассказывал Геннадий Александрович Фирсов корреспонденту газеты «Советская Белоруссия» (статья «Ребята из „литей-

ки“, 12 апреля 2007): *«В августе 1953 года, когда я только поступил в техникум, на одном из занятий физкультуры нас, первокурсников, повели к реке. На берегу Волги преподаватель предложил прыгнуть с вышек в воду. „Но для начала свое мастерство продемонстрирует Юрий Гагарин, ваш старший товарищ“, — сказал учитель. Юра быстро взобрался на самую высокую 10-метровую вышку. Красиво перевернувшись в воздухе, на несколько секунд исчез под водой. Когда вынырнул, мы смотрели на него, как на героя. Подходили, пожимали руку, восхищались: „Молодец! Не струсил!“ Сам я выше чем с пяти метров так и не рискнул нырнуть».* Получается, что Гагарину не только надлежало всегда оставаться в хорошей спортивной форме, но и быть готовым продемонстрировать свои навыки новичкам.

По вечерам Гагарин посещал занятия в Доме культуры трудовых резервов, располагавшегося в здании Дворянского собрания на углу улиц Соборной и Московской (оно было снесено в 1968 году; современный адрес — улица Московская, дом 55). Там он записался в оркестр, которым руководил Михаил Иванович Блохин, и, как прежде, играл на трубе. В оркестре Юрий участвовал до третьего курса. Кроме того, пел в хоре и даже обучался технике бальных танцев.

Низовой совет ДСО «Трудовые резервы» решил приобрести фотоаппарат, чтобы снимать спортивные соревнования, оформлять стенды и альбомы. Гагарин как секретарь предложил собрать деньги на покупку. Физрук Соколов, узнав об этом, купил учащимся дальномерный малоформатный ФЭД. Юрий хотел отдать ему собранные деньги, но Соколов отмахнулся, сказав: «Денег не надо. Купите себе конфеты и съешьте». Для проявки пленок и печати снимков администрация техникума выделила в учебном корпусе маленькую комнату под лабораторию и помогла с оборудованием. Вокруг лаборатории немедленно образовался фотокружок, в работе которого принимали участие и ребята из других групп.

Конечно, не следует забывать и о производственном обучении. Теорию и практику литейного дела преподавал мастер Юрий Фёдорович Кузьмин. К сожалению он умер, не завершив полный курс, и на его место был назначен Анатолий Иванович Ракчеев. Новый мастер отмечал упорство, с которым всегда работал Гагарин. Ему запомнился такой случай (цитирую по книге Владимира Степанова «Юрий Гагарин», 1987): *«В литейном цехе почему-то не давалась формовка по шаблону. Применяют ее чаще всего в единичном производ-*

стве, так как изготовление шаблонов проще и дешевле, чем замысловатых моделей. Всё делали вроде бы правильно. В почве выкапывали яму, на дне устанавливали башмак или подпятник, в него вставляли шпindelь и надевали опорное кольцо и рукав с шаблоном. Правильность установки подпятника проверяли по уровню. В общем, никаких, казалось бы, нарушений технологии, а формовка маховика для прессы не получается. У ребят кончилось терпение, все разошлись, и только Юрий не бросил мастера. Работали до глубокой ночи, пока не сделали всё как надо».

На каникулы Юрий ездил в Гжатск, навещая по дороге родственников в Москве и Клязьме. Каждый раз он старался привезти какие-нибудь подарки. Стипендии на них не хватало, даже несмотря на регулярное снижение государственных и рыночных цен, поэтому Гагарину приходилось искать подработку. Исследователь Владислав Иосифович Кац в книге «Именно с Саратовом...» (1998) рассказывает, как можно было подработать на разгрузке и сортировке арбузов: «С наступлением арбузного сезона у индустриков появлялись новые заботы. Арбузные эпопеи, наверное, по сей день памятли всем, кто в них участвовал. Бригады сколачивал спец по этой части Колесниченко. Знающие люди утверждали, что работал Колесниченко ровно два месяца в году, а остальные десять проводил на Черноморском побережье — денег хватало. Чуть свет Колесниченко появлялся у индустриков. Заскочит в общежитие, крикнет: „Есть баржа! Надо десять человек!“ Погрузо-разгрузочные работы Гагарин освоил не хуже профессионального грузчика. Работа сильно отличалась от тех радужных сцен в кинофильмах, когда с веселой песней арбузы по цепочке перебрасывают в руки и складывают на берегу». Однако и оплата была солидной: за ночь можно было заработать до 100 рублей (то есть две месячные стипендии учащегося техникума). Еще и арбуз давали в придачу, что украшало меню обитателей общежития.

Как видите, у Гагарина, который торопился угнаться за всем сразу и старался быть лучшим в любом деле, практически не оставалось времени на посторонние увлечения. Может быть, он и задумывался о полетах в небо или даже в космос — наверняка задумывался! — но без каких-либо практических соображений, требующих осмысленных действий.

И тут произошло одно из тех событий, которые периодически кардинально меняли жизнь Юрия Алексеевича, направляя ее по

совершенно неожиданному пути. В октябре 1952 года, то есть на втором курсе, начали призывать на срочную службу его старших друзей. Из-за этого были вынуждены прервать учебу Тимофей Чугунов и Александр Петушков — они отправились на флот, причем в то время служба там продолжалась четыре года. Легко представить, как подобный «академический отпуск» влиял на образовательный уровень молодых людей: после возвращения их приходилось фактически обучать заново, если, конечно, они возвращались. Всего из группы Л-21 было призвано пятнадцать человек — почти половина! Гагарин был моложе своих друзей, но ненамного, его должны были «забрить» весной следующего года.

Понятно, что администрация техникума была встревожена складывавшейся ситуацией: военные фактически срывали план по подготовке мастеров производства. Чтобы остановить процесс, директор Александр Максимович Коваль уговорил руководство Аткарского учебного центра ДОСААФ открыть в техникуме отделение по подготовке пилотов. Для его слушателей предусматривалась отсрочка призыва, поэтому самые молодые из учащихся немедленно записались туда.

Отдаленная фантазия вдруг обрела практическую значимость. О лучшем варианте Юрий Гагарин и мечтать не мог. Судьба давала ему возможность узнать авиацию, не покидая стен техникума. Будущий космонавт вместе с друзьями (в то время Гагарин особенно сблизился с Виктором Порохней и Евгением Стешиным) включился в изучение теоретических основ летного дела. Они конспектировали лекции об аэродинамических характеристиках летательных аппаратов, об особенностях работы двигателей, о свойствах воздуха и атмосферы. К сожалению, через полтора месяца, в январе 1953 года, занятия прекратились: как объяснили ребятам, в техникуме нет базы для практического изучения устройства самолета и тем более — для полетов. Разочарованию «индустриков» не было предела!

Весной учащиеся прослышали о том, что в районном центре Красный Кут, в 100 км юго-восточнее Саратова, есть Краснокутское летное училище гражданской авиации (КЛУ ГА), которое производит набор курсантов. Виктор Порохня вспоминал: *«Почему-то ребята решили на „разведку“ послать меня... Деньги какие-то были... Я решил — поеду на „товарняке“. Туда приехал весь чумазий. Пришел, а меня там спрашивают: ты кто такой? Я говорю, что из Саратовского*

техникума. Мол, хотим втроем поступить в ваше училище. Мне дали понять, что негоже нам шарахаться от одного дела к другому, да и требуемой десятилетки образования у нас не было... Итог таков: наше второе посвящение в авиацию также „провалилось“. Но, может, оно и к лучшему: ведь училище-то было гражданским и поступи туда Юра — никогда бы он не стал космонавтом...»

Среди «индустриков» всё же нашелся один решительный молодой человек по имени Александр Данилов, который сдал экстерном экзамены за десятый класс в школе рабочий молодежи, оставил техникум и поступил учиться в летное училище.

Впрочем, главная проблема отошла на задний план: в техникуме была создана военная кафедра, учащиеся освобождались от призыва в армию и проходили подготовку по специальности «Эксплуатация и ремонт автомобилей и гусеничных машин». При этом выпускники получали воинское звание младший техник-лейтенант запаса и права шофера-любителя. Некоторые из выпускников впоследствии захотели служить на штатных офицерских должностях и стали кадры военными.

Весной 1953 года произошло еще одно событие, которое, разумеется, не могло оставить равнодушным никого из советских граждан. Вечером 5 марта умер Иосиф Виссарионович Сталин. По этому поводу в последнее время тоже появилось множество спекуляций, в том числе с привлечением имени первого космонавта. Вот, например, что написал исследователь Вячеслав Васильевич Бучарский в статье «Юрий Гагарин и саратовский „Серп и молот“» (2010):

«С начала весны 1953 года индустрик Гагарин проходил производственную практику в вековой давности литейном цехе дореволюционного завода „Серп и молот“ на Астраханской улице в Саратове неподалеку от Детского парка и Аэроклуба на пересекающей Рабочей улице.

9 марта родившемуся на Смоленщине Юрию Гагарину исполнилось 19 лет. Однако личный этот повод не отмечали ни в студенческом общежитии на Мичуринской улице, ни в уютной диким виноградом „американке“ „ПИВО-ВОДЫ“ вблизи перекрестка Астраханской и Шелковичной улиц.

В тот день были Похороны Великого Вождя Советского Народа и руководителя правящей в СССР партии большевиков. <...>

Мне не забыть уже оттаявшее, но со снегом под ступеньками крыльца, на которое я вышел из дедушкиного дома рядом с „пивом-водами“,

тяжелые, как пули, капли, срывающиеся с кромки козырька, когда завывали и загудели беспросветные саратовские небеса, укрытые свинцом и цинком траурной облачности. Я помню, как ждалась и округлилась в облачко моя детская душа от странной и страшной волны, которая не из живота поднялась и не из разума спустилась. Но накатила снаряды вместе с единым гулом заводов, паровозов и пароходов, грузовиков и порталных кранов и принесла не страх животный, а ощущение всенародного горя, государственного, глобально-исторического. <...>

Теперь, через десятилетия, я не сомневаюсь, что в недалекой близости, на свежем воздухе рядом с дореволюционной литейкой, слушал траурный вопль кирпичной трубы завода „Серп и молот“ 19-летний Юрий Гагарин.

У меня, 12-летнего пятиклассника из Саратовской школы № 1 Рязано-Уральской железной дороги, сами собой катились по „пионерским“ щекам слезы. Нет, я не рыдал, конечно, не бился в истерику. Но слезы были — это точно. И я не сомневаюсь, что сочились и сбегали извилистые ручейки по „комсомольским“ щекам практиканта завода „Серп и молот“ Юрия Гагарина».

Всё же можно усомниться. Ведь есть прямое свидетельство, записанное со слов Виктора Порохни: «С его именем в наших молодых умах увязывалось многое. Поэтому его смерть, казалось, вырвала у каждого из нас кусочек сердца. Когда с первым утренним боем Кремлевских курантов ворвалось в нашу комнату общежития известие о том, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров СССР, Секретарь ЦК КПСС И. В. Сталин. Евгений Стешин зарыдал так, что все мгновенно оказались на ногах. Узнав день похорон, мы втроем решили выехать в Москву, но наши намерения группа не одобрила. Несколько поостыв, мы и сами поняли, что поступаем неправильно, так как из-за этой поездки пропустили бы много занятий. Но сам факт порыва еще больше скрепил нашу дружбу. Мы вместе стали мечтать о будущем, об авиации, строить перспективы». Как видите, свидетелю событий запомнился только плачущий Стешин.

Мы не можем, разумеется, сказать, что Гагарин не был огорчен смертью Сталина. Больше того, желание поехать в Москву на похороны говорит обратное. В то же время Юрий был не из тех, кто привык открыто демонстрировать сильные чувства, поэтому наверняка постарался сдерживать эмоции, не допустив «извилистых ручейков»

на «комсомольских щеках». И, кстати, хорошо, что ребята не поехали в столицу: как известно, во время похорон Сталина, в районе Трубной площади началась давка, приведшая к гибели больше ста человек.

Так или иначе, но жизнь вскоре вернулась в свою суматошную колею. Хотя у Гагарина и его друзей не получилось стать курсантами, предоставленная возможность прикоснуться к авиации пробудила в них надежду когда-нибудь всё-таки сесть за штурвал самолета. Порохня признавался: *«Мы стали вместе мечтать о будущем, об авиации. Частые поездки на спортивные соревнования еще больше нас возбуждали: неподалеку от спортивного комплекса „Нефтяник“ находился аэродром, откуда то и дело взлетали самолеты»*. Возможно, именно тогда, в 1953 году, Юрий Гагарин начал обдумывать варианты смены профессии. И тут нужно понимать, что чем дальше он учился, тем труднее ему было принять решение: очень тяжело перечеркнуть годы усилий, отказаться от карьеры, расписанной в рамках плановой экономики на десятилетия вперед и заведомо успешной. Против него «работали» и прагматические соображения: несмотря на престижность профессии военного летчика, новоиспеченному лейтенанту предстояло пройти большой путь, прежде чем он стал бы зарабатывать хотя бы столько же, сколько зарабатывал мастер литейного производства. Плюс к тому — высокие риски, большая нагрузка, неизбежные переезды из одного дальнего гарнизона в другой. Готов ли он к этому?..

Впрочем, на втором курсе перед Гагариным еще не стоял вопрос «или-или». Зато появились новые поводы для забот. С осени 1952 года в техникум стали принимать девушек — настоящее испытание для молодых половозрелых мужчин, многие из которых всё еще оставались холостыми. До того «индустрикам» приходилось наведываться в Дошкольное педагогическое училище, где обучали будущих воспитательниц детских садов, но, как уверяет Порохня, отношения там были исключительно платонические, сводившиеся к танцам, походам в консерваторию и театры. Теперь же до потенциальных невест было рукой подать, и многие не преминули этим воспользоваться.

Хотя Юрий Гагарин продолжал переписываться с Аидой Лукиной, он увлекся Риммой Сергеевной Миронычевой (ныне Гаврилиной). Чтобы не впасть в грех домысливания интимных подробностей, об-

ратимся к ее собственным воспоминаниям (цитирую по статье Татьяны Столяровой «Первая любовь Юры», опубликованной в газете «Комсомольская правда» 12 апреля 2002 года):

«В 1952–1954 годах Римма вместе с Гагариным училась в Саратовском индустриальном техникуме.

— Как-то стучится к нам в комнату парень: „Мне вот ее“, — вспоминает Римма Сергеевна. — Это Юра, значит, так разговор начинал. Выхожу. Он говорит: „Может быть, погуляем, на Волгу сходим?“ Посмотрела — он какой-то маленький, неказистый. „Не пойду“, — отвечаю. „Ну ладно...“ Потом появляется вновь — приглашает меня в оперный театр. Подумала я... „Не хочу. Голова болит“. И он опять спокойно уходит. Но на протяжении трех этих лет мы постоянно были вместе: занятия, столовая, баскетбольная площадка. Юра же был капитаном баскетбольной команды. Очень юркий, весь такой собранный, ответственный. И при этом улыбчивый, доступный какой-то. Вечно что-нибудь сморозит, ущипнет. Вот только в делах сердечных Гагаринову не очень-то везло...

Поняв, что Римма недоступна, он стал ухаживать за хорошенькой украинкой Эммочкой Дьяченко. Девушка она была своенравная: как-то раз за неосторожную шуточку Юрий схлопотал оплеуху. Римма, видевшая это, подскочила: „Что ты, Эмка?!“ „Он знает, что“, — сердилась та.

За самой Риммой уже всюду ухаживал Коля Гаврилин с литейного, отличный футболист. В итоге вышла Римма за него замуж, и увез Коля ее в Ленинград».

Виктор Порохня рассказывал, что у Гагарина были и другие «варианты»: «Еще была девушка Инна, татарка, хорошая девчонка, не помню фамилии... Не столько Юра за ней бегал, сколько она за ним... Но там, думаю, ничего не могло сложиться серьезного...» То есть в принципе будущий космонавт монаха из себя изображать не пытался, и если оставалось свободное время, то предпринимал попытки завести студенческий роман.

После второго курса, в июле, Гагарин привычно посетил Гжатск. Тут надо отметить, что летом 1953 года многие его бывшие одноклассники, закончившие 10-й класс средней школы, поступили в высшие учебные заведения. Воспоминаний о встречах с ними не сохранилось, но, вероятно, они повлияли на Юрия. Он собирался получить более серьезное образование, чем мог дать техникум, но

пока не знал, сумеет ли выйти из колеи predeterminedности. Анна Тимофеевна Гагарина вспоминала:

«Сообщил он мне об учебе друзей вроде бы вскользь, но я почувствовала его беспокойство.

— Было бы желание у человека — он всегда учиться время да силы найдет, — написала я ему.

— Знаю, — ответил.

Так мы перебросились словами, писали вроде бы не о его судьбе, но на самом деле — о ней».

На третьем курсе — в 1953–1954 годах — из общеобразовательных предметов остались только литература, история и немецкий язык, всё остальное — специальные дисциплины: «сопротивление материалов», «детали машин», «допуски и посадки», «методика производственного обучения», «теория резания», «технология металлов», «литейное дело». Еще психология и педагогика, которые вела Зинаида Ивановна Шапошникова. Зачем «индустрикам» были нужны эти последние гуманитарные предметы? Напомню, что Саратовский индустриальный техникум имел педагогический уклон, то есть выпускники могли работать мастерами-наставниками, например, в том же Люберецком ремесленном училище, которое заканчивал Гагарин. С этим, кстати, связана забавная история, которую рассказал «индустрик» Леонид Филиппович Романов (цитирую по его интервью, опубликованному в «Омской газете» 18 апреля 2001 года):

«Из нас готовили мастеров производственного обучения для ремесленных училищ. По сути — педагогов и воспитателей. А мы — через слово мат-перемат. Да не простой, а такой заковыристый, многоэтажный. Юрий тоже этим грешил, а про меня и говорить нечего — за свое беспризорное детство я прошел 18 различных детприемников, детдомов и две полуоткрытые колонии. Остальные ребята из нашей комнаты, скажем помягче, тоже за „добрым“ словом в карман не лезли — они сами так и слетали с губ. С таким лексиконом на заводе работать удобно, а вот с детишками — тут иной язык нужен, попримечнее. Вот и решили мы, по примеру Павки Корчагина, от мата избавиться. Сперва просто договорились, что с этого момента народные выражения употреблять больше не станем. Да куда там — через десяток минут они снова наполнили комнату. Тогда мы придумали клятву. Начинаясь она очень торжественно: „Борясь за чистоту нашей речи, клянемся прекратить выражаться матерным языком...“

А заканчивалась неприкрытой угрозой: „Кто нарушит эту торжественную клятву, пусть его голова вспухнет от щелбанов своих товарищей!“ Затем один из нас — Витя Порохня — заиграл на мандолине торжественный марш. Мы выстроились в шеренгу и под звуки музыки трижды обошли вокруг стоящего посреди комнаты стола, после чего один за другим поставили свои подписи под текстом клятвы.

Первые головы начали пухнуть от щелбанов уже через полчаса после торжественной церемонии. На „клятвопреступников“ набрасывались все десять соседей, и только чудом никто не получил сотрясение мозга — щелбаны пробивали на совесть. Некоторые из проштрафившихся даже специально тренировали искусство щелчка, дабы отомстить „мучителям“. Как ни странно, метод воздействия в виде дружеских щелбанов сработал — материться мы стали гораздо реже, а некоторые — хоть и не все — напрочь забыли народные выражения».

Учебная нагрузка была такова, что Юрий жаловался в письмах Аиде Лукиной на тотальную нехватку времени (письмо от 11 февраля 1954 года): «Сейчас и на тренировки-то ходить некогда. Тренируемся с пяти часов вечера, а в это время занятия. Да к тому же пошли все специальные дисциплины». Тем не менее курсовой проект по деталям машин и все экзамены Гагарин сдал на «отлично»; только за сочинение получил «хорошо», что не повлияло на общую итоговую оценку.

Производственная практика на саратовском заводе «Серп и Молот» завершилась 5 июля. После нее Юрий собирался поехать представителем на всесоюзные спортивные соревнования «Трудовых резервов» в Брянск, однако по предложению секретаря райкома комсомола решил провести каникулы физруком в летнем лагере детского дома «Красный городок». Сам он вспоминал об этом так (цитирую по книге «Дорога в космос» 1961 года издания):

«Лагерь находился в замечательном месте, весь в зелени, на реке. Там мне впервые в жизни пришлось вести воспитательную работу. Надо сказать, ребята попались живые, а некоторые даже „вредные“. Они обрадовались, что уехали от учительских глаз, и шалили вовсю. На весь лагерь было только двое мужчин, если меня в то время можно было назвать столь звучным именем, — я да слепой баянист Иван Алексеевич, человек тонкого слуха и большой музыкальной души. Мы, как могли, помогали молодой воспитательнице Тане Андреевой и звучу детского дома Елене Алексеевне.

Работа в лагере дала мне многое. Нередко вечерами, когда ребята, набегавшись за день, засыпали крепким сном, у нас с Еленой Алексеевной возникали задумчивые беседы. <...>

Она утверждала, что каждый ребенок — это целый мир. Правильно разобраться в нем — значит найти верные пути становления человека, помочь детскому сердцу окрепнуть для преодоления будущих трудностей жизни.

Лагерное лето пролетело быстро. Я вернулся домой [в Гжатск] и приобрел новый костюм, ботинки, часы. Словом, всё сложилось хорошо — и практику воспитателя прошел, и деньги заработал.

Здесь Юрий Алексеевич смягчил описание ситуации: подопечные были из детского дома со своей внутренней и довольно жесткой иерархией. Поскольку в лагере он был единственным дееспособным мужчиной, то его откровенно «испытывали на прочность». Гагарин, судя по всему, это испытание прошел с достоинством, успешно. Помогли ему начитанность и любовь к спорту. Благодаря начитанности он пленил подопечных оригинальными историями; благодаря спорту сумел добиться соблюдения дисциплины, обучив детдомовцев правилам подвижных игр и устроив нечто вроде спартакиады.

Четвертый курс 1954–1955 годов отличался от всех предыдущих тем, что «индустрики» вместо учебных аудиторий сразу отправлялись на преддипломную производственную практику, организованную на крупнейших металлургических заводах страны. 4 сентября Юрий Гагарин получил направление на Чугунолитейный завод имени П. Л. Войкова (адрес — город Москва, Ленинградское шоссе, 16; ныне там находится торговый центр). Разумеется, пользуясь случаем, он навестил родственников в Москве и Клязьме, съездил в Люберцы, дважды на выходные приезжал в Гжатск.

На практике Гагарин определился с темой будущего диплома, она звучала замысловато: «Проект литейного цеха серого чугуна с разработкой конвейера с годовым выпуском восемь тысяч тонн литья, разработка технологического процесса изготовления детали „Каретка“ по чертежам А27–61–12 и урока производственного обучения учащихся РУ 2-го года обучения по теме „Формовка в 2-х опоках“». Получается, что в дипломной работе учащийся должен был продемонстрировать как свои инженерные (проект литейного цеха и разработка технологической схемы на примере конкретной детали), так

и педагогические навыки (создание методички для урока), — сегодня трудно представить, что подобный уровень квалификации давался выпускникам техникума со *средним* образованием.

8 октября Гагарин вернулся в Саратов и две недели занимался подготовкой отчета о работе на заводе имени П. Л. Войкова. О чем он думал в то время? Какие планы строил? Преподаватели индустриального техникума постфактум высказывали уверенность, что Юрий наверняка попробовал бы поступить в один из многочисленных московских технических вузов: например, есть сведения, что он хлопотал о направлении в Московский институт стали и сплавов. И у него, с учетом отличных оценок почти по всем предметам и пачки всевозможных грамот, врученных за годы обучения, были большие шансы пройти вне конкурса. Но опять вмешался случай.

В один из октябрьских дней Виктор Порохня прибежал в общежитие с радостным сообщением: Саратовский аэроклуб ДОСААФ принимает учащихся четвертого курса как получивших полное десятилетнее образование. Тем же вечером Юрий Гагарин, Виктор Порохня, Евгений Стешин, Аркадий Балашов, Иван Логинов, Петр Семейкин, Николай Тезиков и Михаил Чекунов отправились в секретариат аэроклуба (улица Рабочая, 22) и оформили все необходимые документы.

Тут надо сделать небольшое отступление. В то время техникум возглавлял новый директор Сергей Иванович Родионов, сам бывший авиатор, окончивший 3-ю авиашколу Гражданского воздушного флота в Балашове и одно время преподававший в Саратовском авиационном техникуме. При этом он был резко против того, чтобы аэроклуб «сманивал» его старшекурсников. Обратимся к книге исследователя Владимира Ивановича Россошанского «Парни из нашего города» (2004):

«6 сентября 1954 года С. И. Родионов ушел в отпуск. Исполнять обязанности директора стал его заместитель по учебной части В. Г. Филиппов. Гагарин, Порохня и Стешин попросили Вадима Георгиевича, чтобы он разрешил им одновременно заниматься в техникуме и аэроклубе. Он разрешил, но предупредил:

— Учтите, если появятся тройки в учебе, вам придется забыть аэроклуб. Сергей Иванович этого не потерпит.

Анна Павловна Акулова, узнав о намерениях ребят, спросила их:

— А родители ваши знают об этом? Обязательно напишите.

Юра написал письмо родителям и попросил у них разрешения учиться в аэроклубе, при этом он сообщил, что техникум окончит обязательно. Они разрешили.

„Сынок, смотри не разбейся“, — предупредила мать — Анна Тимофеевна.

Друзья написали заявление в аэроклуб с просьбой зачислить их курсантами на летное отделение, прошли медицинскую комиссию. Председатель комиссии, врач Паршина Таисия Афанасьевна рассказывала мне:

— Я обратила внимание на тот факт, что Гагарин был в оккупации. Попросила доктора Тамару Яковлевну Зайдель проверить еще раз нервную систему Гагарина. Всё было в порядке. Потом ребят вращали на центрифуге. После этого испытания Гагарин вышел настолько бодрым, что удивил медиков. У него был отличный вестибулярный аппарат.

Теперь на очереди была мандатная комиссия. И вдруг над ними нависла опасность: С. И. Родионов вышел на работу досрочно, так как в литейном цехе произошел сильный взрыв, пострадали люди, техника.

Докладывая директору о случившейся беде, о других новостях в техникуме, В. Г. Филиппов сказал, что разрешил нескольким учащимся совмещать учебу в техникуме и аэроклубе.

Сергей Иванович возразил:

— Зачем разрешил?

— Вы же сами бывший авиатор...

— Вот поэтому и возражаю. Я знаю этих фанатиков. Вот увидите, потеряем мы их как специалистов.

При этом разговоре присутствовал секретарь комитета комсомола, он поддержал Филиппова, сказал, что райком ВЛКСМ дал задание направлять ребят в аэроклуб. Родионов помолчал, потом буркнул:

— Сманивают у нас кадры.

Гроза пронеслась мимо ребят. Но на их пути к воплощению мечты было еще немало преград».

26 октября приказом № 82 тринадцать учащихся техникума были зачислены курсантами отделения пилотов и сразу приступили к изучению материальной части самолетов под руководством инструктора Егора Спиридоновича Сурикова. Теперь они имели право называть себя не только «индустриками», но и «учлетами».

Россошанский указывал на любопытное историческое совпадение: 26 октября в местной газете был опубликован материал «Космический полет», в котором рассказывалось об учреждении Секции

астронавтики при Центральном аэроклубе имени В. П. Чкалова и золотой медали имени К. Э. Циолковского. Статья заканчивалась словами: «Принципиально нет никаких физиологических препятствий для вылета человека в межпланетное пространство».

Можно вспомнить и еще одно совпадение. В том октябре вышел номер журнала «Знание — сила», полностью посвященный жанру научной фантастики. В нем был помещен как бы номер из будущего, датированный ноябрем 1974 года и рассказывающий в репортажной стилистике о полете пилотируемого космического корабля «Луна-1»: приводились выдержки из сообщения Академии наук, очерки командира Михаила Седова, штурмана Алексея Соколова, бортового врача Тиграна Акопяна, главного конструктора Юрия Тамарина и других вымышленных специалистов. В заметке «От редакции» авторы футурологической реконструкции признавались: *«Мы не знаем еще фамилий будущих межпланетных путешественников, но мы не сомневаемся, что они уже родились и некоторые из них, возможно, будут держать в руках этот журнал».*

Россошанский не удержался от того, чтобы не связать события октября 1954 года друг с другом. Он писал: *«Рассказывает выпускник Б. С. Иванов: „Сижу я в читальном зале и просматриваю журнал то ли «Техника — молодежи», то ли «Знание — сила». Там был опубликован фантастический рассказ о полете людей во Вселенную. В это время к столику, за которым я сидел, подошел парень. Он подождал, пока я дочитаю журнал, потом попросил его. Прочитал тот же рассказ». Был ли тот парень Гагариным? Исследователь не дает прямой ответ, но намекает, что такое вполне возможно. В любом случае последнее слово остается за Юрием Гагариным, а он, отвечая на вопрос редакции журнала после своего космического полета, сообщил («Знание — сила», 1961, № 7):*

«Да, держал и внимательно читал этот журнал. Ведь в нем большой раздел был посвящен первому полету советских людей в космос. И хотя это было в то время фантастикой, но журнал нашел форму реалистического рассказа, были даже помещены „фотографии“ вымышленных космонавтов, их имена, фамилии, биографии. А обложка изображала старт ракеты и внизу дата — 1974 год. <...>

Теперь этот номер любопытно перелистать. Когда он вышел — помню очень хорошо — я учился в техникуме, и был уже летчиком-любителем. Я горячо рассказывал своим товарищам по аэроклубу о том,

как советские люди полетели в космос. Ребята слушали и улыбались, а потом спросили:

— Где ты это всё вычитал?

— В журнале „Знание — сила“.

— Так бы сразу и сказал. В этом журнале любят печатать фантастику.

Вы можете спросить, почему запомнился мне космический номер журнала „Знание — сила“? Пожалуй, потому, что многие материалы в нем читались как вполне серьезные научно-популярные статьи.

Таким образом, Гагарин подтвердил, что действительно читал «фантастический» выпуск журнала, но было это в октябре или позже, после того как будущий космонавт поднялся в небо на учебном самолете, остается неясным.

В любом случае новоиспеченные «учлеты» полагали, что их жизнь отныне изменится. 1 ноября они отметили успех в ресторане «Москва», потратив деньги, заработанные на разгрузке барж. Они ошибались: дойти до триумфального финала получилось только у одного из них — у Юрия Алексеевича Гагарина.

Глава десятая

Подняться в небо

Во многих советских источниках утверждается, что главной проблемой Юрия Гагарина во время обучения в Саратовском аэроклубе была тотальная нехватка времени. Вот, например, Лидия Обухова в «Любимце века» (1979) цитирует воспоминания бывшего «индустрика» Александра Гавриловича Шикина: «После обеда мы отдыхаем час-два, а он бежит на спортплощадку, готовится к соревнованиям, собирает ребят. Потом прибавился аэроклуб. Мы садимся за подготовку уроков — он уходит на другие занятия. Принесет уже поздно вечером чертежи крыла самолета, показывает нам. Он ведь знал, что никто его сразу на самолет не посадит, нужна теория и теория. Другим это скучным казалось: в аэроклуб у нас поступали многие, да кончил он один. Вот и выходит, что в десять вечера мы уже спать ложимся, отдыхаем, а Юрий только за подготовку уроков на следующий день берется. Память у него была колоссальная, конечно. Но дело не в одной памяти».

В действительности проблем было куда больше. И некоторые из них казались непреодолимыми. Прежде всего — директор техникума Сергей Иванович Родионов не собирался менять программу ради интересов нескольких «индустриков», решивших в последний момент «сбежать» из металлургии в авиацию. В феврале 1955 года, после сдачи сессии, группу Л-41 отправили на педагогическую практику в Ленинград. Там они должны были в качестве мастеров производственного обучения проводить занятия с учащимися ремесленных училищ по специальности «формовщик-литейщик».

Понятно, что из-за отъезда «учлеты» не могли посещать теоретические занятия в аэроклубе, что неизбежно отразилось бы на их успеваемости. Гагарин вновь проявил присущую ему старательность, захватив с собой в поездку иллюстрированное «Пособие летчику по эксплуатации и технике пилотирования самолета Як-18 с двигателем М-11ФР» (1953), чтобы продолжать изучать теорию.

Юрий Гагарин и Фёдор Петрунин попали на завод «Вулкан» (современный адрес — улица Новоладожская, 4, берег Малой Невки), который изготавливал чесальные машины и славился передовыми методами литья, позволяющими значительно экономить металл. Началась практика с небольшого инцидента, о котором рассказал Матвей Абрамович Аркинд, в то время начальник литейного цеха. Однажды он шел по двору и вдруг заметил непорядок. У входа в цех, у распахнутых настежь широких дверей, он увидел стайку молодых рабочих, столпившихся вокруг двух незнакомых «франтоватых» юношей. «В чем дело?! — прикрикнул Аркинд. — Немедленно по местам! Вы кто? Практиканты? Если думаете так начинать свою практику, то я вас и в цех не впускаю». Те быстро побросали папироски и, свесив головы, пошли следом за Матвеем Абрамовичем в его кабинет.

В этом рассказе (а я процитировал его почти целиком) примечательна одна деталь: Гагарин курит папиросы! Как это не сходится с образом идеального космонавта! На самом деле тут нет большого секрета: Юрий Алексеевич действительно покуривал, но, насколько известно, дурную привычку так и не приобрел.

Прибывших практикантов поселили в общежитии завода по адресу: Петроградская сторона, Большой проспект, 37. Сохранился приказ по ремесленному училищу № 52 от 14 февраля 1955 года: *«Зачислить на педагогическую практику мастером группы формов-*

щиков студента Саратовского индустриального техникума Гагарина Ю. А. Поставить на питание с 14 февраля по 30 марта».

Для проведения практики Юрию Гагарину выделили специальный участок. За ним закрепили группу ребят из 52-го ремесленного училища, с которыми он должен был заниматься. В конце практики ему предстояло провести «открытый урок» под присмотром приемной комиссии. Председателем приемной комиссии был Матвей Абрамович Аркинд.

В чем состояло задание? Когда готовишь модель для формовки, необходимо дать точную технологическую схему, по которой ученики выполняли бы отливки. Согласно стандарту, после заливки и выколотки брак должен был составить около 20 %, что в условиях того уровня производства считалось хорошим результатом. Однако Гагарин оптимизировал схему так, что на «открытом уроке» среди полученных изделий не оказалось ни одного бракованного!

На заводе и в училище запомнили Юрия еще и как заядлого любителя баскетбола, сразу приучившего к этому виду спорта своих подопечных. Кроме того, он помог библиотекарю Софье Матвеевне Фиш провести читательскую конференцию, на которой выступил с небольшим докладом о... Циолковском. Видимо, эта тема продолжала увлекать его и Гагарин чувствовал себя в ней достаточно компетентным, чтобы выступать без специальной подготовки.

Разумеется, ему очень понравился Ленинград, но достопримечательности города на Неве он осмотрел лишь мельком, потому что торопился вернуться в Саратов и «вкальвал в три смены» для скорейшего завершения программы. 24 марта, то есть за неделю до формального окончания практики, он уехал назад. Возможно, именно скорое возвращение спасло его от неизбежного отчисления из аэроклуба.

В современных источниках можно встретить утверждение, что Гагарин якобы пропустил три месяца теоретических занятий, поэтому был отчислен вместе с остальными «индустриками» и только упорное хождение по инстанциям помогло ему восстановиться. Например, Владимир Иванович Россошанский в книге «Парни из нашего города» (2004) рассказывает об этом так:

«Гагарин решил не сдаваться. Он стал, что называется, обивать пороги аэроклуба, ходить по пятам начальства. Однажды он встретился с Героем Советского Союза С. И. Сафроновым — работником аэроклуба и попросил у него помощи в восстановлении на учебу.

— Я говорю ему, — рассказывал Сергей Иванович, — сынок, принеси-ка мне свою зачетную книжку из техникума. Приносит. Я листаю ее, а там все пятерки. Иду к начальнику клуба Григорию Кирилловичу Денисенко. Говорю ему: „Давай восстановим этого парня. Из него толковый летчик выйдет“. И он восстановил Гагарина курсантом аэроклуба».

История замечательная и комплиментарная, но в ней сразу видна серьезная фактическая неточность: майор Сергей Иванович Сафронов был не просто «работником аэроклуба», а командиром летного звена. Впоследствии его даже называли одним из наставников будущего космонавта (тот упомянул майора в своей автобиографической книге), однако, как выяснил Владислав Иосифович Кац, Сафронов не смог толком вспомнить курсанта Гагарина, ведь запоминаются обычно «трудные» подопечные, а Юрий был вполне «нормальным». Следовательно, история, рассказанная Россошанскому, скорее всего, появилась постфактум — в рамках новой версии старой «легенды». Никаких упоминаний о трехмесячной отлучке и отчислении Гагарина мы не находим и в воспоминаниях Виктора Порохни, который как раз был отчислен; в книге «Дорога на Байконур» (1977) он пишет: *«Поездка в Ленинград надолго оторвала нас от занятий в аэроклубе, и некоторые ребята его оставили. Юрий из аэроклуба не ушел. И прежде мы называли его двужильным, целеустремленность победила в нем снова»*. Нет ничего по этому поводу в сохранившихся показаниях других «учлетов». Очевидно, вернувшись раньше остальных из Ленинграда, Гагарин сумел показать преподавателям, что не отстал в теоретических дисциплинах, и сразу вернулся к учебному процессу.

Впрочем, решение одной проблемы повлекло за собой следующую. Чем ближе было время полетов, тем больше времени уходило на подготовку к ним, что стало сказываться на дипломной работе. Гагарин начал отставать от графика. По этому поводу его даже вызвал на разговор заместитель директора техникума Вадим Георгиевич Филиппов (тот самый, который в прошлом году, пользуясь отсутствием Родионова, дал разрешение «индустрикам» на поступление в аэроклуб) и заявил, что если Юрий не нагонит, то будет отозван из аэроклуба. Гагарину пришлось подналечь. Рассказывают, что он похудел, осунулся. Некоторые подшучивали над ним: «И гагары тоже стонут...» И всё же он справился.

В марте и апреле аэроклуб проводил так называемые командирские полеты для тренировки личного состава. Юрий в то время за старательность на теоретических занятиях был назначен старшиной группы. Летчик-инструктор Дмитрий Павлович Мартьянов (он, кстати, был всего на два года и восемь месяцев старше Гагарина, поэтому быстро с ним сдружился) пригласил курсантов поучаствовать в этих полетах пассажирами в свободной кабине («вместо балласта»). Впоследствии он вспоминал (цитирую по интервью 4 февраля 1983 года): *«Юрий одним из первых полетел со мной на командирских полетах. Полет он переносил хорошо. Чувствовалось, что ему хочется почувствовать нагрузку в полете. Он любил большие перегрузки, и, когда я стал доверять ему управление самолетом, он быстро освоил технику пилотирования».*

Май и июнь 1955 года оказались самыми трудными месяцами для Гагарина. Время спрессовалось. И именно тогда Гагарин принял окончательное решение о том, куда ему двигаться дальше. Судите сами.

С 3 по 9 мая в техникуме комиссия по распределению занималась назначениями молодых специалистов. Литейщикам предлагали работу в десяти краевых и областных управлениях трудовых резервов, причем отличники имели право выбирать место назначения раньше остальных. Юрий Гагарин был в их числе, но от привилегии отказался, заявив: «Выбирайте, ребята, а я решил стать летчиком». В результате он получил направление в далекий Томск, в 71-е ремесленное училище. Но, как мы теперь знаем, туда не поехал.

В мае были назначены прыжки с парашютом на спортивном аэродроме в поселке Дубки (Саратовская область). Дату несколько раз переносили из-за плохой погоды, и всё равно Гагарин каждый раз ездил туда, боясь пропустить этот обязательный этап перед получением официального допуска к полетам. Для этого надо было вставать в полночь, ждать служебного автобуса у ограды аэроклуба, приезжать на аэродром к трем часам ночи и рассчитывать время так, чтобы к девяти утра вернуться в техникум. Однажды Гагарин проспал автобус, разбудил учащегося Храмова, который заведовал техникумовским мотоциклом, и попросил его подбросить на аэродром — они быстро доехали, но прыжки снова не состоялись.

18 мая Юрий получил наконец-то возможность прыгнуть с парашютом. За впечатлениями лучше всего обратиться к воспоминаниям самого Гагарина, изложенным в книге «Дорога в космос» (1961):

«На аэродром поехали с нами и девушки — студентки Саратовского техникума. Им тоже надо прыгать. Смотрю на них, а они бледные, растерянные. Неужели и у меня такой вид? Девушки подшучивают:

— А ты почему такой спокойный? Наверное, уже не раз прыгал?

— Нет, — говорю, — впервые...

Не верили мне девчата. И только когда мы стали надевать на себя парашюты, убедились, что я не лгу. У меня не ладилось дело с лямками и карабинами так же, как и у них. Непривычно было. Сзади большой ранец с основным парашютом. Спереди тоже ранец, поменьше, — с запасным. Ни сесть, ни встать, ни повернуться... Как же, думаю, обойдусь там, в воздухе, со всем этим хозяйством? Оно как бы связало меня по рукам и ногам...

С детства я не любил ждать, особенно если знал, что впереди — трудность, опасность. Уж лучше смело идти ей навстречу, чем увиливать да оттягивать. Поэтому я обрадовался, когда после первого „пристрелочного“ прыжка Дмитрий Павлович [Мартьянов], выкрикнул:

— Гагарин! К самолету...

У меня аж дух захватило! Как-никак это был мой первый полет, который надо было закончить прыжком с парашютом. Я уж не помню, как мы взлетели, как По-2 очутился на заданной высоте. Только вижу, инструктор показывает рукой: вылезай, мол, на крыло. Ну, выбрался я кое-как из кабины, встал на плоскость и крепко уцепился обеими руками за бортик кабины. А на землю и взглянуть страшно: она где-то внизу, далеко-далеко. Жутковато...

— Не дрейфь, Юрий, девчонки снизу смотрят! — озорно крикнул инструктор. — Готов?

— Готов! — отвечаю.

— Ну, пошел!

Оттолкнулся я от шершавого борта самолета, как учили, и ринулся вниз, словно в пропасть. Дернул за кольцо. А парашют не открывается. Хочу крикнуть и не могу: воздух дыхание забивает. И рука тут невольно потянулась к кольцу запасного парашюта. Где же оно? Где? И вдруг сильный рывок. И тишина. Я плавно раскачиваюсь в небе под белым куполом основного парашюта. Он раскрылся, конечно, вовремя — это я уж слишком рано подумал о запасном. Так авиация преподавала мне первый урок: находясь в воздухе, не сомневайся в технике, не принимай скоропалительных решений».

Тут остается добавить, что трехместный «По-2» («У-2СП»), с которого прыгал Гагарин, пилотировал Егор Спиридонович Суриков, читавший «учлетам» курс по материальной части самолетов, а инструктором был, как и сказано выше, Дмитрий Павлович Мартьянов.

Всё это хорошо, но от текущих занятий в техникуме Юрия никто не освобождал. Через два дня, 20 мая, он отдал свой дипломный проект на отзыв консультанту Цукерману, начальнику литейного цеха завода «Серп и молот».

23 мая вышел приказ № 33 по Саратовскому областному аэроклубу ДОСААФ: *«О допуске курсантов-пилотов первоначального обучения к учебным полетам на самолете Як-18. Нижепоименованные курсанты-пилоты первоначального обучения, прошедшие врачебно-летную и мандатную комиссию, оформившие личные дела, а также сдавшие зачеты по теоретическим дисциплинам с оценками не ниже „хорошо“, прошедшие наземную подготовку по упражнениям первой задачи КУЛП — 1951 года и выполнившие парашютный прыжок, допускаются к учебным полетам на самолете Як-18 и закрепляются для летного обучения за инструкторско-летным составом аэроклуба»*. КУЛП-1951 расшифровывается как «Курс учебно-летной подготовки», разработанный в 1951 году. Наземные упражнения первой задачи для «Як-18» включали: проверку знаний авиационной техники, изучение инструкций по производству полетов и проверку знаний инструкции по пилотированию самолета.

Следующее упражнение, состоявшее в проверке техники пилотирования, должно проводиться в воздухе — на самолете с инструктором. Для того чтобы приступить к ним, Юрий должен был через неделю, 30 мая, отправиться в составе 2-го звена 6-й летной группы на аэродром «Дубки». Чтобы ничего не отвлекало от первых полетов, курсанты переводились на режим лагерного сбора, то есть поселялись в палатках посреди дубовой рощи, несли внутреннюю службу и готовили свою авиатехнику. Однако на июнь назначена защита диплома — ответственное мероприятие, требующее предшествующей напряженной подготовки с «подрезанием хвостов». Как оказаться в двух местах одновременно? Инструктор Мартьянов, который уже успел проникнуться проблемами Гагарина, согласился летать с ним в неурочное время — в часы, когда Юрий сможет приезжать на аэродром. Оставалось закрепить «особое отношение» в документе, и начинающий летчик написал заявление на имя начальника аэроклуба

ба — подполковника Григория Кирилловича Денисенко, Героя Советского Союза, — с просьбой предоставить ему месячный отпуск для сдачи выпускных экзаменов и защиты дипломной работы.

Денисенко по этому поводу вспоминал (цитирую по статье Павла Мицкевича «Гагарин мог стать не летчиком, а литейщиком», опубликованной в «Комсомольской правде — Беларусь» 4 февраля 2015 года): *«В то время был запрет брать ребят из других учебных заведений. После войны стране нужны были специалисты среднего звена — производство налаживать. Государство заплатило за обучение литейщика, его уже ждет рабочее место, а он в летчики идет. Пришлось парня отстаивать. Я увидел, что он стремится к цели. Почему ж не помочь? А по нему сразу было видно: хочет стать авиатором. Я сказал ему так: приходи, но только с красным дипломом. Тогда похлопочу. Нет — значит, останешься литейщиком. Потому что летчик должен быть грамотным. В авиации вообще не существует троек — только хорошо и отлично. Со знаниями на тройку в воздухе делать нечего. И Гагарин окончил техникум на отлично».*

25 мая Юрий провел итоговое заседание физического кружка, посвященное новым открытиям в науке. Время привычных дел завершалось, «индустрики» выходили на «финишную прямую».

Вскоре Гагарин получил отзыв на свою дипломную работу от консультанта Цукермана и его оценки:

«При выполнении проекта учащийся умело использовал данные технической литературы и опыт советских литейных цехов и передовых заводов.

Учащимся самостоятельно решен ряд технических вопросов, а также вопросы учета, планирования и организации производства. Представленный проект свидетельствует о хорошей подготовке учащегося и об умении самостоятельно и вдумчиво решать технические и методические вопросы.

Оценка проекта:

Пояснительная записка — 5.

Графическая часть — 5.

Общая оценка — 5».

Чтобы поскорее вернуться в Дубки, Юрий записался на первый же день защиты дипломных работ группы Л-41 — на 23 июня. Исследователь Владимир Иванович Россошанский реконструировал события того дня так:

«Перед этим ночью прошел сильный дождь. Дипломники поднялись рано, перекусили, по-праздничному оделись и гурьбой отправились в техникум.

Перепрыгивая через очередную лужу, староста группы Аркадий Балашов уронил дипломный проект вместе с чертежами в грязь. Все ахнули: пропали три месяца напряженного труда. Исправить что-либо невозможно: всё в грязи и воде. Что делать?

Гагарин, как мне рассказывали, предложил всей группой пойти к заместителю директора В. Г. Филиппову: может быть, он сможет уговорить членов Государственной квалификационной комиссии допустить Балашова к защите в таком „мокроем и грязном виде“. Так и сделали.

Члены комиссии разрешили Балашову защищаться первому, Гагарину — второму.

Защита их прошла блестяще. Порадовали и их товарищи по группе: В. С. Порохня, Ф. И. Петрунин, Е. В. Стешин, А. Г. Шикин и А. И. Медведев. Они тоже защитили дипломные проекты на „отлично“ и получили дипломы с отличием.

Ныне диплом с отличием Саратовского индустриального техникума на имя Гагарина Юрия Алексеевича экспонируется в музее Звёздного городка. Любоим индустрик, оказавшись там, обязательно остановится у гагаринского диплома и будет гордиться им как собственным, потому что он, индустрик, и Гагарин вышли из одних и тех же стен индустриального техникума».

В выписке из сводной ведомости успеваемости учащегося четвертого курса литейного отделения группы Л-41 Гагарина Ю. А.: «отлично» по 32 предметам и лишь одна оценка «четыре» — по психологии. Ниже вывод: «Присвоить квалификацию техника-технолога литейного производства, мастера производственного обучения и выдать диплом с отличием».

Кстати, коллектив техникума уговаривал преподавательницу педагогики и психологии Зинаиду Николаевну Шапошникову поставить Гагарину оценку «пять», но она оставалась непреклонной, полагая, что Юрий знает ее предметы на хорошо, но никак не на отлично. Забавно, что последняя книга Гагарина в качестве космонавта посвящена как раз психологии.

На следующий день после защиты «индустрики» вместе с несколькими преподавателями отправились на волжский Казачий остров, где отметили успешное окончание техникума. Их ждала работа

в разных городах Советского Союза (например, Виктор Порожня уезжал в Сталино, а Евгений Стешин — в Свердловск), и только Гагарин торопился на аэродром.

Расставшись со старыми друзьями, он сразу обрел новых. Среди курсантов выделялся Юрий Гундарев, который имел опыт самостоятельных полетов на «Як-18» в учебном центре Аткарска, поэтому был назначен старшиной летной группы. Сохранились его собственноручно записанные воспоминания (1983):

«После окончания школы я прибыл непосредственно на аэродром, где заочно был назначен старшиной летного отряда. После беседы с командиром отряда [первоначального обучения] Великановым Анатолием Васильевичем был представлен курсантам летного отряда. Все уже устроились на новом месте и на следующий день приступили к наземной подготовке. Юрий Алексеевич прибыл на несколько дней позже меня. Я его спросил: „Почему опоздал?“ — „Диплом защищал, еле-еле вырвался“. Всё это было сказано с такой радостью и открытой улыбкой. Ребята все были разные, и мы друг друга почти не знали, но Юра мне как-то сразу понравился, что-то в нем было необычное — эта открытая улыбка, честные глаза, — и я про себя подумал, что этот никогда не подведет и не оставит товарища в беде.

Командование аэроклуба требовало дисциплину в отряде и чтобы больше готовились к предстоящим полетам, но некоторые после отбоя убежали в самоволку в деревню Дубки на танцы, за что наказывались; естественно, попадало в первую очередь мне как старшине отряда. Тогда я решил поговорить с Гагариным, как быть дальше, как удержать ребят от проступков. Юрий предложил: „Давай проведем комсомольское собрание и нерадивых при всех пропесочим, пока без командования, а если не получится, тогда пригласим командира отряда Великанова и командира звена Сафронова Сергея Ивановича“. Я ему говорю: „Идея твоя — тебе и быть комсоргом“. Комсомольской организации как таковой у нас не могло быть, т. к. все мы стояли на учете кто в школе, кто на заводе, но мы с Юрой предварительно поговорили с Соколовым Петром Владимировичем, и он одобрил эту идею. Это помогло улучшить дисциплину, и мы ни одного не потеряли, несмотря на то что некоторым грозило отчисление. И это всё благодаря Гагарину, он прекрасным оказался мне помощником и товарищем.

Наземная подготовка шла полным ходом, только и были разговоры, что о предстоящих [самостоятельных] полетах. После ужина было

личное время, надо было в это время занять ребят. Юрий и здесь проявил инициативу, организовал баскетбольную и волейбольную команды: он очень толково объяснял правила игры, сам играл превосходно и умел втянуть в любую игру даже самого пассивного из ребят. После отбоя мы с ним частенько оставались вдвоем, вели разговор о предстоящих полетах; он просил рассказать, какое ощущение в первом [самостоятельном] полете. Я ему сказал, что первый полет будет ознакомительный в [пилотажную] зону, покажут виражи, переворот, петли и т. д. Ушли мы с ним и в планы о будущем, мечтали о военном летном училище, удастся поступить или нет, а в дальнейшем мечтали стать летчиками-испытателями».

Как видите, даже поменяв круг общения и сферу деятельности, Гагарин оставался всё таким же с теми же привычками: учеба, комсомольская работа, баскетбол, волейбол, разговоры, планы.

В конце июня пришла очередь самостоятельных полетов. «Гагаринской» группе был доверен новенький «Як-18» с бортовым номером «6» — «шестерка желтая», как ее называл в мемуарах сам Юрий Алексеевич. Есть, правда, сведения, что курсанты часто пользовались «белкой» — самолетом, выкрашенным в белый цвет и переданным аэроклубу Управлением авиации ЦК ДОСААФ после очередного парада в Тушино.

Удивительное дело, но в источниках о Гагарине нет единства по поводу даты его первого самостоятельного полета! Казалось бы, этот момент должны были выяснить сразу после того, как он стал космонавтом, и, разрекламировав, увековечить для потомков. Но не тут-то было. Сам Гагарин точную дату, видимо, не запомнил, поэтому в книге «Дорога в космос» отделился общей фразой:

«Наступал июль. Дни стояли знойные, вечера душные. В один из таких дней Дмитрий Павлович не сел, как обычно, со мной в машину — это была „шестерка желтая“, — а, стоя на земле, сказал:

— Пойдешь один. По кругу...»

Временная привязка указана: самое начало июля. Больше того, информация о самостоятельном полете Гагарина попала в местную прессу:

«А на следующий день товарищи говорят:

— Знаешь, о тебе написали в газете...

Газеты на аэродроме не оказалось, достал я ее только через неделю в городе. Там было всего несколько строк о моем полете, были названы

мое имя и фамилия, помещена фотография: я в кабине самолета, подняв руку, прошу разрешение на взлет. Когда был сделан этот снимок, кем написана записка, я не знал. <...>

“Заря молодежи” — так называлась газета саратовских комсомольцев, в которой столь неожиданно отметили меня».

Неудобно ставить под сомнение слова первого космонавта планеты, поэтому для дальнейших изысканий исследователи зафиксировали два момента: начало июля и газету «Заря молодежи». Именно такие «приметы» мы находим в книгах Виктора Митрошенкова «Земля под небом» (1987) и Виктора Степанова «Юрий Гагарин» (1987): дата полета — 2 июля 1955 года, а на следующий день, 3 июля, выходит статья «День на аэродроме» в «Заре молодежи»; Степанов ее даже цитирует. Однако потом что-то меняется. Берем вполне убедительную, хотя и не без недостатков, книгу Владимира Россосанского «Парни из нашего города» (2004) и обнаруживаем, что полет состоялся то ли 2-го, то ли даже 3 июля, а фотография и статья были подготовлены для выпуска газеты «Молодой сталинец» (а вовсе не для «Зари молодежи»), приуроченного к Дню Воздушного Флота СССР. Но позвольте, с 1933 года этот профессиональный праздник отмечается 18 августа (или в третье воскресенье августа). Получается, что свой полет Гагарин совершил в августе, а вовсе не в июле!

Новую версию частично подтверждает исследователь Валерий Николаевич Куприянов, который в обширном очерке «Заметки к биографии» (2010) целиком цитирует статью «День на аэродроме», но при этом указывает датой ее появления 3 августа, а название газеты приводит старое — «Заря молодежи». И это даже выглядит логичным, ведь 3 августа ближе к Дню Воздушного Флота, чем 3 июля!.. Загадка...

На самом деле разгадка проста. Нужно только обратиться к исходным документам, которые вполне доступны. Как проявляющего инициативу в общественных делах Юрия Гагарина привлекли к написанию материалов для аэроклубовской газеты («боевого листка») «Стартовка», которую готовил начальник радиостанции Сергей Иванович Головачёв. И разумеется, будущий космонавт не мог обделить вниманием свой первый самостоятельный полет, поэтому написал туда записку. Я процитирую ее целиком, без искажений и редактуры:

«Редакции боевого листка Саратовского аэроклуба.

Мой первый самостоятельный полет.

Трудно описать радость, которая охватила меня при выполнении первого самостоятельного полета.

Я очень волновался, когда со мной полетел проверяющий начальник летной части Пучик К. Ф. Я думал, что он будет вмешиваться в управление самолетом, но он молчал, и я всё делал, как меня учил инструктор.

И вот меня спрашивает проверяющий „Полетите самостоятельно?“ Я ответил уверенно „Полечу!“ Взлетел и не верится, что в самолете я один. Радости моей не было границ. Весь полет делал как приказал проверяющий. За два полета по кругу мне поставили оценку „отлично“.

Большое спасибо инструктору, командирам и техникам за моё обучение.

Мечта моего детства и юности сбылась.

Я сделал первый самостоятельный полет.

Ю. Гагарин, 1 июля 1955 года.

Аэродром „Дубки“ г. Саратов».

Как видите, дата указана. Ее теперь можно считать «официальной». Для полного согласования источников остается разобраться с газетой и Днем Воздушного Флота. Копия газеты со статьей «День на аэродроме», написанной Евгением Петровым, тоже сохранилась в архивах. В 1955 году она и впрямь называлась «Молодой сталинец», а позднее, в рамках кампании по десталинизации идеологии, была переименована в «Зарю молодежи». Дата выхода № 79 (2420) — 3 июля (воскресенье), но сверху на странице написано: «Сегодня — День Воздушного Флота СССР. Летать выше, дальше, быстрее!» Как же так? Почему 3 июля, а не 18 августа? Небольшое дополнительное расследование показало, что после войны этот праздник отмечался не в конкретный календарный день, а исходя из готовности и долгосрочного метеопрогноза, ведь необходимо проводить авиaparad. Например, в 1947 году празднование перенесли на первое воскресенье последнего месяца лета, то есть на 3 августа (отсюда, вероятно, происходит версия Куприянова). Затем оно начало всё больше сдвигаться в июль: в 1948 году День Воздушного Флота отмечали 18 июля, в 1949 году — 17 июля, в 1950 году — 16 июля. Затем, в течение один-

надцати лет, он объявлялся в один из воскресных дней июля, но без какой-либо видимой — с позиций современности — системы. Так, в 1951 году его отмечали 8 июля (второе воскресенье месяца), в 1952 году — 27 июля (четвертое воскресенье), в 1955 году — 3 июля (первое воскресенье), в 1958 году — 20 июля (третье воскресенье), в 1961 году — 9 июля (второе воскресенье). В 1962 году праздник вернулся на свое «законное» место и стал отмечаться 18 августа, вне зависимости от дня недели; исключением стал лишь 1967 год, когда праздник перенесли на 9 июля (второе воскресенье). Наконец, в 1972 году было принято решение отмечать его в третье воскресенье августа, то есть около 18 августа.

Что касается статьи «День на аэродроме», то я тоже приведу ее полностью, чтобы вы могли представить себе типичный процесс полевой работы областного аэроклуба того времени.

«5 часов утра. Мы на аэродроме Саратовского аэроклуба.

— Товарищи спортсмены, строиться! — подают команду своим звеньям инструкторы аэроклуба Ефремов и Андронов.

Застыли в ровном строю парашютисты.

— Спортсмен Игорь Горделовский, сегодня вы выполняете прыжок по упражнению № 3 с выдержкой в 10 секунд и приземлением в круг радиусом 150 метров.

Горделовский — учащийся техникума физической культуры, спортсмен-парашютист 1-го разряда. Сегодня он совершает 91-й прыжок. Но к нему Игорь готовится так же тщательно, как и к первому прыжку, который совершил несколько лет назад. Он производит вместе со всеми зарядку парашютов, прикрепляет запасной парашют, подгоняет ремни. Перед полетом инструкторы сами проверяют готовность к прыжкам. Всё в порядке.

— По самолетам! — звучит команда.

Поле опустело. Ревут моторы самолетов, машины набирают скорость, и вот они уже в воздухе.

Проходит 13–15 минут, и в голубом небе то тут, то там появляются белые облачка с черными точками внизу. Слегка раскачиваясь, парашютисты медленно приближались к земле.

Вот они приземлились. У ребят веселые, радостные лица. У каждого много впечатлений. Но сейчас для разговоров времени нет. Быстрей на машины — и в аэроклуб: надо уложить парашюты, а потом успеть еще на разбор проведенного занятия.

На аэродроме наступает тишина. Словно гигантские птицы, стоят в ряд „ЯК-18“. Они ждут летчиков-спортсменов.

2 часа дня. Подъезжает автомашина. Из ее кузова выпрыгивают загорелые крепкие юноши. Вновь слышится знакомая команда:

— Товарищи спортсмены, строиться!

Начинается подготовка к полетам. В этот день программа разнообразна. Одни будут отрабатывать полет, другие — посадку, третьи — пойдут в зону, где им предстоит выполнять различные фигуры пилотажа.

Сегодня учащийся индустриального техникума комсомолец Юрий Гагарин совершает свой первый самостоятельный полет. Юноша волнуется. Но движения его четки и уверенны. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой „ЯК-18“ на линию исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, спрашивает разрешения на взлет.

— Взлет разрешаю, — передает по радио руководитель полетов Н. Ф. Пучик.

В воздух одна за другой взмывают машины. Инструктор Бошкин, наблюдая за взлетами своих питомцев, не может удержаться от похвалы:

— Молодцы, хлопцы!

Но вот машина снова на земле. Начинается разбор только что окончившихся полетов. Инструктор А. А. Яранцев подробно объясняет спортсменам В. Меркулову, В. Бузову, Г. Гурьянову и А. Осипову причины ошибок, допущенных ими во время полета.

Незаметно пролетели несколько часов, проведенных на аэродроме. Солнце склоняется к горизонту. Рабочий день на аэродроме окончен».

Если говорить более подробно о первом самостоятельном полете Юрия Гагарина, то наиболее достоверное описание с позиции авиационных нюансов оставил вышеупомянутый начальник радиостанции Сергей Иванович Головачёв. Обратимся к его показаниям (цитирую по фонозаписи, сделанной 4 февраля 1983 года):

«Мне очень хорошо запомнился первый самостоятельный полет Юрия Гагарина. Во-первых, потому, что и мне доводилось, как и Юрию Гагарину, вылетать первому в отряде, во-вторых, потому, что руководитель полетов Пучик Константин Филимонович доверил мне руководство полетами, пока он с Гагариным делал контрольный полет, и, в-третьих, с разрешения Пучика, выпустившего Гагарина в первый

самостоятельный полет, я побежал к посадочному знаку „Т“ и, дождавшись захода на посадку самолета с номером 6 на борту, на котором летел Гагарин, сделал снимок, не предполагая, что он станет первым космонавтом.

Я спросил у [летчика-инструктора Дмитрия Павловича] Мартынова: „Действительно хорошо летает?“ Он ответил мне: „Да“. Мартынов пришел к радиостанции часов в девять, когда начались полеты, и доложил майору Пучику, который руководил полетами: „Товарищ майор, курсант Гагарин готов для выполнения самостоятельного полета“. Константин Филимонович Пучик оглядел поле, но ни командира отряда, ни командиров звеньев не было на аэродроме в этот момент. Подменить его по руководству полетами было некому. Тогда Пучик сказал Мартынову: „Пока меня некому подменить, ты соверши пару полетов с Гагариным“. Мартынов сказал: „Слушаюсь“, побежал к самолету и полетел с Гагариным. Смотрю, снова подходит Мартынов и опять четко докладывает: „Товарищ майор, курсант Гагарин готов для выполнения самостоятельного полета“. Пучик посмотрел, видит, сидит Гагарин в самолете, уже два раза слетали, время идет, да и перед курсантом неудобно, и тогда Пучик протянул мне микрофон и говорит: „Сергей Иванович, руководите полетами“. Я взял шлемофон у Мартынова и пошел к самолету. Константин Филимонович сел в кабину самолета и вырулил с Гагариным на линию предварительного старта. Слышу, по радио Гагарин запрашивает: „Земля, разрешите взлет“. Я разрешил взлет. В кабине инструктора сидел Пучик, и он, конечно, всё контролировал. Они слетали, сели. Мартынов подбежал к самолету, вспрыгнул на правое крыло самолета, а Пучик вылез из кабины на левое крыло. Нагнулись и что-то стали говорить Гагарину. Пучик возвращается на радиостанцию, берет у меня микрофон. Улыбнулся и говорит: «Ну, Сергей Иванович, выпускаем Гагарина в первый самостоятельный полет». Самолет стал выруливать на старт, а за правым крылом идет и держится Мартынов. Когда Гагарин запросил по радио и поднял руку, запрашивая разрешение на взлет, Мартынов продублировал рукой. Пучик разрешил взлет, и Гагарин дал полный газ и полетел в первый самостоятельный полет. Я выпускал „Стартовку“ и думаю, что неплохо бы сделать фотографию: „Курсант вылетел первый раз самостоятельно“. У меня был фотоаппарат. Я спросил у Пучика: „Разрешите, я сфотографирую?“ Он говорит: „Давай“. И я от своей радиостанции побежал к посадочному знаку «Т». Я добежал

и стал ждать, когда самолет с № 6 стал заходить на посадку, и сфотографировал посадку Гагарина. <...>

Я еще хочу добавить, что когда учился Гагарин, то начальник аэроклуба дал мне задание написать на самолетах бортовые номера, была выпущена специальная инструкция Центрального аэроклуба СССР, где был указан размер цифр и другие положения. И я сам на жару писал эти номера. Номера были с 1 по 10.

После того как Гагарин отучился у нас в аэроклубе, самолеты отдавали в ремонт, и потом уже появился самолет с номером 06. В Саратовском краеведческом музее, куда самолет Гагарина отдал аэроклуб, написано не „6“, как это было при учебе Гагарина, а „06“. Эта ошибка будет исправлена на „6“, я уже договорился...»

Музейную ошибку, замеченную Головачёвым, действительно исправили, но, к сожалению, в материалах о Гагарине их остается еще очень много. В дальнейшем мы выявим некоторые, но вряд ли получится заметить и исправить все. Мифы настолько срослись с образом первого космонавта, что становится очень трудно отделить «легенду» от подлинной биографии реального человека. Однако делать это необходимо, потому что мифология о нем (что советская, что постсоветская) загромождаёт особенности личности и эпохи, в которой ей приходилось формироваться.

Особенности личности — целеустремленность, желание познавать и учиться, способности, помогавшие вести сразу несколько сложных «проектов» и зачастую действовать вопреки предписанному. Особенности эпохи — существование мощных государственных структур, которые так или иначе поддерживали индивидуальный рост: можно сколько угодно ругать эпоху Сталина и царившие тогда порядки, но они оказались достаточно гибкими для того, чтобы тот, кто действительно хотел реализовать свои таланты, сумел добиться успеха.

В следующей части книги мы проследим становление Юрия Алексеевича Гагарина в качестве военного летчика и выделим те события, благодаря которым его путь в космонавтику оказался столь стремительным и успешным. Ведь от 1 июля 1955 года до 12 апреля 1961 года оставалось меньше шести лет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Всё выше и выше

Глава одиннадцатая

Прирожденный летчик

В мемуарах тех, кто знал Юрия Алексеевича Гагарина в Саратове, периодически попадаются упоминания о том, что в то время он впервые задумался о карьере летчика-испытателя. Например, преподавательница истории в техникуме Надежда Антоновна Бренcko утверждала, что в мае 1955 года, после сдачи последнего экзамена по истории КПСС, выпускники группы Л-41 собрались у нее в кабинете и за дружеской беседой начали делиться планами на будущее. И тогда Гагарин твердо сказал, что станет летчиком-испытателем. Мы не можем с определенностью сказать, был этот разговор или нет, но предшествующие и последующие действия Юрия указывают на то, что он определился и решил связать свою жизнь с авиацией, если ему выпадет такой шанс.

Поздние биографы Гагарина испытывали некоторые затруднения, пытаясь воспроизвести мотивацию и рефлексию будущего космонавта на этом этапе. Казалось бы, следуя послеполетной традиции, то есть утверждай, что с раннего детства будущий космонавт «делал самолетики», мечтал о небесных высотах, звездах, ракетах Циолковского и так далее. Но видимо, более углубленное изучение подробностей жизни Юрия Алексеевича, беседы с очевидцами событий и появившиеся документы нарушали пропагандистскую линейность, выявляя ее внутреннее противоречие: если Гагарин, как рассказывается, был очень целеустремленным и последовательным человеком, ответственным и увлеченным рабочей профессией (ина-

че не получил бы диплом с отличием), то, спрашивается, почему он в одночасье перечеркнул всё, чего сумел добиться за двадцать один год своей жизни, оставив в прошлом не только свои собственные достижения, но и усилия родителей, родственников, преподавателей, государства?

Некоторые биографы даже договорились до того, что Гагарин никогда в общем-то не хотел быть «индустриком», а пассивно плыл, так сказать, по течению жизни, пока его не прибило туда, куда он мечтал попасть, — к авиации. Вот что, например, писала Лидия Алексеевна Обухова в книге «Любимец века» (цитирую по изданию 1979 года):

«Видимо, стезя индустрии не привлекала Гагарина с самого начала. Он учился хорошо, потому что всё делал хорошо, но нравилось ему что-то другое. Что именно? Как было узнать, не испытыв? Его тянули к себе порядок, четкость и возможность более убыстренного движения по жизни. А его страсть к нагрузкам, каждый раз чуть превышающим сегодняшние силы, оставалась неизменной во все времена».

Замечательно. Ну а как в таком случае объяснить, что Гагарин старался быть не просто «хорошим», а лучшим? Засиживался над формовкой до полуночи? Помогал другим в математике, литературе и черчении? Зачем он собирался поступать в Институт металлов и сплавов? Не попахивает ли здесь лицемерием? Но тогда возникает обратное обобщение. Возможно ли шесть лет лицемерно заниматься «непривлекательным» делом и ни разу не выдать себя? Гагарин, как мы помним, был прекрасным спортсменом и комсомольским активистом. Государственная система, в которой он рос, одобряла и то и другое. Что мешало ему пойти по спортивной и/или комсомольской линии, если он был лицемерным карьеристом? Даже если бы он поехал по распределению в Томск, то не приходится сомневаться, что нашел бы там возможность реализовать свои выдающиеся спортивные и организаторские умения. Порядок? Четкость? Возможность быстрого роста? Страсть к нагрузкам? Всё это он мог получить, оставаясь литейщиком, а вот отказ от распределения, чреватый конфликтом с руководством техникума, мог серьезно испортить будущую карьеру по любому из направлений.

Проблема биографов состоит в том, что они изымали Гагарина из реального исторического контекста. Пожалуй, только Виктор Сидорович Порохня вспомнил, чем были знамениты 1954–1955 годы.

На февральско-мартовском пленуме Центрального Комитета КПСС, прошедшем в 1954 году, было принято постановление «О дальнейшей увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Госплан наметил распахать в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и в других районах страны свыше 43 млн га целинных земель. Перед тем была проведена значительная работа по изучению вопроса. К принятию программы освоения целины побудил в том числе тот факт, что на 1953 год урожайность зерновых оставалась на уровне 1913 года, а ведь население заметно возросло, и требовалось поднять сельское хозяйство на принципиально новый уровень. Примечательно, что члены правительства не были уверены в том, что народ поддержит их инициативу, поэтому в рамках принятой программы предполагалось привлечь на целину воинские части и заключенных исправительно-трудовых лагерей. Однако активная реклама сделала свое дело. Взять хотя бы выступление Никиты Сергеевича Хрущёва, транслировавшееся 22 февраля по единственному телевизионному каналу: неожиданно один из новых лидеров постсталинского государства предстал перед людьми энергичным, компетентным политиком, умеющим просто и доходчиво говорить, улыбаться, шутить. К концу года в целинных районах трудилось 150 тысяч квалифицированных рабочих, инженеров, агрономов, зоотехников. Всего же по комсомольским путевкам туда прибыло более полумиллиона человек. Виктор Порохня вспоминал, что и некоторые из учащихся техникума присоединились к «целинникам», и он с друзьями участвовал в их «проводах».

Однако не только реклама способствовала ажиотажу вокруг сельскохозяйственной инициативы правительства. Многие молодые люди, еще не успевшие получить полное образование, увидели в ней возможность быстрого улучшения жизненной ситуации: страна оставалась бедной и не могла обеспечить достойный уровень жизни большинству населения, поэтому появилась надежда (и не без оснований), что участие в освоении целины даст возможность хорошо заработать, овладеть новой профессией, завести семью и так далее. Синтез романтики и прагматизма оказался очень удачным, и хотя через десять лет на возделанных землях начались эрозия почв и пыльные бури, из-за чего урожайность резко упала, программа действительно способствовала модернизации сельского хозяйства страны и, как следствие, улучшению жизни населения.

Для Юрия Гагарина и его друзей массовый отъезд комсомольцев на освоение целины стал примером того, как можно в одночасье поменять жизненный путь. И вдруг выяснилось, что в том нет ничего плохого — наоборот, пропагандисты на все лады прославляли порыв молодежи, которая не бежит от трудностей, а, наоборот, старается испытать себя на самых тяжелых участках социалистического строительства. Так что у будущего космонавта вполне хватало идейных и моральных оснований для того, чтобы выйти за предписанную техникумом колею и вполне прагматично выбрать более романтическое будущее. Летчик-испытатель? Что может быть романтичнее?..

Итак, Гагарин не поехал в Томск, остался в аэроклубе. Вероятно, он заходил в дирекцию техникума с просьбой выдать «свободный» диплом, но ему отказали. При этом Юрий потерял место в общежитии — на его койке поселился абитуриент.

Гагарина не сильно расстроило изменение положения: на аэродроме в Дубках хватало дел. «Учлеты» должны были отрабатывать довольно сложную для новичков программу и до конца обучения выполнить не менее восьмидесяти самостоятельных полетов с инструктором или другим курсантом на заднем сиденье. Периодически им давали увольнительные, тогда они либо бродили по окрестностям, либо ездили в Саратов и на Волгу, купались, много фотографировали.

Такое времяпровождение, видимо, показалось скучным поздним биографам, и они начали придумывать разные проблемы, которые будущий космонавт успешно преодолел, еще раз доказав свою «исключительность». К примеру, Лидия Обухова взяла и объявила, ссылаясь на командира летного отряда Анатолия Васильевича Великанова, что у Гагарина плохо получалось приземление. Цитирую по самому раннему тексту из этого ряда — по журнальной публикации документальной повести «Звёздный сын Земли», опубликованной в журнале «Пионер» (1972):

«Каждый день полетов стоил больше, чем месяц подготовки в учебной комнате. Поэтому, всё зная в теории, отставший Юрий никак поначалу не мог освоить посадку. Дело повернулось так скверно, что и командир звена Герой Советского Союза Сергей Иванович Сафронов, и сам командир Анатолий Васильевич Великанов, тоже бывший боевой летчик, пришли к негласному мнению отчислить Гагарина. Времени для отдельных занятий с ним просто не было. Правда, это не было еще скреплено рукой начальника аэроклуба Денисенко, хотя шло к тому.

И тут как не вспомнить добрым словом начальника летной части Константина Филимоновича Пучика!

— Анатолий Васильевич, — сказал Великанову Пучик. — Сколько лет мы с тобой уже сажаем парнишек на самолеты! И разве был хоть один случай отчисления? Что же мы будем с этого-то начинать? Ведь, говоришь, он толковый. Ну так и полетай с ним сам. Мартьянов у нас лихач, не всем его тактика прививается. Попробуй иначе, а?

— Попробую, — отозвался Великанов со вздохом.

И случилось небывалое: на следующий день с курсантом Гагариным в воздух поднялся не инструктор Мартьянов, даже не командир звена Сафронов, а сам Великанов. Это не могло не вызвать тревогу, хотя внешне Юрий был, как всегда, собран и внимателен.

В общем, оставили Гагарина в аэроклубе по доброте душевной и убедились, что он может освоить любой летный трюк, если его правильно научить. И пошло-поехало. Виктор Александрович Степанов в книге «Юрий Гагарин» (1987) повторяет своими словами эту историю, добавив от себя, что, оказывается, и выражи у будущего космонавта плохо получались, и терял он ориентиры при заходе на аэродром, и «клевал носом», и «осаживал хвост». Короче, отвратительный пилот. «Неловко инструктор чувствовал себя перед Сафроновым и Великановым: столько раз поручался за Юрия: „У парня нервное перенапряжение, вы только подумайте: свалить такую махину — техникум. Успокоится — всё обойдется. Да ему просто-напросто надо выспаться“. Командир отряда и командир звена не реагировали на напрасные уговоры, они негласно решили отчислить Гагарина из аэроклуба. И когда дело дошло до проекта приказа, над Юрием сжалился начальник летной части Константин Филимонович Пучик. Рассказывают, что он сам пошел к Великанову и уговорил слетать с Юрием, чтобы тот убедился лично раз и навсегда».

За Степановым свою версию летного «провала» Гагарина выдвигает Виктор Анатольевич Митрошенков, что особенно обидно, ведь его книга «Земля под небом» (1981, 1987) — это не просто биография, а хроника жизни первого космонавта, расписанная буквально по дням. И тем не менее мы в ней находим информацию, которая выглядит, мягко говоря, недостоверной:

«6 сентября [1955 года]. Третья за последнюю неделю ошибка. Посадка плохая, боковой удар... Плохо. Неудачная посадка не теоретический ответ, его не спрячешь в ведомости, не закроешь следующим листом.

Гагарин глубоко переживал неудачу. Положение его усложнилось и тем, что, начав лагерный период с опозданием на две недели, он по-прежнему отставал по ряду дисциплин, хотя упорно и много занимался.

Мысль об отчислении из аэроклуба овладевала им со стремительной поспешностью. И в эти решающие для молодого летчика дни командир отряда Анатолий Васильевич Великанов отважился на последний контрольный полет. Юрий Гагарин блестяще выполнил все элементы полета, в том числе и посадку. Юрий прочно занял лидирующее положение и никому его больше не уступал.

Молодец Гагарин! И всё-таки... молодец ли? Доверие к Митрошенкову было столь высоко, что о сентябрьских неудачах Юрия Алексеевича начинают писать почти все последующие биографы. Дескать, и на Солнце бывают пятна, вот и у Гагарина были неудачи, но исправился, преодолел...

Увы, но это тот самый случай, когда в желании поддержать ложную красоту «легенды» исследователи купились на непроверенную информацию. Если мы обратимся к воспоминаниям инструкторов и «учлетов» из «гагаринской» группы, записанным не для публикации, а для архива, то увидим, что в них нет никаких упоминаний о проблемах Гагарина с посадкой и виражами. Нет и о полете с Великановым, хотя он наверняка всем причастным запомнился бы. Зато есть резкая критика книг Обуховой. Вот что заявил начальник радиостанции Сергей Иванович Головачёв:

«Хочется отметить, что некоторые авторы книг о Гагарине то ли в спешке, то ли от недостаточной компетентности в вопросах авиации допускают досадные неточности и искажения фактов. Так, в книге Лидии Обуховой „Звёздный сын Земли“ автор говорит, что Гагарин в первый самостоятельный полет был выпущен командиром отряда Великановым Анатолием Васильевичем, — это неправда. В первый самостоятельный полет выпускал Гагарина Пучик Константин Филимонович, о чем было еще написано 3 июля 1955 г. в газете „Молодой сталинец“. Далее, у Обуховой написано, что 24 сентября 1955 г. Гагарин получил отличную оценку за знания по самолету Як-18Т, а этот тип четырехместного транспортного самолета появился впервые в 1967 г., то есть 12 лет спустя после того, как Гагарин окончил аэроклуб.

По поводу этих и других неточностей в Москву к Лидии Обуховой приезжал сам начальник Саратовского аэроклуба Герой Советского

Союза подполковник Денисенко Григорий Кириллович, которому она обещала внести исправления в последующих изданиях. <...>

Люди, которые пишут, не знают специфики полетов. Беседуют не со всеми теми людьми, которые были свидетелями периода, когда Гагарин учился в аэроклубе. Многие гагаринские инструкторы уже не работали в аэроклубе, когда Обухова приезжала в Саратов собирать материал для книги. Она с ними не встречалась. Этим и объясняются ее ошибки в книге».

Летчик-инструктор Дмитрий Павлович Мартянов высказался еще резче:

«Некоторые люди пытаются очернить Гагарина, для чего, не знаю. Популяризатор, писательница Лидия Обухова в книге „Любимец века“ написала ложь. Ложь о том, что Юру пытались отчислить из аэроклуба по летной неуспеваемости. Это неправда».

Как на самом деле летал Гагарин в период обучения, рассказал бывший «учлет» Юрий Гундарев, к свидетельствам которого мы уже обращались:

«Полеты шли полным ходом, Юра один из первых вылетел самостоятельно (себя я не беру во внимание, я уже второй год летал на этом самолете и готовился выступить на соревнованиях по высшему пилотажу внутри аэроклуба, а тренировал меня летчик-инструктор Орехов Марк Петрович). Летал Юра хорошо и всегда был в себе уверен. Мне приходилось летать с ним в задней кабине вместо балласта, и мне очень нравилась его координация в выполнении той или иной фигуры, и посадки были у него у посадочного „Т“ на все три „Т“».

Получается, что история о проблемах Гагарина с пилотированием в аэроклубе выдумана от начала до конца. В то время проблемы у него были совсем другого рода. Поскольку в городе он зарабатывать больше не мог, то ему приходилось жить фактически на «подножном корму». Начальник аэроклуба Григорий Кириллович Денисенко вспоминал, как просил свою жену готовить по выходным обед для Юрия и других курсантов, не имевших своего жилья и стола в Саратове. В качестве ответной любезности Гагарин добрался до своего литейного цеха и сделал несколько самолетиков из алюминия для учебных целей аэроклуба.

Однако главное затруднение вызывал вопрос распределения: техникум продолжал настаивать на отправке выпускника в Томск. Для того чтобы решить проблему раз и навсегда, Гагарин явился

в Октябрьский райвоенкомат Саратова, где попросил направить его после окончания аэроклуба в военно-летное училище. Там его просьбу удовлетворили. Пришлось директору техникума Родионову записать в личное дело Гагарина: «Призван в ряды Советской Армии» — военкомату он возражать не мог.

Наступила осень. К этому времени Гагарин совершил 81 самостоятельный полет, а всего участвовал в 196 полетах. Общий налет составил 42 часа 23 минуты. Технику пилотирования у курсантов принимал летчик-инструктор Николай Иванович Новиков. Позднее он вспоминал (цитирую по книге Адольфа Борисовича Дихтяря «Жизнь — прекрасное мгновение», 1974):

«Я был назначен руководством аэроклуба принимать зачет по пилотированию у курсантов из группы Мартянова.

Первым инструктор представил Юрия Гагарина.

Я поинтересовался, как учился курсант Гагарин, как выполнял зачетные полеты по кругу.

— Отлично, — ответил Дмитрий Павлович.

Весь полет до зоны Гагарин выполнил по всем правилам курса. Когда же он начал работать в зоне, я был поражен четкостью его действий. Можно было подумать, что машину ведет не выпускник аэроклуба, а профессиональный пилот. Захотелось проверить, не обманчивое ли это впечатление. После того как Гагарин завершил пилотаж, я попросил его снова набрать высоту и повторить левый комплекс. В него входили: переворот, петля Нестерова и полупетля. Гагарин, как и в первый раз, всё выполнил отлично. Я понял, что это не случай помог курсанту, что Гагарин — человек больших способностей.

А в конце сентября 1955 года Гагарин вместе с другими выпускниками аэроклуба стоял перед выпускной комиссией. Начальник аэроклуба Герой Советского Союза Григорий Кириллович Денисенко зачитывал вслух „Ведомость индивидуальных оценок“ пилотов первоначального обучения, окончивших Саратовский аэроклуб ДОСААФ. Ребята внимательно слушали, многозначительно переглядывались время от времени, каждый с волнением ждал, когда же прозвучит его фамилия.

Тридцать четвертым в этой ведомости был Гагарин.

— „Гагарин Юрий Алексеевич, — читал Денисенко, — 1934 года рождения, по национальности — русский, образование — среднетехническое, член ВЛКСМ. Окончил аэроклуб со следующими оценками: самолет ЯК-18 — отлично, мотор М-11-ФР — отлично, самолетовожде-

ние — отлично, аэродинамика — отлично, радиосвязь — отлично, наставление по производству полетов — отлично“. И наконец, общая оценка выпускной комиссии, — Григорий Кириллович сделал паузу и под аплодисменты друзей закончил: — Тоже отлично.

Затем начальник аэроклуба поздравил выпускников и объявил, что лучшие из них будут рекомендованы в авиационные училища. В числе этих лучших был назван и Юрий Гагарин.

— Будущее принадлежит вашему поколению, — напутствовал ребят испытанный летчик Мартьянов, — вы еще полетите на таких машинах, которые нам и не снились...»

Допустим, Новиков восхвалял Гагарина в поддержку «легенды», но безотносительно к чему бы то ни было «Ведомость индивидуальных оценок» говорит нам, что если Юрия Алексеевича и нельзя назвать уникальным летчиком, то отличником он был точно, опровергая тем самым любые домыслы о плохой подготовке.

27 сентября 1955 года был издан приказ № 58 об окончании обучения курсантов в Саратовском аэроклубе. Поскольку по всем летным дисциплинам Гагарин получил оценку «отлично», он мог претендовать на поступление в престижное 1-е Чкаловское военное училище летчиков (ЧВАУЛ) имени К. Е. Ворошилова. Октябрьский райвоенкомат сделал соответствующий запрос, но вызов задерживался. Юрий жил под дождями в палаточном городке, терпеливо дожидаясь судьбоносного решения. Наконец, 17 октября, вызов пришел. Вместе с другими «учлетами» Юрий Гагарин отправился в город Чкалов (ныне — Оренбург) на юге Урала. Саратовский период жизни будущего космонавта завершился.

Глава двенадцатая

Первые погоны

В город Чкалов Юрий Алексеевич прибыл 25 октября 1955 года, а к месту постоянной службы отправился 8 ноября 1957 года. Таким образом, он пробыл в Чкалове два полных года. То есть намного дольше, чем в аэроклубе. Несмотря на это, «чкаловский» период жизни первого космонавта представлен в литературе гораздо беднее, чем «люберецкий» и «саратовский». Есть только три книги, которые полностью посвящены Гагарину в Чкалове-Оренбурге, и те —

сборники: «Гагарин в Оренбурге: воспоминания, документы, выступления, очерки, фотографии» (1975), «Гагарин и гагаринцы» (1980), «Ты помнишь, как курсант Гагарин по нашим улицам ходил...» (2014). К сожалению, в них мы находим в основном фрагменты из ранее изданных книг, на фоне которых редкие оригинальные свидетельства очевидцев просто теряются. К счастью, сохранились довольно подробные воспоминания летчиков-инструкторов, которые работали с Гагариным в Чкалове. Мы попробуем реконструировать его курсантскую жизнь на основе этих свидетельств.

Оренбург — старинный город, заложенный как крепость в 1743 году у впадения реки Сакмары в реку Урал. После установления власти большевиков город стал столицей Киргизской Автономной Социалистической Советской Республики (КАССР), но в июне 1925 года столица была перенесена в Кзыл-Орду, а Оренбург административно перешел в подчинение к РСФСР. Свое название город поменял в 1938 году в память о летчике-испытателе Валерии Павловиче Чкалове, погибшем 15 декабря того года при проведении первого полета истребителя «И-10» на Центральном аэродроме Москвы. Широкомасштабное индустриальное развитие Чкалова-Оренбурга началось во время Великой Отечественной войны, когда туда были эвакуированы значимые военные предприятия, в том числе авиаремонтный завод № 47 (п/я 936). Позднее, превратившись в Чкаловский машиностроительный завод (ныне ПО «Стрела»), это предприятие выпускало не только военные самолеты, но и ракеты самого разного назначения.

В своих воспоминаниях о Гагарине преподаватель 1-го Чкаловского военного училища летчиков подполковник Арон Израилевич Резников весьма образно описывал город, в котором предстояло начать военную службу будущему космонавту (цитирую по фонозаписи, сделанной 1 марта 1983 года):

«Оренбург — город удивительный. Для живущих в нем переместиться из одной части света в другую в течение нескольких минут — самое заурядное дело. Причем такие путешествия совершались его жителями задолго до полета первого космического корабля: город просторно раскинулся на Южном Урале в междуречье Урала и Сакмары. Сакмара — небольшая речка с ленивым движением воды. Она впадает в реку Урал — стремительную, с таким сильным течением, что если зайти по грудь, то не удержишься на ногах. Через Урал проложен деревянный

пешеходный мостик в Зауральную рошу — место отдыха оренбуржцев. На этом берегу — еще Европа, там — Азия.

Степи под Оренбургом ровные, как стол, отличные места для аэродромов. Однако в степях нет-нет и попадаются отдельные холмы и возвышенности: ведь здесь — южная оконечность, последние всплески огромного тысячекилометрового Уральского хребта.

На самом высоком месте города, на берегу Урала, установлен памятник Чкалову. Бронзовый Чкалов в летном меховом комбинезоне стоит во весь рост на высоком постаменте и смотрит вдаль... Рядом с памятником, в большом здании старинной постройки, помещается наше училище.

Каждое утро я прихожу в свой класс. Там меня уже ждет классное отделение — группа из 20–25 курсантов...»

Главное здание ЧВАУЛ, рядом с которым установлен памятник Чкалову, и по сей день находится по адресу: улица Советская, 1. Оно имеет почтенную историю. Первое пятиэтажное здание в городе было построено в 1882 году для размещения 2-го Оренбургского кадетского корпуса. С 1920 года там находилась Школа красных командиров. В 1927 году туда была перебазирована Серпуховская школа воздухоплавания и бомбометания, а несколько позже — Ленинградская высшая школа летчиков-наблюдателей. Их объединили в училище, которое называлось 3-й военной школой летчиков и летчиков-наблюдателей имени К. Е. Ворошилова. В феврале 1939 года школа была разделена на два самостоятельных училища: 1-е Чкаловское военное авиационное училище летчиков имени К. Е. Ворошилова и 2-е Чкаловское военное авиационное училище штурманов. Из стен здания на улице Советской вышли десятки тысяч воздушных бойцов. Около 350 выпускников, ставших генералами, командовали в различные годы авиационными соединениями. 321 выпускник получил звание Героя Советского Союза, 10 — дважды Героя Советского Союза. Среди самых известных «питомцев» училища: Валерий Чкалов, Михаил Громов, Андрей Юмашев, Григорий Бахчиванджи, Анатолий Серов, Иван Полбин. В общем, новоиспеченным курсантам было на кого равняться.

Имея диплом с отличием, Юрий Гагарин был освобожден от сдачи экзаменов, и его сразу, 27 октября, зачислили курсантом. Но, разумеется, он никуда не уехал, а остался с товарищами, помогая им по мере сил. Все новоприбывшие в Чкалов получили место в казарме, находящейся там же — в комплексе зданий, примыкающих к глав-

ному корпусу на Советской улице. Испытание оказалось трудным: кого-то забрала медицинская комиссия, кто-то не сумел сдать экзамены. Еще часть саратовцев до окончания сдачи экзаменов перевели в Уральск; многие из них позднее стали пилотами гражданской авиации.

Тем, кто остался и сумел преодолеть все «рогатки», присвоили звание «курсант» и выдали военную форму. За ее описанием обратимся к статье Александра Валентиновича Глушко «Форма одежды Юрия Алексеевича Гагарина. Разновидности и особенности ношения» (2014). Исследователь указывает, что первая фотография будущего космонавта в курсантской форме была сделана, вероятно, в промежутке между 30 октября и 2 ноября 1955 года. Форма одежды, в которой он «красуется», была введена приказом Наркомата обороны СССР № 25 еще 15 января 1943 года и с небольшими изменениями просуществовала до 1969 года. Парадный вариант выглядел так: фуражка защитного цвета с голубым околышем и кантами; закрытый мундир защитного цвета, нагрудные знаки; брюки галифе синего цвета, поясной ремень; сапоги. На воротнике мундира располагались прямые петлицы голубого цвета, а на плечах — голубые пятиугольные погоны с черным кантом, обшитые золотым галуном по трем свободным сторонам (кроме нижней). Повседневный «полевой» вариант состоял из суконной пилотки защитного цвета или такой же фуражки с голубым околышем и кантами; гимнастерки и галифе защитного цвета; поясного ремня и сапог; предусматривались нагрудные знаки.

Осенние месяцы новоиспеченные курсанты взвода опытного капитана Бориса Фёдорова осваивали «курс молодого бойца», то есть постигали основы внутренней, гарнизонной и караульной службы, зубрили уставы, тренировались в строевой подготовке, изучали историю училища и азы обращения со стрелковым оружием. 6 декабря прошли первые учебные стрельбы.

Чтобы представить себе быт начального периода обучения Гагарина в ЧВАУЛ, достаточно прочесть одно из его писем саратовскому инструктору Мартыанову (от 26 декабря 1955 года): *«У нас с Толяном [Анатолием Осиповым] всё нормально. Учеба проходит неплохо. Занимаемся в одном классном отделении, спим через несколько коек друг от друга. В увольнение пока мы еще не ходили. Присягу еще не приняли, но думаем, что скоро будем принимать. Все дни заняты уче-*

бой. Преподаватели здесь хорошие, но строгие, а командиры тоже. Шприца дают часто. Бываем в Зауральской роще на занятиях. Здесь часто бывают морозы. Сегодня, например, мороз –29. Кроме того, дуют сильные ветры. Но мы привыкаем. Привыкаем к солдатской жизни. Нам это не очень трудно. <...> Часто только приходится, как у нас говорят, рулить, то есть драить пол. <...> Время свободное проводим хорошо. В клубе смотрим в неделю два раза кино. Кроме того, каждую неделю бывают в клубе танцы. На танцах много городских девочек. Мы с Толяном танцуем вовсю...»

Помимо этого, Гагарин занялся привычными для него делами: спорт, художественная самодеятельность, участие в выпуске «боевого листка» и организации литературных вечеров.

8 января 1956 года, после получения зачетов, Юрий принял военную присягу. Он был уже на виду — желание участвовать в общественной работе заметили: вскоре он стал командиром классного отделения и секретарем комсомольского бюро (20 января Гагарин в ходе плановой замены получил новый членский билет № 02959544). Начались занятия: основы аэродинамики, теория полета, материальная часть самолетов, устройство двигателей, вооружение стран НАТО, тактика воздушного боя, радиообмен и тому подобное.

19 февраля он написал Мартъянову следующее: *«Вчера получил от Вас письмо, за что большое спасибо. <...> У нас здесь произошли кое-какие перемены в организационном отношении. Толя [Осипов] сейчас со мной не учится. Его перевели на выпуск в 1958 году, то есть на три года учебы. Он хотел было уехать домой, но я его отговорил. Я занимаюсь на выпуск в 1957 году. <...> Ждем приближения весны, лета и полетов. Недавно были сильные бураны. Поезда на дорогах заносило с паровозной трубой. Мы ездили на снегоуборку. Ветер достигал 36 м/сек. Трудно было держаться на ногах. Вот я и поверил, что если привязать По-2 веревкой к чему-нибудь, то он будет болтаться в воздухе, а если отпустить, то уже никакими веревочками не поймаешь. <...> Привет командованию и преподавателям аэроклуба...»*

В этом письме интересно следующее. Нормальный срок обучения в военно-авиационном училище — три-четыре года, а не два. Следовательно, Гагарин попал в какую-то особенную программу сокращенной подготовки. Мы находим подтверждение этому в воспоминаниях инструкторов летной подготовки и документах по многочисленным реорганизациям училища.

Обратимся сначала к документам с учетом того, что нас принципиально интересует только период 1955–1957 годов. В марте 1955 года ЧВАУЛ им. К. Е. Ворошилова перешло на штат № 20/503, задачей которого было обучение курсантов, прибывших из аэроклубов и авиационных школ первоначального обучения, на самолетах «Як-18», а с 1956 года — «Як-18У». Поскольку было известно, что скоро штат снова поменяют в связи с массовым внедрением реактивной авиации, то было принято решение в порядке эксперимента начать готовить часть летчиков по ускоренной программе. В начале 1956 года из личного состава учащихся выделили двадцать курсантов, которые должны были за год пройти двухлетнюю подготовку на «Як-18У». Подтверждение этому мы находим и у самого Юрия Гагарина («Дорога в космос», издание 1961 года): *«В училище поступили экспериментальные самолеты — те же „ЯК-18“, но несколько модифицированные, с носовым колесом для отработки посадки, чтобы в дальнейшем было легче переходить на реактивные машины, имеющие трехколесное шасси. Мы много летали, но, честно говоря, новый самолет нам не очень нравился. Был он тяжеловат, не хватало у него, как говорят авиаторы, „мощи“ — слабоват мотор. И на фигурах высшего пилотажа он частенько сваливался в штопор; правда, так же быстро и выходил из него, стоило только бросить управление».* Справочники подсказывают нам, что «Як-18У», серийно выпускавшийся с января 1955 года, действительно отличался от «Як-18» наличием большого переднего колеса вместо маленького хвостового, что сблизало его по взлету и посадке с реактивными машинами.

Получается, Юрию Гагарину снова повезло. Он мог быть отправлен в другое училище, как прочие саратовцы, и уйти затем в гражданскую авиацию; мог оказаться в обычной группе курсантов, как его приятель по аэроклубу Анатолий Осипов, и остаться в училище еще на год или два, если бы пришлось переучиваться на реактивные истребители по стандартной программе; мог из-за изменения штатов училища оказаться вне «эксперимента» — в любом из этих случаев ему вряд ли удалось бы попасть в первый набор отряда космонавтов. Но везение ли это? Ведь мы неоднократно имели возможность убедиться: право выходить из общей колеи Юрий Алексеевич завоевывал трудом на грани физического и психологического истощения, своей невероятной целеустремленностью и неутомимым желанием учиться новому, преодолевая любые трудности. Далекое не всякий из окружения

Гагарина был готов и способен воспроизвести его путь — что-то всегда мешало: легкомыслие, лень, желание комфорта и простой карьеры. Взять хотя бы «эксперимент» училища, в который Гагарин был введен за отличную успеваемость: ведь ему предстояло освоить полный двухгодичный курс теории и практики на новом самолете за год, а скидок на перегруженность никто давать не собирался — многие ли отнесутся к подобной перспективе с энтузиазмом?

Так или иначе, но 22 февраля 1956 года Юрию Гагарину присвоили воинское звание «курсант-сержант». На его погонах появилось по три поперечных галуна. Интересно, что нет ни одной фотографии, где Гагарин был бы снят с двумя галунами на погоне, то есть в звании младшего сержанта. Нет и документов, свидетельствующих о том, что он получал это промежуточное звание. Остается сделать вывод, что Гагарин сразу стал сержантом. Вероятно, столь быстрому карьерному взлету способствовало его назначение помощником командира взвода в группе ускоренного обучения.

Несмотря на большую загрузку, освоение теории шло успешно. После Первомайского парада курсантов отправили на аэродром Меновой Двор (Оренбург-2), расположенный поблизости от одноименной железнодорожной станции и в 6 км юго-западнее Оренбурга. В то время там дислоцировался 814-й учебный авиационный полк переходных самолетов (в/ч 19110) в составе пяти эскадрилий. Гагарин с товарищами оказался в пятой. Снова пришлось жить в палаточном лагере и штудировать наставление по производству полетов. Было всё еще очень холодно, некоторые из курсантов простудились и отправились в город.

Наконец наступила солнечная погода, и земля высохла. 4 июня, согласно плановой таблице, начались полеты: сначала — на обычных «Як-18», чтобы восстановить навыки пилотирования, затем — на новеньких «Як-18У». Сохранилась фотография, на которой запечатлен Гагарин, позирующий на крыле именно «Як-18У» с передним колесом и бортовым номером «59». Возможно, на нем Юрий и летал летом 1956 года. Инструктором был Иван Фёдорович Крючков, который остался вполне доволен летным искусством курсантов. Общий налет Гагарина в то лето составил 103 часа 5 минут. 21 августа его успехи были отмечены благодарностью в приказе и грамотой.

В период с 26 августа по 15 сентября курсанты работали на сборе урожая картофеля в одном из колхозов Шарлынского района. 20 сен-

тября в училище возобновились занятия: «экспериментальная» группа приступила к изучению реактивных самолетов «МиГ-15бис». Обратимся к воспоминаниям преподавателя Арона Израилевича Резникова:

«1956 г., осень, начало учебного года. Добротное и красивое здание училища с многочисленными шумными стаями голубей, гнездящихся с давних времен под крышей. В училище — длинные широкие коридоры и много классов по различным специальностям. Мой класс — по авиационным реактивным двигателям. Класс большой, светлый. У стены установлен на подставке настоящий турбореактивный двигатель, напоминающий огромную грушу. Из груши вырезана „четвертушка“, и благодаря этому хорошо видно всё внутреннее устройство — компрессор, камеры сгорания, турбина, реактивное сопло. В застекленных шкафах на полках расставлены агрегаты и приборы, на стенах — цветные схемы, плакаты, подвижные макеты.

Сегодня у меня первая встреча с новыми курсантами. Буду им читать курс теории и конструкции реактивных двигателей.

Порядок встречи преподавателя в классе четкий, военный, установлен, как говорится, раз и навсегда. Он сразу настраивает всех на деловой лад.

Только открываю дверь и перешагиваю порог, как старшина классного отделения подает команду:

— Встать, смирно!

Выходит вперед, останавливается передо мной и громко рапортует:

— Товарищ подполковник! Классное отделение прибыло для занятий по авиадвигателям. По списку 25 человек, присутствуют все. Старшина отделения курсант Гагарин!

Пока курсант Гагарин рапортует, я успеваю его разглядеть.

Симпатичный парень среднего или даже немного ниже среднего роста. Лицо строгое, с правильными чертами, но совсем еще юное, с характерными ямочками в углах губ. Волосы острижены под короткую прическу. Ясные голубовато-серые глаза глядят смело. Звонкий голос и открытый взгляд производят приятное впечатление. Он по-военному подтянут, устремлен вперед, весь его вид выражает готовность немедленно приняться за дело. Внешний вид безукоризненный — гимнастерка с начищенными блестящими пуговицами и приколотым комсомольским значком тщательно отглажена и расправлена

спереди под ремнем, все складки собраны назад. Из-под застегнутого воротника белоснежной черточкой выступает кромка подшивного воротничка.

Мне известно, что старшиной классного отделения назначают самого дисциплинированного курсанта, но не просто исполнительного тихоню, а обладающего организаторскими способностями и пользующегося авторитетом среди товарищей. Ведь старшина — это командир, руководитель всей группы. Естественно, что из всех курсантов преподаватель прежде всего и лучше других запоминает старшину.

Здороваясь:

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

Дружный ответ:

— Здравия желаем, товарищ подполковник!

Прохожу к своему столу, подаю команду:

— Вольно!

Старшина командует:

— Вольно! Садись!

Первый урок можно начинать.

Рассматриваю курсантов, сидящих за столами. Странное дело, но на первый взгляд все курсанты кажутся почти одинаковыми. Этому впечатлению способствует единая форма одежды. Однако я уже знаю из предыдущего опыта, что по мере дальнейшего знакомства эта „одинаковость“ распадется, у каждого выявится своя индивидуальность. Обнаружится, что один — парень деловой, активный; другой — с лентой или с хитринкой; этот медлительный, невозмутимый; тот — невыдержан, вспыльчив. Да и по способностям быстро произойдет разделение в глазах преподавателя.

Курсанты, конечно, с не меньшим интересом разглядывают своего преподавателя. Складываются первые впечатления. <...>

Ярко запомнился мне также один случай, касающийся лично Гагарина. В училище после основных уроков курсантам предоставлялись два часа для самостоятельной подготовки. В эти часы преподаватель заходил в класс по мере необходимости, главным образом для контроля занятий или помощи отдельным курсантам.

Однажды во время самоподготовки я открыл дверь своего класса, заглянул внутрь и страшно возмутился. Курсанты сидели небольшими группами и в одиночку, занимаясь различными учебными делами. Всё это было обычным для самоподготовки, обычным был и негромкий шум

что-то обсуждающих голосов. Но в классе был табачный дым! Войдя в класс и оглядевшись, я увидел, что источник дыма находится здесь же. За крайним столом стоял Гагарин, в одной руке он держал какой-то агрегат двигателя, а в другой — дымящуюся папиросу. Мое возмущение было вполне объяснимо, не говоря уже о том, что курение в классе было, конечно, запрещено, я знал, что из курсантов мало кто курит, знал, что до этого не курил и Гагарин.

— Что это значит?!

Вопрос задал таким тоном, что дополнительных разъяснений не требовалось. В классе наступила полная тишина. Я увидел, как Гагарин покраснел, но это не была краска смущения ученика, застигнутого врасплох. Лицо его выражало обиду и даже рассерженность человека, которого не поняли и отвлекли от интересного дела. По этой причине он ответил на вопрос не сразу:

— Товарищ подполковник, я изучаю топливный насос двигателя.

— Я вас не об этом спрашиваю. Я спрашиваю о папиросе!

— Так ведь в насосе много разных каналов просверлено, они во все стороны извиваются, на свет их не увидишь, какой куда идет. Вот я дымом их и проверяю — в одну дырочку дунешь, и сразу видно, куда от нее дым выходит...

Понятно, что положение преподавателя в этот момент оказалось затруднительным. Своим объяснением Гагарин показал, что гнев мой был напрасен. С другой стороны, формально я был прав. Нужно было как-то выходить из создавшегося положения и притом быстро, так как тишина в классе приобретала „вопросительный“ характер — курсанты с любопытством ждали моего ответа.

— Ну, вот что. Если уж вы хотите таким методом изучать прохождение каналов, то вам следует взять с собой насос в курительную комнату. А в классе откройте форточки!

— Слушаюсь, товарищ подполковник!

Инцидент был исчерпан.

Для Гагарина такая дотошность и желание любой ценой разобрататься в заинтересовавшем его вопросе были очень характерны. Но вместе с тем он, конечно, не был „сухарем“, погруженным по уши в изучение наук. Как и все курсанты, он любил поболтать о разных событиях из учебной и неучебной жизни, любил пошутить и понимал юмор».

История из тех, что нарочно не придумашь. И сквозь рассказ преподавателя проступает тот самый, живой и настоящий, Юрий Гагарин, которого еще не успел заслонить искусственно выхолощенный образ, придуманный советскими пропагандистами.

Помимо учебы, курсантам приходилось готовиться к параду войск Оренбургского гарнизона, запланированный на 7 ноября. Парад прошел успешно, и на следующий день пятая эскадрилья получила отпускные документы, Юрий выехал домой в Гжатск. Ему многое необходимо было обсудить со своими родителями, в том числе и вопрос предстоящей женитьбы.

Глава тринадцатая

Любовь курсанта

Главной любовью Юрия Алексеевича Гагарина со времен аэроклуба, конечно же, была авиация. Но, как мы уже отмечали, монахом он не был и довольно рано начал заводить отношения с девушками: одно другому совсем не мешает.

Его советские биографы «щекотливую» тему либо обходили стороной, либо сочиняли романтические истории, достоверность которых трудно проверить. Постсоветские, наоборот, стараются отыскать и предъявить публике «пикантные» подробности. Например, Владимир Россошанский в книге «Феномен Гагарина» (2001, 2011) посвящает им целую главу «О любви», цитируя каких-то странных женщин, претендующих на то, чтобы считаться «близкими подругами» космонавта (при этом очевидная несогласованность их историй с известными фактами из жизни Юрия Алексеевича никого почему-то не смущает). Лев Данилкин в своем «Юрии Гагарине» не только скрупулезно собрал все слухи и домыслы на эту тему, которые смог разыскать в прессе, но и заявил, что как раз они «представляют особый интерес» в отличие от «скучной» техники. Вроде взрослый человек, а интересы, как у подростка, извините.

Не стоит идти по пути тиражирования слухов. Всё, что известно о девушках Гагарина до 1956 года, упомянуто выше. Здесь же нужно посвятить несколько слов его жене Валентине, с которой он познакомился в Чкалове-Оренбурге.

В принципе она сама рассказала подробности в своих документальных книгах «108 минут и вся жизнь» (1981, 1982, 1984, 1986) и «Каждый год 12 апреля» (1984). В работе ей помогал журналист Михаил Фёдорович Ребров. Здесь мы выделим главное.

Валентина Ивановна родилась 15 декабря 1935 года в многодетной семье Ивана Степановича (р. 1894) и Варвары Семёновны Горячевых (р. 1895). О семье сведений очень мало — очевидно, жена космонавта сама не захотела рассказывать о близких. Из книг биографов известно, что ее отец, уроженец Оренбурга, был поваром по профессии, причем высококвалифицированным: работал и в санаториях, и в ресторанах. Мать, родом из Рязанской области, занималась домашним хозяйством.

Жили Горячевы в Чкалове-Оренбурге по адресу: улица Чичерина, 35, квартира 2. В двух маленьких комнатах «коммуналки» на втором этаже старого купеческого особняка ютились двое взрослых и шестеро детей! Во время войны трех сыновей призвали в армию. Старший, Алексей, и младший, Михаил, погибли, средний — Иван сражался на Дальнем Востоке и вернулся домой. Из трех дочерей Валентина была самой младшей и к моменту знакомства с Юрием ей только исполнилось двадцать лет.

Первая встреча между будущими мужем и женой состоялась случайно. В клубе училища периодически проводились танцевальные вечера. 1 февраля 1956 года на один из таких вечеров впервые попали курсанты нового набора. Тут мы предоставим слово Валентине Ивановне, которая единственная и способна рассказать, как прошло знакомство:

«Память сохранила многое. И тот вечер в авиационном училище, кружащиеся в танце пары, музыку и вдруг появившуюся группу курсантов-первогодков, стриженных, суетливых, возбужденных своим первым выходом „в свет“ после карантина.

Тогда мы встретились впервые. Он пригласил меня танцевать. Вел легко, уверенно и сыпал бесконечными вопросами: „Как вас зовут? Откуда вы? Учитесь или работаете? Часто ли бываете на вечерах в училище? Нравится ли это танго?..“

Если откровенно, то первое впечатление от знакомства с Юрой складывалось как-то не в его пользу. Невысокий, худощавый. Голова большая, короткий ежик волос, торчащие уши. Говорит быстро, после каждой фразы как-то двигает припухлыми губами, будто припечатывает.

вает слова. Сказать о нем подвижен — значит ничего не сказать. Порой казалось, будто он одновременно находится в разных местах.

Потом был другой танец, третий... В десять часов музыка смолкла. Он проводил меня до выхода (выходить за проходную училища им тогда не разрешали) и, словно мы уже обо всем договорились, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем на лыжах.

Я промолчала: на лыжах так на лыжах. Уже дома подумала: „А почему я должна идти с этим „лысым“ на лыжах? И вообще, почему он держится так уверенно? Знакомы мы всего один день...“

На лыжах мы не пошли. Не было самих лыж, не было и погоды. Пошли в кино. Не помню, какой фильм мы смотрели, но наши мнения о нем разошлись. Сначала спорили, доказывали друг другу свою точку зрения. К единому суждению так и не пришли. Спор перешел на другую тему и тоже как-то не получился. Потом разговор стал совсем скучным. Долго шли молча. Около нашего дома он так же, как и в тот первый вечер, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем...

Вот тут он замолчал и посмотрел на меня. Посмотрел и добавил:

— Пойдем в гости.

— Это к кому же? — удивилась я. — К нам, что ли?

— К вам.

Сказал он это просто, словно я сама пригласила его, словно мы давным-давно знаем друг друга.

Позднее, когда я лучше узнала Юру, мне стало ясно, что одно из самых примечательных свойств его характера — умение легко и свободно сходитьсь с людьми, быстро осваиваться в любой обстановке. Какое бы общество ни собралось, он сразу же становился в нем своим, чувствовал себя как рыба в воде.

В ту пору нам было по двадцать. Далеко идущих планов мы не строили, чувства свои скрывали, немного стеснялись друг друга. Сказать, что я полюбила его сразу, — значит сказать неправду. Внешне он не выделялся среди других. Напротив, ребята-старшекурсники выглядели более степенно, прически их делали их более привлекательными, девчонкам они нравились больше. Ну а мой кавалер? Мой „лысый“?..»

Волосы в конце концов отросли — еще до того, как Гагарин стал «старшекурсником». Но самое интересное в этой важной линии биографии Юрия Алексеевича то, как вновь проявилось его удивительное умение совмещать романтику с прагматизмом. Он понимал, что

пришло время жениться. Ему понравилась девушка Валентина. Он захотел узнать ее поближе и старался поступать так, чтобы она лучше узнала его. Поскольку контакт проще устанавливать при общении с семьей, то Юрий сразу попросился в гости. Вновь обратимся к воспоминаниям Валентины Ивановны:

«Не сразу я поняла, что этот человек если уж станет другом, то на всю жизнь. Но когда поняла... Много было у нас встреч, много разговоров по душам, долго мы приглядывались друг к другу, прежде чем, объяснившись в любви, приняли решение связать навсегда свои жизни и судьбы.

Как он сказал о своей любви? Очень просто. Не искал красивых слов, не мудрил. Но такая безоглядность, такая окрыленность были в его объяснении и признании...

Мы стали встречаться чаще, думать о будущем.

— Любовь с первого взгляда — это прекрасно, — говорил Юра, — но еще прекраснее — любовь до последнего взгляда. А для такой любви мало одного сердечного влечения. Валя, — продолжал он, — давай действовать по пословице „семь раз отмерь, один раз отрежь“.

Я понимала, что такое его серьезное отношение к решающему жизненному шагу не имеет ничего общего с осмотрительной расчетливостью. Юре был чужд эгоизм. Он думал обо мне: не пожалею ли я, не спохвачусь ли, когда будет уже поздно передумывать?

Юра вообще больше думал о других, чем о себе. Это я поняла еще задолго до того, как мы стали мужем и женой».

В общем-то в двух вышеприведенных цитатах содержится всё, что захотела рассказать Валентина Гагарина о первых месяцах знакомства с Юрием Алексеевичем. Известно, конечно, что их всё чаще видели вместе. Они гуляли по городу, ходили на киносеансы и в местный театр, бывали на застольях у Горячевых-старших. Юрий познакомил девушку с некоторыми из своих друзей-однокурсников. Когда он уехал на аэродром, то писал письма, а при случае возвращаясь в город, на несколько часов заглядывал к Валентине. Кому-то может показаться, что в этой истории мало романтических приключений и душераздирающей страсти, но в том-то и дело, что романтика сближения симпатичных друг другу людей проявляется в мелочах, которые навсегда остаются только между ними.

В конечном итоге Юрий и Валентина привязались друг к другу. Если между ними и бывали конфликты, то не столь существенные,

чтобы нарушить развитие отношений. Семья Горячевых тоже приняла Юрия как родного: он производил хорошее впечатление — всегда опрятный, подтянутый, начитанный, коммуникабельный, жизнерадостный. Еще Гагарин знал много стихов и любил декламировать, в том числе Сергея Есенина, творчество которого находилось тогда под «мягким» идеологическим запретом (время от времени издавались отдельные лирические сборники, но о полноценном собрании сочинений поклонникам оставалось только мечтать). Возможно, планы Юрия казались со стороны немного «наполеоновскими», но биография говорила сама за себя: он был очень *перспективным* молодым человеком.

Сам Гагарин принял окончательное решение, вероятно, к осени 1956 года. В ноябре он поехал в Гжатск. Его мать Анна Тимофеевна вспоминала (цитирую по книге «Память сердца», 1985):

«Приехал он с уже отросшей шевелюрой, в форме с нашивками сержанта. Конечно, ему сразу же захотелось всё осмотреть, повидать. Привез нам подарки. Вообще ни разу не было случая, чтобы Юра приехал с пустыми руками. Даже когда учился в ремесленном, где денег у него было — меньше некуда.

Я чувствовала, что Юра хочет о чем-то поговорить со мной наедине. И догадывалась, о чем. В последних весточках из Оренбурга часто мелькало имя: Валя Горячева.

Я сама в его годы познакомилась с гармонистом Лёшей Гагариным. Вот только радостью мне с родителями не пришлось поделиться: отец и мама к тому времени умерли. Не с кем было посоветоваться.

В один из вечеров, когда мы с Юрой остались одни в доме, подошла я к нему. Поняла, что сам он всё никак не решается начать, и спросила: — Расскажи, сынок, про Валю.

Он обрадовался — трудное начало пройдено, поведал, что познакомился с девушкой на танцевальном вечере в училище. Юра рассказал о Валиной семье. Там было шестеро детей.

— Хорошо, когда в семье много ребятшек! Значит, все к труду приученные, неизбалованные, — сказала я.

Это я знала по опыту.

Валя была самая младшая среди трех братьев и трех сестер. Она работала на телеграфе, а теперь поступила в медицинское училище.

— Я у них часто бываю, — сказал Юра, — эти праздники тоже отмечал у Горячевых.

Разговор у нас был откровенный, я спросила:

— Думаешь расписаться?

Юра неопределенно пожал плечами. Но мне показалось, что вовсе не от нерешенности, а потому, что он очень ответственно относился к своему слову. Сказал — значит, так и будет. Он же еще был курсантом, не мог содержать семью, поэтому, видно, считал, что о женитьбе говорить рано.

Мне хотелось напугать его. Знала, что и не спрашивая, он ждет моего слова. Поэтому сказала:

— Если любишь, то женись. Только крепко, на всю жизнь, как мы с отцом. И радости и горе — всё пополам.

Говорила я с ним о женитьбе как о деле решенном, и Юре это было по душе. Разговор у нас с ним был долгий. Семейные дела сложные, всяко бывает.

На другой день Юра сказал, что хочет возвратиться в Оренбург. Я поняла его, не стала спрашивать остаться: его ждала любимая девушка».

Для Гагарина, выросшего в деревне под присмотром матери, было важно получить ее «благословение». И когда он нашел поддержку, то больше не колебался. 23 ноября, прервав отпуск, Юрий вернулся в Чкалов-Оренбург. Позднее в книге «Дорога в космос» он напишет по этому поводу: «Товарищи по эскадрилье и командиры поняли меня без слов. А Валя обрадовалась: она знала, почему я вернулся».

Совместимы ли романтика и прагматизм? Совместимы, если между ними нет низости — с любой стороны.

Глава четырнадцатая

Проблемы с реактивными

Выше мы обсудили странную попытку советских биографов объявить, что у Юрия Гагарина были проблемы с пилотированием поршневого учебно-тренировочного самолета «Як-18», прежде всего — с его посадкой на аэродром. Как выяснилось, ничего общего с реальностью эта «легенда» не имеет: будущий космонавт уверенно освоил свою первую машину. «Як-18У», на котором Гагарин летал в училище, дался ему сложнее, но на эту модификацию жаловались многие пилоты. Другое дело — истребитель «МиГ-15бис». С ним у Га-

гарина действительно возникли затруднения, что легко объяснимо: при сравнительно небольшом налете предстояло ударными темпами научиться управлять и применять в бою машину с реактивным двигателем, рассчитанную на принципиально иные пороги высот и скоростей.

Истребители «МиГ-15» («изделие С», «И-310») начали разрабатывать сразу после войны в московском Опытном конструкторском бюро, которым руководили авиаконструкторы Артем Иванович Микоян и Михаил Иосифович Гуревич. В техническом задании указывалось, что истребитель должен иметь следующие характеристики: максимальная скорость у земли — 1000 км/ч, максимальная скорость на высоте 5000 м — 1020 км/ч, время подъема на эту высоту — 3,2 мин, практический потолок — 13 000 м, дальность полета на высоте 10 000 м — 1200 км, разбег — 700 м и пробег — 800 м. Вооружение должно было состоять из трех авиапушек; также предусматривалась возможность подвески топливного бака или авиабомб. Истребитель надлежало оснастить гермокабиной и катапультным креслом. Назначение самолета — «ведение активного воздушного боя с истребителями и бомбардировщиками противника, отражение налетов авиации противника, удары по наземным целям и выполнение задач разведки и контроля боевых действий».

В ходе конструкторских работ были созданы три прототипа: «С-1», «С-2» и «С-3». Все они были успешно испытаны, и в конце 1947 года «МиГ-15» пошел в серийное производство. В следующем году, после выявления недостатков прототипов, была создана модификация «СВ», которая стала основой для появления самолета «МиГ-15бис». В мае 1949 года ее постановили снабдить двигателем ВК-1 (РД-45) — первым отечественным турбореактивным двигателем, разработанным под руководством конструктора Владимира Яковлевича Климова на базе английского «Rolls-Royce Nene». В результате появился прототип «СД» — именно он после незначительных доработок фюзеляжа пошел в июне 1950 года в серийное производство под названием «МиГ-15бис». На нем устанавливались новейшие авиапушки НР-23; под фюзеляжем можно было подвешивать две бомбы или два подвесных топливных бака. Позднее появились более специфические модификации этого истребителя: «СД-УПБ» (истребитель сопровождения для бомбардировщиков с дальностью полета 2200 км), «СР-1» (истребитель-разведчик с фотоаппаратом плановой съемки),

«СЯ» (истребитель с крылом повышенной жесткости для предотвращения «сваливания» на высоких скоростях), «СА» (истребитель с системой слепой посадки), «СП-1» (всепогодный истребитель-перехватчик).

Истребители «МиГ-15» активно использовались для охраны воздушных границ Советского Союза и стран «социалистического лагеря», однако их «звездный час» наступил в небе Кореи, где эти стрелительные машины до завершения Корейской войны в июле 1953 года успешно противостояли американским «F-80 Shooting Star» и «F-86 Sabre»: им удалось сбить свыше тысячи самолетов противника. За всю историю в Советском Союзе было построено 11 073 экземпляров «МиГ-15».

В 1957 году курсанту Гагарину предстояло научиться управлять двумя самолетами: двухместным учебным «МиГ-15УТИ» («И-312 СТ») и боевым «МиГ-15бис» модификации «СЯ», которая к тому времени стала стандартом. Хотя названные машины проходили многочисленные заводские и государственные испытания, активно эксплуатировались в войсках и участвовали в реальных боях, они всё еще оставались «капризными», поэтому неизбежные ошибки пилотирования нередко заканчивались фатально. Валерий Аркадьевич Хлызов написал документальную повесть «Окольцованная птица» (2003, 2016) о своем отце, который служил инструктором в «гагаринской» эскадрилье. В повести он приводит и свои детские впечатления, связанные с «МиГаами»: *«На долю отца, как и всех строевых летчиков, выпало немало трудностей при освоении новой реактивной техники. Аварии и катастрофы следовали одна за другой. Торжественно провожали в последний путь погибших летчиков. Запах одеколона „Шипр“, которым заливали мешочки с останками пилотов, до сих пор ассоциируется у меня с траурным маршем и причитанием вдов. Но жизнь продолжалась. Гул реактивных двигателей не смолкал на аэродроме ни днем, ни ночью».*

Впрочем, перед тем, как попасть на аэродром и сесть в кабину «МиГ-15УТИ», курсантам ЧВАУЛ предстояло преодолеть довольно напряженный период подготовки. 1 декабря экспериментальную группу двухгодичного обучения отправили в расположение гарнизона 817-го учебного авиационного полка, который находился в 18 км от Оренбурга, у железнодорожного разъезда Ветёлки (разъезд № 20). Под командованием подполковника Ивана Михеевича

Полшкова там проходили службу как курсанты, так и солдаты-срочники. Зимой они жили в двухэтажной казарме, а летом выезжали в палаточный лагерь. В полку выпускников обучали искусству боевого применения реактивных истребителей, то есть по факту — готовых летчиков, имевших опыт пилотирования «МиГ-15». Разумеется, Полшков не обрадовался тому, что ему прислали «молодых», которые до того летали только на «Яках», и был настроен по отношению к ним скептически. Они тем не менее с усердием взялись за работу.

В том же гарнизоне произошел пренеприятный инцидент, связанный, вероятно, с тем, что «молодые» (не по возрасту, а по налету) курсанты оказались среди «стариков». О нем рассказала литератор Татьяна Копылова, помогавшая Анне Тимофеевне Гагариной работать над книгой о первом космонавте (цитирую по статье «Как Гагарин держал удар», опубликованной в «Известиях» 7 марта 2004 года):

«В 1984-м из Оренбурга пришло письмо, заинтриговавшее нас с Анной Тимофеевной. Было оно от полковника в отставке Ивана Михеевича Полшкова, бывшего командира полка боевого применения (полка реактивных истребителей), приданного Чкаловскому летному училищу. <...> Иван Михеевич писал, что у него есть документ, который нигде не опубликован и даже не упоминается.

Когда мы встретились, он пододвинул ко мне пожелтевшие листки. Бросилась в глаза дата — 4 марта 1957 г., выделенные жирным шрифтом фамилии и фраза: „Объявляется приговор Военного трибунала Южно-Уральского военного округа от 28 февраля 1957 года об осуждении курсантов 1-го ЧВАУЛ Бушинева И. Л., Шпанько Б. Г., Ошуркова Е. Н. за нанесение побоев помощнику командира взвода сержанту Гагарину за его требовательность по службе“.

— Никогда, — воскликнула я, — никогда и ничего не слышала об избиении Юрия Гагарина в военном училище!

— Вот именно, — подтвердил полковник.

Я развернула листки.

“Подсудимый Бушнев, будучи недоволен требовательностью по службе пом. командира взвода сержанта Гагарина, склонил подсудимых Шпанько и Ошуркова на избиение Гагарина, на что они ему дали свое согласие. В осуществление этого намерения — при активном участии Шпанько — в ночь на 30 января 1957 года, когда после отбоя весь личный состав лег спать, в том числе и Гагарин, Ошурков и другие курсанты

напали на Гагарина и подвергли его избиению, при этом Шпанько и Ошурков завязали себе головы полотенцами, чтобы их не узнали, а Бушнев в это время стоял у входа в казарму с целью предупреждения исполнителей в избиении Гагарина, в случае появления кого-либо из командования. В результате преступных действий Бушнева, Шпанько и Ошуркова сержант Гагарин был избит. В судебном заседании подсудимые в изложенных преступных действиях виновными себя признали и дали подробные объяснения... На основании изложенного Военный трибунал признал Бушнева, Шпанько и Ошуркова виновными в принуждении группой лиц к нарушению обязанностей по военной службе, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 193–4 п. «б» УК РСФСР“...

Далее в приговоре указывались меры наказания: Бушнева и Шпанько на 3 года каждого с отбыванием в исправительно-трудовом лагере, а Ошуркова на 2 года с отбыванием этого наказания в дисциплинарном батальоне, всех троих без поражения в правах.

...Потом Иван Михеевич давал пояснения к событиям 1957 года. На помощниках командиров взводов лежала малоприятная обязанность — обеспечение внутреннего распорядка подразделения: подъем, зарядка, посещение занятий... И Гагарин всегда исполнял эту обязанность, не делая исключений ни для себя, ни для других. Его требовательность пришлась не по вкусу трем друзьям. Особенно их раздражал ранний подъем на утреннюю зарядку. Вот и предупредили сержанта: что подчиняться ему не будут. Но и тот ответил категорично: „Распорядку в казарме будут следовать все“. Троица повторила угрозу. Помкомвзвода вновь подтвердил: „Никаких исключений!“ Тогда угрозу привели в исполнение.

Избит Гагарин был жестоко, до потери сознания, — на несколько дней его поместили в госпиталь. Остальные курсанты настояли, чтобы хулиганы пошли к командованию. Заседание трибунала состоялось через месяц. К этому времени Гагарин был уже здоров и по-прежнему исполнял свои обязанности младшего командира».

Существуют и другие версии причин нападения троицы курсантов на Юрия (их излагает, например, Лев Данилкин): дескать, Гагарину устроили «темную» за то, что он слишком щепетильно относился к своим обязанностям и докладывал начальству о всех случаях «самоволок». Вторая версия выглядит малоубедительной, потому что в «самоволку» лютой зимой вдали от города особенно не побегаешь. Однако и объяснение с нежеланием участвовать в «утренней зарядке»

тоже надуманное — протест был, скорее, поводом для того, чтобы испытать «молодого» замкомвзвода на твердость, а когда тот отказался служить по правилам «дедовщины», его избили в назидание другим. В результате «старики» перестарались и попали под трибунал. Тут остается добавить, что Гагарин всегда проявлял твердость в соблюдении правил общежития, а кроме того, ему было важно дойти до полетов без взысканий, лучшим из лучших, ведь экспериментальная группа таяла на глазах, не справляясь с нагрузками, и в училище поговаривали, что от сокращенной программы надо отказаться.

К началу полетов курсантов разбили по «экипажам». Инструктором экипажа из четырех человек стал молодой старший лейтенант Анатолий Григорьевич Колосов, для которого обучение летному мастерству тоже было в новинку. Позднее он вспоминал:

«После определенного курса подготовки инструкторов на самолете МиГ-15 в мой экипаж попали четыре курсанта — все хорошие, все одинаковые, казалось бы. Но всё равно среди тех курсантов выделялся Юра Гагарин своей старательностью, дисциплинированностью, жизнерадостностью, энергичностью. Мы на это обратили сразу внимание. Если ему давалось поручение, задание — он выполнял всегда добросовестно, своевременно и с хорошим качеством. Таких курсантов мы обычно всегда выделяем, поручаем им организационную работу. Он стал сразу старшиной звена и старшиной группы. И будучи старшиной звена, экипажа, он продемонстрировал свои организаторские способности самым наилучшим образом, помогал отстающим в теоретической части. <...>

Я сам был молодой, только год-два как закончил училище. Приходят курсанты, мы первым делом знакомимся как учителя, педагоги. Смотрим им в глаза, определяем, какой у них психологический наклон. И бросилось в глаза — спокойный, с железными нервами парень и дисциплинированный вдобавок ко всему. Когда прошли теоретический курс, наземную подготовку, мы начали с ним летать. Среди курсантов трое сразу выделились, Юра между ними особенно выделялся своим старанием, желанием».

Полеты на «МиГ-15УТИ» начались в конце марта на полевом аэродроме, располагавшемся около совхоза «Караванный» — примерно в 45 км к востоку от Оренбурга. Для участия в них курсанты в составе трех эскадрилий переехали в палаточный лагерь. «Гагаринской» эскадрильей командовал майор Владимир Иванович Бе-

ликов, заместитель командира 817-го учебного авиаполка; звеном — капитан Николай Иванович Пенкин. Курировал работу на аэродроме подполковник Григорий Константинович Серков, заместитель командира авиаполка по летной подготовке (кстати, он отмечал, что условия обучения были весьма трудными из-за плохого качества взлетно-посадочной полосы). Все эти офицеры оставили воспоминания, по которым легко реконструировать, что происходило на аэродроме весной-летом 1957 года.

Экипаж инструктора Анатолия Колосова был допущен к полетам в середине апреля. Один из четырех курсантов, доверенных ему, быстро «отсеялся». Григорий Серков рассказывал (цитирую по статье Вячеслава Моисеева «Гагарин: полет продолжается», опубликованной в газете «Оренбургская неделя» 16 февраля 2011 года):

«У Колосова был еще один курсант, который туго усваивал программу, напряжен был в воздухе, зажимал управление. Слетает — и аж мокрый весь. Я с ним несколько раз летал, и пришлось его отчислить. Парня перевели в гражданский вуз. А у Гагарина были проблемы совершенно противоположного рода: машины не боялся, но при посадке у него был высокий профиль.

Примерно с высоты 7–10 метров надо начинать выравнивать самолет, потом подвести к земле на три четверти метра. Это называется „конец выравнивания“, здесь самолет идет параллельно земле. Потом начинается процесс выдерживания, то есть потери скорости за счет увеличения угла атаки. Подъемная сила пока сохраняется, а скорость падает. Нужно подвести самолет к земле на 15–20 сантиметров, и в тот момент, когда он уже не держится, он приземляется.

Филигранная техника! Если же при этом высота будет больше 20 сантиметров, машина просто упадет, может свернуться на крыло, и тогда конец самолету и летчику. Гагарин начинал выравнивание и выдерживание на высоте большей, чем необходимые 20 сантиметров от бетонки. Это обнаружилось еще при полетах курсанта с инструктором...»

Вот и первое упоминание о проблеме с посадкой, которому можно доверять, ведь то же самое рассказывали и другие офицеры учебного авиаполка. Чтобы устранить ее, Серков сам забрался в кабину на место инструктора, но, несмотря на его команды и советы, Гагарин вновь допустил ту же ошибку. Тогда подполковник приказал Колосову совершить еще как минимум десять учебных вылетов с Юрием.

В конечном итоге от Гагарина добились нормальной посадки, но перед тем, как выпустить его в первый самостоятельный полет на «МиГ-15бис», требовалось одобрение командира полка Ивана Михеевича Полшкова. В начале мая тот прибыл на аэродром, чтобы оценить подготовку курсантов. Зачетный полет на «МиГ-15УТИ» с Гагариным прошел в целом успешно, но вдруг при посадке Юрий вновь совершил серьезную ошибку. Полшков сам рассказал Татьяне Копыловой, как это было (цитирую по статье «Как Гагарин держал удар», опубликованной в «Известиях» 7 марта 2004 года):

«Подошла очередь и старшего сержанта Гагарина. Запуск мотора, выруливание, взлет, работа в зоне по определенному заданию, заход на посадку. Иван Михеевич не заметил ни одного сколько-нибудь серьезного отступления. Но... перед самой землей самолет вдруг резко клюнул носом, и командиру полка пришлось самому исправлять положение и спастись от „козла“.

Расстроенный курсант вылез из машины. Полковнику показалось, что он даже побледнел за те несколько минут, что был в небе.

— Ошибки знаете? — спросил Иван Михеевич.

— Так точно, — ответил старший сержант.

— Перечислите.

Тот доложил.

— Правильно, — кивнул полковник. — Работайте дальше.

Но через две недели история повторилась. Когда у начальника училища [генерала Василия Харитоновича Макарова] подводились итоги контрольных полетов, решение было категоричным: курсантов, не сумевших по какой-либо причине полностью выполнить полетное задание, предстояло отчислить из училища. Кроме старшего сержанта Гагарина в тот год еще трое курсантов должны были покинуть училище, не получив назначения в истребительную авиацию».

Судьба Гагарина повисла на волоске. Однако его целеустремленность и прилежность, которую сразу замечали старшие офицеры, в очередной раз помогли ему: репутация дорогого стоит! События развивались следующим образом. Видя отставание Гагарина, командир эскадрильи майор Владимир Беликов приказал инструктору Анатолию Колосову подготовить представление об отчислении курсанта от дальнейшего обучения, как не справившегося с летной программой («по летной неуспеваемости»). Колосов подготовил и представил этот материал Беликову; тот его подписал и передал коман-

диру полка Ивану Полшкову. Однако подполковник был занят текущими делами и не заметил представленный документ. При этом Гагарин уже был отстранен от полетов и, конечно, ходил по аэродрому мрачнее тучи. Тогда Колосов сам отправился к Полшкову и упрямил его дать молодому человеку еще один шанс, поскольку в Гагарине видно огромное желание летать. Подполковник согласился с аргументами и велел своему заместителю Григорию Серкову заняться «проблемным» курсантом лично. Об этом подробно рассказал летчик-инструктор Ядкар Шакирович Акбулатов (цитирую по фонозаписи, сделанной 7 сентября 1983 года):

«Подполковник Серков включился в это дело вместе с Колосовым. Он сам несколько дней летал с Гагариным по кругу — контрольные полеты на спарке, и каждый раз делал замечания ему, что то не так, это не так; ну и основное — посадка. Гагарин видел это, исправлял и производил в дальнейшем нормальную посадку. Уж настолько он желал самостоятельно вылететь! Летчики по традиции после самостоятельного вылета угощают всех так называемыми „вылетными“ папиросами. У него в планшете имелось штук шесть этих коробок, они все уже за это время истерлись. Конечно, у молодого человека было настроение крайне низкое. И вот, полетав два-три дня с Гагариным, убедившись, что он может увидеть ошибку, исправить ее и нормально произвести посадку, подполковник Серков решает выпустить Гагарина самостоятельно. Поговорили с ним предварительно:

— Замечаешь ты ошибку?

— Замечаю.

— Вот я сейчас летаю с тобой — всё делаешь сам, если увидишь отклонение самолета от нормы, значит, сам исправляешь это отклонение и производишь нормальную посадку.

Что он и сделал. И после этого Серков говорит: „Видишь — боевой самолет, садись и лети самостоятельно“. Гагарин от радости побежал к этому самолету, Серков его вернул, говорит: „Нет, ты отдохни, посиди. И пешочком, не спеша, иди к боевому самолету. Бежать не надо, и так у тебя нервы напряжены, волнуешься, а пробежишь — пульс вообще будет 200. Надо всё делать нормально“. После этого Серков отправил его пешочком к самолету. Гагарин садится в кабину, приняв предварительно самолет у техника. Подходит Серков, лейтенант Колосов, проверяют, как он сел, всё ли включил. И Гагарин запрашивает: „Я 210-й — запуск“. Беликов отвечает: „Запускай, 210-й“. Он даже

не знал, что выпускает самостоятельно Гагарина. И когда запустил двигатель Гагарин, вырулил 210-й, Беликов передает Серкову:

— Вы что, выпускаете 210-го?

— Да, пусть летит, всё нормально.

210-й вырубивает, взлетает. Прекрасно взлетел, построил маршрут, заходит на посадку, подходит к земле, чуть высокий профиль, исправил это высокое выравнивание и произвел посадку. Первый полет он сделал, значит, он вылетел самостоятельно и уже является летчиком. И после этого он начал тренироваться (уже Колосов подключился здесь). Выпустил его Серков, а продолжал дальше Колосов. Колосов дал ему сначала контрольные полеты, а потом самостоятельные полеты по кругу, после этого контрольные на простой пилотаж в зону».

В результате «вылетная» пачка папирос досталась подполковнику Григорию Константиновичу Серкову.

Когда Гагарин и двое других членов его экипажа научились уверенно управлять боевым «МиГ-15бис», их передали под патронаж более опытному инструктору капитану Ядкару Шакировичу Акбулатову, который должен был обучить курсантов высшему пилотажу и основам воздушного боя. 22 мая они приступили к занятиям. Капитан Акбулатов вспоминал:

«Когда я принял экипаж из трех человек, то на следующий день летал с каждым из них. Никаких грубых отклонений не было. Я еще сказал, когда прилетел с Гагариным в зону:

— Гагарин, да всё нормально у вас, что это за посадка, говорят, что высокий профиль, сам же садился?

— Да, сам.

— Нормально, я претензий не имею к посадке. Вот так и летай.

Продолжали мы летать дальше. Во-первых, закончили простой пилотаж, начали сложный пилотаж в зоне и высший пилотаж. Потом — полеты на большую высоту. Что характерно, на большую высоту летать не так просто, земля далеко не так чувствуется, а вот небо темное становится, поведение самолета вялое, скорости большие. И вот когда набрали высоту 12 км, я им подсказал:

— Посмотри наверх в небо.

— Темное.

— А теперь давай разгонимся.

Разогнали скорость за 1100 на этой высоте.

Я говорю:

— Вот видишь!

— Да, 1000 км в час. Конечно, это здорово.

Когда мы прилетели, сели на землю, подошел ко мне Гагарин, говорит:

— Здорово, товарищ капитан — скорость 1000 км в час.

— Мы еще слетаем один полет, по программе положено. Как себя чувствуешь на высоте?

— Нормально всё.

— Вот закончишь училище, поедешь в строевую часть и будешь летать на скорости не 1000, а 2000 км, и высота будет не 12 тысяч метров, а 20 и более тысяч метров.

Конечно, ни он, ни я не знали, что через каких-то три с половиной года ему, этому молодому человеку, предстоит лететь на высоте 340 километров и на скорости 28 тысяч километров в час.

Программу он усваивал неровно, средне. Не было у него постоянства, чтобы всё время „отлично“ и „отлично“. Были даже „тройки“ за полет. Я, более опытный по отношению к Колосову, лет на пять-семь старше его по летной практике, уже опыт имел приличный, и мне помогал Пенкин Николай Иванович, он был командиром звена и тоже много летал с Юрием Гагариным. Командир звена — это тот же инструктор, только старше по должности. И всё-таки даже в этих случаях Гагарин допускал те же отклонения в технике пилотирования, что были и при Колосове.

Так что здесь всё зависело от него самого, постоянно надо было следить за ним — даже начиная с отдыха, потому что летчик готовится к полету с земли: с отдыха, подготовки. <...>

Мы готовили летчиков, поэтому мы должны были знать, каким он будет в роли ведущего. Ведь курсант — это всё ведомый да ведомый. Привыкнули они быть всегда ведомыми — придут в часть уже офицерами, ведь надо и ведущим быть, чтобы вести пару — свой самолет и напарника. У нас по программе был такой раздел, чтобы дать возможность курсантам в нескольких полетах быть ведущими. Я как инструктор занимал положение ведомого, и курсант должен был командовать мною. И вот в нескольких полетах мы взлетали в паре (и я, и Пенкин летали за ведомого). Курсант взлетает, я вместе с ним взлетаю — это труда не представляет для нас, летчиков, ведомым взлетать сложнее, потому что он взлетает по ведущему. А там уже идут

маневры и бой, он — ведущий, я — ведомый. Я стреляю по его самолету, он — по моему самолету, но он сам строит маневр, и я должен как инструктор анализировать: правильно ли он строит этот маневр. И, как ведомый, я должен правильно принять решение: и чтобы состоялась атака с моей стороны, и видеть, как он будет меня атаковать. В роли ведущего Гагарин был молодец. Принимал грамотные и правильные решения. У нас не было воздушного боя типа „карусель“, но такие маневры, как боевые развороты, глубокие виражи, пикирование, спираль, — всё это входило в элементы воздушного боя. Я считаю, что он очень грамотно, искусно строил маневр. И в качестве ведущего он был уже подготовлен в училище».

Общий налет Гагарина на «МиГ» в том году составил 87 часов 47 минут. По итогам Юрий Гагарин получил следующие оценки: пилотаж в зоне — «пять», сложный пилотаж — «пять», полет по кругу — «четыре», воздушный бой — «пять», стрельба по мишеням на полигоне — «пять», общая оценка — «пять». При таком результате Гагарин мог претендовать на выпуск по высшему разряду. Оставалось только сдать на отлично выпускные экзамены.

Конечно, Юрий не забывал и о Валентине. Он давно сделал ей предложение, и они решили пожениться сразу, как он закончит училище. Инструктор Акбулатов рассказывал: *«Вот такой еще штрих. Он обращался ко мне: „Товарищ капитан, мне бы в город“. Не раз обращались ко мне с такой просьбой. Время было напряженное. Я говорил, ребята, вот закончите, потом будете отдыхать, сейчас главное учеба, финал — к финишу пришли. Какой тут отдых! „Да вот я жениться хочу“. Я говорю: „Жениться я всем запрещаю, пока вы не окончите военное училище. И даже не подходите ко мне насчет женитьбы. Запрещаю жениться каждому. Успеете — это никуда не денется“».*

Выпускные экзамены начались 8 октября. Необходимо было сдать восемь теоретических дисциплин. По всем предметам Гагарин получил пятерки. 22 октября подполковник Полшков утвердил аттестацию на Юрия, написанную капитаном Акбулатовым: *«За период обучения в училище показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Строевая и физическая подготовка хорошая. Теоретически подготовлен отлично. Государственные экзамены по теоретическим дисциплинам сдал со средним баллом 5. Приобретенные навыки закреплял прочно. Летать любит, летает смело, уверенно. Училище закончил по 1 разряду. Делу КПСС и социалистической*

Родине предан. Вывод: достоин выпуска из училища летчиком истребительной авиации с присвоением воинского звания лейтенант».

26 октября состоялось заседание квалификационной комиссии, которая постановила выдать Юрию Алексеевичу Гагарину диплом с отличием (№ 206199) и присвоить квалификацию пилота-техника. На следующий день, 27 октября 1957 года, Юрий Гагарин и Валентина Горячева поженились.

Всё сбылось, как и планировал будущий космонавт: в двадцать три года он стал летчиком и завел семью. Впереди открывались большие перспективы. Он, правда, еще не подозревал, насколько большие. Но, думается, снова начал морально готовиться к тому, чтобы в один прекрасный день выйти из налаженной колеи в пространство новых возможностей.

Глава пятнадцатая

Первые спутники

1957 год был богат на грандиозные события. В то время, когда Юрий Гагарин отчаянно боролся за право управлять реактивным истребителем, в Казахстане команда специалистов готовилась к запуску первой межконтинентальной ракеты.

Никто из биографов космонавта не может точно сказать, попало ли на глаза Юрию небольшое сообщение агентства ТАСС, опубликованное в центральной прессе 27 августа, но оно имело огромное значение для его дальнейшей судьбы:

«На днях осуществлен запуск сверхдальней, межконтинентальной, многоступенчатой баллистической ракеты.

Испытания ракеты прошли успешно, они полностью подтвердили правильность расчетов и выбранной конструкции. Полет ракеты происходил на очень большой, еще до сих пор не достигнутой высоте. Пройдя в короткое время огромное расстояние, ракета попала в заданный район.

Полученные результаты показывают, что имеется возможность пуска ракет в любой район земного шара. Решение проблемы создания межконтинентальных баллистических ракет позволит достигать удаленных районов, не прибегая к стратегической авиации, которая в настоящее время является уязвимой для современных средств противовоздушной обороны.

Учитывая огромный вклад в развитие науки и большое значение этого научно-технического достижения для укрепления обороноспособности Советского государства, Советское правительство выразило благодарность большому коллективу работников, принимавших участие в разработке и изготовлении межконтинентальных баллистических ракет и комплекса средств, обеспечивающих их запуск».

За этим малосодержательным сообщением стояла колоссальная предшествующая работа — совокупный труд десятков тысяч людей; с некоторыми из них Юрию Гагарину предстояло вскоре познакомиться. Речь в сообщении шла о ракете «Р-7», благодаря которой стали возможны запуски искусственных спутников Земли, межпланетных исследовательских аппаратов и первый орбитальный полет космонавта.

Нам придется вернуться в прошлое. Однако перед тем необходимо отметить следующий момент. Все наши свободные рассуждения о начальном периоде развития практического ракетостроения и космонавтики в послевоенном Советском Союзе возможны лишь потому, что в конце 1980-х годов началось рассекречивание большого количества документов, которые до того были доступны лишь очень узкому кругу специалистов. Сложилась парадоксальная ситуация: о современных ракетно-космических программах, в том числе военного назначения, можно было узнать намного больше, чем о том, что происходило сорок лет назад. Своего рода прорывом стали публикации дневников генерал-полковника Николая Петровича Каманина в виде четырехтомника под названием «Скрытый космос» (1995–2001) и мемуаров конструктора Бориса Евсеевича Чертока «Ракеты и люди» (1999–2002, 2006–2007). В них излагались подробности, которые в корне меняли представления о реальной истории советской космонавтики, но, самое главное, эти свидетельства непосредственных участников событий почти идеально корреспондировались с извлекаемыми из архивов документами. Огромный вклад в восстановление исторической правды внесли также исследователи, сотрудничающие с журналом «Новости космонавтики», который выходит с 1991 года. В качестве одного из промежуточных итогов их деятельности можно назвать фундаментальную энциклопедию «Мировая пилотируемая космонавтика» (2005), а также ряд прекрасных книг, основанных на документах: «Большой космический клуб» (Игорь Афанасьев, Александр Лаврёнов, 2006), «Космические крылья» (Вадим

Лукашевич, Игорь Афанасьев, 2009), «Мы — первые!» (Игорь Афанасьев, Дмитрий Воронцов, 2011), «Золотой век космонавтики: мечты и реальность» (Игорь Афанасьев, Дмитрий Воронцов, 2015). Кроме того, существует значительный корпус статей, опубликованных в самом журнале «Новости космонавтики» и, на мой взгляд, заслуживающих издания отдельной книгой. Именно на эти материалы с учетом документов и свидетельств, которые появились в открытом доступе сравнительно недавно, мы и будем опираться в нашей реконструкции истории советской ракетно-космической программы.

Хотя еще до войны разные группы энтузиастов пытались строить ракеты и ракетопланы для достижения космических высот и скоростей, по-настоящему за проблему взялись перед ее окончанием, когда советские, английские и американские инженеры приступили к изучению немецких баллистических ракет «А-4», получивших дурную славу под именем «V-2» («Фау-2»). Немецкие войска применяли их в основном для обстрела Лондона, однако специалисты понимали, что новое оружие можно использовать в качестве носителя для подъема тонны полезного груза на высоту около 200 км. По окончании войны советское правительство постановило воспроизвести немецкий опыт создания ракет с целью боевого применения в случае возможной войны в Европе.

Реализация широкомасштабного проекта была возложена на Особое конструкторское бюро № 1 (ОКБ-1) по разработке ракет дальнего действия, которое возглавил амбициозный авиаконструктор Сергей Павлович Королёв, увлеченный идеей внеземной экспансии. Однако он понимал, что от него, как и от немецких предшественников, ждут прежде всего оружие, поэтому на время отложил свои далеко идущие планы.

Производственная база ОКБ-1 разместились в подмосковном поселке Подлипки (с 1928 года — поселок Калининский, с декабря 1938 года — подмосковный город Калининград, ныне — город Королёв). Полигон для летно-конструкторских испытаний развернули рядом с селом Капустин Яр в Астраханской области. На основе немецких ракет были сконструированы и испытаны отечественные модификации: «Р-1», «Р-2», «Р-5», «Р-5М».

В марте 1947 года Королёв принял важное техническое решение — сделать боеголовку отделяемой; при этом он ссылался на работы по составным ракетам Константина Эдуардовича Циолковско-

го, которого к тому моменту превратили в «икону» теоретического ракетостроения. В отделяемой боеголовке можно было размещать научное оборудование для изучения высших слоев атмосферы и условий космического пространства, которые всё еще оставались предметом научных споров. Физики из Академии наук (АН СССР) зачастили на полигон Капустин Яр.

В 1949 году Сергей Королёв привлек к экспериментам и сотрудников Научно-исследовательского испытательного института авиационной медицины, которые должны были начать изучение влияния ракетного полета на живые организмы. По его просьбе молодой ученый Владимир Иванович Яздовский сформировал группу, которая занялась подготовкой запуска на космическую высоту подопытных животных — обычных бездомных дворняг. Первые запуски с собаками состоялись в июле-августе 1951 года и дали важнейший результат: удалось доказать, что животные нормально переносят условия кратковременного ракетного полета. За серию успешных экспериментов члены группы Яздовского и он сам были награждены различными премиями, однако в то время о них не писала пресса: в массовых изданиях можно найти множество очерков о ракетном движении, о грядущих полетах на Луну, Венеру и Марс, но, увы, нет ничего о самом важном достижении в области освоения внеземного пространства. Публикации о нем появились много позже.

Мощности баллистических ракет, построенных на основе немецких образцов, не хватало, чтобы развить первую космическую скорость и доставить боеголовку до территории Соединенных Штатов Америки. Поэтому было решено отказаться от устаревшей компоновочной схемы и делать новую ракету как пакет из одинаковых блоков. 13 февраля 1953 года, незадолго до своей смерти, Иосиф Виссарионович Сталин подписал постановление по теме «Т-1» — «Теоретические и экспериментальные исследования по созданию двухступенчатой баллистической ракеты с дальностью полета 7000–8000 км». Цель исследований — разработка эскизного проекта ракеты дальнего действия массой до 170 т, снабженной отделяющейся головной частью массой 3 т. Позднее, в октябре 1953 года, проектное задание было изменено: масса головной части увеличена до 5,5 т при сохранении дальности полета. Последнее решение приняли под влиянием информации о техническом облике термоядерных зарядов нового поколения, которую предоставил один из ведущих спе-

циалистов — будущий академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Позднее выяснилось, что масса такого заряда может быть многократно уменьшена, однако двигатели для ракеты уже разрабатывались, и запас по тяге, который они давали, впоследствии сыграл решающую роль в реализации космических планов.

В декабре 1953 года в ОКБ-1 был подготовлен проект постановления о создании пакетной баллистической ракеты большой дальности «7Р» (позже — «Р-7»). Среди прочего в тексте предлагалось применить «7Р» для запусков искусственных спутников Земли и аппаратов к другим планетам. В январе 1954 года прошли совещания, на которых были сформулированы технические требования к «7Р», согласованы основные тактико-технические характеристики и этапы ее создания. Наконец 20 мая 1954 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 956–408сс о разработке, изготовлении и испытаниях межконтинентальной ракеты «Р-7». Начался этап эскизного проектирования, в ходе которого сотрудники ОКБ-1 рассмотрели более полусотни вариантов компоновки пакета. В конечном итоге остановились не на самом оптимальном из возможных, но позволявшем использовать существовавшие технологические наработки.

Пакет ракеты «Р-7» состоял из пяти блоков (фактически — одноступенчатых ракет): центрального блока «А» и четырех симметрично окружавших его конических боковых блоков «Б», «В», «Г» и «Д». Двигатели всех блоков запускались на старте одновременно. После опустошения топливных баков боковые блоки отделялись (первая ступень), а центральный блок (вторая ступень) продолжал полет. Основные компоненты топлива располагались в нижнем (керосин) и верхнем (жидкий кислород) баках каждого блока. Вспомогательные компоненты (жидкий азот для наддува баков и перекись водорода для привода турбонасосного агрегата) размещались в торовых баках непосредственно над рамой двигателя.

Для многоступенчатой ракеты полигон Капустин Яр не годился. Дело в том, что трасса ее полета проходила в восточном направлении — фактически через всю азиатскую часть Советского Союза. Нужно было отчуждать новые районы для падения отработавших ступеней ракет, создать новые измерительные пункты (ИПы), выбрать подходящие районы для пунктов радиуправления полетом ракеты (РУПы), оборудовать боевые поля падения головной части

в восточных районах страны (на Камчатке и в акваториях Тихого океана). В итоге полигон решили возводить в Казахстане, у разъезда Тюра-Там, через который проходила железная дорога Москва — Ташкент. Первые строители прибыли на полигон в январе 1955 года и, невзирая на тяжелейшие природные условия, приступили к возведению первых построек («объект № 135»), прежде всего — стартового комплекса ракеты (площадка № 1) и монтажно-испытательного корпуса с жилым городком (площадка № 2).

Поставленную задачу военные выполнили в срок, и 3 марта 1957 года первая «Р-7» прибыла на техническую позицию 5-го Научно-исследовательского полигона Министерства обороны (НИИП-5 МО). Целью серии запусков было не только проверить все системы ракеты в полете, но и доставить макет боеголовки до специально организованного полигона Кура (поселок Ключи, Камчатка), находящегося на расстоянии 6314 км — это меньше проектной дальности, но в то время Советский Союз еще не располагал средствами наблюдения в акватории Тихого океана.

Вечером 15 мая 1957 года состоялся первый в истории запуск ракеты «Р-7». Ракета ушла со старта нормально, однако упала на землю, пролетев всего 300 км. Телеметристы выяснили, что в момент старта в хвостовом отсеке блока «Д» начался пожар, который распространился на другие агрегаты. И всё же в тот момент это было значительное достижение, показавшее принципиальную возможность полета больших составных ракет.

Поскольку советская ракетная программа была строжайшим образом засекречена, то никаких публикаций не последовало. Поэтому Юрий Гагарин, как и подавляющее большинство советских граждан, ничего не узнал о запуске, который через десятилетия назовут историческим. А если бы и узнал, то, наверное, не обратил бы внимания: в середине мая, как мы помним, решалась его личная судьба.

Второй запуск «Р-7», назначенный на 10 июня, не состоялся. Сначала дважды прошел отказ по системе зажигания. Неисправность опять выявили телеметристы: почему-то не открылся главный кислородный клапан на блоке «В». Решили, что клапан замерз, поэтому подогрели его прямо на старте. Наконец зажигание сработало, но двигатели так и не вышли на нужную тягу. «Р-7» пришлось снимать со старта. Тщательное изучение пакета показало, что виноваты сборщики: клапан азотной продувки бортовой пневмогидросхемы цен-

трального блока был поставлен наоборот. По «горячим следам» была осмотрена следующая ракета, и там обнаружили точно такой же брак.

Третья «Р-7» стартовала через месяц — 12 июля. Запуск закончился аварией. Его предыстория такова: в бункер Сергею Королёву доложили, что «минус» бортовой батареи находится на корпусе. Была объявлена тридцатиминутная задержка. Главный конструктор, посоветовавшись, решил, что это отказ датчика (такое уже случалось ранее), и принял решение пускать. В полете на прибор прошла ложная команда, и «Р-7» начала вращаться вокруг продольной оси, превысив разрешенный допуск. Автоматика произвела аварийное выключение двигателей. На 33-й секунде пакет разрушился. Блоки упали примерно в 7 км от старта и с грохотом взорвались.

Три неудачи подряд поставили под угрозу срыва всю программу. У бюро Королёва хватало конкурентов, предлагавших свои варианты межконтинентальных ракет. На полигоне состоялось весьма острое заседание Государственной комиссии. Маршал Митрофан Иванович Неделин как представитель заказчика предложил прекратить испытания, отправить все доставленные на полигон ракеты обратно и еще раз на стендах отработать каждую. Ему возразили конструкторы, мотивируя свой отказ выполнить требование маршала тем, что перевозка блоков приведет к большим затратам средств и времени.

Их аргументы возымели действие, и 21 августа 1957 года в середине дня состоялся запуск четвертой по счету «семерки». На этот раз испытателям сопутствовал успех — ракета штатно отработала активный участок траектории; макет боеголовки отделился вовремя и достиг полигона на Камчатке. Конструкторы торжествовали, однако в «бочку меда» природа добавила свою «ложку дегтя»: на высоте порядка 10 км макет разрушился от перегрева.

То же самое произошло и при запуске 7 сентября: ракета доставила боеголовку, но та развалилась в плотных слоях атмосферы. Конструкторам стало ясно, что теплозащиты, которая применялась ранее, явно недостаточно — надо проконсультироваться с аэродинамиками и поменять форму головной части. Пока искали решение проблемы, Сергей Павлович Королёв получил согласие правительства на запуск с помощью «Р-7» искусственного спутника Земли (ИСЗ).

Обсуждение технически реальных проектов искусственных спутников началось после того, как в октябре 1951 года Международный

совет научных союзов при ООН принял решение об организации Международного геофизического года (МГГ): он должен был начаться 1 июля 1957 года и закончиться 31 декабря 1958 года. Сначала, 29 июля 1955 года, о своем намерении отправить спутник на орбиту заявили американцы; через четыре дня к ним присоединились советские ученые. С этого момента в мировой прессе стала активно муссироваться тема искусственных спутников, причем об этом писали как о практически свершившемся факте. И мало кто из авторов многочисленных статей и очерков сомневался, что первыми спутник запустят американцы.

Однако Сергей Королёв не собирался отдавать столь значимый приоритет США. В 1930-е годы он пришел в ракетную технику не только для того, чтобы создать новое грозное оружие, — он собирался сделать свою страну лидером в освоении внеземного пространства. 30 августа 1955 года, в то самое время, когда вовсю разворачивалось строительство 5-го полигона у разъезда Тюратам, на совещании у Василия Михайловича Рябикова, занимавшего пост заместителя министра среднего машиностроения, собрались ведущие специалисты по ракетной технике. От Академии наук присутствовал Мстислав Всеволодович Келдыш. Главный конструктор Королёв выступил с кратким сообщением о проектах спутников, после чего предложил создать в структуре АН СССР специальный орган по разработке программы научных исследований с помощью серии космических аппаратов. Келдыш с энтузиазмом поддержал его и с декабря 1955 года по март 1956 года провел ряд совещаний ученых разных специальностей, так или иначе заинтересованных в изучении околоземного пространства. Каждое совещание было посвящено одному вопросу: космическим лучам, ионосфере, магнитному полю Земли и тому подобному. Обсуждались обычно три момента: что может дать искусственный спутник для данной области науки, какие приборы нужно поставить на него и кто из ученых возьмется создавать их.

30 января 1956 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров № 149–88сс, которым предусматривалось создание «Объекта Д». Так в документах именовался неориентируемый искусственный спутник Земли весом от 1000 до 1400 кг. Под научную аппаратуру выделялось от 200 до 300 кг. Срок первого пробного запуска на базе разрабатываемой баллистической ракеты дальнего действия — лето 1957 года.

Получив долгожданное постановление, Сергей Королёв немедленно приступил к реализации своих планов. В ОКБ-1 появился отдел, который должен был заниматься исключительно разработкой спутников. К июлю 1956 года эскизный проект «Объекта Д» был готов. В конце года вдруг выяснилось, что намеченные планы находятся под угрозой срыва из-за трудностей в создании научной аппаратуры. Правительство установило новый срок запуска «Объекта Д» — апрель 1958 года. Столь значительная отсрочка категорически не устраивала Сергея Королёва, ведь он полагал, что американские конкуренты сумеют запустить свой спутник «Vanguard» намного раньше. И тогда было принято «волюнтаристское» решение, ставшее историческим: ОКБ-1 внесло предложение о срочной разработке и запуске в апреле-мае 1957 года «Простейшего спутника» («Объект ПС») массой до 100 кг.

Предложение было принято, и 15 февраля 1957 года появилось Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 171–83сс, предусматривающее запуск простейшего спутника на орбиту, проверку возможности наблюдения за спутником и приема радиосигналов с его борта. Важный момент — запуск «ПС» разрешался только после одного-двух успешных стартов ракеты «Р-7». Кстати, к тому времени ОКБ-1 обрело новый статус как Опытно-конструкторское бюро № 1 Министерства Оборонной промышленности СССР.

Хотя спутник выглядел по схеме очень простым, но создавался он впервые, никаких аналогов орбитального искусственного объекта в технике не существовало. Задано было только одно — ограничение по весу: не более 100 кг. Довольно быстро конструкторы пришли к выводу, что выгодно сделать спутник в форме шара: сферическая форма позволяла при меньшей поверхности оболочки наиболее полно использовать внутренний объем. Все, кто работал над спутником, позднее отмечали, что Королёв особое значение придавал эстетике первого космического аппарата: алюминиевая сфера была тщательнейшим образом отшлифована до чистого блеска и помещена, словно драгоценность, на ложе, обитое бархатом. Вероятно, Королёв предвидел, что «ПС» станет одним из символов XX века, появится на марках и медалях, на открытках и в памятниках, поэтому добивался максимальной выразительности при элегантной простоте внешнего вида. Проектирование велось быстрыми темпами, а изготовление деталей шло параллельно с выпуском чертежей.

17 сентября 1957 года на собрании, посвященном столетию со дня рождения Константина Циолковского, в Колонном зале Дома Союзов выступил мало кому в то время известный член-корреспондент АН СССР Сергей Павлович Королёв. Что примечательно, тезисы его доклада были в тот же день опубликованы в газете «Правда» в виде небольшой статьи под названием «Основоположник ракетной техники». Это была первая послевоенная публикация Королёва в столь тиражном издании, но главное — засекреченному конструктору позволили подписать ее своей собственной фамилией! В статье были и такие слова: *«Советские ученые работают над вопросами глубокого проникновения в космическое пространство. Сбываются замечательные предсказания К. Э. Циолковского о полетах ракет и о возможности вылета в межпланетное пространство, высказанные им более шестидесяти лет тому назад».*

Через два дня Королёв прибыл на полигон Тюратам. 20 сентября там состоялось заседание Государственной комиссии, на котором все службы подтвердили свою готовность к старту. Тогда же решено было сообщить о запуске спутника в печати только после его первого оборота вокруг Земли.

22 сентября на полигон доставили ракету с «ПС». Она представляла собой значительно облегченную модификацию летного варианта «Р-7». В ходе подготовки в монтажно-испытательном корпусе были проведены последние тесты. Тогда и случился неприятный казус. Чтобы продемонстрировать членам Государственной комиссии свою готовность, испытатели решили показательно подключить аккумуляторные батареи спутника к внешнему прибору. И вдруг выяснилось, что батареи не работают! Пришлось немедленно вскрывать оболочку. Оказалось, что виной всему отвалившиеся из-за плохой пайки провода. Председатель Госкомиссии дал волю эмоциям. «Люди вы или не люди? — зло спрашивал он. — Можно ли найти имя этому безобразию?!» Провода быстро припаяли, спутник собрали и снова проверили его работоспособность.

Запуск назначили на 6 октября. И тут Сергей Королёв потребовал произвести его на двое суток раньше. Причиной стал полученный из Москвы листок экспресс-информации, в котором утверждалось, что на совещании по координации запусков ракет и спутников, проходившем в Вашингтоне, на 6 октября намечен американский доклад «Спутник над планетой». Сергей Павлович очень встрево-

жился: вдруг будет не просто доклад, а отчет о свершившемся достижении?

Приказ о летных испытаниях «ПС» был подписан на полигоне 2 октября. Следующим утром ракету вывезли на старт. В ночь с 3 на 4 октября началась заключительная стадия подготовки — заправка ракеты компонентами топлива.

4 октября 1957 года в 22:28 по московскому времени ярчайшая вспышка осветила ночную степь. Ракета-носитель, впоследствии получившая название «Спутник-1», с гулом ушла вверх. Ее факел постепенно слабел и скоро стал неразличим на фоне звездного неба.

Не обошлось без проблем. При старте ракеты было отмечено запаздывание выхода на тягу основного двигателя блока «Г». Задержка могла привести к автоматическому отбою. Но повезло — на последней секунде временного контроля блок вышел на режим. На 16-й секунде полета отказала система опорожнения баков, что привело к повышенному расходу керосина. Из-за этого двигатель выключился на секунду раньше, и спутник был выведен на 90 км ниже расчетной высоты.

И всё же «ПС» летел в космическом пространстве! Наблюдения на первых витках показали, что он движется по орбите с наклоном $65,1^\circ$, высотой 228 км в перигее и 947 км в апогее. Каждый виток занимал 96 минут. Агентство ТАСС сообщало:

«В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный спутник Земли. 4 октября 1957 года в СССР произведен успешный запуск первого спутника. По предварительным данным, ракета-носитель сообщила спутнику необходимую орбитальную скорость около 8000 метров в секунду. В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли и его полет можно наблюдать в лучах восходящего и заходящего Солнца при помощи простейших оптических инструментов (биноклей, подзорных труб и т. п.). <...>

Спутник имеет форму шара диаметром 58 см и весом 83,6 кг. На нем установлены два радиопередатчика, непрерывно излучающие радиосигналы с частотой 20,005 и 40,002 мегагерц (длина волны около 15 и 7,5 метра соответственно). Мощности передатчиков обеспечивают уверенный прием радиосигналов широким кругом радиолобителей. Сигналы имеют вид телеграфных посылок длительностью около

0,3 сек. , с паузой такой же длительности. Посылка сигнала одной частоты производится во время паузы сигнала другой частоты.

Научные станции, расположенные в различных точках Советского Союза, ведут наблюдение за спутником и определяют элементы его траектории. Так как плотность разреженных верхних слоев атмосферы достоверно неизвестна, в настоящее время нет данных для точного определения времени существования спутника и места его вхождения в плотные слои атмосферы. Расчеты показали, что вследствие огромной скорости спутника в конце своего существования он сгорит при достижении плотных слоев атмосферы на высоте нескольких десятков километров. <...>

В течение Международного геофизического года Советский Союз предполагает осуществить пуски еще нескольких искусственных спутников Земли. Эти последующие спутники будут иметь увеличенные габариты и вес и на них будет проведена широкая программа научных исследований.

Искусственные спутники Земли проложат дорогу к межпланетным путешествиям и, по-видимому, нашим современникам суждено быть свидетелями того, как освобожденный и сознательный труд людей нового, социалистического общества делает реальностью самые дерзновенные мечты человечества».

Общественный резонанс был ошеломляющим. Зрелище маленькой звездочки, бегущей в небе за пределами атмосферы, с неустанно передаваемым по радио «бип-бип-бип», быстро захватило внимание широкой аудитории, включавшей ученых, радиолюбителей, военных, агентов разведслужб и бесчисленных зрителей, взобравшихся на крыши со своими биноклями.

Советское политическое руководство торжествующе наблюдало, как, по выражению главы государства Никиты Сергеевича Хрущёва, «оценивающее любопытство западных стран сменяется восхищением, смешанным с завистью». Идеологическое клише «социализм — это и есть та надежная стартовая площадка, с которой Советский Союз запускает свои космические корабли», мгновенно утвердилось в качестве беспроегрывного козыря на международной арене.

Разумеется, Юрий Гагарин, интересовавшийся темой и выступавший с докладами о Циолковском, не мог остаться безучастным к событию. Позднее он очень эмоционально опишет свое состояние 5 октября 1957 года (цитирую по книге «Дорога в космос», 1961):

«Вечером, возвратившись с аэродрома, мы бросились в ленинскую комнату к радиоприемнику, жадно вслушиваясь в новые и новые сообщения о движении первенца мировой космонавтики. Многие уже наизусть знали основные параметры полета спутника: его скорость, которую трудно было представить, — восемь тысяч метров в секунду, высоту апогея и перигея, угол наклона орбиты к плоскости экватора; города, над которыми он уже пролетел и будет пролетать. Мы жалели, что спутник не прошел над Оренбургом. Разговоров о спутнике было много, его движение вокруг Земли взбудоражило всё училище. И мы, курсанты, и наши командиры, и преподаватели задавали один вопрос: „Что же будет дальше?“

— Лет через пятнадцать, ребята, — возбужденно говорил мой друг Валентин Злобин, — и человек полетит в космос...

— Полетит-то полетит, но только кто? — подхватил Коля Репин. — Мы-то к тому времени уже старичками станем...

Спорили о том, кто первым отправится в космос. Одни говорили, что это будет обязательно ученый-академик; другие утверждали, что инженер; третьи отдавали предпочтение врачу; четвертые — биологу; пятые — подводнику. А я хотел, чтобы это был летчик-испытатель. Конечно, если это будет летчик, то ему понадобятся обширные знания из многих отраслей науки и техники. Ведь космический летательный аппарат, контуры которого даже трудно было представить, разумеется, будет устроен сложнее, чем все известные типы самолетов. И управлять таким аппаратом будет значительно труднее.

Мы пробовали нарисовать будущий космический корабль. Он представлялся то ракетой, то шаром, то диском, то ромбом. Каждый дополнял этот карандашный набросок своими предложениями, почерпнутыми из книг научных фантастов».

В описанную реакцию охотно веришь. Хотя рассуждения выпускников-курсантов о том, кто полетит в космос, — это, скорее всего, проявление «ложной памяти», поскольку выглядят отголосками научных дискуссий в группе Владимира Яздовского, о которых Гагарин мог узнать постфактум, всё остальное вполне укладывается в общественно-культурную парадигму того времени: выпускники авиационных училищ интересовались не только самолетами и девушками, но и перспективой, рекордами, достижениями, ведь, по сути, высотная авиация и космонавтика — это тот же спорт, с той лишь разни-

цей, что через технический прогресс выражаются новые возможности, которые страна может дать каждому своему гражданину.

Пока Юрий Гагарин сдавал выпускные экзамены и готовился к свадьбе, Сергей Королёв придумал очередной сюрприз для мировой общественности. Рассказывают, что советский лидер Никита Хрущёв, вдохновленный шумихой вокруг «Простейшего спутника», вызвал к себе руководителей научной части ракетной программы и предложил подготовить к 7 ноября, празднику 40-летия Великой Октябрьской революции, какой-нибудь необычный космический «подарок». Повторять запуск блестящего шарика не имело смысла, и тогда возникла идея отправить на орбиту одну из подопытных собак Владимира Яздовского, продолжавшего свои медико-биологические эксперименты на полигоне Капустин Яр. Все понимали, что поскольку системы сведения спутников с орбиты пока не существует, собака обречена... но чем не пожертвуешь ради праздника?

12 октября в ОКБ-1 поступило правительственное задание подготовить запуск «Спутника-2». Времени было в обрез, и новый космический аппарат создавался без проекта. Почти все детали изготавливались по эскизам, сборка шла не столько по документам, сколько по указаниям конструкторов и путем подгонки по месту. Одним из неожиданных, но вынужденных стало решение не отделять спутник от центрального блока «А», что позволило упростить конструкцию, используя для передачи телеметрических данных системы, которые стояли на самой ракете-носителе. Таким образом, второй искусственный спутник представлял собой всю вторую ступень.

Герметичную кабину для животного позаимствовали из программы Яздовского. Она представляла собой закрепленный на силовой раме алюминиевый цилиндрический контейнер, снабженный съемной крышкой со смотровым люком. Регенерация воздуха обеспечивалась применением специализированных соединений щелочных металлов, которые выделяли необходимый для дыхания животного кислород, поглощали углекислоту и избыток водяных паров. Поскольку в условиях невесомости конвекция отсутствует, была установлена система принудительной вентиляции. Корм и вода находились в металлическом резервуаре объемом три литра. Приспособление для фиксации животного в кабине (легкая тканевая одежда и фиксирующие металлические цепочки) ограничивало подвижность животного в кабине, но давало возможность стоять, сидеть

и лежать. Движения животного регистрировались специальным датчиком.

Из десятка собак, очень схожих между собой, для подготовки к полету выбрали трех: Лайку, Альбину и Муху. Альбина уже дважды летала на ракете и честно послужила науке. У нее появились щенята, и сердобольные ученые решили больше не пускать ее в полет, назначив дублером. После долгих обсуждений решено было отправить в полет Лайку — двухлетнюю дворнягу, ранее носившую кличку Кудрявка. У нее была гладкая белая шерстка с черными симметричными пятнами на полувисячих ушах, коротенький хвост, тонкие и стройные лапы. Сотрудники группы Яздовского прозвали ее Лайкой за привычку лаять требовательно и звонко. Муха была зачислена «технологической собакой» — на ней испытывали всю измерительную аппаратуру и оборудование системы жизнеобеспечения.

Все три собаки были подвергнуты операции по выведению сонной артерии в кожный лоскут — там размещался датчик для измерения кровяного давления и пульса. Кроме того, к ребрам были подшиты датчики системы регистрации частоты дыхательных движений грудной клетки и снятия электрокардиограммы. Послеоперационный период протекал у собак под неустанным наблюдением ветеринара Екатерины Андреевны Петровой: она ежедневно перевязывала собак и проводила специальную «тренировку» выведенного лоскута с артерией.

Утром 31 октября 1957 года Лайку подготовили к посадке в спутник, провели гигиеническую обработку кожи разбавленным спиртом в местах выхода проводников от датчиков. В середине дня ее разместили в контейнере, а около часа ночи он был поднят на вертикально стоящую ракету. Сотрудники медицинской службы ни на одну минуту не отходили от Лайки. Стояла осенняя холодная погода, и пришлось подтянуть к контейнеру шланг с теплым воздухом от наземного кондиционера.

3 ноября 1957 года в 5 часов 30 минут 42 секунды по московскому времени с полигона Тюратам стартовала ракета «Р-7», которая вывела на орбиту высотой 225 км в перигее и 1671 км в апогее спутник с подопытной собакой на борту. Лайка стала первым живым существом, развившим космическую скорость. В сообщении ТАСС, появившемся на следующий день, говорилось:

«В соответствии с программой Международного геофизического года по научным исследованиям верхних слоев атмосферы, а также

изучению физических процессов и условий жизни в космическом пространстве 3 ноября в Советском Союзе произведен запуск второго искусственного спутника Земли.

Второй искусственный спутник, созданный в СССР, представляет собой последнюю ступень ракеты-носителя с расположенными в ней контейнерами с научной аппаратурой. <...>

Общий вес указанной аппаратуры, подопытного животного и источников электропитания составляет 508,3 кг. По данным наблюдений, спутник получил орбитальную скорость около 8000 метров в секунду. <...>

По данным измерений, получаемым с борта спутника, функционирование научной аппаратуры и контроль за жизнедеятельностью животного протекают нормально.

Коллективы научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, испытателей и заводов промышленности, создавшие второй советский искусственный спутник Земли, посвящают его 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

Обращало внимание, что кличка «подопытного животного» не названа. Из-за этого возникла путаница — западные журналисты, которые не привыкли ждать, сами начала придумывать разные клички, ссылаясь на «заслуживающие доверия источники». Только 5 ноября советская пресса наконец сообщила, что космическую собаку зовут Лайка. При этом были названы и клички других собак, которые ранее совершали полеты на ракетах: «Альбина и Козьявка, Рыжик и Малышка, Линда».

Надо еще отметить факт, который за давностью времени забылся: поскольку «Спутник-1» и центральный блок «А» ракеты, которая вывела его в космос, всё еще оставались на орбите, то получалось, что над Землей находятся сразу три искусственных спутника, созданных в Советском Союзе. Большого унижения для Соединенных Штатов Америки, которые готовились стать первыми в космосе, но пока не смогли стать хотя бы вторыми, трудно было придумать.

По каналам телеметрии ученые получили данные, что перегрузки прижали Лайку к лотку контейнера, но она была спокойна, не дергалась. Пульс, частота дыхания повысились в три раза, однако на электрокардиограмме не отмечалось никакой патологии. Потом все показатели постепенно стали приходить в норму. Медики из группы Яздовского отмечали умеренную двигательную активность.

В период движения по орбите наступило состояние динамической невесомости. Тело животного перестало давить на пол кабины, и Лайка легко отталкивалась от него — собака жила в невесомости, не испытывая дискомфорта. Значение этого факта для биологии было трудно переоценить! Ученые создали первый «обитаемый островок» в космическом пространстве и убедились, что существо, рожденное на Земле, может жить в принципиально новой среде обитания.

Предполагалось, что Лайка проживет на орбите не меньше недели. Однако конструкторы не учли, что герметичная кабина быстро нагреется под солнечными лучами, а сбросить избыточное тепло ей некуда и нечем — температура в кабине быстро росла, что в конце концов и убило собаку примерно на третьи сутки полета. Ее преждевременная гибель была надолго засекречена: 10 ноября появилось сообщение, что собака была усыплена «из гуманных соображений» добавлением снотворного в ее пищу.

Юрий Гагарин так описывал свои впечатления от запуска Лайки на орбиту:

«Читая в те дни газеты, описывающие полет второго искусственного спутника Земли, я размышлял: раз живое существо уже находится в космосе, почему бы не полететь туда человеку? И впервые подумал: почему бы мне не стать этим человеком? Подумал и испугался своей дерзости: ведь в нашей стране найдутся тысячи более подготовленных к этому людей, чем я. Мысль мелькнула, обожгла и исчезла. Стоило ли думать о том, что свершится, наверное, не очень скоро. Выпуск из училища, свадьба, отпуск, назначение в строевую часть были ближе, это был мой сегодняшний день. И всё же второй спутник Земли больно задел во мне какой-то оголенный нерв, и я вдруг понял, что жду чего-то, что обязательно должно прийти...»

Вероятно, те же самые мысли одолевали многих. Еще бы! Пропаганда сделала всё, чтобы увязать полет собаки с грядущим полетом в космос советского человека. И трудно было усомниться в возможностях советских ракетчиков, которые завоевывали один научно-технический приоритет за другим.

5 ноября, на следующий день после объявления о запуске Лайки, выпускники ЧВАУЛ имени К. Е. Ворошилова получили звания лейтенантов и направления в воинские части. Поскольку Юрий Гагарин закончил училище с отличием, он мог выбирать место будущей

службы. В частности, ему предлагали остаться в Чкалове-Оренбурге, однако Юрий предпочел Заполярье.

6 ноября в училище, накануне праздника Великой Октябрьской революции, состоялось торжественное построение, на котором выступил с напутствием начальник училища — генерал-майор авиации Василий Харитонович Макаров. Он же вручил новоиспеченным лейтенантам погоны. Выпускники, как сообщает нам исследователь Александр Валентинович Глушко, были одеты в новенькую парадную форму образца 1955 года: фуражка синего цвета с голубым околышем и кокардой, открытый двубортный синий мундир с золотыми ветками и эмблемами ВВС на углах воротника, голубым кантом по воротнику и обшлагам, с пришитыми галунными погонами; синие брюки навывпуск; белая рубашка с черным галстуком; черные ботинки; парадный шитый золотом пояс; белые перчатки и кортик.

Вечером Гагарин, облаченный в только что пошитую форму, пришел на улицу Чичерина, где его дожидались за накрытым столом члены семьи Горячевых. Отметили сразу четыре торжества: свадьбу, окончание обучения, присвоение офицерского звания и государственный праздник. Вероятно, пили и за космические успехи страны.

На следующий день Юрий и Валентина уехали в Гжатск. Так и получилось, что начало принципиально нового этапа в жизни будущего первого космонавта было связано с началом космической эры. Что может быть символичнее?..

Глава шестнадцатая

За полярным кругом

Почему Юрий Гагарин выбрал для службы Заполярье, если у него действительно была возможность выбирать? Советские биографы утверждали, что будущий космонавт всегда направлялся туда, где труднее, потому что именно в этом проявлялась особая черта его героического характера. Постсоветские биографы полагают, что молодым лейтенантом двигали исключительно меркантильные соображения: служба на Севере лучше оплачивалась, там быстрее можно было получить выслугу и очередное воинское звание. Отчасти правы и те и другие, но только отчасти. Гагарин научился сплавлять романтику с прагматизмом, поэтому его выбор выглядит вполне

логичным. Преодоление трудностей, приключения — это не только романтика, но и возможность получить уникальный опыт, попробовать себя в экстремальной ситуации, определить пределы собственных умений. Прагматизм — это не только соображения материальной выгоды, быстрого карьерного роста, но и понимание, что специальные навыки дают преимущества в конкурентной борьбе при выходе на следующий профессиональный уровень. Если Гагарин и впрямь собирался стать летчиком-испытателем, то он должен был искать место, где у него будет возможность вновь показать себя лучшим из лучших, а там... как сложится.

Перед отправлением Юрий заехал к родителям, чтобы представить им свою молодую жену. В Гжатске они провели всего пять дней: с 9 по 14 ноября. Понятно, что все они прошли в празднованиях и бесконечных разговорах. Старшие Гагарины, разумеется, были рады за сына. К тому времени они преодолели нужду, опять завели хозяйство, как в деревне. Можно сказать, что в жизни Юрия и его родных наконец-то наступил более или менее спокойный период.

Молодожены уехали из Гжатска в Москву, где расстались: Юрий отправлялся по месту службы, а Валентина должна была продолжить обучение в Медицинском городском училище Чкалова-Оренбурга, куда поступила годом ранее.

На Север будущий космонавт отправился не один: с ним вместе поехали еще два выпускника ЧВАУЛ — Юрий Дергунов и Валентин Злобин. Добравшись до Мурманска, они направились в штаб Военно-воздушных сил Краснознаменного Северного флота, где им определили воинскую часть — 769-й истребительный авиационный полк 122-й истребительной авиационной дивизии (769 ИАП 122 ИАД ВВС СФ). Он дислоцировался поблизости от поселка Луостари-Новое на северо-западе Мурманской области, между городами Печенга и Заполярный, в 13 км от норвежской границы и в 30 км от финской. Добраться туда по осеннему времени даже на поезде оказалось непросто, и трое товарищей прибыли в расположение только 28 ноября.

Свое название поселок Луостари, рядом с которым располагался аэродром 122-й авиадивизии, получил от финского слова «монастырь». В XVI веке там находилась пустынь преподобного Трифона Печенгского (Кольского), считающегося святым покровителем русских моряков. В 1533 году он основал мужской монастырь на месте, где река Мана (современное название — Нама-Йоки) впадает в Пе-

ченгу. В 1548 году, после вынужденного ухода Трифона из монастыря, братия самовольно перенесла монастырь ближе к устью Печенги, в место удобное для промысла и торговли. В декабре 1589 года монастырь подвергся нападению финского отряда подданных шведского короля. Финны перебили всех монахов и сожгли обитель. Только в 1886 году указом Святейшего Синода монастырь был восстановлен в устье Печенги, на месте гибели мучеников. Монахи провели к монастырю пятнадцативерстную грунтовую дорогу, осушили болота, устроили сенокосы, открыли школу для детей печенгских лопарей. В конце 1920 года монастырь был razорен, а в следующем году вся эта территория вошла в состав финского муниципалитета Петсамо. Во время советско-финской войны монашеская община монастыря была эвакуирована в Финляндию и стала частью Ново-Валаамского братства; настоятель игумен Паисий (Рябов) попал в руки НКВД и 12 декабря 1940 года был расстрелян.

В период существования муниципалитета Петсамо финны построили рядом с Луостари аэродром. В годы Великой Отечественной войны там базировались 65 истребителей 5-го воздушного флота Люфтваффе, в том числе 6-й отряд 5-й истребительной эскадры (6./JG5), пользовавшийся в рейхе особой славой: за ним утвердилось громкое название «Гордость Германии». В ней служил знаменитый немецкий ас Рудольф Мюллер, сбивший 94 английских и советских самолета (19 апреля 1943 года его самого сбили в воздушном бою, после чего он попал в плен и был застрелен при «попытке к бегству» во время перемещения в лагерь № 2 в Мордовии). Немецкие истребители прикрывали с воздуха комбинат по производству никеля и сопровождали бомбардировщики, взлетавшие с норвежского аэродрома Банак и совершавшие налеты на Мурманск, на стоянки военных кораблей и на конвои с военной техникой, продовольствием и материалами, направлявшиеся в СССР из Англии.

Во время войны аэродром Луостари неоднократно бомбила советская авиация. Например, 27 сентября 1943 года был совершен массированный налет, в котором участвовало девяносто самолетов. В октябре 1944 года аэродром Луостари был занят войсками 14-й армии Карельского фронта.

В начале 1950-х годов оформилось противостояние с блоком НАТО, в который вступила Норвегия, поэтому аэродром в Луостари приобрел стратегическое значение: в случае войны истребители,

базирувавшиеся на нем, должны были немедленно подняться на защиту Кольского полуострова. Довольно часто иностранные разведывательные самолеты летали вдоль границ, наблюдая за тем, что происходит на советской стороне. Американские высотные самолеты «U-2» периодически пересекали воздушное пространство Советского Союза с юга на север, совершая посадку в Норвегии, но сбивать их до мая 1960 года не получалось.

Близость границы определяла особые условия несения службы. Несколько экипажей постоянно находились на аэродроме, готовые в любую минуту вылететь на перехват воздушных целей. Соответствующим образом строилась система обучения пилотов, которая и без того была сложной из-за природных условий: постоянная темнота в полярную ночь, одинаковый ландшафт без явных ориентиров, большая часть полетов проходит по приборам и требует максимальной концентрации.

Хотя Юрий Гагарин отправился в Москву для прохождения отбора в отряд космонавтов именно из Луостари, период его жизни там (с ноября 1957 года по март 1960 года) изучен слабо. Исследователи располагают лишь несколькими отрывочными свидетельствами его однополчан и документами общего характера, без подробностей. Вероятно, дефицит материалов обусловлен спецификой пограничной службы в послевоенный период, многие подробности которой до сих пор засекречены. Тем не менее исследователю Вячеславу Сергеевичу Вильямскому, младшему брату заместителя командира 769-го авиаполка, удалось на основе крупиц информации и воспоминаний реконструировать годы пребывания будущего космонавта в Луостари. К его книге «Юрий Гагарин в Заполярье», вышедшей ограниченным тиражом в 2016 году, мы и будем по мере необходимости обращаться в этой главе.

769-й авиаполк (в/ч 74479) был «учебным» («второй линии»); в него направляли выпускников училищ, чтобы они могли получить навыки управления реактивными истребителями в условиях плохой видимости и при отсутствии ориентиров. Полком командовал подполковник Павел Иванович Бабушкин.

Молодые лейтенанты добрались до расположения полка далеко за полночь, но в гарнизонной гостинице их ждали. Там уже были выпускники ЧВАУЛ Венедикт Киселёв, Николай Репин, Алексей Ильин и Иван Доронин. Поселили Гагарина в одной комнате с Валенти-

ном Злобиным и уфимским татаринoм Салигджанoм Байбековoм. Встречал прибывших Семён Дмитриевич Казаков — комсoрг гарнизoна, дежуривший в тот момент пo части. Он свидетелствовал, что из-за нехватки кроватей пришлось сдвинуть две вместе и пoначалу спать попереk втрoем.

Утром, пoсле завтрака, лейтенанты явились к командирoу. Их встретил заместитель командира полка пo летной пoдгoтoвке пoдпoлковник Николай Сергеевич Вильямский. Он пoздравил летчиков с прибытием в часть, рассказал пoполнению o традициях полка, пoжелал им быть достойными наследниками боевoй славы. Гагарин в пoследствии напишет («Дорога в кoсмос», 1961): *«Мы находились на передoвом форпoсте северных рубежей нашей Рoдины, и нам следoвало быть такими же умелыми, отважными летчиками, как Борис Сафoнов, Сергей Курзенков, Захар Сорокин, Алексей Хлобыстов и многие другие герои Великой Oтечественнoй вoйны — наши старшие братья пo оружию».*

Пoсле знакомства новички были распределены пo эскадрильям. Юрий Гагарин пoпал в третью эскадрилью, кoтoрой командoвал капитан Андрей Леонидович Пульхеров, заместителем командира эскадрильи был Борис Фёдорович Вдовин, а звено возглавлял старший лейтенант Леонид Данилович Васильев, кoтoрый считал себя «старожилом» Севера. Гагарин с большим уважением относился к своему непосредственному начальнику — Леониду Васильеву, o чем свидетелствует следующий отрывoк из книги «Дорога в кoсмос»:

«Oдним из лучших перехватчиков в эскадрилье слыл командир нашего звена. Он летал в любую пoгoду. Oднажды, кoгда я нес дежурство пo аэродрoму, а Васильев находился в воздухе, над морем внезапно всё завoлокло густым туманoм. Oкружавшие аэродрoм сопки, поросшие соснами, пoгрузились в непроглядную мглу. Пoложение сoздалось критическое. Пoсадить самолет казалось невозможным. И всё же командир звена и его ведомый вышли к аэродрoму и, пробив толщу тумана, точно вышли на пoсaдoчный курс и опустили на пoсaдoчную полосу. У всех отлегло от сeрдца.

Я бросился к командирoу. Он вел себя так, будто ничего не случилось, но всё же сказал:

— Необходимы точный штурманский расчет и доверие к приборам... И, конечно, надо уметь держать в руках не только машину, но и нервы. На истребителе ты царь и бог — летчик, штурман и стрелок — един в трех лицах...

Своим полетом Васильев преподал нам, молодым летчикам, наглядный урок умения не теряться ни при каких обстоятельствах...»

Климат в районе аэродрома отличается своеобразием. Рядом находится Баренцево море, которое моряки и летчики называли «кухней погоды», — отсюда периодически приходили мощные циклоны. Капитан Анатолий Павлович Росляков вспоминал (цитирую по фотозаписи, сделанной 11 марта 1983 года):

«Мы не получали никаких данных от станций, расположенных по ходу циклонов, и мы неожиданно сталкивались с ними, когда они врывались на побережье Кольского полуострова. В этом и заключалась очень большая опасность выполнения полетов. Сесть на запасной аэродром было не так просто, потому что все аэродромы были расположены вдоль береговой черты, и почти все они практически закрывались этими снежными зарядами.

Нужно было иметь большую выдержку и мужество, чтобы на экономных режимах дожидаться прохождения [снежного] заряда и между очередными зарядами произвести посадку на свой аэродром. Вспоминую об одном учении, которое мы проводили во взаимодействии с сухопутными войсками: мы произвели посадку на один из тактических аэродромов, он назывался „Ровное“. Аэродром был расположен в 35 километрах от основного аэродрома, и выполняли мы задачу по рассредоточению от ударов предполагаемого противника. Произвели посадку на тактический аэродром, всё прошло благополучно, выполнили оттуда задание, и на третий день, когда мы собирались перелетать на свой аэродром, мы не смогли это выполнить, потому что началось прохождение зарядов, одного за одним. Когда был открыт наш аэродром, был закрыт аэродром посадки, и наоборот. И в этом утомительном ожидании, находясь в кабинах самолетов, мы слышали рев низко пролетающего самолета Ил-28. Нас это удивило. Никаких самолетов в нашем районе быть не должно.

Оказалось, что этот бомбардировщик, застигнутый снежным зарядом, не смог произвести посадку на свой аэродром, и он даже потерял ориентировку и, проходя на малой высоте, увидел аэродром и самолеты, стоящие на нем, и произвел посадку на наш аэродром».

О сложностях полетов рядом с Луостари рассказывал и подполковник Николай Сергеевич Вильямский:

«Местность вокруг аэродрома была гористая, что затрудняло полеты, особенно в пасмурную погоду. При взлете по курсу сразу возни-

кали две сопки. Нужно было быстро набирать высоту и уходить от них в сторону. При посадке также нельзя было допускать ни малейшей оплошности — четвертый разворот между сопками, расположенными по краям аэродрома, приходилось делать, снижаясь до высоты 400 метров. Летчик в этот момент был похож на лыжника-слаломиста.

Еще одна опасность подстерегала летчика недалеко от торца взлетно-посадочной полосы. Воздушные потоки могли затащить спускающийся самолет в каменистый овраг, по дну которого текла речка. Надо было очень строго выдерживать глиссаду и вовремя выпускать шасси. К тому же близко была государственная граница.

Особенно сложными были полеты над Баренцевым морем, которое было рядом с аэродромом. Когда на море нет волн, то высота над водой визуально совершенно не воспринимается — что 10 000, что 100 метров. Нет и горизонта — море, словно огромное зеркало, отражает голубое небо и вдали сливается с ним. Нет никаких ориентиров. В пасмурную погоду море также сливается со свинцово-серыми облаками. Приходилось вести самолет, полностью доверяясь приборам».

Главным ориентиром при посадке служила Генеральская сопка рядом с поселком. Раньше она называлась Спасительной, потому что якобы Трифон Печенгский скрывался в ее пещерах от язычников-лопарей. Позже сопка была переименована в Генеральскую — там погиб Герой Советского Союза летчик Алексей Петрович Генералов.

Жизнь гарнизона в Луостари в зимний период красочно описал в своем очерке «Гагарин — морской летчик» журналист Олег Чечин (цитирую по газете «Весть» от 29 января 2009 года):

«Ожидание первых проблесков солнца порой казалось невыносимым, особенно когда затажные метели заносили одноэтажные деревянные домики, чуть ли не до самой крыши.

В такие дни печные трубы дымили круглосуточно, а колючие сугробы наглухо перекрывали единственную дорогу, связывавшую гарнизон с ближайшим городом. Порой заносило и улицы внутри гарнизона. Тогда летчики гуськом ходили след в след по тропкам, проложенным в снежных заносах, к штабу полка, на аэродром и к Дому офицеров. Там жизнь расцветивалась светлыми красками, когда отмечались зимние праздники — Новый год, День Советской армии, а также 8 Марта. Последний праздник Юрий Гагарин считал своим, потому что родился 9 марта 1934 года. В этот день он с особым удовольствием вместе с друзьями бегал лыжный кросс на 10 километров, играл до изнеможе-

ния в русский хоккей с мячом, а вечером самозабвенно пел в хоре на концерте художественной самодеятельности».

Из-за неустроенности быта Юрий Гагарин не мог сразу взять с собой жену Валентину. Почти год он жил без нее в гостинице барачного типа, больше похожей на общежитие».

Гостиницу молодые летчики между собой называли многозначительно: «Золотой клоп». Бывали случаи, когда, натопив печку на ночь углем в своем «номере», постояльцы засыпали в жаре, а проснувшись утром, не могли выпить стакан воды, замерзшей за ночь в графине. Тем не менее молодые люди быстро освоили условия нового проживания и дружно включились в домашнюю работу, взяв за правило поочередно колоть дрова для печки, подбрасывать их в топку вместе с углем, носить воду, выполнять обязанности по поддержанию чистоты и порядка.

Интересный исторический факт, который выяснил исследователь Александр Валентинович Глушко. Будущий космонавт начал службу фактически на флоте, но нет ни одной фотографии, где он был бы в форме флотского офицера. Оказывается, первоначально планировалось, что весь выпуск ЧВАУЛ будет распределен по полкам ВВС, поэтому будущие летчики заказали себе форму общеавиационного образца. Но накануне выпуска Министерство обороны подготовило курсантам «сюрприз», приказав разделить летчиков на две группы и отправить на Северный и Тихоокеанский флоты. При распределении список разбили пополам: перечисленные в верхней половине отправлялись на Север, а в нижней — на Дальний Восток. Таким образом, все выпускники стали морскими офицерами; форму же перешить не успели, отправившись к месту новой службы в общеавиационной. Наверное, именно поэтому в части новоприбывших называли «пехотой».

Сразу после приезда лейтенанты приступили к учебно-боевой подготовке по специальной программе ввода в строй. В начале декабря 1957 года им объявили о переводе на особый режим распорядка дня: до двух часов дня — лекции, с трех дня часов — самостоятельная подготовка. Отводилось также время для досуга — на участие в художественной самодеятельности, спортивные тренировки и соревнования, посещение библиотеки. Курс обучения предусматривал ознакомление молодых пилотов с районом полетов, особенностями рельефа местности и метеорологических условий Севера.

Тщательно изучалось устройство техники, на которой предстояло летать, отработывалась реакция на работу приборов в условиях сильных магнитных бурь, изучались особенности взлета и посадки на аэродроме полка.

В конце декабря молодые пилоты окончили курс и в январе несколько дней сдавали зачеты комиссии, состоящей из опытных летчиков и инженеров полка. Гагарин на все вопросы отвечал четко, мысли излагал неторопливо. Три зачета из шести он сдал на отлично. Новый командир эскадрильи Владимир Михайлович Решетов, составляя отзыв на участников обучения, написал о будущем космонавте следующее: *«Материальную часть самолета изучает добросовестно, к занятиям готовится хорошо, летную документацию ведет правильно, чисто, своевременно, волевые качества развиты хорошо. <...> Инициативен, настойчив, трудностей не боится. Специальность свою любит, к боевой технике относится хорошо».*

После сдачи зачетов молодые летчики стали равноправными военнослужащими полка. Наравне с другими офицерами они ходили в наряды, несли дежурства на командном пункте, по аэродрому, в военной комендатуре. В свободное время играли в баскетбол. Несмотря на то что Гагарин оказался самым низкорослым в баскетбольной команде, он вскоре стал ее капитаном, как бывало и раньше. Команда под его руководством занимала призовые места на соревнованиях между частями.

Столь же привычно Юрий включился и в общественную работу. В январе 1958 года комсомольское бюро полка поручило Гагарину организовать занятие-диспут на тему «В жизни всегда есть место подвигу». Некоторое время он вел политические занятия с моряками из аэродромной команды; кроме того, пел в полковом хоре.

В марте 1958 года тьма полярной зимы стала редеть. К тому времени молодые летчики прошли полный курс теоретической подготовки и были допущены к полетам. Как и в училище, полеты были разделены на несколько стадий: «вывозные», «контрольные», «контрольно-показные», «показательные», «самостоятельные». Каждая стадия имеет свои специфические задачи. Например, стадия «вывозных» полетов предусматривает: взлет и посадку, полет по кругу и по району полетов, полет на разных высотах, изменение режима полета, полет с боковым ветром, имитация отказа двигателя и прочее в том же духе. Всё это осуществлялось на двухместных самолетах

«МиГ-15УТИ» под руководством опытного пилота полка. Инструктором Юрия Гагарина выступил командир звена Леонид Васильев. Первый полет они совершили 21 марта 1958 года.

Контрольные и зачетные полеты проводились на том же «МиГ-15 УТИ» с подполковником Николаем Вильямским. Он вспоминал: *«Мне не раз приходилось совершать с Гагариным <...> полеты по различным видам подготовки в простых и сложных условиях, днем и ночью, на больших и малых высотах, на выполнение воздушного боя и на перехват „противника“ над морем. Гагарин быстро схватывал и усваивал самые трудные элементы летной подготовки, действовал четко и инициативно, умел сосредоточиться, в нужный момент принять правильное решение. Летчиком он был, безусловно, незаурядным.»*

Первый самостоятельный полет на боевом реактивном истребителе «МиГ-15бис» Гагарин совершил 6 апреля. Полет был запланирован Вильямским не далее района аэродрома по большому кругу на определенной высоте «в простых метеоусловиях», однако вскоре после вылета перед истребителем появилась стена сплошного тумана, а затем пошел дождь со снежными зарядами. Тем не менее Гагарин успешно выполнил задание. Сразу после приземления его поздравили с первым самостоятельным полетом майор Владимир Решетов и капитан Анатолий Росляков, что запечатлено на фотографии, которая встречается во многих источниках. В связи с этим в боевом листке части, выпускавшемся под названием «Молния», появился такой призыв: *«Товарищи авиаторы! Сегодня летчик лейтенант Гагарин проявил высокую выдержку и умение при первом самостоятельном вылете. Учитесь летать так, как офицер Гагарин!»*

Постепенно молодым летчикам увеличивали нагрузку, усложняя задания, давая неожиданные вводные. Возросла интенсивность полетов. Летали в две смены: днем и ночью. В этой трудной работе Юрий Гагарин набирал уникальный опыт, становясь настоящим летчиком-истребителем. Однако учеба не была легкой и безболезненной. В книге «Дорога в космос» Юрий Гагарин рассказал о случае, когда его жизнь оказалась в опасности:

«Вскоре случилось со мной неприятное происшествие. Я летал по приборам. Синоптики на целый день „дали“ хорошую погоду — ничто не предвещало ненастья. Когда я выполнил последнее упражнение, неожиданно стало темнеть. Внизу исчезли островки и заливы. Я понял: приближаются снеговые заряды — самая неприятная вещь на Севере,

не только в небе, но и на земле. Запросил аэродром: какая погода? Ответили: пока терпимо, но с каждой минутой видимость ухудшается, запасную посадочную площадку уже захлестнули снежные волны. „Ну что ж, поспорим и поборемся с непогодой“, — решительно подумал я и тут же увидел: топлива осталось в обрез. Главное в таком положении — сохранить ясность мысли и присутствие духа.

— Немедленно возвращайтесь! — приказал мне руководитель полетов [подполковник Николай Вильямский]. В голосе его послышались тревожные нотки.

Невольно вспомнился недавний случай с Васильевым и то, как он тогда нашел выход из подобного положения. Я быстро прикинул в уме самый короткий маршрут к аэродрому, учитывая все решающие данные: крепкий встречный ветер, высоту полета, время, запас топлива. Пробиваясь сквозь слепящее снежное месиво, я точно исполнял приказы руководителя полетов. Я отдавал себе ясный отчет, что целостность машины и собственная жизнь находятся у меня в руках и зависят от того, сколь правильно будут выполняться мною команды более опытного, чем я, авиатора — руководителя полетов. Его спокойствие передавалось мне. <...>

Приборы показали: самолет вышел в район аэродрома. Но, не видя земли, рассчитать посадку с хода я не смог. Пришлось, как ни напряжены были нервы, сделать еще один круг, выйти на приводную радиостанцию и снова планировать на посадку. С чувством облегчения я увидел развернувшуюся серую ленту посадочной полосы. Теперь можно было садиться.

Пожав мне руку, руководитель полетов сказал:

— Удача благоприятствует смелым».

За Юрием Гагариным закрепили истребитель «МиГ-15бис» с бортовым номером «44». Однако процесс обучения продолжался и после получения права на самостоятельные полеты. Опытные пилоты показывали, как надо выполнять задания на перехват «вражеских самолетов», отрабатывали упражнения на поиск самолетов-разведчиков противника и наведения на цель, вели учебные воздушные бои. 30 мая 1958 года начались учения с привлечением всего личного состава полка, продолжавшиеся три дня. Молодые летчики вошли в боевые расчеты и выполняли полеты в интересах «красных», разыскивая, преследуя и атакуя самолеты «синих» — настоящая воздушная война!

Хотя инциденты на границе были редки, но все понимали, что ситуация может измениться в любой момент: в мире было неспокойно, СССР и США обменивались угрозами по поводу ядерного оружия, на Кубе началась революция, назревал ближневосточный кризис. Подполковник Пётр Мороз, возглавлявший технико-эксплуатационную часть 769-го авиаполка, сообщал в своем письме музейным работникам поселка Корзуново (так теперь называется Луостари-Новое):

«Поддержанию боевого духа летного состава способствовала история, связанная с допущенным летчиком-североморцем К. промахом. Поднятый в воздух по тревоге, он перехватил американский самолет-нарушитель РБ-47 над нашей территорией. Но при установленной для самолета МиГ-17 прицельной дальности стрельбы в 800 м расстрелял залпом из 3 пушек весь боекомплект с расстояния 2000 м. Когда же влетел в зону поражения самолета-нарушителя, стрелять было нечем. Летчик запросил разрешение на таран, но такой приказ никто не мог ему дать. Так самолет-нарушитель и ушел безнаказанно. После этого каждый летчик готов был сделать в подобной ситуации все возможное, чтобы не услышать в свой адрес слово „трус“, которым „наградил“ тогда проштрафившегося министр обороны Р. Малиновский, прилетавший из-за этого случая на Северный флот. Свой промах пилот объяснил тем, что до этого он проводил учебные бои только против самолетов МиГ-17, а громадину РБ-47 как цель увидел впервые. После этого на всех военных аэродромах в натуральную величину были построены макеты РБ-47».

Однажды Заполярье преподнесло Юрию Гагарину неприятный сюрприз. Вернувшись после выполнения очередного задания над Баренцевым морем, он неудачно приземлился. Его истребитель при посадке пошел юзом — так, что покрышки стали гореть и их сорвало с колес. Оказалось, пока Юрий находился в воздухе, полоса местами покрылась льдом. В этом случае при посадке тормозить не рекомендовалось, однако Гагарин, видя быстрое движение самолета к концу посадочной полосы, все-таки нажал ручку тормоза. Аэродромные специалисты не любят такого обращения с самолетами, но пожурили мягко: «Гагарин разул машину». Тот долго переживал происшествие.

Был и другой сложный случай, о котором Юрий рассказал редактору газеты «Комсомолец Заполярья» Зое Быстровой, когда был с ви-

зитом в Мурманске после космического полета (статья опубликована 11 декабря 1965 года):

«Бывало нелегко. Были тревоги. Учебные и боевые. Помню, шли учения Северного флота. Надо было прикрыть наши корабли. Уж очень активно „развлекали их“ непрошеные гости. И фотографировали, и пикировали, только что на голову не садились. Наши товарищи уже вылетали. Настал и мой черед. Видимость — ноль. И вот команда:

— Вам запуск!

Предстояло подняться, выполнить задание и постараться дотянуть до базы.

Поднялись. Сплошная мгла. Мы с командиром шли крыло в крыло. Чуть оторвешься — жди беды, потеряешь из виду. Вот где пригодилось всё то, чему командир учил меня. Я тогда был очень молодым летчиком, и этот полет запомнился мне на всю жизнь.

Мы далеко ушли в море. Когда вышли в район учений, небо над нами было сплошной сеткой — всё в инверсионных следах. Задание мы выполнили... Адмирал [Андрей Трофимович] Чабаненко взял микрофон:

— Спасибо, ребята, вы нам здорово помогли!

Мы не знали, дотянем ли назад до своей базы. Дотянули, выдержали. Когда я сел, в моем баке горячего было на семь минут...»

Юрий Гагарин, конечно, очень тосковал по молодой жене и заранее готовился к воссоединению с ней. Он дождался: 2 августа Валентина Ивановна, закончившая Медицинское училище и получившая специальность фельдшера-лаборанта, приехала в Луостари. Новый многоквартирный дом для семейных офицеров в поселке еще не был достроен, поэтому Гагариных сначала поселили в комнате общежития-гостиницы, которую занимала учительница, собиравшаяся в отпуск; затем выделили половину коттеджа финского типа на две семьи (почтовый адрес — улица Спортивная, 18, квартира 2), вторую половину занимала семья Кропачёвых. Быт был устроен очень просто. Вход в дом предваряла открытая веранда. В небольшом коридоре слева размещались два крохотных подсобных помещения. В первом хранились дрова, во втором была обустроена «ванная комната» — металлическая бочка с водой и элементарный рукомоёйник. Рядом небольшая кухонька с выбеленной печкой и просторная жилая комната.

Первые дни Валя никак не могла привыкнуть к северной природе, к хмурому, морозящему небу, но со временем освоилась, прини-

мала участие в работе женсовета. Поразило ее также товарное изобилие в магазинах поселка: казалось, что там продавалось всё, что только можно себе вообразить, вплоть до ковров и телевизоров. В те времена советский Север снабжался по первой категории, что привлекало туда людей, несмотря на суровые климатические условия.

Внезапно случилась трагедия. 23 августа 1958 года лейтенант Юрий Дергунов, с которым Гагарин сдружился еще на втором курсе училища, как-то собрался на почту. Его товарищ Алексей Ильин попросил взять его с собой. Они сели на мотоцикл с коляской и только выехали на шоссе, как из-за поворота выскочил грузовик. От столкновения Дергунов погиб на месте, а Ильина выбросило за край шоссе в мох, поэтому он отделался ушибами. Дергунова похоронили на поселковом кладбище.

Нелепая смерть близкого человека до глубины души потрясла Гагарина. Он молчал двое суток, не спал. Позднее он напишет: *«Так мы близко, сердцем узнали, что есть на свете не только парки и сады, но и кладбища, поросшие деревьями и кустами. <...> Я лишился одного из своих ближайших друзей и долго горевал. Валя успокаивала меня, как могла, предлагала валерьянку и снотворное, но я никогда не болел и ни разу не принимал лекарств...»*

Гагарин видел смерть раньше, ведь часть его детства прошла во время войны, но, вероятно, в те дни он впервые задумался о человеческом предназначении. Ведь Юрий Дергунов тоже преодолел массу трудностей на пути в Луостари, тоже мечтал о блестящей летной карьере, тоже обсуждал космические достижения и верил, что его ждет какое-то необычное будущее, но всё это перечеркнула случайность. В чем состоит смысл жизни, если она может оборваться в любой момент? Что останется после нас? Кто вспомнит о нас? Ответ он получит очень скоро.

Глава семнадцатая *Космос как предчувствие*

В любых книгах о Юрии Алексеевиче Гагарине подчеркивается его связь с космосом, что логично и оправданно. Но зачастую биографы в этом вопросе переходят границу между фактом и вымыслом так далеко, что утрачивается даже подобие достоверности. Со ссыл-

кой на учителей, родственников и друзей детства доказывается, что Гагарин с младых ногтей собирался летать между звезд, мечтал встретить инопланетян, изучал астрономию, штудировал Циолковского, читал всем окружающим лекции о ракетах, космических кораблях, экспедициях на Луну и Марс. Примеров такого рода привести можно большое количество, но я процитирую здесь только одного из биографов — полковника Виктора Анатольевича Митрошенкова.

Надо сказать, что при первом знакомстве с его текстами складывается впечатление, что лучше Митрошенкова биографа не найти. По обильному цитированию, списку используемых источников, въедливому подходу ему нет равных. Больше того, он единственный, кто реконструировал жизнь Гагарина по дням, а в отдельных случаях по часам! Причем Митрошенков не только выпускал авторские книги типа «Голубая вертикаль» (1976), «Голубые дороги» (1976), «Млечный круг» (1980), «Земля под небом» (1981, 1987), «За горизонтом — даль» (1981), «Ветер Вселенной» (1983), но и часто выступал составителем сборников, привлекая к участию в них непосредственных участников событий: «Первый космонавт планеты Земля» (1981), «Покорение бесконечности» (1981), «Сын Земли» (1983), «Высокие орбиты» (1985), «Созвездие» (1989). Дополнительный плюс — он тоже был летчиком, как и его персонажи, служил в частях и штабах, принимал участие в испытаниях ядерного оружия, поэтому имел право называться компетентным специалистом. Конечно, в его книгах о Гагарине периодически попадают неточности, но от них не избавлены даже признанные историки, а Митрошенков всё-таки профессиональным историком не был и мог себе позволить некоторые вольности.

К сожалению, к его творчеству можно предъявить и более серьезные претензии. В них периодически цитируются письма и дневники Юрия Гагарина, которые переполнены анахронизмами, то есть деталями, которые первый космонавт не мог почерпнуть в то время, когда он их якобы записывал. Кроме того, Гагарин предстает прямо-таки интеллектуальным титаном, почитывающим ради развлечения довольно специфические книги. Не будем голословными — откроем книгу «Земля под небом» (издание 1987 года):

«8 декабря [1957 года]. Утром ходил на лыжах. После училища десять километров не дистанция. Потом был в клубе на репетиции. В перерыве взял в библиотеке повесть К. Э. Циолковского „Вне Земли“.

Тяга к трудам великого ученого по ракетодинамике овладела им с новой силой. Вечером читал. <...>

31 декабря [1957 года]. Поздно вечером он будет выступать в праздничном концерте, читать Блока, петь со своими оренбуржцами. А сейчас, лежа на кровати, ощущая тепло и наслаждаясь полумраком, создаваемым настольной лампой, он в который раз перечитывал Циолковского, погрузившись в мир обитателей горного замка [персонажей повести Циолковского „Вне Земли“]: русского Иванова, итальянца Галлилея, немца Гельмгольца, американца Франклина, француза Лапласа, англичанина Ньютона. <...>

6 января [1958 года]. Готовился к политическим занятиям. Кроме обязательного материала, предусмотренного программой, он хотел рассказать слушателям о ракете, на которой Циолковский отправил обитателей красивого замка, расположенного в отрогах Гималаев, в полет вокруг Земли. Гагарин записал в конспект подлинные слова ученого: „...это было длинное тело, формы наименьшего сопротивления, длиной в сто, шириной в четыре метра, что-то вроде гигантского веретена. Поперечными перегородками оно разделялось на двадцать отделений, каждое из которых было реактивным прибором...“

1 марта [1958 года]. <...> Говорили о своей профессии, об опыте военных летчиков, о скором полете в космическое пространство, о заселении необозримого пространства Вселенной, о жизни на Марсе и Венере. Гагарин поддержал разговор и высказал точку зрения Константина Эдуардовича Циолковского.

Циолковский рассматривал Землю как частицу, элемент гигантской Галактической системы. Он предполагал влияние разумных существ на развитие Вселенной, влияние разума на устройство Вселенной. Константин Эдуардович писал о том, что нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию его. Прогресс его вечен. <...>

12 апреля [1958 года]. В субботу Юрий отказался от традиционной бани, концерта в гарнизонном Доме офицеров. Хотелось побыть одному, почитать. Юрий открыл наугад книгу любимого автора.

„Попытки высших существ помочь нам возможны, — писал К. Э. Циолковский, — потому что они продолжают и сейчас. Размышления о созерцании Вселенной могли также служить основой для веры в высшие существа. Но немногие знают и то и другое. Для всех это не очевидное. Мы, люди, не стараемся убедить животных в неразумности их жизни, потому что это невозможно — так велико расстояние ме-

жду человеком и животным. Дистанция между нами и совершенными существами едва ли не меньше, если принять в расчет среднего человека. С другой стороны, австралийцы и американцы тысячи лет дождались европейцев, однако дождались. Дождемся и мы“».

То есть сплошной Циолковский вместо бани, концерта и других удовольствий. Научно-фантастическая повесть «Вне Земли». И обширная цитата, наверное, из нее же?.. Вас ничего не смущает? Думаю, смущает. Трудно представить, что молодой здоровый парень, лейтенант, летчик-истребитель, обожающий спорт, розыгрыши и веселые разговоры, в возрасте двадцати четырех лет предпочтет Циолковского обычным радостям жизни.

Но и это, пожалуй, не самое странное в приведенном фрагменте. Выше мы уже отмечали, что Гагарин никак не мог прочитать повесть «Вне Земли» до 1958 года, когда она наконец-то была опубликована двумя изданиями и массовым тиражом (до того она была доступна лишь узкому кругу специалистов). Конечно, в магазине Луостари был всяческий дефицит, включая телевизоры, но вот в гарнизонной библиотеке вряд ли нашелся бы хоть один экземпляр редкого малотиражного издания 1920 года. Что касается обширной цитаты, то она, конечно, не из «Вне Земли», как и соображения о «гигантской галактической системе», которыми якобы делился Гагарин. Впервые советский читатель смог ознакомиться и с цитатой, и с соображениями в книге Михаила Сауловича Арлазорова «Циолковский», изданной в... 1967 году — через десять лет после событий, описываемых Митрошенковым!

Возьмем еще один фрагмент:

«28 мая [1958 года]. На полетах Дергунов сказал Гагарину, что есть книга „Введение в космонавтику“, довоенное издание, автор ее поляк по национальности, ныне живет в СССР, Ари Штернфельд, что он еще не читал, но ему обещали достать.

Любопытно, что в последующем Юрий не только познакомится с автором книги, но и в 1963 году им вместе будет присуждена международная премия Галабера. Ари Абрамович Штернфельд подарит Юрию Алексеевичу свою книгу „Искусственные спутники Земли“, изданную еще до запуска первого в мире советского спутника Земли. <...>

3 июня [1958 года]. Спал Гагарин почти двенадцать часов. Усталости как не бывало. Настроение хорошее. Солнечная погода во многом способствовала бодрости и веселости. Николай Репин и Юрий Дергунов предложили пойти погулять, размяться.

— Я прочитал „Введение в космонавтику“, — сказал Дергунов, как всегда завладевая всеобщим вниманием. — Кстати, слово „космонавт“ Штернфельд ввел в научную терминологию. <...>

Юрий Гагарин прочитает книгу „Введение в космонавтику“, особенно внимательно проштудирует третью часть „Пути космического корабля“. В четвертой главе „Искусственные спутники“ Штернфельд писал: „Когда будет достигнута первая космическая скорость, в порядке дня встанет вопрос о постройке обитаемого искусственно-го спутника, обращающегося вокруг Земли или другой планеты вне ее атмосферы“».

Тут титаном мысли, пронзающим своим взглядом будущее, выглядит уже Юрий Дергунов. Начать с того, что слово «космонавт» станет общепотребимым только через три года; до того в научной терминологии использовали исключительно слово «астронавт», в прессе — «астролетчик» или «звездоплаватель». Откуда Дергунов взял книгу «Введение в космонавтику», изданную в 1937 году тиражом 2000 экземпляров и малоизвестную на тот момент даже в среде профильных специалистов, остается загадкой. Но самое удивительное в этой истории, что Дергунов и Гагарин, по утверждению Митрошенкова, ее *прочитали*. Дело в том, что «Введение в космонавтику» Штернфельда — это сугубо научный труд, более чем на три четверти состоящий из формул, графиков и таблиц; читать эту книгу невозможно, а пользоваться нужно лишь как справочником, если кому-то самому приспичит посчитать оптимальные траектории движения космического корабля по Солнечной системе.

Я верю, что Дергунов и Гагарин увлекались космонавтикой, но не настолько, чтобы принять, будто они летними выходными днями вместо спорта, рыбалки и охоты штудировали труд, рассчитанный на людей с высшим образованием и узкой специализацией.

К сожалению, из-за таких «перлов» подрывается доверие и к другим фрагментам хроники. Вот, например, кусок, на который ссылаются многие биографы как на доказательство, что Гагарин был по-настоящему увлечен космонавтикой во время службы на Севере: «6 января [1958 года]. <...> Написал письмо старшему брату Валентину: „Я настолько болен, что в одном письме передать свои страдания не могу, — писал Юрий. — О своих переживаниях не могу никому сказать. Мне даже снятся корабли, ракеты, темное безмерное пространство космоса, астероиды и «маленький принц»... Космос стал в повест-

ку дня, как целина. Система нашей жизни замкнута, не может же существовать космос без выполнения какой-либо функции... Циолковский пишет, а я его читаю почти ежедневно (старая еще техникумовская привязанность), что в космосе царствует гармонический разум. Это, конечно, не мистика, а просто хорошо организованная структура космоса, работающая на отлаженном механизме физических законов». В этом фрагменте опять присутствует ссылка на философское наследие Циолковского, которое в оригинале не было доступно широкой публике вплоть до 1990-х годов именно потому, что в нем коммунистические идеологи разглядели не «мистику», но идеалистическую метафизику. Митрошенков пытался изобразить Гагарина последователем русского космизма, но переусердствовал, поскольку Юрий Алексеевич космистом в классическом понимании никогда не был, ведь доктрины этого учения (если вообще можно в данном случае говорить об учении) вступают в противоречие с тем, как Гагарин воспринимал и понимал космонавтику. Вот и думай теперь, что в приведенной цитате из письма брату принадлежит космонавту, а что присочинили. Может, вообще не было этого письма?..

Впрочем, даже если отбросить вымыслы биографов, то нельзя отрицать очевидное: космос всё больше и больше влиял на мысли Юрия Гагарина и его сослуживцев. Увидев, что тема волнует мировое сообщество, пропаганда включилась на полную мощность, воспевая космические успехи и перспективы. Если раньше к внеземной проблематике в Советском Союзе относились не без настороженности (в отдельные периоды излишнее увлечение космонавтикой даже приравнивали к «безродному космополитизму»), то теперь она уверенно вошла в моду. И всё это отлично ложилось на мировосприятие и ожидания будущего космонавта.

В 1958 году был наконец-то запущен третий искусственный спутник — тот самый «Объект Д», который так и не стал первым. Поскольку он был тяжелее предыдущих, на базе «Р-7» была разработана ракета, которая отличалась от исходной форсированной тягой двигательных установок. Многие технологии использовались впервые, а пройдя проверку на «Объекте Д», нашли затем применение в конструкции пилотируемых космических кораблей. К примеру, помимо химических аккумуляторов, спутник был оснащен секциями полупроводниковых солнечных батарей. Во избежание перегрева, погубившего Лайку, регулирование температуры внутри герметичного

корпуса осуществлялось принудительной циркулирующей теплоносителем (газообразного азота), а главное — изменением коэффициента собственного излучения: с этой целью на боковой поверхности спутника установили шестнадцать секций автоматически управляемых жалюзи. Особое внимание было уделено системам сбора, обработки, хранения и передачи информации, ведь спутник нес на себе двенадцать научных приборов, умевших измерять давление, ионный состав атмосферы, напряженность электростатического и магнитного полей Земли, интенсивность корпускулярного излучения Солнца, интенсивность первичного космического излучения и удары микрометеоров.

В период с октября 1957 по март 1958 года было изготовлено четыре ракетных пакета «Р-7»: два отправлены на наземные стендовые испытания, а два (№ Б1-1 и Б1-2) — на полигон Тюратам. Первый пуск модифицированной ракеты № Б1-1 с объектом «Д-1» состоялся 27 апреля 1958 года, но спутник на орбиту не вышел из-за гибели носителя: на 89-й секунде возникли резонансные колебания боковых блоков, которые через семь секунд привели к разрушению ракеты. «Р-7» рухнула на территории полигона, в 100 км от старта. Спутник оторвался, упал отдельно и, видимо, поэтому уцелел. «Д-1» привезли в монтажно-испытательный корпус и вскрыли. При этом несостоявшийся космический аппарат заискрил и полыхнул — произошло короткое замыкание проводов. Разумеется, аварию ракеты и сам факт запуска засекретили; о них историки узнали только через десятилетия.

Конструктор Борис Евсеевич Черток вспоминал (цитирую по книге «Ракеты и люди. Фили – Подлипки – Тюратам», 1999):

«[Мстислав Всеволодович] Келдыш и всё молодое космическое научное сообщество были в трауре. Но Королёв не сдался.

На заводе шла сборка дублера спутника. СП [Сергей Павлович] собрал всех своих приближенных, объявил, что, несмотря на неудачу, каждому выплачивается крупная премия при условии, что все остаются на полигоне и готовят следующий носитель. Пуск необходимо провести в середине мая. Он с Келдышем улетает в Москву для форсирования подготовки нового третьего спутника. Нелегкое это было решение, но выхода не было. Обязательства по пуску „научной лаборатории в космосе“ уже были даны Хрущёву».

Наконец 15 мая 1958 года состоялся успешный пуск ракеты № Б1-2. Третий искусственный спутник Земли массой 1327 кг вышел на орбиту, близкую к расчетной (наклонение — 65,2°; высота перигея —

226 км; высота апогея — 1881 км; период обращения — 105,95 минуты). Он активно функционировал там до 3 июня 1958 года, а с орбиты сошел только 6 апреля 1960 года, совершив 10 037 оборотов вокруг Земли. С его многочисленных приборов была получена обильная телеметрия, а впоследствии — богатая научная «жатва».

Наверное, самое значительное открытие, сделанное «Объектом Д», связано с мощными радиационными поясами, о существовании которых наука до 1958 года даже не подозревала. Вновь обратимся к мемуарам Чертока:

«Одним из сенсационных результатов, полученных с помощью научных приборов третьего спутника, было открытие высокой концентрации электронов на больших высотах, за пределами уже известной ионосферы. Сергей Николаевич Вернов, профессор МГУ, автор этих исследований, объяснял это явление вторичной электронной эмиссией — выбиванием электронов из металла спутника при столкновении с частицами высоких энергий — протонами и электронами. Помню его восторженное сообщение по этому поводу на заседании у Келдыша, где отчитывались ученые по результатам научных исследований на третьем спутнике.

Однако американский физик Дж. Ван Аллен два года спустя доказал, что на самом деле то, что замерыли приборы третьего спутника, есть не результат вторичной эмиссии, а регистрация первичных частиц ранее неизвестных радиационных поясов Земли. Поэтому американцы эти радиационные пояса называли „поясами Ван Аллена“. В оправдание Вернова надо сказать, что он ошибся по причине отказа на спутнике запоминающего устройства телеметрии. Вернов не имел возможности получить измерения радиационной активности по всему витку. Он получал измерения только в режиме непосредственного приема при пролете спутника над территорией СССР. Ван Аллен сделал свое открытие, пользуясь результатами измерений с американского спутника. Он показал, что существует область в околоземном пространстве, в которой магнитное поле Земли удерживает заряженные частицы (протоны, электроны и альфа-частицы), обладающие большой кинетической энергией. Эти частицы не покидают околоземное пространство, находясь в так называемой магнитной ловушке.

Это открытие стало большой научной сенсацией. Для космонавтики оно имело важное практическое значение. Космические аппараты, орбиты которых проходили сквозь радиационные пояса, получали

значительное облучение, в частности разрушение структуры фотоэлектронных преобразователей солнечных батарей. Для пилотируемых космических аппаратов длительное пребывание в этих поясах вообще считается недопустимым.

После опубликования открытий Ван Аллена решили, пусть с опозданием, исправить ошибку, допущенную по вине отказа запоминающего устройства на третьем спутнике. В нашей литературе радиационные пояса стали называть поясами Ван Аллена — Вернова.

Эта история была хорошим уроком для ученых, показавшим, насколько необходима надежная работа приборов непосредственного измерения и бортовых служебных систем для хранения и передачи на Землю полученных ими данных. К сожалению, надежность приборов для научных исследований и в последующие годы оставалась слабым местом нашей космонавтики».

Помимо научных результатов, первые советские спутники произвели колоссальный эффект, в корне изменив расклад сил на геополитической арене. Хотя американцам удалось запустить на орбиту сначала «Explorer», а потом и «Vanguard» (их масса — 13,9 и 1,47 кг соответственно), на фоне даже самого легкого «ПС» (83,6 кг) они просто терялись. Никита Сергеевич Хрущёв иронизировал по этому поводу: «США придется запустить много спутников размером с апельсин, чтобы догнать Советский Союз».

Юрию Гагарину тоже запомнился триумфальный запуск «Спутника-3». Вот что он писал позднее в своей книге:

«„Как всё сложится в дальнейшем?“ — думал я, поглядывая на залитое серебристо-зеленоватым светом луны высокое небо. Подумать только — наш первый спутник тысячу четыреста раз облетел вокруг Земли, а второй сделал почти на тысячу оборотов больше, пройдя путь свыше ста миллионов километров.

Мы внимательно читывались в замечательные итоги радиотехнических и оптических наблюдений за первыми двумя спутниками, обсуждали результаты сделанных с их помощью исследований плотности атмосферы, ионосферы, космических излучений, различных биологических данных. Нас волновали выводы ученых, утверждающих, что живые существа удовлетворительно переносят условия космического полета. Было понятно, что всё это делалось для исследований, конечной целью которых являлось обеспечение полета человека в космос.

Как-то я услышал:

— Я спутником не пользуюсь, мне и без спутника неплохо живется.

Это была обывательская болтовня. Так можно было договориться и до такого — я телеграфом не пользуюсь, я радио не слушаю, в поезде не езжу, мне и без них неплохо.

Я понимал, что правительство не жалеет средств на всё, связанное с освоением космоса, и мне казалось, что несколько тысяч, а может быть, и десятков тысяч специалистов в разных областях науки и техники самоотверженно трудятся, чтобы решить самую грандиозную задачу из всех, которые когда-либо ставило перед собой человечество.

Радио передавало сравнительно скудные известия о полете нового спутника. Центральные газеты в наш дальний гарнизон приходили с опозданием, так же как и письма. Но ждали мы их с нетерпением, часто навевались на почту. И наконец пришла „Правда“, почти целиком занятая описанием третьего советского искусственного спутника Земли. В газете были новые сведения об орбите спутника, о наблюдениях за его полетом, а самое главное — давались подробности устройства спутника. Это в полном смысле слова была автоматическая научная станция в космосе. Статья была написана доходчиво, популярным языком.

Почти вся газета оказалась исчерканной цветными карандашами, а на полях пестрели наши пометки. Вскоре инженер полка прочел лекцию о победах наших ученых в борьбе за овладение космическим пространством. На лекцию пришли почти все офицеры, многие с женами и детьми. Я наблюдал, как загорались глаза подростков, когда лектор говорил, что в скором времени люди полетят к ближайшим планетам. Их уже не интересовали самолеты — они их видели каждый день, теперь сердца мальчишек были отданы новой любви — космическим кораблям, которых толком еще никто не мог себе представить».

Гагарин и сам был в то время таким мальчишкой — азартным и жаждущим открытия новых горизонтов. Обратите внимание на то, как он отнесся к самой идее искусственных спутников — как романтик, учитывающий требования прагматизма. Спутники — это не только красиво и величественно, но и необходимо для развития народа, человечества, как необходимы были радио и паровоз. Ничего общего с доморощенным космизмом, апеллирующим к «галактическим системам» и «высшим существам».

Кстати, о существах. Примерно в то же самое время в гарнизонной библиотеке появился роман Ивана Антоновича Ефремова «Туманность Андромеды» (1957), который оказался «очень своевремен-

ной книгой». В нем была нарисована широкая панорама мира победившего коммунизма. Самое важное, что великий фантаст впервые без лишних обиняков увязал установление коммунистического строя с внеземной экспансией и доказывал, что одно без другого невозможно, что если где-то во Вселенной и обитают разумные существа, вышедшие в космос и начавшие межзвездную навигацию, то они неизбежно должны были построить «самое справедливое общество» без наций, классов и границ.

Юрий Гагарин всё понял правильно. Позднее он писал: *«У себя в комнате мы читали ее [„Туманность Андромеды“] по очереди. Книга нам понравилась. Она была значительней научно-фантастических повестей и романов, прочитанных в детстве. Нам полюбились красочные картины будущего, нарисованные в романе, нравились описания межзвездных путешествий, мы были согласны с писателем, что технический прогресс, достигнутый людьми, спустя несколько тысяч лет был бы немыслим без полной победы коммунизма на земле».*

Надо отметить, что Гагарин в принципе не мог отделять космические успехи от коммунистической идеологии. С чего бы ему отделять? Всё вокруг доказывало: именно коммунисты при поддержке советского народа сумели не только победить в страшной опустошительной войне, но и поднять огромную страну из руин, после чего первыми совершили невероятный прорыв в космос. Будущее рисовалось в радужном свете, ведь даже Иван Ефремов сдвинул сроки наступления своей утопии: если в первой журнальной публикации романа «Туманность Андромеды» действие происходит через три тысячи лет после XX века, то в первой книжной — через тысячу лет («десять веков»). Тоже, конечно, не завтра, но уже и не послезавтра.

Разумеется, Юрий Гагарин и предположить не мог, что всего лишь через три года сам станет олицетворением светлого будущего, описанного в романе.

Глава восемнадцатая *Приглашение в будущее*

«Легенда» о Юрии Гагарине, созданная советской пропагандой, утверждает, что тот настолько увлекся идеями Циолковского и был настолько впечатлен запусками спутников, что не смог больше сдер-

живать внутренний порыв и подал командованию рапорт с просьбой направить его туда, где готовят покорителей космоса, то есть астронавтов (термин «космонавт», напомним, в конце 1950-х годов еще не использовался). Называется даже дата подачи рапорта — 5 или 6 октября 1959 года.

В принципе в этом нет ничего сверхъестественного. Думается, если покопать, то можно будет отыскать в военных архивах десятки рапортов с подобными просьбами. Молодые люди вообще восприимчивы к пропаганде, а тут им — спутники, Лайка, «Туманность Андромеды». Еще и фильм вышел — «Дорога к звездам» (1957), снятый замечательным ленинградским режиссером Павлом Владимировичем Клушанцевым. Дело нужное, перспективное, с бонусами в виде героических приключений и всемирной славы — почему бы не попробовать присоединиться к нему? Например, известный журналист Ярослав Кириллович Голованов рассказывал, как в отдел науки редакции «Комсомольской правды» после запуска третьего спутника звонили с вопросом: нельзя ли полететь на четвертом?

Так что Гагарин, который любил резкие жизненные повороты и с вниманием относился к космическим достижениям, вполне мог такой рапорт написать. Но когда? Биографы не сомневаются, что точно до приезда отборочной комиссии, а она появилась в Луостари 12 октября 1959 года. И вот тут закрадываются сомнения в достоверности «легенды». Ведь получается, что те, кто работал над медико-биологическим обеспечением ракетно-космической программы, только и ждали повода приехать в отдаленный авиаполк, чтобы обследовать добровольца. Неужели они поступали подобным образом во всех аналогичных случаях? Здравый смысл подсказывает, что вряд ли.

Документы, рассекреченные сравнительно недавно, тоже отвергают такую взаимосвязь: отборочная комиссия прибыла в Луостари по собственной инициативе и вовсе не 12 октября. Сохранился лист поступления Гагарина на обследование в авиационный госпиталь, датированный 11 октября 1959 года. Врач Иван Иванович Касьян, принимавший участие в предварительном и клиническом отборе, утверждал, что в Москву из Луостари будущий космонавт прибыл еще раньше — 7 октября! Больше того, согласно воспоминаниям медиков, которые ездили по гарнизонам и непосредственно общались с летчиками, командировки проходили в течение июня-июля

1959 года. То есть с Гагариным они могли встретиться летом — до того, как он уехал в отпуск вместе с семьей. «Легенда» рассыпается на глазах!

Впрочем, сам Юрий Алексеевич довольно туманно пишет об этом в книге воспоминаний:

«Жизнь вносила существенные поправки в мои замыслы и планы. Если я совсем недавно полагал — еще есть время на размышления, то теперь понял: медлить больше нельзя. На следующий день, как того требует военный устав, я подал рапорт по команде с просьбой зачислить меня в группу кандидатов в космонавты. Мне казалось, что наступило время для комплектования такой группы. И я не ошибся. Меня вызвали [в Москву] на специальную медицинскую комиссию».

Заметьте, здесь нет ни слова об отборочной комиссии. Согласно Гагарину получается, что он написал рапорт, а через некоторое время его сразу направили в Москву. Когда его «Дорога в космос» была опубликована, никто не сомневался, что в ней всё изложено честно, но сегодня мы в ней видим массу хитрых уловок: с одной стороны, Юрий Алексеевич вместе с помогавшими ему литообработчиками пытался донести до читателя максимум правдивой информации; с другой стороны, они должны были учитывать требования цензоров, которые делали всё, чтобы не допустить разглашения «государственной тайны», под которую подпал весь отряд космонавтов и специалисты, работавшие с ними. Получается, что точный ответ по этому вопросу мы дать сегодня не можем, ведь существует еще один вариант объяснения: Гагарин написал рапорт после того, как прошел первичный отбор, для получения направления в Москву, ведь, будучи на военной службе, он мог покинуть авиаполк только с разрешения вышестоящих офицеров.

Оставим вопрос на рассмотрение будущим исследователям, а здесь попробуем разобраться, насколько Юрий Гагарин был готов к тому, чтобы выйти за колею обыденности в совершенно фантастический мир.

2 января 1959 года агентство ТАСС порадовало очередным сенсационным сообщением: в космос запущен исследовательский аппарат «Луна-1». Гагарин напишет: *«Это было эпохальное событие. Человек стал еще ближе к космосу. Коллективы научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, заводов и испытательных организаций, создавшие новую ракету для межпланетных сообщений,*

посвятили этот запуск внеочередному XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза. Раздумывая над всем, что удалось узнать о полете ракеты, я чувствовал словно легкое недомогание и не сразу разобрался, что меня мучает недостаток образования. Следовало, не теряя ни одного дня, продолжать учение.

Событие было действительно эпохальное. Только вот всё пошло совсем не так, как рассчитывали конструкторы «Луны-1», о чем Гагарин, конечно, знать не мог. Рассмотрим ситуацию подробнее.

Формирование конкретных советских планов по освоению Луны началось с письма, которое 28 января 1958 года Сергей Королёв и Мстислав Келдыш направили в Центральный комитет КПСС. В тексте были сформулированы два главных пункта лунной программы: во-первых, попадание в поверхность Луны, а во-вторых, облет Луны и фотографирование ее обратной стороны, которая не видна с Земли. Программа была одобрена Никитой Хрущёвым, после чего началось воплощение проекта в реальные разработки.

В рамках программы рассматривалось несколько типов лунных станций: «Е-1» («Луна-А») для попадания в Луну с доставкой на ее поверхность вымпела СССР; «Е-2» («Луна-Б») для облета Луны и фотографирования ее обратной стороны с передачей изображения по радиоканалу на Землю; «Е-3» («Луна-В») для попадания в Луну с фиксацией события яркой вспышкой на поверхности; «Е-4» («Луна-Д») для попадания в Луну с применением термоядерного заряда.

Конструкторам предстояло преодолеть серьезное препятствие — чтобы вывести искусственный объект с околоземной орбиты на трассу к Луне, необходимо поднять его скорость с первой космической (7,91 км/с) до второй (11,2 км/с). Для выполнения этой задачи двух ступеней «Р-7» уже не хватало, требовалась третья ступень (разгонный блок).

Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР № 343–166сс «О создании объекта „Е“» от 20 марта 1958 года предусматривалась разработка лунной станции и трехступенчатого носителя на основе серийной межконтинентальной ракеты «Р-7А» с целью достижения второй космической скорости и доставки станции на Луну (первый вариант) или облет ею Луны (второй вариант). Время на проектно-конструкторскую разработку, изготовление и отработку вновь было минимальным из возможных — Сергей Королёв, как обычно, опасался, что его опередят американские конкуренты.

2 сентября 1958 года вышло постановление № 1014–483сс о пусках станций к Луне начиная с текущего месяца. Столь скорому появлению документа способствовали усилия американцев: упустив первенство на этапе спутников, они ударно разработали космический аппарат «Pioneer», предназначенный для изучения Луны и окололунного пространства. 17 августа 1958 года с мыса Канаверал был даже осуществлен пуск аппарата этой серии массой 38 кг, однако взрыв ракеты «Thor» на 77-й секунде прервал его полет.

Советская межпланетная станция «E-1», разработанная группой Глеба Юрьевича Максимова, была намного тяжелее (187 кг) и конструктивно походила на первый простейший спутник, представляя собой сферический контейнер из двух алюминиево-магниевого полусфер, внутри и снаружи которых располагалось различное оборудование.

Несмотря на тщательную отработку всех элементов космической системы, на начальном этапе советских ученых ждало разочарование. При пуске 23 сентября 1958 года станция «E-1» погибла в результате развала ракетного пакета на 87-й секунде полета. 11 октября состоялся новый старт, и снова — неудача: на 104-й секунде ракета разрушилась из-за возникновения резонансных вибраций конструкции от пульсаций давления в двигателях. Гибелью носителя закончился и пуск 4 декабря — тяга двигателей резко упала, поэтому аварийная система выключила их.

Только 2 января 1959 года (то есть с четвертого раза) к Луне стартовала ракета «P-7A» с «E-1», получившая в сообщении ТАСС название «Первая космическая ракета», а в печати — «Лунник» и «Мечта». Впервые в истории человечества рукотворный объект превысил вторую космическую скорость, развил 11,4 км/с.

После выключения двигателя блока «E» произошло отделение станции. Дальнейший полет продолжали уже два тела — через 34 часа после старта они миновали цель на расстоянии 6400 км, проскочив расчетную точку раньше Луны, и вышли на орбиту вокруг Солнца. Причиной «промаха» стало обычное разгильдяйство, связанное с празднованием Нового года. Представитель разработчика системы радиоуправления, выставляя 1 января плоскость антенн, ошибся по углу места на 2°, выставив 44° вместо 42°. Его никто не проконтролировал — «влияние» праздника. Во время полета данные от пеленгатора в счетно-решающее устройство поступали исправно, но па-

раметр по углу места всё время шел с ошибкой, воспринимаясь как отклонение ракеты вниз от расчетной траектории. Поэтому счетно-решающее устройство не выключало двигатель центрального блока, ожидая, пока данные по углу места не придут в пределы допуска. В результате двигатель отработал до исчерпания топлива, и блок «Е» стартовал из случайного района.

Впрочем, из любой оплошности всегда можно извлечь выгоду. Советские официальные лица не моргнув глазом заявили, что полет мимо Луны был задуман изначально. Станция «Е-1» была объявлена «первой искусственной планетой Солнечной системы». Американцы смогли осуществить похожий запуск только через два месяца — 3 марта 1959 года американский аппарат «Pioneer 4» стал второй искусственной планетой.

Среди других научных результатов, полученных с помощью приборов, установленных на «Луне-1», были и такие, которые непосредственно затрагивали перспективы будущих пилотируемых межпланетных полетов. Например, в отчете, подготовленном 22 января, то есть через двадцать дней после старта «Е-1», для членов ЦК КПСС, находим следующий пассаж:

«По результатам измерений космических лучей получены новые данные, показывающие, что в межпланетном пространстве на очень больших расстояниях от Земли интенсивность космического излучения постоянна с точностью до 20 %. На высоте 2000 км зарегистрирована доза космического излучения порядка рентгена в час, а на высоте 100 000 км суммарная ионизация составляет 6×10^{-4} рентгена в час. <...>

По космическим лучам получены результаты большого научного значения. Полученные результаты позволяют уже сейчас оценить дозу вредного облучения живого организма, находящегося в межпланетном пространстве. Эта доза, по-видимому, не может привести к катастрофически вредным воздействиям. Зоны опасного воздействия расположены вблизи небесных тел, имеющих магнитное поле.

Человек, находящийся вне опасной зоны в межпланетном пространстве, может получить смертельную дозу облучения порядка 500 рентген в течение 50 лет.

Полученные выводы нуждаются в дальнейшем уточнении, т. к., по данным наземных станций регистрации космических лучей, один раз в несколько лет наблюдаются большие возрастания интенсивности космических лучей, что может привести к значительному облучению».

Таким образом, с помощью «Луны-1» еще в начале 1959 года было показано, что радиационные пояса, открытые аппаратом «Explorer» и «Спутником-3», имеют ограниченную протяженность и не могут быть опасны для тех, кто когда-нибудь полетит на Луну.

Юрий Гагарин был вдохновлен происходящим (интересно, а как он относился бы к ракетно-космической программе, если было бы известно о всех предшествующих проблемах?) и решил, что пришла пора вступить в Коммунистическую партию. В дни работы XXI съезда КПСС — он проходил с 27 января по 5 февраля — будущий космонавт обратился с соответствующей просьбой к капитану Анатолию Павловичу Рослякову, который занимал должность секретаря партийной организации части. Вскоре на общем собрании офицеров-коммунистов он был принят кандидатом в члены КПСС. После этого забот только прибавилось: Юрий проводил молодежные вечера, начал посещать занятия в вечернем университете марксизма-ленинизма, читал и конспектировал политико-экономические и философские труды из списка рекомендованной литературы, в отдельную тетрадь записывал свои суждения по тем или иным положениям марксистской теории. Кроме того, он готовился к сдаче зачетов для присвоения классификации военного летчика третьего класса (низший класс в трехступенчатой квалификации летного состава, введенной в 1950 году): налегал на аэродинамику, теорию полета, инструкции по организации полетов в различных условиях и так далее. В дополнение к этим, довольно нудным, занятиям партийная организация назначила Гагарина редактором боевого листка «Молния». Второй номер листка, выпущенный под редакцией Юрия, был посвящен лунным успехам ракетно-космической отрасли: помимо общей информации, почерпнутой из научно-популярных журналов, в нем были опубликованы шуточные стихи и рисунки, подготовленные военнослужащими авиаполка.

Что касается полетов, то Гагарина прикрепили к Борису Вдовину, который обучал его мастерству воздушного боя. Юрий вспоминал («Дорога в космос», 1961):

«Полеты становились всё сложнее и сложнее, летали над беспокойным, по-весеннему бурным морем. Летали строем, что важно при ведении воздушного боя, летали по приборам „вслепую“, изучали радионавигацию. Над морем проводили и учебные воздушные бои. Приходилось тренироваться с таким опытным „противником“, как Борис Вдовин. Он был хваткий воздушный боец и считался неуязвимым.

Как-то я получил задание перехватить самолет Вдовина. Для перехвата и нападения на самолет „противника“ необходимо было догнать его и атаковать с хвоста. Набрал высоту, пошел в район цели. Мне удалось незаметно для Вдовина атаковать его с верхней задней полусферы. Но еще до того, как я вышел на дистанцию огня, чтобы зафиксировать поражение цели на пленку кинофотопулемета, Вдовин положил свой „МиГ“ в крутой вираж. Я ринулся за ним. Так и виражили мы несколько минут друг против друга, и ни один из нас не смог зайти в хвост другому. Каждый упорствовал и оставался недосягаемым. Так бы, наверное, и крутили мы бешеную карусель до тех пор, пока в баках оставалось топливо, но Вдовин подал команду, я пристроился к его машине, и мы, довольные друг другом, крыло к крылу, возвратились на аэродром.

17 апреля семейное положение Юрия изменилось: Валентина родила дочь Елену. В связи с этим Гагарин взял летний отпуск, и в июле всё семейство отправилось в Гжатск, а затем — в Оренбург. Сегодня некоторые комментаторы утверждают, будто бы Гагарины окрестили дочку в Гжатске, что якобы указывает на глубокую религиозность первого космонавта. На самом деле крещение Елена Юрьевна Гагарина приняла в зрелом возрасте — в Новодевичьем монастыре. Да и странно было бы для Юрия Алексеевича, который недавно принял решение о вступлении в КПСС, посещал вечерний университет марксизма-ленинизма и почитывал в свободное время «Туманность Андромеды», вдруг изменить своим убеждениям во имя дореволюционной традиции, потерявшей всякую ценность в его время.

21 августа Гагарины вернулись в Луостари, а через несколько дней Юрий узнал, что ему присвоено звание летчика третьего класса. В первый день, восстанавливая навыки, он летал на «МиГ-15УТИ» под присмотром старшего офицера, затем вновь поднял в небо машину с бортовым номером «44». Общий налет Гагарина с весны 1958 года по осень 1959 года составлял уже 265 часов.

12 сентября пришла весть об успешном запуске космического аппарата «Луна-2», который вскоре врезался в поверхность Луны, доставив туда советские вымпелы. Новое эпохальное достижение, как стало известно спустя десятилетия, тоже не обошлось без «шевроватостей».

Конструкторы учли проблемы, возникшие при предыдущих попытках «попасть в Луну», но не смогли решить все. После модернизации аппарат получил обозначение «Е-1А», и первый старт состо-

ялся в действительности еще летом — 18 июня 1959 года. Однако на 153-й секунде полета (то есть на этапе работы второй ступени) произошел отказ инерциальной системы, и по команде с Земли ракета была подорвана.

Для подстраховки от возможных неудач были подготовлены две ракеты-носителя и три одинаковых аппарата. Очередной запуск был запланирован на 6 сентября 1959 года, но из-за сброса автоматики при наземной подготовке был отменен. Следующую попытку предприняли 8 сентября — проблемы с наддувом бака окислителя заставили отменить и этот старт. Третий раз аппарат «Е-1А» мог быть запущен 9 сентября 1959 года, но уже после зажигания команда «Главная» не прошла, и ракету сняли со старта.

Только с четвертого раза аппарат, получивший в сообщении ТАСС название «Луна-2», был запущен в космос и выполнил историческую миссию, впервые перелетев с Земли на другое небесное тело. Попадание в Луну было зафиксировано 14 сентября 1959 года в 00:02:24 по московскому времени. Вымпелы упали в районе Болота Гниения, в западной части Моря Дождей, в 800 км от центра видимого диска. Сейчас этот район называется Заливом Лунника.

Удачный запуск оказался очень кстати. 15 сентября, на следующий день после триумфа «Луны-2», Хрущёв был с визитом в США и подарил американскому президенту Дуайту Эйзенхауэру точную копию вымпела и золотой значок, изготовленный специально в честь этого события. Выступая перед американцами, Хрущёв сказал: *«Мы не сомневаемся в том, что замечательные ученые, инженеры и рабочие Соединенных Штатов Америки, которые работают в области завоевания космоса, также доставят свой вымпел на Луну. Советский вымпел, как старожил Луны, будет приветствовать ваш вымпел, и они будут жить в мире и дружбе, как и мы с вами на Земле должны жить в мире и дружбе, как должны жить в мире и дружбе все народы, населяющие нашу общую мать-землю, которая так щедро вознаграждает нас своими дарами...»*

Очередное достижение произвело сильное впечатление на Юрия Гагарина. Как рассказывала Валентина Ивановна, он стал задумчив и как-то раз сказал: *«Надо жить по-новому. Время такое, а мне кажется, что я уклоняюсь от чего-то главного, не делаю нужного».*

Биографы полагают, что оброненная реплика служит еще одним свидетельством готовности Юрия Алексеевича стать космонавтом.

Но так ли это? С тем же успехом можно заявить, что Гагарин при всех его усилиях стать лучшим полярным летчиком не чувствовал отдачи, соответствующей его амбициям, и начал сомневаться в правильности выбора, сделанного в Оренбурге. Если же учесть, что к тому времени он уже прошел собеседование с медиками, проводившими предварительный отбор, но пока не получил решение, то его пасмурное настроение можно понять.

Не прошло и месяца, как советские конструкторы взяли еще один исторический приоритет: «Луна-3» сфотографировала и передала на Землю изображение невидимой стороны Луны.

Созданные для этой цели аппараты «Е-2» и «Е-2А» существенно отличались от предшественников. Выбор конструктивных особенностей определялся тем, что в один из моментов своего движения по орбите аппарат становился «ориентированным», то есть способным проводить астрономические наблюдения заранее выбранного небесного тела, в данном случае — Луны. При этом в качестве источников тока для питания системы ориентации использовались не аккумуляторы, а солнечные батареи.

«Е-2» изготовили в виде герметичного сварного цилиндрического контейнера из алюминиевого сплава со сферическими днищами. На наружной поверхности устанавливались панели солнечных батарей, жалюзи системы терморегулирования, антенны радиокomплекса, иллюминаторы, всевозможные датчики и микродвигатели системы ориентации. Внутри на раме разместили научную аппаратуру и самый важный элемент — фототелевизионный комплекс «Енисей», разработанный в ленинградском НИИ-380. Он включал не только фотоаппарат, но и проявочное устройство, и радиопередатчик для отправки на Землю полученных после обработки изображений. В процессе проектирования рассматривались два комплекта фототелевизионной аппаратуры — в итоге остановились на том, который создавался для «Е-2А».

«Е-2А» № 1 привезли на полигон Тюратам в августе 1959 года, однако еще больше месяца понадобилось на тестирование систем и устранение различных замечаний. Запуск состоялся 4 октября, после чего в советской прессе появилось сообщение о старте «Луны-3»:

«В соответствии с программой исследования космического пространства и подготовки к межпланетным полетам 4 октября 1959 года в Советском Союзе успешно осуществлен третий пуск кос-

мической ракеты. На борту ракеты установлена автоматическая межпланетная станция.

Запуск осуществлен с помощью многоступенчатой ракеты. Последняя ступень ракеты, получив заданную скорость, вывела автоматическую межпланетную станцию на требуемую орбиту.

Орбита автоматической межпланетной станции выбрана таким образом, чтобы обеспечить прохождение станции вблизи Луны и облет Луны.

Автоматическая межпланетная станция пройдет от Луны на расстоянии около 10 тысяч километров и, обогнув Луну, при своем дальнейшем движении пройдет в районе Земли. Выбранная орбита обеспечивает возможность наблюдения станции с северного полушария Земли.

Последняя ступень третьей советской космической ракеты имеет вес, равный 1553 кг (без топлива).

Автоматическая межпланетная станция была установлена на последней ступени ракеты. После выхода на орбиту станция была отделена от ракеты. Последняя ступень ракеты движется по орбите, близкой к орбите станции. Автоматическая межпланетная станция предназначена для широких научных исследований в космическом пространстве. <...>

Передача информации с борта автоматической межпланетной станции будет происходить сеансами, ежедневно по 2–4 часа, в соответствии с программой наблюдений. Управление работой бортовой аппаратуры автоматической межпланетной станции производится с Земли, из координационно-вычислительного центра.

Измерение параметров ракеты осуществляется автоматизированным измерительным комплексом, наземные станции которого расположены в различных пунктах Советского Союза. <...>

Запуск третьей советской космической ракеты и создание автоматической межпланетной станции позволит получить новые данные о космическом пространстве и явится дальнейшим вкладом советского народа в международное сотрудничество по освоению космоса».

Заметьте, что в сообщении очень много слов о научном назначении станции, но нет конкретики, то есть не сказано прямо, с какой целью она была запущена. По сложившейся «традиции» официальные органы, поставлявшие информацию прессе, подстраховывались на случай, если фототелевизионный комплекс «Енисей» поломается и не сможет передать изображения Луны на Землю, — в таком случае

можно было бы сказать, что никто лунную поверхность снимать и не собирался, а вся научная программа сводилась к облету Луны с получением данных о космическом пространстве, что, конечно, тоже было бы ярким успехом. Однако в этот раз всё прошло без сбоев. На измерительный пункт, развернутый в Крыму, отправился сам Сергей Павлович Королёв — ему хотелось одним из первых увидеть обратную сторону Луны.

Съемка проводилась 7 октября, и «Луна-3» сфотографировала почти половину лунной поверхности, из них две трети — невидимой с Земли стороны. Закончив съемку, «Енисей» автоматически осуществил проявку экспонированной пленки, которая после этого была перемотана в специальный накопитель. Принятый с борта телеметрический сигнал показал, что камера «Енисей» сработала. Но есть что-нибудь на пленке или нет, поначалу было не ясно. Поступила команда включения аппаратуры на передачу телевизионного сигнала. Сначала пошло изображение тест-строки, впечатанной на фотопленку еще на Земле. Окрыленные успехом специалисты приняли решение о включении лентопротяжного устройства. И вот во время очередного сеанса связи с «Луной-3» фиолетовая точка на экране монитора начала строчка за строчкой выписывать первое изображение лунной поверхности. И хотя этот и последующие кадры принимались из космоса изрядно подпорченные «помехами», восторгу ученых не было предела.

К тому времени Юрий Гагарин был уже в Москве, и там его застала новость о том, что обратная сторона Луны больше не является «terra incognita». Но теперь он мог взглянуть на достижение не как посторонний зритель, а как один из участников процесса. К сожалению, первый космонавт не оставил нам воспоминаний о том, как изменилось его отношение к происходящему.

Подводя промежуточный итог, мы приходим к выводу, что даже если бы Гагарин, перегруженный текущими делами, и забыл о космонавтике, то она сама постоянно напоминала о себе: спутники, лунники, научно-популярные и фантастические книги — всё это настраивало на вполне определенный лад. Разумеется, он был в стране не один такой, особенный, думавший о космосе, — таких были миллионы, но у него хватало квалификации понимать, что «не боги горшки обжигают» и что у него как летчика с хорошей репутацией есть шанс принять участие в космической «гонке».

Посему нет особой разницы, подавал Юрий Гагарин рапорт с просьбой о направлении его туда, где готовят покорителей космоса, до того, как в Луостари появилась отборочная комиссия, или после того, как он прошел предварительный отбор. Главное, что он был настроен на участие в космических делах, понимал их важность и нужность. Думается, именно этот серьезный настрой оказался в конечном итоге куда важнее для дальнейшей судьбы Гагарина, чем любая, подписанная им, бумага.

Глава девятнадцатая

Критерии отбора

Нельзя сказать, что процедура отбора в первый отряд космонавтов была засекречена столь же плотно, как, например, его состав. И всё же долгое время информация подавалась в настолько общем виде, без конкретики, что можно было выстраивать любые реконструкции, не особо задумываясь об их правдоподобии. Поскольку впоследствии многочисленные домыслы никто не удосужился опровергнуть, в биографиях Гагарина можно встретить сильные разночтения. Поэтому мы будем опираться только на документы и воспоминания непосредственных участников событий.

Понятно, что отбору предшествовала большая работа. Специалисты в области авиационной медицины прекрасно понимали, что перед тем, как запустить человека на орбиту, требуется хотя бы «вчерне» подготовить его к условиям, в которых придется жить и работать. Поэтому задолго до того момента, когда всерьез встал вопрос о наборе космонавтов, было принято решение о формировании группы добровольцев, которые могли бы опробовать факторы ракетного полета на себе.

Поводом стало правительственное постановление от 24 октября 1952 года, предписывающее «создать специальную команду испытателей для испытания костюмов, скафандров, одежды и разработки других вопросов, связанных с обеспечением жизнедеятельности и работоспособности экипажей самолетов с большими скоростями и высотами». 30 июня 1953 года маршал Павел Фёдорович Жигарев, занимавший в то время должность главкома ВВС, издал соответствующий приказ, а менее чем через месяц, 14 июля, в Государствен-

ном научно-исследовательском испытательном институте (ГНИИИ) авиационной медицины был сформирован отдел № 7, который возглавил подполковник медицинской службы Евгений Анатольевич Карпов.

Личный состав отдела набирался из солдат и сержантов, проходивших срочную службу в авиачастях. Требования по здоровью были жесточайшие — из тысяч обследованных отбирались единицы. Первые военнослужащие начали прибывать в ГНИИИ авиационной медицины с августа 1953 года, и тогда же на территории института начала действовать войсковая часть 64688. Численность испытателей в разные годы варьировалась от 10 до 70–80 человек (например, в 1961 году в испытаниях участвовали 83 человека). Общее число испытателей, прошедших институт, составляет около 970 человек.

Располагались испытатели в кубрике на втором этаже здания бывшей гостиницы «Мавритания» на Петровско-Разумовской аллее, 12а. Вместе с ними жили механики по обслуживанию центрифуги и барокамеры. На первом этаже находилась сама барокамера, прозванная «Комсомолкой». Центрифуга была немецкая, трофейная, с вращающей «лапой» длиной семь метров, и размещалась в новой пристройке к «Мавритании».

Испытания проводились в предельно допустимых для человеческого организма условиях. Например, требовалось выяснить, под каким углом надо расположить кресло, чтобы пилот смог выдержать жесткую посадку, и какую максимальную скорость падения перенесет его позвоночник без угрозы быть сломанным. Для этого между двумя четырнадцатиметровыми мачтами расположили кресло, которое падало на бетонную площадку с амортизаторами. Те имитировали разные типы грунта — мягкий, средний, жесткий. В ходе эксперимента только четверо испытателей решились на серьезные перегрузки, но поскольку с каждым экспериментом риск возрастал, трое от дальнейшего участия в программе отказались. Оставшимся храбрецом был Джон Иванович Гридунов — он и стал обладателем мирового рекорда в этом экстремальном виде «спорта», выдержав 50 g.

Еще один его рекорд был поставлен на центрифуге — 18,5 g при медленном увеличении нагрузок. Благодаря героизму Гридунова авиационные медики вынесли вердикт о том, что взрослый тренированный человек спокойно перенесет нарастающую перегрузку до 10 g и кратковременную ударную перегрузку в 25 g. Полученные

данные определили позднее вид корабля «Восток» и схему приземления его спускаемого аппарата.

Заслуживает также внимания и другой уникальный эксперимент, проведенный отделом № 7. Специалисты ГНИИИ авиационной медицины знакомились с исследованиями, которые проводили в области их профессиональных интересов зарубежные коллеги. В частности, в США довольно много времени и сил было потрачено на изучение влияния полной обездвиженности (гипокинезии) на человека, находящегося в воде. Исследования показали, что человек может находиться в таком состоянии без вреда для здоровья не более шести суток. Но советские испытатели опять пошли на рекорд. Двадцатилетний ефрейтор Леонид Викторович Сидоренко пробыл в бассейне (в плавках и шапочке) в неподвижности двенадцать суток, а потом смог выполнить полный цикл физических упражнений! Впрочем, целесообразность подобного опыта была поставлена под сомнение, и в программу тренировок будущих космонавтов погружения в бассейн не включили.

Очень рискованными были так называемые высотные эксперименты, проводимые в барокамере. Ими занимался майор медицинской службы Акаки Согратиевич Цивилашвили. В начале 1950-х годов авиационные медики имели смутное представление о том, что произойдет при мгновенной разгерметизации и падении давления от одной атмосферы до нуля. Поэтому сначала эксперименты проводились на крысах, кроликах и собаках. В ходе этих исследований животных бинтовали, предупреждая раздутие органов, — так появился высотно-компенсирующий костюм. Вскоре в подобном костюме в барокамеру уже мог войти человек.

Акаки Цивилашвили вспоминал:

«Для моих экспериментов испытателей среди солдат подбирали специально. Не каждый подходил. Эксперименты шли каждый день, но каждому из испытуемых нельзя было участвовать в них более одного раза в неделю.

Мы работали очень дружно. Ребята были для нас как родные. У нас не было отношений „полковник“–„солдат“. Конечно же, за каждого переживал. Как-то во время одного из экспериментов проверили пульс, в том числе у меня. У испытуемого в барокамере он был 70. А у меня, рядом с ней, — 150. Тяжёлые эксперименты были. Очень тяжёлые. Потому что рискованные.

Много ребят через меня прошло, многих помню, хотя был на экспериментах долго — с 1954 по 1972 год. Без теплоты отношений работать нельзя. Это основа доверительности. Очень важно было, чтобы испытатель откровенно и правильно оценил воздействующий фактор. Участники после каждого эксперимента оставляли у меня в протоколе свое заключение, мнение».

Начало отбора собственно в отряд космонавтов ВВС можно отнести к 1958 году, когда в ГНИИИ авиационной медицины были начаты работы по теме 5827 (отбор человека для полета в космос) и теме 5828 (подготовка человека к первому космическому полету). Научным руководителем этих тем стал полковник медицинской службы Владимир Иванович Яздовский, ответственным исполнителем — полковник медицинской службы Николай Николаевич Гуровский.

В начале 1959 года отбор космонавтов получил организационное оформление. 5 января 1959 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР №22–10сс «Об усилении научно-исследовательских работ в области медико-биологического обеспечения космических полетов», в котором говорилось:

«1. Считать важнейшей задачей Министерства обороны СССР, Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР решение в ближайшие годы всех вопросов, связанных с медико-биологическим обеспечением космических полетов человека.

2. Обязать Министерство обороны СССР совместно с Академией наук СССР, Академией медицинских наук СССР, Государственным комитетом Совета Министров СССР по авиационной технике и Государственным комитетом Совета Министров СССР по оборонной технике в двухмесячный срок разработать и утвердить комплексный план проведения научно-исследовательских и опытных работ в институтах и конструкторских бюро указанных организаций по медико-биологическому обеспечению космических полетов человека, предусмотрев в нем:

— изучение действия на человека основных факторов космического полета: невесомости, длительных ускорений переменной величины, температуры, космической и другой радиации;

— проектирование и изготовление оборудования и аппаратуры для обеспечения полета человека в космическом пространстве;

— разработку системы отбора и тренировки в земных условиях членов экипажа к полету в космическое пространство.

3. Преобразовать Научно-исследовательский испытательный институт авиационной медицины Министерства обороны СССР в Государственный научно-исследовательский испытательный институт авиационной и космической медицины первой категории.

Увеличить штатную численность указанного института на 100 человек, в том числе офицеров на 60 человек. <...>

4. Рекомендовать Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР прикрепить к соответствующим отделам Государственного научно-исследовательского испытательного института авиационной и космической медицины Министерства обороны СССР крупных ученых в качестве научных руководителей или консультантов с целью ускорения решения вопросов, связанных с обеспечением космических полетов».

Привлеченным к работе ученым прежде всего следовало определить, кто лучше всего подойдет для пилотируемой космонавтики. В ходе обсуждения предлагалось несколько вариантов. Медики утверждали, что нужно послать коллегу — специалиста по авиационной медицине. Инженеры настаивали на включении в экипаж конструктора космической техники. Можно было, ориентируясь на опыт американцев, пригласить в программу летчиков-испытателей.

Владимир Иванович Яздовский вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 19 июля 1983 года):

В начале 1959 г. [14 января 1959 года] под председательством академика М. В. [Мстислава Всеволодовича] Келдыша прошло совещание в Академии наук, на котором вопрос о полете человека обсуждался более конкретно, вплоть до того, из кого выбирать будущих кандидатов в космонавты. Кандидатами в космонавты могли быть и летчики-истребители, и подводники, ракетчики, автогонщики и многие другие здоровые молодые люди. Мы, авиационные врачи, хорошо знали, что летчики-истребители более всего подвергаются воздействию экстремальных факторов среды. При тренировке они подвергаются действию гипоксии, повышенного давления, разнонаправленных ускорений, катапультируются и т. д. И казалось, что на начальном этапе молодых людей в кандидаты в космонавты целесообразно подбирать из летчиков-истребителей. Эту идею полностью поддержали Сергей Павлович [Королев] и его коллеги. По настоянию Главных конструкторов во главе с Сергеем Павловичем, медицинских работников во главе

со мной и с согласия Главного врача ВВС Александра Николаевича Бабичука отбор кандидатов в космонавты поручили авиационным врачам и врачебно-летным комиссиям, которые контролируют здоровье летчиков в частях ВВС.

Необходимо отметить, что в 50-е гг. между авиацией и ракетной техникой взаимосвязи не было, наоборот, они конфликтовали. <...> Главнокомандующий ВВС Главный маршал авиации Павел Фёдорович Жигарев не поощрял увлечение экспериментами на собаках при их полетах на ракетах, проводимых группой, которую я возглавлял. Со сменой Главкома ВВС и приходом Главного маршала авиации Константина Андреевича Вершинина положение в корне изменилось, хотя и тогда кое-кто из управленцев ВВС, стоявших на позициях „монополизма“, мешал делу, а это страшно затрудняло решение целого ряда очень сложных научных задач. Константин Андреевич Вершинин, как бы он ни был занят, старался помочь и в осуществлении дел космических. <...>

Медики четко себе представляли, что по опыту летной работы, возрасту и физическим данным состав летчиков-истребителей в разных авиационных частях почти одинаков, а поэтому нецелесообразно для поиска необходимых кандидатов забираться на Урал, Дальний Восток, в Сибирь. Решено было ограничиться Европейской частью страны. Перед отъездом бригады медиков [генерал-полковника Филиппа Александровича] Агальцова выступил Сергей Павлович Королёв. Он изложил пожелания ракетчиков: возраст примерно тридцать лет, рост не выше 170 см. [На вопрос], какое количество людей следует отобрать в космонавты, Королёв, улыбаясь, ответил: „Много. Американцы отобрали семь человек, а нам надо много больше“. Это, конечно, вызвало недоумение, но особенно комментировать никто не стал. Все поняли, что планируются не один, не два полета, а значительно больше, а поэтому и людей надо значительно больше».

В начале лета 1959 года медики разбились на пары и разъехались по воинским частям. Прибывая на место, они внимательно просматривали личные дела тех летчиков, которые подходили по критериям отбора, названным Королёвым. Всего была просмотрена 3461 медицинская книжка, а отобрано 352 человека. Кандидатов, которые в ходе собеседования высказали желание участвовать в программе, ждал предварительный медицинский этап обследования, который проводился обычно в гарнизонном госпитале.

Обратимся к воспоминаниям военного медика Петра Васильевича Буюнова (цитирую по письму журналисту Ярославу Голованову, датированному 19 июня 1986 года):

«Всю организационную работу возглавил наш институт — в/ч 646881.

Как помню, в конце мая 1959 года нас несколько человек вызвали на совещание, где впервые было объявлено о том, что необходимо приступить к отбору кандидатов в космонавты. Генерал-лейтенант м/с Волюнкин Ю. М. [Ювеналий Михайлович] объявил о создании комиссионных групп, каждая из которых состояла из двух человек. Думаю, что и сейчас в в/ч сохранен приказ о группах. Таких групп создано не более 4–5. Я принял во внимание только то, что касалось меня. Мне, как представителю в/ч 64688, ответственному за первичный отбор, и представителю штаба ВВС ВМФ подполковнику медслужбы Пчёлкину Александру Петровичу (я тогда тоже носил звание подполковника м/с) был поручен отбор кандидатов в истребительных частях ВВС европейских флотов. В течение июня-июля 1959 г. мы побывали в гарнизонах истребительной авиации Северного, Черноморского и Балтийского флотов. Нам дали командировочные удостоверения и документ, обязывающий командование флотов оказывать нам необходимое содействие.

Надо сказать, что при подготовке нашей командировки на флоты, большую помощь нашей группе оказал тогдашний начальник медицинской службы ВВС ВМФ генерал-майор м/с Катков Антон Иванович. К сожалению, Антон Иванович несколько лет тому назад умер (уже будучи в отставке). <...>

Мы должны были отобрать кандидатов не только по медицинским показаниям, а с учетом профессиональной подготовки, морально-политических качеств, психологических особенностей отбираемых.

Мы с А. П. Пчёлкиным разработали для выполнения этой задачи четкий план. Вероятно, другие группы разработали примерно такой же план действий. После доклада командиру части (соединения) о цели нашей командировки, мы по данным медицинских документов (медицинской книжки) проводили предварительный ориентировочный отбор по состоянию здоровья и росту-весовых показателей (нам дали данные по максимальному росту и весу и возможным отклонениям). После этого, отобранные кандидаты нами обсуждались с командованием и политработником, о которых нам предоставлялась подробная характеристика профессиональной работы, моральных качеств, осо-

бенностей характера, в частности коммуникабельность этих лиц, вредные привычки и пр.

При отрицательной или неопределенной оценке указанных качеств отобранные по медицинским книжкам летчики отбраковывались.

Только после этого отобранные нами лица вызывались для предварительных переговоров и врачебного (терапевтического) обследования, вернее, врачебного осмотра терапевтом (мною). При этом у нескольких летчиков были обнаружены заболевания, несовместимые с их летной деятельностью, и нами об этом сообщалось медикам части для принятия соответствующих мер. Этим мы помогли врачу части в его работе.

Этот первый контакт с летчиками позволял уточнить наши впечатления и оценить возможности отобранных нами кандидатов.

После этого подготовленный нами список кандидатов мы обговаривали и согласовывали с командованием, а затем с каждым из отобранных состоялся заключительный разговор о цели отбора, характере предстоящей работы. Выявляли реакцию летчика на наше предложение. При согласии летчика с нашим предложением (кстати, подавляющее большинство летчиков выражало согласие на новую работу) мы предлагали обговорить предложение с супругой, домашними, подумать и дать ответ на следующий день. Чаще всего летчики давали согласие при этом разговоре и не откладывали до следующего дня.

Летчикам, отобранным нами и согласившимся на предстоящую работу, сообщалось также, что предстоит тщательный медицинский и психологический отбор в Москве на базе ЦНИАГ [Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь].

Были случаи (правда, их было мало), когда после домашнего анализа летчики отказывались от нашего предложения.

Таким образом, на трех флотах нами отобрано более 20 человек кандидатов, и списки первично отобранных летчиков были представлены в Штаб ВВС ВМФ и главному врачу ВВС (через командование в/ч 64688).

В сформированную группу первых космонавтов, из нами отобранных, вошли 4 человека:

Юрий Алексеевич Гагарин,
Павел Иванович Беляев,
Георгий Степанович Шонин,
Иван Николаевич Аникеев.

Так что в шутку можно сказать, что мы с А. П. Пчёлкиным являлись „крестными отцами“ этих космонавтов».

Тут надо добавить, что собеседование с приглашенными летчиками выглядело довольно специфически. Один из задаваемых вопросов звучал так: «Желаете ли вы летать на более современных типах самолетов, на новой технике?» Как правило, все летчики на этот вопрос отвечали утвердительно. В ходе беседы как бы невзначай задавался и вопрос, который был весьма существен: «Хотели бы вы полететь на ракетах вокруг Земли?» Здесь реакция была различной. Большинство летчиков говорили, что хотели бы, но иные медлили с ответом или отвечали: «Надо подумать», а встречались и те, кто сразу отказывался.

Медики уехали восвояси, и для отобранных потянулись недели ожидания. За это время 53 человека сами приняли решение отказаться от участия в необычном деле, что объяснимо: перспективы новой службы были очень туманны. Кандидатуры еще 74 летчиков отклонили по медицинским показателям. Общее число потенциальных космонавтов сократилось до 225 человек.

Осенью 1959 года их начали группами вызывать в Москву, чтобы провести более детальное обследование в стенах Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя в Сокольниках. Перед тем, 30 сентября 1959 года, приказом главнокомандующего ВВС № 00240 была создана Главная медицинская комиссия, в задачу которой входило вынесение окончательного экспертного заключения. Консультантами комиссии выступали авторитетные ученые. Обследование продолжалось в среднем месяц. Всего в госпиталь поступили 154 человека.

Прибывали группами по 20–30 кандидатов. В первые дни отбора (уже в госпитале) двадцать человек не захотели проходить процедуры. На этот раз причиной отказа стали опасения, что неудача может помешать дальнейшей летной карьере. Таким образом, на второй этап обследования прошли только 134 летчика. Теперь, помимо всевозможных анализов и осмотров, кандидатов подвергали «нагрузочным пробам»: выдерживали в барокамере, крутили на центрифуге, встряхивали на вибростенде, проверяли устойчивость организма к гипоксии. По утверждению ветеранов отряда космонавтов, требования, которые предъявляли кандидатам, были явно завышенными. И это выглядит логичным: хотя общее представление о фак-

торах космического полета уже сложилось, никто из ученых в то время не мог сказать, какое влияние на человеческий организм окажет их совокупное воздействие.

Владимир Иванович Яздовский вспоминал:

«Многие летчики не выдерживали таких нагрузок, многим из них пришлось возвращаться в свои авиационные части для прохождения дальнейшей военной службы. Нет слов, очень обидно было возвращаться обратно в части и не полетать на спутнике. Однако большинство летчиков это особенно не удручало, так как трудно было себе представить полет на спутнике, пока сам на нем не летаешь. Хотя, конечно, ребята переживали и тосковали. Забраккованный кандидат с горькой завистью спрашивал своего напарника: „Ну, как, прошел? Молодец, ну, значит, Лайкой будешь!“ Не прошедшие тешили себя разными шуточками, как говорится, тоже не от хорошей жизни».

Лейтенант Юрий Гагарин прибыл в госпиталь 7 октября и оставался на обследовании до 4 ноября. Благополучно прошел медицинские осмотры у терапевта, окулиста, невропатолога, отоларинголога, хирурга. Посетил рентгеновский кабинет. Успешно выдержал испытания на стендах. При этом он неизменно оставался в бодром расположении духа, а впоследствии, вспоминая этот строгий медицинский отбор, шутил: «Врачей было много, и каждый строг, как прокурор». В госпитале Гагарин старался показать себя с выгодной стороны, а его здоровье было безукоризненным.

Сохранился документ, датированный 5 ноября 1959 года и подписанный Евгением Анатольевичем Карповым (в своих мемуарах Гагарин называет его почему-то Евгением Алексеевичем):

«Решением специальной ВВК (создан. Приказом Главкома ВВС и нач. ГВМУ МО № 00240 от 30. 9. 59)

лейтенант Гагарин Юрий Алексеевич признан:

Здоров. Годен без ограничений к летной работе. Может быть допущен к III-му этапу подготовки. Обращается внимание на систолический шум функционального характера.

Секретарь спец. ВВК

Полковник м/сл

Карпов Е. А.».

«Систолический шум функционального характера» — это шум, выслушиваемый в период сокращения желудочков между первым и вторым тонами сердца; если верить справочникам, он встречается

ся у вполне здоровых молодых людей и не может служить препятствием для физических нагрузок.

С этого момента Юрия Алексеевича Гагарина можно называть космонавтом, но до звания первого космонавта ему предстояло пройти еще множество испытаний, причем порой весьма неожиданных.

Глава двадцатая

Двадцать лучших

В начале августа 1971 года на Луну высадились Дэвид Скотт и Джеймс Ирвин — астронавты экипажа «Apollo 15». Помимо научных исследований, они провели несколько символических мероприятий, среди которых особое значение имела установка миниатюрного Мемориала покорителям космоса, к тому времени погибшим. Мемориал состоял из маленькой фигурки человека в скафандре, изготовленной бельгийским художником Полем Ван Хейдонком, и таблички, на которой Дэвид Скотт собственноручно выгравировал имена восьми американских астронавтов и шести советских космонавтов.

В последнем из названных списков перечислялись: Владимир Комаров (погиб 24 апреля 1967 года при приземлении спускаемого аппарата корабля «Союз-1»), Юрий Гагарин (погиб 27 марта 1968 года в авиакатастрофе), Павел Беляев (умер 10 января 1970 года от перитонита), Георгий Добровольский, Виктор Пацаев и Владислав Волков (все трое погибли 30 июня 1971 года при разгерметизации спускаемого аппарата корабля «Союз-11»). Табличка должна была увековечить память тех, кто лично участвовал в первом десятилетии напряженного космического соревнования сверхдержав, но по тем или иным причинам ушел из жизни, так и не узнав, чем оно завершится.

Через много лет стало известно, что в списке погибших советских космонавтов не хватает двух фамилий: Валентина Бондаренко (сгорел в сурдобарокамере 23 марта 1961 года) и Григория Нелюбова (покончил жизнь самоубийством 18 февраля 1966 года). Они так и не полетели в космос, но прошли подготовку и теоретически могли отправиться на орбиту. Узнав об этом, Дэвид Скотт высказал сожаление: если бы трагические истории Бондаренко и Нелюбова не бы-

ли засекречены советскими властями, то он, без сомнения, внес бы их в список Мемориала, как поступил с теми из своих соотечественников, кто тоже не летал в космос, но всеми силами готовился к полету.

Разумеется, многие из ученых и журналистов, которые непосредственно работали с отрядом космонавтов, знали имена тех, кто по разным причинам был исключен из программы подготовки, однако десятилетиями вынужденно молчали. Первым решился обозначить проблему известный журналист и популяризатор науки Ярослав Кириллович Голованов. В 1990 году он с горечью писал:

«Интерес к космическим исследованиям стремительно угасает. Я заметил: мальчишки перестали играть в космонавтов и забросили бочки и ящики, в которых еще недавно „летали“ на Луну и на Марс. А это показатель точный. Мы так много лгали своим читателям, слушателям и зрителям, что нам перестали верить, перестали читать, слушать и смотреть. И вернуть это общественное доверие можно единственным способом: говорить правду, высказывать разные точки зрения, критиковать.

Мне очень хотелось рассказать, например, правду о первом, „гагаринском“ отряде наших космонавтов — о двадцати молодых, часто наивных, очень чистых ребятах, не ведавших о возможной вселенской славе, не мечтавших о золотых звездах и золотых генеральских погонах. Два года убеждал я многочисленных цензоров, что обороноспособность нашей страны не ослабнет, если назвать восемь фамилий не летавших космонавтов первого отряда, из которых одних уже нет в живых, а другие — на пенсии. Дошел до маршала С. Ф. Ахромеева.

— Зачем их называть? — удивился маршал. — Ведь в космос они не летали, а стало быть, никакого вклада в космонавтику не внесли...

— Но, Сергей Фёдорович, быть может, та взыскательность, с которой отбирались космонавты, и помогла другим взлететь в космос, — возражал я. — А потом, чисто по-человечески, разве не хочется этим летчикам, которые, кстати говоря, перед нашей армией ни в чем не провинились, чтобы их внуки говорили с гордостью: „Мой дед готовился лететь в космос вместе с Гагариным...“

Маршал не внял. Прошло два года, и лишь прямое вмешательство члена Политбюро ЦК КПСС Александра Николаевича Яковлева позволило опубликовать весной 1986-го в „Известиях“ документальную повесть „Космонавт № 1“ и назвать все дотоле „секретные“ имена».

Надо отдать должное Ярославу Голованову. В 1990-е он сделал очень многое, чтобы мы узнали подробности реальной, а не придуманной лукавыми пропагандистами истории советской космонавтики. Хотя попытки рассказать, к примеру, о первом отряде предпринимались до него (есть автобиографическая книга летчика-космонавта Георгия Шонина «Самые первые», изданная в 1976 году), именно Голованов в серии статей для газеты «Известия» наконец-то назвал всех членов легендарного «гагаринского» набора, включая Бондаренко и Нелюбова. Но сколько же пришлось ждать появления этой простой честной информации!

К счастью, сегодня у нас есть не только очерки Голованова, но и документы, которые позволяют совершенно по-новому взглянуть на этапы подготовки отряда, в том числе ответив на вопрос, почему же именно Юрий Алексеевич Гагарин был выбран на первый полет, в чем проявилась его «исключительность».

Итак, к концу 1959 года пройти комиссию по «теме № 6», предусматривавшей двухэтапное психофизиологическое обследование, удалось двадцати девяти офицерам. Вот их данные: Иван Николаевич Аникеев (27 лет), Николай И. Бессмертный (28 лет), Павел Иванович Беляев (35 лет), Валентин Васильевич Бондаренко (23 года), Борис И. Бочков (28 лет), Георгий А. Бравин (25 лет), Валерий Фёдорович Быковский (26 лет), Валентин Степанович Варламов (26 лет), Борис Валентинович Воынов (26 лет), Юрий Алексеевич Гагарин (26 лет), Виктор Васильевич Горбатко (26 лет), Михаил А. Ефременко (28 лет), Дмитрий Алексеевич Заикин (28 лет), Григорий К. Иноземцев (31 год), Валентин А. Карпов (26 лет), Анатолий Яковлевич Карташов (28 лет), Владимир Михайлович Комаров (33 года), Алексей Архипович Леонов (26 лет), Лев Зиновьевич Лисиц (33 года), Григорий Григорьевич Нелюбов (26 лет), Андриян Григорьевич Николаев (31 год), Павел Романович Попович (30 лет), Марс Закирович Рафиков (27 лет), Валентин П. Свиридов (32 года), Иван М. Тимохин (27 лет), Герман Степанович Титов (25 лет), Валентин Игнатьевич Филатьев (30 лет), Евгений Васильевич Хрунов (27 лет), Георгий Степанович Шонин (25 лет). Почти все они были летчиками-истребителями со средним образованием; исключение составляли Владимир Комаров и Лев Лисиц — они, помимо летной подготовки, имели высшее инженерное образование.

В целом комиссия придерживалась требований Сергея Королёва, но для некоторых кандидатов были сделаны «поблажки». Например,

Владимиру Комарову было тридцать три года, но он отличался выдающимися знаниями; Павлу Беляеву — тридцать пять лет, но он был великолепным летчиком; Георгий Шонин оказался немного выше положенного роста, но поразил врачей особыми хладнокровием и рассудительностью.

Кандидаты в отряд разъехались по своим гарнизонам. Вернулся в Лоустари и Юрий Гагарин. Там его порадовали новостью: присвоено звание старшего лейтенанта. Отдельные биографы утверждают, что будто бы Юрий Алексеевич пребывал в неведении о решении комиссии и маялся в ожидании вызова. Например, Валентина Ивановна Гагарина писала в своей книге «Каждый год 12 апреля» (1984):

«Прошел еще месяц. Юру снова вызвали в Москву. А когда он вернулся, стоило ему открытой дверь, как я догадалась по его виду: пора собираться в путь-дорожку дальнюю.

Что же он делал в московской командировке? Что узнал? Что так воодушевило его, окрылило, подняло настроение? Задавать вопросы я не решалась: если можно, расскажет сам. Но незнание рождало тревогу и, конечно, желание хоть немножко быть в курсе его дел и планов.

— Комиссию проходил медицинскую... Такой придирчивости еще не встречал. Не врачи, а прокуроры. Их приговоры обжалованию не подлежали: годен либо негоден. Но прежде чем скажут тебе это „годен“, тысячу раз обмеряют, прослушают, выстукают, просветят, потом прокрутят на специальных приборах, проверят вестибулярную устойчивость... Сложная аппаратура в руках терапевтов и невропатологов, ларингологов и хирургов находила даже малейшие изъяны. Браковали со страшной силой... Меня оставили.

Что стояло за этим „оставили“, я не знала. А Юра ждал, что его должны вызвать снова, еще на одну комиссию. Дни тянулись для него медленно. Временами он был рассеян, молчалив. Не помню уже, сколько времени прошло после его возвращения, но заметно было, как Юра загрустил. Вызов из Москвы не приходил. Дни складывались в недели, и отчаяние охватило его, как вдруг в штаб пришла бумага. Он снова уехал и опять не сказал, зачем и что это за новая комиссия. Для меня потянулись недели новых тревог и нового неведения. <...>

Наконец пришел вызов, которого Юра очень ждал. Было это как раз 8 марта. Назавтра уезжать, а у Юры день рождения. 26 лет исполнилось ему».

Документы утверждают другое: Гагарин знал, что прошел отбор, и у него были все основания готовиться к отъезду. Время и впрямь поджимало (первые запуски кораблей «Восток» с пилотами были предварительно запланированы на январь 1961 года), и после окончания двухэтапного обследования начались организационные мероприятия.

11 января 1960 года главнокомандующий ВВС подписал директиву № 321141, согласно которой была организована специальная войсковая часть (в/ч 26266). Все прошедшие отбор летчики были допущены к «третьему этапу подготовки» (специальным тренировкам). Однако директивой устанавливалось, что численность первого отряда не должна превышать двадцати человек, поэтому мандатной комиссии пришлось сделать окончательный выбор, переведя девятерых в «резерв». Какими соображениями руководствовались члены комиссии на этом последнем этапе, сегодня никто сказать не может. 25 февраля 1960 года был определен окончательный состав будущего отряда. В результате за «бортом» космической программы остались: Николай Бессмертный, Борис Бочков, Георгий Бравин, Михаил Ефременко, Григорий Иноземцев, Валентин Карпов, Лев Лисиц, Валентин Свиридов, Иван Тимохин.

Вызовы будущим космонавтам были направлены тогда же — в феврале 1960 года. 1 марта в столицу прибыл Павел Попович. Через три дня к нему присоединился Валерий Быковский, затем приехали Иван Аникеев, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Герман Титов, Георгий Шонин, Алексей Леонов.

3 марта 1960 года вышел приказ министра обороны СССР № 0031 «Временное положение о космонавтах», на основании которого определялись статус и обязанности членов отряда. В документе было употреблено новое для русского языка слово — «космонавт». Автором неологизма по праву считается крупнейший советский теоретик космонавтики Ари Абрамович Штернфельд, использовавший этот термин в своих работах еще до войны, за что его часто критиковали коллеги, которые привыкли к общеупотребимому слову «астронавт». Штернфельд в ответ резонно указывал, что нельзя называть новую сферу деятельности человечества по одной из ее возможных целей, ведь «астра» означает «звезда». В любом случае «летчик-космонавт» звучало по-русски намного благозвучнее, нежели «пилот-астронавт».

7 марта 1960 года двенадцать членов отряда были представлены главнокомандующему Военно-воздушных сил, главному маршалу авиации Константину Андреевичу Вершинину. В тот же день приказом № 267 все они были зачислены на должность «слушателей-космонавтов» Центра подготовки космонавтов ВВС (ЦПК ВВС), первым начальником которого был назначен полковник медицинской службы Евгений Анатольевич Карпов. Руководил подготовкой легендарный летчик — генерал-лейтенант Николай Петрович Каманин, назначенный «куратором» космического направления от имени главнокома ВВС.

Значит, Юрий Гагарин никак не мог получить вызов в Москву 8 марта, как утверждает Валентина Ивановна в своей книге, поскольку в реальности за день до этого он предстал перед главнокомандующим в числе других членов отряда.

В то время никто еще не мог сказать точно, как должна проходить подготовка космонавтов, но можно было опереться на авиационный опыт с привлечением специалистов, участвующих в ракетно-космической программе. По сути, первый отряд был экспериментальным — на нем отработывали обучающие методики, корректировавшиеся в процессе.

К приезду членов отряда в Москву жилье для них было еще не готово, поэтому группу вместе с семьями разместили в бараке строителей на Ленинградском шоссе (ныне — Ленинградский проспект), поблизости от Центрального аэродрома им. М. В. Фрунзе (Ходынка). Летчик-космонавт Павел Романович Попович вспоминал:

«Не было никаких удобств, стульев. Только солдатские койки. А на полу расстелены газеты с надписями: стол, стул, ногами не вставать. Позже генерал-лейтенанту Василию Яковлевичу Клокову, замполиту начальника Института авиационно-космической медицины, удалось убедить чиновников в Моссовете, что мы — будущие космонавты и нуждаемся в более достойном жилье, нежели полуразрушенные бараки. И нам выделили каждому по комнате».

Действительно, в апреле для семейных космонавтов было выделено жилье в доме 95 на Ленинском проспекте; каждая семья получила по комнате в двухкомнатной квартире: например, Титовых поселили с Поповичами, Гагариных — с Нелюбовыми.

Теоретические занятия проводились в двухэтажном доме спортивной базы ЦСКА, расположенном рядом со станцией метро «Динамо» на

территории Центрального аэродрома им. М. В. Фрунзе. Они начались утром 14 марта. Первую лекцию прочитал Владимир Иванович Яздовский. Он детально рассказал будущим космонавтам о действии перегрузок, невесомости и ввел в курс медико-биологических проблем. Главный конструктор Сергей Павлович Королёв, узнав, что занятия ограничились медицинской тематикой, приказал своим сотрудникам (Михаилу Тихонравову, Константину Феоктистову, Виталию Севастьянову) и физикам из Академии наук подключиться к обучению.

Инженер 9-го отдела ОКБ-1 будущий летчик-космонавт Виталий Иванович Севастьянов вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 19 апреля 1985 года):

«Я хорошо помню, как через несколько дней после того, как первый отряд космонавтов собрался в Москве... мы приехали с Михаилом Клавдиевичем Тихонравовым открыть курс механики космического полета. <...> Я читал три раза в неделю по четыре часа. И так продолжал и второй курс уже по конструкции „Востока“.

Наши встречи проходили до 8 июля 1960 года, когда состоялись экзамены. Каждый день встреч — это удивительное познание этих необычных людей. Три паузы между лекциями, беседы после лекций. Иногда я участвовал и в спортивных занятиях с космонавтами. Они приглашали меня то в бассейн, то на футбольное поле поиграть.

Постоянно шли вопросы по самой технике — а что же это — космическая техника, и первые популярные объяснения различных систем будущего космического корабля, который в то время только создавался. Вот главный интерес, который нас сплачивал, объединял и вызывал глубокий интерес самих космонавтов к предмету курса лекций механики космического полета и конструкции „Востока“.

Для меня это было удивительное знакомство с Юрием Гагариным и Володей Комаровым, с Пашей Поповичем, Андрияном Николаевым, с Германом Титовым и Валерием Быковским. Мы были почти ровесники. Только Владимир Михайлович Комаров и Павел Иванович Беляев старше были, а остальные — 25–27 лет. Молодые, крепкие, но еще неопытные военные летчики крепкого, уникального здоровья. Очень трудолюбивые, любознательные. У нас вошло в практику на последнем часе занятий отвечать на вопросы, которые они хотели бы задать. Я оставлял 10–15 минут, и вопросы оказывались такими сложными, что на ответы времени не хватало. И на следующих лекциях я пытался их углубить, отвечая на них».

В течение марта-апреля к отряду присоединились еще семь слушателей, а 17 июня приказом главкома ВВС № 839 в него был зачислен Анатолий Карташов, оказавшийся последним в наборе.

Примечательна фраза: «Молодые, крепкие, но еще неопытные военные летчики крепкого, уникального здоровья». То была истинная правда: налет большинства членов отряда в воинских частях, откуда они прибыли, не превышал 300 часов. Хотя некоторым из них (например, Юрию Гагарину и Алексею Леонову) приходилось иногда подниматься в воздух в сложных метеоусловиях, их стаж позволял претендовать только на третий (низший) класс летного мастерства. Парашютная подготовка тоже оставляла желать лучшего. Что касается физической формы, то и тут выявились проблемы. Сохранился любопытный и остававшийся долгое время совершенно секретным документ «Данные общефизической подготовки, испытаний в тепловых камерах, оценка переносимости ускорений „спина-грудь“ слушателей-космонавтов» (датирован 23 июня 1961 года):

«Из физкультурного анамнеза было установлено, что физической культурой и спортом большинство слушателей-космонавтов до зачисления в Центр подготовки космонавтов (ЦПК) занимались не систематически.

Проверка физической подготовленности в марте-апреле 1960 г. показала, что слушатели-космонавты физически подготовлены слабо. Большинство слушателей могло подтянуться на перекладине от 2 до 5 раз, удержать „угол в висе“ не более 1–5 сек. При выполнении гимнастических упражнений отмечалась скованность, угловатость и плохая координация движений. Недостаточно было развито качество выносливости. Это проявилось в быстром утомлении на занятиях физической подготовкой. Например, уже после 30–40 мин. игры в волейбол или 3–5 мин. игры в баскетбол многие слушатели жаловались на усталость, боли в мышцах. Особенно плохая выносливость выявлялась на занятиях плаванием и бегом. Выраженное утомление наступало через 2–3 мин. после начала заплыва или бега.

При исследовании функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы оказалось, что у 18 человек реакции сердечно-сосудистой системы на дозированную физическую нагрузку (трехминутный бег на месте) была неудовлетворительной. У большинства отмечался ступенчатый подъем максимального артериального давления, „дистонический тип реакций“ с длительным (2–3 мин.) выслушиванием фено-

мена бесконечного тона и пр., только у двух слушателей через 5 минут отдыха частота пульса восстанавливалась до исходного уровня. У четырех человек (Беляев, Гагарин, Нелюбов, Быковский) функциональные изменения сердечно-сосудистой системы после бега свидетельствовали о крайне неудовлетворительной подготовленности организма к физическим нагрузкам (резкая возбудимость пульса при замедленном восстановлении его до исходного уровня, ступенчатый подъем максимального артериального давления и пр.).

Учитывая плохую физическую подготовленность и недостаточную общую тренированность большинства слушателей-космонавтов, перед физической подготовкой были поставлены следующие задачи.

1. Повысить общую и скоростную выносливость.

2. Развить силовые качества и улучшить координацию движений.

3. Подготовить организм к перенесению достаточно интенсивных и длительно продолжающихся физических напряжений».

И это, заметьте, лучшие из лучших, среди которых — Гагарин, славившийся своими спортивными успехами! Что же собой представляли отсеянные после двухэтапного отбора?..

Читая документ, можно подумать, что Сергей Павлович Королёв совершил ошибку, сделав ставку на кадровых летчиков-истребителей. Однако, если взглянуть на проблему под другим углом, то становится очевидным, что он, зная ситуацию в войсках не понаслышке, выбрал молодежь — такую, как есть, другой не было, — потому что верил: из этих разболтанных парней можно в короткие сроки «выковать» полноценных героев, о которых будут слагать стихи и песни, на которых будут равняться и которым когда-нибудь поставят памятники: не только на Земле, но и на Луне.

Главный конструктор оказался прав. Те, кто сумел пройти все испытания и подняться по космическим ступеням, действительно стали всенародными героями. Но мы постараемся не забыть и о других, существование которых десятилетиями замалчивалось, ведь, несмотря на безвестность, их вклад в космическое будущее человечества ничуть не меньше.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Космические ступени

Глава двадцать первая

Проект «Восток»

Ракетно-космический проект «Восток» оставался секретным больше пятидесяти лет.

Наверное, у многих любопытствующих дилетантов такое заявление вызовет вопросы. Как же так? Ведь модели ракет-носителей «Восток» и космических кораблей «Восток» выставлены в музеях, их можно увидеть в фильмах, на фотографиях в книгах и альбомах, на открытках и марках. Подробности полетов на кораблях «Восток» Юрия Алексеевича Гагарина и других космонавтов хорошо известны, многократно описаны, в том числе и самими космонавтами. Что тут может быть секретного?

Однако исследователи, которые занимаются историей советской ракетно-космической программы, прекрасно знают, что, во-первых, появления даже самых первых и весьма скромных сведений о подлинном облике элементов системы «Восток» пришлось ждать годами, а, во-вторых, информацию подавали часто в таком искаженном и дозированном виде, что возникла путаница, из-за чего до сих пор вспыхивают яростные споры.

Более или менее детально о проекте «Восток», его техническом облике и задокументированной истории стало известно только в 2011 году, когда одновременно появились четыре сборника архивных материалов: «Космос. Время московское» (М.: РГГУ), «Первый пилотируемый полет» (М.: Родина МЕДИА), «Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина» (М.: Вестник

Архива Президента Российской Федерации), «Человек. Корабль. Космос» (М.: Новый хронограф). Нужно также отметить сборник «Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964» (М.: РТСофт, 2009), подготовленный под редакцией летчика-космонавта Юрия Михайловича Батурина и разрешивший многие споры.

К сожалению, тиражи названных книг невелики, и они рассчитаны на подготовленных читателей, имеющих представление о проблемах историографии советской космонавтики. Но теперь мы хотя бы имеем возможность изучать систему «Восток» по подлинным чертежам и техническим описаниям, а не по «веселым картинкам», порожденным воображением художников, многие из которых прославились иллюстрированием научной фантастики. То же самое можно сказать и о полетах космонавтов: в сборниках представлены реальные научно-технические отчеты и расшифровки докладов (увы, пока еще не всех), которые, как оказалось, довольно заметно отличаются от тех псевдоисторических реконструкций, которыми интересующихся потчевали на протяжении полувека.

Зачем искажалась подлинная история проекта «Восток» и с какой целью так долго скрывали правду о нем, мы обсудим ниже. Пока же нам придется углубиться в технические детали, поскольку без их изучения невозможно рассказать, какие проблемы приходилось решать ученым, конструкторам, инженерам и офицерам-испытателям, прежде чем они отправили первого космонавта на орбиту.

К проработке вариантов пилотируемого космического корабля в ОКБ-1 приступили в инициативном порядке, когда стало ясно, что ракета «Р-7» полетит. Имея в своем распоряжении носитель грузоподъемностью свыше пяти тонн, Сергей Павлович Королёв собирался реализовать нормальный запуск с первой космической скоростью, а не прыжок по баллистической траектории, как планировали американские конкуренты.

3 апреля 1957 года, то есть еще до запуска первого спутника, главный конструктор создал в ОКБ-1 отдел № 9, который доверил своему соратнику Михаилу Клавдиевичу Тихонравову.

Изначально собирались делать корабль в виде ракетоплана — дань молодости Королёва, который в 1930-е работал над высотным истребителем с ракетным двигателем. Ракетоплан стартовой массой 3500 кг должен был взлетать на ракете, совершать манипуляции на

орбите высотой 300 км, а затем спускаться на Землю, используя подъемную силу крыльев. Однако на продувках моделей в аэродинамической трубе выяснилось, что теплозащитный экран не сможет выдержать нагрев при движении в атмосфере. Требовались дополнительные исследования с натурными испытаниями аппарата-аналога. И хотя Королёв одобрил этот план, его реализация встретила затруднения. Пришлось отказаться от ракетоплана в пользу герметичной капсулы, спускающейся с орбиты по баллистической траектории.

С 1957 года главный конструктор, авторитет которого неизмеримо возрос после триумфа спутников, взял привычку сообщать согражданам о своих космических планах в газете «Правда» в новогоднее или предновогоднее время. Поскольку даже фамилия его была засекречена, Королёв подписывал публикуемые материалы псевдонимом — «проф. К. Сергеев». В статье «Исследование космического пространства», появившейся 10 декабря 1957 года, он сообщал:

«Особое место в исследованиях, несомненно, занимают вопросы о возможности осуществления полета человека в космическом пространстве. Здесь важным является, безусловно, надежное и всестороннее изучение жизненных условий и необходимых для этого мероприятий, подтвержденных большим, серьезным экспериментальным материалом, полученным на подопытных животных. Исследования целесообразно было бы проводить при длительном пребывании подопытных животных на больших высотах и желательно с их последующим спуском на Землю для всесторонних исследований. Следует особо отметить, что разрешение проблемы спуска необходимых предметов с искусственных спутников на Землю (например, кассет с записями на пленке, подопытных животных и т. д.), по-видимому, является в настоящее время уже необходимым требованием для дальнейшего развития научных исследований. При пуске высотных ракет в СССР эта задача успешно разрешена. При спуске со спутников возможно использовать торможение земной атмосферы и построить режим движения таким образом, чтобы не допустить нагрева конструкции выше допустимого предела. По-видимому, всё же в чистом виде эта задача не решится полностью, и для благополучного спуска потребуется небольшая дополнительная затрата топлива».

Фактически здесь описана принципиальная схема полета космического корабля, известного позднее под названием «Восток». За его разработку взялся талантливый конструктор и будущий летчик-кос-

монавт Константин Петрович Феокистов. Позднее он вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 4 декабря 1990 года):

«С конца 1957 года я стал работать в ОКБ-1 главного конструктора С. П. [Сергея Павловича] Королёва. В это время там уже начались работы в группе Глеба Юрьевича Максимова по автоматам к Луне и Марсу, начали размышлять над пилотируемыми полетами. Когда я пришел, Михаил Клавдиевич Тихонравов предложил разделить две темы: пилотируемые корабли — это одно дело, а автоматы — другое дело. Выбирайте, кому что по душе. Я выбрал „пилотируемые корабли“, а Глеб выбрал „автоматы“.

До меня занимался этим [Константин Семёнович] Шустин, очень толковый и грамотный инженер. Была идея — начать с крылатой машины. Но быстро стало понятно, что это очень сложно. Зиму мы возились, смотрели разные варианты и пришли к апрелю к однозначному варианту, что это должен быть бескрылый аппарат.

Основные принципиальные решения закрепились тем, что к этому времени сложился образ корабля. Выбрали форму аппарата — сфера. Это было решающее, с моей точки зрения, преимущество, так как дало нам возможность избавиться от серьезных аэродинамических и тепловых исследований. Сфера очень хорошо известна, ее характеристики являются эталоном тела для всех аэродинамических труб. В общем, это моя, конечно, идея, но я тут не вижу особой заслуги интеллекта.

Мы просматривали всякие конусы, зонтики, и однажды Шустин мне рассказал, как он ездил в НИИ-1 к нашим коллегам, которые занимались этим же делом. Конструкторы [Александр Сергеевич] Будник, брат Будника [Василий Сергеевич Будник], и Кузьмин Евгений Петрович искали путь решения проблемы спуска с орбиты. Они мне рассказали, что у них есть идея посмотреть полусферу, и показали, как они „рисовали“ полусферу в потоке воздуха. Я сначала засмеялся, потому что сразу видно, что появляется „взрывная зона“, всё неустойчиво, будет качаться, центр тяжести куда-то уходит. А потом я понял, что правильно — делать сферу. „Схватились“ мы за нее. Это был конец апреля [1958 года]».

Быстрое торможение в плотных слоях атмосферы шарообразного космического корабля могло вызвать перегрузку до 10 g, но испытания на добровольцах в ГНИИИ авиационной медицины показали, что тренированный человек вполне способен выдержать десятикратную перегрузку.

Затем разработчикам показалось, что при падении в атмосфере шар будет беспорядочно крутиться, что может привести к непредсказуемым последствиям в момент приземления. Но и эти сомнения были тут же разрешены проведением простейшего опыта. В то время работники отдела № 9 увлекались игрой в пинг-понг. Кому-то из членов группы Феокистова пришла в голову мысль использовать в качестве модели пинг-понговый шарик с небольшой нашлепкой пластилина в нижней части для создания эксцентриситета. Шарик бросали со второго этажа в лестничный пролет, и он всегда падал именно на нашлепку — устойчивость формы была продемонстрирована экспериментально.

Одной из наиболее серьезных проблем была защита корабля от перегрева при входе в плотные слои атмосферы. Существовавшие конструкционные материалы таких температур не выдерживали. Поэтому проектанты решили использовать тот же принцип, что и для головных частей межконтинентальных ракет «Р-7», — на спускаемый аппарат наносили асботекстолит, который испарялся в потоке набегающего воздуха, поглощая избыточное тепло.

Сначала проектанты и не думали о разделяемом корабле, собираясь возвращать его на Землю целиком. Только вот изготовить весь корабль в виде шара не позволяли габариты ракеты, поэтому его поделили на две части: сферический спускаемый аппарат (СА), в котором находился пилот, и приборный отсек (ПО), сторавший после разделения в атмосфере. Чтобы не усложнять конструкцию корабля системой мягкой посадки, было решено катапультировать пилота из спускаемого аппарата на высоте нескольких километров — такую схему предложил еще в 1956 году Владимир Яздовский. Она давала дополнительный плюс: катапультирование можно было использовать при аварии ракеты на начальном участке выведения.

Первоначальный облик будущего космического корабля определился. Константин Феокистов подготовил доклад для главного конструктора и представил его в июне 1958 года. Королёв поддержал новую компоновку и поручил написать официальный отчет по проекту «Объект Д-2» (так в бюро назывался космический корабль для орбитального полета) в течение двух месяцев.

В середине августа отчет под названием «Материалы предварительной проработки вопроса о создании спутника Земли с человеком на борту» был выпущен. В нем указывалось, что с помощью

трехступенчатой ракеты-носителя на орбиту искусственного спутника Земли можно вывести корабль массой 4,5–5,5 т. Там же были приведены расчеты в обоснование выбора формы спускаемого аппарата и рассматривались шесть вариантов компоновки.

15 сентября 1958 года Сергей Королёв подписал окончательный отчет по кораблю-спутнику, а на следующий день направил письма в Академию наук СССР, руководителям ракетной отрасли и Совету главных конструкторов с уведомлением о завершении исследований, позволяющих приступить к разработке «пилотируемого спутника Земли».

На Совете главных конструкторов, состоявшемся в ноябре 1958 года, было заслушано три доклада: о проекте автоматического спутника-фоторазведчика, о проекте аппарата для полета человека по баллистической траектории и о проекте пилотируемого орбитального аппарата. После обсуждения из двух последних проектов был выбран именно пилотируемый орбитальный. Ему же конструкторы дали наибольший приоритет по сравнению с фоторазведчиком, хотя Министерство обороны настаивало на обратном.

Чтобы ускорить процесс подготовки чертежей, Сергей Павлович приказал расформировать группы, трудившиеся в ОКБ-1 над различными системами корабля, и объединить специалистов в новообразованном секторе, который возглавил Константин Феоктистов. Ведущим конструктором корабля, получившего красивое и многозначительное название «Восток», стал Олег Генрихович Ивановский, до того участвовавший в создании спутников и лунников.

Инженер-конструктор Владимир Михайлович Молодцов вспоминал (цитирую по его статье «История проектирования корабля „Восток“», 2001):

«Надо сказать, что многие возникавшие тогда идеи являлись подлинными изобретениями, но никто и не думал оформлять индивидуальные и даже коллективные заявки на эти изобретения. Времени на оформление этих бюрократических процедур не было. Всё время поглощалось творческой работой.

Как, например, появилось название корабля „Восток“? А вот как. Однажды состоялся неофициальный конкурс предложений по названию корабля. Предлагалось несколько вариантов. Я же предложил название „Восток“. Подоплекой здесь был известный в то время афоризм „Ветер с Востока преобладает над ветром с Запада“, а поскольку, создавая

свой корабль, мы стремились опередить Запад, т. е. Америку, то слово „Восток“ как раз подходило для названия корабля. Этот вариант был одобрен и принят руководством в качестве официального названия корабля».

Работа над кораблем требовала широкой кооперации с привлечением смежников, ведь для пилотируемого космического полета нужно было сконструировать и систему жизнеобеспечения, и систему голосовой связи, и телевизионный комплекс, и пульт ручного управления, и посадочные парашюты, и многое другое. Инициативы одного бюро тут явно не доставало — необходимо было получить правительственное постановление. Поэтому для Королёва на новом этапе стало важно, чтобы его поддержали не только соратники по Совету главных конструкторов и члены Академии наук, но и военные, от которых напрямую зависело финансирование перспективных проектов.

Тут Сергей Павлович проявил политическую гибкость — в начале 1959 года он предложил унифицировать системы пилотируемого корабля и спутника-фоторазведчика. На спутнике предлагалось установить сложное и дорогое оборудование, которое должно использоваться многократно. Напрашивался вариант — разместить его в спускаемом аппарате вместо пилота и возвращать на Землю вместе с отснятыми пленками. Разумеется, это требовало полной автоматизации корабля, что Королёва вполне устраивало: в первых пилотируемых полетах он хотел свести влияние человеческого фактора к минимуму. Фоторазведчик был принят в разработку под названием «Восток-2». Во избежание путаницы позднее его переименовали в «Зенит-2».

Тем не менее военные требовали, чтобы работа над фоторазведчиком была приоритетной. В проекте постановления правительства, который обсуждался в феврале 1959 года, фигурировал только этот космический аппарат. Тогда Королёв через Мстислава Келдыша добился включения в текст постановления фразы о пилотируемом корабле-спутнике.

Получается, что космический корабль появился раньше, чем решение правительства по нему. Первые комплекты чертежей были переданы в цеха Опытного завода в Подлипках-Калининграде в начале весны 1959-го, тогда же началось изготовление корпусов, а Постановление ЦК КПСС и Совета министров № 569–264сс «О создании

объектов „Восток“ для осуществления полета человека в космос и других целей» вышло только 22 мая 1959 года.

Константин Петрович Феоктистов вспоминал (цитирую по его книге «Траектория жизни: между вчера и завтра», 2000):

«Нам хотелось не только создать космический корабль, но и сделать это первыми! <...> Конечно, и технологическая, и производственная, и приборная база у нас была значительно слабее [чем у американцев]. Поэтому время для нас было важнейшим фактором. Это был вопрос самоутверждения. Несмотря ни на что, мы могли стать лидерами, хотя бы в космической технике.

Ни тогда, ни позже не читал (не знаю, к своему стыду, других языков) западную прессу и не знаю, чем они объясняли наш выход вперед. Для меня это дело ясное. Причина в том, что мы уважали соперников и легко могли представить себе, что американцы могут оказаться впереди. Гнали себя вперед изо всех сил. И посмотрите, какие сроки: идеи решения — в апреле 1958 года, принципиальные решения (отчет-обоснование) — в августе 1958 года, решение о начале работ над проектом — в ноябре 1958 года, первые чертежи корпуса пошли на завод в марте 1959 года, исходные данные на разработку бортовых систем (предварительные были выданы еще раньше) — в мае 1959 года, изготовление первого (наземного) образца корабля для комплексной наземной отработки бортовых систем на заводе — в декабре 1959 года!

В целях сокращения сроков всегда хочется, чтобы проектанты работали сразу вместе с конструкторами. Однако практически это невозможно: никогда не получится проекта. Хотя, разумеется, некоторые вопросы мы согласовываем заранее. Конечно, последовательная, поэтапная работа — единственно правильный подход. Но в работе над „Востоком“ этот принцип, как правило, нарушали. Скажем, исходные данные для конструкторов на корпус корабля выпустили еще в марте 1959 года, до завершения общей компоновки. Конструкторы, естественно, роптали и с тревогой следили за нашей работой: ведь по их разработке завод сразу же приступил к производству заготовок для корпусов. <...> Они наблюдали это непрерывное „новгородское вече“, размахивание руками, споры и вопли победителей или жертв: проект был явно еще не окончен. На том этапе только так и могло быть. <...>

Тогда же в работу включились и другие организации, для корабля начали создавать, изготавливать и поставлять оборудование. Несколько десятков заводов и конструкторских бюро включились в процесс.

Дело было для всех новое, малознакомое. Связи иногда приходилось налаживать всякими способами, чаще за счет использования личных знакомств — времени на официальную переписку терять не хотелось».

Космический корабль «Восток» был именно спутником, то есть в принципе не мог менять высоту и наклонение орбиты. Ее параметры задавались запуском ракеты и радиоуправлением на этапе выведения. Поэтому все эволюции сводились к одному, но очень важному маневру — торможению в космосе и снижению в атмосфере. Для осуществления этого маневра в приборном отсеке размещалась тормозная двигательная установка, которая должна была сработать безотказно.

Работу над проектом тормозной установки ТДУ-1 (С5. 4. 0000–0) возглавил Алексей Михайлович Исаев — ветеран ракетного дела и главный конструктор ОКБ-2. Всего лишь через семь месяцев после выдачи технического задания, 27 сентября 1959 года, был проведен первый «прожиг» ТДУ-1 на стенде. Однокамерная установка работала на самовоспламеняющемся топливе и была основана на простых физических принципах. За счет этого в истории не было случая, чтобы она подвела.

Сергей Павлович Королёв требовал многократно продублировать все системы «Востока» для гарантии безопасности пилота, но вторая ТДУ-1 никак не вписывалась в компоновку. Поэтому главный конструктор распорядился, чтобы баллистики из расчетного бюро подбирали орбиту, которая в случае отказа тормозной установки обеспечивала бы сход корабля за счет естественного торможения в высших слоях атмосферы в течение пяти-семи дней после запуска.

Создание системы управления корабля, получившей неофициальное название «Чайка», Королёв возложил на своего заместителя Бориса Евсеевича Чертока. Конструирование системы ориентации, являвшейся частью комплекса управления, возглавил Борис Викторович Раушенбах.

Чтобы торможение корабля на орбите не обернулось ускорением, он должен быть правильно ориентирован в пространстве. Для этого на «Востоке» реализовали две схемы ориентации. Автоматическая ориентация запускалась либо по команде с Земли, либо бортовым программно-временным устройством «Гранит-5В» (в случае отказа устройства — пилотом).

Для надежности схема автоматической ориентации содержала два независимых контура управления: основной и резервный. Основной контур должен был обеспечить трехосную ориентацию с помощью

инфракрасной вертикали (ИКВ). Ее придумали и создали в Центральном конструкторском бюро «Геофизика» для научных спутников. Прибор различал границу между «теплой» Землей по всей ее окружности и «холодным» космосом. Инфракрасная вертикаль считалась надежной, поскольку с успехом прошла натурные испытания на геофизических ракетах «Р-5А» в августе-сентябре 1958 года. Резервный контур, предложенный Борисом Раушенбахом, был куда проще. Известно, что корабль летит по направлению вращения Земли — с запада на восток. Соответственно для торможения ему необходимо повернуться двигателем к Солнцу, которое является прекрасным ориентиром. Посему возникла идея разместить на корабле солнечный датчик из трех фотоэлементов (прибор «Гриф»). Главным недостатком такой системы (по сравнению с основной) было только то, что она не могла ориентировать корабль без Солнца, то есть в «тени» Земли.

Оба контура имели релейные блоки управления, которые выдавали команды на пневматические клапаны микродвигателей ориентации, работающих на сжатом азоте. Выбранное направление поддерживали три гироскопических датчика угловых скоростей (ДУС), поэтому орбита корабля на профессиональном жаргоне называлась гироскопической. Перед выдачей импульса торможения вся система проходила тест — если в течение минуты заданная ориентация строго выдерживалась, начинала работать ТДУ-1. Сам процесс ориентации занимал несколько минут.

В случае отказа автоматики пилот мог перейти на ручное управление. Для него разработали необычную оптическую систему: в иллюминатор, расположенный под ногами, встраивался ориентатор «Взор», включавший два кольцевых зеркала-отражателя, светофильтр и стекло с сеткой. Солнечные лучи, распространявшиеся от линии горизонта, попадали на первый отражатель и через стекла иллюминатора проходили на второй отражатель, который направлял их на глаз космонавта. При правильной ориентации корабля пилот периферийным зрением видел во «Взоре» изображение линии горизонта в виде концентрического кольца. Направление полета корабля определялось по «бегу» земной поверхности — при верных условиях она совпадала с курсовыми стрелками, также нанесенными на стекло иллюминатора.

Дублировалось и разделение отсеков корабля. На орбите они были стянуты металлическими лентами. Кроме того, через кабель-

мачту осуществлялась связь между оборудованием кабины и приборного отсека. Эти соединения надо было оборвать, для чего использовались многочисленные и задублированные пиротехнические устройства: внешние кабели перерубались пиножами, стяжные ленты и герморазъем кабель-мачты отстреливались пиропатронами. Управляющий сигнал на разделение выдавало программно-временное устройство «Гранит-5В» после окончания работы тормозной установки. Если по каким-то причинам сигнал не проходил, на корабле срабатывали термодатчики, генерировавшие тот же сигнал по повышению температуры окружающей среды при входе в атмосферу. Импульс разделения сообщал надежный пружинный толкатель в центре переднего съемного днища приборного отсека.

Разумеется, все эти и другие системы корабля требовали испытаний в космосе, поэтому Сергей Королёв решил начать с запуска более простого корабля-прототипа, фигурировавшего в документах под индексом «1КП» («Корабль простейший»). Он довольно заметно отличался от конечного варианта «Востока». На нем не было теплозащиты, систем жизнеобеспечения и средств катапультирования. Зато на нем установили блок солнечных батарей и новую коротковолновую радиостанцию «Сигнал», созданную в НИИ-695 для оперативной передачи части телеметрической информации и надежной пеленгации корабля. Чтобы компенсировать недостающий вес (и инерцию), на корабль заложили тонну железных брусков. После этого масса «1КП» стала соответствовать проектной — 4540 кг.

15 мая 1960 года с полигона Тюратам стартовала ракета-носитель «Р-7А» с лунным блоком «Е». Она успешно вывела «1КП» на орбиту с высотой 312 км в перигее и 369 км в апогее. В сообщении ТАСС аппарат получил официальное название «Первый космический корабль-спутник». Через четыре дня по сигналу с Земли была дана команда на включение ТДУ-1. Однако подвела система ориентации, основанная на инфракрасной вертикали. Вместо того чтобы затормозить, корабль разогнался и поднялся на более высокую орбиту (307 км в перигее и 690 км в апогее).

Интересно, что в тот раз советское руководство решило признать наличие проблемы. В сообщении ТАСС, опубликованном 21 мая, говорилось: *«Тормозная двигательная установка сработала, при этом осуществлялась предусмотренная стабилизация корабля во время работы двигательной установки. Однако, в результате появившейся*

к этому времени неисправности в одном из приборов системы ориентации корабля-спутника, направление тормозного импульса отклонилось от расчетного. В результате вместо уменьшения скорости корабля произошло некоторое ее увеличение и корабль-спутник перешел на новую эллиптическую орбиту, лежащую почти в прежней плоскости, но имеющую значительно больший апогей».

Корабль «1КП» оставался на орбите до 1965 года. Если бы на борту находился пилот, его гибель была бы неизбежна. Обратимся вновь к мемуарам Константина Петровича Феокистова:

«История эта имела анекдотическое продолжение. Через какое-то время... спутник этот за счет торможения в атмосфере снизился, вошел в плотные слои атмосферы и сгорел. Но кое-что (железные бруски, установленные для имитации массы тепловой защиты) долетело и упало на поверхность Земли вблизи какого-то американского городка! Американцы уже имели систему радиолокационного контроля околоземного пространства и связали это падение с нашим первым кораблем без теплозащиты. И были в крайнем недоумении — зачем на спутнике установлены эти гигантские железные кирпичи с какими-то цифрами? На конгрессах по космосу они пытались вручить их представителям нашей страны. Тогда уже сложилось обычное для нашей системы разделение труда: одни делают спутники, а другие, как правило, никакого к этому делу отношения не имеющие (типа [Анатолия Аркадьевича] Благонравова, [Леонида Ивановича] Седова и прочих), ездят на международные встречи представлять достижения. Нам, конечно, это не нравилось. Мы бы и сами с удовольствием съездили за границу. Ну и, конечно, „представители“ отреклись: „Нет! Нет! Это не наше. Не знаем“. А потом привозили к нам фотографии этих брусков с какими-то цифрами, выбитыми на поверхности, и спрашивали: „А что это?“ С некоторым удовольствием наблюдали за их конвульсиями — представлять нас мы не просили. Правда, их, возможно, и не спрашивали. Но они-то всё же взялись. Однако существо дела мы, конечно, им объяснили».

Сергея Павловича Королёва совсем не расстроила неудача с «1КП». Он был уверен, что в следующий раз свести корабль в правильном направлении обязательно получится. Главное — сработала ТДУ-1, а переход на более высокую орбиту сам по себе был ценным экспериментом, хорошо продемонстрировавшим потенциальные возможности ориентируемых космических аппаратов.

Глава двадцать вторая

Испытание на прочность

В книге Вячеслава Сергеевича Вильямского «Юрий Гагарин в Заполярье» (2016) мне встретился странный абзац; процитирую его:

«Кроме полетов, молодых летчиков обучали также способам спасения из терпящего бедствие самолета. Для этого начальник парашютно-десантной службы объявлял график проведения учебных занятий: наземные тренировки, работы по укладке парашюта, наземное катапультирование, прыжки с парашютом из самолета ЛИ-2. Летчики, включая и Гагарина, не любили эти занятия, но, тем не менее, сделав несколько десятков прыжков, Гагарин получил звание инструктора по парашютному делу и стал подшучивать над робостью приступающих к прыжкам».

Дата присвоения звания инструктора не названа, но из контекста ясно, что речь о 1958 году. Вообще-то, чтобы стать инструктором парашютной подготовки, недостаточно совершить множество прыжков — нужно учиться, как и в любой профессии. Откуда же Вильямский взял эту информацию? Простейший поиск по источникам приводит нас к книге Виктора Анатольевича Митрошенкова «Земля под небом» (1987):

«5 июля [1958 года]. Начальник ПДС (парашютно-десантной службы) объявил график прыжков: наземные тренировки, работа по укладке парашюта, наземные стрельбы из катапульты и прыжки с ЛИ-2. Юрий Гагарин, как и все летчики, начал подготовку без особого желания. Но через два года, сделав несколько десятков прыжков, он получит звание инструктора и будет подтрунивать над теми, кто с понятной робостью приступает к парашютным прыжкам».

Из этой цитаты становится ясно, что Гагарин не проявлял такой же инициативы в парашютных делах, как, скажем, в баскетболе. И это подтверждается документами: недавно из архивов был извлечен «Краткий отчет ЦПК о парашютной подготовке слушателей-космонавтов и результатах медицинских исследований» (датирован 3 марта 1961 года) с прилагаемой «Таблицей количества парашютных прыжков, выполненных за период подготовки кандидатов в космонавты в 1960 году» (датирована 18 декабря 1961 года). Там утверждается, что на тот момент, когда Гагарин приступил к подготовке в качестве слушателя-космонавта, у него за плечами было

всего пять прыжков с парашютом, включая аэроклуб. У остальных членов отряда ситуация с прыжками была не лучше: «рекордсменом» оказался Евгений Хрунов (21 прыжок), «аутсайдером» — Виктор Горбатко (4 прыжка).

Ситуация выглядит аховой, потому что нормальная схема посадки спускаемого аппарата корабля «Восток» предполагала катапультирование пилота на высоте 7–8 км и его отдельное приземление под куполом парашюта. Следовательно, у будущих космонавтов должен быть опыт прыжков в самых разных, в том числе экстремальных, условиях.

Посему, прервав теоретические занятия, 13 апреля 1960 года всю группу из тринадцати слушателей (Аникеев, Быковский, Волинов, Гагарин, Горбатко, Леонов, Нелюбов, Николаев, Попович, Титов, Филантьев, Хрунов, Шонин) отправили на парашютную подготовку на аэродром (в/ч 62648) в город Энгельс — тот самый, который расположен рядом с Саратовом, где Гагарин учился на мастера-литейщика. Группой руководил гвардии полковник Николай Константинович Никитин — известный парашютист, заслуженный мастер спорта, обладатель нескольких мировых рекордов и испытатель первых авиационных катапульти. Наземной подготовкой занимался инструктор Михаил Ильич Максимов. Когда он познакомил космонавтов с программой, они были потрясены. Им предстояли не просто прыжки, а настоящие полеты: с различной высоты, при различном направлении и силе ветра, с посадками не только на землю, но и на воду. Планировались и прыжки с задержкой раскрытия парашюта от 5 до 50 секунд.

Освоение программы заняло больше месяца. Несмотря на имеющийся у летчиков опыт, Максимов начал с азов — с полевой укладки парашютов ПД-47–5С и наземной отработки техники приземления на тренажере Борщевского. Все слушатели-космонавты успешно преодолели этот этап. Прыжки производились днем и ночью с самолетов «Ан-2», «Ли-2», «Ил-14» и с вертолета «Ми-4».

Во время выполнения программы не обошлось без проблем. У Германа Титова захлестнулись стропы, и купол парашюта обвис, не наполнившись воздухом — будущий космонавт умело воспользовался запасным парашютом. Павел Попович ряд прыжков выполнял с поврежденным плечевым суставом, что сказалось на результатах.

Хотя программа была предельно жесткой, у будущих космонавтов хватало личного времени на небольшие развлечения. Например, Алексей Леонов готовил и выпускал боевой листок. В одном из них за 23 апреля есть такие строки: *«Показаны хорошие и отличные результаты по отработке техники управления телом в пространстве при свободном падении. Товарищи Гагарин, Попович при отработке этого упражнения показали смелость, решительность, хладнокровие и умение реально оценивать и выполнять осознанно все движения при свободном падении...»* Или вот строки боевого листка от 9 мая: *«Офицеры Волынов, Николаев, Леонов, Гагарин, Титов показали хорошую технику владения телом при свободном падении, ориентировку в воздухе, умение пользоваться секундомером, а также управлять куполом парашюта при снижении...»*

19 мая слушатели-космонавты совершили зачетные прыжки. Никитин объявил им, что программа успешно выполнена и всем присваивается звание инструктора парашютно-десантной подготовки. Информацию подтверждают и документы (цитирую по «Краткому отчету...»): *«В результате проведенной парашютной подготовки 13 слушателей-космонавтов полностью выполнили программу подготовки. При проверке знаний и практических навыков все они получили высокую оценку. В соответствии с приказом Главнокомандующего ВВС 13 слушателям-космонавтам, успешно выполнившим программу парашютной подготовки, присвоено звание „инструктор парашютно-десантной службы ВВС“.* «Рекордсменом» стал Борис Волынов (66 прыжков в общем зачете), «аутсайдером» — Георгий Шонин (39 прыжков в общем зачете). У Гагарина зачли 41 парашютный прыжок.

Получается, что Виктор Митрошенков правильно описал ситуацию с парашютной подготовкой Гагарина, а вот Вячеслав Вильямский ошибочно его истолковал, откуда и возникло новое разночтение. К сожалению, биография первого космонавта изобилует подобными «неточностями».

В источниках встречается утверждение, будто бы некоторые из слушателей выразили недовольство результатом и стали просить у Никитина допустить их к дополнительным прыжкам: в этом случае они якобы могли претендовать на звание мастеров спорта. Но Никитин был неумолим, поскольку такое предложение выходило за рамки предписанной программы. В действительности для того, чтобы претендовать на звание мастеров, слушатели должны были бы

совершить не менее ста прыжков или принять участие в чемпионате, заняв призовые места, — до таких подвигов им было еще очень далеко. В любом случае второй спортивный разряд они все после тридцатого прыжка получили.

Завершив программу парашютной подготовки, слушатели отправились «осваивать» невесомость на аэродром Чкаловский, принадлежащий Государственному Краснознаменному научно-исследовательскому институту (ГКНИИ) ВВС и расположенный в районном центре Щёлково Московской области.

Врач Иван Иванович Касьян вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 19 июля 1983 года):

«С мая месяца 1960 г. начались тренировочные ознакомительные полеты на самолете УТИ-МИГ-15 с воспроизведением кратковременной невесомости. Это исследование возглавил видный ученый в области авиационной и космической медицины Евгений Михайлович Юганов. <...>

Для этих целей был переоборудован 2-местный реактивный самолет УТИ-МИГ-15, управление полетом осуществлял летчик-истребитель из передней кабины; вторая кабина, где находился космонавт, была укомплектована киноаппаратом для кино съемки мимики лица в условиях перегрузок и невесомости, медицинской аппаратурой для изучения координации движения и регистрации физиологических параметров. Начало и конец невесомости определялись по индикатору и плексигласовому шарикку, который в начале невесомости всплывал, а при воздействии перегрузок опускался на ниточке к середине кабины. Во время выполнения самолетом параболы Кеплера в начале и в конце ее действовали перегрузки — около $3,5+0,5$ ед. в течение 15 сек. Воспроизводилась невесомость около 40–45 сек».

В первом полете слушатели знакомились с состоянием невесомости, вели радиопереговоры. Во втором — изучались координация движений, острота зрения, возможность приема пищи. В третьем — регистрировались физиологические параметры. В четвертом и пятом — закреплялись навыки ведения работы в непривычных условиях.

Как следует из «Заключения о переносимости условий невесомости Ю. А. Гагариным» (датировано 25 ноября 1960 года), будущий первый космонавт участвовал в пяти ознакомительных полетах в период с 24 мая по 31 мая, испытал состояние невесомости 15 раз по 25–40 секунд. После второго полета 26 мая он записал в бортовом журнале: «Ощущение приятной легкости. Попробовал двигать руками,

головой. Всё получается легко, свободно. Поймал плавающий перед лицом карандаш. <...> В третьей горке при невесомости при распуценных привязных ремнях попробовал поворачиваться на сиденье, двигать ногами, поднимать их, опускать. Ощущение приятное, где ногу поставишь, там и висит — забавно. Захотелось побольше подвигаться». Для изучения заданных усилий использовался специальный дозиметр.левой рукой Гагарин держал его на уровне глаз, а большим пальцем правой руки нажимал на рычаг. Результаты фиксировала специальная кинокамера. Проводились и пробы письма: космонавты писали имя, фамилию, дату полета — это показывало, что кратковременное пребывание в состоянии невесомости не влияет на почерк. В «Заключении...» сделан вывод: «Ст. лейтенант Гагарин Ю. А. перенес условия невесомости хорошо». Кстати, были и те, кого оценили на «отлично»; высших оценок по работе в невесомости удостоились: Аникеев, Беляев, Варламов, Вольнов, Карташов, Комаров, Николаев, Попович, Рафиков — все они получили благодарность в приказе.

После полетов группа слушателей вернулась к теоретическим занятиям. Пока они отсутствовали, методистами был наконец-то разработан план-программа специальной подготовки, который включал: основы высшей математики, основы механики твердого тела, основы небесной механики, основы астрономии и геофизики, основы ракетостроения, основы космической и авиационной медицины, принципы создания систем жизнеобеспечения, оборудование кабин современных летательных аппаратов, характеристики космических кораблей, изучение новых стендов и регистрирующей аппаратуры, специальный курс киносъемки.

Летчик-космонавт Алексей Архипович Леонов, проходивший обучение среди тринадцати слушателей, начавших работу раньше остальных, вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 23 апреля 1985 года):

«Вернувшись, мы приступили к подготовке к космическим полетам. Были включены разделы: медико-биологической подготовки (лекции читал тов. Хлебников), динамики полета, системы терморегулирования, системы жизнеобеспечения. Эти занятия проходили в маленьком двухэтажном домике на Центральном аэродроме (бывшая Ходынка). Там были в одной из комнат, площадью метров пятьдесят, столы ученические, и за эти столы посадили двадцать человек — первый отряд советских космонавтов. После „разгульной“ жизни на аэродроме,

в смысле чисто физически свободной — сесть за академическую парту было сложно, тяжело. Аэродром — это больше практическая работа, прыгнул, парашют уложил, свободный, смотришь за товарищами. А здесь надо было восемь часов просидеть за партией, вести конспект. В общем, самая настоящая проза человеческой жизни. Стали читать новейшие дисциплины — высшая математика (пришлось вспоминать многие элементы — дифференцирование, интегрирование). Мы давным-давно уже этим не занимались и вот — окунулись в книги. Я сидел за одной партией с Юрием Гагариным. Так получилось, что в госпитале мы вместе с ним в одной палате находились, много времени раньше вместе провели. Я знал уже многое о нем, да и он — про меня. Так что не случайно мы сели за одну парту. <...>

Были легкие моменты: медико-биологическая подготовка — в школе мы изучали строение организма, и когда нам читал лекции Григорий Федулович Хлебников, кандидат наук, потом доктор наук, то эти малые и большие круги кровообращения были для нас известны, и мы так иногда поигрывали, как дети, в морской бой. Это происходило довольно-таки часто. Во всяком случае, я и Юрий играли. Однажды, после создания партийной организации, на первом партийном собрании выступает один товарищ и начинает воспитывать, что мы прибыли сюда для того, чтобы решить государственную задачу, к нам серьезно все относятся, нам читают серьезные дисциплины, а два лейтенанта, Гагарин и Леонов, сидят и играют в морской бой. Ужасно было стыдно, мы сказали, что мы больше не будем. Я подумал, надо же, какие серьезные ребята собрались, они не шутят, и надо действительно прекращать эти детские забавы...»

Кстати, о партийной организации. Поскольку все слушатели были либо комсомольцами, либо коммунистами, то они участвовали в общественно-политической работе, то есть проводили соответствующие собрания, готовили доклады и диспуты. В плане занятий также стояли уроки по марксистско-ленинской теории. Истекал срок стажа Юрия Гагарина как кандидата в члены КПСС, и он написал в свой заполярный авиаполк, чтобы ему зачли окончание вечернего университета и прислали рекомендации для вступления в партию. Вскоре он их получил — рекомендации представили его старшие товарищи: Владимир Михайлович Решетов, Анатолий Павлович Росляков и Анатолий Фёдорович Ильяшенко. 16 июня состоялось очередное партийное собрание Центра подготовки космонавтов, на

котором Гагарина единогласно приняли в ряды КПСС. Через месяц он получил членский билет № 08909627.

Через два дня, 18 июня, состоялась встреча, которую слушатели-космонавты, присутствовавшие на ней, запомнили на всю жизнь. Главный конструктор Сергей Павлович Королёв пригласил их в Подлипки-Калининград, на Опытный завод ОКБ-1, чтобы они наконец смогли увидеть космические корабли, на которых придется летать.

Первый начальник ЦПК Евгений Анатольевич Карпов вспоминал (цитирую по его собственноручной записи, сделанной в начале 1980-х годов, дата не указана):

«Мы поднялись на второй этаж и оказались в большом и светлом кабинете.

В ожидании Сергея Павловича озираемся по сторонам: вот он, храм ракетостроения!

Длинный стол, затянутый сукном светло-шоколадного цвета. По обеим сторонам стола — полумягкие стулья. В простенке между окнами — диван и два кресла.

Над диваном, в рамках, указы о награждении предприятия высшими орденами страны.

Противоположная стена скрыта под сплошной, присобранной волнами занавеской. В одном углу кабинета — огромный глобус на подставке с колесиками, в другом — веерная пальма в деревянной кадке.

Возле дальнего окна — небольшой рабочий стол. Рядом с ним — компактный пульт с несколькими телефонными аппаратами, множеством кнопок и тумблеров.

Над столом — портрет Константина Эдуардовича Циолковского.

Под потолком — строгого стиля люстры, а на стенах — бра того же строгого стиля.

Во всем убранстве преобладают бежево-коричневые тона. Они придают кабинету особую сдержанность и простоту.

Точно в назначенное время из соседней комнаты вышел Сергей Павлович. На нем был темно-серый костюм и шерстяная трикотажная рубашка, тоже темно-серая.

Со свойственной ему манерой, я бы сказал, немного по-медвежьи Королёв подавал гостям руку, и рукопожатие его было весьма ощутимым. Молодые офицеры представлялись ему поочередно. Всматриваясь в лицо каждого, Сергей Павлович повторял вслух его фамилию, имя и отчество и добавлял: „Очень рад. Будем знакомы. Королёв“.

Затем Сергей Павлович представил гостям своих ближайших помощников и пригласил всех к столу.

— Сегодня знаменательный день, — обратился Сергей Павлович к будущим космонавтам. — Вы прибыли к нам, чтобы своими глазами увидеть пилотируемый космический корабль, а мы впервые принимаем у себя главных испытателей нашей продукции. Но, прежде чем я покажу вам корабль, давайте помечтаем вслух. Скоро вы сами почувствуете, как это помогает нашему делу...

Просто и увлекательно рассказывал академик о том, чего ракетостроители уже достигли. А минутой позже его мысли увлекли нас в будущее: вот гигантские ракеты выводят на внеземные орбиты блоки звездолетов, которые в заоблачных высотах — в зависимости от решаемой задачи — то превращаются в орбитальные станции, то со второй космической скоростью наподобие комет уносятся к планетам Солнечной системы. На звездолетах созданы все условия для жизни и работы большого числа людей, которым основоположник теории межпланетных сообщений Константин Эдуардович Циолковский завещал: „Завоевать Вселенную для блага человечества, завоевать пространство и энергию, испускаемую Солнцем“.

— Ну, а пока, — вернул нас с неба на землю Сергей Павлович, — всё будет очень скромно: полетит только один человек, и только на трехсоткилометровую орбиту, и только с первой космической скоростью, то есть всего лишь в восемь раз быстрее пули. Зато полетит кто-то из вас. — Сергей Павлович обвел глазами присутствующих и после короткой паузы закончил:

— Первым может стать любой...

Беседа окончена. Знакомство состоялось. Сергей Павлович приглашает нас в цех».

Считается, что именно во время той исторической встречи Сергей Королёв не только впервые увидел Юрия Гагарина, но и выделил его среди других. Тот действительно запомнился, оставляя приятное впечатление открытым дружелюбным выражением лица, широкой белозубой улыбкой. Но Гагарин не был бы Гагариным, если бы не сумел обратить на себя внимание по-особенному. Причем делал он это по наитию, без задней мысли.

Обратимся к воспоминаниям Олега Генриховича Ивановского, ведущего конструктора корабля «Восток» (цитирую по интервью, которое он дал радиостанции «Маяк» 3 марта 1984 года):

«Это был обычный рабочий день. Я был в цехе сборки. Крутился как раз с этим кораблем, с его подготовкой — этого корабля. <...> И вдруг по радио, по громкой связи, а такая трансляция у нас была установлена для того, чтобы объявления какие-то делать и вызовы, по пролетам цеха разнеслось: „Ведущему конструктору срочно зайти в кабинет начальника цеха“. Ну, когда такие объявления делались, то мы уже знали, что это что-то серьезное, потому что просто так такие вызовы не объявляли. Я поднялся на второй этаж, по „бытовке“ зашел в кабинет Владимира Семёновича Петрова — начальника цеха, и, когда я туда вошел, я сразу заметил, что его девушка-секретарша с большим почтением держала в руках снятую трубку телефона. И по тому, с каким она почтением держала ее в руках, я почувствовал, что, наверное, звонит СП. <...> Подношу трубку к уху, слышу голос Сергея Павловича: „Как у вас дела?“ Я говорю: „Сергей Павлович, дела идут по плану, как намечено. Привезли кресло, и мы готовим сейчас его к установке в корабль“. Он говорит: „Подождите. Пока ставить не надо. Я сейчас приду вместе с хозяевами“. Причем именно интонационно он так подчеркнул: „с хозяевами“. „Но только прошу вас, лишнего шума чтобы не было. Вы меня поняли?“ Я говорю: „Понял, Сергей Павлович“. Щелк, трубка положена. Действительно, в этот день нам привезли кресла. Кресла пилота. <...>

И, вы знаете, началась необычность происходящего... Именно в этот период. Может быть, с этого самого обычного приема техники, может быть, тогда, когда впервые Фёдор Анатольевич Востоков, ведущий конструктор, который на смежной фирме вел работы по креслу, скафандру и всему тому, что космонавта окружало, вот с этого момента, когда он к нам привез это самое творение своего коллектива. Мы впервые получили кресла в свое распоряжение. Уже не для Стрелки-Белки кресла, не для манекенов, как их звали: „Иваны Ивановичи“, а кресла для пилота, кресла для человека. Вот в этом уже была какая-то необычность.

После этого звонка Сергея Павловича прошло, наверное, минут тридцать-сорок. Естественно, я эту информацию о том, что ожидает нас, не стал ни до кого доводить, поскольку Сергей Павлович предупредил, чтобы шуму не было. Сказал только начальнику цеха: „Владимир Семёнович, имей в виду, что сейчас придет Сергей Павлович с гостями“. Сам я пошел к кораблю. Минут через тридцать пять, наверное, через сорок, в цех открывается дверь, и в двери я заметил группу товарищей. Во главе этой группы, в середине, шел Сергей Пав-

лович в белом халате, накинутом на плечи, как обычно он это делал: порой надевал его в рукава, а порой накидывал на плечи. <...>

Я почувствовал по реакции рабочих, сборщиков, монтажников, что они тоже поняли, что что-то происходит сейчас, в этот момент. Обычно, когда приходил Сергей Павлович, то всё внимание уделялось его персоне, все смотрели только на СП. Это было совершенно естественно. <...> А тут, представляете себе, такая оригинальная реакция, что в основном взгляды все были устремлены совсем не на Сергея Павловича, а вот на этих симпатичных ребят, которые вместе с ним зашли.

Повторю, фамилии нам их не были известны, мы не знали, „кто есть кто“ и кого как зовут, какие там у них заслуги, какие звания даже. Они были в белых халатах. Были они в военной форме, в летной форме, но погон не было видно, потому что они были закрыты халатами. Я с Владимиром Семёновичем, начальником цеха, пошел на встречу. Сергей Павлович приостановился, представил нас: Владимира Семёновича — как начальника цеха главной сборки, и меня — как ведущего конструктора. Затем все вместе мы подошли к кораблю. Сергей Павлович начал ребятам рассказывать об основных характеристиках корабля. Потом, очевидно, ему нужно было по каким-то другим вопросам отойти. Он прямо сказал: „Дальше вам ведущий конструктор расскажет всё, что вас будет интересовать. Задавайте ему вопросы, спрашивайте. Он вам на все ваши вопросы ответит“. Ну вот, так и произошла эта первая встреча. Был ли среди них Гагарин, я в тот момент, естественно, не знал. <...>

Кресло мы не успели установить. Его установили как раз в конце этого разговора, когда подошел Сергей Павлович и сказал: „Давайте мы сейчас приостановим поток ваших вопросов, потому что у нас будут специально организованы для вас занятия. Вы будете специально изучать материальную часть корабля, его устройство, все его характеристики. Будете учиться управлять этим кораблем, сидеть в нем, осваивать всю его аппаратуру и всё остальное. Невозможно в течение одной беседы всё рассказать. Это просто ни к чему“. Ну, а один из них, такой симпатичный паренек, задал мне вопрос: „Что, и экзамены будете у нас принимать?“ И вот тогда впервые я услышал имя „Юрий Алексеевич“. Сергей Павлович, обращаясь к этому самому симпатичному молодому человеку, сказал: „Да, Юрий Алексеевич! А что вы думаете? Закатаем вам двойку, и вот будете знать, как учиться в космос летать“. Впервые было произнесено имя Юрия Алек-

сеевича. Честно скажу, на меня это не произвело впечатления. Подумаешь, ну „Юрий Алексеевич“. С ним такие же ребята были, еще шесть человек. <...>

И потом [Сергей Павлович Королёв] говорит: „Сегодня по плану должны были ставить кресло в корабль. Мы сейчас отойдем, дадим возможность поставить это кресло, а потом я предлагаю вам: кто хочет, может посидеть в корабле“. Товарищи отошли в сторону. Сергей Павлович отошел с ними. Мы быстренько кресло поставили на место. Подняли его краном на уровень люка корабля, вдвинули по ползкам на то место, где ему полагалось быть, подставили площадочку, на которую нужно было подняться. Высота, в общем-то, очень приличная, когда на подставке вертикально стоит корабль. Ребята по очереди туда поднялись. <...> Глаз задерживался как-то невольно на этом молодом симпатичном пареньке. И когда Сергей Павлович сказал: „Ну, что же, давайте попробуем“, — тот: „Сергей Павлович! Можно, я первый?“ — „Пожалуйста, Юрий Алексеевич“. И он в одних носочках, без ботинок, сняв китель, подтянулся, ноги закинул в люк корабля, потом в кресло и плавно в него опустился. Я прекрасно понимаю, что, наверное, уйма переживаний в тот момент у него пронеслась, потому что он впервые почувствовал себя в кабине какого-то совершенно необычного летательного аппарата. И, наверное, каждый из них в этот момент мечтал о своем первом полете. Не мог об этом не мечтать. Не мог».

Стремление Юрия Гагарина быть впереди, быть лучшим, испытать нечто новое подтолкнуло его преодолеть скромность и вызвать себя первым опробовать «Восток». Конечно, такое не забывается. С этого момента Королёв стал приглядываться к Гагарину, мысленно примеряя на него мундир человека, который навечно войдет в историю. И, очевидно, полученный образ ему понравился. Всем участникам встречи главный конструктор подарил на память копию вымпела «Луны-2».

Параллельно теоретическим занятиям слушатели-космонавты интенсивно «подтягивали» свою физическую форму, которая явно не соответствовала требованиям. На этом «фронте» командовал физрук Борис Владимирович Легоньков. Каждое утро, невзирая на погоду, он выгонял подопечных на получасовую зарядку, а потом использовал любое свободное время для спортивных упражнений. Алексей Леонов рассказывал:

«Все лето 1960 г. мы занимались изучением чисто теоретических дисциплин и напряженно занимались спортом. Каждый день два часа Борис Легоньков нас выжимал до предела, так что иногда хотелось на занятиях упасть и не вставать. Это были первые дни, а потом привыкли, нам два часа хватало на то, чтобы и нагрузить себя, и отвести душу игрой в баскетбол, волейбол. Всё уже было. Но общефизическое становление было удивительно тяжелое, потому что непривычное. Эти два месяца интенсивной физической подготовки, по-моему, создали физический стержень каждого из нас. Борис Легоньков был удивительный методист: из всех преподавателей кафедры физической подготовки он был и есть на первом месте по своим волевым качествам, по умению методически провести урок, сделать его интересным, насыщенным. И главное, заставить всех работать».

В начале июля 1960 года Центр подготовки космонавтов начал переезд в подмосковный Зелёный (впоследствии — Звёздный) городок. Там, в районе платформы «41-й километр» Северной железной дороги, поблизости от Щёлково, возводились корпуса, в которых планировалось разместить тренажеры, лаборатории, центрифуги, медицинский центр, астронавигационный комплекс, спортивный комплекс и прочее хозяйство. Однако в то время сотрудникам ЦПК оставалось довольствоваться лишь небольшим двухэтажным зданием, в котором разместились управление, столовая и учебные классы.

Дождаться строительства жилых корпусов и коттеджей в Звёздном городке было слишком долго, поэтому семейным слушателям-космонавтам и руководящему составу ЦПК, не имеющему московского жилья, тем же летом выделили двухкомнатные квартиры в новенькой пятиэтажной хрущевке в поселке Чкаловский (Щёлково-10, ныне — Щёлково-3) по адресу: улица Ленина, дом 25 (ныне — улица Циолковского, дом 4). Пятерых холостяков из отряда поселили в одной трехкомнатной квартире. Переезжать начали в конце августа. Анатолий Яковлевич Карташов вспоминал (цитирую по его интервью украинской газете «Факты», опубликованному 10 марта 2004 года):

«Помню, мы получили квартиры. Их надо было обставить. А в те годы хорошую мебель, холодильник, черно-белый телевизор и прочие хорошие вещи купить без блата было невозможно. Наш замполит майор Никерясов (хороший, кстати, был замполит, умел разговаривать с людьми, заботился о личном составе) договорился с руководством базы военторга. Приехали мы туда, Никерясов ведет всю ораву мимо

группы людей. „И куда эти старшие лейтенанты прутся! Я — жена подполковника, стою в очереди!“ — поджала губы расфуфыренная молодая дамочка. „Надо было за старлея замуж выходить!“ — весело обернулся к подполковничихе Гагарин, и мы пошли дальше».

Разнообразием семьи слушателей не баловали: все получили одинаковые чешские гарнитуры «Жилая комната» и холодильники «ЗИЛ-Москва». Контейнеры с личными вещами, которые прибывали из разных воинских частей, разгружали вместе — весело, дружно, чувствуя себя счастливыми. Гагарины переехали с Ленинского проспекта в «дом космонавтов» в начале октября: им дали двухкомнатную квартиру в четвертом подъезде на пятом этаже; после космического полета Юрия Гагарина их переселили на этаж ниже — в расширенную трехкомнатную квартиру № 57, в которой они жили до 13 апреля 1966 года.

Помимо теоретических занятий и спортивных упражнений, слушатели продолжали готовиться к космосу, проходя всё более серьезные испытания. Одним из таких испытаний была сурдокамера (от латинского «сурдос» — «глухой»). Она была смонтирована в здании на Петровско-Разумовской аллее (рядом со станцией метро «Динамо»), принадлежащем Медицинской службе Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского.

Типичная сурдокамера имеет искусственное освещение, в ней царит глубокая тишина, зрительная связь с внешним миром отсутствует. Хотя подобных условий не бывает на космических кораблях, сурдокамера позволяет проверить выносливость к сенсорному голоду и устойчивость к клаустрофобии; в сурдокамере человек развивает самоконтроль — учится рассчитывать свое время, засыпать и пробуждаться в точно заданный срок.

Слушатели-космонавты по очереди отправлялись в сурдокамеру, оставаясь там под присмотром врачей на десять суток. Разумеется, они не сидели без дела, а по специальной программе выполняли разнообразные упражнения. Связь с ними устанавливалась при помощи сигнальных ламп. Испытуемый получал психологические задания, выполнение которых очень строго регистрировалось. В ходе исследования составлялось достаточно ясное и полное представление о нервно-психическом состоянии будущего космонавта, что позволяло заранее представить, как испытуемый будет вести себя в необычной обстановке, которая может неожиданно возникнуть в условиях реального космического полета.

Специальные приборы, установленные в сурдокамере, давали возможность записывать физиологические функции организма: электрические потенциалы мозга, мышц, кожно-гальванические реакции, частоту дыхания, электрокардиограмму. Для наблюдения за будущим космонавтом использовались специальные телевизионные и киносъемочные камеры. Кроме того, обслуживающий персонал и научные работники могли видеть испытуемого через специальные смотровые люки.

В процессе тренировки в сурдокамере у будущего космонавта выработывалась способность плодотворно работать и не прерывать свою деятельность даже при помехах. В качестве помех использовались музыкальные ритмы, внезапные слуховые раздражения (сирена, джаз, трещотки), световые воздействия (яркие вспышки). Помимо этого, проходила проверку способность слушателя к длительному пребыванию в состоянии так называемой «ждущей схемы» — в напряженном ожидании нового приказа к действию.

Нередко при испытаниях использовалась черно-красная таблица Шульца. Она состоит из 49 квадратов: 25 — с черными цифрами (от 1 до 25) и 24 — с красными цифрами (от 1 до 24). Причем цифры распределены беспорядочно. Будущий космонавт должен был назвать две цифры (черную и красную) с таким расчетом, чтобы сумма их всегда равнялась 25, при этом черные цифры требовалось называть в возрастающем порядке, а красные, наоборот, в убывающем. Этот психологический тест применялся со звуковыми или световыми помехами, например, ту же самую таблицу читал вслух другой человек или сам космонавт, голос которого заранее записывался на пленку, но не в такт или не в том темпе.

Валерий Быковский, первым прошедший испытание одиночеством в сурдокамере сразу после ее ввода в строй 6 апреля 1960 года, успокаивал сослуживцев: «Ничего особенного». Но Павел Попович потом признался: «Нелегко». Андриян Николаев вспоминал: «Хотелось услышать хотя бы тонюсенький птичий писк, увидеть что-нибудь живое. И вдруг меня словно кто-то в спину толкнул. Поворачиваюсь — и в малюсеньком обзорном кружочке вижу глаз. Живой человеческий глаз. Он сразу исчез, но я его запомнил: от табачного цвета глаза до каждого волоска рыжеватых ресниц...» Нечто подобное испытал Борис Волюнов: «Живое слово, только одно слово — что бы я отдал тогда за него!»

Юрий Гагарин отправился в сурдокамеру 26 июля 1960 года. С собой он взял инструменты, чтобы мастерить. На каждый день было составлено расписание: с утра физзарядка, велоэргометр, ходьба и бег на месте, проведение анализов, а также наблюдения и отчеты о температуре, давлении в сурдокамере, ведение рабочего дневника и многое другое. При этом, согласно рабочему графику, Гагарин должен был спать шесть часов в дневное время, а ночью бодрствовать. Дежурные на связь не выходили. Чтобы не скучать, Гагарин загрузил себя дополнительной работой с астронавигационными приборами. Меню Гагарина состояло из содержимого туб с супами, копченой колбасы, плавленого сыра, хлеба.

Медики сразу отметили выдающуюся способность Юрия Алексеевича к естественному быстрому переключению от активной работы к полному расслаблению. В вынужденном одиночестве он читал стихи Пушкина, Маяковского, пользовался библиотекой, подаренной будущим космонавтам издательством «Молодая гвардия». Увлеченно мастерил, напевая: «Я люблю тебя, жизнь...»

По итогам десятидневной изоляции был составлен отчет, который позднее лег в основу секретной докладной записки «Сведения, выводы и заключения об исследованиях, проведенных в 1959–1961 гг. с целью подготовки Ю. А. Гагарина к первому космическому полету» (датирована 13 сентября 1961 года). В тексте, в частности, сообщалось:

«Реакция на „новизну“ <...> — адекватная: отмечалась значительная выдержка, быстрая ориентировка в окружающем, умение владеть собой (мика, речь и т. д.). Как индивидуальная особенность отмечалась склонность к юмору. <...>

При исследовании в условиях длительной изоляции была обнаружена высокоразвитая способность расслабляться даже в короткие паузы, отведенные для отдыха. Отмечалось быстрое засыпание, способность к быстрому самостоятельному пробуждению в заданный срок, отсутствие четких суточных колебаний по результатам выполненных заданий, а также по зарегистрированным состояниям физиологических функций. Выявилась склонность к легкому возникновению дремотного состояния (сонливости) в условиях бездеятельности, во время пауз, не требовавших активного напряжения внимания (например, в ожидании записи физиологических функций). Наряду с этим отмечалась способность к быстрому и четкому включению в активное

состояние как в отношении регламентированных во времени раздражителей, так и в отношении внезапных случайных предъявлений раздражителя. <...>

Все указанные данные свидетельствовали не только о полноте нервно-психического здоровья космонавта Ю. А. Гагарина, но и о высоком уровне функциональных возможностей его нервно-психической сферы. Взятые в отдельности показатели состояния нервно-психической сферы не всегда были наилучшими по отношению к показателям других кандидатов в космонавты. По комплексной оценке результатов космонавт Ю. А. Гагарин был оценен как один из наиболее подготовленных кандидатов. Для предстоящего космического полета психологический прогноз был определен как благоприятный. Нервно-психическая надежность оценена как высокая. <...>

Эмоциональная устойчивость, чувство юмора, склонность к добродушной шутливости и доброжелательное отношение к людям позволяли предполагать, что напряженная подготовка в предстартовый период будет значительно облегчена. Эти же соображения обосновывали предположение о высокой адекватности поведения и в послеполетный период».

В этом сравнительно небольшом фрагменте четко сказано, чем именно отличался Гагарин от остальных членов отряда и почему именно он при довольно средних показателях (в сравнении с остальными слушателями-космонавтами, конечно) был выбран на первый полет. Потому что для участия в полете требовалась не какая-то уникальная способность, а высокая «комплексная оценка», учитывающая множество способностей. И, как мы видим, важную роль при выборе сыграли эмпатия Гагарина, его открытость, добродушие и даже юмор.

Серьезным испытанием стала для слушателей и тепловая камера (термокамера) Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя в Сокольниках. Они отправлялись туда тоже по очереди и находились внутри от получаса до двух часов в одежде при температуре воздуха +70 °С и влажности до 10 %. Процедура выполнялась девять раз, чтобы оценить рост переносимости высоких температур. Лучшие результаты здесь показали Титов, Попович, Николаев, Комаров и Горбатко. А вот Гагарин, как выясняется, хуже переносил высокие температуры, хотя и в достаточной степени, чтобы не быть отбракованным.

Пришлось вновь пройти четырехкратное испытание в барокамере на «высотах» 5000–6000 м без дополнительного питания кислородом и «высотах» 14 000–15 000 м при дыхании кислородом под избыточным давлением. Согласно отчету, слушатели показали хорошую переносимость гипоксии.

Особое значение придавалось тренировкам, направленным на укрепление вестибулярного аппарата. Тут для каждого слушателя составлялись индивидуальные программы. При тренировках использовали батут, качели Хилова, кресло Барани, рейнское колесо, а также специальные стенды, позволяющие балансировать на неустойчивой опоре, комбинировать вращение и балансирование, создавать так называемые «оптокинетические раздражения» в виде мелькания объектов в поле зрения. Космонавты тренировались и в домашних условиях, выполняя гимнастические упражнения: вращательные движения головой, повороты туловища и прочее в том же духе.

Летом 1960 года отряд понес первую «потерю». 24 июля Валентин Варламов купался с друзьями на Медвежьих озерах (поблизости от Чкаловского), неудачно нырнул с берега и, задев дно головой, почувствовал резкую боль. В Звёздном городке его осмотрели и диагностировали смещение шейного позвонка. В тот же день Варламова положили на «вытяжку». После лечения он начал было тренироваться, но вскоре медицинская комиссия наложила запрет. Покинув отряд, Валентин не уехал из Звёздного городка, а стал работать заместителем начальника Командного пункта управления космическими полетами ЦПК ВВС, затем старшим инструктором космических тренировок, специализировался на астронавигации.

Остальные продолжали интенсивно готовиться к космическим полетам. До запланированных стартов времени оставалось совсем немного. И тут технология внесла свои коррективы в продуманную программу.

Глава двадцать третья *Засекреченные катастрофы*

1960 год оказался одним из самых трудных в истории советской ракетно-космической отрасли. Стремясь в очередной раз опередить американцев, инженеры-конструкторы из бюро Сергея Королёва

часто нарушали регламент, сокращали предписанные процедуры, поторапливали смежников. Константин Петрович Феокистов утверждал, что если бы он и его коллеги соблюдали все «правила», то первый пилотируемый корабль стартовал бы в лучшем случае в 1965 году. То есть гонка в мобилизационном режиме была, конечно, оправданна, только такой подход к сложной технике, которая не имела аналогов, неизбежно оборачивался проблемами при ее испытаниях и эксплуатации.

План освоения космического пространства на 1960 год был вкратце изложен в совершенно секретном документе, который мы сегодня имеем возможность прочитать (датирован 6 мая 1960 года):

«Считаем целесообразным наряду с утвержденными планами по боевым объектам установить строгий порядок в очередности выполнения работ по космической тематике.

Исходя из этого, предлагается следующий план работ по космической тематике на 1960 год:

1. Начиная с мая с. г. начать систематическую отработку в полете ориентированных, спускаемых на землю спутников — тема „Восток“.

Спутники „Восток“ предназначены для решения задач фото- и радиоразведки, полета человека и для ряда научных исследований. В текущем году предполагается провести 7 экспериментальных пусков спутников типа „Восток“, в том числе:

В мае месяце намечается осуществить запуск двух простейших спутников „Восток“ с целью проверки вывода на орбиту, проверки системы ориентации и функционирования системы торможения. При этих пусках спутники будут выводиться на орбиту без защитного покрытия с тем, чтобы при возможных ошибках системы выведения на траекторию спуска спутники сгорели бы в плотных слоях атмосферы и не упали на территории иностранных государств.

До августа с. г. предполагается провести пуски двух-трех спутников „Восток-1“ для отработки аппаратуры фото- и радиоразведки, что даст возможность создать боевой вариант спутника-разведчика „Восток-2“.

В течение сентября-декабря с. г. запустить два спутника „Восток-3“ для отработки аппаратуры, обеспечивающей жизнедеятельность человека в полете и отработки автоматической системы спасения человека в случае аварийного пуска ракеты-носителя на участке вывода на орбиту.

Разработка спутников „Восток“, имеющих вес около 4,5 тонны (с учетом веса последней ступени, выводящей спутник на орбиту, общий вес составляет 6 тонн), является фундаментальной задачей и укрепит за наукой и техникой Советского Союза в вопросах освоения космоса ведущее положение.

2. Создание на базе ракеты Р-7 четырехступенчатого носителя, который позволит осуществить полеты автоматических станций к ближайшим планетам (Марс и Венера) и на более высоком уровне решать задачи освоения космического пространства. В августе-сентябре осуществить запуск такой ракеты в космическое пространство с целью освоения этой новой ракетной системы и проверки дальней космической радиосвязи. Этот космический запуск явится подготовкой для полета ракеты к Марсу. Для выполнения этой задачи необходимо подготовить 2 ракеты.

3. В сентябре или первой половине октября осуществить запуск объекта „М“ с целью достижения района Марса, фотографирования его поверхности, передачи изображения на землю, проведения ряда научных исследований. Сложность этой задачи заключается еще и в том, что по астрономическим условиям этот срок не может быть перенесен, так как следующая возможность полета ракеты к Марсу наступит только через два года.

4. К концу этого года подготовить ракету для высадки автоматической научной станции на поверхность Луны (объект Е-6), обеспечивающей непосредственное изучение лунной поверхности и проведение ряда научных исследований.

5. В ноябре-декабре закончить подготовку к запуску спутников Земли с высоким апогеем — объект „Электрон“ для изучения радиационных поясов Земли на различных орбитах, исследования космических лучей, коротковолнового излучения Солнца, радиоизлучения галактики и др. Эти исследования имеют практическое значение для создания некоторых спутников-разведчиков, а также для изыскания путей осуществления межпланетных полетов человека. При этом представляется возможным обеспечить длительный полет этого спутника продолжительностью до 10 лет в пределах оптической видимости и с радиопередачами на землю в течение длительного времени.

6. В 1960 году будут также проводиться работы по подготовке ракеты для полета к Венере (объекта „В“) в январе 1961 г.

7. В течение 1960 года и первой половине 1961 года намечается создание и осуществление запуска искусственного спутника Луны, с передачей изображения поверхности Луны по телевизионной линии (объект Е-7)».

Как видите, пользуясь моментом, Сергей Королёв пытался выжать из политического руководства страны максимум возможного, создав серьёзный задел на будущее. И центральное место в его планах занимала, разумеется, подготовка к пилотируемому полету. Как часто случается, планы разошлись с действительностью.

Выше мы обсуждали запуск простейшего корабля-спутника «1КП», состоявшийся 15 мая и закончившийся выходом спускаемого аппарата на более высокую орбиту из-за ошибки контура системы ориентации, «завязанного» на инфракрасную вертикаль (ИКВ). Поскольку план освоения космического пространства не был утвержден в течение мая (соответствующее постановление правительства за № 587–238сс появилось только 4 июня), то второй запуск простейшего корабля «выпал из графика» и потерял смысл. Посему решили отправить на орбиту корабль, названный в плане «Восток-1» и проходивший в рабочих документах под обозначением «1К».

Новый корабль отличался от «простейшего» прежде всего наличием теплозащиты и катапультируемого контейнера с подопытными животными, который служил прототипом катапультируемого устройства для будущих пилотируемых полетов. Инженер-конструктор Фёдор Анатольевич Востоков, участвовавший в разработке катапультируемых устройств для космических кораблей на заводе № 918 в подмосковном Томилино, вспоминал (цитирую по фотозаписи, сделанной 12 ноября 1996 года):

«В 1958 г. завод получает задание: испытать и поставить систему катапультирования гермокабины для двух животных с системами жизнеобеспечения. Гермокабина должна катапультироваться из возвращаемого аппарата космического корабля (тогда его называли „Восток-1“) и благополучно приземлиться без повреждения животных на конечном этапе полета. Это задание имело продолжение, так как позже, через какое-то количество полетов с животными, космический корабль будет готов к полету с человеком. Поэтому и катапультирующее устройство с животными должно стать в конечном итоге катапультирующим креслом человека. <...>

Трудно было тогда. Всё время поступали изменения, добавления, и этот перечень неоднократно переделывался, перестраивался, дополнялся всё новыми и новыми документами.

После изготовления первых образцов происходила корректировка техдокументации по результатам лабораторных испытаний. Проводились государственные испытания подготовленных изделий. Объем работ по вышеуказанным изделиям был очень большой и постоянно увеличивался. <...>

Всё, что потом должны были перенести космонавты, проверялось нашими испытателями. Это потребовало создания совершенно новой, уникальной испытательной базы. Испытание всего того, что было сделано (а по испытаниям возникали постоянно какие-то доработки в целях усовершенствования конструкций, всей системы), дало возможность в короткие сроки (это был 1958 год) создать эти системы. Для того, чтобы убедиться, что наша схема по катапультированию собаки, а потом и человека из космического корабля правильная, проводились летные испытания сброса „шарика“ с самолета Ан-12 с высоты вначале в восемь километров, а потом с высоты чуть больше десяти километров. Самолет поднимался на эту высоту, сбрасывался „шарик“, вступала в работу схема отстрела люка, подачи импульса [продолжительностью] около двух секунд после отстрела люка [производилось] катапультирование капсулы с животным и обеспечение ее нормального приземления на Землю. Эти испытания проходили в районе озера Балхаш. Всего таких сбросов было около пяти. <...> Наши испытания проходили успешно, замечаний по нашей схеме не было.

По „шарику“ были замечания: один раз не отстрелился люк и поэтому не произошло катапультирование. После доработки испытания проходили более-менее нормально».

В катапультируемый контейнер корабля «1К» поместили кабину для животных с лотком, автоматом кормления, ассенизационным устройством и системой вентиляции, катапультные и пиротехнические средства, радиопередатчики для пеленгации, телекамеры с системой подсветки и зеркал. Очень важно было проверить телекамеру — конструкторы рассчитывали наблюдать за будущим космонавтом всё время полета. Ее создавали те же ленинградские инженеры из телевизионного НИИ-380, которые разработали комплекс «Енисей» для «Луны-3». Новая система называлась «Селигер» и включала две передающие камеры ЛИ-23 массой 3 кг каждая. Качество пере-

дачи — 100 элементов в строке, 100 строк в кадре, частота — 10 кадров в секунду. Сегодня кажется, что это немного, но для того времени вполне хватало для наблюдения за поведением подопытных животных или пилота, пристегнутого в кресле.

Поскольку на этот раз спускаемый аппарат должен был вернуться на Землю, его снабдили парашютной системой, созданной Научно-исследовательским экспериментальным институтом парашютно-десантной службы (НИЭИ ПДС) совместно с заводом № 81 Государственного комитета по авиационной технике (ГКАТ). Спускаемый аппарат выпускал свой парашют по сигналу барометрических датчиков на высоте порядка 10 км, а после снижения до высоты 7–8 км отстреливалась крышка люка и катапультировался контейнер с животными.

Еще одним новшеством стала система терморегулирования корабля, созданная в ОКБ-1: никто не хотел, чтобы новые собаки, а потом космонавт погибли от перегрева, как несчастная Лайка. За основу была принята аналогичная система «Спутника-3» («Объект Д»). Для охлаждения внутреннего объема использовался агрегат с жидкостно-воздушным радиатором. Жидкий хладагент поступал в радиатор из так называемого радиационного теплообменника, установленного на приборном отсеке и связанного с жалюзи, которые по необходимости открывались, позволяя сбросить избыточное тепло посредством излучения с поверхности теплообменника.

Наконец всё было готово, и 28 июля 1960 года на полигоне Тюраатам стартовала «Р-7А». Под ее головным обтекателем находился корабль «1К» № 1 с собаками Лисичкой и Чайкой на борту. И вновь ракета показала свой непростой характер. На 24-й секунде полета из-за возникших высокочастотных колебаний взорвалась камера сгорания блока «Г». Еще через десять секунд «пакет» развалился, упав на территории полигона. Спускаемый аппарат разбился при ударе о землю, собаки погибли.

Конструктор корабля Олег Генрихович Ивановский вспоминал (цитирую по его книге «Ракеты и космос в СССР. Записки секретного конструктора», 2005):

«Старт! Какие-то секунды после подъема ракеты и... Глухие взрывы донеслись сквозь толщу бетона. Резким голосом кто-то дал команду: „Все м стоять на местах!“ Зачем она? Никто никуда и не бежал. Все застыли на своих местах. Только через несколько минут мы вышли

из бункера и увидели: ракета, поднявшись, почти тут же упала, к счастью отлетев немного от стартового устройства, и не повредила его. Черные клубы дыма в нескольких местах. Что-то горело, взрывалось, дым и огонь поднимались вверх.

Сердце сжалось. Ведь во всё это вкладывалось столько сил, в подготовке этого корабля мы забывали обо всем на свете, сколько было надежд... Ведь там были...

Как только кончились взрывы, мне удалось прицепиться на „газик“, мы помчались туда, где еще клубился красно-черный дым. Это было ужасно! Корабль от удара о землю развалился на две части. Приборный отсек с двигательной установкой валялся отдельно, вся местность рядом была черно-оранжевая от разлившейся азотной кислоты. Спускаемый аппарат от удара сплющился в большой бесформенный комок... От коротких замыканий загорелось всё, что могло гореть. Очевидно, и регенерационное вещество в кабине усиленно поддержало этот процесс уничтожения. Температура была такой, что капрон парашютов превратился в слитки... Чайка... Лисичка...»

Подлинную причину колебаний так и не выяснили, списав ее на отступление от технологических норм, допущенное на Куйбышевском заводе № 1, куда переехало производство «Р-7А». Королёв тяжело переживал эту катастрофу, ведь рыжая Лисичка была его любимицей.

Страшная гибель собак подстегнула конструкторов к созданию надежной системы аварийного спасения (САС) на этапе выведения. Было решено доработать систему катапультирования, а в перспективе спроектировать герметичную плавучую капсулу для космонавта, которая целиком выстреливалась бы вместе с ним из спускаемого аппарата в случае развития аварийной ситуации на участках запуска и приземления. От капсулы в конце концов отказались из-за сложности конструкции, а вот САС была в кратчайшие сроки разработана и испытана. Инженер-конструктор Владимир Михайлович Молодцов вспоминал («История проектирования корабля „Восток“», 2001):

«Вопросами аварийного спасения космонавта в случае аварии ракеты-носителя, а это было весьма вероятным событием, т. к. процент неудачных запусков был весьма высоким, занимались Б. Г. [Борис Григорьевич] Супрун и В. А. [Валерий Александрович] Яздовский, хотя совместно с ними соавтором системы аварийного спасения (САС) фактически являлся сам С. П. [Сергей Павлович] Королёв. Регулярно посе-

щая Супруна, он давал советы по повышению эффективности этой системы и до мельчайших подробностей знал всё о работе этой системы. И это было естественно, т. к. за жизнь космонавта отвечал лично С. П. Королёв, и этой ответственности он с себя не снимал.

САС работала следующим образом:

— до 40-й секунды по команде, подаваемой по командной радиолинии, производится аварийное катапультирование космонавта с последующим покиданием кресла и приземлением на парашюте;

— с 40-й по 150-ю секунду происходит аварийное выключение двигателей ракеты-носителя и при снижении падающей ракеты до 7 км производится аварийное катапультирование космонавта и т. д.;

— со 150-й по 700-ю секунду от концевых контактов giroприборов происходит аварийное выключение двигателей ракеты-носителя и производится отделение спускаемого аппарата. Однако автоматика системы приземления регулярно включается от автономного временного механизма еще на 70-й секунде полета. По достижении 7 км спуск продолжается по штатной схеме;

— с 700-й по 730-ю секунду происходит аварийное выключение двигателей 3-й ступени и производится отделение всего корабля. При входе в плотные слои атмосферы по сигналу от термодатчиков происходит разделение корабля с последующим спуском СА [спускаемого аппарата] по штатной схеме.

Однако задача спасения космонавта на первых 15–20 секундах полета не имела удовлетворительного решения. Всё, что можно было сделать, — это развесить металлические сети в районе предполагаемого падения космонавта после его катапультирования, поскольку в этом случае парашют просто не успел бы раскрыться. Но даже если космонавт останется цел, пламя пожара всё равно могло бы его погубить. С. П. Королёв страшно переживал из-за невозможности решить задачу спасения космонавта на этих роковых секундах. Но поскольку затягивать работы над кораблем было невозможно, Сергей Павлович решил, что в данной ситуации пилотируемый запуск следует производить только после двух удачных беспилотных запусков».

К следующему запуску готовились с особой тщательностью. 16 августа состоялся торжественный вывоз ракеты на старт с расчетом запустить ее на следующий день. Неожиданно на носителе забраковали главный кислородный клапан, и пришлось задержать пуск, пока специальным рейсом не привезли новый из Куйбышева-Сама-

ры. Больше всех по этому поводу переживали медики. Они уверяли, что подопытные собаки от непривычной обстановки стартовой позиции «сойдут с ума» раньше, чем доберутся до космоса. Но животные стоически перенесли задержку.

19 августа 1960 года с полигона Тюратам успешно стартовала ракета-носитель «Р-7А», которая вывела на орбиту высотой 306 км в перигее и 339 км в апогее беспилотный корабль «1К» № 2 массой 4600 кг, получивший официальное название «Второй космический корабль-спутник». На его борту находились собаки Белка и Стрелка (из рабочих документов следует, что до полета их звали Вильной и Каплей соответственно). Обе собаки были небольшими и светлой масти. Белка весила четыре с половиной килограмма, Стрелка — на килограмм больше. Как и у Лайки, у новых собак-космонавтов регистрировались артериальное давление, электрокардиограмма, тоны сердца, частота дыхания, температура тела и двигательная активность. На орбите они были не одни: в отдельном герметичном контейнере, расположенном в той же катапультируемой установке, находились две белые крысы и двенадцать белых и черных мышей, насекомые, растения и грибы. Вне катапультируемого контейнера помещались еще двадцать восемь мышей и две крысы. Кроме того, в спускаемом аппарате разместили пакеты с семенами различных сортов кукурузы, пшеницы и гороха, чтобы проверить воздействие космического полета на их урожайность.

Наблюдения за животными велись с помощью системы «Селигер» с двумя телекамерами, снимавшими собак анфас и в профиль. На Земле изображение фиксировалось на киноплёнку. Благодаря этой съёмке, а также расшифровке медицинских параметров выяснилось, что на четвертом и шестом витках Белка вела себя крайне беспокойно, билась, старалась освободиться от привязных ремней, громко лаяла. Потом ее вырвало. Позднее этот факт называли в числе определивших выбор длительности первого полета человека — один виток.

Перед спуском с орбиты вновь отказала основная система ориентации, построенная на инфракрасной вертикали. Сергей Королёв был в бешенстве, но его успокоили, объяснив, что это хороший шанс испытать резервную систему, ориентирующуюся по Солнцу. 12 августа Научно-измерительный пункт № 4 (НИП-4, Енисейск) выдал команду на запуск программно-временного устройства «Гранит-5В», обеспечивающего последовательность операций спуска.

Сработала тормозная установка ТДУ-1, спускаемый аппарат отделился от приборного отсека, вошел в атмосферу и приземлился в треугольнике Орск-Кустанай-Амангельды с отклонением лишь на 10 км от расчетной точки. Он пробыл в космосе 1 сутки, 2 часа и 23 минуты, совершив 17 витков вокруг Земли.

В отличие от предыдущих собак, клички и факт гибели которых надолго засекретили, Белка и Стрелка стали знаменитыми. Во многих советских школах после возвращения корабля проводились специальные уроки хорошего отношения к дворнягам. Рассказывают, что на Птичьем рынке в Москве резко увеличился спрос на беспородных щенков.

Собаки быстро реабилитировались после полета. Позднее Стрелка дважды приносила здоровое потомство — шесть щенков. Каждый из них был на учете, и за него персонально отвечали. Через год, в августе 1961-го, Никита Сергеевич Хрущёв отправил щенка по кличке Пушок в подарок Жаклин Кеннеди, жене президента США.

Злополучную систему ИКВ, которая подвела уже во второй раз, решили с будущими кораблями снять. Основной стала схема солнечной ориентации с фотоэлектрическим прибором «Гриф» — на нее же вывели два контура управления микродвигателями, оставив третий за пилотом.

Хотя запуск и полет нового корабля «1К» состоялись значительно позже намеченного, ракетчики вдохновились очевидным успехом, имевшим широкий международный резонанс, и задумали осуществить запуск пилотируемого корабля в декабре 1960 года!

Чтобы обосновать реальность осуществления столь амбициозного плана, Сергей Королёв во второй половине августа поручил своему бюро ударными темпами разработать модификацию пилотируемого корабля «Восток-3», получившую в документах обозначение «ЗКА» («Восток-3А») и рассчитанную на одновитковую полет. В корабле предлагалось разместить оборудование, прошедшее проверку на других кораблях, и снабдить его системой аварийного спасения. При этом, в случае отказа ТДУ-1, ресурсы корабля позволяли ему поддерживать жизнедеятельность космонавта десять полных суток — под такое время выбиралась и орбита, чтобы в случае проблем «ЗКА» сам сошел бы с нее, тормозя в верхних слоях атмосферы.

В правительстве поддержали смелую идею. 11 октября 1960 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров № 1110–462сс,

в котором предписывалось «осуществить подготовку и запуск космического корабля „Восток“ с человеком на борту в декабре 1960 года и считать это задачей особой важности». Чтобы высвободить силы ОКБ-1 и смежников, тем же постановлением предписывалось изменить план освоения космического пространства, сдвинув на 1961 год запуски высокоорбитального спутника «Электрон», лунников «Е-6» и «Е-7». Однако вскоре план снова пришлось поменять, ведь за первым серьезным успехом последовала длинная череда неудач и даже трагедий.

В сентябре 1960 года образовалось так называемое «астрономическое окно», подходящее для запуска научно-исследовательских аппаратов к Марсу. Сергей Королёв и здесь собирался захватить исторический приоритет. Станцию «1М» массой 500 кг собирались пускать с помощью новой модификации ракеты — четырехступенчатой «Р-7А», снабженной разгонными блоками «И» и «Л». Позднее ракета получила название «Молния». Из-за задержек с подготовкой космического аппарата и ракеты старт всё время откладывался. В конце концов, когда надежды на то, что станция пройдет вблизи Красной планеты, уже не оставалось, запуск состоялся: 10 октября 1960 года ракета-носитель «Молния» с аппаратом «1М» № 1 ушла со старта. Однако тут же потерпела аварию. Причину установили довольно быстро. Еще на участке работы блока «А» (второй ступени) начали нарастать резонансные колебания в блоке «И» (третьей ступени). В результате сильнейшей вибрации произошло нарушение командной цепи, и ракета стала отклоняться от траектории. Двигатель блока «И» включился, но проработал всего 13 секунд до отказа системы управления на 301-й секунде полета. Верхние ступени вместе с автоматической станцией разрушились при входе в плотные слои атмосферы над Восточной Сибирью; остатки ракеты упали в 320 км северо-западнее Новосибирска.

Специалисты лихорадочно подготовили запуск с автоматической станцией «1М» № 2. Он состоялся 14 октября, и опять — авария. На этот раз нарушилась герметичность системы подачи жидкого кислорода. Керосиновый клапан блока «И», облитый жидким кислородом, замерз, и двигатель не смог включиться. Третья ступень и станция сгорели в атмосфере. Обломки ракеты упали в Новосибирской области. Марс в том году остался недоступен.

Но самое страшное произошло через десять дней — 24 октября. В тот день на 41-й площадке полигона Тюратам готовили к запуску

боевую межконтинентальную ракету «Р-16» конструкции Михаила Кузьмича Янгеля. Обратимся к воспоминаниям Бориса Евгеньевича Чертока (цитирую по книге «Ракеты и люди: Фили – Подлипки – Тюратам», 1999):

«Катастрофа, именно катастрофа, а не отказ, которая произошла на полигоне 24 октября 1960 года, не укладывается по своим причинам в терминологию теории надежности, разработанную для ракетной техники. Подготовка ракеты Р-16 производилась на новой <...> позиции полигона. Стартовая позиция именовалась площадкой 41, а техническая — 42. Сороковые площадки, если отмерять по прямой, находились всего в 15–16 километрах от нашей второй площадки.

Председателем Государственной комиссии по испытаниям Р-16 был сам главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения Главный маршал артиллерии [Митрофан Иванович] Неделин. Вместе с [конструктором Михаилом Кузьмичом] Янгелем они решили сделать подарок к сорок третьей годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции — осуществить первый пуск до 7 ноября! <...>

Военные испытатели, прошедшие с нами на этом полигоне все возможные авралы начиная с 1957 года, рассказывали, что такого нарушения испытательных нормативов еще не бывало. <...>

Председатель Госкомиссии Неделин знал ли о нарушениях в цикле отработки ракеты? Можно только предполагать, что к нему приходили соответствующие доклады. Но по каждому замечанию в таких случаях следует решение „допустить“. Оно логически обосновано и закреплено соответствующими авторитетными подписями. <...>

Неделин на Госкомиссии не только не дает разрешения на отдых, а призывает к еще более самоотверженной работе перед великим праздником. Кто же мог посметь возразить Главному маршалу артиллерии, который ради укрепления обороноспособности Родины призывает не к бою, а к самоотверженной работе? Это ведь не фронт — здесь никого не посылают на верную смерть. Никакого вроде бы риска для здоровья, а тем более для жизни.

Наконец была разрешена заправка. Обе ступени ракеты заправлены токсичными, самовоспламеняющимися компонентами. <...> В Тюратаме такие вонючие компоненты появились впервые. Привыкшие к безопасности кислорода и керосина военные испытатели без особого страха вдыхали ядовитые испарения нового топлива.

О том, что вдыхание испарений „высокопарящих“ компонентов приводит к отеку легких, никто не думал. Противогозами не пользовались — они могли только мешать.

На последнем этапе предстартовых испытаний, уже на заправленной ракете, одно за другим появляются замечания к электрической схеме, которые надо понять и устранить. Поиски неисправностей требуют расстыковки кабельной сети и электрических проверок, при которых с помощью специальных вставок одна за другой снимаются блокировки, предохраняющие от несанкционированного запуска двигателя. Десятки испытателей облепили ракету сверху донизу. Советчики и консультанты в избыточном количестве находились на так называемой „нулевой отметке“, то есть непосредственно у самой ракеты. <...>

Неделин оставался на площадке. Ему принесли стул, и он сидел в двух десятках метров от заправленной ракеты, стараясь вникнуть в суть происходящего и подавая пример бесстрашия. Его окружала военная свита. Надо быть готовым ответить на любой вопрос или выполнить новое поручение. На каждого военного начальника должен быть хотя бы один нижестоящий или просто порученец.

Сама по себе такая обстановка на стартовой позиции после заправки ракеты являлась вопиющим нарушением техники безопасности. Можно было ради великой цели обязать десятков испытателей и электриков со своими штепсельными колодками, тестерами и переносными батареями возиться на борту самой ракеты. Но всех до единого, не участвующих в этой работе, руководитель испытаний обязан был убрать с площадки, невзирая на чины и звания. Это обязан был сделать, в первую очередь, начальник полигона. Но он лицо, подчиненное Неделину. <...>

Сами испытатели настолько устали, что в какой-то мере их можно посмертно оправдать в тех или иных ошибках и необдуманных действиях. В частности, снятие всех защитных блокировок, страхующих от несанкционированного запуска двигателя второй ступени, было опасной ошибкой. Не додумали, не сообразили, спешили. „Прости их, Господи, — говорят в таких случаях, — ибо не ведали, что творили“. Но разработчики электрической схемы обязаны были ведасть, что творят. В условиях, когда сняты все электрические запреты на запуск двигателя второй ступени, находящийся в бункере стреляющий офицер, по так и не выясненным причинам, принял решение провести цикл

приведения ПТР — программного токораспределителя — второй ступени в исходное положение. Можно только предполагать, что кто-то из заместителей Янгеля дал ему на то разрешение, если он его запрашивал по переговорной связи. Проводить самовольно такую операцию, не согласовав с руководителем испытаний, он не имел права. Тот, кто дал согласие на эту операцию, забыл или даже не знал, что надо проверить ее по логике схемы — не случится ли чего.

И случилось!

Схема предусматривала возможность выдачи резервной команды на запуск двигателя второй ступени от одной из ламелей программного токораспределителя. Это было нововведение для повышения надежности на случай, если произойдет отказ подачи такой команды по штатным каналам после окончания работы двигателя первой ступени.

Команда по приведению ПТР в исходное положение была последней и роковой ошибкой в длинной цепи событий, готовивших самую крупную катастрофу в истории ракетной техники мирного времени. По пути в нулевое положение ПТР подал питание на схему запуска двигателя второй ступени. Все имевшиеся схемные предохранительные блокировки до этого были сняты в процессе поиска неисправностей.

Двигатель выполнил команду.

Ревущая струя огня обрушилась сверху на запровленную первую ступень. Первыми сгорели все, кто находился на многоэтажных предстартовых мачтах обслуживания. Через секунды запылала и первая ступень. Взрыв расплескал горящие компоненты на сотню метров. Для всех, кто был вблизи ракеты, смерть была страшной, но быстрой. Они успели испытать ужас случившегося только в течение нескольких секунд. Ядовитые пары и огненный шквал быстро лишили их сознания. Страшнее были муки тех, кто находился вдали от маршала. Они успели понять, что произошла катастрофа, и бросились бежать. Горящие компоненты, разливаясь по бетону, обгоняли бегущих. На них загоралась одежда. Люди факелами вспыхивали на бегу, падали и догорали в муках, задыхаясь от ядовитых и горячих паров окислов азота и диметилгидразина».

Согласно отчету Госкомиссии, на 41-й площадке в момент взрыва находилось около 250 человек, из них погибли 74 человека (57 военнослужащих и 17 представителей промышленности); 53 человека (42 военнослужащих и 7 представителей промышленности) получили ранения разной степени тяжести, четверо из них умерли в течение

первых месяцев. Возможно, позднее скончался кто-то еще, поэтому общее число погибших в современных источниках расходится.

Страшная катастрофа с огромным количеством жертв была надолго засекречена. Маршала Митрофана Неделина объявили погибшим в авиакатастрофе, а то, что от него осталось, 27 октября поместили в некрополе у Кремлевской стены. Несмотря на принятые меры, 8 декабря итальянское информационное агентство «Continentale» сообщило, что маршал Неделин и еще сто человек погибли на полигоне при взрыве ракеты. Позднее информация о страшном взрыве всплывала и в других западных СМИ, поэтому со временем произошедшее стали называть емким термином «Nedelin catastrophe» («Неделинская катастрофа»). Советский читатель впервые узнал подробности о ней из очерка Александра Болотина «10-я площадка», опубликованного в журнале «Огонек» (1989, № 16).

Бесславная гибель марсианских аппаратов и «Неделинская катастрофа» не имели прямого отношения к программе «Восток», но, конечно, повлияли на сроки ее исполнения. Траурные мероприятия, расследование причин катастрофы и ликвидация ее последствий заняли значительное время. Только в начале декабря команда Королёва смогла приступить к запускам космических кораблей, но наверстать упущенное не получилось.

Возобновление испытаний обернулось новыми проблемами. 1 декабря 1960 года ракета «Р-7А» вывела на орбиту корабль «1К» № 5 (модификация «Восток-А») массой 4563 кг, получивший официальное название «Третий космический корабль-спутник», с собаками Пчёлкой и Мушкой на борту. Перигей составил 180 км, апогей — 249 км. О том, что в корабле-спутнике находятся собаки, было объявлено открыто, поэтому весь мир с большим интересом следил за космическим путешествием дворняг. В суточном полете корабль вел себя нормально, но во время спуска был внезапно уничтожен системой аварийного подрыва объекта (АПО).

В ходе расследования причин гибели корабля выяснилось следующее: систему подрыва установили по требованию военных — она предназначалась для фоторазведчиков «Зенит-2» («Восток-2», «2К») и была нужна, чтобы секретное оборудование и пленки с заснятыми объектами не попали в руки «потенциального противника». Если траектория спуска оказывалась слишком пологой — это определялось датчиком перегрузки — и возникала вероятность приземления

на территорию другого государства, АПО срабатывал и уничтожал космический аппарат. К этому печальному варианту развития событий корабль подтолкнула мелкая неисправность в тормозной двигательной установке. Дело в том, что время работы ТДУ-1 — 44 секунды. Всё это время она должна была строго ориентирована в пространстве по вектору орбитальной скорости, иначе корабль просто закувыркается. Конструктор тормозной установки Алексей Михайлович Исаев нашел изящное решение — стабилизировать ее за счет газов, истекающих из газогенератора, подавая их в набор рулевых сопел, которые устанавливались вокруг главного сопла ТДУ-1. Похоже, одно из рулевых сопел было повреждено. Из-за этого корабль сошел с расчетной траектории, после чего и сработал АПО. Разумеется, детали происшествия были засекречены. В официальном сообщении ТАСС говорилось:

«К 12 часам по московскому времени 2 декабря 1960 года третий советский корабль-спутник продолжал свое движение вокруг земного шара. <...>

Полученные сведения дали новые данные для осуществления в недалеком будущем полета в космос человека.

По получении необходимых данных была подана команда на спуск корабля-спутника на Землю. В связи со снижением по нерасчетной траектории корабль-спутник прекратил свое существование при входе в плотные слои атмосферы».

Более расплывчатую формулировку трудно придумать. К тому же она вызывала вопросы. Что значит «нерасчетная траектория»? Почему она привела к «прекращению существования»? А что, если корабль с человеком выйдет на «нерасчетную траекторию»? Он тоже погибнет?..

Хотя вины главного конструктора в гибели корабля не было, Сергей Королёв всё равно воспринял утрату близко к сердцу. И тут Юрий Гагарин вновь проявил себя с лучшей стороны. Начальник ЦПК ВВС Евгений Анатольевич Карпов вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 15 марта 1984 года):

«Сгорели собачки, делали лишь технологический пуск. Гагарин мне говорит: „Евгений Анатольевич, давайте поедem к Сергею Павловичу, говорят, у него настроение «такое», успокоим его“. Приехали в Подлипки, Королёв прямо прослезился, говорит: „Слушайте, вам не за то, что вы меня успокаиваете, спасибо, не за то, что вы ко мне челове-

скую теплоту проявляете, но за то, что вы в наше дело верите“. А Гагарин говорит: „Бросьте вы, Сергей Павлович, ну что собачки там какие-то были, собачки есть собачки, были бы мы, мы бы, конечно, сконцентрировались, включили бы ТДУ, если бы по-человечески, всё как полагается“...»

Как видите, не только развитая эмпатия, но и глубокая искренняя вера Юрия Гагарина в нужность всего, что делал Королёв с соратниками, выделяла его среди других. Другие слушатели собирались быть испытателями, а Гагарин мечтал уже о большем — о том, чтобы космос стал домом для человечества.

Запуск «1К» № 6 («Восток-А») состоялся через три недели, 22 декабря 1960 года. Пассажирами были собаки Жемчужная и Жулька (по другим источникам — Альфа и Жулька, Комета и Шутка), мыши, крысы и другая мелкая живность. Команда запуска двигателя блока «Е» прошла на 322-й секунде — с опозданием на три секунды. Этого короткого времени оказалось достаточно, чтобы корабль на орбиту не вышел. Отлично сработала новая система аварийного спасения. Спускаемый аппарат отделился от корабля и приземлился в 60 км от поселка Тура в районе реки Нижняя Тунгуска. Все решили, что собаки погибли, но Королёв верил в лучшее и настоял на организации поиска. Госкомиссия отправила в Якутию поисковую группу во главе с ветераном ракетной техники Арвидом Владимировичем Палло. Тот вспоминал (цитирую по его показаниям, опубликованным в сборнике «Дороги в космос», 1992):

«Мы в то время находились на небольшом аэродроме в Новокуйбышеве. С утра сообщили, что всё идет хорошо, а потом дается команда „отбой“. Мы ничего не знаем, отбой так отбой. Мы не знаем, по какой причине произошел отбой, но понимаем, что завтра рано утром мы возвращаемся. Поздно вечером раздается звонок. Оказывается, Королёв позвонил в воинскую часть и сообщил, чтобы я и представитель из Ленинграда Комаров забрали необходимый инструмент и отбыли на близлежащий аэродром в Безымянку. Там нас ожидает самолет ТУ-104, снятый с пассажирского рейса. Естественно, погрузившись в самолет, я спрашиваю пилота: „Куда летим?“ Он отвечает: „То ли Новосибирск, то ли Красноярск, непонятно“. Решили отдохнуть. Приземлились в Новосибирске. Только вышли, нам навстречу бежит военный и спрашивает: „Вы такие-то?“ — „Да!“ — „Прошу в Ил-14“. Садимся туда. Прилетаем в Красноярск. Нас уже разыскивают. Готов

самолет ГВФ [Гражданского воздушного флота], надо срочно туда грузиться и лететь дальше. На вопрос, куда мы летим, ответ: „Указания будут позже“. Мы не знаем, то ли в Туру, то ли в Туруханск. Над аэродромом Подкаменная Тунгуска решили связаться с начальником аэропорта. Стараемся узнать через него, какие типы самолетов у него есть, чтобы по ним определить, участвуют ли самолеты поискового отряда. Выяснили, участвует еще одна группа Черновского в проведении поисковой работы. В его ведении были самолеты с приводами, с помощью которых можно запеленговать место работы радиомаяка, которым был снабжен спускаемый аппарат.

Приземлившись в Подкаменной Тунгуске, встретились с поисковой группой, и стало ясно, в чем дело. Оказывается, корабль-спутник вышел на нерасчетную орбиту, поэтому направление радиосигналов имеется, но только азимутальное, а второго отсчета нет. Поэтому нас отправили по трассе полета. И нам никто ничего не мог уточнить. Летите и будьте здоровы.

Мы обсудили положение. Приняли решение. Прибыла большая группа из Ленинграда. Все разместились по самолетам, решив проводить визуальный поиск. В это время ко мне подходит представитель органов капитан Сабиров, с которым я летел вместе из Красноярска, и говорит, что было бы желательно, чтобы Комаров и я летели вместе с ним. Ну, хорошо. Летим в направлении Туры. В полете мы ничего не заметили. Прилетели в Туру, сели и пошли сразу на КП [командный пункт] к начальнику. Там находился еще один работник из органов Никифоров. Пока мы разбирались, знакомились, поступила радиограмма с самолета Ан-2, который барражировал в этом районе, производя самостоятельную поисковую работу. Он мог поймать луч, определить направление пеленга. С самолета говорят: „Вижу цель в форме шара с двумя отверстиями. Есть парашют“. Ясно — наш корабль. Нашли корабль, всё хорошо. В это время из Туруханска прилетает вертолет. Я прошу начальника аэропорта срочно доставить нас к месту нахождения спускаемого аппарата. Он говорит: „Нет, так как наступают темнота“. А в это время дни были очень короткие, 3–4 часа светло, остальное время — ночь. Мне пришлось раскрыть, почему нам необходимо быть у аппарата.

Аппарат совершил посадку по нештатной ситуации, это раз, второе — в аппарате имеется автоматическое подрывное устройство, которое может вывести аппарат из строя. Мы не знаем, в каком

состоянии находится это устройство: в состоянии отбоя или взведенном. Мы не можем определить. Можно это сделать, только осмотрев аппарат. Получаем наконец согласие и вместе с Комаровым улетаем к месту посадки аппарата.

Аппарат опустился в 60 км западнее Туры, полетели туда. Кругом тайга, сесть трудно, наконец вышли на место, где сумели сесть. Мы выпрыгнули из вертолета. Снег по пояс, лыж нет, инструмент с собой тащить надо. Взяли направление, пошли. Метров 60 прошли, а дальше направление потеряли. Не на что ориентироваться. В это время подлетает самолет Ан-2 и сообщает пилоту вертолета, что начинает темнеть и он улетаёт в Туру. Я опять вмешиваюсь и прошу помочь его в ориентации, чтобы самолет летел в направлении „вертолет — цель“, пока мы не подойдем к кораблю.

И мы вышли к аппарату. Первое, что мы увидели, подойдя, это то, что не отделилась отрывная плата. Висит вот такой пучище проводов, они обуглены. Второе — люки парашютный и капсулы отстрелились, парашют висит на березе. Капсула на месте. Она не отстрелилась. Что делать? В таких случаях надо быть очень осторожным, мало ли что может приключиться!

„Ты становишься за дерево, а я пройду и обесточу систему устройства“. Комаров говорит: „Нет, эта система — моя“. Я говорю: „Идти должен я, поскольку я — старший по группе“. Кинули на спичках. Жребий выпал ему. Он пошел. Я встал за дерево. Он мне рассказывает, что делает, какой разъем отрывает, чего касается. Я это фиксирую. Он всё сделал и отошел. Одна система обесточена. Теперь нужно обесточить весь корабль, поскольку капсула находится во взведенном состоянии. А выстреливается она порохowymi двигателями. Дальше срывают парашютные системы. Теперь моя очередь. Сам разъем находится в самой глубине, а капсула торчит напротив, прямо передо мной. Температура за -40° , снимаю с себя куртку и протискиваюсь к разъему. Корабль пошатнулся. Что может произойти, непонятно. Наконец добрался до этого разъема, выключил систему. Тут застучали по контейнеру. Иллюминаторы замерзли, ведь прошло несколько суток, прежде чем его нашли. Постучали — ни звука, ни ответа. В это время пилот вертолета говорит: „Мне надо срочно улетать, время вышло“. Уже темнеет. Мы подхватили радиомаяк, взяли с собой и улетели в Туру. Оставили его включенным, чтобы проверить общее время наработки передатчика.

Ночью же меня дважды вызывал Королёв. Причем очень интересовался состоянием животных, корабля. Я начал ему рассказывать, но в это время заиграло северное сияние, и радиосвязь прекратилась. Я не мог сказать, живы собаки или нет, потому что на стук по контейнеру они не откликнулись.

На следующее утро вместе с врачом мы вылетели к аппарату. Стали снимать контейнер. Собаки залаяли. Значит, они живы. Врач скинул тулуп, закутал их, и они вместе с врачом отправились в Туру. А оттуда в Москву».

История собак завершилась благополучно, и впоследствии режиссер Сергей Петрович Никоненко снял по ней художественный фильм «Корабль пришельцев» (1985).

Однако Сергея Королёва итоги 1960 года могли только удручать. Весь его план освоения космического пространства можно было выбросить в мусорную корзину. Форса, которая была у ОКБ-1 перед американскими конкурентами, таяла на глазах. Ракета-носитель и корабль всё еще оставались очень «сырыми» и... опасными для космонавтов.

Беспокойство снедало главного конструктора, и он потребовал у подчиненных подумать о том, чтобы снабдить «ЗКА» дополнительной тормозной двигательной установкой на случай, если первая выйдет из строя. Но тут восстали уже проектанты: решение кардинально изменить компоновку корабля перечеркивало всю их работу, включая запуски готовых «изделий». Пришлось Королёву уступить.

В 1961 год советская ракетно-космическая отрасль входила в состоянии неопределенности. Будущее больше не казалось таким радужным, как еще пять месяцев назад.

Глава двадцать четвертая

Тренажерный минимум

В 2013 году на экраны вышел художественный фильм «Гагарин. Первый в космосе» режиссера Павла Адольфовича Пархоменко — пока единственный в своем роде, посвященный взрослению Гагарина и подготовке к полету в космос. Как оно часто получается, фильм изобилует ляпами и фактическими ошибками. Их можно было бы долго обсуждать, но достаточно сказать, что быт полигона Тюратам

снимали не на территории современного Байконура, что было бы логично, а в Евпатории, на побережье Черного моря, и разница бросается в глаза даже дилетантам. Впрочем, пренебрежение исторической и географической достоверностью можно было бы простить (кино есть кино), но, увы, совершенно недопустимым выглядит то, как создатели фильма показали отряд космонавтов. Перед зрителем предстает группа глуповатых офицеров, которые бьются за право полететь первым, завидуют, интригуют, истерят и ведут себя довольно бестолково. После просмотра фильма может сложиться впечатление, что слушатели-космонавты «гагаринского» набора ничем не лучше (даже хуже!) дворняг, которые летали на орбиту до них: все их занятия сводятся к прохождению изматывающих испытаний и довольно пустым разговорам — сценаристы как будто специально выбирали из воспоминаний очевидцев самые анекдотические моменты и любовно компоновали из них всю фабулу: например, есть в воспоминаниях Леонова, что он играл с Гагариным на лекциях в «морской бой», значит, будет вам на экране игра в «морской бой».

Самое печальное, что фильм «Гагарин. Первый в космосе» не является продуктом извращенной фантазии его создателей — он целиком основан на «легенде», порожденной еще в советские времена и успешно просуществовавшей до нашего времени. Если отбросить словесную шелуху, то суть «легенды» можно сформулировать так: слушатели-космонавты были не испытателями, а испытуемыми, то есть практически не отличались от Лайки, Белки, Стрелки и прочих собак, которых готовили к орбитальным полетам, поэтому главной задачей специалистов, которые работали с ними, было лишь выбрать самого выносливого и фотогеничного.

Разумеется, реальность отличалась от «легенды»: слушатели-космонавты были слишком ценным ресурсом, чтобы им «разбрасываться» при том аврале, в обстановке которого готовился пилотируемый полет «Востока». Поэтому, помимо изучения пределов выносливости членов отряда, им была поручена работа над «Инструкцией космонавта» и тренажерными стендами, имитирующими кабину корабля, а поскольку стенды создавались параллельно с проектированием самой кабины, то слушатели фактически участвовали в разработке интерьера и оборудования спускаемого аппарата «ЗКА». Их участие зафиксировано во множестве документов, которые были рассекречены в 2011 году, но проигнорированы авторами фильма, ведь скуч-

ные отчеты нарушали гладкий образ, созданный на основе ранее прочитанного. То, что этот образ еще и оскорбляет память первых космонавтов, никто, конечно, не подумал.

По сохранившимся документам трудно восстановить хронологию, но некоторые даты мы здесь зафиксируем. Итак, ближе к концу августа, после практически идеального полета корабля «1К» («Восток-1») с Белкой и Стрелкой на борту, Сергей Королёв выдает своему бюро техническое задание на разработку корабля «ЗКА» («Восток-3А») с целью запустить его в полет с пилотом до конца 1960 года. На принятие решения ушло время: соответствующее постановление, как мы помним, появилось только 11 октября. Так или иначе, для практической подготовки космонавтов были нужны тренажеры.

Самый первый тренажер, имитирующий кабину спускаемого аппарата корабля «Восток» («макет № 2»), создавался в Летно-исследовательском институте (ЛИИ), аэродром и научный центр которого находятся в городе Жуковский Московской области. Группой инженеров, работавшей в лаборатории № 47, руководил кандидат технических наук Сергей Григорьевич Даревский. Один из его сотрудников, Станислав Тарасович Марченко, вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 30 ноября 1995 года):

«Лаборатория Даревского занималась авиационной эргономикой, приборными досками, пультами, индикаторами, датчиками температуры, регуляторами температуры и так далее, то есть была приборной лабораторией широкого профиля. <...>

Решая эти задачи, мы, как и все, следили за запусками искусственных спутников Земли, но никак не могли предполагать, что и наше время участия в этих работах совсем близко. В ОКБ-1 Сергея Павловича Королёва в 1959 году вовсе уже шли работы над пилотируемым космическим кораблем „Восток“. Когда разработчики систем управления кораблем приблизились к решению вопросов создания резервного ручного контура (основным контуром считался автоматический), Сергей Павлович посоветовался с НТК ВВС [Научно-техническим комитетом Военно-воздушных сил], где ему подсказали, что в филиале Летно-исследовательского института занимаются вопросами приборных досок и пультов управления, и через НТК ВВС нам предложили срочно связаться с КБ Королёва.

Кстати, мы в то время ничего не знали о том, что готовится пилотируемый полет. Предполагалось, что полет состоится где-нибудь

так году в 1965-м. За это время надо создать какие-то системы на базе электронно-лучевых трубок. Но оказалось, это не совсем так. Когда приехали в КБ в отдел Феоктистова Константина Петровича, выяснилось, что работа над космическим кораблем „Восток“ в самом разгаре. Уже есть не только контуры, есть и образцы космического корабля для полета животных.

Работы, однако, по включению человека в контуры управления еще только начинались, так как приоритет отдавался автоматике, что естественно, поскольку космические корабли создавали люди, разрабатывающие автоматические беспилотные спутники. Нам было предложено поставить серию однострелочных приборов для контроля систем жизнеобеспечения бортовых систем, продумать прибор отображения местоположения космического корабля над поверхностью Земли, специальные часы, а в дальнейшем — и рукоятку управления кораблем. Это было в начале 1960 года, то есть до полета оставалось около года. Но, несмотря на сжатые сроки, молодые инженеры лаборатории Даревского <...> взялись с энтузиазмом за эту работу. Когда было проанализировано требование к количеству параметров, требуемых для ручного управления кораблем и контроля работы его систем, стало очевидным, что традиционными методами эту задачу решить невозможно — нет места в кабине. Вот тут нам и пригодился тот задел, который был создан при работе над единой приборной доской истребителя-перехватчика. Было принято решение создать комплекс комбинированных индикаторов, многострелочных приборов, приборов контроля над режимом работы спуска, объединенных с часами, и других. Конструктивно приборная доска представляла собой единый агрегат, включенный в систему управления кораблем и системой телеметрии. Аналогично был выполнен и пульт управления. Пульт и доска электрически связаны между собой и составляли единую систему — пульт пилота „СИС-1-ЗКА“. Создание единой приборной доски и пульта управления обеспечило рациональную компоновку кабины космического корабля. Этот принцип лег в основу всех дальнейших разработок и используется поныне. <...>

В процессе создания системы возникало множество новых вопросов и, как всегда, в самый неподходящий момент. Например, перед отгрузкой штатного комплекта на механических испытаниях стали отваливаться стрелки приборов, пришлось срочно решать вопрос амортизации, хотя опыта амортизации в диапазоне вибрации создаваемых

носителей не имел никто. Вопросы решались оперативно. Никто не дожидался никаких указаний. Были случаи, что даже наш представитель заказчика старший лейтенант Васкевич Эрнест Анисимович брал в руки паяльник. А Носов Евгений Николаевич, ведущий по пультам, часто лазил с паяльником в изготовленное изделие.

Когда создавалась система „СИС-1-ЗКА“, мало кто задумывался над вопросом обучения космонавтов. Предполагалось, что будет прочитан ряд лекций по бортовым приборам, что и было сделано каждым из нас по своей части. Мне пришлось читать лекции, проводить занятия по показывающим приборам, установленным на приборной доске „ПД1-ЗКА“. Лекции читались в старом здании филиала ЛИИ. Звёздный городок только-только начинал создаваться. А мне в процессе чтения лекций стало ясно, что необходимо задействовать как-то приборную доску и пульт управления и, что самое главное, обучить космонавта ориентации для обеспечения аварийного спуска с орбиты, создать замкнутый контур человек — космический корабль. Поэтому был создан специальный моделирующий стенд. Задел по подобной работе в лаборатории был — моделировались пилотажные авиационные приборы. Специалистом по моделированию и ведущим по стенду-тренажеру был Кулагин Евгений Дмитриевич. Остальные части стенда были воспроизведены в соответствии с разрабатываемыми частями по бортовой системе, а также имеющимся заделом. Например, мне и моей группе помимо имитации работы приборов пришлось заниматься имитаторами изображения. Уже имелся задел по телевизионным индикаторам обобщенной информации.

Стенд был создан достаточно простой. Был принесен макет космического корабля „Восток“, на него поставлена приборная доска, пульт управления, рукоятка, и создан упрощенный пульт инструктора с набором тумблеров-потенциометров для того, чтобы инструктор, сидя за ним, мог включать сигнализаторы и перемещать стрелки приборов, а также управлять тренажером. В качестве имитатора внешней визуальной обстановки была использована телевизионная система. Телевизионный датчик использован был от пилотажного индикатора системы обобщенной информации, а к иллюминатору было приставлено видеоконтрольное устройство. Был полностью использован задел по электронно-лучевым индикаторам приборных досок самолетов. <...> Много было трудностей технических и организационных. Зато, когда всё было собрано и заработало, выяснилось, что даже у разработчиков подобный стенд отсутствует».

Параллельно создавался тренажер, фигурирующий в документах под названием «макет № 1». Его сооружением занимались сотрудники ОКБ-1 на территории Опытного завода в Подлипках-Калининграде при участии специалистов завода № 918 в Томилино, отвечавших за кресло и катапультные устройства.

Несмотря на аврал, работы над тренажерами затягивались, и в сентябре стало ясно, что все девятнадцать слушателей (в сентябре Валентина Варламова вывели из состава отряда) не успевают пройти полную подготовку. В кулуарах обсудили необходимость отделить шестерых-семерых слушателей, которые по своим физическим данным наиболее соответствуют техническим параметрам упрощенной модификации корабля «ЗКА», чтобы они раньше остальных приступили к обучению. Сделать выбор было поручено Евгению Анатольевичу Карпову, возглавлявшему ЦПК ВВС. 27 сентября он определился и через два дня отправил краткие служебно-политические характеристики для представления главкому ВВС на шестерых слушателей: Гагарина, Карташова, Нелюбова, Николаева, Поповича и Титова. 11 октября вышел приказ главкома ВВС № 00176 о создании «специальной группы для ускоренной подготовки к первому космическому полету».

Позднее Владимир Иванович Яздовский так мотивировал выбор специалистов (цитирую по его книге «На тропях Вселенной», 1996):

«При отборе в шестерку в первую очередь учитывались результаты нагрузочных проб, успехи в теоретических дисциплинах, физическая подготовка и др. Принимались во внимание и „габариты“. Волюнов был слишком широк, Шонин слишком высок, Комаров в теоретических дисциплинах лидировал, но у него была незначительная скрытая патология сердечной деятельности, которая случайно была выявлена А. Р. [Адой Равгатовной] Котовской при вращении на центрифуге. Все отдавали предпочтение Володе Комарову, имевшему хорошую теоретическую подготовку (он был инженером, имел высшее образование), но его несколько подвела выявленная сердечная патология. Кроме того, при отборе учитывались результаты психологического тестирования, проводимого Фёдором Горбовым и его сотрудниками, а также коммуникабельность, характер, отношение к товарищам, темперамент, общительность, терпимость».

Однако «специальная группа» получала не только повышенную заработную плату и приоритетный доступ к тренажерам — ее подвергли серьезным испытаниям, выдержать которые оказалось не

всем под силу. Например, расчеты баллистиков показывали, что на отдельных участках траектории при спуске в атмосфере перегрузки могут достичь 12 g. Специалистам, работавшим под руководством Ады Равгатовны Котовской на центрифуге в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале в Сокольниках, поручили проверить, способны ли отобранные слушатели выдержать подобную перегрузку. К концу октября космонавты прошли семикратные испытания при действии перегрузок от 7 до 12 g продолжительностью до 13 минут в направлении «грудь-спина». В отчете Евгения Карпова сказано, что после воздействия перегрузок у слушателей «на спине и боковых поверхностях бедер отмечались единичные мелкоточечные подкожные кровоизлияния». И только у Анатолия Карташова «возникли обильные, сливные кровоизлияния в подкожную клетчатку спины, ягодиц и бедер». По свидетельству Ады Котовской, кровоизлияние выглядело как огромный отечный синяк на всей задней поверхности тела — ничего похожего она до этого не видела. Карташов был немедленно выведен из состава «спецгруппы» и направлен на госпитальное обследование. Его место в «шестерке» занял Валерий Быковский.

Занятия на «макете № 1» проводились с 15 по 24 ноября. По итогам слушатели-космонавты составили список замечаний (датирован 8 декабря 1960 года), который был направлен разработчикам «Востока». Я частично процитирую его, чтобы было понятно, какую именно помощь оказывали члены «спецгруппы» создателям «Востока»:

«1. Жесткая спинка кресла, с которого катапультируется пилот из объекта, имеет большой вес (8 кг) и не позволит принять необходимую изготовочную позу перед приземлением, что может привести к травме позвоночника.

2. При нормальном раскрытии основного купола необходимо исключить введение запасного парашюта, т. к. последний может войти в основной парашют, что вызовет аварийную обстановку. <...>

3. Желательно сделать объект плавучим, для чего необходимо загерметизировать люк № 2 и усилить его. <...>

4. Необходимо установить светофильтры на все иллюминаторы, т. к. попадание солнечных лучей в кабину может вызвать временное ослепление пилота.

Желательно иметь съёмные светофильтры, что позволит при определенном положении объекта видеть естественное небо.

5. Ларингофоны (ЛА-5) очень неудобны и громоздки. При перегрузке они значительно давят на горле и затрудняют дыхание.

6. Желательно телеграфный ключ поставить на кресло (под правую руку пилота). <...>

7. Приборную доску необходимо окрасить в серый цвет, чтобы лучше выделялись на ней приборы.

Щиток управления должен быть черным, т. к. при такой окраске лучше выделяются тумблеры и надписи.

8. Желательно, чтобы при автоматической ориентации объекта по Солнцу пилот мог контролировать истинное положение объекта визуально.

9. Желательно, чтобы аварийную систему терморегулирования можно было включать пилоту самому (по самочувствию).

Как видите, замечания весьма существенные и вполне соответствуют уровню летчиков-испытателей, хотя, напомним, таковых среди слушателей-космонавтов не было: им приходилось осваивать эту профессию на ходу, без предшествующего опыта.

С 22 ноября начались занятия на «макете № 2» в Летно-исследовательском институте. Слушатели-космонавты впервые появились в лаборатории № 47 Сергея Даревского за месяц до этого, слушали теоретический курс по приборной доске и пульту управления, но теперь от теории будущие космонавты перешли к практике. Чтобы им не приходилось постоянно ездить между Жуковским, Чкаловским и Звёздным, Отдел авиационной космической медицины (№ 28) выделил им жилое помещение на третьем этаже корпуса спецполиклиники, расположенной напротив филиала ЛИИ, где и был смонтирован «макет № 2». Непосредственной работой с «макетом» руководил знаменитый летчик-испытатель Марк Лазаревич Галлай. Слушатель облачался в скафандр (на тренировках в 1960 году обходились обычной летной формой, поскольку скафандры еще не были изготовлены), забирался в кабину тренажера (в «шарик»), в которой всё оборудование было аналогично штатному, а по переговорному устройству воспроизводились акустические эффекты старта ракеты и включения ТДУ-1. Галлай говорил: «Поехали!» — и начиналось воспроизведение штатных и нештатных ситуаций полета. Позднее он вспоминал (цитирую по книге «Через невидимые барьеры», 1969):

«В составе большого экипажа существенно не только, что сказать своим подчиненным, но и как сказать.»

Кое в чем я сознательно нарушал узаконенные формулировки внутрисамолетных переговоров.

Так, вместо высокопарного „Экипаж, взлетаю!“ я перед началом разбега почти всегда говорил: „Поехали!“

Некоторые из моих товарищей издавна упрекали меня за подобную, как им казалось, профанацию высокой терминологии нашего благородного ремесла.

— Что значит „поехали“? Ты что, извозчик или вагоновожатый? И вообще вечно у тебя какие-нибудь отсебятины! Вчера опять в кепке летал. Черт знает что!

Действительно, с появлением закрытых кабин я наладился летать в кепке с надетыми поверх нее наушниками, благо сколько-нибудь веских причин стягивать голову тесным шлемом не видел. <...>

— Ты просто вольтерьянец, — заключили мои коллеги.

Слово „нигилист“ тогда еще не вошло в моду. В противном случае они, конечно, пустили бы в ход и его.

Неприязнь к шикарнейшей фразе „Экипаж, взлетаю!“ я почувствовал с тех пор, как однажды услышал ее из уст летчика, который работал только на легкомоторных самолетах и перед взлетом гордо изрекал ее, адресуясь к „экипажу“ в составе... одного человека.

Но, конечно, это была не единственная и не главная причина.

Дело в том, что, кроме „текста“, с которым командир обращается к экипажу, огромное значение имеет интонация.

Иногда она должна быть подчеркнута спокойной, размеренной — это когда надо снизить тонус нервного напряжения на борту. Иногда, если возникает угроза разнобоя, нечеткости или, еще того хуже, паники, — необходима резкая, требовательная интонация, даже окрик. А чаще всего к месту бывает шутка — обычная добрая человеческая шутка. Она помогает работать веселей, — а хорошо работать можно только весело! Юмор — то, что отличает человека от прочих живых существ и даже таких совершенных созданий человеческого гения, как кибернетические машины будущего (эпитет „совершенный“ легче всего прилагать к явлениям будущего). И грешно было бы не использовать столь могучее средство для создания нужной атмосферы на борту самолета в испытательном полете.

По моим наблюдениям, „поехали“ отлично снимало то едва уловимое напряжение, которое почти всегда возникает в машине, особенно опытной, перед стартом. Ну, а со временем эта форма инфор-

мации экипажа о начале взлета, конечно, просто вошла у меня в привычку...»

Так и появилось знаменитое «Поехали!», которое в апреле 1961 года станет знаменитым на весь мир.

Для контроля за физическим и психологическим состоянием слушателей-космонавтов Даревский пригласил «своих» медиков-физиологов из 28-го отдела. Ими стали Андрей Михайлович Клочков и Леонид Александрович Китаев-Смык. Их участие сводилось к наблюдению за тренировками, опросу будущих космонавтов с целью определить степень их возбуждения или утомления. Китаев-Смык позднее свидетельствовал, что тренировки проходили деловито, напряженно, но спокойно.

С 10 декабря слушатели, помимо обучения в филиале ЛИИ, ездили в Сокольники, в Центральный авиационный госпиталь, где проводились тренировки в «теплом макете объекта Восток-3А» — под этим названием фигурировала термокамера, снабженная креслом, элементами системы регенерации и терморегулирования, которые предполагалось использовать на реальных космических кораблях. В «теплом макете» слушатель должен был «шкуррой» почувствовать различные режимы работы систем жизнеобеспечения корабля в течение суточного полета.

В декабре стало ясно, что в 1960 году полет человека на орбиту обеспечить не получится. Многие системы корабля всё еще требовали доработки и испытаний, не были готовы скафандры, слушатели отряда не прошли подготовку по покиданию корабля, действиям после приземления, работе с носимым аварийным запасом и индивидуальными средствами спасения. Поэтому дату запуска перенесли на февраль. К счастью для Королёва и его команды, у американских конкурентов тоже всё складывалось не лучшим образом: в рамках программы «Mercury» суборбитальные полеты были запланированы на апрель 1960 года, а первый орбитальный — на 1 сентября 1960 года, однако сроки постоянно сдвигались из-за проблем с ракетой-носителем «Redstone».

По итогам 1960 года Евгений Анатольевич Карпов выпустил приказ ЦПК ВВС № 001 (от 4 января 1961 года), допускающий шестерых слушателей к «экзамену на готовность к выполнению обязанностей космонавта». Через два дня главком ВВС утвердил состав экзаменационной комиссии; ее возглавил генерал-лейтенант Николай Пе-

трович Каманин, занимавший в то время должность заместителя начальника Главного штаба ВВС по боевой подготовке. Прием экзаменов разбили на два дня. 17 января комиссия и слушатели-космонавты собрались в филиале Летно-исследовательского института, у «макета № 2». Обратимся к дневникам Николая Петровича Каманина (цитирую по книге «Скрытый космос: Книга первая», 1995):

«Сегодня комиссия, назначенная приказом Главкома ВВС под моим председательством, начала прием выпускных экзаменов у первой шестерки слушателей-космонавтов, подготовленных в Центре подготовки космонавтов (ЦПК) ВВС. В состав комиссии входят: генерал-майор [Александр Николаевич] Бабийчук, генерал-лейтенант [Ювеналий Михайлович] Волынкин, генерал-лейтенант [Василий Яковлевич] Клоков, полковники [Владимир Иванович] Яздовский и [Евгений Анатольевич] Карпов, академик [Норайр Мартиросович] Сисакян (АН СССР), кандидат технических наук [Константин Петрович] Феоктистов (ОКБ-1), Главный конструктор завода № 918 ГКАТ [Семён Михайлович] Алексеев и заслуженный летчик-испытатель [Марк Лазаревич] Галлай (ЛИИ). Присутствовал начальник ЛИИ ГКАТ [Летно-исследовательского института Государственного комитета по авиационной технике] Н. С. [Николай Сергеевич] Строев. Это первые в нашей стране выпускные экзамены космонавтов. Проходили они в филиале ЛИИ и были засняты на киноплёнку.

Каждый слушатель-космонавт занимал место в кабине действующего макета космического корабля „Восток-3А“ и в течение 40–50 минут докладывал комиссии о назначении корабля, его оборудовании, о действиях космонавта на различных этапах полета от посадки в кабину корабля на старте и до приземления в районе посадки. Во время доклада экзаменуемого и после доклада члены комиссии задавали вопросы. Особое внимание комиссией уделялось умению космонавта ориентировать корабль перед включением ТДУ, знанию и умению пользоваться аппаратурой, обеспечивающей жизнедеятельность космонавта, действиям космонавта после приземления в пустынной местности и на воду. Все слушатели показали хорошие знания космического корабля и условий его полета. Гагарин, Титов, Николаев и Попович получили оценки „отлично“, а Нелюбов и Быковский — „хорошо“».

На следующий день, 18 января, экзамены проходили в Звёздном городке, в учебном классе Центра подготовки космонавтов. Здесь всё выглядело более традиционно: слушатели тянули билеты с тремя

вопросами и после двадцатиминутной подготовки отвечали на них. Список вопросов 4 января был составлен Карповым и утвержден Каманиным, после чего заместитель начальника ЦПК ВВС по летной подготовке подполковник Евстафий Евсеевич Целикин подготовил билеты. Содержание вопросов охватывало весь теоретический курс, прослушанный членами отряда, за исключением марксизма-ленинизма. Вот, например, как выглядел первый билет: «1. Основные законы механики твердого тела. 2. Основные предвестники и симптомы кислородного голодания. 3. Зоны радиации вокруг Земли». А вот так выглядел последний, обозначенный как 15-й: «1. Научные исследования с помощью искусственных спутников Земли и космических ракет. 2. Положение НАЗ'а [носимого аварийного запаса] при штатном и аварийном катапультировании. 3. Определение координат места приземления по кульминирующему светилу». Тематический охват впечатляет. Мало кто в то время мог бы исчерпывающе ответить на всю совокупность столь специфических вопросов.

Генерал-лейтенант Каманин записал в дневнике:

«Все слушатели показали отличные знания. Рассмотрев личные дела, характеристики, медицинские книжки и оценки слушателей по учебным дисциплинам, комиссия единогласно решила всем слушателям поставить общую отличную оценку и записала в акте: „Экзаменуемые подготовлены для полета на космическом корабле «Восток-3А», комиссия рекомендует следующую очередность использования космонавтов в полетах: Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Быковский, Попович“. После окончания экзаменов в присутствии членов комиссии я объявил результаты экзаменуемым, пожелал им успехов в дальнейшей учебе и в космических полетах.

В эти дни у меня часто возникали вопросы: „Кто из этой шестерки войдет в историю, как первый человек, совершивший космический полет? Кто первым из них, возможно, заплатит жизнью за эту дерзкую попытку?“ На эти вопросы пока нет ответов, но можно предвидеть, что при отличной работе техники любой из них справится с ролью космонавта. В марте-апреле 1961 года состоится первый полет человека в космос. Есть полная уверенность, что корабль выйдет на орбиту, но нет еще гарантии безопасной посадки. Из четырех космических кораблей, летавших в 1960 году, вышли на орбиту 3 корабля, отлично приземлился один корабль и еще один приземлился аварийно, но собаки остались живы. До полета человека будет еще два запуска кораблей с манекенами, будем надеяться, что они оба приземлятся отлично.

Все шестеро космонавтов — отличные парни. О Гагарине, Титове и Нелюбове сказать нечего — они не имеют отклонений от эталона космонавта. Николаев — самый спокойный из шестерки. Быковский менее, чем другие, внутренне собран, способен на некоторую долю развязности и может сказать лишнее. Попович — пока загадка: создает впечатление волевого человека, но ведет себя в раздорах с женой излишне мягко. У них дочь пяти лет, жена — летчик Серпуховского аэроклуба. Может быть, поведение Поповича объясняется редким благородством души, а может быть, за таким поведением есть и неизвестная нам тайна. Попович по всем данным может быть одним из первых среди шестерки, но семейные неурядицы тянут его назад. Будем принимать меры, чтобы помочь ему».

Очень важное свидетельство, развенчивающее множество мифов о том, как Гагарин был назначен на первый полет. Получается, что очередность отправки в космос (первый — Гагарин, второй — Титов, третий — Нелюбов) была определена еще 18 января 1961 года, и космонавты об этом знали! Свидетельство подтверждается рассекреченными документами: например, в акте о результатах экзаменов, утвержденном главкомом 25 января, прямо сказано:

«Комиссией ориентировочно рекомендуется следующая очередность экзаменовавшихся слушателей к первому космическому полету:

- 1. Ст. лейтенант ГАГАРИН Ю. А.*
- 2. Ст. лейтенант ТИТОВ Г. С.*
- 3. Ст. лейтенант НЕЛЮБОВ Г. Г.*
- 4. Капитан НИКОЛАЕВ А. Г.*
- 5. Капитан БЫКОВСКИЙ В. Ф.*
- 6. Капитан ПОПОВИЧ П. Р.».*

При этом, заметим, Сергей Павлович Королёв, который, как утверждается во многих источниках «проталкивал» Гагарина в «первые», на экзаменах не присутствовал, и по этой причине его подписи на акте нет! Реальная история теперь выглядит несколько иначе, чем нам рассказывали, не так ли?..

В тот же день, 25 января 1961 года, произошло еще одно историческое событие: главком ВВС подписал приказ № 21 о назначении шестерых членов отряда, сдавших экзамен, на должность «космонавт». Однако советские граждане и мировая общественность узнают об этом еще очень нескоро.

Глава двадцать пятая

Страшная тайна

К каждому юбилею полета Юрия Алексеевича Гагарина в космос на страницах периодических изданий вновь и вновь появляются статьи о том, будто бы Гагарин не был первым советским космонавтом. Обычно они сводятся к перечислению слухов и пересказу невероятных подробностей о пилотах, которые полетели на орбиту до Гагарина, но погибли там, поэтому их имена были навсегда засекречены. При советской власти подобного рода публикации были недоступны нашему читателю, а теперь никаких цензурных ограничений на их распространение нет. Откуда же возник миф о жертвах советской космонавтики?

Впервые обвинения против Советского Союза в сокрытии факта гибели космонавтов были выдвинуты еще до полета Юрия Гагарина. В дневниках Николая Петровича Каманина читаем запись от 12 февраля 1961 года: *«После пуска ракеты на Венеру 4 февраля многие на Западе считают, что мы неудачно запустили в космос человека; итальянцы даже будто бы „слышали“ стоны и прерывистую русскую речь. Всё это совершенно беспочвенные выдумки. На самом деле мы упорно работаем над гарантированной посадкой космонавта. С моей точки зрения, мы даже излишне осторожны в этом. Полной гарантии успешного первого полета в космос не будет никогда, а некоторая доля риска оправдывается величием задачи...»*

Старт 4 февраля 1961 года действительно нельзя назвать удачным. В тот день ракета-носитель «Молния» вывела в космос межпланетный аппарат «1ВА» № 1. При выводе отказал преобразователь тока в системе энергоснабжения разгонного блока «Л» (оказалось, что он не был рассчитан на работу в вакууме), двигатель блока не запустился, и аппарат остался на околоземной орбите. На следующий день в сообщении ТАСС по сложившейся традиции провал объявили победой:

«В соответствии с планом создания и отработки космических кораблей повышенного веса 4 февраля 1961 года в Советском Союзе с помощью усовершенствованной многоступенчатой ракеты осуществлен запуск тяжелого искусственного спутника Земли. Вес спутника, без учета последней ступени ракеты-носителя, составляет 6483 кило-

грамма. На спутнике установлена радиотелеметрическая система для контроля параметров элементов конструкции и аппаратуры для траекторных измерений. Вся бортовая аппаратура спутника на участке его выведения и при дальнейшем движении по орбите функционировала нормально.

Предварительные данные, полученные с помощью наземного измерительно-вычислительного комплекса, позволили определить следующие параметры орбиты спутника: период обращения 89,80 минуты, высота перигея 223,5 километра, высота апогея 327,6 километра, наклонение орбиты 64 градуса 57 минут.

Замеренные параметры орбиты спутника близки к расчетным.

Поставленные при запуске спутника научно-технические задачи выполнены».

Поскольку до того советская пропаганда серьезно «вложила» в рекламу близящегося полета космического корабля с человеком на борту, то западные журналисты резонно решили, что «Спутник-7» (так назвали «1ВА» в западной прессе) был именно пилотируемым кораблем, а не межпланетным аппаратом. Шумиха вокруг засекреченной гибели безвестного космонавта поднялась такая, что советским официальным лицам пришлось выступить с опровержением, но, конечно, не признавая серьезности претензий. В газете «Правда» появилась статья «К запуску тяжелого советского спутника Земли»:

«4 февраля текущего года в Советском Союзе был успешно выведен на орбиту тяжелый искусственный спутник Земли весом более 6 тонн. В связи с этим корреспондент газеты „Правда“ обратился к академику Л. И. [Леониду Ивановичу] Седову с просьбой рассказать о ходе и научном значении этого крупного эксперимента. Отвечая на вопрос корреспондента „Правды“, Л. И. Седов сказал:

Как уже сообщалось, в этом запуске на орбиту вокруг Земли с помощью усовершенствованной многоступенчатой ракеты был выведен искусственный спутник Земли весом 6. 483 килограмма, что почти на 2 тонны превышает вес кораблей-спутников, которые до этого были запущены в СССР.

На борту запущенного 4 февраля сего года спутника не было установлено специальной аппаратуры для научных исследований космического пространства и не было подопытных животных, поскольку запуск такого корабля производится впервые и исключительно с экспериментальными целями. Отмечу также, что не соответствуют

действительности слухи, распространявшиеся за рубежом о том, что на этом спутнике находится человек.

В этом полете основной задачей являлось: во-первых, задача самого выведения на орбиту такого крупного спутника и затем изучение параметров, характеризующих работу его конструкции. С этой целью на борту спутника была установлена радиотелеметрическая система для контроля параметров элементов конструкции.

Во-вторых, не менее важной и одновременно весьма трудной задачей является высокоточное выведение тяжелого спутника на заданную орбиту. Это было успешно достигнуто, и с помощью аппаратуры для проведения траекторных измерений, установленной на спутнике, произведены нужные измерения и наблюдения.

С помощью наземного измерительно-вычислительного комплекса было установлено, что движение спутника происходит по орбите, весьма близко совпадающей по своим параметрам с расчетной.

В этом экспериментальном запуске не было предусмотрено специальной системы для возвращения спутника на Землю.

Из-за низкой орбиты существование спутника будет непродолжительным и в ближайшее время спутник войдет в плотные слои атмосферы и прекратит свое существование».

Как видите, более бессодержательный ответ на серьезные вопросы сложно придумать. Любой человек, хоть сколько-нибудь сведущий в космонавтике, сразу заметит, что никаких затруднений с выведением тяжелых спутников на заданную орбиту у государства, которое перед тем отправляло аппараты к Луне и собачек в космических кораблях, быть не должно в принципе. Если же всё-таки такие затруднения возникли, то разумнее выводить спутник на высокую орбиту, чтобы получить больше времени для исследований и больше данных для усовершенствования аппаратуры.

Впрочем, 12 февраля стартовала «Молния», которая вывела в космос «1ВА» № 2. На этот раз всё прошло почти идеально — аппарат улетел с околоземной орбиты и удостоился официального имени «Венера-1». За триумфом от очередной победы странная история «Спутника-7» вроде бы забылась.

Всё же слухи о советских космонавтах, которые погибли и были засекречены, продолжали множиться. Американский историк космонавтики Джеймс Оберг провел небольшое расследование, итогами которого поделился в статье «Фантомы космоса» («Phantoms of

Space», 1975). Он показал, что первое известное сообщение, посвященное «жертвам красного космоса», появилось в декабре 1959 года: итальянское новостное агентство «Continendale» распространило заявление некоего высокопоставленного чешского коммуниста о том, что в Советском Союзе осуществлен, начиная с 1957 года, ряд запусков пилотируемых баллистических ракет. Один из пилотов по имени Алексей Ледовский погиб 1 ноября 1957 года в ходе такого суборбитального запуска. Развивая тему, агентство называло еще три фамилии «погибших» космонавтов: Сергея Шиборина (погиб 1 февраля 1958 года), Андрея Миткова (погиб 1 января 1959 года) и Марии Громовой (погибла 1 июня 1959 года). При этом указывалось, что пилот Громова нашла свою смерть не на баллистической ракете, а в результате аварии прототипа орбитального самолета с ракетным двигателем.

Примечательно, что в то же самое время (14 декабря 1959 года) основоположник немецкой космонавтики Герман Оберт заявил газете «The Gadsden Times», что располагает данными о пилотируемом суборбитальном запуске, состоявшемся на полигоне Капустин Яр в начале 1958 года и закончившемся гибелью пилота. Информацию он якобы получил, работая на американскую космическую программу. Однако если Герман Оберт был весьма осторожен в своих высказываниях, подчеркнув, что знает о «космической катастрофе» с чужих слов и не может ручаться за правдивость сведений, то агентство «Continendale» выдавало на-гора одну сенсацию за другой. Итальянские корреспонденты рассказывали то о «лунном корабле», взорвавшемся на стартовом столе сибирского космодрома Sputnikgrad, то о готовящемся секретном космическом рейсе двух советских пилотов в одном корабле. Поскольку ни одна из сенсаций не была подтверждена, сообщениям «Continendale» перестали доверять. Но у «фабрики слухов» (так называли в то время подобные агентства на Западе) вскоре появились последователи.

В октябре 1959 года в журнале «Огонек» была опубликована статья «На пороге больших высот» об испытателях авиационной техники, в которой упоминались Алексей Белоконев, Иван Качур, Алексей Грачёв, а газета «Вечерняя Москва» в заметке на аналогичную тему рассказала о Геннадии Михайлове и Геннадии Заводовском. Журналист «Associated Press», перепечатавшей материалы, почему-то сделал вывод, что в статьях и на прилагаемых к ним фото-

снимках изображены будущие советские космонавты. Поскольку впоследствии названные фамилии так и не появились в сообщениях ТАСС, был сделан «логичный» вывод о гибели всех пятерых в результате ранних стартов, закончившихся катастрофами. Больше того, буйная фантазия газетчиков так разыгралась, что для каждого «фантомного космонавта» придумали отдельную версию гибели с огромным количеством совершенно невероятных подробностей.

Так, после запуска 15 мая 1960 года первого корабля-спутника «1КП» западные газеты утверждали, что на его борту находился пилот Заводовский, погибший из-за сбоя в системе ориентации, выведшей корабль на более высокую орбиту. Версию гибели космонавта на «Первом корабле-спутнике» поддержал популярный американский фантаст Роберт Хайнлайн, который в те дни посещал Советский Союз. В очерке «Pravda значит „правда“» («Pravda means „Truth“», 1960), написанном по итогам поездки за железный занавес, он рассказывал (привожу в моем переводе):

«Около полудня 15 мая, за день до неудавшейся Парижской конференции на высшем уровне, миссис Хайнлайн и я шли вниз от замка, который возвышается над прекрасным городом Вильно [Вильнюсом]. Навстречу поднималась чертова дюжина курсантов Красной Армии: мы остановились и поболтали с ними, ответили на их вопросы, показали наши паспорта.

Тут один из них, который, казалось, был старшим, спросил нас: что мы слышали о новом русском космическом корабле?

„Нет, ничего, — мы были далеко от источников новостей последнее время. — Расскажи нам“.

„Это только что произошло, утром. — Курсант назвал время старта, перигей, апогей, период обращения. — И даже в настоящее время, — он проиллюстрировал свои слова жестом, — русский космонавт кружит вокруг Земли!“

Все остальные курсанты закивали в знак согласия со всем, что он сказал, а иногда добавляли детали.

Я поздравил их с замечательным научным достижением страны — с застывшей улыбкой и болью в животе. Мы еще немного поговорили об этом, потом они пошли наверх, а мы вниз.

В тот же день мы пытались купить экземпляр „Правды“. Но оказалось, что газета не была здесь общедоступной — это как не купить „New York Times“ в Нью-Йорке.

Мы попробовали слушать „Голос Америки“, но помехи были сильнее, чем где-либо. <...>

В тот вечер наша девушка-гид присоединилась к нам, чтобы посетить балет, и сказала, что курсант ошибся: это не был космический корабль с человеком, в нем манекен. Курсант просто неправильно всё понял.

Ну, может быть, и так... но если так, то вся дюжина других курсантов ошиблись таким же образом.

Вспомните дату пятнадцатое мая. Тогда полетела ракета, на которой, как они признались несколько дней спустя, возникли проблемы с тормозным двигателем; он зажегся в неправильном направлении и не смог свести ее вниз. <...>

Эта ракета до сих пор там — возможно, прошла над головой, пока мы обедали. Есть мертвый русский в ней? Есть ли „нелицо“ [по Джорджу Оруэллу] в небе?

Я не знаю. При коммунистической системе невозможно получить факты. Правда мертва, убита, и, по официальной версии, правдой является то, что приближает мировую коммунистическую революцию».

Впечатляюще, не правда ли? Впрочем, отношение Хайнлайна к происходящему понять можно: человеку, привыкшему пропускать через себя большие объемы разнообразных новостей и комментариев, было физически больно оказаться в информационном вакууме, питаюсь обрывками слухов и выхолощенными сообщениями ТАСС. Если бы советская цензура хотя бы не позволяла засорять эфир словесным мусором, то ей многое можно было бы простить при прочих равных, однако, наоборот, пустопорожняя болтовня, за которой легко прятать суть, была элементом узаконенной пропаганды. В итоге вместо гордости за очевидное достижение простые люди чувствовали, что их снова как-то обманули. Курсанты ошиблись? Возможно. Но столь же возможно, что вместе с сообщением ТАСС о полете корабля-спутника по стране покатила жуткая байка о засекреченном пилоте, умирающем на орбите.

Однако мы отвлеклись. Следующий «фантомный космонавт», Иван Качур, нашел свою смерть 27 сентября 1960 года во время провального запуска корабля-спутника, орбитальный полет которого должен был состояться во время визита Никиты Сергеевича Хрущёва в Нью-Йорк. Якобы советский лидер имел при себе демонстрационную модель пилотируемого космического корабля, которую должен был с триумфом показать западным журналистам после полу-

чения сообщения об удачном полете и возвращении космонавта. Советские дипломатические службы сами создали нездоровую атмосферу ожидания громкого события, намекнув американским журналистам, что 27 сентября произойдет «нечто потрясающее». При этом разведка докладывала, что корабли слежения за космическими аппаратами заняли позиции в Атлантическом и Тихом океанах. Советский моряк, сбежавший в описываемый период на Запад, подтвердил, что готовится космический запуск. 13 октября Никита Хрущёв покинул Америку, но ничего так и не произошло. Официальных заявлений от ТАСС тоже не поступало. Разумеется, политика замалчивания принесла свои привычные плоды: журналисты раструбили на весь мир о новой катастрофе, постигшей советскую космическую программу. Только теперь, когда многие архивы открыты, мы знаем, что очередной запуск и в самом деле планировался на 26–27 сентября 1960 года, только в космос должен был лететь не космонавт, а «1М» — аппарат для изучения Марса.

Неудавшийся запуск «венерианского» аппарата 4 февраля 1961 года, который мы обсуждали выше, породил новую волну слухов. Тогда впервые заявили о себе два брата-радиолобителя Ачилле и Джованни Юдика-Кордилья, построившие под Туринном собственную радиостанцию. Они утверждали, что им удалось перехватить телеметрические радиосигналы биения человеческого сердца и прерывистое дыхание умирающего советского космонавта. Этот «инцидент» связывают с именем «фантомного космонавта» Михайлова.

Но и это еще не всё! В 1965 году ежедневная газета «Corriere della Sera» опубликовала продолжение истории двух братьев-радиолобителей. На этот раз те рассказали сразу о трех фактах перехвата странных сигналов, пришедших из космоса. Первый перехват состоялся 28 ноября 1960 года: радиолобители услышали звуки морзянки и просьбу о помощи на английском языке. Во время второго перехвата 16 мая 1961 года им удалось выловить в эфире сбивчивую речь русской женщины-космонавта. При третьем радиоперехвате 15 мая 1962 года были записаны переговоры трех русских пилотов (двух мужчин и женщины), погибающих в космосе. В записи сквозь треск помех можно различить следующие фразы: «Условия ухудшаются... почему вы не отвечаете?... скорость падает... мир никогда не узнает о нас...»

Чтобы окончательно уверить читателя в подлинности излагаемых «фактов», итальянская газета называла имена погибших. Пер-

вой «жертвой» в этом списке был пилот Алексей Грачёв. Женщину-космонавта звали Людмила. Среди троицы, погибшей в 1962 году, называли почему-то только одного — Алексея Белоконева.

Что касается статьи в «Огоньке», породившей не миф даже, а целую мифологию, то известный популяризатор Ярослав Кириллович Голованов, тоже занимавшийся расследованием истории «фантомных космонавтов», взял по ее поводу интервью у самого Алексея Тимофеевича Белоконова (а вовсе не Белоконева, как написал журналист). Вот что рассказал испытатель, которого давным-давно похоронили западные средства массовой информации:

«В 50-х годах, задолго до гагаринского полета, я и мои товарищи, тогда совсем молодые ребята, — Лёша Грачёв, Геннадий Заводовский, Геннадий Михайлов, Ваня Качур занимались наземными испытаниями авиационной аппаратуры и противоперегрузочных летных костюмов. Кстати, тогда же были созданы и в соседней лаборатории испытывались скафандры для собачек, которые летали на высотных ракетах. Работа была трудная, но очень интересная. Однажды к нам приехал корреспондент из журнала „Огонек“, ходил по лабораториям, беседовал с нами, а потом опубликовал репортаж „На пороге больших высот“ с фотографиями (см. „Огонек“ № 42, 1959 г. — Я. Г.). Главным героем этого репортажа был Лёша Грачёв, но обо мне тоже рассказывалось, как я испытывал действие взрывной декомпрессии. Упоминался и Иван Качур. Говорилось и о высотном рекорде Владимира Ильюшина, поднявшегося тогда на 28 852 метра. Журналист немного искажил мою фамилию, назвал меня не Белоконовым, а Белоконевым. Ну, вот с этого всё и началось. Журнал „Нью-Йорк джорнэл Америкэн“ напечатал фальшивку, что я и мои товарищи летали до Гагарина в космос и погибли. Главный редактор „Известий“ Алексей Иванович Аджубей пригласил нас с Михайловым в редакцию. Мы приехали, беседовали с журналистами, нас фотографировали. Этот снимок был опубликован в „Известиях“ (27 мая 1963 г. — Я. Г.) рядом с открытым письмом Аджубея мистеру Херсту-младшему, хозяину того журнала, который нас отправил в космос и похоронил. Мы и сами опубликовали ответ американцам на их статью в газете „Красная звезда“ (29 мая 1963 г. — Я. Г.), в которой честно написали: „Нам не довелось подниматься в атмосферное пространство. Мы занимаемся испытанием различной аппаратуры для высотных полетов“. Во время этих испытаний никто не погиб. Геннадий Заводовский жил в Москве, работал шофером, в „Из-

вестия “ тогда не попал — был в рейсе, Лёша Грачёв работал в Рязани на заводе счетно-аналитических машин, Иван Качур жил в городке Печенежин в Ивано-Франковской области, работал воспитателем в детском доме. Позднее я участвовал в испытаниях, связанных с системами жизнеобеспечения космонавтов, и даже после полета Гагарина был удостоен за эту работу медали „За трудовую доблесть“...»

Итак, в списке мифических космонавтов всё-таки попадались люди, работавшие на космическую программу, однако их подлинная жизнь заметно отличалась от журналистских фантазий.

Помимо четверки друзей-испытателей, вполне реальной фигурой был, например, Пётр Долгов. Западная печать объявила его космонавтом, погибшим во время катастрофы орбитального корабля-спутника 10 октября 1960 года (в тот день, как мы помним, сорвалась попытка запуска аппарата «1М» № 1). Полковник Пётр Иванович Долгов действительно погиб, но 1 ноября 1962 года, совершая экспериментальный прыжок с парашютом из стратостата «Волга» (1409-й прыжок в личном зачете), поднятого на высоту 25,5 км. Когда Долгов покидал стратостат, треснул лицевой щиток гермошлема — смерть наступила мгновенно.

Я привожу здесь эти многочисленные подробности не для того, чтобы как-то поразить вас или заставить усомниться в достоверности общепризнанной истории космонавтики. Обзор слухов и мифических эпизодов нужен для того, чтобы показать, сколь пагубной была для репутации отечественной космической программы политика замалчивания. Нежелание и неумение признавать ошибки сыграли с пропагандистами дурную шутку: даже когда ТАСС выступал с совершенно правдивым заявлением, ему отказывались верить, выискивая противоречия или пытаясь читать «между строк».

Всё это, конечно, оказало влияние в том числе и на репутацию Юрия Алексеевича Гагарина, которому позднее неоднократно приходилось краснеть за чужое вранье.

Глава двадцать шестая

Трое избранных

Иногда можно встретить мнение, что повышенная секретность вокруг ракетно-космической программы была оправданна. Враги, мол, только и ждали повода, чтобы опорочить и оболгать, а в каче-

стве бонуса выведать все наши тайны и использовать их для получения стратегического преимущества. За этой болтовней почему-то забывается, что с момента полета первого простейшего спутника, вызвавшего колоссальный резонанс во всём мире, космонавтика приобрела общественно-политическое значение. В одночасье она расширила границы возможностей человечества и дала надежду на бессмертие национальных культур. Государство, сумевшее совершить космический прорыв, сразу становилось самым передовым и очень привлекательным в глазах множества наций, особенно тех, кто привык пользоваться достижениями прогресса.

В очерке Роберта Хайнлайна «Pravda значит „правда“» («Pravda means „Truth“», 1960), который я цитировал в предыдущей главе, критикуется политика замалчивания и переписывания истории, но в нем же американский фантаст с горькой иронией писал, что согласен стать коммунистом, выучить русский язык, принять всемогущество цензуры, стать «нелицом», лишь бы попасть на Луну или Марс — например, в качестве политического ссыльного. Удивительное дело! Писатель, для которого свобода была высшей ценностью, согласился обменять ее на призрачную возможность увидеть иные миры! Объяснение простое: Хайнлайн прекрасно осознавал, что в космонавтике воплощается будущее, в сравнении с которым политические разногласия настоящего выглядят мелочной возней. В конце концов будущие поколения сами разберутся, насколько им нужна свобода, главное — они будут летать между звезд. Думаете, Хайнлайн был единственным, кто по-настоящему верил в это? Как минимум был еще один — Сергей Павлович Королёв.

Высшие политики в СССР и США недооценивали значения космонавтики, пока «Спутник-1» в октябре 1957 года не убедил их в том, что ее достижения можно использовать для рекламы своей цивилизационной модели — грубо говоря, «преимуществ образа жизни». И пока США проигрывали на этом поле с разгромным счетом. Не было уверенности, что получится наверстать упущенное и при запуске на орбиту первого пилота. Поэтому американские политические круги сделали ставку на информационную открытость — то есть на агрессивную рекламу собственных достижений, которые, если разбираться, и достижениями-то еще не были. Но кто будет разбираться? Советские пропагандисты могли сколько угодно язвить по поводу того, что «90 % разговоров об искусственных спутниках Зем-

ли приходилось на долю США, а 100 % дела пришлось на Россию» (растиражированная цитата из «United Press»), но если ты не можешь представить подробности своего дела, подменяя конкретику общими фразами, то очень скоро окажется, что ты вытеснен из информационного поля и больше не выглядишь лидером и образцом для подражания, а сам вынужден подражать, подстраиваясь под чужие требования. В космической «гонке» между СССР и США всё это проявилось в полной мере.

Американская ракетно-космическая программа на начальном этапе ее развития была столь же плотно завязана на военно-промышленный комплекс, как и советская. Однако данное обстоятельство не помешало отказаться от требований соблюдения секретности во имя борьбы за умы людей. Хотя разработкой космического корабля «Mercury» занимались специалисты ВВС, в марте 1958 года президент Дуайт Эйзенхауэр внес в Конгресс законопроект о создании гражданского Национального управления по аэронавтике и космосу НАСА (NASA). И уже в октябре проект был передан новому агентству, после чего оно приступило к конструированию корабля и ракет-носителей к нему. Благодаря тому, что американской космонавтикой занималось государственное гражданское агентство, уровень секретности вокруг разработок был существенно понижен.

Такого же подхода придерживались при формировании первого отряда астронавтов, к которому приступили раньше, чем в Советском Союзе: отбор начался в ноябре 1958 года. В качестве кандидатов рассматривались мужчины возрастом от 25 до 40 лет, ростом не выше 180 сантиметров. Первоначально профессиональная принадлежность не имела значения — в кандидаты мог, например, записаться физик с опытом работы в лаборатории не менее трех лет. Но президент Эйзенхауэр своим решением постановил, что астронавтов следует искать среди военных летчиков-испытателей. В итоге были отобраны 110 человек. После медико-психологического обследования и «стресс-испытаний» в группе осталось 18 пилотов, а утверждены были всего семь «финалистов». Газетчики тут же окрестили их «великолепной семеркой», и это оправданно: все они были опытными летчиками с феноменальной выносливостью.

Будущие астронавты были представлены публике на пресс-конференции в Вашингтоне 9 апреля 1959 года (то есть задолго до того, как советские медики отправились по воинским частям искать по-

тенциальных космонавтов) и с тех пор находились под пристальным вниманием средств массовой информации. Например, журналы «Life» и «Popular Mechanical» в том же году опубликовали целую серию материалов, снабженных прекрасными иллюстрациями, рассказывающих о семерых избранных и их семьях. Разумеется, не остался без внимания и сам проект «Mercury»: к 1961 году вал публикаций на эту тему только нарастал. Ситуации добавило острооты и появление неофициального женского отряда астронавтов под руководством летчицы Джеральдины (Джерри) Кобб, которая настаивала на праве женщин принимать участие в космических полетах наравне с мужчинами.

Конечно, от всех этих фактов можно отмахнуться, ведь всё равно именно наши космонавты стали первыми, однако мир, напомню, состоял не только из граждан СССР и «братских» народов: американская открытость выгодно отличалась от советской скрытности; американские материалы можно было цитировать, ничего не додумывая; за американской программой было интереснее следить, потому что к рассказу о технике добавлялся человеческий элемент, делающий историю живой и душевной, — те, кто имел возможность и желание сравнивать, видели разницу и относились соответственно. Кроме того, открыто обсуждая проблемы проекта «Mercury» и отряда астронавтов, американцы задавали терминологию и стандарты, на которые волей-неволей ориентировались советские специалисты, хотя по идее должно было быть наоборот.

Засекречивание подробностей советской ракетно-космической программы имело свои основания в той части, где она оставалась продуктом военно-промышленного комплекса. Однако превращение отличных людей, офицеров и коммунистов со способностями выше среднего, в «нелицо» (так Джордж Оруэлл в своей антиутопии «1984» называл человека, за любое упоминание о котором полагалось строгое наказание) не имело ничего общего с поддержанием обороноспособности страны, зато идеально работало на западную пропаганду, живописующую всяческие ужасы, вплоть до того, что русские посылают в космос смертников, набранных из политических заключенных.

Разумеется, в начале 1961 года никто из шести летчиков, получивших право называться космонавтами, не задумывался о целесообразности засекречивания проекта «Восток» и деятельности ЦПК

ВВС. Со времен училищ они привыкли жить в режиме «допусков», когда толком не знаешь, чем занимается коллега из соседней комнаты. Главной проблемой для них стало освоение скафандров, изготовление которых задерживалось.

Скафандр «СК-1» был сконструирован инженерами завода № 918 в подмосковном Томилино на основе защитного костюма «Воркута», созданного для пилотов самолета-перехватчика «Су-9». При этом возникли сложности. Сначала поступило техзадание на аварийно-спасательный костюм, который обеспечивал безопасность космонавта только при старте и посадке. Затем возобладало мнение, что нужно делать полноценный скафандр. Времени на состыковку с бортовой системой корабля уже не осталось, и был принят автономный вариант системы жизнеобеспечения скафандра, размещаемый в катапультном кресле.

Скафандры «СК-1» состояли из двух основных оболочек: внутренней герметичной и внешней «демаскирующей» ярко-оранжевого цвета. Внутренняя оболочка изготавливалась из листовой высококачественной резины методом элементарного склеивания. Для надевания и снятия оболочки в ней сделали распах, герметизируемый «аппендиксом», который завязывался после надевания скафандра. В условиях вакуума избыточное давление растягивало ткань оболочки — чтобы удержать ее в определенном объеме, применили силовую систему из прочных шнуров и лент.

Инженер-конструктор Фёдор Анатольевич Востоков вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 12 ноября 1996 года):

«Новый, 1961 год мы отпраздновали дома, а с первых дней января закипела работа по завершению подготовки полета человека. Мы должны были поставить кресло пилота, скафандр для космонавта на случай разгерметизации корабля, систему ассенизации, носимый аварийный запас. Мы это всё разрабатывали, а теперь это всё должно быть испытано и иметь стопроцентный допуск для полета человека, принятый всеми специалистами, в том числе и военными. Нам сразу заявили, что первый полет будет проходить с манекеном. Он назывался „антропометрический“, то есть соответствующий конфигурации человека и тем характеристикам, которыми обладает костный состав и мышцы человека. Манекен должен быть снабжен всевозможными датчиками. Самопиसेц должен был показать перегрузки. Всё это устанавливалось внутри манекена. Аппаратуру готовили [со-

трудники] ЛИИ [Летно-исследовательского института]. Они имели опыт работы с этими приборами. Скафандр должен был быть на манекене и полностью обеспечить герметичность на случай разгерметизации самого корабля.

Чем дальше мы шли, тем больше появлялось изменений. На каких-то из испытаний (а они проводились в „шарике“) некий руководитель сказал, что космонавт потеряет сознание, когда у него открыто забрало или иллюминатор гермошлема, и погибнет. Новые проблемы: надо на определенной высоте перед тем, как кресло будет катапультироваться из самолета, принудительно закрыть шлем. Стоит задача, и конструкторы начинают придумывать: как это принудительно? Изготавливается маленький механизм, устанавливается маленький, миниатюрнейший пиропатрон, и перед тем, как дается импульс на открытие люка, он должен сработать и закрыть шлем, но так, чтобы не оглушить космонавта, чтобы не нанести ему каких-то других повреждений. Сколько проводили испытаний! Попробуйте в гермошлем встроить новое устройство — это снова вес, снова габариты, а ведь надо вписаться в те же [параметры].

Вот космонавт приземляется, а внизу — вода, а он взял да открыл шлем, приводняется и потерял в этот момент сознание. А как закрыть шлем, чтобы он не захлебнулся? Опять идет спор. Придумали — после катапультирования чуть ниже ног должна отойти стропы, на которой будет химическая батарейка. При касании с водой она даст импульс на пиропатрон, который закроет шлем. Но это же опять [трата] времени, это же целый поиск. Опять испытания, опять надо ехать в Феодосию для того, чтобы подтвердить надежность этой системы. <...>

Встал вопрос: космонавт приземлился и надо, чтобы он автоматически отсоединил парашютную систему. Надо разрабатывать замки, которые при прикосновении могли отсоединить ее с тем, чтобы она при сильном ветре не волокла [космонавта] по земле. А если приводнится? Здесь уже двоякая проблема. Если [парашют] будет волочить космонавта по воде, то он невольно уходит под поверхность воды и углубляется, а парашют его тащит. Потребовались срочные испытания в гидробассейне ЦАГИ [Центрального аэрогидродинамического института], где протаскивали испытателя с закрытым шлемом (значит, срабатывала система автоматического закрытия шлема). Система протаскивания гидробассейна тянула человека, он уходил под воду, а мы смотрели, не попадет ли вода [в скафандр], не

захлебнется ли человек. Встала задача доработки клапана: если [в него] попадает вода, он должен закрыться и не пропустить даже малейшее количество воды в скафандр. <...>

Катапультирование [проводится] при закрытом шлеме. А как же космонавт получал питание через скафандр? Под питанием я имею в виду и кислородно-воздушную смесь, и радиосвязь, и передачу телеметрии на Землю через объединенный разъем коммуникаций. Если космонавт катапультируется, разъем коммуникаций автоматически отходит от кресла. Кресло космонавт должен покинуть на [высоте] 4 км, а с 8 км до 4 км ему же надо было дышать! Потребовалось в его сиденье и в верхнюю часть носимого аварийного запаса (который выходил из кресла вместе с космонавтом) встроить кислородную систему питания космонавта для спуска [до высоты] 4 км, так как [на этом этапе] могли произойти неприятности: большое количество углекислого газа. Кислородная система тоже была разработана и тоже проходила постоянные испытания на предмет своевременного включения и подачи кислорода в скафандр космонавта при закрытом объединенном разъеме коммуникаций.

Очень большой объем работ был по катапультированию кресла с манекеном, а затем и с человеком с самолета. Проводились испытания и лицом, и спиной к потоку, потому что были варианты и так, и так. И в тех, и в других случаях надо было добиться такой стабильной надежности, которая обеспечила бы полную безопасность. <...>

Надо отметить и большой цикл испытаний в Феодосии. Схема приводнения была такая. Космонавт спускается. За пятнадцать метров до спуска у него отделяется носимый аварийный запас на фале. Кстати, это должно было „якорить“ космонавта, когда он приземляется, чтобы его не очень тащило, если вдруг появится ветер. А если [внизу] вода? Носимый аварийный запас (НАЗ) должен был выкинуть лодку (лодку проектировал Иван Иванович Деревянко — хороший конструктор), которую космонавт должен был подтянуть под себя. Затем сесть в нее, дальше подтянуть фал с НАЗом, вынуть рацию (каждая составная часть носимого аварийного запаса в резиновых мешочках) и вызвать поисковиков. Здесь был колоссальный комплекс работ: по приводнению, по сбросу НАЗа, подбору НАЗа, пользованию НАЗом и рацией самим космонавтом.

Затем самолеты-поисковики должны по радиосигналу найти космонавта и, если есть возможность, подойти близко к кораблю и подобраться к космонавту. Но в основном надо рассчитывать на вертолет,

который лебедкой спустит круг. А на скафандре устроены [приспособления], за которые можно уцепиться, чтобы подняться в вертолет. Испытания проводились со всеми космонавтами как зачеты, подтверждающие, что и приводнение, и пользование НАЗом, и уверенная эвакуация или подъем с моря, и заход [каждого] космонавта в вертолет проходят стопроцентно».

Как видите, со скафандрами тоже хватало проблем, поэтому их создание отставало от графика. Сохранилось письмо главкома ВВС от 20 января 1961 года, в котором указывалось, что на тот момент было изготовлено двенадцать скафандров «по средним размерам», что затрудняло проведение тренировок из-за необходимости подгонки под фигуру каждого космонавта. По этой причине главком требовал срочно изготовить шесть индивидуальных скафандров для космонавтов в следующей последовательности: Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Быковский, Попович.

Интересно проследить, как продвигалась работа над «СК-1» и другими системами жизнеобеспечения корабля, по дневникам Николая Петровича Каманина. Приведу выборочно:

«14 февраля [1961 года].

Сегодня я, [Ювеналий Михайлович] Вольткин, [Александр Николаевич] Бабийчук и [Владимир Иванович] Яздовский были на заводе № 918 у Главного конструктора С. М. Алексева. Договорились, что с 20 февраля на заводе будут начаты занятия космонавтов по изучению скафандра, кресла и НАЗа, а также будет проводиться индивидуальная подгонка скафандров. <...>

24 февраля. <...>

[Николай Сергеевич] Строев, [Семён Михайлович] Алексеев, [Григорий Иванович] Воронин и другие представители промышленности и ВВС обсуждали у А. А. [Александра Александровича] Кобзарёва степень готовности аппаратуры обеспечения жизнедеятельности космонавта и системы приземления. Н. С. Строев сделал общий доклад. Алексеев и Воронин, как всегда, защищали свои позиции и яростно отбивались от наседавших на них военных специалистов. В результате обсуждения пришли к заключению, что очередной пуск нужно проводить, не дожидаясь окончания всех испытаний и устранения мелких неполадок в некоторых системах (газоанализатор, антенно-фидерное устройство, НАЗ); второй пуск с манекеном провести только после окончания всех испытаний оборудования. <...>

27 февраля.

Сегодня в ОКБ Алексеева провели большое совещание по предстоящим испытаниям оборудования и срокам устранения выявленных недостатков. Решили все испытания закончить к 20 марта. <...>

15 марта.

Главком и Ф. А. [Филипп Александрович] Агальцов приехали в Институт авиационной и космической медицины для встречи с шестью космонавтами. Вчера я без труда уговорил Главкома на эту встречу, напомнив ему о необходимости его напутственного слова космонавтам перед их отлетом на полигон. Главком впервые прибыл в этот институт. <...>

В беседе с космонавтами, продолжавшейся более часа, Вершинин сказал: „Я просматривал ваши личные дела, прочитал материалы о сдаче вами выпускных экзаменов. Уже не первый раз мы с вами встречаемся, и я знаю и верю, что вы хорошо подготовлены и натренированы. То, что я знаю о вас, характеризует вашу физическую, учебную, техническую и спортивную подготовленность к полету в космос. А мне хотелось бы знать и о том, как вы морально подготовлены к этому великому подвигу, верите ли в успех полета, как относятся к вашим занятиям ваши семьи?“ Все единодушно заявили, что твердо уверены в успехе полета, а их семьи знают о наших достижениях в космосе.

Капитан Попович, а за ним и остальные космонавты высказали единственное замечание в адрес Главного конструктора Алексеева С. М., который не выполнил свое обещание. Вместо шести индивидуальных скафандров он сделал только три: для Гагарина, Титова и Нелюбова. Многие тренировки и парашютные прыжки в скафандрах сорваны из-за их отсутствия. Других претензий у космонавтов не было».

Получается, что ко времени запуска беспилотных вариантов кораблей «ЗКА» некоторые системы еще не были доработаны, а индивидуальные скафандры изготовлены только для троих космонавтов, которые первыми стояли в списке главкома ВВС, составленном по итогам сдачи экзаменов. То есть только эти трое имели возможность пройти полную подготовку, включавшую работу на тренажерах и парашютные прыжки в собственных скафандрах. Соответственно только эти трое могли быть назначены на самый первый полет: Юрий Гагарин, Герман Титов и Григорий Нелюбов.

Тут можно было бы сказать, что Гагарину опять повезло. Но мы убедились, что везение снова ни при чем: хотя Юрий Алексеевич не

лидировал по физической и теоретической подготовке, по переносимости невесомости и перегрузок (безусловным лидером был Титов), оказалось, что он более психологически устойчив, коммуникабелен, любознателен, разносторонне образован и глубже знаком с теорией космонавтики. На решающих экзаменах 17 и 18 января Гагарин произвел столь благоприятное впечатление, что его рекомендовали на первый полет, и через полтора месяца все, похоже, свыклись с этой очередностью, включая главкома ВВС и разработчиков скафандров. Фактически все уже работали на Гагарина — генерал-лейтенанту Николаю Петровичу Каманину оставалось только объявить об этом официально. Впрочем, из его дневников видно, что он еще колебался между Гагариным и Титовым, и любая мелочь могла свести Юрия Алексеевича с «финишной прямой».

9 марта 1961 года трехступенчатая ракета-носитель, получившая название «Восток», вывела на орбиту высотой 183,5 в перигее и 248,8 км в апогее корабль «ЗКА» («Восток-3А») № 1. «Четвертый космический корабль-спутник» весил 4700 кг, и его полет в точности воспроизводил одновитковую рейс пилотируемого корабля. Катапультируемое кресло пилота занял одетый в скафандр «антропометрический» манекен, прозванный испытателями Иваном Ивановичем. В его «грудную» и «брюшную» полости специалисты ГНИИИ авиационной и космической медицины поместили клетки с мышами и морскими свинками. В некатапультируемой части спускаемого аппарата находился контейнер с собакой Чернушкой.

Сам полет прошел хорошо. Но после торможения не отстрелилась гермоплата кабель-мачты, из-за чего спускаемый аппарат не отделился от приборного отсека — это могло обернуться гибелью корабля. Из-за высокой температуры при входе в атмосферу кабель-мачта сгорела, и разделение всё-таки произошло. Непредвиденный сбой привел к перелету расчетной точки на 412 км. Однако, по итогам обсуждения на заседании Госкомиссии, испытания были признаны успешными, а риск для будущего космонавта — допустимым.

В советской прессе писали: *«Чудо современной техники — космический корабль весом в 4700 килограммов не только облетел вокруг Земли, но и совершил посадку в заданном районе Советского Союза. Это исключительное достижение наших покорителей Космоса с большим восхищением встречено всем миром. Теперь уже никто не сомневается, что чудесный гений советского народа в недалеком*

будущем осуществит дерзновеннейшую мечту — пошлет человека в Космос...»

Специалисты сразу начали готовить второй полет корабля «ЗКА»: если всё пройдет хорошо, то до конца марта можно будет пускать космонавта. И этим космонавтом неизбежно станет Гагарин... Но так ли это? Обратимся к дневникам Каманина и находим там такую запись:

«16 марта [1961 года].

Тремя самолетами Ил-14 в 6:00 по московскому времени вылетели на полигон. Один самолет полетел прямо в Тюра-Там, а два других сначала полетели в Куйбышев [ныне — Самара]. Там мы облетели район штатного приземления корабля и космонавта. В моем самолете были Гагарин, Нелюбов и Попович. В другом самолете с генералом [Леонидом Ивановичем] Гореглядом находились Титов, Быковский и Николаев. Район посадки космонавтам понравился: в основном хорошо заснеженные поля, все водоемы подо льдом, лишь немного леса на севере да коварные для парашютистов и средств поиска — Жигулевские горы.

На отдых разместились в санатории Приволжского военного округа ВВС на берегу Волги, играли в пинг-понг, шахматы и бильярд. Космонавты, я, Яздовский и Карпов спали в одной большой комнате. Космонавты чувствуют себя хорошо, бодры, веселы и, как всегда, очень жизнерадостны. Юрий Гагарин — первый кандидат на полет — почему-то бледнее и молчаливее других. Его не совсем обычное состояние, по-видимому, можно объяснить тем, что 7 марта у него родилась вторая дочь, и только вчера он привез жену домой из больницы. Наверное, прощание с семьей было нелегким, и это тяготит его».

Семья Гагариных действительно пополнилась еще одним ребенком — родилась дочь Галина. Однако причина молчаливости и бледности Юрия Алексеевича могла быть другой. Чтобы не быть голословными, обратимся к воспоминаниям оториноларинголога Ивана Ивановича Брянова, работавшего в описываемый период в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале, где проходили обследование и подготовку будущие космонавты (цитирую по фонозаписи, сделанной 25 мая 1990 года):

«Далее, уже после того, как был определен кандидат номер один, Юрий Алексеевич Гагарин, с ним стряслась беда. В 1961 г. в марте месяце вдруг Юрий Алексеевич приезжает в госпиталь со своей свитой медиков, и выясняется, что у него гайморит, — за месяц до предстоя-

щего полета. Представляет, он пришел ко мне и говорит: „Иван Иванович! Что делать? Ведь вот я уже зачислен, так сказать, в разряд самых первых, и вот гайморит. Что делать?“ И мы с ним предприняли героические усилия, чтобы вылечиться. Я ему делал несколько пункций, проколы, применяли все современные антибиотики, и можете себе представить, что через неделю у него уже фактически не было и следов этого гайморита, хорошо, что этот процесс был захвачен на самом раннем этапе. Таким образом, у Юрия Алексеевича был момент, когда мог сорваться и рухнуть его первый полет в космическое пространство. И с тех пор всякий раз, когда он потом уже со мной встречался, он всегда хитро подмигивал мне и говорил: „Вот, Иван Иванович, а помните, когда я чуть-чуть не погорел?“ Вот какие бывают истории даже с такими знаменитыми людьми».

Других источников, которые подтверждали бы эту версию, в нашем распоряжении нет. Однако она не выглядит чем-то фантастическим, посему ее вполне можно принять на веру. Гагарин знал, что он будет первым космонавтом с января 1961 года, но и догадывался, что если его свалит какая-то болезнь, то на орбиту отправится Титов. И конечно, уступать первенство не хотелось, вот он и решился вылечиться втихаря, без привлечения внимания руководства, а его дружелюбие к окружающим, вызывавшее ответную симпатию, способствовало тому, что Брянов, нарушив инструкцию, не стал рапортовать по команде о внезапных медицинских проблемах. Снова, скажете, повезло?..

Вместе с кораблем к «генеральной репетиции» начали готовить и шестерку космонавтов. 18 марта на «площадке № 2» полигона Тюратам они встретились с главными конструкторами, прошли по монтажно-испытательному корпусу. Там космонавты впервые увидели, как собирают «пакет» ракеты-носителя. Чтобы не терять времени в ожидании запуска, 19 марта шестерка вместе с Константином Феоктистовым изучала возможность посадки корабля на территории СССР на разных витках полета — на случай, если после первого витка приземление не состоится. Все места посадок, а также точки включения ТДУ-1 нанесли на полетную карту. Вечером участники подготовки отработали план переговоров космонавта с Землей. 20 и 21 марта Гагарин, Титов и Нелюбов провели тренировки по надеванию скафандра, еще раз изучили организацию приводнения и поиска на воде.

Вечером 23 марта на полигон пришла страшная весть — в сурдобарокамере погиб слушатель отряда Валентин Васильевич Бондаренко. Случилось это на десятый день изоляции, которая должна была продолжаться пятнадцать суток. Утром слушателю-космонавту сообщили, что очередной эксперимент подходит к концу, и решили снять медицинские датчики. Сняв их, Валентин протер кожу ватным тампоном, смоченным в спирте, и бросил его, не глядя, в корзину для мусора. Но она упала на включенную электроплитку, и атмосфера сурдобарокамеры, насыщенная кислородом, вспыхнула. Пламя охватило всё помещение, загорелся шерстяной костюм. Дежурный врач Михаил Александрович Новиков сразу открыть герметичную дверь не мог — за ней поддерживалось пониженное давление. Однако, когда Бондаренко вынесли из камеры, он был еще в сознании и повторял: «Никого не вините, я сам виноват». Восемь часов врачи Боткинской больницы боролись за его жизнь, но спасти Валентина не удалось, он скончался от ожогового шока.

Космонавтов потрясла весть о его гибели: к Бондаренко все очень хорошо относились, он был очень коммуникабельным и к тому же самым младшим в отряде. В апреле 1961 года было издано особое распоряжение министра обороны, в котором говорилось: «Обеспечить семью старшего лейтенанта Бондаренко всем необходимым как семью космонавта».

К сожалению, несмотря на заботу министерства, факт членства Бондаренко в отряде космонавтов много лет замалчивался. О нем не мог рассказать даже Юрий Гагарин, которому после полета позволялось больше, чем остальным. И, как водится, на Западе о погибшем слушателе-космонавте узнали раньше, чем на его родине: исследователи, в том числе Джеймс Оберг, обратили внимание на исчезновение ряда лиц с групповых фотографий отряда советских космонавтов, однако не могли назвать имена исчезнувших. Первым забытое имя назвал Марк Лазаревич Галлай в книге «С человеком на борту» (1985):

«Слухи о наших космических делах ходили за рубежом всякие. И добро бы только за рубежом!.. К сожалению, не раз приходилось слышать нечто подобное и дома, у нас.

Я был в доме отдыха в то холодное январское утро, когда мы узнали о катастрофе, <...> в которой погибли три американских космонавта.

Это печальное событие, естественно, привлекло всеобщее внимание и широко обсуждалось. Комментарии высказывались самые разные, но многие — с упором на „вот уж не ожидали!“.

— Нет, хоть оно и очень невесело, но ожидать этого приходилось, — сказал я. — Кто-то должен был этот грустный список открыть. Потому что нет и не может быть такого средства передвижения, которое было бы абсолютно безопасным. И поезд, и самолет, и даже велосипед... А уж об автомобиле и говорить нечего! Почему мы должны ждать от космоса, чтобы он был исключением?

И тут один из собеседников поддержал меня. Но поддержал так, что я за голову взялся! Лучшие бы уж не поддерживал!

— Так ведь и у нас это было, — сказал он. — Только мы не сообщали.

И сколько я ни клялся, что всё это сплошная липа, беспочвенные сплетни, мой собеседник упорно стоял на своем.

Потом я сообразил, что, видимо, до него дошли в искаженном виде слухи о гибели в барокамере слушателя отряда космонавтов В. В. Бондаренко в марте того же шестьдесят первого года. Обстоятельства его гибели действительно были сходны с тем, что случилось у американцев, — тоже пожар в замкнутом помещении в атмосфере, перенасыщенной кислородом. Но никакого отношения к попытке совершения полета в космос несчастье с Бондаренко не имело. Для него такой полет был перспективой еще весьма и весьма далекой... Но — снова! — объяви мы об этом трагическом происшествии — и никаких слухов не было бы. Да, тысячу раз прав был дважды Герой Советского Союза маршал авиации Н. М. [Николай Михайлович] Скоморохов, сказавший в своих записках: „Где отсутствуют официальные источники информации — там властвуют слухи“».

Вот так между делом в историю космонавтики вернули имя достойного человека, погибшего слишком рано и слишком нелепо, чтобы советские руководители признали его достойным увековечивания. Но мы — не они. Благодаря Галлаю и Голованову, который рассказал о Бондаренко еще больше подробностей, имя Валентина Васильевича теперь возвращено в список первых покорителей Вселенной, а его фамилией назван один из кратеров на Луне.

Утром 24 марта 1961 года под председательством Мстислава Всеволодовича Келдыша началось заседание Государственной комиссии по пуску корабля «ЗКА» № 2. Выяснилось, что опять требуются доработки. Генерал-лейтенант Каманин записал в дневнике:

«Сначала комиссия заслушала доклад главного конструктора [Семена Михайловича] Алексеева. Он доложил, что испытания по катапультированию четырех испытателей с самолета Ил-28 еще не проведены, не начаты и морские испытания НАЗа. На проведение испытаний потребуется 7–10 дней. Проведено катапультирование из шара и имитация катапультирования на старте — результаты испытаний удовлетворительные.

Затем с докладом выступил заместитель Главного конструктора ОКБ-124 [Николай Сергеевич] Николаев. В системе жизнеобеспечения космонавта хуже всего дело обстоит с системой регенерации воздуха. После 10-суточных испытаний в кабине корабля образовалась целая лужа соляного раствора: осушитель оказался малоэффективным. В ОКБ-124 пытаются решить возникшую проблему заменой применяемого химического вещества на более активное, на что потребуется 14–15 дней. Кроме того, плохо работает газоанализатор, завышающий показания по концентрации кислорода и углекислоты».

Системы жизнеобеспечения и спасения на корабле «ЗКА» всё еще оставались «сырыми», но члены Госкомиссии понимали, что затягивать нельзя: американцы готовят свой первый суборбитальный прыжок на «Mercury», и можно после всех усилий бесславно потерять приоритет. Поэтому было принято решение: запускать корабль как есть, благо на нем всё равно не будет человека.

В 13:00 по московскому времени на стартовой «площадке № 1» Тюратама началась «генеральная репетиция» пилотируемого запуска. Космонавты присутствовали на вывозе ракеты «Восток» с кораблем «ЗКА» («Восток-ЗА») № 2. В 18:00 Юрий Гагарин и Герман Титов надели скафандры, затем их перевезли к ракете, и они поднялись на лифте. Только в кабину вместо них поместили манекен и собаку Удачу, которую Гагарин предложил переименовать в Звёздочку. «Удача нам самим пригодится», — сказал он во время обсуждения.

Запуск состоялся на следующий день: 25 марта в 8:54. «Пятый космический корабль-спутник» массой 4695 кг вышел на околоземную орбиту высотой 178,1 км в перигее и 247 км в апогее. Кроме дворняги Удачи-Звёздочки, на борту находились морские свинки, пресмыкающиеся, крысы, мухи, семена различных растений, бактерии и микроорганизмы, культуры клеток (элементы крови и раковые клетки человека). В катапультном кресле сидел манекен, одетый в настоящий оранжевый скафандр; его деревянные ноги были

обуты в гермосапоги. Чтобы не напугать людей, которые могли обнаружить его после приземления раньше спасательной команды, за окошком белого гермошлема была прикреплена табличка с надписью: «Макет».

Сделав один виток по орбите, корабль совершил мягкую посадку на территории СССР, в 45 км от города Воткинска. В полете опять не отделился герморазъем кабель-мачты, из-за чего перелет расчетной точки посадки составил 660 км.

Итоги «генеральной репетиции» не добавили уверенности, что пилотируемый полет пройдет идеально. Генерал-лейтенант Каманин записал:

«Итак, подготовка к космическому полету человека, в основном, закончена. Есть большая уверенность, что одновитковый полет и приземление космонавта пройдут хорошо. Сами космонавты после наблюдения старта корабля и ознакомления с результатами посадки высказали мнение: „Всё готово, можно лететь“. Да, всё готово для полета, рассчитанного на один виток с приземлением на нашу территорию. Но мы еще не готовы полностью к аварийным ситуациям в полете. Нет уверенности в аппаратуре обеспечения жизнедеятельности космонавта в случае спуска корабля за счет естественного торможения (при этом длительность полета может составить 2–10 суток). Последние испытания в тепловом макете корабля оказались неудовлетворительными, осушитель не поглощает всей влаги, выделяемой человеком. Всё еще не проведены морские испытания НАЗа и не отработана методика приводнения космонавта. НАЗ пока негерметичен и плохо устойчив: его содержимое будет заливаться водой и радиопередатчики могут быстро выйти из строя. Корабль при приводнении может скоро затонуть (открыты два люка). Скафандр и лодка позволяют космонавту держаться на воде более суток, но отыскать его в океане и даже на море будет крайне трудно из-за отсутствия средств обозначения его местонахождения».

В дневнике Каманина ничего не сказано о сбое при отделении кабель-мачты, который приводил к перелету расчетной точки приземления. Дело в том, что Сергей Королёв заметил проблему, но не стал обсуждать ее вне стен ОКБ-1. Главный конструктор понимал, что решение займет как минимум месяц, ведь придется проверять все схемы соединения спускаемого аппарата с приборным отсеком, а затем надо будет организовывать еще один беспилотный запуск.

Но ведь со спускаемыми аппаратами предыдущих кораблей ничего серьезного не случилось, а собаки вернулись живыми и здоровыми. Значит, и космонавт вернется. Можно рискнуть!

29 марта Госкомиссия заслушала предложение Королёва о запуске человека на борту корабля «Восток-3А». В тот же день состоялось заседание Военно-промышленной комиссии (ВПК), которая единогласно решила сделать следующий пуск пилотируемым, несмотря на недоработки. Комиссия отредактировала и подписала доклад в ЦК КПСС о готовности к проведению первого в мире полета человека в космос. К докладу приложили три варианта сообщения ТАСС: 1) об успешном полете (оглашается сразу после выведения); 2) об успешной посадке (сразу после посадки); 3) об аварийной посадке в океане или на чужой территории (с просьбой к государствам оказать помощь космонавту). Запуск предлагалось провести в период с 10 по 20 апреля.

3 апреля Гагарин, Титов и Нелюбов записали свои предстартовые речи на магнитофон. Текст речи был отредактирован Николаем Петровичем Каманиным и звучал так:

«Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов!

Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Всё, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобратся в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытания, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?

Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом,

перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания. Понимая ответственность задачи, я сделаю всё, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа.

Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях.

Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на Земле.

Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких!

До скорой встречи!»

4 апреля главком ВВС выдал полетные удостоверения всем трем космонавтам, поскольку официально всё еще не было определено, кто же из них полетит первым. На следующий день генерал-лейтенант Каманин сделал в своем дневнике такую запись:

«Всё последнее время и сейчас, когда я пишу эти строки, меня неотступно преследует одна и та же мысль — кого послать в первый полет, Гагарина или Титова? И тот, и другой — отличные кандидаты, но в последние дни я всё больше слышу высказываний в пользу Титова, и у меня самого возрастает вера в него. Титов все упражнения и тренировки выполняет более четко, отточено и никогда не говорит лишних слов. А вот Гагарин высказывал сомнение в необходимости автоматического раскрытия запасного парашюта, а во время облета района посадки, наблюдая оголенную, обледелую землю, он со вздохом сказал: „Да, здесь можно крепко приложиться“. Во время одной из бесед с космонавтами, когда я рекомендовал им пройти катапультирование с самолета, Гагарин отнесся к этому предложению довольно неохотно. Титов обладает более сильным характером. Единственное, что меня удерживает от решения в пользу Титова — это необходимость иметь более сильного космонавта на суточный полет. Второй полет на шестнадцать витков будет бесспорно труднее первого од-

новиткового полета. Но первый полет и имя первого космонавта человечество не забудет никогда, а второй и последующие забудутся так же легко, как забываются очередные рекорды.

Итак, кто же — Гагарин или Титов? У меня есть еще несколько дней, чтобы окончательно решить этот вопрос. Трудно решать, кого посылать на верную смерть, и столь же трудно решить, кого из 2–3 достойных сделать мировой известностью и навеки сохранить его имя в истории человечества».

Как видите, хотя еще 18 января была определена очередность участия в пилотируемых полетах, Каманин сомневался, отдавая в своих размышлениях предпочтение Титову. Прохладное отношение Гагарина к парашютным прыжкам и катапультированию он принимал за слабость, хотя и несправедливо: Титов тоже выступал против автоматического раскрытия запасного парашюта при приземлении космонавта и тоже не горел желанием лишний раз испытывать себя на ударную перегрузку при учебном катапультировании. Что касается силы характера, то тут генерал-лейтенант ошибся, но узнал об этом позднее.

5 апреля в Тюратам опять отправилась целая экспедиция. Космонавты летели на разных самолетах: на одном — Гагарин, Нелюбов и Попович, на втором — Титов, Николаев и Быковский. 6 апреля было составлено задание на одновитковый полет. В нем были указаны цели полета и действия космонавта при нормальном развитии событий, а также в «особых» случаях. В тот же день Гагарин и Титов вновь примеряли скафандры и подгоняли под себя подвесную парашютную систему. Генерал-лейтенант Каманин сделал очередную запись в дневнике: *«Я весь день наблюдал за Гагариным: мы вместе обедали, ужинали и возвращались в автобусе. Сегодня он держится молодцом — в его поведении я не заметил ни одного штриха, который не соответствовал бы обстановке. Спокойствие, уверенность и твердые знания — вот его характеристика за день».*

7 апреля на «площадке № 2» Гагарин, Титов и Нелюбов провели занятия по ручному спуску с орбиты. 8 апреля состоялось заседание Госкомиссии. Обсудили и утвердили задание космонавту на полет, заслушали доклады о готовности средств поиска. Затем было принято решение: *«Выполнить одновитковый полет вокруг Земли на высоте 180–230 км продолжительностью 1 час 30 мин с посадкой в заданном районе. Цель полета — проверить возможность пребывания*

человека в космосе на специально оборудованном корабле, проверить в полете оборудование корабля и радиосвязь, убедиться в надежности средств приземления корабля и космонавта».

После этого в узком составе члены Госкомиссии заслушали предложение Николая Петровича Каманина о назначении пилота корабля «Восток». Генерал-лейтенант больше не сомневался: полетит Гагарин, а Титов будет его «запасным» (словосочетание «дублер космонавта» в те времена не использовалось). Госкомиссия поддержала его выбор единогласно. Рекомендация, выданная в январе, была официально утверждена.

9 апреля, в воскресенье, космонавты отдыхали. Примечательно, что в тот день с 51-й площадки Тюратама была запущена межконтинентальная ракета «Р-9А». На 153-й секунде ее полета произошел отказ клапана, регулирующего подачу газа в турбонасосный агрегат двигательной установки второй ступени. Установка выключилась, и ракета упала в 375 км от старта. Несмотря на то что авария была засекречена, она стала источником распространения слухов об очередном «фантомном космонавте». Согласно публикациям в западной печати, космический корабль «Россия», запущенный 9 апреля 1961 года и пилотируемый летчиком-испытателем Владимиром Сергеевичем Ильюшиным, совершил трехвитковый полет, однако при снижении отклонился от заданной траектории и разбился где-то в Китае. Пилот остался жив, но получил серьезные ранения. Хотя эта байка неоднократно опровергалась как несоответствующая действительности, она пользуется спросом до сих пор.

10 апреля Каманин неофициально сообщил Юрию Гагарину и Герману Титову о назначении первого космонавта. Титов, разумеется, расстроился, но свои чувства постарался не выказывать.

В тот же день в «нулевом квартале» (так назывался гостиничный комплекс для руководящего состава) в павильоне-беседке на берегу Сырдарьи собрались члены Совета главных конструкторов, члены Госкомиссии и шестеро космонавтов. Первым на этой дружеской встрече выступил Королёв, который сказал: *«Не прошло и четырех лет с момента запуска первого спутника Земли, а мы уже готовы к первому полету человека в космос. Решено, что первым полетит Юрий Алексеевич Гагарин, за ним полетят другие — уже в этом году будет подготовлено около десяти кораблей „Восток“. В будущем году мы будем иметь двух- или трехместный корабль „Север“».*

Вечером состоялось торжественное заседание Госкомиссии в присутствии журналистов и кинооператоров, на котором им были представлены космонавты. Юрий Гагарин, выступая, сказал: *«Разрешите, товарищи, мне заверить наше Советское правительство, нашу Коммунистическую партию и весь советский народ в том, что я с честью оправдаю доверенное мне задание, проложу первую дорогу в космос. А если на пути встретятся какие-либо трудности, то я преодолею их, как преодолевают коммунисты»*. Его слова были встречены аплодисментами.

Корабль «ЗКА» («Восток-3А») № 3 на Опытном заводе ОКБ-1 готовили с особым тщанием, но уже в монтажно-испытательном корпусе Тюратама было выявлено и устранено свыше семидесяти мелких неисправностей. Важный для истории факт: контрольное взвешивание корабля с космонавтом в скафандре выявило перевес на 14 кг. Сразу возникла идея поменять космонавтов, ведь Герман Титов был на 4 кг легче Юрия Гагарина, однако Сергей Королёв с негодованием ее отверг, напомнив, что Госкомиссия приняла окончательное решение, и распорядился облегчить сам корабль, сняв с него часть аппаратуры: два блока питания и сеть системы аварийного подрыва объекта (понятно, что на пилотируемом корабле она была демонтирована), газоанализатор изделия 1872 и подогреватель пищи. В срочном порядке специалисты бюро всю ночь срезали «лишние» кабели, в результате чего пострадали датчики давления и температуры — если бы корабль застрял на орбите, то такое «самоуправство» могло закончиться печально. К счастью, этого не произошло.

11 апреля, в пять часов утра по московскому времени, ракету-носитель «Восток» (8К72К, № Е103–16) с кораблем вывезли на «площадку № 1». Сергей Павлович Королёв прошел за ней до самого стартового комплекса.

Последний день перед запуском объявили «резервным» для устранения возможных неполадок. Тогда же, в обед, у подножия ракеты Гагарин встретился с пусковым расчетом, заверил их, что постарается выполнить задание, «как учили», и раздал первые автографы. Затем Королёв и Гагарин на лифте поднялись к кабине корабля. Юрий Алексеевич заглянул в нее, внимательно осмотрел и сказал: «До завтра...»

Ночевать Гагарин и Титов отправились в «маршалский» домик на «площадке № 2», в котором еще год назад останавливался погиб-

ший маршал Митрофан Иванович Неделин. Перекусили «космической» пищей из туб. Затем врачи укрепили на телах Гагарина и Титова датчики для записи физиологических функций организма перед полетом.

В 19:30 по московскому времени к космонавтам зашел Сергей Королёв с пожеланием спокойной ночи. В 19:50, проведя медицинский осмотр Гагарина, Евгений Анатольевич Карпов записал: «Артериальное давление космонавта 115 на 75. Пульс — 64 удара в минуту, температура — 36,7°». В 20:00 космонавты легли спать.

Работа на полигоне продолжалась. Олег Генрихович Ивановский вспоминал (цитирую по его книге «Ракеты и космос в СССР. Записки секретного конструктора», 2005):

«То апрельское утро было необычным и вместе с тем обычным. Перед утром, как всегда, была ночь. Для всех. Не было этой ночи только для людей в зааральских космодромных степях. Они понимали, что свершается необычное, чего не делал еще никто. Находилось ли время для философского осмысливания происшедшего? Нет. Мы делали дело. Мы работали.

Режиссуру, сценарий того дня, по-моему, никто не разрабатывал, не утверждал. Быть может, я и ошибаюсь. Быть может, был человек, который ведал порядком этого дня, как и дней предыдущих. Этим человеком мог быть только Сергей Павлович. Но это из области догадок. Не в том суть. Суть в том, что на космодроме в ту ночь и в то утро были будни. Деловые, строгие, но исторические будни. И люди не отвлекались, делали свое дело — готовили к старту ракету с кораблем-спутником, с „Востоком“. Необычность происшедшего пришла в сознание в тот же день, 12 апреля, но позже.

Когда кончилось 11 апреля и началось 12-е, я не заметил. Ракета на старте... С верхнего мостика стартового устройства открылась в дымке бескрайняя степь. Расчету верхнего мостика, как официально называлась наша группа, надлежало провести заключительные операции по подготовке корабля. Забот наверху, на сорокаметровой высоте, „на семи ветрах“, хватало. Забот, регламентированных документами, но помимо строго предписанных обязанностей были еще и не предписанные никем чувства...

Мы любили наш „Восток“. Любили, как любят давно желанное, выстраданное, большим трудом созданное, достигнутое. Любили, как любят при неизбежном расставании, хотя и ненадолго, как перед даль-

ней и нелегкой дорогой. Поэтому мы и не хотели расставаться! Чувствовали, знали, что с каждой минутой, с каждой секундой приближался тот миг. И всем существом стремились тянуть эти минуты и секунды. Это было где-то там — глубоко в сердце. А строгий регламент, чувство ответственности требовали точного соблюдения часов и минут предстартового графика».

В подготовке запуска первого пилотируемого корабля «Восток-3А» участвовало множество людей. Только список объединенного боевого расчета содержит 688 фамилий; количество гражданских специалистов тоже исчислялось сотнями, но установить их точное число сегодня не представляется возможным.

Глава двадцать седьмая

Двенадцатое апреля

Нам кажется, что подробности первого космического полета, состоявшегося 12 апреля 1961 года, хорошо известны. Ведь ничего экстремального в тот день не произошло, посему советским властям и придирчивым военным цензорам не пришлось на этот раз подтачивать факты и засекречивать подробности. Всё исчерпывающе сказано в сообщении ТАСС, которое тиражируется год за годом. Я приведу его целиком:

«12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник „Восток“ с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника „Восток“ является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор ГАГАРИН Юрий Алексеевич.

Старт космической многоступенчатой ракеты прошел успешно, и после набора первой космической скорости и отделения от последней ступени ракеты-носителя корабль-спутник начал свободный полет по орбите вокруг Земли.

По предварительным данным, период обращения корабля-спутника вокруг Земли составляет 89,1 минуты; минимальное удаление от поверхности Земли (в перигее) равно 175 километрам, а максимальное расстояние (в апогее) составляет 302 километра; угол наклона плоскости орбиты к экватору — 65 градусов 4 минуты.

Вес космического корабля-спутника с пилотом-космонавтом составляет 4725 килограммов, без учета веса конечной ступени ракеты-носителя.

С космонавтом товарищем Гагариным установлена и поддерживается двухсторонняя радиосвязь. Частоты бортовых коротковолновых передатчиков составляют 9,019 мегагерца и 20,006 мегагерца, а в диапазоне ультракоротких волн 143,625 мегагерца. С помощью радиотелеметрической и телевизионной систем производится наблюдение за состоянием космонавта в полете.

Период выведения корабля-спутника „Восток“ на орбиту товарищ Гагарин перенес удовлетворительно и в настоящее время чувствует себя хорошо. Системы, обеспечивающие необходимые жизненные условия в кабине корабля-спутника, функционируют нормально.

Полет корабля-спутника „Восток“ с пилотом-космонавтом товарищем Гагариным на орбите продолжается.

* * *

9 часов 52 минуты

По полученным данным с борта космического корабля „Восток“, в 9 часов 52 минуты по московскому времени пилот-космонавт майор Гагарин, находясь над Южной Америкой, передал: „Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо“.

* * *

10 часов 15 минут

В 10 часов 15 минут по московскому времени пилот-космонавт майор Гагарин, пролетая над Африкой, передал с борта космического корабля „Восток“: „Полет протекает нормально, состояние невесомости переношу хорошо“.

* * *

10 часов 25 минут

В 10 часов 25 минут московского времени, после облета земного шара в соответствии с заданной программой, была включена тормозная двигательная установка и космический корабль-спутник с пилотом-космонавтом майором Гагариным начал снижаться с орбиты для приземления в заданном районе Советского Союза.

Об успешном возвращении человека из первого космического полета
После успешного проведения намеченных исследований и выполнения программы полета 12 апреля 1961 года в 10 часов 55 минут московского времени советский корабль „Восток“ совершил благополучную посадку в заданном районе Советского Союза».

Если верить ТАСС, то всё было идеально: старт прошел успешно, космонавт чувствовал себя хорошо, тормозная двигательная установка была включена в соответствии с программой, приземление завершилось в заданном районе Советского Союза. Остается только поздравить советских ученых, инженеров, военных с этой выдающейся победой. Так и было: всем миром поздравляли.

Здесь-то и сокрыта, пожалуй, самая серьезная ошибка советской пропаганды по части рекламы собственной космонавтики. Людям настолько часто говорили, что первый полет прошел идеально, без какого-либо вмешательства пилота, что со временем они перестали понимать, а что же такого особенного совершил Гагарин. В чем его подвиг? За что он получил Звезду Героя? За что его превозносят, если он даже не подвергался риску? Чем он отличается в таком случае от Белки и Стрелки, от Чернушки и Звёздочки? Пропаганда перехитрила сама себя: воспевая подвиг, забыла рассказать, в чем подвиг заключается, и таким образом девальвировала его. Потому что в последующие годы были новые космические полеты, более продолжительные и более сложные; были жертвы, которые нельзя скрыть под грифом «совершенно секретно» и на фоне которых «идеальный» полет Гагарина явно терялся. Со временем любые подробности этого полета истерлись из народной памяти: остались только дата (12 апреля 1961 года) и продолжительность (108 минут). В чем же подвиг Гагарина? Чем первый космонавт отличается от «космических» дворняг?..

Всё, что мы успели изучить выше, используя рассекреченные документы и личные признания участников событий, говорит нам, что первый полет не мог быть идеальным в принципе. Отдельные системы жизнеобеспечения корабля нуждались в доработке (например, не вызывал доверия осушитель воздуха, изготовленный в ОКБ-124 под руководством Григория Ивановича Воронина). Носимый аварийный запас наконец-то был полностью собран и испытан, но космонавты так и не успели пройти полноценную тренировку с ним.

ОКБ-1 не решило проблему позднего разделения отсеков корабля, что должно было при повторении привести к перелету расчетного места посадки на сотни километров. Из-за перегруза «ЗКА» с него в последний момент снимали оборудование. Трехступенчатая ракета-носитель тоже оставалась «сырой» и погубила два корабля с собаками. Получается, что 12 апреля в ракетно-космической системе «Восток» хватало условных технических «мин», каждая из которых могла «рвануть» в самый неподходящий момент и привести затем к закономерному краху. Неужели всё прошло идеально?

Документы, из которых следовало, что полет Юрия Гагарина был не столь гладок, как его представляла советская пропаганда, стали появляться в 1991 году, в дни тридцатилетнего юбилея. Поначалу они вызвали недоверие и споры, но со временем подтверждающих свидетельств становилось больше, а к 2011 году картина прояснилась целиком, противоречия были сняты. Конечно, еще остаются некоторые нюансы, требующие уточнения, но они слишком специфичны и вызывают интерес лишь у небольшой группы специалистов.

Здесь мы реконструируем события 12 апреля, основываясь на документах и верифицируемых свидетельствах, а ниже обсудим, что именно было скрыто от широкой публики и какие последствия имела фальсификация итогов первого космического полета. Нужно также сказать, что я буду использовать декретное московское время (ДМВ). Если кто-нибудь захочет пересчитать его во всемирное координированное время (UTC), то нужно вычесть три часа; если в местное время полигона Тюратам, то прибавить два часа.

Итак, 12 апреля, в 3:30 по московскому времени, космонавтов, спавших в «маршалском» домике, разбудил Евгений Анатольевич Карпов. После физзарядки, умывания и завтрака из «космических» туб (мясное пюре, черносмородиновый джем, кофе с молоком) космонавтов повезли на автомобиле в монтажно-испытательный корпус. Там состоялся еще один предполетный медицинский осмотр и проверены нательные датчики. Карпов записал: *«Предполетный вес Ю. Гагарина — 68,5 килограмма, температура тела — 36,3 градуса, частота пульса — 88 ударов в минуту, артериальное давление — 120 на 70, жизненная емкость легких — 4600 кубических сантиметров».*

Убедившись, что всё нормально, специалисты приступили к одеванию космонавтов, причем первым одевали Германа Титова: сначала тонкое шерстяное белье, потом — оболочки скафандра «СК-1».

Перчатки пока отложили — их следовало пристегнуть в кабине корабля. Когда процедура подошла к завершению, вдруг заметили, что нигде на демаскирующей оболочке нет указаний гражданства космонавта. А что если люди, которые сбегутся на место приземления, примут его за инопланетянина или, хуже того, за американского шпиона? В памяти советских граждан был еще свеж образ Френсиса Пауэрса, пилотировавшего высотный самолет-разведчик «U-2» и сбитого 1 мая 1960 года неподалеку от Свердловска. Для того чтобы избежать недоразумения, специалист по скафандрам Виктор Тигранович Давидьянц принес банку с красной краской и прямо на гермошлеме Гагарина вывел кисточкой четыре буквы: «СССР».

В это время в корабль загрузили контейнеры с провизией и водой, а ведущий конструктор «Востока» Олег Генрихович Ивановский выполнил небольшую, но важную техническую операцию, связанную с безопасностью полета. Дело в том, что медиков продолжало волновать поведение Белки, которая через несколько витков на «Втором корабле-спутнике» демонстрировала сильное беспокойство. А ведь Белка, казалось бы, прошла все возможные тесты. Не случится ли нечто подобное с космонавтом? Не утратит ли он контроль над собой под длительным воздействием невесомости?

Чтобы не допустить случайных действий или ошибок, которые могли привести к непрогнозируемым последствиям, было решено установить на панель ручного управления системой ориентации и тормозной двигательной установки логический замок, который можно было открыть, только зная комбинацию из трех цифр: 1, 2, 5. Правильно введя эти цифры и сняв крышку замка, космонавт подтвердил бы, что находится в здравом уме, контролирует себя и способен совершать осмысленные действия. Сначала хотели сообщить этот код космонавту по радиосвязи, но вдруг и она откажет? После обсуждения на Госкомиссии постановили вложить записку с комбинацией цифр в пакет — при необходимости пилот сам его вскроет. В задачу Ивановского входило вставить колодку-код в логический замок, что позволяло проверить работоспособность системы, а позднее передать Гагарину пакет, на внутренней стороне которого крупно были написаны «секретные» цифры.

Полностью облаченные Юрий Гагарин и Герман Титов сели в бело-голубой автобус ЛАЗ-695Б. Их сопровождали врачи, Николай Петрович Каманин и члены отряда космонавтов: Валерий Быковский,

Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович. По дороге Гагарин попросил остановиться, вышел на бетонку, расстегнул скафандр и помочился на заднее колесо автобуса. Так он заложил традицию, позаимствовав ее у авиаторов Великой Отечественной войны, которые справляли малую нужду перед посадкой в самолет. Почему-то это простое действие вызывает нездоровый интерес и смешки у публики, хотя ничего особенного в нем нет: любой здоровый человек справляет нужду несколько раз в день, а пилоту в принципе необходимо «облегчиться» перед дальним тяжелым рейсом.

В 6:50 космонавты и сопровождающие прибыли на старт.

Там их уже поджидала целая делегация во главе с председателем Госкомиссии Константином Николаевичем Рудневым, главным конструктором Сергеем Павловичем Королёвым и маршалом Кириллом Семёновичем Москаленко. Гагарин, ступая чуть неуклюже, направился к Королёву, поднял руку к гермошлему, бодро отрапортовал: «Товарищ главный конструктор, летчик-космонавт старший лейтенант Гагарин к полету на первом в мире космическом корабле-спутнике готов!» Тут же осекся, смутился, сообразив, что доложить он должен был председателю Госкомиссии. Извинился. В ответ Руднев обнял космонавта. Потом то же самое проделали Королёв, маршал Москаленко, генерал Каманин. Вслед за ними с Юрием попрощались космонавты. В этот момент к Гагарину подошел полковник Владимир Алексеевич Плаксин — спортивный комиссар Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова. Он попросил космонавта предъявить удостоверение, как того требуют строгие правила Международной аэронавтической федерации (FAI), и, убедившись, что перед ним именно тот самый пилот, пожелал ему счастливого пути и благополучного возвращения на родную Землю.

Королёв напоследок еще раз приобнял Гагарина. Спустившийся с фермы обслуживания ведущий конструктор Олег Генрихович Ивановский, поддерживая космонавта под локоть, повел по лестнице к площадке лифта. Там Гагарин на минуту задержался, повернулся к провожающим и поднял руки, прощаясь. На верхней площадке встречал кинооператор Владимир Андреевич Суворов, стремившийся заснять подробности посадки в корабль на портативную кинокамеру «Конвас-автомат» (1КСР). Подошли к открытому люку. Гагарин по-хозяйски осмотрелся, заглянул внутрь. Затем сопровождающие помогли ему забраться в кресло.

В 7:10 космонавт вышел над связь под позывным «Кедр» (такой уникальный позывной Гагарину придумали связисты во время тренировок). В соответствии с программой он подключил скафандр к системе вентиляции и проверил его, протестировал средства связи, работу бортового магнитофона и широкопередаточного радиоприемника, оценил работоспособность приборной доски и пульта управления, убедился в правильном исходном положении тумблеров. Недалеко от ракеты на «нулевой отметке» с помощью переносного пункта связи с бортом корабля Павел Попович поддерживал постоянную связь до 25-минутной готовности к пуску, после которой он и генерал-лейтенант Каманин перешли в пультовую бункера.

В 7:30 Сергей Королёв принял доклад Гагарина о готовности. Ивановский показал Гагарину, где и какие заложены продукты — их разговор оказался записан и вошел в стенограмму исторического полета наряду с официальным радиообменом. Ведущий конструктор вспоминал (цитирую по его книге «Ракеты и космос в СССР. Записки секретного конструктора», 2005):

«Ну, теперь — последнее, самое трудное — прощаться и закрывать люк.

Тяжелая крышка уже на руках у Володи Морозова и Николая Селезнёва. Протиснулся в кабину. Что-то хотелось еще сказать. Но что? Всё сказано... Хотя вот...

— Юра... а эти три цифры на замке, — я кивнул на конверт, — 1... 2... 5... понял? Это по секрету.

— Да уж будет тебе — „по секрету“. Без них обойдемся. А ты опоздал. Мне вчера их Галлай сказал. — И улыбнулся, подмигнув мне.

Обнял его, как получилось, крепко руку пожал и, похлопав по шлему, отошел в сторону.

— Давайте...

Мгновение — и крышку люка накинута на замки люка. Их тридцать. Руки словно автоматы быстро навинчивали гайки замков. Володя Морозов, Коля Селезнёв моментным ключом подтягивали каждую по очереди.

Секунды отстукивались в висках толчками крови. Последняя... Тридцатая! Опустили облегченно руки. Но тут же тревожный сигнал телефонного зуммера. Взволнованный голос:

— Почему не докладываете? Как у вас дела?

— Сергей Палыч, тридцать секунд назад закончили установку крышки люка. Приступаем к проверке герметичности.

— Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?

— Нет, Сергей Палыч, всё нормально.

— Вот в том-то и дело, что не нормально! Нет КП-3!

Я похолодел. КП-3 — это электрический контакт-датчик, сигнализирующий о прижиге крышки к шпангоуту люка.

— Крышка, Сергей Палыч, установлена правильно...

— Что можете сделать для проверки контакта? Успеете снять и снова установить крышку?

Я посмотрел на ребят. И Морозов и Селезнёв спокойно смотрели на меня. Без слов мы поняли друг друга.

— Успеем, Сергей Палыч. Только передайте Юрию, что мы будем снимать крышку и откроем люк.

— Всё передадим. Спокойно делайте дело, не спешите.

А времени-то почти не было. <...>

В одно шестирукое существо слились мы трое. Не то что теперь, но и тогда не понять было, кто и что делал. Казалось, всё делалось само. Помню только, что скрипнула крышка на полу нашей площадки, прикрывавшая лаз вниз по лестничкам стартового устройства, и показалась голова заместителя Королёва Леонида Александровича Воскресенского.

Очевидно, он, встревоженный происшедшим, несмотря на солидный возраст и, скажу прямо, далеко не богатырское здоровье, поднялся сюда, на высоту пятнадцатого этажа, не воспользовавшись лифтом. Минуту он молча смотрел, потом его плечи и голова медленно ушли в проем люка и крышка опустилась. По всей вероятности, он понял, что его вмешательство не требуется.

Сняли тридцать гаек с замков, сняли крышку. Только и успел я заметить, что Юрий, чуть приподняв левую руку, внимательно смотрел на меня в маленькое зеркальце, пришитое на рукаве, и тихонько напевал мотив: „Родина слышит, Родина знает, где в облаках ее сын пролетает...“

<...> Посмотрел на кронштейн, на котором стоял контакт КП-3. Всё было на месте.

Последний взгляд на Юрия. Прощаться еще раз уже было некогда, успел поймать только в зеркальце его хитрющий взгляд. Крышка опять на замках. Снова гайки: первая... пятнадцатая... двадцать третья... Есть последняя — тридцатая!

У меня трубка телефона у уха — голос Сергея Павловича:

— *КП-3 в порядке. Приступайте к проверке герметичности. Фу-у... Как гора с плеч...*»

В 8:25 была проверена герметичность кабины. После этого у Ю. А. Гагарина было снято исходное состояние физиологических функций. По 15-минутной готовности Гагарин надел перчатки скафандра, по 10-минутной закрыл гермошлем. По 5-минутной готовности были вторично зафиксированы его медицинские данные. От ракеты отъехала металлическая ферма с площадками обслуживания и лифтом.

В карточке «стреляющего» полковника Анатолия Семёновича Кириллова время запуска было назначено в 9:07 минут по московскому времени. Оно было специально рассчитано так, чтобы перед включением ТДУ-1 над Африкой обеспечивалась эффективная работа датчиков Солнца, которые позволяли сориентировать корабль перед выдачей тормозного импульса.

В 9:03, находясь у одного из перископов и наблюдая через него за состоянием пусковой установки, Анатолий Кириллов отдавал команды: «Ключ на старт» (происходит замыкание электрических цепей в системе управления), «Протяжка один» (приведение в готовность системы телеметрических записей), «Продувка» (дистанционное включение системы продувки газообразным азотом хвостовых отсеков двигателей ракеты), «Протяжка два» (включение телеметрической системы в режим записи), «Ключ на дренаж» (закрытие дренажно-предохранительных клапанов для наддува топливных баков), «Зажигание» (включение пирозажигательных устройств для запуска двигателей и отвод кабель-мачты от борта ракеты, переход на бортовое питание), «Предварительная» (выведение двигателей ракеты на режим малой тяги), «Промежуточная» (выведение двигателей ракеты на режим набора тяги), «Главная» (выход маршевых и рулевых двигателей первой и второй ступени на максимальный режим тяги у земли).

В 9:07:00 прозвучала команда «Подъем». Сила тяги работающих двигателей превысила вес ракеты. С началом вертикального движения многотонные противовесы («блины») отвели в стороны четыре удерживавшие ракету опорные фермы — и ракета, охваченная пламенем, начала медленно-медленно подниматься, постепенно набирая скорость и высоту. И тут Юрий Гагарин, вспомнив о том, как учил его заслуженный летчик-испытатель Марк Галлай, воскликнул: «По-

ехали!» Сергей Королёв крикнул вдогонку: «Мы все желаем вам доброго полета!»

Ведущий конструктор корабля Ивановский позднее вспоминал: *«Ракета шла, не могла не идти! Казалось, что миллионы рук и сердец человеческих, дрожащих от чудовищного напряжения, выносили корабль на орбиту.*

И „Восток“ вышел на орбиту!

Сорвались с мест. Сидеть, стоять больше сил не было. Самые разные лица: веселые, суровые, сосредоточенные — самые разные. Но одно у всех — слезы на глазах. И у седовласых, и у юных. И никто не стеснялся слез. Обнимались, целовались, поздравляли друг друга.

В коридоре у пультовой окружили Королёва. Наверное, по доброй традиции, подняли бы на руки, да качать негде. Потолок низковат. Кто-то снял с рукава красную повязку, собирает автографы. Мелькнула мысль: „Такое ведь не повторится!“ Подошел к Королёву:

— Сергей Палыч...

— Давай, давай...

Эта повязка с автографами Королёва, Келдыша, Воскресенского, Галлая и чуть позже — Гагарина долгие годы была самым дорогим сувениром... К сожалению, была. Теперь она в каком-нибудь музее...»

Выведение на орбиту заставило понервничать специалистов, находившихся в бункере управления. Телеметрист, который по громкой связи оценивал поступление информации с корабля, вместо обычных «Пять, пять, пять...» неожиданно произнес: «Три, три, три...», что означало неполадки с ракетой-носителем. Так продолжалось несколько секунд, после чего возобновился нормальный отсчет. К счастью, то были не проблемы в работе ракеты, а всего лишь мелкий сбой в системе связи.

В 9:18:27 произошло отделение третьей ступени от корабля. «Восток», разогнавшись до первой космической скорости, вышел на орбиту высотой в перигее 181 км и в апогее 327 км (против 180 × 235 км по полетному заданию).

Высота апогея орбиты обозначила новую серьезную проблему: она оказалась выше расчетной на 92 км. Причиной был сбой в системе радиоуправления — разделение третьей ступени с кораблем произошло на полсекунды позже. Как следствие, почти на секунду задержалась предварительная команда на выключение двигателей центрального блока ракеты. Вся циклограмма запуска сдвинулась во времени, и в ито-

ге корабль набрал скорость, превышавшую запланированную на 25,43 м/с. Именно это и привело к столь значительному увеличению апогея. Но ведь расчетная высота выбиралась с тем прицелом, что если тормозная двигательная установка внезапно откажет, «Восток» в силу естественного торможения в высших слоях атмосферы сам сойдет с орбиты в течение пяти-семи суток. Под этот срок готовились и запасы системы жизнеобеспечения. Сход с реальной орбиты занял бы свыше двадцати суток — к тому времени космонавт был бы мертв.

В ходе полета Юрий Гагарин поддерживал связь с научно-измерительными пунктами полигона Тюратам, в Колпашево Томской области и в Елизове Камчатской области. В своем докладе перед членами Госкомиссии 13 апреля он рассказывал:

«При пролете Елизово связь была нормальной. Я несколько раз повторял свои доклады и донесения. <...> Связь с Елизовым прекратилась, примерно когда по глобусу было 30° сев. широты. Сразу после доклада по УКВ [ультракоротким волнам], произвел доклад по КВ [коротким волнам]. Но по КВ подтверждение докладов и команд в это время ни от кого не получал. Связи не было. Примерно градусов около 30 сев. широты услышал „Амурские волны“, которые передавал Хабаровск. На этом фоне услышал телеграфные позывные „ВСН“ — „Весны“. В это время я опять начал связь с „Весной“, но никто не отвечал. Производил записи наблюдений в бортжурнал».

Выйдя из зоны связи камчатского пункта, «Восток» вскоре прошел над Гавайскими островами, пересек Тихий океан, обогнул с юга мыс Горн и приблизился к Африке. Космонавт чувствовал себя хорошо, о чем постоянно докладывал измерительным пунктам. Попробовал «космическую» еду (щавелевое пюре с мясом, мясной паштет, шоколадный соус) и консервированную воду, подтвердив предположение ученых, что с питанием на орбите не должно возникнуть серьезных проблем. За космонавтом можно было наблюдать с помощью видиконной камеры системы «Селигер», установленной в кабине. Она передавала всего 100 строк при 10 кадрах в секунду, изображение получалось размытым, однако его вполне хватало, чтобы оценить состояние пилота «Востока».

Гагарин рассказывал:

«При пролете над морем поверхность его казалась серой, а не голубой. Поверхность неровная, как бы в виде песочных барханов на фотографии. Мне кажется, что сориентироваться над морем будет впол-

не возможно. Можно вести ориентировку, привязаться к местности, сорентировать корабль для включения тормозной установки.

Доклады осуществлял в соответствии с заданием в телеграфном и телефонном режимах. Произвел прием воды и пищи. Воду и пищу принял нормально, принимать можно. Никаких физиологических затруднений при этом я не ощущал. Чувство невесомости несколько непривычное по сравнению с земными условиями. Здесь возникает такое ощущение, как будто висишь в горизонтальном положении на ремнях, как бы находишься в подвешенном состоянии. Видимо, подогнанная плотно подвесная система оказывает давление на грудную клетку, и поэтому создается такое впечатление, что висишь. Потом привыкаешь, приспосабливаешься к этому. Никаких плохих ощущений не было».

Юрий Гагарин наблюдал Землю, звезды и космическое пространство, регистрировал показания приборов, надиктовывая их на бортовой магнитофон и записывая в бортжурнал. Случались мелкие неприятности. В невесомости от космонавта «уплыл» карандаш, и писать стало нечем. В магнитофоне вдруг закончилась пленка — Гагарин вручную перемотал ее на середину и продолжил запись; из-за этого голосовая информация о нескольких минутах полета была утрачена навсегда.

Поскольку полет был одновитковым, сразу после отделения корабля от ракеты-носителя включилось программно-временное устройство «Гранит-5В», которое в 9:51 запустило автоматическую систему ориентации. Когда в 10:09 корабль вышел из тени Земли и сорентировался по Солнцу, в 10:25:04 прошло включение тормозной двигательной установки. Двигатель должен был отработать 41 секунду, но он выключился на секунду раньше из-за окончания горючего (возможная причина — залипание обратного клапана, часть горючего попала в полость разделительного мешка, а не в камеру сгорания). В результате магистрали наддува двигателя остались открытыми и в них под давлением 60 атмосфер стал поступать азот, что привело к закрутке корабля со скоростью 30° в секунду. Позднее Юрий Гагарин описывал происходящее так: «Получился „кордебалет“: голова-ноги, голова-ноги с очень большой скоростью вращения. Всё кружилось. То вижу Африку, то горизонт, то небо. Только успевал закрываться от Солнца, чтобы свет не падал в глаза. Я поставил ноги к иллюминатору, но не закрывал шторы. Мне было интересно самому, что происходит. Я ждал момента разделения. Разделения нет...»

Досрочное отключение тормозной установки нарушило штатную схему, и команда на автоматическое разделение спускаемого аппарата и приборного отсека оказалась не выполнена. Ситуация сложилась уникальная, и Гагарин не мог оценить, насколько велика опасность такого развития событий. Однако Юрий Алексеевич не запаниковал. Он засекал время по часам, продолжая с любопытством следить за происходящим. Мигали окошки прибора контроля режима спуска, корабль вращался. Гагарин понял, что перелет расчетного места посадки неизбежен — как и в случае с собаками, но, прикинув «на пальцах», решил, что сядет на территории СССР. Поэтому не стал сообщать на Землю о внезапных проблемах.

В 10:36:31, через одиннадцать минут после включения тормозной установки, отсеки корабля всё-таки разделились. Произошло это над Средиземным морем, на высоте около 120 км, — по резервной схеме спуска от специальных термодатчиков, замерявших нагрев окружающей среды. По мере движения в атмосфере вращение «Востока» стало замедляться, а перегрузки плавно нарастать. Кабина озарилась ярко-багровым светом, который проникал даже сквозь опущенные шторки. Юрий Гагарин услышал потрескивание — он не знал, откуда идет этот звук, но предположил, что таким эффектом сопровождается тепловое расширение оболочки аппарата. В воздухе ощущался легкий запах гари. Тут о мелких неприятностях пришлось забыть, потому что из-за крутой траектории перегрузки возросли до 12 g (вместо штатных 9 g) и в глазах у космонавта «посерело». Продолжалось такое состояние несколько секунд, после чего перегрузки начали плавно спадать.

Вход «Востока» в плотные слои атмосферы зарегистрировал измерительный пункт города Симферополя по пропаданию сигнала. В 10:42 при скорости около 210 м/с и на высоте 7 км по сигналу барореле произошел отстрел крышки люка — и кресло с космонавтом катапультировалось из спускаемого аппарата. Через полсекунды вышел тормозной парашют, обеспечивший стабилизированный спуск кресла до высоты около 4 км. Здесь был введен в действие основной парашют, который буквально сдернул космонавта с кресла. Одновременно отделился контейнер с носимым аварийным запасом — он должен был повиснуть на пятнадцатиметровом фале, но оторвался и упал вниз. Как следствие, не заработал радиомаяк космонавта, а сам Гагарин лишился запаса продуктов, аптечки, радио-

станции, пеленгатора и надувной лодки, которая могла бы пригодиться при посадке на воду.

В этот момент Гагарин должен был открыть клапан дыхания — скафандр «СК-1» не снабжен баллонами, а потому конструкторы предусмотрели для космонавта возможность дышать окружающим воздухом. Однако шарик клапана оказался притянут демаскирующей оболочкой, и Юрий Алексеевич потратил несколько минут на то, чтобы справиться с ним. На высоте 3 км в соответствии с логикой работы системы спасения раскрылся запасной парашют — хотя космонавты еще до полета были против его автоматического введения, командование решило, что с запасным будет надежнее. Таким образом, Гагарин спустился под двумя куполами с вертикальной скоростью 4–5 м/с. Управлять ими космонавт не мог и почти до самой земли летел спиной вперед. Лишь на высоте 30 м его развернуло лицом по сносу — в положение, благоприятное для приземления. Сильный ветер северо-западного направления очень помог Гагарину: он отнес его от района катапультирования, которое произошло над весенним разливом Волги, на сушу.

В остальном посадка поблизости от деревни Смеловка Энгельсского района Саратовской области (51,271° с. ш., 45,997° в. д.), на вспаханном поле колхоза «Ленинский путь», прошла нормально. В 10:53 по московскому времени ноги Юрия Гагарина коснулись земли. Таким образом, весь полет продолжался 106 минут, а не 108, как утверждалось затем целых полвека. Расчетное место приземления, согласно полетному заданию, находилось севернее села Акатная Мыза Хвалынского района Саратовской области (52,5° с. ш., 47,7° в. д.), но «Восток», вопреки прогнозам, спустился не с перелетом, а с недолетом на 180 км.

Штатные поисковые группы получили информацию о районе посадки из Центральной группы управления, где с 10:40 принимали данные радиолокационных проводок, а с 10:46 — от пеленгаторов, улавливающих сигналы радиомаяка с антенной в стропе парашюта спускаемого аппарата. По ним к фактическому месту посадки был перенаправлен поисково-спасательный отряд под командованием инженер-капитана Михаила Алексеевича Черновского, ранее вылетевший с аэродрома Кряж южнее Куйбышева-Самары в направлении города Пугачёв.

Поскольку изначально приземления спускаемого аппарата ожидали в другом месте, то никто не бежал Гагарину навстречу — ему

самому пришлось погасить купола парашютов, освободиться от привязной системы и двинуться на поиски людей.

Первыми космонавта увидели жена лесника Анихайят (Анна) Тахтарова и ее шестилетняя внучка Румия (Рита). На следующий день Гагарин докладывал: *«Дальше принимал меры к тому, чтобы сообщить, что приземление прошло нормально. Вышел на пригорок, смотрю, женщина с девочкой идет ко мне. Примерно метров 800 она была от меня. Я пошел навстречу, собираясь спросить, где телефон. Я к ней иду, смотрю, женщина шаги замедляет, девочка от нее отделяется и направляется назад. Я тут начал махать руками и кричать: „Свой, свой, советский, не бойтесь, не пугайтесь, идите сюда“. В скафандре идти неудобно, но всё-таки я иду. Смотрю, она так это неуверенно, тихонько ступает, ко мне подходит. Я подошел, сказал, что я советский человек, прилетел из космоса. Познакомились с ней, и она рассказала мне, что по телефону можно говорить с полевого стана. Я попросил женщину, чтобы она никому не разрешала трогать парашюты, пока я схожу до полевого стана».*

Тут с полевого стана прибежали шестеро механизаторов колхоза имени Шевченко из деревни Узморье. Гагарин познакомился с ними, узнал, что о его полете и возвращении передают по радио. Еще через несколько минут прибыл майор Ахмед Николаевич Гассиев (Гасиев), командир в/ч 40218 — зенитно-ракетного дивизиона ПВО, дислоцированного у соседней деревни Подгорье. Еще в 6:00 в его подразделении была объявлена боевая тревога. По приказу штаба Приволжского военного округа средства дивизиона вели наблюдение и обнаружили цель, которая на высоте 7 км разделилась на две. Будучи почти полностью уверенным в происхождении цели, Гассиев на колесном артиллерийском тягаче ГАЗ-69 немедленно выехал к месту приземления. Именно Ахмеду Николаевичу космонавт впервые отрапортовал об успешном завершении полета. Командир зенитчиков предложил помощь и в свою очередь сообщил приятную новость о присвоении старшему лейтенанту Гагарину внеочередного звания — майора.

Установив пост у парашютов и направив политрука части к спускаемому аппарату, майор Гассиев в 11:15 доставил Юрия Гагарина в свой дивизион и вызвал командный пункт корпуса ПВО в Куйбышеве. Командиру корпуса генерал-майору авиации Юрию Семёновичу Вовку космонавт доложил: «Старший лейтенант Гагарин при-

землился благополучно. Ушибов и травм не имею». В дивизионе космонавт провел около сорока минут: успел снять скафандр, сфотографироваться с военнослужащими и членами их семей.

Тем временем на поиск космонавта с аэродрома в Энгельсе (в/ч 62648) был направлен вертолет «Ми-4». На борту находился начальник гарнизона генерал-лейтенант Иван Карпович Бровко в сопровождении младших офицеров. С вертолета быстро обнаружили спускаемый аппарат с двумя парашютами. Командир экипажа майор Сергей Михайлович Хитрин доложил по радио: «Вижу на земле парашют, снижаюсь, связь временно прекращаю». Вертолет произвел посадку около спускаемого аппарата, но космонавта рядом с ним не оказалось. Подошедшие трактористы сообщили, что якобы он уехал в Энгельс. Вертолет взлетел и направился к городу. В 11:25 Хитрин разглядел на дороге автомобиль, из которого вышел Юрий Гагарин и махал ему руками. Майор посадил вертолет, все офицеры выскочили из него, обняли космонавта и сразу повели на борт. Прощаясь, Гассиев и Гагарин решили обменяться сувенирами. Гассиев снял свою фуражку и подарил ее космонавту. А у Гагарина ничего не оказалось. Тогда Гассиев вынул из кармана кителя свой партийный билет, раскрыл его на последней странице и подал космонавту вместе с авторучкой. Тот расписался на левой стороне сверху. Кстати, это был первый автограф Гагарина после космического полета.

В середине дня майор Гассиев с подчиненными вкопали на месте приземления космонавта столб-отметку с надписью: «Не трогать! 12. 04. 61 г. 10 ч 55 м. моск. врем.». Много позже там был установлен памятный обелиск.

Сначала Хитрин направил свой «Ми-4» к спускаемому аппарату, но там с подлетевшего «Ил-14» десантировались парашютисты спасательно-поискового отряда, которые немедленно взяли под охрану место посадки, и генерал-лейтенант Бровко распорядился лететь в Энгельс. В 11:50 Юрий Гагарин вышел из «Ми-4» на поле аэродрома, которое он хорошо знал — год назад он и другие космонавты грузились здесь в самолеты, чтобы совершить прыжки по программе парашютной подготовки. У трапа собралась огромная толпа местных жителей — слух о прилете первого космонавта распространился мгновенно. Всем хотелось обнять и поздравить Гагарина. Кто-то преподнес ему цветы. Раздавались крики: «Ура! Слава первому космонавту мира!» Юрий Алексеевич пожимал протянутые руки и сму-

щенко улыбался — он еще не привык к повышенному вниманию окружающих.

Гагарину вручили поздравительную телеграмму от Никиты Сергеевича Хрущёва, после чего на автомобиле «Победа» повезли в штаб гарнизона. И лишь здесь в одном из кабинетов космонавт смог наконец устало опуститься в кресло. Местный военврач поинтересовался его самочувствием. Юрий Алексеевич бодро ответил, что здоров. Буфетчица офицерской столовой Валентина Платонова дала Гагарину сок и яблоко — от другой еды он отказался, помня наставления медиков, которые хотели зафиксировать его физиологическое состояние после полета.

В 12:30 Юрия Гагарина пригласили к телефону. Сначала он побеседовал с Леонидом Ильичом Брежневым, который в то время был председателем Президиума Верховного Совета СССР. Юрий Алексеевич заявил: *«Товарищ Председатель Президиума Верховного Совета! Докладывает космонавт майор Гагарин. Первый космический полет успешно завершён. Приземление прошло нормально. Чувствую себя хорошо. Травм и ушибов не имею. Передайте пламенный космический привет Президиуму Верховного Совета»*. На следующий день его доклад был опубликован, претерпев по пути в информационные агентства удивительную метаморфозу. В открытой печати оно выглядело так: *«Прошу доложить партии и правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею»*.

В 13:00 из Сочи позвонил глава государства Никита Сергеевич Хрущёв. Запись беседы сохранилась и была растиражирована в советской печати (цитирую по сборнику «Утро космической эры», 1961):

Никита Хрущёв:

— Я рад слышать вас, дорогой Юрий Алексеевич.

Юрий Гагарин:

— Я только что получил вашу приветственную телеграмму, в которой вы поздравляете меня с успешным завершением первого в мире космического рейса. Сердечно благодарю вас, Никита Сергеевич, за это поздравление: счастлив доложить вам, что первый космический полет успешно завершён.

Никита Хрущёв:

— Сердечно приветствую и поздравляю вас, дорогой Юрий Алексеевич! Вы первым в мире совершили космический полет. Своим подвигом

вы прославили нашу Родину, проявили мужество и героизм в выполнении такого ответственного задания. Своим подвигом вы сделали себя бессмертным человеком, потому что первым из людей проникли в космос... Скажите, Юрий Алексеевич, как вы чувствовали себя в полете? Как протекал этот первый космический полет?

Юрий Гагарин:

— Я чувствовал себя хорошо. Полет проходил очень успешно. Вся аппаратура космического корабля работала четко. Во время полета я видел Землю с большой высоты. Были видны моря, горы, большие города, реки, леса.

Никита Хрущёв:

— Можно сказать, что вы чувствовали себя хорошо?

Юрий Гагарин:

— Вы правильно сказали, Никита Сергеевич, я чувствовал себя в космическом корабле хорошо. Как дома. Я еще раз благодарю вас за сердечные поздравления и приветствия с успешным завершением полета.

Никита Хрущёв:

— Я рад слышать ваш голос и приветствовать вас. Буду рад встретиться с вами в Москве. Мы вместе с вами, вместе со всем нашим народом торжественно отпразднуем этот великий подвиг в освоении космоса. Пусть весь мир смотрит и видит, на что способна наша страна, что могут сделать наш великий народ, наша советская наука.

Юрий Гагарин:

— Пусть теперь другие страны догоняют нас!

Никита Хрущёв:

— Правильно! Очень рад, что ваш голос звучит бодро и уверенно, что у вас такое замечательное настроение! Вы правильно говорите: пусть капиталистические страны догоняют нашу страну, проложившую путь в космос, пославшую первого в мире космонавта. Все мы гордимся этой великой победой. Здесь присутствует Анастас Иванович Микоян, он передает вам сердечное поздравление и приветствие.

Юрий Гагарин:

— Передайте мою благодарность Анастасу Ивановичу и лучшие пожелания ему!

Никита Хрущёв:

— Скажите, Юрий Алексеевич, у вас есть жена, дети?

Юрий Гагарин:

— Есть и жена, Валентина Ивановна, и две дочери — Лена и Галя.

Никита Хрущёв:

— А жена знала, что вы полетите в космос?

Юрий Гагарин:

— Да, знала, Никита Сергеевич.

Никита Хрущёв:

— *Передайте мой сердечный привет вашей жене и вашим детям. Пусть ваши дочери растут и гордятся своим отцом, который совершил такой великий подвиг во имя нашей Советской Родины.*

Юрий Гагарин:

— *Спасибо, Никита Сергеевич, я передам этот ваш привет и навсегда запомню ваши сердечные слова.*

Никита Хрущёв:

— *А ваши родители, мать и отец, живы, где они находятся сейчас, чем занимаются?*

Юрий Гагарин:

— *Отец и мать живы, они живут в Смоленской области.*

Никита Хрущёв:

— *Передайте вашему отцу и вашей матери мои сердечные поздравления, они вправе гордиться своим сыном, который совершил такой великий подвиг.*

Юрий Гагарин:

— *Большое спасибо, Никита Сергеевич, я передам эти слова отцу и матери. Они будут рады и признательны вам, нашей партии и Советскому правительству.*

Никита Хрущёв:

— *Не только ваши родители, но вся наша Советская Родина гордится вашим великим подвигом, Юрий Алексеевич. Вы совершили подвиг, который будет жить в веках. Еще раз от души приветствую вас с успешным завершением первого космического полета. До скорой встречи в Москве. Желаю вам всего наилучшего.*

Юрий Гагарин:

— *Спасибо, Никита Сергеевич. Еще раз благодарю вас, родную Коммунистическую партию, Советское правительство за большое доверие, оказанное мне, и заверяю, что и впредь я готов выполнить любое задание Советской Родины. До свидания, дорогой Никита Сергеевич!»*

После беседы с лидером государства Гагарин переговорил с главным конструктором Сергеем Павловичем Королёвым, который всё еще оставался на полигоне, с министром обороны Родионом Яков-

левичем Малиновским и главкомом ВВС Константином Андреевичем Вершининым. И только потом представилась возможность позвонить жене Валентине Ивановне.

В 15:20 Гагарин вышел из здания штаба, сел в автомобиль, который доставил его на взлетную полосу. Уже через пять минут самолет «Ил-14» поднялся в воздух и взял курс на Куйбышев. В полете его сопровождали генерал-лейтенант Филипп Александрович Агальцов, спортивный комиссар Иван Григорьевич Борисенко, врачи и специалисты.

Член поисково-спасательного отряда полковник (в то время майор) медицинской службы Виталий Георгиевич Волович из ГНИИИ авиационной и космической медицины, прославившийся первым в истории парашютным прыжком на Северный полюс, вспоминал (цитирую по фонозаписи, сделанной 11 апреля 1983 года):

«Все, кто находился в салоне, собрались около Гагарина. Открытая улыбка, блеск глаз и какая-то особенная простота и обаяние — всё в нем привлекало людей. В салоне было тепло, и Гагарин снял свой голубой комбинезон, остался в рубашке. Там и тут из нее торчали белые хвостики проводов от датчиков, прикрепленных к телу космонавта.

„Ну, что, товарищи, вы нам сейчас не мешайте. Пора осматривать. Медицинский осмотр — это главное“. Все замолкли и сели в свои кресла. Я тем временем достал сумку и извлек необходимое для медицинского осмотра. Затем снял колпачок с авторучки и выжидающе посмотрел на Гагарина.

„Работа есть работа — будем обследоваться“, — сказал он, подставляя руку. Я наложил манжетку, накачал воздух и, прижав мембрану фонендоскопа к локтевому изгибу, начал слушать. Стрелка тонометра медленно поползла по циферблату. „Ну, как давление?“ — глазами спросил меня Гагарин. „Отличное — 125 на 70“, — сказал я вслух. „То-то“, — и Гагарин весело подмигнул. Осмотр продолжался.

Подержав градусник под мышкой, Гагарин сначала сам посмотрел и сказал: „Тридцать шесть и шесть. Полный порядок“ — и только после этого вернул его мне. Теперь надо посчитать пульс, дыхание. Я шепотом считаю, искоса поглядывая на секундомер. Всё нормально — 68 ударов в минуту. Грудь вздымается мерно и спокойно. И после каждого моего „отлично“ все улыбаются — вот он каков, наш космонавт.

Наконец осмотр окончен. Поднялся шум, посыпались вопросы. „Давайте по очереди“, — попросил космонавт. „Про невесомость расскажите, Юрий Алексеевич“. — „Во сне, бывает, взмахнешь руками и ле-

тишь — похоже, очень похоже“. Но вдруг беседа наша прервалась. Гагарин, ответив на один из вопросов, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Мне казалось, что в эти мгновения он мысленно вернулся в кабину „Востока“, с которым он расстался так недавно. В салоне воцарилось молчание, все думали, что он задремал. Но Гагарин открыл глаза: „Что это вы все замолчали? Это я так, задумался на минуту“. <...>

Снова посыпались вопросы. „Юрий Алексеевич, напишите что-нибудь на память, очень прошу“, — смущенно улыбаясь, сказал борттехник, протягивая блокнот. „Ну что я — кинозвезда? — усмехнулся Гагарин. — Давайте, распишусь на память“. „А спортивному комиссару, — сказал Иван Григорьевич Борисенко, — сам бог велел“. „И мне, и мне“, — протянулись со всех сторон тетрадки, блокноты, записные книжки. „Ну, тогда и мне положено, Юрий Алексеевич“, — сказал я. Гагарин на мгновение задумался и быстро написал: „Передовой медицине. Ю. А. Гагарин. 12 апреля 1959 года“. Я не обратил внимания на год. И только через несколько дней я показал эту запись Юре. Он страшно удивился и тут же исправил 59 на 61. <...>

Кстати, о фуражке. Дело в том, что когда Гагарин поднимался в самолет, он фуражку отдал. И перед прилетом в Куйбышев он оказался без головного убора. И тот шлем, в котором он сфотографирован на Куйбышевском аэродроме, — это тот самый, в котором я прыгал с парашютом на Северном полюсе. Он в самолете был без фуражки. „Что же мне, скафандр надевать?“ — сказал он. Я отдал свой шлем.

Примерно через час после вылета из Энгельса самолет приземлился в Куйбышеве на аэродроме Безымянки. Там собралась большая толпа рабочих завода № 1, на котором изготавливались серийные ракеты «Р-7А». Чтобы избежать давки, самолет вырулил на самую дальнюю стоянку. Туда приехали на машинах местное партийное руководство и группа встречающих из Москвы во главе с Николаем Петровичем Каманиным. Пока на самолете глушили двигатели, открывали дверь, монтировали трап, количество встречающих неимоверно возросло.

Первым из самолета вышел Юрий Гагарин в серо-голубом подскафандровом комбинезоне и шлемофоне Воловича. На трапе космонавта ухитрился сфотографировать корреспондент окружной газеты «За Родину». На земле Гагарин попал в объятия Каманина и других руководителей. Тут же через толпу прорвался и обнял друга Герман Титов. После обязательных приветствий космонавта при-

везли на обкомовскую дачу на высоком берегу Волги, где он наконец-то пообедал нормальной едой и принял душ. Туда же к 20:00 приехали члены Госкомиссии и космонавты из лидирующей «шестерки».

В 21:00 все собрались за столом. Тосты произнесли председатель Госкомиссии Константин Руднев, Юрий Гагарин и Сергей Королёв. Банкет продолжался недолго — все были на ногах с раннего утра, и усталость взяла свое. Космонавты получили команду «отбой» и разошлись отдыхать.

В это время члены поисково-спасательного отряда героически «держали оборону» под деревней Смеловка, не давая местным подойти к спускаемому аппарату. Михаил Алексеевич Черновский рассказывал (цитирую по фонозаписи, сделанной 18 марта 1983 года):

«Прилетели мы на аэродром Энгельса примерно за 10 минут до того, как Гагарин, переговорив по телефону с Москвой, вышел из командного пункта аэродрома и прошел мимо нас в самолет Ил-14 — с букетом цветов, как сейчас помню, сел в самолет и улетел. Вот и весь момент, когда я видел Гагарина.

Мы, наш поисковый отряд и техническая группа, на вертолете вылетели на место приземления. На месте приземления были люди, которые непосредственно встретили Гагарина: колхозники и местные военные. Мне подарили фотографию с приземлением — она была еще мокрая после того, как ее отпечатали.

К вечеру оперативно-техническая группа, возглавляемая Арвидом Владимировичем Палло, сделала свою работу и улетела в Энгельс. Осталась наша группа, чтобы организовать охрану спускаемого аппарата. У меня в отряде было человек пять-шесть. Кроме того, остались члены парашютно-десантной группы. Дело к вечеру. С питанием было неважно, с собой мы не взяли практически ничего. А, кроме того, было холодно — это же апрель месяц. Разлив у реки, еще кое-где лежит снег. Спускаемый аппарат приземлился на крутом высоком берегу Волги, причем недалеко от откоса, метрах в десяти. По счастью, он не скатился вниз, тогда бы было очень трудно с ним работать. Ветерок гуляет, степь. Деревьев нет. На счастье, был парашют. Большой парашют, на котором спускался корабль. Завернулись в парашют товарищи парашютисты и члены моей группы. А мы с командиром парашютистов пошли пешком в близлежащее село. Топлива тоже никакого не было, а ночь, мы чувствуем, не протянем там. Пришли мы в село, уже темно, стали стучаться в окна. Пошли к председателю

сельсовета. Он сказал: „Сейчас всё организуем“. Вызвал шофера, велел погрузить в машину дрова, пару буханок хлеба (магазин был, к сожалению, закрыт), чтобы люди могли перекусить. Водитель попался лихой, довез нас наверх к месту приземления.

Накололи дрова, разожгли костер, немного перекусили, стало веселее. Но всё равно пришлось закутываться в парашют, кто-то сидел у костра, ночь мы так выдержали. Утром сразу смекнули, что сейчас, конечно, весть о полете распространится и начнут прибывать зрители. Первым делом мы послали наших людей вниз по откосу нарубить веток кустарника, принесли несколько охапок палок. И в метрах десяти от корабля забили эти палки по кругу. Потом отрезали стропы от парашюта и оградил место посадки. Сами находились внутри. Прилетел вертолет с группой Арвида Владимировича [Палло] из Энгельса. Мы доложили, что всё в порядке, всё на месте.

С утра началось паломничество. Народ начал прибывать на машинах, пешком. Что делать? Надо было что-то рассказать людям. Арвид Владимирович попросил меня объяснить людям, что к чему. Я был знаком с кораблем. Кто-то мне дал фотографию Гагарина, снятую еще до старта. Это был портрет размером 12 × 18. Я рассказывал о полете, о корабле, показывал фотографию, ходил вдоль ограждения. Народ прибывал. Корабль был обклеен изоляцией — шестигранниками. Часть при прохождении плотных слоев атмосферы обгорела, а часть сохранилась. Из тех товарищей, которые стояли и слушали меня, вдруг кто-то нырнул под ограждение, бегом к кораблю, хватал кусок изоляции и обратно. Конечно, я тоже не безгрешен, тоже кусочек отщипнул.

Техническая группа работала с кораблем, всё там осмотрели. Есть опять было нечего. Опять мы согрелись — в корабле оставались тубы с пищей, и мы с товарищами попробовали. Потом Арвид Владимирович предложил отметить как-то это место. <...> Когда корабль приземлился, он немного отскочил — может быть, его дернуло парашютом. Осталась лунка. Но потом, правда, его еще перекачивали, чтобы освободить люк. Но на первом месте касания осталась лунка. Как его пометить? Решили забить лом, благо у группы технического обслуживания были инструменты — кувалда, топор, лом. Забивали, чтобы никому не обидно было, по очереди. <...> На самом кончике лома выбили зубилом дату „12. 4. 61 г.“ И сфотографировались на этом месте.

Потом начали прибывать руководители, ученые. <...> Было дано указание закрыть корабль. Закрыли. Народ прибывает. Было приказано

открыть и показать людям. Мы опять открыли, показали. Опять мне пришлось рассказывать. <...> Потом специальным вертолетом Ми-6 увезли корабль. Только тогда мы улетели в Энгельс, уже затемно, 13 числа. Нас покормили, уложили спать, и утром мы улетели в Москву».

Остается только добавить, что на месте приземления так и не были найдены снаряд с камерой тормозного купола от кресла пилота и вытяжной купол спускаемого аппарата с камерой тормозного купола. Оторвавшийся носимый аварийный запас утащили местные мальчишки, и лишь часть его содержимого впоследствии удалось изъять.

На этом завершилась реальная история орбитального полета Юрия Алексеевича Гагарина на корабле-спутнике «ЗКА» («Восток-ЗА»), который в тот же день получил официальное название «Восток». Большинство участников тех событий, включая самого Гагарина, и не подозревали, что со следующего дня начнется большая работа по засекречиванию подробностей и фальсификации результатов полета.

Глава двадцать восьмая

День космонавтики

После смерти главного конструктора Сергея Павловича Королёва в его архиве обнаружили перевод статьи из гамбургской газеты «Die Welt» под названием «Пионер или подопытный кролик. Космос может быть исследован без астронавтов» («Pionier oder Versuchskaninchen. Der Weltraum kann auch ohne Astronauten entdeckt werden»), опубликованной 15 апреля 1961 года. В ней немецкий публицист Себастьян Хаффнер ставил под сомнение значимость полета Гагарина с технической точки зрения: *«Неужели действительно можно поверить в открытие новой главы в истории человечества, если человек, правда добровольно, успешно повторил принудительные достижения животных? <...> Заслуга Юрия Гагарина, которую никто не хочет преуменьшить, состояла исключительно в том, чтобы предоставить себя в распоряжение в качестве подопытного объекта. <...> Сам он не мог внести никакого вклада в удачу этого эксперимента. В своей кабине он был не капитаном, а лишь полезным грузом».*

Сергей Королёв выделил этот абзац. Главный конструктор был очень умным человеком и уже тогда разглядел опасность подобного

подхода. Казалось бы, кому какое дело до мнения какого-то немецкого публициста, известного в основном исследованиями на тему Веймарской республики и Третьего рейха? Однако и тогда, и теперь в книгах о первом полете ничего не говорится о том, каков был вклад Гагарина в научно-техническое развитие космонавтики. Складывается впечатление, что его и не было. Конечно, в 1961 году мало кого волновали такие вопросы — большинству хватало самого факта пилотируемого полета, который был по тем временам величайшим достижением. Но через десятилетия, когда эйфория от побед в космосе пройдет, деятельность первопроходцев начнут оценивать куда более критически. В ходу даже появится байка, будто бы Юрий Гагарин во время очередного банкета признался, что не знает: первый ли он космонавт или последняя космическая собака. В самом деле — в чем разница?

Получается, что мнение немецкого публициста, основанное скорее на горькой обиде, чем на здравом размышлении (Хаффнер, изучавший историю Третьего рейха, наверняка знал о немецкой ракетной программе, которая потенциально могла стать космической), предвосхитило появление вируса отрицания, заразившего советских людей, разочаровавшихся в прогрессивности коммунистической утопии. Можно даже сказать, что невнятная политика в области космонавтики стала одним из компонентов идеологического питательного бульона, в котором этот вирус развился. И великий человек Королёв сумел разглядеть возможные последствия задолго до возникновения объективных предпосылок.

Что же нужно было сделать для того, чтобы у таких, как Себастьян Хаффнер, не появилось даже сомнения о вкладе Юрия Гагарина в «удачу эксперимента»? Думаю, достаточно было бы честно рассказать (если не сразу, то через пару-тройку лет) о технических проблемах «Востока», о том, как они решались и какие перспективы открывались после их решения. Нужно было показать и доказать, что кораблеспутники создавались не для рекламы «достижений народного хозяйства», не для прославления мудрости государственных мужей и общего трудового подвига всех советских людей, а как элемент колоссальной индустриальной машины, построенной человеческой цивилизацией для увеличения своего могущества, которое больше не будет ограничено одной планетой. Как минимум — нужно было опубликовать доклад Юрия Гагарина о полете не через тридцать лет, когда

он оказался интересен только узкой группе специалистов, а через пять. Но, конечно, никто и не подумал ничего подобного сделать, ведь даже фрагментарная публикация вступала бы в противоречие с «легендой», которую опытные советские пропагандисты начали «сшивать» в апреле 1961 года, буквально по горячим следам.

При сравнении информации, содержащейся в докладе, с теми псевдоисторическими байками, которыми нас потчевали полвека, происходит такой «разрыв шаблона», что возникает впечатление подлога. Например, исследователь Владислав Иосифович Кац в своем очерке «Первый доклад первого космонавта» вообще ставит под сомнение факт выступления Гагарина перед Госкомиссией по итогам полета, полагая, что космонавт отделался коротким рассказом на магнитофон, который затем был расшифрован, отредактирован, дополнен и в таком виде попал в архив. Спешу заверить скептиков: доклад существует не только в виде нескольких машинописных страничек, хранящихся в архиве, но и как полноценная фонограмма, которая сохранила оригинальную речь Юрия Алексеевича и реакцию слушателей. Более того, доступен документальный фильм «Юрий Гагарин. Секретный отчет 13 апреля 1961 года» (1999), который можно отыскать на сайте Телестудии Роскосмоса и в котором воспроизведены фрагменты доклада, совмещенные с кадрами кинохроники. Отправляю интересующихся на поиски фильма, а здесь мы обсудим не сам доклад, а записи, сделанные Сергеем Павловичем Королёвым по ходу выступления космонавта

Итак, 13 апреля, в 10:00 по московскому времени, на даче под Куйбышевом состоялось заседание Госкомиссии, на котором космонавт в течение двух часов обстоятельно рассказывал о полете, о невесомости, о работе корабля, о своих ощущениях и наблюдениях. В завершение он ответил на многочисленные вопросы. Разумеется, не упустил Гагарин и важнейшие детали: потеря связи, проблемы с магнитофоном, «кордебалет» после выдачи тормозного импульса, задержка с разделением отсеков, обрыв фала НАЗа, трудности с клапаном дыхания.

Что же записал Королёв? Его заметки весьма красноречивы.

Например, по поводу связи главный конструктор сделал такие записи: *«Над Елизово: Он слышал лучше, а Земля хуже! По КВ [подтверждение] приема он не получал». «Землю до -40° юж. широты не слышал! В апогее (мыс Горн) слышал хорошо».*

По поводу магнитофона: *«Неудобно при автоматическом [управлении] — магнитофон зря расходует пленку. Лучше вручную».*

По поводу космического «кордебалета»: *«Включ[ение] ТДУ мягкое; выключ[ение] резкое по перегрузкам и пр[иборам], произошел резкий толчок и К-С начал вращаться!? Сильно (~30°/сек)!»*

По поводу задержки с разделением: *«И долго не было разделения; см. сигналы в окошках пульта!?» «Разделение произошло — 10 ч 25 м 57 сек (расчет) 10 ч 35 м (фактическое)? См. в чем дело».*

По поводу носимого аварийного запаса: *«НАЗ — оторвался!»*

По поводу клапана: *«При парашютировании трудно открыть клапан дыхания!»*

Ясно, что все эти пометки были сделаны для того, чтобы устранить текущие технические проблемы корабля «Восток». Но Сергей Павлович смотрел и в перспективу:

«Хорош ли обзор на К-С? (см. для «Север» надо особо решать)».

«См. он не знал высоты над Землей! — надо делать приборы».

«Вентилятор сильно гудит и мешает».

«Скафандр нужен только при разгерметизации, т. е. на аварийный случай».

Емкие записи, сделанные Королёвым, повлияли на процесс конструирования новых космических кораблей «Север», создаваемых для полета на Луну и известных сегодня под названием «Союз». Понятно, что главный конструктор не ограничился докладом и этими заметками — он и в дальнейшем обсуждал с Гагариным и другими космонавтами аспекты орбитальных полетов. Если же добавить, что шестерка членов отряда принимала активное участие в улучшении кабины «Востока» и составлении «Инструкции космонавта», то мы вправе назвать их не просто испытателями новейшей техники, но и рационализаторами, оказывавшими влияние на технический облик первых пилотируемых космических аппаратов.

Всё это в общем виде можно было рассказать сразу после полета, а подробности раскрыть позже, если уж не позволяли соображения секретности. Однако советские пропагандисты поступили иначе, заменив напрашивающийся образ высококвалифицированного профессионала иконой пламенного коммуниста, заслужившего своим подвигом право на всевозможные почести. Условия для развития «звездной болезни» были созданы в кратчайшие сроки. И противостоять ей оказалось необычайно трудно.

Первые публикации о полете Юрия Гагарина с перепечаткой сообщения ТАСС, комментариями ученых, популяризаторов, фантастов и пафосными стихами, посвященными событию, появились уже во второй половине дня 12 апреля. Например, вышли экстренные спецвыпуски газет «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Ленинградская правда». Поскольку информации в тот момент еще было мало, заметное печатное пространство отдали под фотоснимки с шествий и митингов, которые стихийно организовались во многих городах страны, прежде всего в Москве и Ленинграде.

Наибольшую прыть проявили специальные корреспонденты Николай Николаевич Денисов («Правда») и Георгий Николаевич Остроумов («Известия»), прилетевшие заранее в Куйбышев. Остроумов успел даже продиктовать «Репортаж с места приземления» для экстренного выпуска своей газеты:

«Только что видел Юрия Гагарина. Плотный, улыбающийся, как это может делать по-настоящему счастливый человек, он спускался с трапа самолета. На нем голубой, небесного цвета комбинезон, летный шлем. Наперебой обнимают его встречающие, поздравляют, целуют. С одним из своих, видимо, старых друзей, который встречал его здесь на аэродроме [вероятно, это был Герман Титов], Гагарин обнял так крепко, что это было похоже на маленькую борьбу.

— Горячие поздравления вам от читателей „Известий“, — говорю я.

— Передайте им мой сердечный привет, — говорит первый космонавт.

Его глаза лучатся, будто до сих пор еще в них отражается звездный свет».

Нет сведений, присутствовали ли Денисов и Остроумов на докладе Гагарина 13 апреля перед Госкомиссией, но после нее они получили возможность интервьюировать первого космонавта. Вопросы были в основном банальные — такие же будут задавать Юрию Алексеевичу неоднократно в разных частях мира и в самых разных аудиториях. Как вы себя чувствовали перед полетом, во время него и после него? Как ощущается невесомость? Как выглядят космос и Земля из космоса? Когда вы впервые прочитали Циолковского? Кто ваш любимый писатель? Каковы ваши планы на будущее? Опытные советские корреспонденты не требовали от Гагарина технических подробностей, а если он им и рассказывал что-то «лишнее», бдительные цензоры всё «подчищали». Зато обращает на себя внимание следую-

щий момент в описании космонавта (цитирую по репортажу Георгия Остроумова «Рассказывает космонавт», 13 апреля 1961 года):

«Он свеж и бодр. Чудесная улыбка не сходит с его лица. Сегодня он уже не в своем небесном комбинезоне, а в офицерской форме. Кстати говоря, она пополнилась еще одной деталью — значком, который говорит, что Юрий Гагарин летчик первого класса. Это звание присвоено ему сегодня».

Получается, что помимо внеочередного воинского звания майор Гагарин получил значок летчика первого класса, перепрыгнув через второй. Как это произошло? Сохранилось письмо командующего ВВС Приволжского военного округа генерал-лейтенанта Константина Терентьевича Цедрика в ответ на запрос Анны Тимофеевны Гагариной (датировано 1 сентября 1983 года):

«Юрий, тепло встреченный на аэродроме Куйбышев, уехал в санаторий на берегу р. Волга, где находился несколько дней под наблюдением врачей и готовился к перелету в Москву. С ним постоянно находились С. П. Королев, М. В. Келдыш и другие ученые, а также члены Государственной комиссии. Здесь он сделал доклад Государственной комиссии о выполнении полета, ответил на многочисленные вопросы корреспондентов и журналистов. В ходе работы комиссии возник вопрос о присвоении Юрию звания „военный летчик 1-го класса“ (звание „летчик-космонавт“ было установлено позже). Этот вопрос был быстро решен генерал-полковником [Филиппом Александровичем] Агальцовым. По телефону был получен приказ Министра обороны о присвоении Юрию Алексеевичу Гагарину звания „военный летчик 1-го класса“ и воинского звания „майор“. Летный знак военного летчика 1-го класса я передал ему свой.

Юрий находился в спортивном костюме и, естественно, возник вопрос о форме одежды. Я обратился к генералу Каманину с вопросом, где костюм Гагарина? Он ответил, что, очевидно, в самолете, на котором прилетели остальные космонавты. Ответ был довольно расплывчатый, и я понял, что вопрос о костюме не был решен заблаговременно. Я нашел этот самолет на аэродроме и в нем костюм Юрия, который совершенно по своему „рабочему состоянию“ не был пригоден для представления рапорта правительству. Поэтому этот костюм я оставил в том же состоянии в грузовой кабине Ан-12 и решил пошить новый. Вопрос этот был решен командующим Приволжского ВО генералом Стученко, т. к. работники вещевого довольства потребо-

вали вещевой аттестат Гагарина: „А может, срок носки не вышел?“ Обмундирование было пошито в ателье военторга и выдано со склада. Таким образом, Юрий был полностью подготовлен для рапорта пра-вительству в форме и звании майора».

История с выдачей формы впечатляет сама по себе, но существенная проблема в том, что Юрий Гагарин при всех его достоинствах не мог претендовать на звание летчика 1-го класса. Согласно введенной еще в 1950 году классной квалификации летного состава, военный пилот получал это звание при налете свыше 500 часов на каждом типе освоенных им летательных аппаратов, но главное — после сдачи нормативов по «ведению боевых действий по основному назначению рода авиации днем и ночью в сложных метеорологических условиях при минимуме погоды в полном объеме курса боевой подготовки». Конечно, Гагарину во время службы в Заполярье приходилось летать в пасмурную погоду и совершать посадку при плохой видимости, но до уверенного овладения этими навыками ему было еще далеко — фактически он оставался обучаемым пилотом, а ему сразу дали звание мастера! Зачем? Наверное, хотели показать злопыхателям, что в космос у нас кого попало не посылают, а только лучших из лучших. Однако подобные действия обесценивают любую квалификацию. Совершив полет на орбиту, Гагарин и так получал два уникальных на тот момент звания: летчика-космонавта и космонавта 3-го класса (согласно «Положению о космонавтах Союза ССР», утвержденного Постановлением № 866–361 Совета министров от 3 августа 1960 года). Если уж так хотелось повысить его статус в авиации, то стоило дополнить систему квалификации по примеру парашютного спорта, где звание мастера можно было получить за вклад, а не только за прыжки. Что думал по этому поводу Гагарин, мы не знаем, но как дисциплинированный офицер он, конечно, не возражал генерал-полковнику Агальцову и министру обороны Малиновскому, а если бы вдруг возразил, то окружающие сочли бы, что он «кокетничает»: от дополнительных благ и внеочередных повышений не отказываются. Кстати, на следующий день Гагарин станет еще и заслуженным мастером спорта СССР.

Раз уж зашла речь о форме, полученной Гагариным в Куйбышеве, то снова обратимся к замечательной статье Александра Валентиновича Глушко «Форма одежды Юрия Алексеевича Гагарина. Разно-видности и особенности ношения» (2014). Исследователь сообщает,

что на растиражированных фотографиях прилета космонавта в Москву он одет в парадную форму, введенную приказом Министерства обороны № 70 от 29 марта 1958 года. Она включала: фуражку защитного цвета с голубым околышем и золотым трунцалом над козырьком; однобортный открытый китель, застегивающийся на четыре пуговицы, с голубыми петлицами, отличающимися шитым золотой канителью бортиком и эмблемами ВВС в верхней части, с золотыми галунными нашивными погонами; синие брюки с голубым кантом навывпуск. Зимой полагалась шинель стального цвета.

В столицу первый космонавт отправился 14 апреля. Там ударными темпами успели подготовиться к пышным торжествам, которые предполагалось транслировать в крупнейшие города мира, обладающие собственным телевидением.

Для встречи первого космонавта планеты был выделен аэропорт Внуково — все рейсы в который были на день отменены. За Юрием Гагариным вылетел специальный самолет «Ил-18» (бортовой № СССР-75717), который пилотировал экипаж во главе с пилотом 1-го класса Борисом Павловичем Бугаевым, будущим министром гражданской авиации СССР.

Перед вылетом произошел неприятный инцидент. Обратимся вновь к воспоминаниям генерал-лейтенанта Цедрика:

«Для обеспечения своевременного и безопасного отлета Юрия из Куйбышева в Москву были разработаны меры безопасности и ограждения его от чрезмерно любопытных и их эмоций. Для его полета в Москву на аэродром Куйбышев прибыли два самолета Ил-18 ГВФ [Гражданского воздушного флота]. Основной самолет был поставлен на дальнюю рабочую стоянку. К нему не был подан пассажирский трап. С командиром экипажа я договорился, что Гагарин и сопровождающие его лица будут приняты на борт по самолетной стремянке. Второй самолет был поставлен на пассажирскую стоянку, к нему был подан пассажирский трап, выставлена охрана и заграждения. Это было сделано с целью отвлечения любопытных от основного самолета. Огромная толпа любопытных была отвлечена от основного самолета. Мера эта себя оправдала и дала возможность свободно произвести посадку Юрия в самолет, который в точно назначенное время смог вылететь в Москву. Опасность заключалась в том, что неуправляемая толпа людей могла не допустить подход машин к самолету и задержать вылет, т. к. потребовала бы показать им живого космонавта. Показывать космонав-

та толпе или организовывать его встречу с народом не входило в круг поставленных мне задач, поэтому такой маневр с самолетами вполне себя оправдал. Получилось так, как я и предполагал.

Всеведущая и вездесущая толпа, видя приготовления на пассажирской стоянке самолета к отлету, проявила агрессивность. Сломала и опрокинула ограждения аэродрома и хлынула на пассажирскую стоянку, окружила запасной самолет плотным кольцом. Самолет был заблокирован, и подъезд к нему стал невозможен.

В это время Юрий и сопровождающие его лица свободно подъехали к основному самолету и были приняты на борт по самолетной стремянке. Двери и люки были закрыты. Экипаж занял свои места в самолете. Набежавшие к этому времени люди поняли, что космонавт, очевидно, уже в самолете и они обманулись в своих ожиданиях увидеть космонавта, ожидая его на пассажирской стоянке. Многие стали высказывать в грубой форме свое неудовольствие тем, что им не хотят показать космонавта, совершенно не понимая того, что своим бурным выражением восторга и изливанием своих чувств они исключают возможность увидеть космонавта.

Задача по обеспечению отправки Юрия была выполнена, и самолет вовремя вылетел в Москву».

Выглядит как военная операция с хитроумным тактическим маневром.

Показания генерал-лейтенанта производят двойственное впечатление. С одной стороны, понятно его желание уложиться в жесткий график: в столице будут дожидаться руководители партии и правительства, миллионы москвичей. С другой стороны, удивляет его высокомерие по отношению к простым работягам и их семьям, которые собрались проводить первого космонавта в Москву, — неужели они помешали бы? Гагарину не раз и не два после полета приходилось ходить по узким дорожкам среди ликующих толп, но история не помнит случаев, чтобы его поранили или задержали дольше положенного. В конце концов, Гагарин был обязан своей славой прежде всего этим людям, делающим ракеты собственными руками. Признание Цедрика говорит только о том, что он не сумел организовать достойные проводы, в результате чего космонавт с сопровождающими был вынужден украдкой, как какой-то преступник, добираться до самолета. Вы только вдумайтесь в эти слова: «Многие стали высказывать неудовольствие, совершенно не понимая того, что своим бурным выра-

жением восторга и изливанием своих чувств они исключают возможность увидеть космонавта!»! А как его должно увидеть? Стоя по команде «смирно», что ли? Почему москвичам позволено бурно выражать восторг и изливать чувства, а жителям Куйбышева нет?

Гагарин был по-настоящему народным героем (достаточно взглянуть на его биографию), но коммунистическая верхушка с первых часов начала предпринимать активные усилия для того, чтобы оторвать его от народа. И хитроумные маневры Цедрика были только началом. Симптоматично, что и этот неприглядный эпизод позднее облагородили. 20 апреля 1961 года в газете «Воздушный рейс» появилась статья руководителя торжественного перелета Бориса Павловича Бугаева, в которой он не моргнув глазом написал:

«Этот полет у нас в памяти на всю жизнь. <...> Самолет готов к вылету. Экипаж ждет дорогого пассажира. Вот он подходит к нам, знакомится с экипажем, крепко жмет всем руки. А вокруг самолета народ. Это пришли проводить героя-космонавта трудящиеся. Ю. А. Гагарин поднялся по трапу. Гремят аплодисменты. Люди скандируют: „Гагарин, Гагарин“. Крики „ура“ повсюду раздаются. Трижды выходил он из кабины. Он сердечно попрощался с провожающими, поблагодарил их за теплые проводы».

Вроде бы и на правду похоже, но, увы, неправда.

В 12:30 во Внукове сел «Ил-18» (№ СССР-75716), доставивший Никиту Сергеевича Хрущёва из Сочи. В аэропорту его уже ждали члены ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета министров, маршалы, руководители партийных и советских организаций Москвы. Среди представителей политической и военной элиты совершенно терялась семья космонавта: Анна Тимофеевна и Алексей Иванович Гагарины, жена Валентина Ивановна, сестра Зоя, братья Валентин и Борис.

В 50 км от Москвы самолет, на котором летел Гагарин, встретила семерка истребителей «МиГ-15» и заняла место почетного эскорта: два истребителя слева, два — справа и три — вверху. Они шли так близко, что были видны лица пилотов. На борту «МиГов» с «Ил-18» была отправлена короткая радиограмма: *«Друзьям летчикам-истребителям горячий привет. Юрий Гагарин».* Перед приземлением самолетный кортеж проследовал над аэропортом Внуково, Ленинским проспектом, Красной площадью, улицей Горького. Космонавт мог увидеть, что его встречают сотни тысяч людей.

В 13:00 «Ил-18» с Гагариным остановился в ста метрах от увитой зеленым лавром трибуны с руководителями КПСС и советского государства. Дверца открылась, и первый космонавт планеты спустился по трапу, а потом под звуки авиационного марша пошел по красной ковровой дорожке. Современные журналисты любят обращать внимание на одну деталь почетного прохода — развязавшийся шнурок на правом ботинке Гагарина. Но эта мелочь не испортила торжественность момента.

Подойдя к трибуне, Гагарин отрапортовал Никите Хрущёву:

«Товарищ Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Совета Министров Союза ССР! Рад доложить Вам, что задание Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства выполнено. Первый в истории человечества полет на советском космическом корабле „Восток“ 12 апреля успешно завершен. Все приборы и оборудование корабля работали четко и безупречно. Чувствую себя отлично. Готов выполнить любое новое задание нашей партии и правительства. Майор Гагарин».

На глазах миллионов людей, следивших за торжеством по телевидению, Хрущёв снял шляпу, обнял и поцеловал космонавта. Вслед за ним к Юрию Алексеевичу потянулись со своими поздравлениями и другие члены правительства. Хрущёв представил Гагарина присутствовавшему на встрече Председателю Совета министров Монгольской Народной Республики Юмжаагийн Цэдэнбалу и членам дипломатического корпуса, затем повел Юрия и Валентину Гагариных к украшенному цветами открытому автомобилю ЗИЛ-111. Кортеж из множества машин тронулся в путь — к Москве.

Москвичи приветствовали Гагарина на всём протяжении дороги — 30 км до Красной площади. Люди стояли вдоль аллей аэропорта, Киевского шоссе, Ленинского проспекта. В самой столице улицы были забиты встречающими: они уже не умещались на тротуарах, забирались на крыши домов, фонарные столбы, деревья. В воздухе плыли тысячи разноцветных шаров. Асфальт был усеян цветами. Из конца в конец перекатывалось: «Га-га-рин! Га-га-рин! Га-га-рин!» В небе летал голубой вертолет, рассыпавший яркие листовки с портретом космонавта. Над толпой виднелись самодельные плакаты и транспаранты: «Ура покорителю космоса!», «Ура Гагарину!», «Ура науке!»,

«„Восток“ — это символично», «Фантастично», «Бесконечно рады», «Чур, я второй», «Все в космос», «Даешь космос!», «Космос наш».

Наконец кортеж добрался до Красной площади, где на Лобном месте был установлен 22-метровый световой макет взлетающей ракеты. В 14:30 Юрий Гагарин, Никита Хрущёв, руководители Коммунистической партии и правительства поднялись на центральную трибуну Мавзолея. Космонавт поднял руку, приветствуя собравшихся москвичей. Митинг открыл секретарь ЦК КПСС Фрол Романович Козлов. Первым со словами благодарности выступил Юрий Алексеевич Гагарин. За ним длинную речь произнес Никита Сергеевич Хрущёв. В ней хотелось бы выделить следующий фрагмент (цитирую по сборнику «Утро космической эры», 1961):

«Мы горячо приветствуем замечательного космонавта, героического советского человека Юрия Алексеевича Гагарина. Он проявил высокие нравственные качества: мужество, самообладание и доблесть. Это первый человек, который за полтора часа оглядел всю нашу планету — Землю, находящуюся в вечном движении, окинул взором ее огромные океаны и материки. Юрий Алексеевич Гагарин — это наш первооткрыватель космических путешествий. Он первым совершил путешествие по орбите вокруг земного шара. Если имя Колумба, который пересек Атлантический океан и открыл Америку, живет в веках, то что можно сказать о нашем замечательном герое товарище Гагарине, который проник в космос, облетел весь земной шар и благополучно вернулся на Землю. Имя его будет бессмертно в истории человечества. <...>

Мы гордимся подвигом Юрия Гагарина, мы восхищаемся учеными, инженерами, техниками, рабочими, которые вложили свой разум и сердце в создание этого корабля и его изумительный полет. В их славных делах соединены труд и подвиг миллионов рабочих, колхозников, интеллигенции — всего советского народа. Этим полетом мы еще раз показали всему миру, на что способен гений свободного народа. <...>

Но эта гордость исходит не из того, что мы отказываем другим народам и странам совершить нечто подобное. Мы — интернационалисты. Каждый советский человек воспитан в духе социалистического патриотизма и вместе с тем он щедро готов делиться своим научным богатством, своими техническими и культурными знаниями со всеми, кто готов жить с нами в мире и дружбе».

Зафиксируем. Гагарин — Колумб Вселенной, имя которого сохранится в памяти человечества навечно. Совершить подвиг ему помогли ученые, инженеры, техники и рабочие, которые в свою очередь воплощали труд советского народа. Но, несмотря на социалистический патриотизм, советский народ готов делиться результатами подвига с другими миролюбивыми народами. После такой речи общественность была вправе ожидать более или менее подробного рассказа о том, кто и что стоит за подвигом Гагарина, раз уж решено «делиться». Однако общественность, в том числе готовую жить в мире и дружбе, как водится, обманули.

По окончании своей речи Хрущёв снова крепко обнял Юрия Гагарина. На трибуну взбежали дети. Они вручили цветы космонавту и руководителям партии и правительства. Под гром аплодисментов ученица третьего класса 404-й школы Оля Прудникова повязала Гагарину алый пионерский галстук. Фрол Козлов объявил митинг закрытым, после чего началось торжественное шествие.

Вечером состоялся прием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Мероприятие подготовили с размахом. Юноши и девушки в белых одеждах, стоявшие на парадной лестнице, осыпали входящих цветами. Певцы из Большого театра грянули хор «Славься!» из оперы «Иван Сусанин» Михаила Ивановича Глинки. Затем хор сменила песня «К дальним планетам» Серафима Сергеевича Туликова на слова Юрия Александровича Полухина:

*Дней замечательных этих
Мир не забудет вовек —
Звёздной дорогой в ракете
Мчится земной человек!*

*Время герою велело
Ринуться в синюю тьму —
Солнце, Луна и Венера
Путь освещают ему!*

В начале приема был оглашен указ о присвоении Юрию Алексеевичу Гагарину званий Героя Советского Союза и летчика-космонавта СССР. Стоя на сцене Георгиевского зала, Леонид Ильич Брежнев лично приколот к мундиру космонавта золотую медаль Героя и орден Ленина и отметил, что тот «совершил необыкновенный великий подвиг». Гагарин в ответном слове поблагодарил партию, правитель-

ство и народ за внимание и заверил, что готов выполнить любое задание. «Служу Советскому Союзу!» — по-уставному сказал он.

Первый гост за космонавта поднял Никита Хрущёв. Текст настолько примечателен, что я процитирую его (по стенограмме, опубликованной в сборнике «Первый пилотируемый полет. Книга 1», 2011):

«Товарищи, господа. Мы все взволнованы виновником торжества. Но мы тоже в какой-то степени, видимо, причастны к этому преступлению, совершенному им, если можно назвать это преступлением. Действительно, нельзя без волнения думать и тем более говорить. Мы, советские люди, особенно горды потому, что весь мир гордится этим, потому, что это завоевание человечеством нового положения; для человека, когда он покорил космос. Это торжество всех людей мира. Но вы можете представить себе, каждый, представляющий здесь какую-либо нацию или государство, какое наше чувство, советских людей, что это удалось нам, нашему Юрию Гагарину. <...>

Но я одно только могу сказать или, вернее, повторить от нашей партии, правительства. Я не скрою, что это показывает величие, расцвет нашей науки, техники и инженерной мысли. Это дает многое с точки зрения обороны нашей страны. Мы получили, конечно, колоссальное преимущество. Но не это главное для нас. Главное для нас: пусть тот, кто точит ножи против нас, знает, что Юрка был в космосе, всё видел теперь, всё знает. А если надо — еще полетит, а если ему надо подкрепление — может другого товарища взять, может полететь и лучше рассмотреть. Какой вывод из этого? Вывод тот, что это не должно давать господства какой-либо стране. Это должно привести к большему убеждению всех людей в мире с тем, чтобы большие усилия направить на обеспечение мира, чтобы прийти к разоружению: только при всеобщем разоружении, при всеобщем контроле можно обеспечить мир во всём мире. Только при этом.

Мы об этом громогласно сказали, не только сказали, но и предложения внесли свои. Мы ждем, когда другие страны ответят нам на наши предложения, и мы будем рады в любое время подписать такое соглашение и покончить с гонкой вооружения, разоружиться с тем, чтобы обеспечить мир. Но покамест не будет соглашения, то, конечно, как говорится, надо думать об обороне страны. Но не это сегодня тема нашего торжества. Я предлагаю поднять бокалы и выпить за торжество человека, разума, гения человека, когда он в результате науки, своего гения оторвался от Земли, поднялся в космос. И недалеко то время, когда

будет уже обеспечено межпланетное сообщение не для одного человека. За первого человека советской страны, который поднялся в космос, описал круг вокруг Земли и опустился там, где ему приказано».

Как видите, на приеме Хрущёв выступил более откровенно, дезавуировав свои обещания на митинге. Пока, мол, не будет соглашения о всеобщем разоружении, то мы будем думать прежде всего об обороне страны, а товарищ Гагарин, если понадобится, один или вместе с другим космонавтом отправится на орбиту с военно-разведывательной миссией. Получалось, что корабль «Восток» имеет двойное назначение и может быть использован для обеспечения стратегического преимущества в космосе. Столь напористое выступление озадачило цензоров, поэтому тост Никиты Сергеевича был дан в коротком пересказе с упоминанием необходимости всеобщего разоружения.

После Хрущёва на приеме с тостами выступили: от дипломатического корпуса — шведский посол Рольф Сульман, от рабочих — токарь Н. М. Кузьмин, от колхозников — В. Ф. Люкшин, от рабочей молодежи — Валентина Петрищева, от интеллигенции — писатель Леонид Сергеевич Соболев, от Военно-воздушных сил — главком Константин Андреевич Вершинин.

Затем слово снова взял Хрущёв и сказал такое, что в репортажах, опубликованных на следующий день, сочли за лучшее сократить его выступление до пары фраз: *«Глава Советского правительства сообщает, что все участники создания космического корабля-спутника „Восток“ будут представлены к высшим правительственным наградам. Он предлагает тост за создателей корабля-спутника».*

В действительности второе выступление главы государства на приеме звучало так:

«Товарищи, господа. Мы поздравили Юрия Гагарина с полетом и наградами, присвоением звания № 1. Этот первый номер перед вторым, третьим, он всегда будет первым в веках потому, что это первый наш человек. И это не только вы, а с вами всё человечество поднялось в космос, потому что это достояние всего человечества — оторваться от Земли. Я бы предложил тост за тех, которые создали этот корабль и дали возможность подняться Юрию Гагарину в космическую высь, — за ученых, инженеров, рабочих. Мы посоветовались в Центральном Комитете и правительстве и на днях представляем всех товарищей, участвующих и отличившихся в создании этого корабля, к высшим правительственным наградам. Поэтому я предлагаю выпить за этих ге-

роев, которые здесь среди вас присутствуют, часть только, но главные вдохновители и строители, они здесь, узнайте по носу или по цвету волос, кто они такие. Сейчас по соображениям нашей безопасности мы не называем их имена, поэтому они не получают полного удовлетворения, которое получил Юрий Гагарин. Он в кино заснят, а им мы пожмем руки, они возьмут ордена, положат их в несгораемый шкаф. Но пройдет время, и они оденут эти ордена, пройдет время, и мы воздвигнем в честь их монумент и напомним эти славные имена, имена тех, которые своим гением создали эту замечательную космическую машину. А сейчас поверьте мне, что они здесь присутствуют, и я предлагаю вам выпить за награждение, выпить за их здоровье».

Конструкторы ракеты-носителя и космического корабля действительно присутствовали в Георгиевском зале. И действительно ни один из профанов не мог сказать, кто они. Оставалось, как и говорил Хрущёв, определять «по носу и цвету волос». Важнее в этом спиче было твердое заявление главы государства о том, что имена создателей ракетно-космической техники станут известны общественности не завтра и даже не послезавтра: «по соображениям нашей безопасности» они останутся засекреченными еще много лет — вместе со своими полигонами, бюро и опытными заводами.

С появлением Юрия Гагарина у штатных идеологов и пропагандистов отпала необходимость выдавать за работников ракетно-космической отрасли ученых, причастных в лучшем случае к вопросам газодинамики, как, например, академик Лев Иванович Седов, которого в западной прессе называли «отцом спутника». Теперь на любые вопросы о советских достижениях в области внеземной экспансии мог ответить первый космонавт. Но перед тем нужно было подготовить такую официальную версию истории космонавтики, которая не подрывала бы «безопасность», но при этом демонстрировала бы «научное богатство» Советского Союза. Задача оказалась не из простых.

Глава двадцать девятая

Во имя рекордов

Отсчет истории фальсификации итогов полета Юрия Гагарина нужно вести с 8 апреля 1961 года, с момента принятия принципиального решения. Генерал-лейтенант Николай Петрович Каманин

в тот день записал в дневнике (цитирую по книге «Скрытый космос: Книга первая», 1995):

«Под председательством [Константина Николаевича] Руднева состоялась заседание Государственной комиссии по пуску космического корабля „Восток-3А“. Рассмотрели и утвердили задание на космический полет, составленное и подписанное мной и Королёвым. <...>

Первый вопрос: кто полетит? От имени ВВС я предложил первым кандидатом на полет считать Юрия Алексеевича Гагарина, а Германа Степановича Титова — запасным. Комиссия единогласно согласилась с моим предложением. По второму вопросу — о регистрации полета как мирового рекорда и о допуске на старт и в район посадки спортивных комиссаров — маршал [Кирилл Семёнович] Москаленко и [Мстислав Всеволодович] Келдыш выступили против. „За“ выступили Королёв и я, нас поддержал Руднев. Постановили: полет оформить как мировой рекорд, но при составлении документов не допустить разглашения секретных данных о полигоне и носителе».

Логика противников регистрации рекордов Гагарина в Международной аэронавтической федерации (FAI, Fédération Aéronautique Internationale) была проста: правила требуют раскрытия подробностей о месте старта (военном полигоне Тюратам) и о конструкции летательного аппарата (межконтинентальной баллистической ракеты «Р-7» и космического корабля «ЗКА», унифицированного с фоторазведчиком «2К»), а эта информация относилась к наиболее засекреченной в Советском Союзе. Кроме того, рекорд регистрировался только в том случае, если пилот всю миссию находился в кабине, для подтверждения чего спортивные комиссары направлялись на старт и в район посадки, однако в случае «Востока» при нормальном развитии полета пилот катапультировался.

Получалось, что смысла связываться с FAI по большому счету нет: приоритет и так был бы зафиксирован после полного завершения орбитального витка, а остальное — нюансы. Но для Королёва, Каманина и присоединившегося к ним Руднева регистрация рекордов означала признание в мировом историческом контексте, без возможности оспорить его, как часто бывает с национальными достижениями. Члены Госкомиссии нашли компромисс (вероятно, не самый лучший из возможных): оформить рекорды как положено и при этом дать информацию в таком виде, что никто не сможет воссоздать по ней реальные параметры ракетно-космической системы.

Прежде всего, еще до полета Гагарина, было принято решение подтасовать информацию о месте старта. Роль первого космодрома планеты Земля должен был сыграть Байконур — казахский поселок с координатами 47,8° с. ш. и 66,0° в. д., в 280 км на северо-восток от Тюра-Тама («площадка № 1» находится в точке с координатами 45,92° с. ш., 63,34° в. д.). Баллистики провели вертикальную линию вниз от того участка траектории движения «Р-7», где отделяется первая ступень, и ближайшим населенным пунктом оказалось это маленькое поселение. С целью окончательно запутать шпионов в настоящем Байконуре был возведен ложный старт с деревянной ракетой. Его даже охраняли, но только для того, чтобы местные жители не растащили обманное сооружение на дрова.

Для фиксации приоритета требовалось полное завершение орбитального витка, поэтому расчетная точка приземления была выбрана севернее широты Байконура (47,8° с. ш.), с запасом в 4,8°, поскольку учитывался возможный разброс плюс-минус 500 км. Чтобы обеспечить гарантированную посадку в выбранном районе, программно-временное устройство «Гранит-5В» было перенастроено на задержку включения тормозного двигателя ТДУ-1 на 76 секунд по сравнению с кораблем «ЗКА» № 2.

Несмотря на недолет, вызванный аварийной ситуацией, Гагарин, как мы знаем, приземлился в точке с широтой 51,27°, то есть задачу выполнил успешно: географически виток относительно «космодрома» Байконур (не говоря уже о Тюратаме) был завершен. Сегодня отдельные исследователи, находясь под впечатлением от разоблачения фальсификаций вокруг первого полета, ставят под вопрос и сведения о месте посадки: например, Лев Александрович Данилкин в книге «Юрий Гагарин» (2011) высказывает сомнения, что первый космонавт приземлился рядом с деревней Смеловка; при этом, правда, переносит вслед за Владиславом Иосифовичем Кацем искомую точку еще севернее — в сторону села Подгорное, где разместились в/ч 40218. Впрочем, споры о точном месте в данном случае не имеют смысла: элементы спускаемого аппарата разбросало по большой площади; на сохранившейся «Схеме расположения приземлившихся объектов 6-го космического корабля-спутника 12 апреля 1961 года» видно, что место приземления пилота находится в 5 км от спускаемого аппарата и в 6,3 км от катапультного кресла, а Смеловку отделяют от Подгорного всего 6 км. Поэтому стоит доверять-

ся тем указателям, которые поставили подчиненные майора Гассиева и поисково-спасательный отряд Черновского.

На следующем этапе возникла необходимость выработать общую позицию по ракете и кораблю. В архивах можно найти несколько любопытных документов по этому поводу, но приводить их целиком нет смысла — процитирую только «Докладную записку о материалах для регистрации в Международной авиационной федерации мировых рекордов, установленных Ю. А. Гагариным», подготовленную 16 мая 1961 года для ЦК КПСС (по сборнику «Первый пилотируемый полет. Книга 2», 2011):

«После установления трех мировых космических рекордов летчиком-космонавтом майором Гагариным Ю. А. при полете на корабле-спутнике „Восток“ 12 апреля 1961 года:

— по продолжительности полета (108 мин.);

— по наибольшему весу, поднятому на высоту более 100 км (вес корабля-спутника „Восток“ равен 4725 кг);

— по максимальной высоте полета в пределах земной орбиты (апогей равен 327 км),

в соответствии с предварительными „Правилами регистрации космических рекордов“ Международной авиационной федерации (ФАИ) в течение суток в ФАИ была послана подтверждающая телеграмма за подписью спортивных комиссаров Центрального аэроклуба им. Чкалова тт. Борисенко И. Г. и Плаксина В. А.

В настоящее время подготовлены подробные материалы для регистрации установленных рекордов в соответствии с предварительными „Правилами регистрации космических рекордов“ ФАИ. Материалы должны быть представлены в ФАИ в течение 2 месяцев с момента установления рекорда.

В подготовленных для ФАИ материалах указаны: истинная точка приземления летчика-космонавта (в районе деревни Смеловка Терновского района Саратовской области с координатами 51°16′ с. ш. и 45°59′ в. д.), опубликованные ранее орбитальные данные и приведены отчет об устройстве космического корабля-спутника „Восток“ и краткий доклад летчика-космонавта майора Гагарина Ю. А.

С целью обеспечения невозможности раскрытия тактико-технических данных ракеты-носителя и корабля-спутника „Восток“ в них указаны дезинформирующие данные:

1. Точка старта смещена вперед по директрисе стрельбы в район г. Байконур приблизительно на 300 км. В этой точке имеется бетонная стартовая площадка, с которой проводились пуски ракет Р-5 для отработки системы ПРО.

2. Число двигателей ракеты-носителя указано равным 6, вместо 5 основных двигателей и 12 рулевых на I и II ступенях и одного на III ступени.

3. В требовании об указании тяги или мощности двигателей ракеты-носителя вместо суммарной тяги указана мощность, равная 20 млн. л. с., которая не позволяет вычислить фактическую тягу, так как не указывается скорость полета, при которой произведен расчет мощности, и число ступеней ракеты-носителя.

Просим рассмотреть материалы, подготовленные для представления в ФАИ, и одобрить их.

Исходя из опыта подготовки материалов по регистрации космических рекордов, целесообразно на заседании авиационной спортивной комиссии ФАИ, которая соберется в г. Париже 28 мая с. г., пересмотреть предварительные „Правила регистрации космических рекордов“ с участием компетентного представителя Советского Союза по космической технике с целью обеспечения в будущем возможности неразглашения тактико-технических данных ракеты-носителя и космических объектов. Таким представителем просим утвердить по линии Государственного комитета Совета Министров СССР по оборонной технике тов. Рязанова Е. Ф. [Евгения Фёдоровича] (начальника отдела ОКБ-1 ГКОТ)».

Каково, а? Обеспечение невозможности раскрытия! Обеспечение в будущем возможности неразглашения! Дезинформирующие данные! Один стиль чего стоит!

По космическому кораблю в этом документе конкретно ничего не сказано, но из последующей переписки следует, что было решено давать только те данные, которые успели попасть в прессу. Вскоре, впрочем, выяснилось, что и опубликованное нужно срочно подкорректировать.

Как и ожидалось, первый полет человека на орбиту привлек огромное внимание всего мира. Средства массовой информации желали иметь любые подробности о космонавте, космодроме, ракете и корабле. Однако если интервью с космонавтом, фотоснимки с ним и его краткую биографию найти было довольно просто, то остальное покрывала плотная завеса государственной тайны. Взять, например, ракету.

На опубликованных фотографиях виден лифт подъемника и частично — фермы стартового комплекса, но по ним сказать что-то внятное невозможно. На картинках, изображающих момент запуска, красуется толстая черная сигара в клубах дыма — на ракету она не похожа даже отдаленно. Вероятно, военные цензоры и сами сообразили, что переборщили с «дезинформирующими данными», поэтому в более поздних публикациях и в документальном фильме «Первый рейс к звездам», премьера которого состоялась 7 июля 1961 года, взлетает изящная белая одноступенчатая ракета. Примечательно, что, пытаясь скрыть одну секретную информацию, цензоры случайно открыли другую: взлет белой ракеты — это кадры из учебного фильма № 188 «Зачетные испытания дальнобойной ракеты Р-5М с атомным зарядом» (1956).

Усилия по сокрытию местоположения полигона тоже не имели большого смысла. Когда в мае 1957 года на НИИП-5 начались запуски «Р-7», американская разведка почти сразу установила его точные координаты. 5 августа, выполняя задание под кодовым обозначением «4035», из Пакистана на поиски вылетел самолет-разведчик «U-2». Аналитики ЦРУ разумно предположили, что полигон снабжается всем необходимым по железной дороге, поэтому часть маршрута разведчика пролегла над магистралью Москва — Ташкент. Специалисты из лаборатории аэрофотосъемки проявили полученные пленки и тщательно изучили. Наконец на одной из фотографий они увидели сооружение, находящееся севернее железной дороги. Разведчик прошел не над ним, а на значительном удалении, поэтому снимки получились под углом и «смазались». Но местонахождение стартовой площадки было определено, оставалось привязать ее к географической карте. Аналитики воспользовались картами, изготовленными в 1939 году немецким Генштабом, и пришли к выводу, что полигон построен в непосредственной близости от станции Тюратам. Второй полет «U-2» в рамках задания 4058 состоялся 28 августа. Разведчик, оборудованный фотокомплексом А-2, доставил великолепные вертикальные снимки стартового комплекса. В течение пяти дней аналитики обрабатывали их, после чего построили миниатюрный макет, на котором были отражены все детали «площадки № 1».

9 сентября в журнале «Life» появилась заметка «Великая красная ракета» («Mighty Red Missile») о запусках «Р-7» и полигоне в Казахстане; причем текст сопровождала иллюстрация штатного художника Мэтта Грина, попытавшегося реконструировать внешний вид

и устройство засекреченной ракеты. Поскольку американцы знали, что становление советского ракетостроения (как, впрочем, и американского) после войны начиналось с воспроизведения немецкого опыта, то предположили, что новая ракета — это увеличенная «V-2», состоящая из трех ступеней, распложенных последовательно. Такое представление о советской ракете сохранилось до апреля 1965 года, когда на Запад попал 14-минутный документальный фильм «В скафандре над планетой» о полете корабля «Восход-2», в первых кадрах которого демонстрировался старт ракеты-носителя «Восход», представлявшей собой очередную модификацию «Р-7». Западные эксперты смогли наконец увидеть и оценить оригинальность технического решения — пакет из четырех однотипных ракетных блоков первой ступени, окружающих центральную вторую ступень.

Ситуация вокруг фальсификации материалов о корабле «Восток» развивалась еще более запутанно. Начиная с 1960 года, после запуска первых кораблей-спутников, иностранные эксперты пытались найти хотя бы самые примитивные эскизы, по которым можно судить об общей компоновке корабля. Однако в советской прессе и вышеупомянутом фильме «Первый рейс к звездам» демонстрировался исключительно конус головного обтекателя, закрывавший настоящий корабль. Основываясь на опубликованных данных американских проектов пилотируемых кораблей «Mercury» и «Gemini», эксперты реконструировали возможные варианты конструкции «Востока». Например, сразу после полета Гагарина все западные средства массовой информации бросились тиражировать странную картинку из газеты «Daily Worker», представлявшей «Восток» как сплюснутый по центральной оси «Mercury». Поскольку газета была официальным печатным органом американских коммунистов, то корреспонденты, очевидно, решили, что у тех есть доступ к секретной информации. Журнал «Life» предпочел подготовить собственную реконструкцию (выпуск от 21 апреля 1961 года), изобразив цилиндрический корабль, который, по мнению художника, идеально вписывался в головной обтекатель. Реконструкция оказалась столь хороша, что ее перепечатали даже в СССР. Все предложенные варианты в конечном итоге оказались очень далеки от оригинала.

Экспертов смущала форма «Востока». Они знали, что она должна быть довольно причудливой за счет размещения на нем тормозной двигательной установки и баков с топливом. Некоторые сведения

о корабле получили, изучив фотоснимки модели, которая демонстрировалась в июле 1961 года во время воздушного парада в Тушино. Обтекатель по-прежнему скрывал детали конструкции, однако экспертам удалось увидеть входной люк. Макет добавил и вопросов: к задней части обтекателя был прикреплен аэродинамический стабилизатор, что привело к различным толкованиям его назначения в компоновке корабля, вплоть до варианта военного использования. Только 30 апреля 1965 года макет «Востока» в подлинном виде выставили на ВДНХ. Наибольшее удивление у западных экспертов вызвал тот факт, что Юрий Гагарин, оказывается, путешествовал по космосу внутри шарообразного спускаемого аппарата.

Наиболее острый конфликт по поводу фальсификации итогов первого космического полета возник вокруг темы катапультирования пилота из спускаемого аппарата. Проблема заключалась в том, что практически сразу произошла утечка информации, которую предполагалось засекретить. Например, 14 апреля 1961 года в «Комсомольской правде» — печатном органе ЦК ВЛКСМ, издаваемом многомиллионным тиражом, на первой полосе появилась статья, которая так и называлась: «Приземление». Известный корреспондент Давид Иосифович Новоплянский писал:

«Вчера вечером я разговаривал с колхозниками, механизаторами, живыми свидетелями приземления Юрия Гагарина. Люди взволнованы и безмерно счастливы. Из уст в уста передаются подробности этих незабываемых минут.

— Наша бригада с утра находилась в поле, — говорит тракторист Иван Руденко. — Погода стояла теплая, солнечная. Работали мы шестером недалеко от полевого стана. Все хорошо видели приземление космического корабля. Космонавт опустился на парашюте недалеко от нас. Он управлял парашютом, подтягивая то одни стропы, то другие. Ближе всех к нему оказалась колхозница первой бригады, ученица Анна Ивановна с девочкой. Мы побежали навстречу. Перед нами был очень спокойный и невредимый человек, стройный, одетый в красный комбинезон, белый летный шлем. На одной руке были часы, на другой в рукаве комбинезона небольшое зеркало. Он шагнул нам навстречу и произнес слова, которые мы навсегда запомнили:

— Здравствуйте, товарищи! Разрешите представиться: я гражданин Советского Союза, первый советский космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Будем знакомы!..»

Перед нами исчерпывающее описание реального приземления космонавта. Нечто похожее можно найти и в «Литературной газете» (номер от 15 апреля 1961 года) — там была опубликована статья «Ради этого дня стоило прожить жизнь», написанная на основе интервью с академиком Василием Васильевичем Париным, который к тому времени считался крупнейшим специалистом по космической биологии и медицине. Парин сообщал:

«Полет завершен. На луг, покрытый молодой зеленой травкой, приземлился человек в ярко-оранжевом, почти негнущемся, неуклюжем скафандре, над которым торчком стоял жесткий белый шлем, скрывавший голову.

Все волновались, ожидая этого мгновения. Трудно было представить, что всё обойдется без какой-либо, как говорят артисты, „накладки“. „Накладок“ не было. Думали, что при приземлении с парашютом упадет из-за неудобного скафандра. Нет! И этого не произошло. Гагарин приземлился мягко и сразу погасил парашют».

То есть на основе публикаций в центральной прессе картина завершающего этапа полета складывается вполне конкретная: первый космонавт приземлился вне спускаемого аппарата, под собственным парашютом (в действительности под двумя парашютами), что подтверждают и свидетели, находившиеся на месте, и авторитетный академик, участвовавший в подготовке космического рейса. Что еще нужно? Но FAI при регистрации рекордов требовала, чтобы пилот находился внутри летательного аппарата, а спортивный комиссар встречал его на месте приземления. Ни то ни другое советская сторона предъявить не могла, поэтому пошла на прямой подлог.

Всякие упоминания о катапультировании и отдельном приземлении тщательно вычищались из любых открытых публикаций. По этой же причине, очевидно, был полностью засекречен доклад Гагарина перед Госкомиссией, а в его книге «Дорога в космос» вопрос освещен уклончиво (цитирую по изданию 1961 года):

«В 10 часов 55 минут „Восток“, облетев земной шар, благополучно опустился в заданном районе на вспаханном под зябь поле колхоза „Ленинский путь“ юго-западнее города Энгельса, неподалеку от деревни Смеловка. Случилось, как в хорошем романе, — мое возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые в жизни летал на самолете. <...>

Ступив на твердую почву, я увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого теленка и с любопытством наблюдавших за мной».

Видимо, опытные публицисты Сергей Александрович Борзенко и Николай Николаевич Денисов, делавшие литературную запись воспоминаний Гагарина, подстраховались на тот случай, если правда вскроется, — репутация первого космонавта должна была остаться безупречной: вышеприведенный текст можно интерпретировать в пользу любого из вариантов приземления.

Другое дело — спортивный комиссар Иван Григорьевич Борисенко. Ему поручалась довольно щекотливая задача — подтвердить то, чего никогда не было, а именно: Гагарин находился в спускаемом аппарате до соприкосновения с землей и сам Борисенко встречал его на месте посадки.

В первых публикациях на эту тему спортивный комиссар еще был осторожен: (цитирую по статье «Мировые рекорды Юрия Гагарина», журнал «Радио», 1961, № 7): «Согласно кодексу ФАИ, я, как спортивный комиссар, в районе финиша должен был зафиксировать мировые спортивные достижения, установленные в результате беспримерного полета человека на космическом корабле „Восток“. Благодаря этому мне довелось быть на финише в числе тех людей, которые встретили Ю. А. Гагарина, вернувшегося на Землю из космоса. Мы горячо поздравили его с благополучным окончанием полета».

Однако позднее Борисенко стал более «откровенен» (цитирую по книге «На космических стартах и финишах», 1975): «И вот наступило долгожданное мгновение: в 10 часов 55 минут летчик-космонавт СССР Ю. А. Гагарин, облетев земной шар на космическом корабле „Восток“ и выполнив программу полета, приземлился в заданном районе. <...> В сопровождении местных жителей Гагарин подошел к спускаемому аппарату космического корабля и тщательно осмотрел его. В это время появился вертолет со специалистами из группы встречи, спортивным комиссаром, кинооператорами. Все бросились к космическому кораблю, у которого стоял улыбающийся первооткрыватель космических полетов, гражданин Советского Союза Юрий Гагарин. Горячие объятия, поздравления. <...> Хотя я знал, что передо мной именно он, космонавт-один Юрий Гагарин, всё же, как этого требует Спортивный кодекс, попросил его показать удостоверение, записал номер и дату выдачи, зарегистрировал в специальном бланке фамилию, имя, отчество, дату и время приземления, прове-

рил опознавательные знаки космического корабля, на котором была надпись „Восток — СССР“».

Хотелось бы верить на слово, но увы: где именно встретились Борисенко и Гагарин после полета, отлично показано в документальном фильме «Первый рейс к звездам» (1961), и любой внимательный зритель мог заметить, что удостоверение космонавта спортивный комиссар проверяет в помещении штаба гарнизона, в Энгельсе, а не в чистом поле у спускаемого аппарата. Самое удивительное, что даже после того, как правда стала известна всем любознательным, включая детей (например, нормальная схема посадки спускаемого аппарата показана на иллюстрациях в детской книжке «Первый космонавт» Виктора Владимировича Синицына, изданной в 1979 и 1981 годах), Игорь Григорьевич продолжал настаивать на своей версии встречи первого космонавта (цитирую по фонозаписи, сделанной 18 марта 1983 года):

«Находясь недалеко от командного пункта встречи, мы не знали положения дел: исправны ли системы корабля, точно ли сработала автоматика, каково состояние космонавта; знали лишь то, что по графику „Восток“ должен с „крутой горки“ спуститься к Земле. <...>

До приземления было еще долгих 20 минут. Скорость снижения — 220 м/сек, до Земли оставалось 7000 м. Мы ни на миг не отрывали глаз от неба, где с секунды на секунду должна появиться точка — купол гигантского парашюта оранжевого цвета. Вот и он, всё ниже и ниже. После 108-минутного первого путешествия человека вокруг земного шара я записываю в свой дневник: 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин приземлился в 20 км от города Энгельса вблизи деревни Смеловка Саратовской области. Вместе с врачом Воловичем, инженером Бахрамовым и кинооператором Рафиковым спешим к нему, он стоит счастливый, улыбающийся, среди ликующих колхозников, гордых тем, что первыми встретили первого космонавта и помогли ему снять скафандр, кто-то дал Гагарину свою фуражку, с которой он потом долго не расставался. Хотя я и знал, что передо мной именно космонавт № 1 — Юрий Гагарин, всё же, как этого требует спортивный кодекс, попросил его показать спортивное свидетельство, проверил опознавательные знаки корабля, на котором было написано „Восток. СССР“. Юрий Алексеевич выглядел немного усталым, на вопросы отвечал не сразу — это и понятно, как не волноваться человеку, который только что совершил первый в истории космический полет».

То есть через двадцать с лишним лет картинка встречи космонавта еще и обросла удивительными подробностями: оказывается, спортивный комиссар вместе с другими членами поисково-спасательного отряда непосредственно наблюдал посадку спускаемого аппарата! Почему же, например, кинооператор Махмуд Мухамедзянович Рафиков не заснял этот важный для истории момент? Может быть, потому, что он, согласно его собственному рассказу, увидел Гагарина только на аэродроме в Энгельсе?.. Очень жаль, что по прошествии лет Игорь Григорьевич Борисенко продолжал распространять ложную версию событий, придуманную специально для FAI.

Возвращаясь назад, нужно сказать, что заседание Международной аэронавтической федерации, посвященное полету Юрия Гагарина, состоялось в Париже 18 июля 1961 года. На нем предстояло зафиксировать мировые рекорды Юрия Гагарина: рекорд продолжительности полета — 108 минут; рекорд высоты полета — 327 км; рекорд максимального груза, поднятого на космическую высоту, — 4725 кг; два рекорда радиосвязи («осуществление впервые в мире двусторонней радиосвязи Земля-космос, космос-Земля в диапазонах КВ и УКВ»). Поскольку утечку информации заметили, руководители федерации задали конкретный вопрос: где же находился космонавт в момент приземления — внутри или снаружи спускаемого аппарата? Советская делегация утверждала: внутри. Руководители федерации требовали предъявить доказательные документы. Советские делегаты документами не располагали, но продолжали настаивать на своей версии. Обсуждение шло около пяти часов. Когда наступило время обеда, уставшие руководители FAI решили согласиться с утверждением, что Юрий Гагарин приземлился в кабине корабля, и зарегистрировали рекорд.

Дезинформация продолжалась и после других полетов. Годом позже, например, западные корреспонденты спросили у Павла Поповича о способе его посадки на «Востоке-4». И космонавт вынужден был ответить: «Подобно Титову и Гагарину, я приземлился внутри корабля». В конце концов советские официальные лица сами сообщили миру правду. Когда в октябре 1964 года стартовал трехместный «Восход», в средствах массовой информации появилось сообщение о том, что его экипаж «впервые получил возможность приземлиться в своем корабле».

Самое странное в этой истории, что ложь о приземлении Юрия Гагарина продолжала тиражироваться даже после публикации технических данных корабля «Восток». Возьмем, например, иллюстри-

рованную энциклопедию «Космическая техника» британского историка Кеннета Гэтланда, изданную на русском языке в 1986 году (!!!) и прочитаем: *«На высоте около 7 км входной люк отстреливался от спускаемого аппарата и кресло с космонавтом катапультировалось. Раскрывался парашют, через некоторое время сбрасывалось кресло, чтобы космонавт не ударился о него при приземлении. Гагарин был единственным космонавтом КК „Восток“, остававшимся в спускаемом аппарате до приземления и не использовавшим катапультируемое кресло. Все последующие космонавты, летавшие на кораблях „Восток“, катапультировались. Спускаемый аппарат корабля „Восток“ приземлялся отдельно на собственном парашюте».*

Получается явное противоречие: нам рассказывали, что полет Юрия Гагарина прошел штатно и в заданном районе, но при этом оказывается, что приземлился он нештатно. Советские цензоры сами запутались, а главное — запутали других!.. Кстати, именно из-за нежелания говорить правду весь мир до сих пор думает, что исторический полет продолжался 108 минут, хотя уже в начале мая 1961 года (задолго до поездки делегации на заседание Международной аэронавтической федерации) была установлена точная продолжительность — 106 минут.

Скрытие информации о технических деталях полета «Востока» спровоцировало возникновение слухов, что никакого полета в действительности не было. Впервые такую «утку» закинула газета «New York Daily Mirror»: *«Советы не представили никаких доказательств своих последних утверждений об исключительном космическом достижении — полете Юрия Гагарина по орбите вокруг Земли. Быть может, он совершил этот полет по орбите, а быть может, и нет. <...> Кто-то должен взять на себя роль сомневающегося, и мы с радостью берем ее на себя. Представьте нам доказательства».* В ответ посыпались насмешки — объем публикаций по теме тут же превысил объем провокационной статьи. Дескать, если кому-то очень хочется выглядеть дураком, он будет выглядеть дураком. Однако ситуация была куда серьезнее, чем можно подумать.

Разумеется, в кругах высшей политической и военной элиты Запада никто не сомневался, что Юрий Гагарин облетел Землю на корабле «Восток». Еще во времена первых спутников Агентство национальной безопасности (АНБ) США развернуло две станции наблюдения за советскими ракетными запусками — на Аляске и Гавайях,

а также выпустило радиоаппаратуру для перехвата телеметрии, идущей с борта межпланетных аппаратов и космических кораблей. Перехват данных с «Востока» начался 12 апреля в 9:26 по московскому времени, когда он попал в зону видимости американских станций. Станция на авиабазе острова Шемья (Алеутский архипелаг, Аляска) сумела получить и быстро расшифровать телесигнал с изображением космонавта, передаваемый бортовой камерой системы «Селигер». Через 58 минут после начала приема сигнала отдельные кадры из этой телетрансляции переслали в штаб-квартиру АНБ в Форт-Миде. На кадрах было хорошо видно, как космонавт двигается, ведет переговоры, живет. Таким образом, уже в первые часы руководство США получило доказательство из самого надежного источника и никогда не ставило факт полета Гагарина под сомнение.

Разумеется, корреспондент «New York Daily Mirror» ничего о перехвате не знал, ведь АНБ тоже умеет хранить военные секреты и не распространяется о своих возможностях. Для публики от Советского Союза требовалось представить какие-то конкретные детали полета: фотоснимки Земли с орбиты (но фотоаппарата или кинокамеры на «Востоке» не было), подробности запуска ракеты и ее описание (но они оставались засекреченными), имена создателей ракеты и корабля (они были засекречены в большей степени, чем подробности запуска). Возникла абсурдная ситуация — на официальном уровне советское правительство заявляло, что готово делиться технологиями и знаниями, но отказывалось предъявить даже самую малость: общие схемы устройства кораблей «Восток» и пару-тройку имен их создателей, чтобы последние могли получить причитающиеся им лавры от мирового научного сообщества.

Зарубежные эксперты неоднократно указывали советской стороне на недопустимость подтасовок в публикациях о первом космическом полете, тем более что таковые стали очевидны уже в мае 1961 года. На это опытные кремлевские демагоги ответили, что правительство Соединенных Штатов Америки, которое кичится гласностью у себя в стране, не спешит делиться технологией изготовления атомной бомбы даже со своими ближайшими союзниками. Похоже, советские руководители не понимали, что, высказываясь таким образом, они порочат величайшее событие в истории XX века, поставив космический прорыв на одну полку с убийством тысяч людей в Хиросиме и Нагасаки.

Попал под гнет цензуры и сам Юрий Гагарин. Первое по-настоящему серьезное испытание ему пришлось выдержать на международной пресс-конференции, проведенной 15 апреля 1961 года Академией наук и Министерством иностранных дел в московском Доме ученых. В предварительном выступлении космонавт рассказал о себе, в очередной раз поблагодарил «партию и правительство» и дал краткое описание своих ощущений при полете — намного более скудное, чем перед Госкомиссией за два дня до этого. Затем посыпались вопросы, и первый же вопрос — вот незадача! — касался приземления.

Юрий Гагарин ответил на него так (цитирую по сборнику «Утро космической эры», 1961): *«Мне поступило много вопросов о том, как происходил спуск. Разрешите ответить на все сразу. Техника приземления в нашей стране отрабатывалась в различных вариантах, в том числе и парашютный вариант. А в данном полете была осуществлена следующая система: пилот находился в кабине, спуск прошел успешно, показав высокую эффективность и отличную работу всех систем приземления».*

Такой ответ выглядит уклончивым. Ведь можно потом сказать, что Юрий Гагарин имел в виду пребывание «пилота» внутри кабины до момента катапультирования. Но провести иностранных журналистов оказалось нелегко — посыпались новые вопросы.

В о п р о с: *«Когда вам сообщили о том, что вы первый кандидат?»*

О т в е т: *«О том, что я первый кандидат, сообщили мне своевременно. Времени было достаточно для того, чтобы хорошо подготовиться».*

Казалось бы, что здесь мешало поведать публике о подготовке космонавтов и о том, что окончательный выбор был сделан незадолго до старта? Но почему-то решили утаить и эту банальную информацию. Хотя, повторюсь, американские коллеги секрета из распорядка работы отряда своих астронавтов не делали, а даже наоборот — всячески его рекламировали.

В о п р о с: *«Подошла ли встречающая группа на земле до приземления или после приземления?»*

О т в е т: *«Приземление и встречающая группа сошлись почти одновременно».*

Здесь Юрий Алексеевич «прикрывает» спортивного комиссара Ивана Григорьевича Борисенко, которому потом придется отвечать

перед Международной аэронавтической федерацией, хотя «почти одновременно» тоже можно интерпретировать по-разному.

В о п р о с: «Можно ли употребить еще раз космический корабль или некоторые его отдельные части?»

О т в е т: «Этот вопрос больше относится к нашим техникам и инженерам. Но мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что весь космический корабль и его оборудование можно еще раз употребить для полета в космос».

Очередной уклончивый ответ, позволяющий обойти опасную тему. И снова возникает путаница. С одной стороны, пилот не обязан знать все технические детали, а потому мог предполагать возможность многократного использования «Востока». С другой — выглядит странным, почему первый человек, отправленный в космос, не способен уверенно описать возможности своего корабля. Плохо готовили?..

В о п р о с: «Вчера вы сказали, что ваши друзья, пилоты-космонавты, готовы совершить новый космический полет. Сколько их? Больше дюжины?»

О т в е т: «В соответствии с планом освоения космического пространства в нашей стране подготавливаются пилоты-космонавты. И я думаю, что их вполне достаточно, чтобы осуществить серьезные полеты в космос».

Зачем скрыли численность отряда космонавтов? К Советскому Союзу стали бы хуже относиться, если бы узнали, что первый набор состоял из двадцати слушателей?

В о п р о с: «Отличались ли истинные условия вашего полета от тех условий, которые вы представляли себе до полета? Если да, то в чем?»

О т в е т: «В книге Константина Эдуардовича Циолковского очень хорошо описаны факторы космического полета, и те факторы, с которыми я встретился, почти не отличались от его описания».

Юрий Гагарин мог бы красочно описать условия своего полета, благо он сделал то же самое перед Госкомиссией. Но почему-то опять ушел от ответа, отправив журналистов штудировать труды Циолковского, который, конечно же, многое предсказал, но далеко не всё.

В о п р о с: «Какое у вас жалованье? Получили ли вы специальное вознаграждение за полет?»

О т в е т: *«Жалованье у меня, как у всех советских людей, вполне достаточное для удовлетворения моих потребностей. Я удостоен высшего звания Героя Советского Союза. Это — самая высокая награда».*

А ведь Юрий Алексеевич получил денежную премию и набор подарков от правительства. Постеснялся сказать? Почему? Как это умалило бы его подвиг?..

Позднее вышла книга «Дорога в космос» (1961), к которой мы здесь неоднократно обращались. В ней информации побольше, чем в интервью, однако по-прежнему обходятся стороной самые важные вопросы: как проходил полет, как на самом деле были устроены корабль и ракета-носитель, кто поддерживал связь с кораблем, кто готовил его к старту и кто встречал после приземления. Вряд ли космонавт не хотел или не мог рассказать все подробности, но цензоры с самого начала указывали ему, что говорить, что писать, как выступать, а он, будучи офицером и патриотом, не смел противостоять им. Да и, скажем честно, не желал этого противостояния.

Впрочем, с какого-то момента цензура начала ослабевать, и пытливым исследователям была предоставлена большая пища для ума. Например, в 1962 году вышла книга «Космонавты. Записки руководителя группы» авторства Е. А. Петрова — под таким псевдонимом выступил начальник ЦПК ВВС Евгений Анатольевич Карпов. Через год она была переиздана с небольшими дополнениями в библиотечке «Красной звезды». Книга интересна тем, что в ней упоминаются почти все члены отряда космонавтов под своими настоящими именами (Григорий, Павел, Владимир, Валентин, Алексей, Валерий и так далее), хотя фамилии названы только у двоих — Гагарина и Титова. Кроме того, в ней подробнее, чем в других популярных работах того времени, рассказывалось о проверках и тренировках, которые проходят слушатели отряда.

В 1963 году появилась книга «Первые космические полеты человека», в которой были изложены результаты медико-биологических экспериментов и исследований, выполненных на кораблях «Восток» и «Восток-2». Там же приводились сведения о требованиях, предъявляемых к космонавтам при отборе. Следом была опубликована необычная повесть «Дневник летчика-космонавта К.» (1963), написанная инженером и журналистом Михаилом Фёдоровичем Ребровым на основе личных впечатлений о работе с членами отряда. Еще более подробно о космической подготовке и проекте «Восток» было расска-

зано в большом сборнике статей «Шаги к звездам» (1972) под редакцией Михаила Васильевича Васильева. Определенный прорыв в сведениях о первом отряде был совершен с выходом двух книг, написанных космонавтами Георгием Степановичем Шониным и Евгением Васильевичем Хруновым. Шонин в своих воспоминаниях, появившихся сначала в журнальной версии в 1974 году, а затем в виде отдельного томика «Самые первые» (1976), дал читателям развернутые характеристики всех космонавтов-слушателей первого набора, включая тех, кто так и не слетал на орбиту (правда, цензура позволила раскрыть только имена «нелетавших», без фамилий и отчеств), а в книге Хрунова «Покорение невесомости» (1976) была приведена их коллективная фотография на отдыхе в Сочи в мае 1961 года. Снимок был дан без расшифровки, что позволило Ярославу Кирилловичу Голованову при публикации того же фото через десять лет заявить, будто бы он афишируется впервые. Так или иначе, но книга Голованова «Космонавт № 1» (1986) стала поистине бесценным собранием сведений о первом отряде. Именно из нее советский читатель узнал о том, что в тройку лидеров входил Григорий Григорьевич Нелюбов и что перед полетом Гагарина погиб в сурдобарокамере самый молодой член отряда Валентин Васильевич Бондаренко.

Рассекречивание подлинного облика космического корабля «Восток» тоже заняло изрядное количество времени. В 1965 году, как мы отмечали, макет корабля был представлен на ВДНХ, а один из экземпляров серии «ЗКА» — на авиационной выставке в Ле-Бурже. Однако показан он был вместе с третьей ступенью ракеты-носителя, оболочка которой скрывала приборный отсек с тормозной двигательной установкой. Тогда же появились фотоснимки реального спускаемого аппарата, снятого сразу после его приземления. В таком виде (спускаемый аппарат с третьей ступенью) «Восток» выставлялся и в дальнейшем. Таким он изображен в энциклопедии «Космонавтика», изданной в 1968 году.

Как-то раз я попытался определить, когда же впервые в советской печати был опубликован рисунок или фотоснимок, демонстрирующий «Восток» с приборным отсеком, не спрятанном под оболочкой третьей ступени. Оказалось, что не раньше 1972 года, — в наборе открыток, посвященных космическим достижениям и выпущенных издательством ДОСААФ, можно увидеть не только корабль в его истинном облике, но и ракету-носитель, ее двигатели РД-107 и схему

полета всей ракетно-космической системы от момента старта, но всё еще без катапультирования из спускаемого аппарата. Рисунки на открытках больше похожи на детские наброски, чем на инженерный эскиз, но даже их можно воспринимать как своего рода прорыв сквозь цензуру. После выхода этого набора стало появляться всё больше материалов с описаниями реального «Востока» и фотографиями реальной ракеты.

Тем не менее оставалось множество вопросов, на которые упрощенные иллюстрации не могли дать ответы. Как устроены парашютная система и система ориентации корабля? Как выглядит тормозная двигательная установка? Где располагаются баки с топливом? Как размещено оборудование внутри кабины? Кому-то такие детали могут показаться не столь важными, однако в деле изучения первого полета в космос нет «мелочей».

Впервые компоновочная схема «Востока» была опубликована только в 1983 году — в учебнике для будущих инженеров «Техника космических полетов», написанном космонавтом Александром Станиславовичем Елисеевым. Еще больше подробностей о корабле приведено в переводном издании иллюстрированной энциклопедии Кеннета Гэтланда «Космическая техника» (1986). Появилось и множество статей, в которых рассказывалось об истории создания корабля, о выборе тех или иных конструкторских решений. Казалось бы, информации предостаточно. Но не тут-то было — корабль всё еще оставался смутным образом, не имеющим конкретных технических черт. В конце концов документы, связанные с «Востоком», и отдельные компоновочные чертежи со спецификациями были опубликованы в сборнике «Человек. Корабль. Космос», увидевшем свет в 2011 году — через пятьдесят лет после полета!

Примерно столько же заняло рассекречивание переговоров Юрия Алексеевича Гагарина с наземными пунктами управления (для сравнения: полную расшифровку переговоров Джона Гленна, первого астронавта, который совершил полноценный орбитальный полет на корабле «Mercury» в феврале 1962 года, изданную в виде брошюры, любой желающий мог приобрести за 15 центов уже в июле). Небольшой фрагмент общения Гагарина с теми, кто находился на старте, был опубликован в статье Николая Петровича Каманина «На космодроме» (журнал «Огонек», 14 мая 1961 года), но он настолько «творчески переработан», что в нем почти не осталось фраз, совпадающих

с реальным документом. Впрочем, отдадим должное Каманину — он всё-таки добился, чтобы расшифровка переговоров стала доступна широким массам советских читателей: в его книге «Летчики и космонавты», изданной в 1972 году, был опубликован почти полный, хотя и сильно отредактированный текст. Из него, в частности, читатели узнали, что у руководителей полета был позывной «Заря», а у Гагарина — «Кедр». Еще более полная и близкая к оригиналу расшифровка появилась только в 1991 году (журнал «Известия ЦК КПСС»), альтернативный журналистский вариант — в 2001 году (газета «Коммерсантъ-Власть»). Сегодня «канонической» можно считать расшифровку, приведенную в двухтомнике рассекреченных документов «Первый пилотируемый полет», выпущенном в 2011 году, хотя и из нее вырезаны переговоры Олега Ивановского с Юрием Гагариным по поводу укладки провианта и отдельные неформальные реплики Павла Поповича.

Куда сложнее обстояло дело с проблемами, возникшими при сходе «Востока» с орбиты: беспорядочным вращением корабля («кордебалетом») и задержкой разделения отсеков. Поскольку текст выступления Юрия Гагарина перед Госкомиссией 13 апреля 1961 года был засекречен, то и вопроса о проблемах не возникало. Но даже после публикации расшифровки доклада в журнале «Известия ЦК КПСС» (№ 5, 1991 год), информация была принята к сведению без должного ее обсуждения. Всерьез к проблемам спуска обратились в апреле 2001 года, когда специалист ОКБ-1 Юрий Степанович Карпов попытался в своей статье «ЧП при спуске не было» (газета «Красная звезда», 2001, 12 апреля) опровергнуть «циркулирующие слухи» о том, что сход с орбиты «Востока» был, по сути, аварийным. На это журналист Игорь Анатольевич Лисов возразил (журнал «Новости космонавтики», 2001, № 6), что если признать описанное Юрием Гагариным «запланированной ситуацией», то тогда ставится под сомнение компетентность первого космонавта. В результате долгого разбирательства было установлено, что виной всему стал сбой в работе тормозной двигательной установки, описанный выше. Новую версию подтвердили документы, рассекреченные в 2011 году.

Сегодня можно с определенной долей уверенности сказать, что историческая правда о космическом полете Гагарина восстановлена в достаточном объеме. Конечно, будут еще споры о полной продолжительности полета (106 или 108 минут), о месте приземления (Сме-

ловка или Подгорное) и прочих мелких деталях, которые интересны, пожалуй, только узким специалистам, но главное наконец-то стало достоянием общечеловечности. Благодаря рассекречиванию мы теперь знаем, что полет Юрия Алексеевича Гагарина прошел вовсе не так гладко, как хотелось создателям ракетно-космической системы «Восток»; что первый космонавт подвергался опасности, однако не дрогнул и вернулся на Землю с подробной информацией о поведении корабля; что полет Гагарина остается уникальным как по своему историческому значению, так и по набору технических сбоев, изучение которых позволяет оценить степень риска при его осуществлении. Нам осталось разобраться, в чем состоит научная ценность первого космического рейса.

Глава тридцатая

Исследователь на орбите

Мы живем в эпоху очередной научной революции, которая радикально меняет наши взгляды на внешний космос. Благодаря бурному развитию информационных технологий и появлению регистрирующих приборов нового поколения ученые умеют сегодня многое из того, чего не умели раньше: изучают юность Вселенной, ловят гравитационные волны, заглядывают в черные дыры, открывают планеты и протопланетные диски у других звезд, ищут водный лед на Луне, сверлят булжники на Марсе, картографируют Цереру и Плутон, строят трехмерную модель Галактики, берут пробы на астероидах и кометах. Всё это они, разумеется, делают не прямо, а посредством хитроумных аппаратов, соединенных каналами связи с мощнейшими вычислительными машинами. Отсюда, вероятно, произрастает определенное высокомерие, с которым видные современные астрономы и физики говорят о пилотируемой космонавтике. Дескать, на нее уходит прорва денег, а какие, скажите, фундаментальные открытия с ее помощью удалось сделать? Звучат даже предложения свернуть всякую космическую деятельность с участием человека, полностью передоверив ее умным роботам и телеуправляемым системам.

Такая позиция ученых понятна, ведь они и в самом деле чувствуют себя финансово ущемленными в то время, когда огромные день-

ги уходят на поддержание Международной космической станции (МКС). Для сравнения — полные затраты на изготовление, доставку и эксплуатацию марсохода «Curiosity», сделавшего немало значительных открытий на Красной планете (например, доказавшего наличие там в прошлом рек и озер), составят по итогам его миссии около 2,5 млрд долларов, а стоимость МКС со всеми пассажирскими и грузовыми кораблями, которые вынуждены летать к ней регулярно, перевалила за 150 млрд долларов и, возможно, составит не меньше 200 млрд к концу эксплуатации. То есть можно было бы, как считают астрономы, наделать за те же деньги сотню марсоходов, и сегодня мы знали бы о Красной планете в сто раз больше. А еще лучше — изготовить сотню орбитальных телескопов типа «Hubble», который тоже стоил 2,5 млрд долларов и работает уже четверть века, радуя человечество замечательными открытиями. Может ли заменить их МКС? Конечно, нет, говорят астрономы, ведь присутствие человека мешает работе тонких приборов, поэтому космонавт должен выступать лишь в качестве ремонтника, как, например, в случае с «Hubble», который приходилось периодически чинить.

Аргументация кажется железобетонной, но только на первый взгляд. Люди, занимающиеся изучением Вселенной, почему-то забывают, что именно пилотируемая космонавтика является самым активным и самым лояльным заказчиком для космонавтики исследовательской. Так сложилось исторически: даже первые спутники отправлялись в космос не просто так, а с целью разведать условия, царящие в околоземном пространстве, чтобы можно было осмысленно проектировать орбитальные космические корабли. Изучение Луны межпланетными аппаратами достигло пика активности именно в то десятилетие, когда советские и американские специалисты соревновались за право первыми высадить там своих сограждан. Первые венерианские и марсианские научные станции также отправлялись в полет с прицелом на обеспечение будущих пилотируемых экспедиций. Стратегия изменилась только в начале 1970-х годов, когда стало ясно, что быстрого штурма Солнечной системы не получится, а потребуются многолетняя кропотливая работа по ее изучению. После этого пилотируемая космонавтика сосредоточилась на околоземных орбитах, а межпланетные аппараты стали изготавливать с большим запасом прочности в расчете на годы эксплуатации. Когда начинаешь вникать в эти подробности, то отчет-

ливо видишь, что без пилотируемой космонавтики исследовательская выглядела бы куда скромнее и, скорее всего, не было бы сегодня ни марсоходов, ни даже телескопа «Hubble».

Что касается фундаментальных открытий, то они для пилотируемой космонавтики лежат не в области астрономии или физики, а в области *биологии человека, вступающего в принципиально новую среду обитания*. И первым, кто сделал одно из наиболее важных открытий в этой области, имеющее теоретическое и практическое значение, был, как легко догадаться, Юрий Алексеевич Гагарин.

Может показаться странным, что о самом значительном научном открытии Гагарина практически не говорится ни в одной из его многочисленных биографий, даже в советских. Наверное, считалось, что славы от совершенного подвига ему и так достаточно. Кроме того, существовало правило, что факт открытия фиксируется за исследователем по факту публикации соответствующей статьи в рецензируемом журнале, а космонавт нигде в статьях на медико-биологическую тематику, появившихся после полета, не фигурировал даже в качестве соавтора. В особых случаях приоритет может быть определен по публичному выступлению перед представителями научного сообщества, к чему часто прибегали в XIX и начале XX века, однако устный доклад Гагарина перед членами Госкомиссии, состоявшийся 13 апреля 1961 года, как мы помним, был опубликован лишь в апреле 1991 года, то есть через тридцать лет. Отсюда возникает убеждение, что космонавт был не одним из *участников эксперимента*, а всего лишь *объектом исследования*, который никак не мог влиять на его проведение и чистоту.

На следующем этапе обобщений делается вывод, что, в сущности, никаких особых научных открытий в первом пилотируемом полете по сравнению с предыдущими, в которых использовались подопытные собаки, не было. Нельзя же, в самом деле, назвать таковыми технические усовершенствования, внесенные в оборудование корабля «Восток»? И вот здесь уже незаметно ставится знак равенства между первым космонавтом и подопытными собаками. Рекорды? А что рекорды? Их вскоре побил Герман Титов. То есть шаг за шагом происходит последовательная девальвация как достижений самого Юрия Гагарина, так и пилотируемой космонавтики в целом, которая из сферы научно-технической деятельности волею комментаторов превращается в спортивное состязание государств — важное, но не слишком нужное.

Проблема, мне кажется, в нашем своеобразном восприятии истории науки. Всякое следующее поколение принимает предшествующие открытия или технические достижения как данность, зачастую даже не подозревая, что еще пару десятков лет назад картина мира для старших современников была совсем другой. Например, в первой половине XX века была потрачена масса усилий для разъяснения смысла специальной и общей теорий относительности, сформулированных Альбертом Эйнштейном, ведь они изрядно противоречили классической физике и повседневному опыту, а во второй половине столетия их начали преподавать в школах, и к концу века релятивистские эффекты стали чем-то само собой разумеющимся, не требующим дополнительных отсылок к научным или научно-популярным работам. При этом мы, конечно, помним имя Эйнштейна, но вряд ли кто-нибудь сможет с ходу ответить, в каком контексте и в связи с чем появились его теории, почему в них возникла необходимость, какие проблемы они решали, какие вопросы закрывали, почему одни физики приняли их сразу и с восторгом, а другие отказывались принять до конца жизни. Возникает своего рода аберрация дальности, когда нам кажется, что имеющееся у нас знание было всегда, что субъективная картина мира практически не менялась, поэтому легко беремся осуждать заблуждения предков, пинаем мертвых львов и топчем плечи гигантов. И куда труднее почему-то, оказывается, восхититься тем, как предки преодолевали собственное невежество, познавая мир, находящийся за границами повседневности, ошибаясь и отступаясь, петляя по кривым сторонним тропам, но всё же упорно продвигаясь к истине.

Всё вышесказанное в полной мере относится и к Юрию Гагарину. Если мы действительно желаем разобраться, какое открытие он совершил и насколько оно было фундаментальным, нам нужно хотя бы ненадолго погрузиться в контекст научных взглядов его времени и проследить, на какие вопросы ему удалось ответить по результатам орбитальной экспедиции (ведь его полет можно назвать и так).

Надо сказать, что до начала XX века о природных условиях внеземного пространства и факторах космического полета наука имела весьма противоречивые сведения. Разумеется, было уже известно, что между планетами царит пустота, но при этом, например, считалось, что метеороидов и комет намного больше, чем в действительности, и что именно они будут главной угрозой межпланетным пу-

тешествиям. С другой стороны, никто не подозревал о радиационной опасности, которая считается главной проблемой сегодня, а влияние перегрузок и невесомости вообще не учитывалось — достаточно вспомнить фантастическую дилогию Жюль Верна о полете внутри пушечного снаряда вокруг Луны.

Вероятно, первым, кто задумался о том, что перегрузки и невесомость могут усложнить осуществление межпланетных путешествий, был основоположник теоретической космонавтики Константин Эдуардович Циолковский. Правда, он был в этом отношении оптимистом и полагал, что перегрузки реально преодолеть, поместив пилотов межпланетного корабля в резервуары с жидкостью, а к невесомости человек привыкнет, как привыкают к плаванию, и она может оказаться даже полезной для здоровья. В целом этот оптимизм сохранили и другие отечественные ученые, занимавшиеся теоретической космонавтикой, хотя они, конечно, не могли игнорировать исследования западных коллег, которые были куда осторожнее в оценках перспектив переносимости факторов космического полета.

Первые опыты по раскрутке насекомых и животных в примитивных центрифугах (Циолковский, Гарсо, Рынин) показали, что те способны выдерживать весьма значительные перегрузки без вреда для здоровья. С появлением авиации, в том числе морского базирования, началось изучение действия перегрузок на летчиков. Например, при одном из экспериментальных полетов американского самолета «F6», совершенном в 1928 году, при резком выходе из пике возникло ускорение 10,5 g — пилот, конечно, выжил, но на месяц попал в больницу с конъюнктивитом глаз и нервным расстройством, вызванным капиллярными кровоизлияниями в мозг. Причем в других случаях, когда кратковременное ускорение не превышало 9 g, каких-то негативных физиологических эффектов не отмечалось. Позднее появились самолетные катапульты, а затем и специальные центрифуги для тренировки летчиков, поэтому к началу космической эры был накоплен значительный материал по воздействию перегрузок на человеческий организм. Об этом свидетельствует, например, обзорная статья доктора Алана Э. Слейтера «Медицинские и биологические проблемы» («Medical and biological problems») в английском научном сборнике «Space Research and Exploration», опубликованном на языке оригинала в 1957 году, а через два года изданном на русском под на-

званием «Исследование мирового пространства» (1959). В отношении перегрузок Слейтер конкретен: длительную перегрузку человек способен выносить довольно долго, пока она не превышает 5 g, а в лежащем положении — 7 g. Кроме того, если говорить о кратковременных перегрузках, то оказывается, что можно без потери сознания и без какого-либо вреда для здоровья выдержать до 12,5 g. Остается только определить оптимальную позу, при которой они переносятся легче, — чем медицина и занималась вплоть до начала космических полетов. Таким образом, перегрузки, испытанные Гагариным, при старте и при возвращении на Землю, не были чем-то новым ни для него самого, ни для специалистов, готовивших его к полету.

Совсем другое дело — невесомость, ведь ее длительное действие практически невозможно воспроизвести. Давайте проследим, как менялись представления о ней, по работам, опубликованным в открытой печати.

Отдельное внимание невесомости уделял авторитетный советский теоретик Ари Абрамович Штернфельд (тот самый, который придумал слово «космонавт»). Вот что он писал в своей статье «Межпланетные путешествия и физиология человека» (журнал «Наука и жизнь», 1938, № 11–12): *«Мы знаем, что отсутствие перегрузки в течение нескольких секунд вполне безвредно. Однако, оценивая условия межпланетного путешествия, которое может длиться целые годы, мы можем лишь строить более или менее обоснованные гипотезы, касающиеся самочувствия пассажиров. Можно думать, что сердце будет действовать нормально, поскольку деятельность его сходна с механической работой насоса с замкнутым циклом, и ему приходится лишь преодолевать сопротивление трения крови о стенки вен, а это сопротивление почти не зависит от внешнего давления. Вопросы дыхания представляются более сложными. Например, при кратковременном падении обычно наблюдается задержка дыхания, если же падение будет длиться долго, то, несомненно, потребуется применение приборов для искусственного дыхания. <...> В обычных условиях физиологические процессы совершаются при любых положениях тела — стоячем, сидячем и лежащем, и изменение направления силы тяжести не оказывает на них существенного влияния. Известно, однако, что очень трудно долгое время держать голову опущенной ниже туловища. Это показывает, что при некоторых необычных положениях тела сила тяжести оказывает вредное влияние на организм, но, с другой*

стороны, нельзя утверждать, что для других положений тела наличие тяжести необходимо. <...> Итак, в нашем распоряжении еще нет опытных доказательств того, что человек будет чувствовать себя вполне нормально при отсутствии перегрузки. Вполне возможно, что для этого придется применить те или иные меры медицинского характера, которые, впрочем, не устраняют опасности атрофии мышечного тонуса.

В послевоенное время с развитием реактивной авиации появилась возможность изучать динамическую невесомость более предметно, ведь она возникает в самолете, летящем по параболе, а чем выше парабола, тем дольше продолжается состояние невесомости. Однако проведенные эксперименты давали неоднозначный результат. Например, во время пикирования в течение 15–20 секунд пилот «F-80E», совершавший эксперимент, почувствовал нарушение координации движений и был дезориентирован. При этом, правда, он утверждал, что повторные эксперименты давались легче, то есть вырабатывалась своего рода «привычка».

Физиологи Игорь Сергеевич Балаховский и Виктор Борисович Малкин сообщали в статье «Биологические проблемы межпланетных полетов» (журнал «Природа», 1956, № 8): «Вопрос о том, какое влияние на человека будет оказывать отсутствие силы земного тяготения, особенно труден в связи с крайней сложностью воспроизведения в эксперименте условий невесомости. Разрешение этого вопроса имеет большое значение, так как вскоре после взлета ракеты, сразу же после выключения двигателей, астронавты окажутся в условиях невесомости, в которых им придется находиться длительное время. Что же может произойти в этих условиях с человеком? Было высказано много предположений. Некоторые физиологи на основании теоретических представлений сомневались в возможности жизни человека в этих условиях. Так, немецкий кардиолог Лангер высказал мнение, что в условиях полного отсутствия силы тяжести жизнь может продолжаться только несколько минут, так как неизбежно возникнут глубокие расстройства кровообращения из-за нарушения его нервной регуляции; кровь потеряет вес и не будет оказывать давление на стенки сосудов, где расположены специальные нервные окончания, чувствительные к изменению кровяного давления (барорецепторы). При этом не будет также давления крови в полостях сердца во время его расслабления, что может привести к нарушению нормальной сердечной деятельно-

сти. Большинство исследователей всё же считает, что жизнь в условиях невесомости возможна и что организм сумеет приспособиться к новым условиям существования. Однако в процессе приспособления могут возникнуть нарушения деятельности центральной нервной системы, связанные с тем, что она не будет получать сигналов от нервных окончаний, расположенных в коже и мышцах, а также в специальном органе равновесия — лабиринте (находится во внутреннем ухе), которые в нормальных условиях „сообщают“ о положении тела и его отдельных частей. При этом возможно расстройство регуляции мышечного тонуса, нарушение ориентации в пространстве, возникновение синдрома „воздушной болезни“ — головокружения и тошноты, а также расстройства сна.

О возможных проблемах писал в 1957 году вышеупомянутый Алан Э. Слейтер: «Наибольшая продолжительность невесомости, достигнутая до настоящего времени, была получена летчиками ракетных самолетов, в частности Чарльзом Егером. <...> По заявлению Х. Хабера, Егер „не использовал все 32 секунды невесомости, которые способен дать тот тип самолета, на котором он совершал полеты. Через 8–10 секунд он почувствовал, что его голова становится тяжелой, и начались первые нарушения ориентировки. На 13-й секунде невесомости у него появилось ощущение медленного вращения в неопределенном направлении. После 15 секунд он потерял ориентировку в пространстве и вышел из параболы“. По заявлению самого Егера: „На какое-то время, которое кажется целым часом, вы оказываетесь в состоянии, когда не можете определить свое положение относительно какого-либо предмета“. С тех пор в США был осуществлен на реактивных самолетах ряд испытаний такого рода, описанных Гератоволем. В этих испытаниях 16 человек были подвергнуты действию невесомости в течение времени от 10 до 30 сек, причем некоторые полеты совершались по параболической кривой вверх и вниз, а часть — только вдоль нисходящей ветви такой кривой. Довольно неожиданным оказалось то, что в действительности восьмерым из испытуемых ощущение показалось приятным, для троих оно было безразличным, и у пятерых появились симптомы воздушной болезни. Таким образом, в настоящее время мы знаем, что некоторые люди могут переносить невесомость в течение целых полминуты, тогда как другие перестают ее переносить уже после первой четверти минуты. Но что случится в длительном межпланетном путешествии? В настоящее время мы можем только догадываться об этом...»

Советские специалисты хотя и проявляли оптимизм, но тоже весьма сдержанный, о чем можно судить по статьям, написанным кандидатами медицинских наук Олегом Георгиевичем Газенко и Виктором Борисовичем Малкиным для журнала «Наука и жизнь» в 1958–1959 годах. Например, в статье, озаглавленной «Человек в космосе. Проблема жизни в условиях невесомости» (1959, № 12) они суммировали данные по наблюдению за подопытными собаками, летавшими на баллистических ракетах на космическую высоту (период невесомости составлял до 10 минут), и приходили к выводу, что отсутствие силы тяжести фатально кровообращение не нарушает. Всё же, отмечали исследователи, до сих пор нет надежных сведений о влиянии невесомости на «функции пищеварения и выделения», но главное — те же эксперименты с ракетными полетами выявили у животных «существенные изменения двигательной активности и характера движений, что указывало на нарушения деятельности центральной нервной системы». Свидетельства летчиков-испытателей, совершавших параболические полеты, которые приводили исследователи в статье, тоже не позволяли сделать однозначный вывод о действии невесомости на нервную систему: *«Ферри отметил, что в период невесомости у него появлялось ощущение слабости в ногах и нарушалась способность управлять самолетом. Диринсгофен при многократном повторении параболического полета пришел к убеждению, что расстройства координации движения при пилотировании, возникающие в первых полетах во время невесомости, постепенно исчезают, а новые ощущения он считал приятными»*. Кроме того, исход экспериментов с «параболической» невесомостью оказался сильно зависим от величины перегрузок, которые предшествовали переходу к состоянию с нулевой силой тяжести, что, конечно, выглядело закономерным, но требовало новых исследований.

Разброс мнений по вопросу влияния невесомости среди ученых, занимавшихся космической биологией в «догагаринский» период, рос как снежный ком, поэтому 1 июля 1960 года в Хоторне (штат Калифорния) прошел симпозиум, по итогам которого в начале следующего года был издан сборник, озаглавленный весьма красноречиво: «Невесомость — физические феномены и биологические эффекты» («Weightlessness — Physical Phenomena and Biological Effects», 1961). Согласно библиографическим спискам, более обширного и полного труда на заявленную тему, доступного всем желающим,

в то время попросту не существовало. В нем подводится промежуточный итог исследованиям, предшествовавшим эре пилотируемой космонавтики, рассматриваются все виды невесомости или ее имитации, которые можно получить в земных условиях: «баллистическая» невесомость, «параболическая» невесомость, «водная» невесомость, кратковременная невесомость свободного падения.

Анализ исследований влияния длительного отсутствия силы тяжести на человека занимает в этом труде не слишком большое место, поскольку, как отмечал Рафаэль Левин из корпорации «Локхид», автор доклада «Симуляция невесомости» («Zero Gravity Simulation»), продолжительность самых длинных и достоверных экспериментов по ее имитации с участием человека к тому времени не превышала 40 секунд. Если же линейно экстраполировать те изменения в самочувствии, которые испытывали пилоты и ученые при «параболической» невесомости, то получалось, что уже через 20 минут после начала ее действия у некоторого количества людей наступит «полное нарушение критически важных функций». Какие же проблемы могут возникнуть? Левин перечислял их списком: тошнота, дезориентация, нарушение биологических ритмов, перебои в работе сердечно-сосудистой системы и дыхания. Вызывало его опасения и самочувствие астронавтов при возвращении на Землю: после длительного пребывания на орбите у них могут атрофироваться мышцы и деградировать кости настолько, что им придется заново учиться ходить. Для более серьезного исследования эффектов, возникающих при невесомости, инженеры «Локхида» построили большой вращающийся резервуар, который перед началом испытаний заполнялся соленой водой повышенной плотности: жидкость должна была имитировать состояние безопорного парения, а вращение компенсировало восприятие гравитационного вектора. Левин сообщал, что первые эксперименты с использованием хитроумного резервуара начнутся в июне 1961 года, верил в их большую перспективу, хотя и отмечал, что в нем всё равно не получится полноценно воссоздать условия космического корабля, поэтому окончательные ответы на тревожащие вопросы можно получить только на орбите.

Итак, несмотря на большое количество экспериментов (за два предшествующих года американские пилоты, как утверждается в сборнике, совершили свыше двух тысяч полетов с целью изучения «параболической» невесомости), к началу 1961 года всё еще не было

твердой уверенности, что человек сможет жить и работать на орбите больше нескольких минут. Становится более понятным, почему советские специалисты сократили программу первого полета корабля «Восток» до одного витка вместо суток, а на панель ручного управления поставили логический замок: если бы и впрямь Гагарин во время полета был дезориентирован или утратил бы контроль над собой из-за физиологических нарушений в мозге, то его полет без таких мер предосторожности мог бы завершиться весьма плачевно.

Теперь заглянем в опубликованный текст доклада Юрия Гагарина, с которым он выступил на заседании Госкомиссии 13 апреля 1961 года. Космонавт сообщал: *«Произвел прием воды и пищи. Воду и пищу принял нормально, принимать можно. Никаких физиологических затруднений при этом я не ощущал. Чувство невесомости несколько непривычное по сравнению с земными условиями. Здесь возникает такое ощущение, как будто висишь в горизонтальном положении на ремнях, как бы находишься в подвешенном состоянии. Видимо, подогнанная плотно подвесная система оказывает давление на грудную клетку, и поэтому создается такое впечатление, что висишь. Потом привыкаешь, приспосабливаешься к этому. Никаких плохих ощущений не было. <...> Координация движения полностью сохранилась. Я кушал, пил воду, писал, вел доклад, работал телеграфным ключом. Так что, по-моему, на координацию движения, на работоспособность та продолжительность невесомости, которую я испытал, не оказывает влияния, не затрудняет».*

Сколько же времени провел Гагарин в состоянии невесомости? Из восстановленного хронометража полета следует, что не менее 1 часа 19 минут (то есть 79 минут). Поскольку никаких негативных ощущений он при этом не испытал, а, наоборот, сохранял ясность сознания, работоспособность, мог вести наблюдения и управлять оборудованием корабля, принимать воду и пищу, то по итогам его полета можно было сделать однозначный вывод, что мрачные прогнозы теоретиков не оправдались: землянин может жить в невесомости довольно продолжительное время.

Поскольку Юрий Гагарин внимательно наблюдал не только за кораблем, выступая в качестве пилота-испытателя космической техники, но и за собой, поверяя теорию практикой как настоящий ученый, вполне можно зафиксировать за ним *приоритет в фундаментальном научном открытии* — в установлении влияния истинной

(а не имитируемой) динамической невесомости на организм человека. Его ответы на серьезные вопросы оказались обнадеживающими, что моментально убирало массу сложностей и сомнений на пути к дальнейшему продвижению землян в космос.

Самое интересное, что современники вполне осознавали ценность научного вклада Юрия Гагарина. После полета инициативу в обсуждении его медико-биологических аспектов взяли на себя академики Норайр Мартиросович Сисакян и Василий Васильевич Парин. В числе других участников они выступили 15 апреля на пресс-конференции в Московском Доме ученых. Первый рассказал некоторые подробности о подготовке космонавта, второй — о работе биотелеметрических систем, дистанционно контролировавших физиологические параметры Гагарина, находившегося на орбите. Академик Парин завершил свое выступление пафосным, но в то же время весьма значимым заявлением (цитирую по сборнику «Утро космической эры», 1961): *«Первый в истории космический полет дал чрезвычайно ценные данные о состоянии человека в космосе, подтвердил прогноз советских ученых не только о возможности полета человека в космосе, но и о возможности сохранения человеком его творческих сил и разнообразной трудовой деятельности. Велика в этом роль коллектива ученых, рабочих, велика и героична в этом роль замечательного советского человека Юрия Гагарина».*

Позднее оба академика опубликовали статьи, в том числе в научно-популярных журналах. Академик Сисакян писал в статье «Путь в космос» (газета «Правда», 1961, 19 апреля): *«Изменение физиологического состояния организма человека в условиях невесомости представляет важный научный и практический интерес. Этот вопрос изучен еще недостаточно, так как состояние невесомости в земных условиях воссоздать в течение продолжительного времени невозможно. Полет Гагарина дал очень много для решения этого вопроса».* Академик Парин в статье «Физиология человека и космос» (журнал «Природа», 1961, № 10) выступал еще конкретнее: *«Сложная задача подготовки космонавтов была облегчена замечательным, творческим трудом Юрия Гагарина, ставшего настоящим исследователем и соавтором общей работы многих научных сотрудников. <...> Одной из задач космического рейса Юрия Гагарина было изучение полученных данных о влиянии невесомости на состояние человека. Длительность этого полета (108 минут) позволила приоткрыть дверь в мир не-*

сомости и установить, что в пределах этого времени человек хорошо справляется с таким совершенно непривычным для него состоянием».

В том же духе писали и другие ученые, комментировавшие научные достижения первого космического полета. Все сходились на том, что именно с Гагарина нужно вести отсчет истории новых научных дисциплин, теоретические основы которых были заложены в 1960–1961 годах: космической медицины и космической психологии. Однако после того, как на орбите побывал и провел там целые сутки Герман Титов, интонации начали меняться. Переход хорошо заметен в книге научных сотрудников Марии Александровны Герд и Николая Николаевича Гуровского «Первые космонавты и первые разведчики космоса» (1962): *«Еще недавно не было известно, как действует на организм состояние невесомости. Замечательный полет Ю. А. Гагарина по орбите вокруг Земли впервые показал миру, что чувствует человек в условиях невесомости. Но Гагарин пробыл в космосе более полутора часов. Как будет чувствовать себя человек в условиях длительной невесомости, осталось загадкой и после полета Гагарина. Хорошее состояние Гагарина было своеобразной „путевкой“, разрешающей более длительный полет. И этот полет состоялся. Двадцатипятичасовой космический полет Германа Степановича Титова превзошел самые смелые научные ожидания».* То есть полету «Востока-2» начали приписывать не только взятие новой планки технического рекорда, но и научный приоритет. Совершенно ясно по этому поводу высказался всё тот же академик Сисакян в статье «Биология и освоение космоса» (журнал «Авиация и космонавтика», 1962, № 2): *«Одна из характерных особенностей космических полетов — их продолжительность. Поэтому мы не можем ориентироваться только на возможность перенесения человеком сильных, но кратковременных воздействий. Необходимо решить проблему длительного пребывания в космосе. В этом отношении полет Г. Титова — качественно новый этап в развитии космических исследований, поскольку он дал возможность вынести определенное суждение о состоянии и функциях человеческого организма в течение суточного жизненного цикла в особых условиях космического полета».*

Вроде бы в этом нет никакой крамолы, если только не вспомнить, что «качественно новый этап» открыл именно полет Юрия Гагарина, а вот полет Германа Титова, при всём уважении к очередному рекорду и подвигу космонавта, может расцениваться лишь как количест-

венное достижение. Если искать исторические аналогии, то для космической биологии Юрий Гагарин был как Николай Коперник для космологии, то есть его открытия были еще далеки от мировоззренческой полноты, но зато позволяли совершенно по-иному взглянуть на Вселенную и место человека в ней.

Для тех, кого волнует формальная сторона вопроса, специально добавлю, что существует процедура признания научных заслуг, *honoris causa*, и, например, Олег Георгиевич Газенко и Абрам Моисеевич Генин, участвовавшие в медико-биологическом обеспечении полета Гагарина, получили по ней докторские степени без защиты диссертаций за его осуществление (то есть за практические, а не теоретические достижения). Давайте еще вспомним, что Сергей Павлович Королёв имел очень мало опубликованных научных работ, однако 29 июня 1957 года стал доктором технических наук и 20 июня 1958 года был удостоен звания действительного члена АН СССР — нужно ли объяснять, за какие заслуги?

Нельзя сказать, что был какой-то злой умысел в принижении фундаментального открытия, сделанного Гагариным, в пользу последующих экспедиций на орбиту; просто желание сохранить накал саморекламы обернулось для советской науки «размытием» значимого приоритета, связанного с именем первого космонавта планеты. Кажется мелочью на фоне грандиозного свершения, однако на эту мелочь нанизываются, как кольца на ось в знаменитой игре «Ханойская башня», дилетантские рассуждения о том, что Гагарин не совершил ничего особенно выдающегося по сравнению с другими космонавтами.

Юрий Алексеевич Гагарин всегда держался очень скромно и не боролся за принадлежащий ему научный приоритет. Наверное, он тоже полагал, что звания «Колумба Вселенной», признания подвига, вечной славы и всенародной любви более чем достаточно. Разве мог он подозревать, что кто-нибудь когда-нибудь посмеет назвать его вклад в прогресс ничтожным, а делу его жизни, пилотируемой космонавтике, будут отказывать в праве на существование лишь потому, что она якобы не способна делать фундаментальные открытия?..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Рождение легенды

Глава тридцать первая

Эффект Гагарина

Биографию Юрия Алексеевича Гагарина привычно делят на две части — на период до полета (27 лет) и после полета (7 лет), что вполне резонно: права и возможности, которые первый космонавт получил по итогам своего орбитального рейса, несопоставимы с теми, которыми он обладал, будучи старшим лейтенантом ВВС. Впрочем, невероятно возросли и обязанности: Гагарин больше себе не принадлежал, график его жизни расписывали на месяцы вперед, ему в кратчайшие сроки предстояло стать дипломатом и оратором, политиком и пропагандистом — как сказали бы сегодня, медийной фигурой высочайшего класса.

Поскольку реальная работа в ракетно-космической сфере оставалась засекреченной, то публике предлагалось с восхищением следить за общественно-политической деятельностью Гагарина. Тут всё было прозрачно: поездки, бесконечные митинги, бесконечные приемы и банкеты. Поэтому, наверное, в низовой памяти поколения закрепилось противоречивое впечатление о «послеполетном» Гагарине: дескать, он был молодец, конечно, и людям помогал, но при этом слишком уж много пил и развлекался. Само собой, постсоветские биографы и комментаторы не захотели игнорировать «кухонную» мифологию, и за последние два десятилетия появилось большое количество материалов, в которых активно смакуется тема веселых походов первого космонавта. Часть псевдоисторических анек-

дотов собрали в своих книгах Лев Данилкин («Юрий Гагарин», 2011), Джеми Доран и Пирс Бизони («Гагарин. Человек и легенда», 2011). Любителей «клубнички» отправляю на поиски этих книг, благо они изданы приличными тиражами, — здесь же мы зафиксируем следующее: разумеется, Юрий Алексеевич участвовал в массе публичных мероприятий, выпивал и закусьвал, делал комплименты женщинам и даже иногда хулиганил, но не эта унылая «бытовуха» составляла главное содержание его жизни после исторического полета. У нас не получится обойти вниманием некоторые «щекотливые» эпизоды, но в целом сегодня более чем достаточно материала для обсуждения роста Юрия Гагарина как профессионала. Благодаря публикации дневников Николая Петровича Каманина мы ко всему прочему можем сравнить Гагарина с другими космонавтами и сделать вывод, насколько он продолжал соответствовать статусу лидера, который был дан ему выбором на первый полет.

Начнем с зарубежных поездок. В апреле 1961 года мир пребывал в восхищении от очередного триумфа советской космонавтики. Юрия Алексеевича Гагарина поздравляли и хотели видеть гостем во всех цивилизованных странах — официальные приглашения поступили из восьмидесяти государств! Советское политическое руководство с готовностью откликнулось на них, дабы продемонстрировать условную «открытость» СССР и получить дополнительные политические дивиденды от публичного обсуждения церемоний, встреч, выступлений.

К сожалению, о зарубежных поездках Юрия Гагарина сохранилось не так уж много информации, как следовало было бы ожидать. Кое-какие подробности можно найти только в нескольких книгах: Николая Каманина «Первый гражданин Вселенной» (1962), Николая Денисова «На орбитах мира и дружбы» (1963), «Хорошо, хорошо, Гагарин!» (1963) и Николая Смирнова «По орбите дружбы» (1963).

Странно, не правда ли? Тема благодатнейшая, но вокруг нее словно бы существовал «заговор молчания». Объяснение такому положению можно найти только одно: Гагарину было запрещено рассказывать о ракете и корабле, о товарищах по отряду и создателях космической техники, поэтому его выступления не содержали какой-либо новой информации и состояли преимущественно из пропагандистских клише и демагогических обобщений, а выжимка чего-то интересного читателю из самих визитов на фоне полетов новых космонавтов на орбиту казалась бесперспективным занятием.

Тем не менее вспомнить о зарубежных визитах надо, поскольку поездки, особенно самые первые, стали для космонавта серьезным испытанием: в тот период он сформировался как общественно-политический деятель высокого ранга и уверенный в себе популяризатор космонавтики.

Обычно в поездках Юрия Алексеевича сопровождала целая делегация, но основную ответственность за успех мероприятий нес генерал-лейтенант Николай Петрович Каманин, который по своему опыту знал, что такое всемирная прижизненная слава, и собирался передать свое знание Гагарину. Интересно, что перед началом турне космонавт прошел пятидневное послеполетное обследование в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале в Сокольниках. Во время вынужденной отсидки он встретился и плотно поработал с корреспондентами «Правды» Сергеем Александровичем Борзенко и Николаем Николаевичем Денисовым, которым предстояло сделать литературную запись воспоминаний Гагарина для книги «Дорога в космос».

Первой страной, куда отправился космонавт, стала Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР). 28 апреля 1961 года он прибыл в Прагу. Причем летел Гагарин на обычном рейсовом «Ту-104» (№ 42389), среди пассажиров которого были студенты из Объединенной Арабской Республики, граждане Китая и Чехословакии, а также группа советских туристов, направлявшихся в Италию. Присутствие космонавта тут же вызвало радостное оживление; к нему выстроились за автографами, а командир экипажа Павел Михайлович Михайлов (кстати, известный пилот и Герой Советского Союза) пригласил Гагарина в кабину и подарил книгу своих мемуаров «10 000 часов в воздухе» (1960). Юрий Алексеевич попросил бортрадиста соединить его с Прагой: *«Я лечу в Чехословакию с чувством глубочайшего волнения, потому что сейчас волнуюсь, пожалуй, даже больше, чем во время космического полета. Мне довелось облететь весь земной шар, но за границу я направляюсь впервые. И мне радостно, что первая зарубежная поездка — поездка к братскому народу Чехословакии».*

Когда «Ту-104» подрулил к зданию Рузинского аэропорта, пассажирам показалось, что самолет буквально потонул в человеческом море. Каждый встречающий стремился добраться до Гагарина, пожать ему руку, притронуться к плечу, сказать ему хотя бы пару

слов... В тот же день, после приема в Пражском Граде (так называется чешская крепость, ставшая резиденцией руководителей государства) и короткого отдыха, космонавт посетил один из крупнейших машиностроительных заводов — «ЧКД-Сталинград». Узнав, что Гагарин — бывший литейщик, рабочие за ночь выполнили из бронзы фигуру литейщика и подарили ее космонавту. После этого Гагарин осмотрел достопримечательности Праги, побывал у памятника Национального освобождения на горе Витков.

29 апреля 1961 года чехословацкие газеты опубликовали Указ о награждении передовиков труда по случаю 1-го Мая. Перечисление награжденных начиналось с имени Юрия Гагарина: президент республики Антонин Новотный удостоил космонавта почетного звания Героя Социалистического Труда ЧССР. На торжественном заседании в честь этого события Гагарин взволнованно поблагодарил чехословацкое правительство за высокую оценку его труда: *«Разрешите мне адресовать эту высокую награду нашему советскому народу, нашей славной Коммунистической партии, ее ленинскому Центральному Комитету во главе с дорогим Никитой Сергеевичем Хрущёвым».*

Вернувшись из своей первой зарубежной поездки, Юрий Гагарин сначала поучаствовал в первомайской манифестации на Красной площади, а затем 7 мая с семьей отправился в Сочи. Там на Явейной даче (на территории санатория «Сочи»; построена на месте дома, до национализации принадлежавшего землевладельцу Василию Юрьевичу Явейну) отдыхали члены отряда космонавтов; к ним заезжал главный конструктор Сергей Королёв (тогда и появилась знаменитая коллективная фотография, которую через много лет будут скрупулезно изучать западные эксперты). Пользуясь случаем, генерал-лейтенант Каманин и группа специалистов 19 мая прилетели туда, чтобы обсудить будущие пилотируемые миссии на орбиту. На импровизированном совещании Королёв пообещал, что в ближайшее время состоится не менее десяти запусков кораблей «Восток», после чего начнутся летно-конструкторские испытания маневрирующих трехместных кораблей «Север».

22 мая 1961 года Юрий Гагарин, вылетев из Адлерского аэропорта, отправился во вторую свою поездку — в Народную Республику Болгарию (НРБ). На этот раз вместо Каманина с ним путешествовал Евгений Анатольевич Карпов — начальник Центра подготовки космонавтов. Подлетающий к Софии «Ил-14» был встречен почетным

эскортом реактивных истребителей. По улицам болгарской столицы тем временем двинулось торжественное шествие. Местное руководство фактически воспроизвело московское чествование космонавта вплоть до того, что праздничный митинг начался прямо на аэродроме с приветственной речи первого секретаря ЦК БКП Тодора Живкова.

В ходе этой пятидневной поездки Гагарин посетил несколько городов Болгарии. В Софии и Пловдиве его избрали почетным гражданином города. Он побывал у знаменитого памятника на Холме Освободителей («Памятник солдату Алёше»), установленного в Пловдиве, и у величественной скульптурной композиции на Шипкинском перевале. Встретился с кооператорами села Семеновец, с жителями Плевена, Варны, Стара-Загоры. Студенты третьего курса сельскохозяйственного техникума города Преслав в честь приезда Гагарина организовали «Неделю русского языка». Как и в Чехословакии, болгарское правительство захотело наградить космонавта, и он был удостоен почетного звания Героя Социалистического Труда с вручением высшего знака отличия — ордена Георгия Димитрова.

Помимо этого, 24 мая космонавт принял участие в праздновании Дня просвещения, культуры и славянской письменности (праздник «Кириллица»), которое сопровождалось массовыми танцами на центральной площади Софии. Интересно, что во время шествия колонны демонстрантов выпускали голубей. Эффектное зрелище навело присутствовавшего там корреспондента «Комсомольской правды» Павла Романовича Барашева на мысль запечатлеть первого космонавта с белым голубем. После демонстрации он подозвал нескольких болгарских пионеров с птицами, Гагарин взял одну из них в руки. Голубь, прижавшись к его груди, широко раскрыл свои крылья. Фотоснимок, сделанный Барашевым, в то время стал самым тиражируемым из всех изображений Гагарина.

После посещения Болгарии космонавт вернулся в Сочи, откуда 1 июня семья Гагариных вылетела в Оренбург, где провела неделю. Разумеется, Юрия Алексеевича были счастливы видеть в 1-м Чакаловском военном училище летчиков. Оттуда Гагарины вернулись в Москву. Там 8 июня космонавт выступил с приветствием на X пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном подготовке XXII съезда КПСС: получился целый доклад с рассказом о космических впечатлениях (хотя и без упоминания возникших проблем).

13 июня Юрий Гагарин приехал в Калугу — город теоретика Константина Эдуардовича Циолковского. Там он участвовал в закладке Музея космонавтики и произнес речь на митинге, посвященном этому незаурядному событию. Вероятно, после этого у него созрела идея организовать собственный музей в Звёздном городке: первым экспонатом стала фигура литейщика, подаренная коллективом чешского завода «ЧКД-Сталинград». 17 и 18 июня космонавт побывал в Гжатске и Клушине, навестил родственников, учителей и школьных друзей — понятно, что теперь частный визит превратился в непрерывные митинги.

Третий зарубежный визит Юрий Гагарин совершил в Финляндскую Республику. 30 июня 1961 года космонавт по приглашению общества «Финляндия — Советский Союз» поехал поездом на ежегодный летний праздник советско-финской дружбы в городе Кеми. По мере движения число пассажиров в вагоне, где ехал Гагарин, увеличивалось: все хотели его увидеть, поговорить, получить автограф. На вокзальной площади Хельсинки космонавта, как обычно, встречала необъятная возбужденная толпа с самодельными плакатами. Один из руководителей общества «Финляндия — Советский Союз» сказал по этому поводу: *«Наш народ сдержанный, молчаливый, неохотно идет на встречи. Чтобы нас расшевелить, нужен... как бы это сказать?.. эффект. Сильный эффект! Кажется, „эффект“ Гагарина всколыхнул многие сердца».*

По дороге в Кеми космонавт побывал в Хяменлинне (родном городе композитора Яна Сибелиуса), Тампере (там проходила 1-я конференция РСДРП, на которой председательствовал Владимир Ильич Ленин, что не забыл подчеркнуть Гагарин в своей торжественной речи на торговой площади) и губернском центре Оулу.

Прослышав о том, что 2 июля на празднике будет сам первый космонавт, в Кеми съехались не только финны, но и граждане Норвегии и Швеции. На платформе Юрия Алексеевича встретили юноша и девушка в национальных костюмах. Хор исполнил песню «Завоеватели космоса». Потом несколько дюжих ребят подхватили Юрия Алексеевича на руки и пронесли через переполненную привокзальную площадь к трибуне. В честь космонавта были устроены выступления народных ансамблей и спортивные состязания. Делегации от разных организаций подносили подарки.

4 июля Гагарин самолетом вернулся в Хельсинки, где состоялась пресс-конференция. Западные журналисты засыпали Гагарина во-

просами, на которые он мог отвечать только уклончиво. Николай Николаевич Денисов, представлявший «Комсомольскую правду», приводил в своей книге «Хорошо, хорошо, Гагарин!» (1963) такой пример:

«На пресс-конференцию собралось человек 50. Тут были люди и молодые, и пожилого возраста — представители различных финских газет и журналов. Среди них находились и корреспонденты иностранных агентств. Юрия Алексеевича любезно усадили за маленький столик, стоявший в углу, поставили перед ним чашечку кофе. Все задымили сигаретами, и после нескольких снимков, сделанных довольно-таки бесцеремонным фотокорреспондентом, одетым в черную, как на свадьбе или похоронах, визитку, первой „атаку“ начала представительница американского агентства „Ассошиэйтед пресс“ — дама крупного роста, с крашеными волосами и по-мужски размашистыми жестами. По-мужски от нее чуть-чуть пахло спиртным.

— Мистер Гагарин, — спросила она на ломаном русском языке, — какие марки вин и коньяков вы предпочитаете?

Столь неожиданный вопрос, несомненно, был поставлен для того, чтобы с первых же минут пресс-конференции увести ее от главной темы — о достижениях советской науки и техники — к мелочам из личной жизни космонавта, не имеющим существенного значения, но в какой-то степени „сенсационным“ для некоторых непрехотливых газет и таких же непрехотливых читателей. Мягко улыбнувшись, Юрий Алексеевич тактично пояснил американке, что у советских космонавтов, занятых своей весьма ответственной и сложной работой, для детального изучения винных марок, как это, может быть, делает кто-либо из присутствующих, просто-напросто не остается свободного времени. Ответ этот вызвал общий смех. Было видно, как многим понравилась непринужденность, с которой Гагарин дал понять тем журналистам, которые пришли в „Ваакуну“ для сбора „пикантных“ подробностей, что из этой затеи у них ничего не получится.

Однако кое-кто из друзей американской корреспондентки всё же пытался „сражаться“. Особенно активны были два журналиста, представлявшие правую печать. Тот, что постарше, говорил по-русски, а другой, помоложе, задавал вопросы на финском языке и всё время справлялся у своего соседа, правильно ли их переводят Гагарину. Чувствовалось по всему, что эти двое — слаженная, хорошо спевшаяся пара. Они старались вынудить Юрия Алексеевича к ответам на во-

просы, касающиеся устройства наших космических кораблей и их оборудования, ракет-носителей и самой организации полетов в космос, настойчиво пытались получить сведения, до поры до времени не подлежащие разглашению. Тот из этих двух журналистов, что был постарше, затеял даже нечто вроде спора о сравнительных достоинствах и недостатках американских и советских ракет.

Лукаво улыбнувшись, Юрий Алексеевич попросил корреспондента сначала ответить на вопросы его, Гагарина. Тот запальчиво согласился.

— Скажите, — спросил Юрий Алексеевич, — какой вес способны поднимать американские ракеты

— Около двух тонн.

— А сколько весит советский „Восток“? Вы, вероятно, знаете, ведь об этом сообщалось в прессе.

— 4725 килограммов, — подсказал сосед спорщика.

— Ну, вот, — заключил Гагарин, — почти пять тонн. Выходит, советские ракеты в два с половиной раза мощнее американских.

Этот довольно-таки наглядный урок арифметики снова развеселил всех».

И в самом деле оставалось только веселиться. В процитированном фрагменте очень выпукло показано, что советская сторона не оставляла шанса получить хоть какую-то конкретную информацию по любому из вопросов. Спрашивать о личном нельзя, потому что это уводит от темы достижений советской науки и техники. Спрашивать о достижениях нельзя, потому что это сведения, не подлежащие разглашению. Получается, спрашивать можно только о том, что и так уже растиражировали советские газеты. Гагарину, видно, даже доставляло некоторое удовольствие остроумно парировать — он был молодой, азартный и, видимо, не понимал, как унижительно, когда тебе на корректно поставленный вопрос (пусть даже и «пикантного» свойства) отвечают невпопад, словно ты и не заслуживаешь ответа. Впрочем, надо отдать космонавту должное — вскоре он подобрал слова, которые не обижали корреспондента, а делали его союзником.

После пресс-конференции советская делегация на автомобилях поехала в Турку (город-порт, древняя столица Финляндии), где Гагарин познакомился с работниками железнодорожных мастерских. Они показали ему свое производство, а он прочитал для местного

пролетариата небольшую лекцию по общим основам космонавтики. Вечером того же дня Юрий Гагарин был тепло принят президентом Урхо Кекконеном. Вслед за этой аудиенцией состоялась встреча с делегацией местных коммунистов, на которой Юрию Алексеевичу вручили золотой значок партии.

Четвертым заграничным вояжем Юрия Гагарина стало посещение одного из главных оплотов западной цивилизации — Великобритании. Понятно, что оно вызвало повышенный интерес в мире, подробно освещалось, а впоследствии обросло множеством мифов. Например, изучая этот вопрос, я с удивлением обнаружил, что до сих пор тиражируется байка о ломтике лимона, который Гагарин на завтрак с королевой якобы выудил из чашки с чаем и непринужденно съел, продемонстрировав английскому двору «деревенскую неотесанность». В действительности эпизод «неотесанности» выглядел несколько иначе, но важно в этой поездке совершенно иное — в послевоенном мире статус Великобритании как державы сильно изменился, она находилась на распутье, и чаша политических весов могла качнуться в любую сторону, в том числе и в сторону партнерства с Советским Союзом. Понимал ли это Юрий Алексеевич? Несомненно! И он сделал всё от него зависящее, чтобы очаровать чопорных англичан.

Поводом для визита стало официальное приглашение, направленное Дэйвом Ламбертом, генеральным секретарем Объединенного профсоюза литейщиков, который резонно считал Юрия Гагарина коллегой и хотел бы видеть его в числе почетных членов своей организации. Само путешествие решили приурочить к открытию Советской торгово-промышленной выставки в Лондоне.

Интересно, что перед визитом космонавта возникла протокольная коллизия. Каких-либо инструкций на случай приема космонавта иностранного государства не существовало. После дебатов правительство решило, что Гагарина будет встречать секретарь министра по вопросам науки Фрэнсис Тэрнбулл, что, конечно, вызвало насмешки у язвительных англичан. «Daily Mail» писала: *«Дорогой Юрий, извини наш протокол, но мы никогда не встречали до этого человека из космоса».*

11 июля 1961 года самолет с космонавтом прибыл в аэропорт Лондона. Хотя моросил дождь, десятки тысяч горожан вышли на улицы, чтобы восторженно приветствовать Гагарина. Ему предоста-

вили автомашину с персональным номером «YG1», что некоторым образом искупало низкий статус встречи: такой чести был в свое время удостоен только президент США.

По дороге к советскому посольству произошел маленький инцидент. Космонавту бросилось в глаза, что при проезде по Посольской улице, на одной стороне которой находятся частные здания и дворцы, никого не было, а все встречающие расположились на другой стороне. Он повернулся к ним лицом и проехал так всю улицу, отвечая на приветствия лондонцев. Но оказалось, что на «свободной» стороне под дождем стояла принцесса Маргарет, которая была большой поклонницей идеи космических полетов. Гагарин, получается, не обратил на нее внимания, о чем не замедлила ехидно сообщить пресса.

Впрочем, недоразумение никак не сказалось на программе визита. Во второй половине дня Гагарин с сопровождающими направился в выставочно-спортивный центр «Эрлс корт» (Earls Court Exhibition Centre), где в те дни разместились Советская торгово-промышленная выставка. Надо сказать, что она производила довольно таки скромное впечатление: продукция советских заводов не могла удивить англичан, привыкших к передовым технологиям и разнообразию. Однако появление космонавта вызвало ажиотаж. Горожане, собравшиеся у центра заранее, в возбуждении прорвали полицейские кордоны и окружили машину космонавта, стремясь пожать ему руку. Толпа скандировала: «Юрий! Юрий!»

Гагарин выступил с коротким приветствием в зале космических исследований, после чего состоялась пресс-конференция, на которой присутствовало около двух тысяч представителей средств массовой информации; при этом вопросы и ответы транслировались в прямом эфире по радио и телевидению. Николай Николаевич Денисов вспоминал:

«Многочисленные вопросы журналистов носили самый разнообразный характер. Представителей американских и канадских газет, например, интересовало, как Гагарин относится к произведениям научно-фантастического характера, издаваемым на Западе.

— Среди них есть интересные книги, — ответил Юрий Алексеевич, — и с научно-технической стороны близкие к действительности. Но плохо, что герои этих книг рисуются некими сверхчеловеками. А жизнь показывает, что космос будут осваивать не какие-нибудь

супермены, а самые простые, но хорошо подготовленные во всех отраслях знаний люди. Строителей наших космических кораблей, да и всех моих товарищей космонавтов никак нельзя причислить к какому-то сверхчеловекам. Все они представители рабочего класса трудящегося крестьянства, нашей интеллигенции. Всего несколько лет назад я был рабочим-литейщиком, а теперь летчик-космонавт. Посмотрите, разве я похож на сверхчеловека?»

Свидетельство Денисова забавно тем, что является одним из классических образцов пропаганды того времени, которая часто использовалась применительно к космическим достижениям. На самом деле Гагарин не мог всерьез рассуждать о современной ему западной фантастике, потому что с начала 1930-х годов она издавалась на русском языке чрезвычайно редко (знаменитая серия переводных книг издательства «Мир» стартовала в 1965 году), поэтому советский читатель мог почерпнуть свои познания о ней только из отдельных журнальных публикаций и пересказов лукавых литературоведов. Если бы Гагарин имел возможность почитать западную фантастику, то он убедился бы, что всё было с точностью до наоборот: в начале 1960-х годов она как раз принципиально выбирала в качестве персонажей обычных людей из «глубинки» — на их фоне как раз герои «Туманности Андромеды» выглядели настоящими сверхчеловеками.

После завершения пресс-конференции в том же зале директор Британского межпланетного общества (British Interplanetary Society) Уильям Максвелл вручил Гагарину специально учрежденную медаль для лиц, внесших важный вклад в исследование космического пространства: Юрий Алексеевич стал первым, кто был отмечен такой наградой.

Вечером у советского посольства случилось еще одно незапланированное событие. Девушка, пробившись сквозь любителей автографов, подскочила к Гагарину, когда он заходил в здание, и запечатлела на его щеке страстный поцелуй. То была 23-летняя медсестра Оливия Брайден, заявившая позднее любознательным журналистам: *«Теперь я вошла в историю — я первая английская девушка, которая его поцеловала. Я решилась на это сразу, как только его увидела, — он стал самым первым из тех, кто заставил затрепетать мое сердце».*

12 июля Юрий Гагарин посетил портовый город Манчестер, где обосновался Исполнительный комитет Объединенного профсоюза литейщиков, приславший приглашение. В тот день там был страш-

ный ливень, и организаторы опасались, что встреча будет сорвана. Однако Гагарин еще раз показал себя с лучшей стороны: увидев, сколько людей вышло на улицы встречать его, он проехал весь маршрут, стоя в открытой машине. Космонавт вымок так, что перед торжественной церемонией в профсоюзе ему пришлось переодеться. Президент профсоюза литейщиков Фред Холлингсуорт вручил Гагарину грамоту об избрании героя космоса «почетным членом союза номер один», после чего приколот ему на грудь золотую медаль, на которой были отчеканены слова: «Вместе мы отольем лучший мир». Затем на митинге, прошедшем на заводском дворе, выступил и сам Юрий Алексеевич, надевший по такому случаю парадный мундир. Он говорил не спеша, вкрапляя в русскую речь английские фразы: *«Мне бесконечно радостно пожать здесь, в Манчестере, ваши мо- золистые руки, которые, как и во всех странах, создают самое пре- красное на Земле. <...> Наступит время, когда на межпланетных станциях и кораблях космонавты различных стран будут встречать- ся как друзья и коллеги. В космосе всем хватит места. И русским, и американцам, и англичанам».*

Обратите внимание: именно во время поездки по Великобритании стал формироваться особый стиль выступлений первого космо- навта, нащупанный им скорее интуитивно, чем по советам старших товарищей. Он, конечно, продолжает поминать партию и правитель- ство, но всё чаще в его речах проскальзывает чисто «космическая» риторика. Гагарин почувствовал, что именно этого от него ждут в первую очередь, а не дежурных заклинаний о «борьбе мирового пролетариата за мир во всём мире», и стал активно пользоваться. Позднее он даже переписывал подготовленные для него доклады, привнося в трескучие бессодержательные тексты дух космической романтики, причем таким образом, чтобы любой слушатель вне зависимости от социального статуса и профессии ощутил свою при- частность к величайшему предприятию человечества.

После митинга автомобиль с Гагариным сквозь ликующую толпу направился в сторону мэрии Манчестера, над которой был поднят красный флаг. У центрального подъезда военный оркестр исполнил гимн Советского Союза. Мэр города Биггс, надевший по такому слу- чаю золотую цепь, пригласил гостей на ланч. Юрий Гагарин сердеч- но поблагодарил за теплый прием, вручил сувениры и раздал сотни фотографий с автографом.

13 июля космонавт посетил знаменитый лондонский Тауэр, осмотрел Уэйкфилдскую башню, где хранятся королевские драгоценности, в том числе и короны британских монархов. Затем нанес визит в «Мэншн-хаус» (Mansion House) — резиденцию лорда-мэра Бернарда Уэли-Козна, после которого направился в Королевское общество (Британскую академию наук). Там его ожидали видные английские ученые во главе с президентом общества Говардом Флори. После модерируемой дискуссии, посвященной перспективам развития космонавтики, Флори вручил Гагарину в качестве подарка два тома переписки Исаака Ньютона.

Другим важнейшим событием дня стало посещение временной резиденции премьер-министра Гарольда Макмиллана, разместившегося в адмиралтействе. Он показал космонавту свой рабочий кабинет и помещение, где проводятся заседания министров. В благодарность Гагарин подарил премьеру только что присланную из Москвы книгу «Дорога в космос», что стало полной неожиданностью для Макмиллана: ему пришлось импровизировать и в качестве ответного подарка Гагарину вручили серебряное блюдо с вензелем королевского двора.

Из резиденции космонавт в окружении тысяч англичан отправился к Кенотафу (Cenotaph) на улице Уайтхолл — монументу погибшим британским солдатам и офицерам. Там он возложил венок из пурпурных роз; на ленте была надпись: «От майора Юрия Гагарина».

В тот же день состоялся прием, устроенный министром авиации. Высшие офицеры британских ВВС, известные летчики и командиры эскадрилий чествовали первого космонавта планеты. В беседе упоминались имена советских пилотов-рекордсменов, отдавалось должное достижениям советской авиации. Говорили о самолетах, показанных на параде в Тушино 9 июля 1961 года. Один из присутствовавших полковников-ветеранов рассказал о своей службе в русских авиационных подразделениях во время Первой мировой войны. Потом собеседники незаметно перешли к проблеме противостояния держав, и тут Юрий Гагарин с огромной убежденностью высказался о необходимости преодоления взаимного недоверия на пути к более совершенному безопасному миру.

Делегация готовилась к отлету в Советский Союз, когда стало известно о желании британской королевы Елизаветы II пригласить космонавта на завтрак, назначенный в Букингемском дворце. Утром

14 июля во дворец отправились четверо: Юрий Алексеевич Гагарин, Николай Петрович Каманин, советский посол Александр Алексеевич Солдатов и корреспондент Николай Николаевич Денисов, полныйправный соавтор книги «Дорога в космос». В гостиной дворца космонавта с сопровождающими приветствовали начальник штаба обороны лорд Луис Маунтбеттен, главный староста столицы Кейт Калдер, один из руководителей партии консерваторов Поль Бриан. В просторном приемном зале, устланном огромным ковром бледно-зеленых тонов, с окнами, выходящими в ухоженный парк, ожидало два десятка придворных. И тут в гостиную легкой походкой вошла приятная женщина средних лет, одетая в скромное платье, без каких-либо украшений и следов косметики, — это была королева Англии. За ней появились ее муж, принц Филипп, и десятилетняя дочь, принцесса Анна. Поздоровавшись с каждым за руку, Елизавета II стала смеяться, шутить, расспрашивать Гагарина о его жене и дочках, о том, как ему понравился Лондон и его жители.

При встрече сразу установилась атмосфера доброжелательности. Вскоре все перешли за стол, накрытый в так называемом Белом зале — в нем более ста лет назад принимали царя Николая I. Юрия Гагарина, конечно же, посвящали в тонкости протокола, чтобы он не допустил какой-либо оплошности. Однако такой ускоренной подготовки было явно недостаточно, и космонавт нашел совершенно неожиданный ход. Обратившись к королеве, он сказал: «Ранее я не бывал в таком высоком обществе и совершенно не знаю, как правильно себя вести. Пожалуйста, помогите мне в этом». Елизавета II успокоила Гагарина, сказав, что тонкости этикета ей тоже подсказывают «специалисты». Возможно, именно из этого эпизода и выросла вышеупомянутая байка о ломтике лимона.

Во время завтрака Юрий Алексеевич сидел рядом с королевой, напротив них — ее муж Филипп, герцог Эдинбургский, хорошо разбирающийся в военной авиации: он очень быстро нашел с Гагариным общий язык. Все участники завтрака оживленно беседовали. Говорили не только о космических делах — затрагивали вопросы политики, литературы, искусства, спорта. Высказывались о прошлом СССР и Великобритании, вспоминали выдающихся ученых.

После завтрака в Букингемском дворце космонавт во второй раз съездил на Советскую торгово-промышленную выставку для короткой лекции перед студентами и отправился на Хайгейтское кладбище, где

похоронен основоположник теории классовой борьбы Карл Маркс, который был одним из «идолов» для любого советского человека. Понятно, что Гагарин не мог обойти его могилу стороной. Он возложил к памятнику Марксу венок из красных и белых гвоздик, отдал честь и постоял рядом две минуты, храня молчание. Вечером состоялся прием в посольстве для членов Общества англо-советской дружбы, а утром 15 июля Гагарин покинул Лондон и направился в Москву.

Космонавт сумел очаровать англичан. Рассказывают, что от непрерывных рукопожатий у него сильно разболелась правая кисть. Однако он держался стойко, излучал дружелюбие, вежливо отвечал на самые разные вопросы. Он стал настоящим дипломатом, умеющим вращаться в любом обществе и сглаживать неловкости, в том числе за счет непринужденного поведения. Он показал, что советский офицер — это не пьяный дуболом в ушанке, шубе и валенках верхом на медведе, а интеллигентный остроумный человек, который способен общаться даже с королевой. Он сумел заронить семена надежды на то, что холодная война и впрямь скоро закончится. Наверное, этот визит смог бы повлиять на смягчение отношений между Великобританией и СССР, однако впереди всех ждал Карибский ракетный кризис, едва не поставивший цивилизацию на грань тотального уничтожения.

Глава тридцать вторая

Советский момент

Известный английский публицист Фрэнсис Спурфорд выпустил по случаю довольно необычную книгу «Избыток красного» («Red Plenty», 2010), в которой рассматривается возможность победы советской цивилизационной парадигмы над западной, писал о значительности эффекта, который произвели зарубежные визиты Юрия Алексеевича Гагарина на западную публику, следующее:

«То был „советский момент“. Он начался, когда запустили спутник, в 1957-м, апофеозом его был 1961-й — когда Юрий Гагарин совершил первый в мире космический полет, но затем, после кубинского ракетного кризиса в 1962-м, года за два, он рассеялся в воздухе — вместе со страхом. Однако пока этот момент длился, у СССР была репутация, восстановить которую теперь практически невозможно. <...>

Вдруг, неожиданно, появилось место, не особенно веселое, но разумно организованное, немилитаристское — и высокотехнологичное, слабораториями и небоскребами, которое делало всё то же самое, что на Западе, но при этом грозило, пока „момент“ длился, сделать это самое всё — лучше. Американские колледжи беспокоились, что им не под силу выпускать такое же удивительное количество инженеров, как в СССР. Страдальческие вопли о необходимости самокритики заполнили страницы публицистики европейских и американских газет — колумнисты вопрошали, как свободное общество собиралось соответствовать стальной стратегической воле к процветанию, которой обладал успешный СССР. <...> И пока „советский момент“ длился, это было похоже на то, что где-то рядом вот-вот проклянется некая альтернативная версия современной жизни: та, с которой приходилось считаться, извлекать из нее уроки — на тот случай, если она в самом деле опередит западную модель и оставит капиталистические страны плетущимися далеко в хвосте».

Надо сказать, что западные политики прекрасно сознавали опасность такого развития событий, при котором образ будущего, олицетворяемый Юрием Гагариным, станет популярнее христианско-демократической утопии, навязываемой населению европейских стран целых полтора века. Если раньше можно было апеллировать к таким преимуществам западного образа жизни, как открытость общества, доступность информации, свобода передвижения, более высокий уровень технологий и комфорта, то теперь противопоставление теряло смысл, потому что Советский Союз быстрыми темпами преодолевал разрыв, а по отдельным направлениям вырвался вперед! У вас лучше автомобили? Зато мы летаем в космос! И так далее. Ссылки на репрессивный аппарат подавления волеизъявлений, на отсутствие юридической защищенности гражданских прав, на Сталина и ужасы ГУЛАГа больше не работали, ведь Советский Союз на разных уровнях демонстрировал готовность отказаться от тоталитарного прошлого, вернувшись к идеалам демократии, гласности, плюрализма. Юрий Гагарин был своего рода посланцем обновленной социалистической сверхдержавы, которая рождалась прямо сейчас, на глазах всего мира, и обещала стать наиболее прогрессивным государством в истории человечества. «Советский момент» вполне мог перерасти в «советскую эпоху», если бы московские вожди и впрямь собирались начать глубокие политико-экономические

реформы в СССР и странах «социалистического» лагеря, однако их реальные намерения расходились с декларируемыми, что стало ясно уже к осени 1961 года.

Впрочем, Юрий Гагарин не подозревал, что его дипломатические усилия пропадут втуне, поэтому продолжал «держат марку», круглосуточно работая на машину пропаганды: график его поездок, встреч и выступлений впечатляет.

17 июля, сразу после возвращения из Лондона, космонавт появился на Втором Московском международном кинофестивале с докладом о космических достижениях СССР (напомню, что накануне открытия фестиваля 7 июля состоялась премьера документального фильма «Первый рейс к звездам», в котором Гагарин выступал в качестве главного героя). Там он познакомился с известной итальянской актрисой Джиной Лоллобриджидой: их совместные фото, опубликованные в «Правде», облетели весь мир и запомнились публике прежде всего тем, что на них сексапильная итальянка демонстрирует неприкрытое и в чем-то даже неприличное обожание по отношению к Юрию Алексеевичу.

Корреспондент Агентства печати «Новости» (АПН) Борис Матвеевич Кауфман, сделавший эти снимки, позднее вспоминал (цитирую по статье Константина Баканова «Как Юрий Гагарин покорил Джину Лоллобриджиду?», опубликованной в газете «Собеседник» 12 апреля 2012 года):

«В тот день я попался под руку начальнице Галине Николаевне Плеско и получил задание: „Давай быстро в Министерство культуры, там встреча Гагарина с кинозвездами“. Примчался. Помещение было забито до отказа, от самой двери до президиума стоял длинный стол, протиснуться туда, где находились Гагарин и Лоллобриджида, было совершенно невозможно. Но провалить это задание — означало похерить два года стажировки. И я, сопливый мальчишка, совершил поступок, на который потом ни за что бы не решился. Залез под стол и стал пробираться в президиум. Несколько раз чьи-то ноги отодвинулись, пара ног меня лягнули, а когда я „вынырнул“ с другого края, выяснилось, что уперся в ноги министра культуры СССР.

[Екатерина Алексеевна] Фурцева, увидев меня, опешила: „Что ты тут делаешь, мальчик?“ Но в положение вошла. В итоге я один работал на такой выгодной точке. Юрий Гагарин, услышав несколько щелчков, перестал крутить головой и стал немного разворачиваться в мою

сторону, а когда мероприятие закончилось, спросил: „Я-то тебе хоть попал в кадр?“ „Попал!“ — заорал я под хохот Фурцевой и ее чиновников. После этого я стал „лучшим другом“ Фурцевой: видя меня в толпе, которую не пускают, она хватала меня за руку и говорила: „Боря, пойдёмте“. Проводила меня на все мероприятия. Замечательная баба: на наших глазах ткачиха стала аристократкой! Как она держалась! Как разговаривала с Джинной Лоллобриджидой!»

Завершив работу на кинофестивале, Гагарин отправился с визитом в Польскую Народную Республику (ПНР). На этот раз поводом для поездки стало празднование 17-й годовщины освобождения Польши от немецко-фашистских захватчиков. Дата значительная, но не нужно забывать, что поляки прекрасно помнили, как за пять лет до этого власти жестоко подавили восстание рабочих в Познани, направленное против коммунистического режима. Зверства проявили обе стороны конфликта, и речь зашла о советской интервенции, чтобы остановить бойню. Погибло несколько десятков человек, более пятисот получили ранения. Конечно, космонавт не имел к этим трагическим событиям никакого отношения, однако выглядел в глазах поляков ярким представителем государства, которое грубо попрало их стремление к независимости.

Тем не менее 20 июля 1961 года самолет с космонавтом приземлился на центральном аэродроме Окенче под Варшавой. Как обычно, там его встречала большая толпа с транспарантами и букетами. Юрий Гагарин выступил с речью, после чего поехал на встречу с руководителями Польши. Вечером в Бельведерском дворце Александр Завадский, председатель Государственного совета ПНР, организовал торжественный ужин. Чествовать космонавта прибыли представители общественных организаций столицы, ученые, генералы и офицеры Войска Польского. Под гром аплодисментов Завадский приколот на мундир Гагарина высшую награду республики — орден Грюнвальдского креста первой степени. Затем генерал Фрей Белецкий вручил космонавту знак летчика 1-го класса польских ВВС и офицерский кортик.

На следующий день советская делегация перелетела в Катовиче и отправилась в поездку по югу Польши: на стокилометровой трассе, проходящей через Хожув, Свентохловице, Руда-Шленска, Забже и Бытом, местные власти организовывали торжественные встречи с представлением делегаций рабочих и шахтеров, которые привет-

ствовали космонавта и вручали ему символические подарки. Например, жители Катовиче подарили плюшевого мишку в человеческий рост для того, чтобы космонавт передал его своим дочерям.

Рано утром 23 июля «гагаринская» делегация отправилась на Ченстоховский аэродром и перелетела местным авиарейсом в Зелёную Гуру — один из двух административных центров Любушского воеводства. По дороге польские журналисты взяли у космонавта интервью. Николай Николаевич Денисов вспоминал (цитирую по книге «Хорошо, хорошо, Гагарин!», 1963):

«Польские журналисты, подсев к Юрию Гагарину, попросили его прокомментировать только что полученное сообщение из США относительно полета американского астронавта Вирджила Гриссома на ракете „Редстоун“, полета, который едва не закончился трагически. Радио передавало, что капсула с Вирджилом Гриссомом при снижении упала в Атлантический океан и из-за неисправности в ее механизме астронавт чуть было не утонул.

— Хорошо, что этот смелый человек, использовавший, видимо, всё, что могла ему дать американская техника, остался жив, — сказал Юрий Алексеевич. — Трагический конец этого полета, который явился, по сути дела, повторением полета Алана Шепарда, был бы очень неприятен не только для тех, кто имеет непосредственное отношение к освоению космического пространства, но и для всех друзей американского народа...

Следя за выражением лиц польских журналистов, можно было понять, что ответ Юрия Алексеевича, результаты полета которого во много раз превосходили всё то, что было достигнуто в космических „прыжках“ Алана Шепарда и Вирджила Гриссома, пришелся им по душе. В словах советского космонавта они не нашли ни грана какой бы то ни было скрытой радости по поводу неуспеха тех, кто в той или иной мере мог быть своего рода соперником в столь сложном деле, как космические полеты. Прямая и открытая оценка случившегося с Вирджилом Гриссомом, искреннее сожаление, что имевшаяся в его распоряжении техника не дала ему возможности добиться большего, как-то по-новому осветили еще одну грань самобытного характера Юрия Гагарина».

На самом деле в том, как подал информацию Денисов, есть некая издевка: мол, американские астронавты — люди героические, но из-за отсталой техники вынуждены отчаянно рисковать, чтобы хо-

тя бы как-то воспроизвести успех советских коллег. В книге «Хорошо, хорошо, Гагарин!» вообще очень много шпилек в адрес космонавтики США, и напрасно — высокомерие по отношению к чужим достижениям дорого обошлось нашей ракетно-космической отрасли.

В Зелёной Гуре проходил общепольский слет молодежи, на котором присутствовали делегаты двадцати двух стран. Выступая на городском стадионе, где они собрались, Гагарин сказал: *«Будущие полеты к звездам совершать молодежи. Ей надо настойчиво овладеть знаниями, закаляться духовно и физически»*. И вот здесь, несмотря на пафос, видна искренность: Юрий Алексеевич и сам был еще очень молодым человеком, а после бесед с Сергеем Павловичем Королёвым поверил в его план организации межпланетной навигации, который был рассчитан на десятки лет, поэтому требовал привлечения юных энтузиастов.

Путешествие по Польше, которое выглядит формальным и скучноватым, было с избытком компенсировано великолепным визитом на Кубу. Надо сказать, что при всём восторженном отношении советского народа к кубинским революционерам политическое руководство СССР неоднозначно относилось к ним, ведь Фидель и Рауль Кастро, свергнувшие проамериканский диктаторский режим, по факту не были ленинцами, а ограничивались приверженностью марксизму. Кроме того, Кубинская Республика принципиально не желала вступать в военные или экономические блоки с другими государствами. Советским лидерам очень хотелось установить как можно более тесные связи с единственным государством в Западном полушарии, где правят коммунисты, и Юрий Гагарин в качестве неофициального посла был идеальной фигурой для «наведения мостов». Следует также помнить, что как раз в апреле 1961 года, когда космонавт совершил свой полет, США предприняли попытку военного вторжения на Кубу, высадив десант в заливе Кочинос (заливе Свиней). Операция провалилась — десант был разгромлен, американскую агрессию осудило мировое сообщество.

23 июля, то есть сразу после посещения Польши, самолет «Ил-18» с Юрием Гагариным и сопровождающими лицами отправился в дальний рейс. Первая посадка была в Исландии, на аэродроме Кефлавик — военной базе США. Вокруг самолета собрались несколько сотен встречающих, хотя программой перелета это не было предусмотрено. В течение часа Юрию Гагарину пришлось общаться с пред-

ставителями «потенциального противника» — солдатами и офицерами из состава расквартированных там американских частей. Вторая посадка — в Гандере, городе-аэропорте на канадском острове Ньюфаундленд. Интересно, что чиновники местной санитарной службы отказались выпустить советскую делегацию из самолета, поскольку ни у кого из ее членов не было медицинского сертификата. Для Гагарина хотели сделать исключение, но он отказался и остался на борту. В итоге один из местных журналистов дозвонился до министра здравоохранения Канады, потребовав решить проблему. И вопрос был мгновенно урегулирован.

24 июля советская делегация вылетела на Кубу. Понятно, что Фидель Кастро не упустил возможность превратить визит Юрия Гагарина в политическое шоу. В аэропорту был выстроен почетный караул, присутствовал весь дипломатический корпус. Юрия Гагарина дожидались сам Фидель Кастро, президент Освальдо Дортикос и члены правительства. Вдруг — грянул гром, засверкали молнии и хлынул тропический ливень. Гагарину перед выходом из самолета дали непромокаемый плащ-накидку, но, увидев, что кубинцы встречают его как есть, стоя в потоках воды, он решительно отбросил плащ и в белоснежном костюме спустился по трапу. За секунды космонавт и сопровождающие вымокли до нитки, что не помешало им принимать приветствия. Собравшиеся кубинцы кричали: «Вива, Гагарин!» Космонавт отвечал: «Вива, Куба!» Фидель Кастро отечески обнял космонавта, представил членам правительства и пригласил сесть в автомобиль.

Кортеж из открытых машин, возглавляемых красным авто, на котором ехали Фидель Кастро и Юрий Гагарин, направился в столицу. На всём протяжении пути космонавта приветствовали гаванцы, размахивавшие флагами, портретами и даже макетами ракет. После размещения в специально подготовленной резиденции Гагарин посетил президента Дортикоса. Во время этой встречи Кастро и Гагарин обменялись фуражками, что запечатлено на множестве фотографий.

Интересный исторический факт: для визита Гагарина на Кубу, где царил жара, был подготовлен специальный костюм. За его описанием обратимся к статье Александра Валентиновича Глушко «Форма одежды Юрия Алексеевича Гагарина. Разновидности и особенности ношения» (2014):

«В июле 1961 г. , прилетев на Кубу, Гагарин впервые появляется в белой тропической форме для жарких районов, которую за короткое время придумали специально для него и генерал-лейтенанта авиации Н. П. Каманина, сопровождавшего его в этой и многих других зарубежных поездках. Из-за сильно сжатых сроков решили долго не мудрить и пошили из белой хлопчатобумажной ткани китель и брюки по образцу повседневного и парадного кителя, введенного приказом 1958 г. , только без кантов. На плечи поставили пристяжные шестиугольные погоны майора морской авиации на закрытый китель, а на воротник — парадные офицерские петлицы, появившиеся согласно тому же приказу, что и китель с брюками, с той только разницей, что алюминиевая окантовка была заменена вышитой золотистой мишурой, положенной генеральским шинельным петлицам.

На голове героя космоса была фуражка с белой тульей и голубым околышем, на которых полагались вышитые золотой мишурой эмблема и „капуста“; поверх последней закреплялась круглая офицерская кокарда утвержденного образца. <...> Белая рубашка с темно-синим галстуком носилась под кителем.

Именно спешкой была вызвана небрежность в оформлении кителя, хорошо заметная на фотографиях, сделанных на Кубе.

Чуть позже подобная форма была введена отдельным приказом, благодаря чему приобрела законченный вид. При этом были изменены только два элемента: морские погоны поменяли на пришивные четырехугольные парадные, соответствующие званию, и были добавлены синие брюки с голубым кантом».

25 июля в Гаване состоялся большой красочный спортивный праздник, продолжавшийся свыше шести часов. На площади Революции была сооружена трибуна, на которую поднялись Фидель Кастро и Юрий Гагарин. Сначала состоялась торжественная демонстрация в честь двухлетия независимости, в ней приняли участие семьдесят пять тысяч физкультурников и тысячи танцоров в национальных костюмах. Особенно эффектно выглядела колонна из пятисот знаменосцев, которая под пение «Интернационала» пронесла мимо трибуны флаги всех социалистических стран.

26 июля, в годовщину народного восстания на Кубе, Гагарин посетил центральный парк, где возложил венок у памятника поэту Хосе Марти — лидеру освободительного движения, погибшему в 1895 году в бою с испанскими войсками. Затем космонавт напра-

вился в госпиталь, где проходили лечение бойцы революционных отрядов, противостоявшие американским интервентам, что стало большим сюрпризом.

Во второй половине дня на площади Революции начался праздничный митинг, на который собралось около миллиона кубинцев. Фидель Кастро произнес зажигательную речь, продолжавшуюся четыре с половиной часа. В начале он шуточно поинтересовался у Гагарина, за сколько времени тот облетел Землю. «За полтора часа», — ответил Юрий Алексеевич. «Тогда считай витки, я начинаю!» — объявил вождь кубинской революции. Спустя три часа Кастро спросил Гагарина, сколько витков пройдено. Получив ответ, сказал: «Хорошо, еще один виток, и всё». В завершение он горячо поблагодарил космонавта за приезд и объявил о принятом решении правительства наградить гостя недавно учрежденным высшим орденом страны «Плайя-Хирон», названным так в честь пляжа в заливе Свиной, где сторонники революции разгромили американский десант. Под бурные аплодисменты президент Дортикос прикрепил орден к кителю Гагарина.

В Гаване делегация из СССР пробыла четверо суток. Позже Юрий Алексеевич писал: *«Чтобы рассказать о всех встречах с кубинцами, передать всю их теплоту и сердечность, которые окружали нас, советских людей, во время этой поездки, надо написать целую книгу»*. Кстати, Гагарин стал первым президентом Общества советско-кубинской дружбы.

После Кубы космонавт сразу попал в Соединенные Штаты Бразилии, с которыми у Советского Союза не было дипломатических отношений. Изначально Гагарин туда не собирался, но тут из Москвы пришла радиограмма о том, что поступило приглашение от бразильского правительства. 28 июля «Ил-18» с Юрием Гагариным благополучно сел на аэродроме новой столицы СШБ, названной Бразилиа. Встречал его министр иностранных дел, и фактически это был первый шаг к установлению политических контактов между странами.

Приняв на борт членов правительства, самолет взял курс на Риоде-Жанейро — портовый город, который до 1960 года был столицей. Как только космонавт покинул борт и перебрался в машину, восторженные бразильцы (их собралось свыше ста двадцати тысяч человек) подняли автомобиль и понесли на руках. Несмотря на поздний час,

дорога была до отказа забита людьми, они держали транспаранты и швыряли петарды, что вызвало настоящую канонаду. На главные перекрестки и мосты полиция выкатила пожарные автомобили, чтобы при необходимости разгонять взбудораженную толпу водой из шлангов.

Следующие дни прошли в непрерывных встречах: с рабочими, учеными, студентами, официальными и неофициальными лицами. Восторженный прием оказали космонавту и в Сан-Пауло — крупнейшем промышленном центре страны, куда советская делегация прилетела 1 августа. Там произошел интересный эпизод. Юрий Гагарин выступил на митинге, который проходил на закрытом стадионе и который вел президент бразильского Института астронавтики и изучения космоса Флавио Перейра. Как обычно, он говорил о дружбе между народами, о необходимости разоружения и перспективах внеземной экспансии. Затем он поехал на встречу с представителями городских общин, среди которых выделялся католический священник в ярко-алой моццетте кардинала поверх рясы, сидевший в первом ряду. Надо сказать, что Ватикан довольно скептически отнесся к известию о триумфальном полете Юрия Гагарина, назвав его чисто пропагандистским актом для утверждения «безбожной власти». Однако Юрий Алексеевич пламенной речью так разогрел публику, что кардинал не смог сдержать чувств — под гром аплодисментов он, нарушив все правила, бросился к космонавту и долго тряс ему руку. Позднее известный писатель и общественный деятель Жоржи Амаду заявил корреспондентам «Правды»:

«Наш народ видит в героической фигуре майора Гагарина человека будущего, человека, свободного от угнетения, от войны, от страха, радостного, сияющего, вооруженного для большого будущего знаниями, культурой, завоевавшего Вселенную, путешествующего к далеким планетам, человека прекрасного завтрашнего дня. Его подвиг открыл новые перспективы для человечества и для мира».

2 августа советская делегация вернулась в Бразилиа. В столице космонавт нанес визит министру авиации и осмотрел новенькое здание конгресса. Вечером была назначена аудиенция у бразильского президента Жаниу да Силва Куадруса. Президент встретил делегацию радушно, интересовался впечатлениями, полученными в ходе путешествия, с интересом выслушал рассказ космонавта о полете на корабле «Восток». Сам он поделился воспоминаниями о поездке

в Советский Союз летом 1959 года. В ходе беседы Юрий Гагарин передал президенту письмо, подписанное Никитой Сергеевичем Хрущёвым и Леонидом Ильичом Брежневым. Затем состоялась церемония награждения космонавта высшей наградой, установленной для офицеров ВВС страны — орденом «За заслуги в области воздухоплавания». Здесь же, в президентском дворце, Гагарин провел пресс-конференцию, ответив на многочисленные вопросы журналистов.

Хотя вскоре президент Куадрус ушел в отставку, между СССР и Бразилией установились дипломатические отношения. Думается, в том была немалая заслуга Юрия Алексеевича.

Утром 4 августа Юрий Гагарин и сопровождающие вылетели из Бразилии в Канаду. По пути они совершили промежуточные посадки на Кюрасау и в Гаване, проведя еще один день в кубинской столице. За товарищеским ужином в артистическом кафе Фидель Кастро вручил космонавту очередной подарок — форму офицера революционной армии. Николай Николаевич Денисов так описывал встречу, отметив примечательную деталь:

«Это был очень интересный ужин, сервированный кубинскими национальными блюдами, многие из которых готовились на жаровне возле самого стола. Находившиеся в кафе кубинские артисты пели, танцевали. Мы все долго смеялись во время выступления одного из кубинских юмористов. Свой фельетон он начал словами о том, что, поскольку ему приходится выступать экспромтом, он будет пользоваться только что написанным текстом.

— Я думаю, — сказал он, — присутствующие простят мне это, тем более что ведь и Юрий Гагарин порой в своих выступлениях прибегает к такому методу.

Это была острая шутка. Как правило, Юрий Алексеевич и на митингах, и при обмене официальными речами никогда не пользуется заранее написанными текстами. Но, выступая в День 26 июля возле обелиска Хосе Марти, он часть своей речи произнес, заглядывая в конспект. И, как видно, это было тотчас же подмечено кубинцами, при выкидывании к такому блестящему оратору, как Фидель Кастро. Подмечено и высказано теперь в мягкой, шутиливой форме.

— Правильно, — одобрил юмориста Гагарин, — критика принимается».

Проблему первого космонавта можно понять: он слишком быстро переезжал из страны в страну, из культуры в культуру — у него

просто не было времени вникать в частности местных исторических процессов. Многие ли из советских людей могли вспомнить, кто такой Хосе Марти? От Гагарина же почему-то ожидали всеобъемлющей эрудиции, словно, побывав на орбите, он стал специалистом по всем вопросам. Право слово, незачем было принуждать космонавта выступать перед каждым памятником с речами на темы, далекие от его специальности.

5 августа 1961 года делегация отправились в Галифакс для участия в Пагуошской конференции ученых по разоружению, международной безопасности и сотрудничеству. Туда ее пригласил видный американский промышленник, финансист и мизантроп, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сайрус Итон, которого на Западе называли «агентом Кремля», хотя на самом деле справедливее было бы называть «агентом Рокфеллеров», поскольку именно этот финансовый клан дал «путевку в жизнь» сыну канадского бакалейщика. Примечательно, что Итон пригласил на организованную им конференцию и первого американского астронавта Алана Шепарда, совершившего суборбитальный прыжок в капсуле корабля «Mercury» 5 мая 1961 года, но тот отказался, вероятно понимая, что первый космонавт будет в центре внимания.

Канадцы приняли Юрия Гагарина очень тепло. На двухчасовом митинге, транслировавшемся по радио на всю страну, космонавт зачитал послание советского правительства всем участникам Пагуошской конференции с наилучшими пожеланиями в труде и укреплении дела мира.

В ходе пресс-конференции его спросили, согласился бы он отправиться в космос на американской ракете. Гагарин сказал, что нет, не рискнул бы, чем вызвал оживление и смех в зале. Один из журналистов поинтересовался массой ракетно-космической системы «Восток», что было опасной темой, ведь эти данные оставались засекреченными. Юрий Алексеевич справился с затруднением, сказав буквально следующее (цитирую по книге Николая Каманина «Первый гражданин Вселенной», 1962): *«Господин корреспондент, я надеюсь, что вы достаточно образованный человек и знакомы с физикой и математикой. С помощью элементарных формул, подставив в них суммарную мощность двигателей и скорость космического корабля „Восток“, о которых уже сообщалось в печати, вы сможете решить уравнение, в котором из трех параметров два известны».*

На самом деле достаточно образованный человек сразу увидел бы, что рассчитать массу ракеты-носителя на основании названных параметров невозможно. Суммарная мощность двигателей давалась в лошадиных силах (двадцать миллионов), а для расчета необходимо значение удельной тяги в секундах или в м/с. Скорость и масса ракеты меняются в процессе взлета, поэтому потребуются сложное интегрирование, для проведения которого опять же нужны дополнительные данные. Гагарин, сдавший теорию на отлично, разумеется, знал об этом, но и помнил, что ему нельзя раскрывать даже минимальные подробности технического устройства ракеты и корабля.

Вечер и ночь советская делегация провела на ферме Сайруса Итона, а утром 6 августа из Москвы пришла весть: на орбиту отправился «Восток-2» с Германом Степановичем Титовым. Миру явился второй советский космонавт!

Гагарин послал срочную телеграмму в Москву, чтобы ее передали на борт космического корабля. Заграничное турне пришлось прервать. История умалчивает, знали члены «гагаринской» делегации о предстоящем запуске «Востока-2» или нет. Скорее всего, знали, но поскольку даты стартов на Тюратаме задавались с разбросом в несколько дней, то они не планировали свой график в привязке к готовящемуся событию. Так или иначе 6 августа стало переломным событием, в том числе и в «советском моменте».

Глава тридцать третья

Синдром Титова

Книга Виктора Анатольевича Митрошенкова «Земля под небом» (1981, 1987) содержит множество удивительных историй о Юрии Гагарине. При этом автор предлагал верить ему на слово, поскольку ссылки на реальные документы в тексте попадаются редко, зато всяческих, чуть ли не интимных, подробностей хоть отбавляй. И ему верили и продолжают верить, ведь по большому счету ничего лучше книжхроники Митрошенкова о жизни Гагарина в советские времена написано не было. Есть там и такой эпизод (цитирую по изданию 1987 года):

«18 июля [1961 года]. <...> Вечером [Гагарин] встретился с Сергеем Павловичем Королёвым, рассказал ему о поездке в Англию, об огромном интересе к нашей стране.

— Решение принято: в августе — суточный полет, — сказал Королёв.

— Мне бы хотелось принять личное участие в подготовке, но бесконечные поездки...

— Не переживай, Юра, — Сергей Павлович нежно посмотрел на Гагарина. — Я хорошо знаю, что душой и мыслями ты здесь, с нами. Твои поездки нужны, и они, может быть, сыграют не меньшую роль, чем наши новые запуски... Мы как бы поддерживаем тебя, помогаем представлять нашу страну... Ты открыл дорогу в космос, ты должен продолжать путь к сердцам честных людей мира...»

В реальность этого эпизода верится с трудом. Хотя советские биографы приняли за аксиому отеческое отношение Королёва к отряду космонавтов, но и они должны были понимать, что главный конструктор вряд ли стал бы тратить время на объяснение того, что и так было очевидно Гагарину: график их деятельности больше не определялся частными желаниями.

То же самое в полной мере касалось и запуска «Востока-2»: Никита Сергеевич Хрущёв увидел, какой пропагандистский эффект дают орбитальные рейсы, и твердо вознамерился подчинить космонавтику политической целесообразности. Поэтому суточный орбитальный рейс должен был состояться не в самый подходящий момент для ученых или инженеров, а в самый удобный с позиций укрепления влияния советского государства.

В том, что вторым после Гагарина на орбите будет Герман Степанович Титов, никто в отряде космонавтов не сомневался. Двадцатипятилетний военный летчик был, судя по документам, самым подготовленным из кандидатов и продемонстрировал отличные показатели по любому из критериев. Однако до полета «Востока-2» имя Титова, как и других членов отряда космонавтов, оставалось засекреченным. Даже Гагарин не имел права раскрыть его. Рассказывая о своем дублере в документальной повести «Дорога в космос» (1961), Юрий Алексеевич писал так:

«Вместе со мной в комнате на другой койке расположился Космонавт Два. Уже несколько дней мы жили по одному расписанию и во всём ходили на братьев-близнецов. Да мы и были братьями: нас кровно связывала одна великая цель, которой мы отныне посвятили свои жизни. <...> Космонавт Два сидел ко мне в профиль, и я невольно любовался правильными чертами красивого задумчивого лица, его высоким

лбом, над которым слегка вились мягкие каштановые волосы. Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, приберегая для второго, более сложного».

Разумеется, в поздних изданиях редакторы назвали «Космонавта Два» по имени-фамилии. И почему-то ни у кого (кроме коварных западных журналистов, конечно) такая политика не вызвала вопросов.

Впрочем, мы отвлеклись. После полета Гагарина, доказавшего, что человек вполне работоспособен при длительной невесомости, между специалистами вновь вспыхнули споры, каким должен стать следующий космический эксперимент. На основании наблюдений за Белкой высказывалось мнение, что после четвертого витка на орбите могут начаться физиологические изменения, из-за которых самочувствие космонавта резко ухудшится. Поэтому специалисты из ГНИИИ авиационной и космической медицины настаивали на трех витках. Их поддержал академик Мстислав Келдыш. Вопреки им инженеры во главе с Сергеем Королёвым утверждали, что реализовать три витка гораздо сложнее технически, чем суточный полет. Дело в том, что за счет особенностей орбитального движения после трех витков посадка возможна только в западных густонаселенных районах СССР, что осложнит эвакуацию. Кроме того, на тот момент в наличии имелся всего один полностью готовый корабль «ЗКА», и специалисты собирались использовать его с максимальной пользой, закрыв вопрос о возможности длительного пребывания человека в невесомости раз и навсегда. Аргументы инженеров возымели действие, и на совещании, состоявшемся 20 мая 1961 года в Сочи, стороны согласились, что полет следует назначать суточным, но космонавт при этом должен быть готов к его досрочному прекращению, для чего испытает ручную систему управления кораблем.

Непосредственная подготовка к запуску «Востока-2» началась в том же мае и закончилась к началу августа. Практически во всём она воспроизводила последовательность подготовки Юрия Гагарина, но участвовала в ней не шестерка, а пятерка космонавтов: Герман Титов, Андриян Николаев, Валерий Быковский, Павел Попович и Григорий Нелюбов. Тогда же определились и лидеры: пилотом «Востока-2» был назначен Титов, его дублером — Николаев. «Космонавта Три» Григория Нелюбова определили основным на трехсуточный полет, который должен был состояться в ноябре.

Однако на этот раз решение о датах запусков определяли не ученые или инженеры, а сам глава государства — Никита Сергеевич Хрущёв. Геополитическая обстановка летом 1961 года серьезно обострилась. В июне завершились провалом переговоры о статусе Западного Берлина. Хрущёв прямо заявил, что если не будет признан его вариант ликвидации этого анклава ФРГ на территории ГДР, то немецкое коммунистическое правительство отрежет американцам доступ в Берлин. На это недавно избранный президент Джон Ф. Кеннеди пообещал, что в таком случае США будут воевать с СССР. Ситуация осложнялась еще и тем, что, несмотря на запреты и ограничения, через Западный Берлин в ФРГ уходили тысячи «восточных» немцев. Только за июль 1961 года Германскую Демократическую Республику таким способом покинули тридцать тысяч человек, в основном — молодые квалифицированные специалисты. Глава немецких коммунистов Вальтер Ульбрихт всё громче настаивал на закрытии границы с Западным Берлином. К августу решение созрело.

Сергей Никитич Хрущёв, сын советского лидера, вспоминал, что когда Сергей Королёв обсуждал с его отцом дату запуска, последний попросил главного конструктора осуществить его не позднее 10 августа. Королёв с готовностью согласился. Таким образом, полет «Востока-2» приурочили к возведению знаменитой Берлинской стены, которое началось в ночь на 13 августа. Новый космический прорыв за счет шумной пропаганды должен был сгладить негативное впечатление от сомнительной внешнеполитической акции.

Утром 6 августа 1961 года Герман Степанович Титов, под позывным «Орёл», поднялся на лифте в кабину космического корабля, и в 9:00 по московскому времени стартовал. «Восток-2» («ЗКА» № 4) вышел на орбиту с высотой 257 км в апогее и 178 км в перигее. Сообщение ТАСС о запуске передали через 20 минут — лишь после того, как убедились: системы корабля работают нормально, а космонавт чувствует себя хорошо. Тогда же прозвучало и предполетное заявление Титова, записанное заранее.

На первых витках самочувствие космонавта и впрямь было превосходным. Как и Гагарин до него, Титов прежде всего проверил работу радиоаппаратуры, выходя на связь с наземными измерительными пунктами. На втором витке продиктовал подготовленное приветствие «Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущёву». С Земли ему зачитали радио-

грамму за подписью Хрущёва. Тогда же Титов впервые провел съемку земной поверхности с помощью кинокамеры «Конвас» и продолжал ею заниматься в течение всего полета небольшими сеансами. Впоследствии превосходные цветные снимки были опубликованы в советских журналах.

На третьем витке Герман Титов пообедал. В меню входили 150 граммов супа-пюре с хлебом, мясной и печеночный паштеты в тубах, черносмородиновый сок. Космонавт отметил, что никаких неприятных ощущений при приеме пищи не возникает.

На четвертом витке Герман Титов впервые в истории провел процедуру ручного управления ориентацией корабля. Космонавт убедился, что корабль хорошо слушается, а подготовленный пилот способен быстро сориентировать его «по-посадочному». Позднее журналисты, рассказывавшие о «Востоке-2», внесли сумятицу, утверждая, будто бы Титов не просто ориентировал корабль, а «маневрировал» на орбите. На самом деле маневрировать корабль не мог в принципе — для этого на нем не было соответствующих систем.

На пятом витке информационное агентство ТАСС сообщило, что Титов чувствует себя превосходно, однако на самом деле у него стал развиваться кинетоз («болезнь укачивания»). Хотя космонавт бодрился и докладывал, что нормально переносит невесомость, врачи, получавшие данные о его организме по телеметрическим каналам, заподозрили неладное. И действительно — на четвертом витке, вызвавшем наибольшие опасения у специалистов, Титова сильно тошнило, закружилась голова. Особенно неприятные ощущения возникали при резких движениях головой — космонавт старался медленно поворачивать ее или держать неподвижно.

Несмотря на растущее чувство дискомфорта, Титов продолжал осуществлять программу полета. На шестом витке выполнил простые физические упражнения и воспользовался ассенизационным устройством, доказав его эффективность. Тогда же ему передали радиограмму от Юрия Гагарина: *«Дорогой Герман! Всем сердцем с тобой. Обнимаю тебя, дружище. Крепко целую. С волнением слежу за твоим полетом, уверен в успешном завершении твоего полета, который еще раз прославит нашу великую Родину, наш советский народ. До скорого свидания. Твой Юрий Гагарин».*

На седьмом витке Титов попытался заснуть. Молодость взяла свое — космонавт не только уснул, но и умудрился проспать сеанс

связи, назначенный на 2:00 по московскому времени. На двенадцатом витке измерительные пункты начали вызывать «Орла», но целых 37 минут Титов молчал, спровоцировав легкую панику среди специалистов. Во избежание повторения инцидента тут же было решено сконструировать космический будильник. Зато сон прогнал плохое самочувствие — организм адаптировался к невесомости. К еде Титов всё же больше не прикоснулся, до конца полета принимая только витаминные таблетки и воду. На тринадцатом витке его опять начало мутить, постоянно накатывала дремота.

На семнадцатом витке был выдан тормозной импульс, и корабль пошел вниз. При этом повторилась ситуация, которая уже была отмечена при полетах собак, — отсеки «Востока-2» разделились с большим опозданием, из-за чего спускаемый аппарат вновь приземлился в нерасчетном районе — на гороховое поле сельхозартеля «40 лет Октября», в 13 км от поселка Красный Кут Саратовской области. Позднее специалисты ОКБ-1 провели тщательное расследование и наконец-то установили причину сбоя — ошибку при монтаже электроцепей, обеспечивающих разделение. В следующих кораблях серии «Восток» она была устранена.

Интересная историческая деталь: после катапультирования из спускаемого аппарата Титова ветром понесло в сторону железной дороги, по которой в тот момент проходил товарный поезд. Столкновения не произошло по счастливой случайности: вероятно, машинист прибавил ходу, и состав проскочил раньше, чем Титов приземлился в десяти метрах от полотна. Для исключения подобных ситуаций в будущем в Госкомиссию хотели привлечь представителя Министерства путей сообщения, чтобы согласовать расписание поездов с космическими полетами, но потом решили просто перенести место посадки из Поволжья в Казахстан.

На заседании Госкомиссии, состоявшемся 8 августа, Титов честно доложил о своих ощущениях, в том числе о тошноте и головокружении. На основании его показаний врачи впоследствии разработали дополнительную методику тренировки вестибулярного аппарата, которая продемонстрировала очень хорошие результаты.

9 августа Юрий Гагарин и Герман Титов стояли вместе с Никитой Хрущёвым на трибуне Мавзолея. В своей речи на митинге глава государства заявил: *«В этот торжественный для нашей Родины день, день встречи с героем космоса Германом Степановичем Титовым, мы вновь*

собрались на Красной площади, у стен древнего Кремля. Эта площадь видела много выдающихся событий, с ней связано многое в истории нашей Родины. <...> Как не гордиться и как не радоваться нашему народу, породившему таких героев, как Юрий Гагарин и Герман Титов, — двух небесных братьев. Оба они воспитанники славного комсомола, нашей великой ленинской партии коммунистов». С тех пор в советской прессе повелось называть космонавтов первого набора «небесными братьями».

Разумеется, опять были пышные торжества, опять состоялся прием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, опять звучали тосты в адрес космонавтов и создателей космической техники. И вновь состоялась пресс-конференция, на которой подробно рассказывалось о чем угодно, кроме того, что по-настоящему интересовало корреспондентов. Приведу некоторые фрагменты, чтобы было понятно, насколько вырос цинизм советских пропагандистов (цитирую по репортажу «Осуществляются дерзновенные мечты человечества», опубликованному в газете «Правда» 12 августа 1961 года):

«Первый вопрос: Советское правительство объявило о мирном назначении космических кораблей. Будут ли иностранные корреспонденты допускаться на запуски, как в США?»

— Будут, обязательно будут, и мы всё делаем для того, чтобы к этому приступить. Но вы понимаете, что ракета-носитель имеет не только мирное значение. Если бы американцы имели такие же совершенные ракеты-носители, они бы их тоже не показывали, как многое не показывают».

Подтасовка и прямое вранье. На полигон Тюратам («космодром Байконур») доступ иностранных журналистов был ограничен вплоть до осени 1989 года, даже несмотря на участие СССР в международных научно-исследовательских программах; в то же время запуски на мысе Канаверал можно было наблюдать как непосредственно в Космическом Центре имени Д. Кеннеди, так и с близлежащих пляжей, если старт объявляется «совершенно секретным». Больше того, когда появились ракеты «Saturn I» и «Saturn V», намного превосходящие по грузоподъемности любую из модификаций «Р-7», материалы по их разработке и испытаниям постоянно давали в открытую печать, включая советскую.

«Вопрос: Юрий Гагарин после своего космического полета говорил о своем друге Космонавте Два. Теперь весь мир знает, что это были вы. Можете ли вы сказать венгерским читателям о личных качествах ваших друзей — космонавтов номер три, четыре и т. д.?»

Ответ: Теперь вы сами можете сделать некоторые заключения. Юрий Алексеевич рассказывал обо мне. Теперь вы меня увидели. Можете представить, кто такие космонавты. Могу сказать: мои товарищи-космонавты — все замечательные ребята. Все они подготовлены к полетам».

Обвинив американцев в том, что они не делали и делать не собирались, пропагандисты через Титова тут же продемонстрировали реальную ценность своим обещаниям когда-нибудь снять гриф секретности с советской ракетно-космической программы: что может быть абсурднее обезличивания будущих героев космоса?.. В подобном контексте Гагарин и Титов тоже начинали выглядеть лицемерами, хотя таковыми, конечно, не были: они всего лишь подчинялись приказу.

После торжеств в Москве пути космонавтов на время разошлись. Германа Титова по завершении послеполетного обследования направили в ГДР идеологически поддержать немецких коммунистов в деле строительства Берлинской стены. А Юрий Алексеевич с женой Валентиной Ивановной и младшей дочерью Галей 19 августа приехали в Венгерскую Народную Республику (ВНР), где также требовалось провести ряд ярких акций, чтобы продемонстрировать одобрение деятельности режима, который Советский Союз принес в Будапешт на штыках в ходе подавления «контрреволюционного мятежа» 1956 года.

Таковы были политические реалии того времени, и каждый из космонавтов понимал, что является не только исследователем космоса, но и солдатом на идеологическом фронте, расколовшем весь мир. К сожалению, «советский момент» завершился: коммунистическое руководство оказалось не готово подняться на новый уровень доверия в международных делах; оно предпочло возводить стены и кичиться мифическим превосходством. Всё это очень скоро сказалось на космонавтике.

Глава тридцать четвертая

Делегат съезда

В послеполетной биографии Юрия Алексеевича Гагарина есть один весьма неприглядный эпизод. В советские времена о нем ходили лишь смутные слухи, поскольку цензура бдительно следила за любыми публикациями о личной жизни космонавтов. В новейшее

время, когда после издания дневников Николая Петровича Каманина стали известны многие тайные страницы истории космонавтики, эпизод быстро оброс массой жутковатых деталей, часть из которых откровенно высосана из пальца падкими до сенсаций журналистами.

На мой взгляд, давнему инциденту, произошедшему 3 октября 1961 года, придается неоправданно большое значение — в некоторых книгах о первом космонавте под него отводят полновесные главы в ущерб более важной информации. Конечно, мы могли бы проигнорировать этот эпизод, ведь Гагарин представляет для нас интерес прежде всего как профессионал своего дела, однако нужно понимать, что той осенью Юрий Алексеевич переживал непростую душевную драму. После торжественной московской встречи и чествований за границей (один завтрак с королевой чего стоит!) космонавт осознал, что стал кумиром планеты, что по популярности он вознесся выше генсеков, президентов, миллиардеров, знаменитых писателей, поэтов и артистов, что миллионы мужчин, женщин, детей мечтают познакомиться с ним, ловят его взгляд, вслушиваются в каждое сказанное им слово. Но при всём при этом он оставался тем же старшим лейтенантом, каким был всего лишь несколько недель назад. Его всему научили, кроме одного — быть «звездой» на вершине славы. Причем непреходящей славы! Ведь второго, третьего, четвертого и так далее публика забудет, а первого — никогда...

В ходе поездок у Гагарина не было возможности подумать о личном будущем — праздничное коловращение вытягивало все силы. Он удачно прятался за свою скромность, которая никогда не была показной. Однако теперь Юрий Алексеевич оказался перед серьезной дилеммой: либо он становится частью элиты со всеми плюсами и минусами подобного статуса, либо пытается как-то вернуть себе привычную жизнь, в которой не надо всё время следить за собой, в которой дружба и любовь хоть что-то значат, в которой можно заниматься интересным делом без оглядки на обстоятельства. Внутренняя дисгармония наложилась на отпуск, который Юрий Гагарин собирался провести с семьей и в компании с Титовым. Скорее всего, Герман Степанович испытывал сходные чувства. И само собой сложилось так, что космонавты начали «хулиганить».

Группа отдыхающих из Звёздного городка во главе с Николаем Петровичем Каманиным прилетела в Крым 14 сентября и разместилась на бывшей даче Максима Горького, которая расположена в двух

километрах от основной базы санатория «Форос». Жили в двухэтажных корпусах, возведенных рядом с дачей. С учетом того, что отдыхали здесь только иностранцы или высокопоставленные советские руководители, от персонала требовались дисциплина и умение держать язык за зубами.

Первая неделя отпуска прошла превосходно — стояла солнечная погода. Всё было сделано для того, чтобы космонавты адаптировались и отдохнули после изматывающих зарубежных поездок: отличное питание, покой, фильмы и экскурсии. Однако Каманин быстро заметил, что его подопечные ведут себя довольно развязно: они откровенно злоупотребляли спиртными напитками, нарушали распорядок. Такому поведению способствовала и сама атмосфера южного берега Крыма: вина и коньяки здесь лились рекой, а местные жители всеми силами стремились познакомиться с популярными личностями. Чтобы не прослыть голословными, обратимся к дневникам генерал-лейтенанта Каманина (цитирую по книге «Скрытый космос: Книга первая», 1995):

«21 сентября, группой в составе 23 человек, ездили в Севастополь. Осмотрели город, побывали в Панораме и Диораме, на Сапун-горе. Обедали на крейсере „Михаил Кутузов“, где нас принимал командующий флотом адмирал [Владимир Афанасьевич] Касатонов. Посещение города прошло хорошо, но к концу обеда Гагарин и Титов были заметно навеселе.

Возвращались в „Форос“ на двух автомобилях „ЗИМ“ и автобусе. До Диорамы Гагарин ехал в машине вместе с Валентиной Ивановной, мной и Марией Михайловной. После осмотра Диорамы Гагарин, ничего нам не сказав, пересел в автобус. Это обидело Валентину Ивановну, было по меньшей мере бестактно. Проезжая в Золотой долине мимо ресторана, автобус остановился, из него вышли Гагарин, Масалов, Ахмеров и направились к ресторану. Желая предупредить злоупотребление спиртным, я также поднялся в ресторан. Быстро выпили по стакану вина и спустились к машинам. Я сказал Юре, что его зовет Валентина Ивановна. Гагарин подошел к машине и спросил: „Ну, что тебе нужно?“ Валя настойчиво просила его сесть в машину и ехать вместе с нами. Гагарин отказался, а Валя не согласилась перейти по его просьбе в автобус. Тогда он сердито хлопнул дверью машины и пошел в автобус один. Валя заплакала, мне и Марии Михайловне было очень неудобно. На следующий день я сказал Гагарину: „Вчера мне в пер-

вый раз было стыдно за тебя, ты очень обидел Валю“. Юра признал свою вину и заверил меня, что он уже извинился перед Валей и больше ничего подобного не допустит.

25 сентября были в Артеке, где пионеры показали нам очень интересную спортивную игру „Снайпер“. На обратном пути пообедали в ресторане „Ялта“, перед обедом осмотрели завод „Массандра“ и попробовали более 12 различных вин. За Гагарина пили вино выдержки с 1934 года, за Титова — 1935, за меня — 1908. Обедом „дирижировали“ первый секретарь Ялтинского горкома партии А. А. Куценко и его первый заместитель Н. Н. Дементьев. Оба любят крепко выпить. В этой и других встречах они спаивали Германа и Юрия. Герман зачастил в Ялту, возвращался поздно и изрядно выпившим. 26 сентября я обнаружил, что охранник Титова — Роберт Ахмеров — пьет, спаивает Германа и занимается сводничеством. Серьезно поговорил с Титовым и Гагариным, предупредил их, что они на скользком пути, объявил, что немедленно отправлю Ахмерова в Москву. Оба признали свои ошибки и очень просили не наказывать Ахмерова. Герман уверял меня, что во всём виноват только он сам. Я им поверил».

Примерно такие же воспоминания сохранились и у журналиста Ярослава Голованова (цитирую по изданию его записных книжек «Заметки вашего современника. Том 1. 1953–1970», 2001):

«Я поехал туда, чтобы сделать статью за подписью Титова к годовщине запуска первого спутника. Гагарина увидел первый раз на теннисном корте. Он был очень возбужден и тут же предложил мне сыграть с ним. Юра приехал в Крым с женой, дочками и няней, Герман — один. Купались, загорали, вечером пошли с Германом в пивнушку, которая располагалась в церкви у самых Байдарских Ворот. Герман находился в состоянии непрерывного восторга. В пивнушку он надел легкую курточку на молнии, берет, и, когда мы там сидели, всё спрашивал: „Как думаешь, узнают меня?“ Ему и хотелось, чтобы непременно всё-таки узнавали, но одновременно хотелось испытать тайное томление Гаруна-аль-Рашида.

Потом появились две делегации: от моряков-черноморцев и от пионеров Артека, обе приглашали в гости. Каманин отказывал, понимал, что всё это для него лишняя головная боль. Космонавты настаивали, потому что на даче они скучали. Сначала решено было ехать в Севастополь. Гагарина и Титова сразу увезли на флагманский корабль, а мы с Жорой Мосоловым [летчик-испытатель Георгий Константинович

Мосолов] пошли гулять по городу, потом сидели в ресторане. Космонавты вернулись очень сильно навеселе. В автобусе пели песни. Остановка на Сапун-горе. Тут оба сразу протрезвели, внимательно слушали экскурсовода, Гагарин записывал что-то в Книге почетных гостей, я их фотографировал».

Понятно, что выходы Титова, который был на отдыхе без жены и ввязался в курортный роман, действовали и на Гагарина. Очевидно, Юрий Алексеевич хотел удостовериться, что всё еще принадлежит себе и может позволить легкие безумства. Кто способен осудить его за это?.. С первых дней Гагарин заметил двадцатисемилетнюю медсестру Анну Афанасову, работавшую в санатории, и начал оказывать ей знаки внимания. Однако девушка прекрасно понимала, что перспектив у таких отношений нет и что начальство способно уволить ее в один момент «по собственному желанию», если заподозрит в нарушении спокойствия семьи Гагариных. Юрий Алексеевич настаивал, ведь выглядело странным: его вожделеет весь мир, с ним фотографировалась английская королева, ему строила глазки сексапильная Джина Лоллобриджида, а отказывает какая-то провинциальная медсестра. Однако при этом он вел себя корректно, хотя и намекал, что рассчитывает на взаимность. Вернемся к дневникам Каманина:

«За девять часов до назначенного отъезда из „Фороса“ случилось происшествие, которое попортило очень много крови мне и многим другим людям, несущим ответственность за Гагарина. Это происшествие могло закончиться очень печально для Гагарина, меня и нашей страны. Юрий Гагарин был на волосок от нелепой и глупейшей смерти.

В этот день (3 октября) Юра с территории дачи не отлучался, за исключением прогулочной поездки на катере. Как я позже узнал, эта прогулка была опасной. Гагарин на четырехместную моторную лодку сажал по 6–7 человек, на лодке отсутствовали средства спасения. Юрий уходил далеко в море и делал очень резкие и опасные развороты.

За день Гагарин чрезмерно „напроцался“. После ужина Юра сразу лег спать. Женщины играли в карты. В 22:00 я с женой ушел отдыхать, а в 23:50 она разбудила меня криком: „Коля, вставай! Внизу что-то случилось!“ Через минуту я увидел Гагарина лежащим на садовой скамейке. Лицо и рубашка Юрия были в крови, на лице — рваные раны. Валя в слезах кричала: „Что же вы все стоите, помогите ему! Он умирает!“ Срочно вызвали врача и начальника санатория. Через четыре

часа приехали флотские врачи, сделали на месте операцию. Заключение: пробита надбровная кость, но рана не смертельная, над левой бровью останется шрам. Посоветовали в течение трех недель сохранять постельный режим.

Из опроса Рудного, Масалова, Азбиевича, Титова, медсестры Ани, Валентины Ивановны и других людей я установил следующее. Гагарин проснулся около 22 часов, помогал купать Галку, а потом спустился в гостиную на первый этаж, где Валентина Ивановна с другими женщинами продолжала играть в карты, а мужчины — в шахматы. Юра „болел“ за шахматистов, „помогал“ жене, менял пластинки на проигрывателе, танцевал и был в нормальном состоянии. В 23:47 — 23:48 Юра сказал Вале: „Кончай играть, пошли спать!“ — и вышел из гостиной. Через 2–3 минуты Валя, закончив играть в карты, спросила: „А где Юра?“ Жена Серяпина с ехидцей сказала ей, что он пошел по коридору направо и зашел в одну из комнат. В коридоре находились три комнаты, из которых отдыхающие уже уехали. В двух комнатах Валя ничего не обнаружила, третья — была закрыта на ключ изнутри. Валя резко постучала в закрытую дверь. Через несколько секунд она открылась, в комнате горел свет, а в дверях стояла медсестра Аня (27 лет). На вопрос Вали: „Где Юра?“ — Аня ответила: „Ваш муж выпрыгнул с балкона“. Балкон возвышался над уровнем земли на 2 метра, под ним была асфальтированная дорожка, окаймленная с внешней стороны цементированной бровкой. При прыжке Гагарин зацепился ногами за виноградные лозы, потерял равновесие и упал лицом на цементную бровку. Как рассказала медсестра Аня, она после смены с дежурства зашла в комнату отдохнуть, легла на кровати одетой и читала книгу. Гагарин вошел в комнату, закрыл дверь на ключ и со словами: „Ну что, будешь кричать?“ — пытался ее поцеловать... В это время раздался стук в дверь, и Гагарин выпрыгнул с балкона“.

Рана выглядела ужасно: половина левой надбровной дуги была вмята в череп, в глаза бросался глубокий темно-бордовый шрам. Однако самое печальное для первого космонавта и остальных заключалось в том, что скоро начинался XXII съезд КПСС, на котором делегат от Московской партийной организации Юрий Алексеевич Гагарин должен был заседать в президиуме рядом с Хрущёвым. По-нятно, что глава государства был в ярости от срыва его замыслов.

Собственно, это всё, что нужно знать о случившемся 3 октября 1961 года. История не красит Гагарина, но и не является чем-то

сверхъестественным или противозаконным. В наше время ее пытались как-то облагородить, списав инцидент на рассеянность космонавта, который перепутал свой гостиничный номер с чужим, однако в подобных извивах мысли нет необходимости, ведь главное, что Юрий Алексеевич на собственном опыте убедился: публичность диктует определенный образ жизни. Отныне он не может позволить себе даже мелких шалостей: неприличные выходки сойдут с рук Герману Титову и любому другому космонавту, который обретет известность благодаря полету на орбиту, — любому, но только не самому первому! Став частью «парадной» истории человечества, ты вольно или невольно становишься примером для подражания, и вести себя надо соответствующе, не давая никому повода позлословить за твоей спиной.

13 октября, убедившись, что состояние Гагарина стабильное, его самолетом доставили в Москву и поместили в Центральный авиационный госпиталь. Консилиум врачей решил, что для закрепления успеха в лечении пациент еще десять дней должен находиться в постели. Каманин признал свое поражение и доложил руководству, что первый космонавт на открытие съезда на попадает, после чего записал в дневнике: *«Сегодня вместе с Вале́й были у Юрия. Я не стал читать ему нотаций, а только сказал: „Благодари Бога, тебе еще раз повезло, а могло быть очень плохо. Надеюсь, ты не хуже меня понимаешь, какие неприятности ты доставил себе, командованию, партии и народу. Ты получил очень дорогой урок, и из него нужно сделать выводы на всю жизнь“.* Юра сказал: *„За эти дни я многое передумал, наделанных глупостей я сам себе не прощу, необходимо менять курс поведения“.*

Несмотря на все усилия хирургов и косметологов, шрам скрыть не удалось. Всю последующую жизнь Гагарин, подходя к зеркалу или разглядывая свои фото в прессе, видел отметину, изуродовавшую его бровь, и она была лучшим напоминанием о том, как однажды из-за глупой прихоти он едва не лишился всего, к чему шел с большим напряжением и упорством.

Юрий Гагарин всё-таки принял участие в XXII съезде КПСС, который начал свою работу 17 октября 1961 года. Поскольку первый космонавт был в списке делегатов и Никита Сергеевич Хрущёв упомянул его в своей речи, отсутствие Гагарина сразу заметили. Поползли слухи. Западная пресса перечисляла возможные версии исчезновения первого космонавта: «лучевая» болезнь после полета, авто-

мобильная авария, покушение, драка, скандальная история. Чтобы опровергнуть враждебные инсинуации, московский журналист Павел Романович Барашев опубликовал очерк, в котором рассказал историю, ставшую впоследствии официальной. Якобы космонавт, гуляя по Крыму с младшей дочкой на руках, оступился на скользком асфальте и, спасая ребенка, разбил себе голову. Сам Юрий Алексеевич на прямые вопросы о происхождении шрама, которые ему стали неизбежно задавать в ходе заграничных поездок, отвечал уклончиво и по-разному: слишком сильно затормозил за рулем автомобиля, получил травму во время спортивных занятий и тому подобное.

В любом случае его требовалось показать публике, и гримеры приклеили Гагарину искусственную бровь. Вид космонавта от этого лучше не стал, и тогда поступил приказ фотографировать его только в профиль с правой стороны, а если кто-нибудь попытается сделать снимок без разрешения, отбирать аппарат и засвечивать пленку. 24 октября Юрий Алексеевич впервые появился на съезде, но с трибуны не выступал — вместо него доклад от имени космонавтов-коммунистов зачитал Герман Титов.

Итак, невзирая на травму, первый космонавт принял участие в политической жизни страны. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза вошел в историю тем, что на нем была принята Третья программа КПСС, в которой прямо обещалось, что не позднее 1980 года будет построено коммунистическое общество. Для этого предстояло уже через десять лет обогнать богатейшую страну мира — США по абсолютному объему производства и по производству на душу населения. Хотя даже в то время планы партийного руководства выглядели утопическими, Третья программа была принята единогласно и в полном объеме, включая Моральный кодекс строителя коммунизма, состоявший из двенадцати «заповедей».

Еще одна немаловажная подробность: Хрущёв старался поскорее завершить десталинизацию страны, и утром 30 октября делегаты Ленинградской парторганизации выступили с предложением вынести саркофаг с телом Иосифа Виссарионовича Сталина из Мавзолея Ленина и захоронить его. Представители других организаций поддержали ленинградцев, и весь съезд проголосовал за вынос и захоронение. Соответственно так же голосовали и космонавты.

Сегодня трудно сказать, как Юрий Гагарин относился к Сталину и его делам. Вроде бы есть свидетельства, что в зрелом возрасте

космонавт высказывался об «отце народов» со сдержанным уважением (юношеские годы не в счет). Однако времена изменились, и борьба с «культом личности» получала свой смысл в рамках идеи скорейшего — в течение двадцати лет! — построения коммунистического государства, которое, судя по материалам съезда, имело бы в своем фундаменте либерально-демократические устои. Как должно было выглядеть это государство, прекрасно описали братья Аркадий и Борис Стругацкие в повести «Полдень, XXII век (Возвращение)» (1960–1967).

Сегодня мы знаем, что построить коммунизм за двадцать лет не получилось. Вместо него в Москве провели XXII летние Олимпийские игры, на которых Советский Союз очень старательно изображал из себя державу западного типа. Однако обмануть кого-либо эти потуги больше не могли: кремлевские вожди утратили видение будущего и стратегическую инициативу, что привело в конечном итоге к разрастанию политико-экономического кризиса и краху государственности.

Глава тридцать пятая *Космическая инициатива*

Слетав в космос и получив всемирное признание, Юрий Алексеевич Гагарин оказался среди элиты и сразу почувствовал все прелести жизни на верхушке советской социальной пирамиды. Населению еще только обещали построить коммунизм через двадцать лет, а партийные вожди по факту обрели его, с довоенных времен выйдя за рамки традиционных экономических отношений.

Сохранилась масса документов, ныне рассекреченных, о том, какие подарки и привилегии доставались космонавтам от властей в процессе подготовки к полету и после его осуществления. Некоторые из этих документов ошеломляют, но не потому, что возникает чувство доброй зависти или, скажем, гордости за советское государство, — скорее, наоборот, они служат свидетельством эпохи, когда гражданин зависел от системы даже в бытовых мелочах.

Просмотр документов начнем с «Положения о космонавтах Союза ССР», утвержденного 3 августа 1960 года Постановлением Совета министров СССР № 866–361сс:

«1. Отряд космонавтов формируется из числа граждан Советского Союза, изъявивших добровольное желание участвовать в космических полетах. <...>

6. Космонавты со дня приказа Главнокомандующего Военно-Воздушными Силами Министерства обороны СССР о зачислении в отряд проходят военную службу в Центре на следующих штатных должностях:

слушатель-космонавт,
космонавт,
инструктор-космонавт,
старший инструктор-космонавт.

По окончании курса обучения в Центре, сдачи установленных экзаменов и испытаний слушатели-космонавты назначаются на штатные должности „космонавт“.

Космонавтам, совершившим первый космический полет, присваивается звание „Космонавт 3 класса“, совершившим второй полет — „Космонавт 2 класса“, совершившим третий полет — „Космонавт 1 класса“.

На должность „инструктор-космонавт“ и „старший инструктор-космонавт“ могут назначаться только космонавты, имеющие класс. <...>

10. Слушатели-космонавты и космонавты, назначенные на штатные должности, зачисляются на все виды довольствия по нормам летного состава реактивной авиации.

12. Должностные оклады выплачиваются космонавтам в следующем размере (в месяц):

— слушатель-космонавт — 3000 рублей,
— космонавт — 3500 рублей,
— инструктор-космонавт — 4000 рублей,
— старший инструктор-космонавт — 4500 рублей.

Кроме того, космонавтам, имеющим класс, ежемесячно выплачивается дополнительно:

космонавтам 3 класса — 10 %, космонавтам 2 класса — 15 %, космонавтам 1 класса — 20 % к окладу по должности. <...>

14. За каждый выполненный полет в космическое пространство на ракетном летательном аппарате космонавтам выплачивается единовременное денежное вознаграждение в размере от 50 до 150 тысяч рублей. Конкретная сумма вознаграждения за каждый совершенный

полет устанавливается решением Совета Министров СССР по представлению Межведомственного научно-технического совета по космическим исследованиям при Академии наук СССР и Министерства обороны СССР.

В случае гибели космонавта при выполнении космического полета указанное вознаграждение выплачивается его законным наследникам. <...>

16. При исчислении выслуги лет на пенсию один месяц службы в переносном составе слушателей-космонавтов засчитывается за два месяца, а один месяц службы на остальных должностях космонавтов — за 3 месяца.

Назначение пенсии за выслугу лет космонавтам и космонавтам-инструкторам производится независимо от возраста увольняемых.

17. Назначение пенсии, выплата единовременного пособия космонавтам и космонавтам-инструкторам, а также их семьям производится в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 27 июля 1959 г. № 876 (о пенсиях военнослужащим Советской Армии).

При этом размер пенсии и единовременного пособия космонавтам и космонавтам-инструкторам определяется с увеличением на 20 процентов от размера, предусмотренного для генералов и адмиралов Советской Армии и Военно-Морского Флота. <...>

18. Космонавтам всех категорий по месту службы предоставляются отдельные квартиры.

19. Семья погибшего космонавта сохраняет право на жилплощадь, если она не находится в закрытом гарнизоне. В последнем случае, по ходатайству Министра обороны СССР, семье космонавта по ее выбору республиканскими органами предоставляется в 6-месячный срок жилая площадь в других городах».

На что следует обратить внимание в этом документе? Прежде всего на величину окладов. Даже космонавт-слушатель (то есть еще не сдавший экзамены по специальности) получал минимум 3000 рублей — 300 рублей после деноминации 1961 года. При этом средняя заработная плата по стране составляла 81 рубль, а средняя пенсия — 47 рублей. Научно-исследовательский институт труда в середине 1960-х годов установил, что более или менее нормальный уровень потребления советский гражданин мог себе позволить при ежемесячном доходе на одного члена семьи не ниже 150 рублей (при критическом минимуме от 50 до 55 рублей на человека в зависимости от региона), то есть молодая семья с одним ребенком, чтобы счи-

таться «богатой», должна была зарабатывать 450–500 рублей. Однако в реальности, согласно статистическим данным за 1965 год, лишь 4 % семей в Советском Союзе имели доход выше 100 рублей на человека; остальные фактически выживали от зарплаты до зарплаты, что осложнялось еще и ростом потребительских цен (с 1961 по 1966 годы цены на группы основных товаров выросли в среднем в 1,6 раза). Получается, что любой летчик, вне зависимости от его квалификации и образования, попав в отряд космонавтов на должность слушателя, сразу же выводил свою семью на очень приличный уровень доходов, сопоставимый с уровнем семьи ведущего инженера или врача высшей категории. При этом за ним оставалось вещевое довольствие, бесплатное питание в части, бесплатный проезд и многое другое. Рабочий стаж рассчитывался по принципу год за два, далее — за три; в будущем начислялась генеральская пенсия с повышающим коэффициентом. Его семья получала квартиру, причем жилплощадь оставалась за членами семьи даже в случае гибели космонавта.

Но и это еще не всё! После полета Юрий Гагарин получил однократную премию в размере 15 000 денонмированных рублей (заработок квалифицированного рабочего за восемь лет!), а его ежемесячный оклад с учетом всех надбавок, по утверждению Каманина, возрастал до 640 рублей (уровень зарплаты профессора или главного конструктора). Казалось бы, что ещё нужно? Однако в архивах мы находим другой примечательный документ:

*«Распоряжение Совета Министров СССР о подарках Ю. А. Гагарину
№ 1037рс*

18 апреля 1961 г.

СЕКРЕТНО

1. Признать необходимым подарить от имени Правительства СССР первому летчику-космонавту СССР майору Гагарину Ю. А. и членам его семьи автомашину „Волга“, жилой дом, мебель и экипировку согласно приложению.

Отнести связанные с этим расходы за счет резервного фонда Совета Министров СССР.

2. Обязать Министерство обороны СССР (т. Малиновского) выделить майору Гагарину Ю. А. четырехкомнатную квартиру по месту службы.

*Председатель Совета Министров Союза ССР
Н. Хрущёв».*

А вот как выглядело приложение:

*«Приложение
к распоряжению Совета Министров СССР
от 18 апреля 1961 г. № 1037рс*

1. Меблировка спальни, столовой, детской, кабинета, кухни
2. Автомашина „Волга“
3. Телевизор „Рубин“
4. Радиола „Люкс“
5. Стиральная машина
6. Холодильник
7. Пылесос
8. Ковровые дорожки
9. Пианино
10. Постельное белье — 6 комплектов
11. Одеяла — 2 штуки

Для родителей т. Гагарина Ю. А.

1. Сборный дом из трех комнат
 2. Телевизор
 3. Радиоприемник
 4. Мебель на три комнаты
- Экипировка для Юрия Алексеевича Гагарина*
1. Пальто демисезонное
 2. Пальто легкое летнее
 3. Плащ
 4. Костюм — 2 (светлый и темный)
 5. Обувь — 2 пары (черные и светлые)
 6. Рубашки белые — 6 штук
 7. Шляпа — 2
 8. Носки — 6 пар
 9. Белье нижнее шелковое — 6 пар
 10. Трусы, майки — 6 пар
 11. Платки носовые — 12 штук
 12. Галстуки — 6 шт.
 13. Перчатки — 1 пара
 14. Электробритва — 1
 15. Два комплекта военного обмундирования
(парадное и повседневное)
 16. Чемоданы — 2

Экипировка для жены

1. Пальто демисезонное
2. Пальто летнее
3. Плащ
4. Платья — 3
5. Черный костюм
6. Шляпы — 2
7. Гарнитур — 6
8. Чулки — 6 пар
9. Туфли — 3 пары
10. Сумки дамские — 2
11. Перчатки — 2 пары
12. Косынки — 2 (шерстяная и шелковая)
13. Блузки — 2 шт.
14. Кофта шерстяная — 1 шт.

Экипировка для детей

1. Кровать детская
2. Детская коляска
3. Платья шерстяные — 4
4. Пальто — 2 (зимнее и летнее)
5. Шапочки — 2 (зимняя и летняя)
6. Обувь — 4 пары
7. Белье — 6 пар
8. Куклы, игрушки
9. Детское приданое».

Спрашивается: зачем космонавту с премией в размере стоимости трех «Волг» (ГАЗ-21) и профессорской зарплатой понадобилось выписывать еще и комплект вещей — от телевизора со стиральной машиной до трусов с носками? Объяснение, видимо, состоит в том, что зарабатывать хорошие деньги тогда было недостаточно. Страна бедствовала, и по-настоящему качественные вещи оставались в дефиците: их можно было получить, либо отстояв в очереди, либо сведя знакомство с представителями торговли, то есть пройдя череду унижений. Летавший космонавт не должен был унижаться перед какими-то завсклада, поэтому сразу получал доступ к правительственным «распределителям». И не нужно думать, будто бы подобный список составлялся только для Гагарина, — все космонавты первого отряда получали вещевой подарочный набор.

Разумеется, нет смысла осуждать советское правительство за щедрость по отношению к космонавтам, тем более к самым первым, но следует помнить, что в стране хватало опасных профессий: военные летчики, подводники, испытатели ракетной техники, шахтеры, промышленные альпинисты, полярники — все они, конечно, получали надбавки за «вредность», но никто и не думал снабжать их квартирами вне очереди, вещами по списку и огромными премиями. Возникал момент социальной несправедливости, факт которого скрывался от общественности за грифом секретности, но который доходил до народа в виде слухов, вольно или невольно распространяемых работниками отрасли. При этом на уровне официальной пропаганды всячески декларировалось, в том числе и самими космонавтами, что они в отличие от американских астронавтов летают на орбиту не ради денег, жизненных благ или славы, а ради идеи внеземной экспансии, научных исследований и социалистического патриотизма. То есть здесь создавалась почва для двоемыслия, способного разьесть любые морально-нравственные императивы.

Мы подошли к очень важному моменту в разговоре о Гагарине. Отказаться от подарков и привилегий он не мог, даже если бы очень захотел. Больше того, «эффект Гагарина» состоял еще и в том, что исполнить любое пожелание или требование первого космонавта считалось за честь. И вот тут возникала ситуация выбора, имеющего отношение и к морали, и к нравственности, и к справедливости: Гагарин имел все возможности для того, чтобы принять даваемое ему как должное и почивать на лаврах, однако предпочел тяжелый труд и активную общественную деятельность, словно и впрямь верил, что блага и слава даны ему авансом, что их еще предстоит отработать — не только на Земле, но и в космосе. Вся дальнейшая жизнь Гагарина свидетельствует: он был абсолютно искренен в своем желании быть полезным народу, приближая мир, описанный в «Туманности Андромеды» и обещанный на XXII съезде КПСС.

Когда рана на голове более или менее зажила, Юрий Алексеевич вместе с женой вновь отправился в заграничное турне. Перед тем, правда, Гагарин попросил, чтобы партийная организация Центра подготовки космонавтов вынесла решение по поводу произошедшего инцидента. Обратимся к воспоминаниям генерал-лейтенанта Николая Петровича Каманина:

«14 ноября [1961 года].

Сегодня более четырех часов занимался с космонавтами. Присутствовали все, кроме Быковского и Беляева. Первые два часа в партийном порядке разбирали персональные дела Гагарина и Титова. У командования ВВС не было намерений заниматься разбором поведения Гагарина и Титова на курорте в Крыму, а последнего — еще и в Москве, и в Румынии. Поводом для обсуждения явилось заявление Гагарина в партийную организацию ЦПК с просьбой рассмотреть его поведение на курорте и принять соответствующие решения. Выступившие Гагарин и Титов, в основном, правильно доложили о своем поведении на курорте. Признали случаи злоупотребления спиртным, легкомысленного отношения к женщинам и другие проступки. Юра достоверно изложил обстоятельства своего ранения, но, по-видимому, забываясь о спокойствии Вали, утверждал, что, заходя в комнату, из которой выпрыгнул, он не знал, что там находится медсестра Аня и что он только хотел подиутить над женой, спрятавшись от нее. Хотя я и убежден, что мотив посещения комнаты был другой, не стал настаивать на своем. Версию Гагарина нельзя считать совсем невероятной, и она в какой-то мере смягчает само происшествие и не будет поводом для раздора в семье. Все космонавты выступили примерно в таком духе: „Гагарин и Титов вели себя легкомысленно; они забыли, кем они теперь стали, и не имели права делать подобные глупости“. Особенно досталось Титову. Говорили, что он зазнается, отрывается от коллектива, не доложил о поездках за границу и о работе 22-го съезда и т. д. Гагарин и Титов (последний в меньшей мере) признали критику товарищей справедливой и обещали не допускать подобных ошибок и глупостей в будущем».

Кстати, в тот же день, словно в утешение, Гагарину вручили медаль Международной аэронавтической федерации за установленные им рекорды.

Через две недели, 28 ноября, «Ил-18» с «гагаринской» делегацией вылетел из Внуково в Индию с двухчасовой посадкой в Ташкенте. 29 ноября на аэродроме Палам, вблизи от Дели, космонавта и его сопровождающих встречали Индира Ганди (в то время она еще не была премьер-министром, но представляла его), министры, послы, члены парламента и корреспонденты. С аэродрома все направились во дворец к индийскому политическому лидеру Джавахарлалу Неру. После представления ему состоялась пресс-конференция, далее бы-

ли выступления по индийскому радио и телевидению. На следующий день — поездка в планерный клуб при аэропорте Сафдар-Джанг, посещение президента Раджендра Прасада, митинги в Делийском университете и на площади Рамлила-Граунд, вечером — прием в советском посольстве. Вроде бы всё как обычно, однако Каманин записал в дневнике: *«Пресса, радио и телевидение освещают визит Гагарина хорошо, но по сравнению с Англией массовость встреч и реакция прессы — неизмеримо меньше»*. Почему? Может быть, плохо подготовили визит? Но возможен и другой вариант: «советский момент» подходил к концу, в космос летали не только советские граждане, но и американские, помимо Гагарина появился еще и Титов, поэтому в Дели не было той остроты восприятия наступления будущего, которая чувствовалась весной, что и привело к снижению интереса.

Из Дели делегация направилась в Лакнау, затем — в Бомбей и Калькутту. Если в двух первых городах Юрий Гагарин, выступая, в основном рассказывал о XXII съезде КПСС и принятой программе построения коммунизма в отдельно взятой стране, то в Бомбее ему посоветовали больше внимания уделять вопросам освоения космоса, поскольку политические дела, похоже, не вызывают интереса у индийцев. И тут Гагарин, конечно, оседлал своего «любимого конька». Как и раньше, он строил свое выступление таким образом, чтобы слушатели ощутили свою причастность к взлетающей экспансии: *«Мне бы хотелось принять участие в полете на космическом корабле с группой молодых космонавтов разных национальностей — русскими, индийцами, американцами... Это был бы мирный научный космический корабль. Давайте будем все вместе стремиться к тому, чтобы эта мечта осуществилась. Ведь не является ли наша Земля таким космическим кораблем, который несется в просторах Вселенной? Этот корабль принадлежит всем нам, всем народам, и его команда должна жить в мире и дружбе...»*

По уровню приема наиболее отличилась Калькутта. Генерал-лейтенант Каманин записал в дневнике:

«4 декабря [1961 года]. <...>

В 15:00 поехали на митинг, который собрал более 80 тысяч человек. На всех улицах, по которым мы проезжали, было очень много людей: на тротуарах, в окнах, на балконах, крышах и деревьях. Всего за первые шесть часов пребывания в Калькутте Гагарина видели и приветство-

вали более миллиона человек. В Калькутте народ приветствовал Гагарина так же горячо, как его приветствовали Англия и Куба. <...>

У дворца, на улицах и в районе клуба продолжает стоять народ. Люди по собственной инициативе часами стоят, чтобы на минуту увидеть лицо, улыбку, жест первого гражданина Вселенной. Наблюдая миллионные толпы людей, так горячо приветствующих Гагарина, я часто вспоминал свои юношеские впечатления от одной лубочной картинки, изображающей встречу Иисуса Христа с народом. Запомнился светлый лик Божества в центре и полтора-два десятка удивленных и вопрошающих лиц на заднем плане. Да, неважно встречали сына Бога на Земле. Фантазия людей тех далеких времен не шла дальше чуда с пятью хлебами и пятью тысячами голодных, накормленных Христом этими самыми хлебами. А вот наш Гагарин одним своим появлением утоляет жажду многотысячных иноплеменных толп, и это всеми воспринимается как что-то вполне естественное. Пройдут века, человечество прочно обживет околосоляное пространство, и на всех планетах, где будет человек, никогда не забудется имя Юрия Гагарина — первооткрывателя космоса и первого гражданина Вселенной. <...> Помнится, 11 апреля 1961 года я записал в своем дневнике: „Завтра Гагарин будет всемирно известным человеком“. Но и я не предвидел тогда всего величия свершившегося. Да, что говорить, не предвидел — даже сейчас, через восемь месяцев после „утра космической эры“ очень многие даже у нас в стране не осознают всего величия свершенного открытия».

В связи с Калькуттой интересно и свидетельство спецкора «Правды» Николая Николаевича Денисова (цитирую по книге «Хорошо, хорошо, Гагарин!», 1963):

«В советском консульстве состоялась пресс-конференция, на которую собралось несколько сотен индийских журналистов. Среди многочисленных вопросов, касавшихся полетов „Востока“ и „Востока-2“, был и такой:

— Мистер Гагарин, — поинтересовался один из журналистов, — во время Сталина ваш полет был бы так же высоко оценен, как и теперь?

Цель вопроса была совершенно ясна — попытаться услышать от советского космонавта какие-то слова относительно разоблаченного в нашей стране культа личности Сталина, которые потом можно было бы трактовать как кому заблагорассудится. Однако Юрий Алексеевич не стал много говорить на эту тему, достаточно ясную каждому советскому человеку.

— В нашей стране, — сказал он, — результаты, достигнутые в любой области производства, в любой области науки, техники, культуры, как тому учил Владимир Ильич Ленин, оцениваются не кем-либо одним, а коллективно. Советский народ — вот кто главный и основной ценитель всех достижений, которые прославляют доброе имя нашей Родины».

Как видите, Гагарин избегал рассуждать о Сталине публично, предпочитая отделяться клише о советском народе как источнике всего и вся в СССР. Что касается отношения вождя к достижениям, то оно хорошо известно: конечно, Сталин не только одобрил бы полет космонавта, но и сделал бы для его популяризации не меньше, чем Хрущёв. Другой вопрос — состоялся бы такой полет при Сталине раньше, чем в США? Но на него мы никогда не сможем ответить точно.

Из Калькутты делегация отправилась в Хайдарабад, богатейший город юга Индии. Здесь прием был менее жарким, но программа встреч тоже отличалась насыщенностью. И впервые Гагарин запросил пощады: график оказался слишком изнуряющим для него и жены. Впрочем, у космонавта хватило сил посетить знаменитую Голконду — укрепленную сокровищницу, построенную еще в XIII веке поблизости от алмазных копей.

7 декабря вояж продолжился на острове Цейлон (Шри-Ланка). Из-за проливного дождя программа первого дня была скомкана, но местные жители всё равно приветствовали космонавта на пути от аэродрома Ратмалана до Коломбо. Вечером состоялся прием у Сиримаво Бандаранаике, известной тем, что она стала первой в истории мира женщиной, которая занимала пост премьер-министра.

8 декабря успешно завершилась пятисоткилометровая изнуряющая поездка по окрестностям. 9 декабря Гагарин выступил в университете Видьяланкара и посетил город Канди, расположенный в центре Цейлона. 10 декабря на легкомоторных самолетах делегация добралась до северных провинций острова, где состоялись митинги в городах Анурадхапура и Джафна. Везде Гагарина ожидал пышный прием, однако Каманин сделал в дневнике запись, выдающую и некоторое разочарование: *«Встречи на Цейлоне были самые теплые, но генерал-губернатор, а под его влиянием и Бандаранаике, так же как и в Индии, принимали меры, чтобы сдержать проявления чувств простых людей к Гагарину и СССР. Пресса и радио очень ши-*

роко освещали наш визит, но в воскресенье газеты почти молчали о Гагарине, а сегодня поместили его снимок с американским послом и написали, что он не захотел поехать в ряд пунктов, хотя там его ждали многотысячные толпы народа и были затрачены деньги на проведение встреч. Вина этих срывов ложится не на Гагарина, а в первую очередь на генерал-губернатора Цейлона, которому мы неоднократно доказывали, что программа перегружена и будет срываться, если ее не сократить. Из-за непонятного упрямства программу не сокращали, и она неоднократно срывалась, а вину сваливали на Гагарина».

11 декабря состоялась завершающая пресс-конференция в Коломбо, на которой Гагарин заявил: *«Придет время, и кто-нибудь из молодых цейлонцев, сменив саронг на космический скафандр, в одном экипаже с советскими космонавтами полетит в просторы Вселенной...»*

На следующий день, 12 декабря, делегация отправилась из Коломбо в Королевство Афганистан с промежуточной посадкой в Дели. В аэропорту Кабула их встречали министр просвещения Али Ахмед Пополо и генерал-лейтенант Резак Хан — командующий ВВС и старый приятель Каманина. Жители столицы вышли приветствовать гостей, причем Каманин с удовольствием отметил, что страна становится всё более современной: многие женщины ходят без паранджи, молодежь хорошо одета и держится свободно, много новых домов и дорог.

13 декабря делегация придерживалась плотного графика: возложение венка на гробницу основателя династии Надир Шаха, визит к министру Пополо, городской митинг, торжественный обед, прием у премьер-министра Мухаммеда Азиз Дауда, аудиенция у короля Мухаммеда Захир Шаха. Обращаясь к космонавту, король сказал: *«Мы очень рады приветствовать вас, господин Гагарин, в нашей стране. Народ Афганистана приветствует вас как человека, совершившего небывалый подвиг, и как посланца дружественного нам Советского Союза. Наша страна очень бедная, мы отстали в своем развитии. К этому было много причин, и главная из них в том, что мы 150 лет находились под властью англичан. Но афганцы всё время боролись за независимость, и в этой борьбе нам оказал неоценимую помощь Советский Союз. И теперь отношения между СССР и Афганистаном самые дружественные. Более трех тысяч советских специалистов помогают нам строить новый Афганистан. Они работают в очень*

трудных условиях в районе Джелалабада, Герата и в горах Гиндукуша. Условия жизни и работы для них тяжелые, но всегда, когда я их спрашивал: „Как живете, как работаете?“ — они отвечали: „Хорошо“. Да, советские люди умеют преодолевать трудности. Ваш первый космический полет — самое яркое тому подтверждение. Обстановка сейчас сложная, империалисты оказывают на нас чувствительный нажим, но мы верим и в силы нашего народа, и в наших друзей. Передайте привет советскому народу и советскому правительству, мы очень благодарны за помощь, которая оказывается нам. Большое спасибо за визит в нашу страну».

14 декабря Гагарин выступил с лекцией в военной академии, затем посетил Кабульский исторический музей и водохранилище в районе Карги, созданное советскими специалистами, а вечером провел завершающую пресс-конференцию.

Ближе к ночи в посольство пришла телеграмма с требованием провести ряд выступлений в Ташкенте: первый секретарь ЦК КП Узбекской ССР Шараф Рашидович Рашидов добился от Москвы решения на суточную остановку Гагарина в столице республики. Хотя Гагарин и сопровождающие очень устали, пришлось согласиться с решением партийного руководства.

15 декабря «Ил-18» с делегацией приземлился в Ташкенте, после чего путешественников повезли на дачу Рашидова, где состоялся торжественный обед. Затем Гагарин выступил в Театре Алишера Навои перед элитой города и республики. Задерживаться на ночь не стали, а после ужина сразу вылетели в Москву.

По итогам генерал-лейтенант Каманин сделал примечательную запись:

«Физически Юра здоров и ни на что не жалуется, но его очень нервируют дополнения и изменения в программах встреч. Его тяготят выступления, а встречи без выступлений и, особенно, встречи за столом ему нравятся и иногда он сам их затягивает. Даже после происшествия в Крыму он не отказался совсем от выпивок. За полмесяца он выпивал всего 2–3 раза, и то по 1–2 рюмки. Но неприятно то, что пьет он с видимым удовольствием и в соответствующей обстановке легко может „набраться лишнего“. Я не хотел бы быть пророком, но мне кажется, что со временем он будет пить, и пить крепко. Сейчас он в зените славы, всё время на виду, постоянно несет большую моральную и физическую нагрузку, чувствуя, что за каждым его шагом

наблюдают. Пройдет еще 1–2 года, обстановка значительно изменится, и тогда у него появятся нотки неудовлетворенности».

Опасения Каманина понятны, ведь Гагарин всё еще представлялся ему старшим лейтенантом, только что из Заполярья, а выходы в Крыму не настраивали на оптимистичный лад. Но, к счастью, генерал-лейтенант ошибся: пилотируемая космонавтика стала для Юрия Алексеевича главным занятием на всю жизнь, у него просто не оставалось времени и желания на то, чтобы «пить крепко», ведь он очень хотел слетать на Луну.

В 1962 году заграничные визиты Гагарина продолжились. 29 января он в сопровождении делегации вылетел в Объединенную Арабскую Республику (ОАР), в состав которой входили Египет и Сирия. Прибыв в Каир, космонавт привычно оказался в центре всеобщего внимания, хотя здесь в отличие от других стран сопровождение осуществляли вооруженные силы, что накладывало отпечаток на режим встреч. Например, первый торжественный ужин состоялся в офицерском клубе Замалика, где Гагарина приветствовал маршал авиации Мохаммед Махмуд Сидки, главком египетских ВВС. На следующий день в городе Бильбейс состоялся авиационный парад, который завершился пролетом группы истребителей, написавшей в голубом небе инициалы космонавта: «ЮГ». Затем состоялся митинг в Порт-Саиде — городе, подвергнувшемся разрушению во время Суэцкой войны 1956 года. После прогулки по Суэцкому каналу делегация вернулась в Каир, где Гагарин прочитал лекцию в университете, дал интервью телевизионному каналу и успел насладиться выступлением ансамбля национального танца «Ред» в Народном театре.

31 января Гагарин совершил поездку по столице Египта, поднялся на 180-метровую каирскую башню и, разумеется, несколько часов провел в районе пирамиды Хеопса. Вечером состоялся правительственный прием в честь первого космонавта. Президент Египта Гамаль Абдель Насер вручил Юрию Алексеевичу высшую награду страны — Орден Нила, после чего провозгласил здравицу в адрес советского народа и высокого гостя.

1 февраля Гагарин с утра посетил Хелуанскую текстильную фабрику, осмотрел ее цеха, беседовал с рабочими. Во второй половине дня на городском стадионе состоялся митинг и спортивный праздник в честь открытия фестиваля арабской молодежи. Затем пришлось отправиться на прием, который устраивал в честь Гагарина

губернатор Салах Дасухи. Выступив с приветственной речью, губернатор в качестве символа дружбы вручил гостю большой золотой ключ от столицы.

В ответном слове космонавт сказал:

«После полета „Востока“ во время митинга на Красной площади Никита Сергеевич Хрущёв говорил, что „каждый советский человек воспитан в духе социалистического патриотизма и вместе с тем он щедро готов делиться своим научным богатством, своими техническими и культурными знаниями со всеми, кто готов жить с нами в мире и дружбе“, Объединенная Арабская Республика — четырнадцатая страна, в которой мне довелось побывать после космического рейса. В ряде стран побывал и мой товарищ космонавт — два Герман Титов. Всюду мы с готовностью рассказываем о путях, приведших нас в космос, о той творческой работе советских ученых, конструкторов, инженеров и рабочих, которая сделала возможным проникновение человека в просторы Вселенной. И мне радостно, что с такими рассказами я смог выступить здесь, на берегах Нила, перед народом, издавна обладающим богатейшей культурой».

К сожалению, Юрий Алексеевич лукавил: его выступления были энергичны, порой оригинальны, но малосодержательны, ведь он, будучи офицером, не мог разглашать секретную информацию, а под гриф «совершенно секретно», как мы помним, попали все данные по ракете и кораблю, подробности о проблемах полета, составе отряда космонавтов, имена главных конструкторов и многое другое. Гагарин не мог даже рассказать о реальных перспективах советской ракетно-космической программы, ведь все будущие проекты были так или иначе связаны с военным делом. Чем он мог «щедро поделиться», кроме рассуждений на самые общие темы? .

2 февраля делегация отправилась в путешествие по Египту, Гагарин посетил строительство высотной Асуанской плотины, побывал в городах Луксор и Александрия, где ему тоже вручили золотые ключи от города.

4 февраля космонавт вернулся в Каир и провел завершающую пресс-конференцию. Интересный исторический факт: на ней Гагарину сообщили, что гжатские земляки выдвинули его кандидатом для избрания в депутаты Верховного Совета СССР. Тем же вечером состоялась встреча с каирской интеллигенцией в помещении Советского культурного центра. На нем выступали местные научные ра-

ботники и деятели искусства. Арабский поэт Абд ар-Рахман аль-Хамиси прочитал свою поэму «Гагарин в моей деревне», сочиненную 12 апреля 1961 года, и подарил космонавту оригинал текста, написанного на папирусе: *«В моей деревне спросили: Гагарин такой же, как мы все? Да, он такой же, как все люди, — с двумя руками, с двумя ногами и хорошей улыбкой на открытом русском лице. Он такой же, как мы, но только храбрости у него хватает на два мира — на нашу Землю и на всю Вселенную».*

5 февраля Гагарин простился с Каиром. Покидая город, он посетил дворец Эль-Кобба и сделал запись в книге почетных гостей: *«Уезжая из гостеприимной Объединенной Арабской Республики, я приношу искреннюю благодарность президенту Гамаль Абдель Насеру, правительству и народу ОАР за оказанный мне дружественный прием».*

В тот же день космонавт с делегацией вылетел в Республику Гану — небольшое государство на западном побережье Африки, в 1957 году объявившее о своей независимости от европейских колонизаторов. По пути «Ил-18» совершил посадку для дозаправки на аэродроме Идрис в Триполи, столице Республики Ливия. Здесь Гагарина встречали видные представители правительства и передали ему официальное приглашение погостить у них на обратном пути. К вечеру делегация прибыла в Аккру — столицу Ганы. На аэродроме Гагарина приветствовали местные пионеры, затем кортеж автомобилей направился в центр города, где космонавта встречали ликующие горожане и президент Кваме Нкрума, устроивший торжественный прием.

На следующее утро, 6 февраля, «гагаринская» делегация прибыла в Республику Либерию. Президента Уильяма Табмена, пригласившего космонавта в гости, в эти дни не оказалось в стране. Впрочем, его отсутствие не помешало торжествам: государственный секретарь Рудольф Граймс вручил Гагарину почетный орден — «Африканскую Звезду» на большой голубой ленте. Затем в течение нескольких дней делегация путешествовала по Либерии, которая до того оставалась «белым пятном» для советских граждан: космонавт посетил пригороды столичной Монровии, горнорудные предприятия города-порта Буханоно, территорию племени Кпелле с каучуковыми плантациями. По поводу последнего визита Николай Николаевич Денисов писал:

«Племя избрало советского космонавта своим почетным вождем. Юрию Алексеевичу вручили копье и сшитую по его росту мантию в виде просторного халата из легкой, в широкую полосу материи. <...>

Тут в Гбарнзбе, диковатом крае, заселенном туземными племенами, еще раз пришлось убедиться, что вести о замечательных успехах советского народа в освоении космоса живо интересуют самых различных людей. Когда торжества в честь приезда Гагарина немного поутихли, на добрый час им завладел восьмидесятилетний седой Басси Памба — старейший вождь племени Кпелле. Он потребовал от Юрия Алексеевича обстоятельного рассказа о полете в космос, об устройстве „Востока“. Беседа эта, в которой Гагарин старался как можно популярнее объяснить старику-негру, что такое орбита, как ракета выводит на нее космический корабль, как возникает состояние невесомости, в чем именно заключаются трудности космического полета, шла на трех языках — русском, английском и том из двадцати восьми негритянских наречий, существующих в Либерии, на котором говорит племя Кпелле.

Мы внимательно следили за ходом этой беседы. Когда Басси Памбе было что-либо непонятно, он сразу перебивал переводчиков и задавал вопросы. Их содержание показывало, что старик старается поглубже проникнуть в суть дела, хочет как следует уяснить безусловно сложный для него вопрос. Бывшие с нами работники Монровийской радиостудии записали эту беседу на магнитофонную ленту, с тем чтобы потом перевести ее еще на несколько наречий и организовать радиопередачи для других племен».

Как видите, Гагарин участвовал в пропаганде не только советских достижений, но и занимался просветительской деятельностью в широком смысле, приобщая племена Либерии к современным научным представлениям. Впрочем, мы не можем судить, насколько адекватно его там понимали.

11 февраля из Либерии делегация отправилась в Грецию. По дороге, как и обещали, на день задержались в Триполи: посетили город и встретились с представителями правительства. 12 февраля космонавта приветствовали жители Афин — столицы Греческой Республики. Сразу по прибытии Гагарин совершил поездку по городу, осмотрел Акрополь и пообщался с активистами Общества греко-советской дружбы, среди которых выделялся поэт Костас Варналис — лауреат Ленинской премии за укрепление мира между народами.

Отношения между СССР и Грецией в то время были натянутыми, поэтому визит, несмотря на планы Общества, получился коротким и проходил в пределах столицы. 13 февраля Гагарин повидался с об-

щественными деятелями, а мэр города Цукалх наградил космонавта золотой медалью и объявил его почетным гражданином Афин.

14 февраля делегация вылетела на остров Кипр, который совсем недавно получил независимость как республика, но еще не вступил в период кровопролитной войны между общинами. Гагарин провел там два дня, но, как свидетельствуют источники, был слишком утомлен предшествующим путешествием, поэтому принял участие только в правительственных мероприятиях: 15 февраля президент Макариос III (архиепископ Макарий, Михаил Христодулу Мускос) устроил торжественный завтрак; в первой половине дня состоялось выступление космонавта на городском стадионе Никосии, во второй — он приехал на митинг в Фамагусту, где остановился до утра. 16 февраля на торжественном заседании в мэрии Юрия Алексеевича избрали почетным гражданином Фамагусты и вручили ему символические ключи от города. Перед отправлением космонавт также успел заехать в город Ларнаки. Вечером «Ил-18» с «гагаринской» делегацией вылетел в Советский Союз.

Очередной период поездок завершился. К сожалению, Каманин оставался в Москве, поэтому подробностей о бытовой стороне нового вояжа не сохранилось. Но даже косвенных свидетельств хватает, чтобы сделать вывод: первый космонавт опять был выжат до предела и не мог сразу вернуться к текущей работе в ЦПК.

Генерал-лейтенанта Каманина беспокоила ситуация, в своем дневнике он записал: *«Складывается опасное положение: мы занимаемся речами, а американцы — космическими полетами. Нам надо идти вперед, не переоценивая наших результатов и не умаляя усилий наших соперников».*

Безусловно, поездки Гагарина были важны для популяризации космических достижений СССР и самой идеи внеземной экспансии. Кроме того, они способствовали росту опыта Юрия Алексеевича, который на ходу учился дипломатическому этикету и нахождению общего языка с чиновниками правительств любых стран. Однако чем дальше, тем больше значимость поездок падала. На тему космонавтики Гагарин и Титов повторяли фактически одно и то же, а политические последствия XXII съезда мало кого волновали за пределами СССР.

Вернуть космическую инициативу могли только новые триумфальные запуски, но программа полетов космических кораблей постоянно

менялась, утвержденные графики сдвигались, начались межведомственные интриги. В этой непростой обстановке Сергею Королёву удалось добиться проведения уникального полета, который опять показал превосходство ОКБ-1 над американскими конкурентами.

Глава тридцать шестая

Небесные братья

В статье «Проблема овладения космическим пространством», напечатанной 14 октября 1961 года, главный конструктор Сергей Павлович Королёв под псевдонимом «проф. К. Сергеев» писал:

«Создание огромных, весом в десятки тонн, межпланетных кораблей с экипажем, состоящим из нескольких человек, позволит впервые осуществить длительные, порядка двух-трех лет, космические полеты к ближним мирам нашей Солнечной системы. А далее, в перспективе, — возможность проникновения в глубины Вселенной, что позволит получить новые научные данные и сведения о планетах, Солнце, звездах и туманностях безбрежного космического пространства...»

Но как доставить в космос корабль «весом в десятки тонн»? На возможное решение указывали еще основоположники теоретической космонавтики: тяжелый межпланетный комплекс можно собирать на «опорной» орбите из отдельных блоков. Следовательно, на ближайшем этапе нужно освоить технологию сближения таких блоков и их соединения, то есть стыковки.

Корабли-спутники «Восток», как мы помним, не могли маневрировать. Единственное, на что они были способны, — лететь по заданной ракетой траектории с первой космической скоростью и в нужный момент включить тормозную двигательную установку ТДУ-1, чтобы снизить скорость, сойти с орбиты и приземлиться. И тогда родилась идея сближить корабли в космосе, используя наземные стартовые службы.

Сергей Королёв предложил запустить сразу три корабля «Восток», каждый с интервалом в сутки. Выполнение такой программы стало бы не только выдающимся техническим достижением, но и новым рекордом, который американские конкуренты сумеют побить не скоро. Однако командование ВВС, от которого во многом зависела стратегия советской космонавтики, проявило осторожность и реши-

ло ограничиться групповым полетом двух кораблей. Причем если бы пилот первого корабля после суточного пребывания в космосе испытал недомогание, как случилось с Германом Титовым, его свели бы с орбиты сразу после совместного орбитального витка кораблей. Решение о продлении полета до двух-трех суток должна была принимать Государственная комиссия, состоявшая из главных конструкторов, ученых, представителей промышленности и ВВС.

Такой вариант вызвал дискуссию в верхах, поэтому Королёв придумал организовать в ноябре 1961 года одиночный трехсуточный рейс — таким способом он собирался переубедить скептиков, считавших длительные полеты опасными для здоровья человека; на этот полет был даже назначен Григорий Нелюбов. Но снова вмешались военные: в ноябре должен был состояться запуск беспилотного фоторазведчика «Зенит-2», а старт «Востока-3» перенесли на месяц.

Тут тоже не всё пошло гладко. Затягивалась доработка систем корабля: радиоаппаратуры, парашютов, газоанализатора и скафандра. 11 декабря 1961 года состоялся запуск «Зенита-2», который обернулся аварией из-за отказа третьей ступени ракеты-носителя (блока «Е»). Поскольку точно такая же ракета выводила на орбиту корабли «Восток», требовалось немедленно разобраться в причинах сбоя и устранить возможность его повторения. Старт «Востока-3» перенесли на март 1962 года.

Правда, к февралю «фирма» Королёва подготовила уже два пилотируемых корабля, о чем главный конструктор немедленно доложил руководству. Глава государства Никита Хрущёв с энтузиазмом поддержал его инициативу и распорядился провести групповой полет из двух кораблей «Восток», который, по его мнению, докажет всему миру безнадежное отставание американцев в космонавтике. И действительно — в феврале 1962 года американцы сумели организовать лишь один орбитальный полет, продолжавшийся три витка: его совершил Джон Гленн на корабле «Mercury». Такую космическую «вылазку» нельзя было сравнивать даже с рейсом Германа Титова, а уж с групповым трехсуточным полетом — тем более!

Казалось, решение принято, но командование ВВС продолжало настаивать на своем «укороченном» варианте программы. Начались долгие прения и консультации. Доходило до курьезов. Генерал-лейтенант Николай Каманин, представлявший ВВС, встретился с членами отряда космонавтов и убедил их поддержать идею короткого

двухсуточного полета. Затем с будущими космонавтами встретился Сергей Королёв и убедил их ратовать за трое суток на орбите. Потом снова пришел Каманин, и космонавты «проголосовали» за двое суток.

В конце концов Сергей Королёв распорядился готовить групповой запуск к 5 апреля. Но и этот срок из-за задержек с подготовкой следующего «Зенита-2» не удалось выдержать: 10 апреля полет перенесли на середину мая. Только после того как 26 апреля 1962 года фоторазведчик под обозначением «Космос-4» успешно вышел на орбиту, появилась возможность всерьез приняться за дело. Если бы следующий «Зенит-2» стартовал в запланированный срок, 5 мая, в конце месяца можно было отправлять на орбиту «Востоки». Вместо этого он был запущен лишь 1 июня, причем произошла серьезная катастрофа: один из блоков ракеты оторвался и, взорвавшись, упал на стартовый комплекс, серьезно повредил его. На восстановление комплекса ушло еще два месяца, и групповой полет опять отложили.

Той весной впервые в Советском Союзе отмечался День космонавтики. Хотя предложения по его организации поступали сразу после полета Гагарина, пробить идею на уровне политического руководства страны оказалось не так-то просто. Николай Петрович Каманин записал по этому поводу в дневнике:

«12 апреля [1962 года].

Сегодня мы впервые празднуем День космонавтики. Для того, чтобы состоялся Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении такого праздника, пришлось потрудиться. Более месяца тому назад я убедил [маршала авиации Константина Андреевича] Вершинина и [генерал-полковника авиации Андрея Герасимовича] Рытова в необходимости ходатайства перед ЦК КПСС об организации празднования 12 апреля. В проекте ходатайства я первым пунктом поставил — установление „Дня космонавтики“. При подписании ходатайства [генерал-полковник Павел Иванович] Ефимов (заместитель маршала [Филиппа Ивановича] Голикова [руководителя Главного политического управления Министерства обороны]) убедил Рытова и Вершинина снять это предложение. Тогда я попутно с ходатайством организовал письмо Германа Титова к Хрущёву об установлении праздника... и решение состоялось. В эти предпраздничные дни нас замучили корреспонденты: всем нужен Гагарин! 10 апреля в ЦДСА [Центральный Дом Советской Армии] провели праздничный вечер. После моего вступительного слова на вечере выступили: писатель [Евгений Ива-

нович] Рябчиков, академик [Анатолий Аркадьевич] Благонравов, Гагарин и Титов. В газетах „Правда“, „Известия“, „Красная звезда“ и „Вечерняя Москва“ опубликованы мои статьи. <...>

13 апреля.

Вчера во Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное первой годовщине полета человека в космос. На собрании присутствовали руководители страны во главе с Хрущёвым. Выступили академик Келдыш, рабочий Викторов, Гагарин, Титов и академик Вернов. Выступление Титова сначала не планировалось; уже сидя за столом президиума, Хрущёв предложил ему выступить, и Герман выступил неплохо. В президиуме было много лиц, не имеющих никакого отношения к космосу, а Королёв — один из главных „виновников“ наших космических триумфов — сидел в зале. Мне было обидно за Королёва. Космонавтов, конечно, чувствуют заслуженно, но не меньшего внимания достойны и создатели первых космических кораблей...»

Обидно не только за Королёва, но и за других главных и ведущих конструкторов, создававших ракетно-космическую отрасль. Мало того, что их засекретили и не давали публиковаться под своими фамилиями, так им еще и показывали (сознательно или нет — другой вопрос), что они не нужны на официальных мероприятиях, проводимых ради пропаганды: руководителям страны оказалось достаточно возможности покрасоваться рядом с космонавтами. Можно сказать, что в эти дни, 12 и 13 апреля 1962 года, высокомерно-пренебрежительное отношение партийного руководства к настоящим творцам советской космонавтики достигло своего апогея.

Гагарин и Титов тем временем продолжали «тянуть лямку» публичных фигур. Титов в конце апреля улетел в Нью-Йорк, чтобы на «площадке» Организации Объединенных Наций выступить с докладом о советской космической программе в пику приехавшему туда астронавту Джону Гленну. Визит превратили в настоящее шоу, в рамках которого 3 мая состоялась встреча Титова и Гленна, а вместе они побывали у президента Джона Ф. Кеннеди. В свою очередь, Гагарин побывал с визитами в Австрии (с 10 по 15 мая) и в Японии (с 21 по 27 мая). Потом, после отпуска, проведенного с семьей в Гурзуфе, отправился на два дня (4 и 5 августа) в Финляндию для участия в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Члены отряда космонавтов, имена которых оставались неизвестны широкой публике, продолжали интенсивно тренироваться, раз

за разом повторяя действия, которые им предстояло совершить на орбите и при возвращении на Землю. Увы, отряд понес потери. Григорий Нелюбов и Георгий Шонин были отстранены от подготовки к групповому полету «по состоянию здоровья». Марс Рафиков был отчислен из ЦПК и переведен в обычную авиационную часть за «самоволки» в Москву и многочисленные конфликты с женой, один из которых закончился рукоприкладством. Угроза отчисления нависла и над Иваном Аникеевым, который тоже оказался склонен к незапланированным поездкам в столицу и посещению дорогих ресторанов.

Из тех, кто прошел все необходимые испытания для полета на «Востоке», остались пятеро: Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Борис Волынов и Владимир Комаров — опытные летчики из «гагаринского» набора, давно освоившие специфику новой профессии. Андриян Николаев и Павел Попович числились в лидерах, и для них ожидание старта, который откладывался целый год, было, вероятно, более мучительным, чем для остальных, ведь любая ошибка или внезапная болезнь могли разом поставить крест на мечте о полете к звездам, которая вот-вот могла стать реальностью.

Впрочем, судьба оказалась благосклонна к космонавтам. 28 июля успешно стартовал очередной фоторазведчик «Зенит-2», получивший обозначение «Космос-7», и уже 30 июля Госкомиссия приняла официальное решение запускать «Востоки» 9 и 10 августа. На космодром в сопровождении Германа Титова отправились все пятеро. Там они примерили свои индивидуальные скафандры, подогнали парашюты. Затем каждый космонавт забрался в корабль и под присмотром специалистов провел предстартовую подготовку. 6 августа к ним присоединился Гагарин, только что вернувшийся из Хельсинки.

Генерал-лейтенанта Каманина очень беспокоил предстоящий полет. Он сомневался, что всё пройдет гладко, поэтому предложил систему кодов для обмена информацией с космонавтом о том, что реально происходит на корабле. Обратимся к его дневнику:

«9 августа [1962]. <...>

После обеда я забрал к себе в „Волгу“ Николаева и Поповича и поехал с ними в МИК [монтажно-испытательный корпус]. Сейчас они оба работают для кино, надели скафандры и садятся в пилотское кресло. Я дал задание операторам заснять их отдельно и вместе в скафандрах у кресла. У нас это будет первый кадр с двумя космонавтами в ска-

фандрах у кресла. Перед началом этой работы мы минут двадцать поговорили о предстоящем полете. Я пытался им внушить, что успех полета теперь в их руках. Успешный полет — это выход на орбиту и благополучный спуск, продолжительность полета — не решающий фактор. Очень важно вернуться на Землю не только живым, но и не инвалидом. Трехсуточный полет и неприятность в конце полета — это провал, а суточный или двухсуточный полет и хорошее приземление — это большая победа. Николаев и Попович сказали, что они хорошо меня поняли и полностью согласны с высказанными мной соображениями. Мы договорились, что кроме кодированных сообщений о своем самочувствии они будут в открытой передаче употреблять только две оценки: „самочувствие отличное“ — это значит, что всё идет нормально, никаких заметных неприятностей нет и полет можно продолжать. „Самочувствие хорошее“ — это значит, что работоспособность и состояние космонавта понижены и потребуются досрочная посадка. В случае необходимости досрочной посадки космонавт передает: „Буря“, „Квадрат“ и, возможно, номер витка, на котором будет садиться».

«Восток-3» («ЗКА» № 5) был запущен 11 августа 1962 года в 11:30 по московскому времени и вышел на орбиту, близкую к расчетной (в перигее — 183 км, в апогее — 251 км). Через пятнадцать минут Андриян Григорьевич Николаев (позывной «Сокол») докладывал, что чувствует себя хорошо и готов к выполнению программы полета. В начале четвертого витка на связь с кораблем по радиотелефону вышел Никита Хрущёв и обменялся с космонавтом приветствиями. Николаев заверил главу советского государства, что «все системы корабля работают отлично».

Четвертый виток был для медиков «контрольным», ведь именно после него у Германа Титова начались проблемы с вестибулярным аппаратом, которые и спровоцировали кинетоз. Когда Николаев подтвердил, что чувствует себя по-прежнему хорошо, а вестибулярная проба (повороты головы и движения глазами по специальной схеме) не привела к тошноте или головокружению, ему разрешили проделать совершенно новый для того времени эксперимент — отстегнуться от кресла и попробовать двигаться в состоянии «свободного плавания». Позднее космонавт вспоминал об этом историческом моменте (цитирую по книге «Мировая пилотируемая космонавтика. История. Техника. Люди», 2005): «Наступил момент, когда

по программе надо было выйти из кресла. Я отвязал ремни и поплыл к потолку. Чуть оттолкнулся пальцем от стенки кабины и, как мяч, отлетел к другой стене. Прямо как в сказке... Я стал легче пушинки! В течение часа работал в отвязанном состоянии. Перевернулся под креслом, ткнул пальцем в потолок кабины и очутился опять в кресле».

Скептики были посрамлены: космонавт легко двигался внутри кабины корабля, вращался вокруг своей оси, не теряя ориентации и не испытывая неприятных ощущений — давали себя знать особые тренировки вестибулярного аппарата, разработанные специалистами по итогам полета Титова.

Помимо «свободного плавания», Андрияну Николаеву предстояло опробовать новое меню космонавта. Если для Гагарина и Титова была приготовлена специальная еда, напоминая детское питание: мясные и мясоовощные пюре, плавленый сыр, паштеты — всё в алюминиевых тубах, то участники группового полета могли питаться, почти как на Земле; их меню составлялось на основе личных вкусовых предпочтений и включало в себя не только паштеты и пюре, но и твердые натуральные продукты: свежий хлеб, котлеты, жареное мясо, куриное филе, язык говяжий, сэндвичи с икрой, пирожки с килькой, спинки воблы, апельсины, яблоки и лимоны. Чтобы облегчить прием пищи и предотвратить разлет крошек по кабине корабля, продукты приготавливались порциями «на один укус». В первый день полета Андриян Николаев с аппетитом позавтракал, пообедал и поужинал, а впоследствии не скупился на похвалы в адрес советских кулинаров.

Однако «гвоздь» программы был впереди. 12 августа в 11:02 минуты по московскому времени состоялся запуск «Востока-4» («ЗКА» № 6) с Павлом Романовичем Поповичем (позывной «Беркут») на борту. Наземные службы сработали на отлично — когда корабль вышел на орбиту, Попович и Николаев сразу увидели друг друга: их разделяли каких-то 6,5 км. Всё же высота орбиты «Востока-4» немного отличалась (180 км в перигее, 254 км в апогее), поэтому виток за витком корабли расходились, и к концу группового полета космонавты потеряли друг друга из виду — расстояние в тот момент составляло 2850 км.

Разумеется, Попович должен был повторить эксперимент Николаева по «свободному плаванию» в кабине. И тут не обошлось без курьеза. Много позднее Попович рассказывал: *«Я отвязался, но не*

всплыл. Оказалось — плотно зажат в ложемент. Андрей мне посоветовал: „Ты оттолкнись от него“. Я по привычке, как на Земле, оттолкнулся и как... врезался головой в потолок! Правда, голова шлемом была защищена, так что ничего страшного не случилось. Но по этой причине впервые на орбите раздался хороший русский мат».

Групповой полет продолжался. Космонавты выполняли технические и биологические эксперименты, вели бортовые журналы, снимали поверхность Земли через иллюминаторы на кино- и фотопленку, наблюдали Луну и созвездия, занимались физкультурными упражнениями и проводили бесконечные вестибулярные пробы, чтобы медики были спокойны: «болезнь укачивания» пилотам «Востоков» не грозит. Впервые телевизионные изображения, передававшиеся с борта кораблей, транслировались в прямом эфире по советскому телевидению, а через систему «Евровидение» — в другие страны мира.

Когда программа группового полета была полностью выполнена, вновь встал вопрос о продолжительности космического рейса. Поскольку космонавты заверяли, что чувствуют себя превосходно, то возник соблазн еще больше поднять планку рекорда их пребывания на орбите. 13 августа Госкомиссия обсудила возможность продления полета «Востока-3» Андрияна Николаева до четырех суток. Конструкторов беспокоило, что в кабине корабля снижается температура и барахлит телеметрическая система, однако эти неисправности не мешали полету. Представители ВВС, как всегда, выступили против. Решили узнать мнение у самого Николаева — тот уверенно доложил, что готов оставаться на орбите еще сутки. Утром 14 августа Госкомиссия постановила завершить полет «Востока-3» на исходе четвертых суток.

Вечером того же дня обсуждался вопрос о продлении рейса «Востока-4» Павла Поповича, и опять началась перебранка. Тут Сергей Королёв внезапно поддержал авиаторов, требовавших оставаться в рамках первоначальной программы. Очевидно, главному конструктору было важно «взять» четырехсуточный рекорд, а двумя кораблями или одним, для него не имело значения. Обратились к Никите Хрущёву. Тот ответил: *«Почему мы должны его [Павла Поповича] обижать? Запросите и, если он желает и может летать дольше, разрешите ему полет на четвертые сутки».* Когда спросили Поповича, он тоже подтвердил, что готов идти на рекорд.

Утром 15 августа на заседании Госкомиссии снова развернулась дискуссия о «Востоке-4» в связи с тем, что температура в кабине этого корабля упала до +10 °С, что могло сказаться на работе оборудования. Решение принимать надо было быстро, и тут Попович с орбиты сообщил: «Вижу грозу». И действительно, космонавт наблюдал мощную грозу над Мексиканским заливом, о чем поторопился радостно возвестить, — но забыл, что по условному коду, придуманному Каманиным, «гроза» означает плохое самочувствие, тошноту и рвоту. Сергей Королёв приказал немедленно сажать корабль. Хотя недоразумение вскоре разрешилось, дискуссия стихла сама собой: разрешения на продление полета Попович не получил.

15 августа 1962 года спускаемый аппарат «Востока-3» приземлился в расчетном районе Казахстана, южнее Караганды. Таким образом, Андриян Николаев находился в полете трое суток, 22 часа и 22 минуты, установив абсолютный мировой рекорд. Павел Попович уложился в план, отлетав на сутки меньше, — он сел примерно в 300 км от напарника.

Групповой полет двух космических кораблей был значительным достижением для начала космической эры. Американцы сумели повторить его только в декабре 1965 года на кораблях «Gemini 6» и «Gemini 7» — в то время, когда они не только догнали, но и обогнали советских конкурентов в освоении внеземного пространства.

Всё время непосредственной подготовки к полету и в процессе его осуществления Юрий Гагарин оставался в контакте с Николаевым и Поповичем. 12 июля первый космонавт получил звание подполковника, но специальной должности для того, чем он занимался на полигоне, не существовало: фактически он присутствовал там по собственной инициативе, поддержанной командованием. В его работе был свой смысл: дружеские отношения, сложившиеся с членами отряда, позволили Гагарину хорошо изучить сослуживцев и правильно отреагировать, если у них возникнут психологические проблемы. Фактически Гагарин впервые в истории советской космонавтики выполнял обязанности сменного руководителя полета и справился с ними превосходно.

Академик Борис Евсеевич Черток вспоминал: *«Мне нравилось его спокойствие и умение находить нужные слова в довольно нудных, но обязательных переговорах, когда надо было по интонации и тембру голоса определять самочувствие космонавтов. Ведь никакого ЦУПа*

с системами обработки и отображения информации тогда мы не имели. Источником оперативной информации „в реальном времени“ был сам космонавт. <...> Мне нравилось наблюдать за Гагариным, когда он вел переговоры с экипажем. Он сам явно не скрывал, что получал при этом удовольствие».

Впрочем, задачу Гагарину облегчило то, что его друзья-космонавты были отлично подготовлены и не испытывали дискомфорта, оказавшись на орбите. Куда сложнее оказалось справиться с первой космической женщиной.

Глава тридцать седьмая *Женщина в космосе*

В марте 2007 года вся наша страна отмечала юбилей — семидесятилетие первой женщины-космонавта Валентины Владимировны Терешковой. Как водится, журналисты бросились брать у нее интервью, а Валентина Владимировна охотно отвечала на вопросы. И тут в процессе обсуждения прошлого вдруг всплыла любопытная историческая деталь, которая до сих пор нигде не фигурировала.

Чтобы не было разночтений, предоставим слово самой Терешковой. Вот что она сообщила корреспонденту «Российской газеты» Наталии Ячменниковой (цитирую по статье «Валентина Терешкова раскрывает свои тайны», опубликованной 2 марта 2007 года):

«Не один десяток лет я хранила тайну, поскольку меня об этом попросил Сергей Павлович Королёв, — призналась она. — Дело в том, что в автоматической программе корабля была допущена какая-то не точность, а скорее оплошность: он был сориентирован так, что, вместо того чтобы осуществлять систему спуска, его орбита, напротив, поднималась. И я вместо Земли улетала „туда“. Эту ошибку в первые же сутки я заметила и доложила Сергею Павловичу, а он и Юрий Гагарин держали со мной связь.

Ошибка быстро исправили. Получив нужные данные, Терешкова заложила их в систему спуска и благополучно приземлилась. Впервые об этом три года назад рассказал конструктор и ученый Евгений Васильевич Шабаров. „Сама я об этом молчала, — улыбается Валентина Владимировна. — А вот Евгений Васильевич решил обнародовать. Так что я могу теперь спокойно об этом говорить“».

Сразу возникает множество вопросов. Как мы помним, корабль-спутник «ЗКА» в принципе не мог выполнять какие-либо маневры в космосе, кроме одного — выдача тормозного импульса, разделение отсеков, сход с орбиты. Если бы по каким-то причинам ТДУ-1 не сработала, то корабль всё равно через несколько дней сошел бы с орбиты за счет торможения в высших слоях атмосферы. В истории известен только один случай, когда корабль отправился на более высокую орбиту (так, видимо, следует понимать «туда» из интервью) — простейший вариант «1КП» из-за сбоя в инфракрасной вертикали 19 мая 1960 года улетел вверх, а не вниз. Однако в поздних версиях «Востока» от инфракрасной вертикали избавились: ориентация корабля была доверена более простому и надежному прибору «Гриф», настраиваемому по Солнцу. Если же была допущена какая-то ошибка при монтаже системы ориентации, то выявить ее и исправить в летящем корабле было принципиально невозможно. Может быть, журналистка напутала? Может быть, есть еще какие-то подробности случившегося?

Открываем статью Марата Джакелия «Правда „Чайки“» (журнал «Огонек», 12 марта 2007 года):

«Практически единственным „юбилейным“ мероприятием, которое она сочла уместным посетить (если не считать протокольной встречи в Кремле), стало открытие юбилейной выставки о себе в краеведческом музее ее родного Ярославля. И именно там Валентина Владимировна решила сделать себе главный подарок — отказаться от своего 40-летнего „обета молчания“. Оказывается, ее полет вовсе не был показушной демонстрацией могущества советского строя. Космическая одиссея первой женщины едва не обернулась трагедией, но Терешкова сумела спасти не только себя, но и десятки конструкторов, включая и самого Сергея Королёва. „В автоматической программе корабля была допущена ошибка, — рассказала Валентина Владимировна, — и вместо Земли могла навсегда улететь в открытый космос“.

Более суток Королёв вдвоём с Гагариным искали алгоритм для исправления ошибки, который потом Терешкова в полуобморочном состоянии вручную ввела в бортовой компьютер. Но после приземления Сергей Павлович, чтобы не губить своих проитрафившихся коллег, взял с „Чайки“ честное слово никому не рассказывать о случившемся. И только к своему 70-летию Терешкова решилась наконец переписать историю своего подвига».

Тут всё еще хуже. На «Востоке», конечно, не было никакого «бортового компьютера». Возможно, речь идет о программно-временном устройстве «Гранит-5В», но, во-первых, ни Королёв, ни Гагарин не могли «искать алгоритм» для него, поскольку всю жизнь занимались совершенно другими вопросами, а, во-вторых, вручную на корабле ничего ввести в устройство нельзя: оно просто не было приспособлено для подобных манипуляций. Опять корреспондент напутал?

Тогда обратимся к профильному изданию — специализированному журналу «Новости космонавтики». На 50-летний юбилей полета Терешковой его сотрудники взяли у нее интервью, и там она подтвердила всё ранее сказанное (цитирую по материалу «Валентина Терешкова: „Я была счастлива!“», опубликованному в журнале «Новости космонавтики», 2013, № 8):

«— Были ли у Вас в полете нештатные ситуации?»

— Да, была нештатная ситуация, которую я заметила в первые сутки полета, доложила Сергею Павловичу Королёву, „Заре-1“ и Юрию Алексеевичу [Гагарину]. Она заключалась в том, что на спуске корабля программа была настроена не на приземление, а на подъем орбиты. Я получила новые данные, внесла их — и всё нормально прошло. После полета был большой разбор. Сергей Павлович, великий ученый, конструктор, оплошностей не прощал. Когда я приземлилась, он сказал: „Чаечка, я тебя прошу, не надо об этом говорить“. Поэтому я ровно 30 лет хранила эту тайну. Евгений Васильевич Шабаров (в 1963 г. — зам. главного конструктора ОКБ-1 С. П. Королёва), когда к тридцатилетию мы собрались здесь, в Центре подготовки, когда было много народу, и журналистов тоже, сказал: „Вот вы видите эту девочку? (Я уже, конечно, не девочкой была, у меня уже была дочь.) А ведь по моей вине она не вернулась бы на Землю“. Но я вовремя заметила, вовремя среагировала, доложила на Землю. Ошибку исправили. Так что тайна была раскрыта. Я, хоть и говорила, что дала слово Сергею Павловичу Королёву, но вот, не я его нарушила.»

К сожалению, эти разъяснения еще более запутывали вопрос. Что за программа могла быть настроена на приземление? К сожалению, Евгений Васильевич Шабаров умер в 2003 году, поэтому сообщить подробности не может. Но ведь устройство «Востока» ныне хорошо известно, и любой имеет возможность убедиться, что программно-временное устройство «Гранит-5В» осуществляет лишь последова-

тельный запуск систем, а на процесс ориентирования корабля непосредственного влияния не оказывает. Кроме того, если всё было так плохо с «программированием», пилот всегда мог воспользоваться альтернативой, то есть ручной системой ориентации, чему космонавтов обучали месяцами, вырабатывая в них определенный автоматизм на этот случай. Не сходитесь!

Остается предположить, что за давностью лет Валентина Владимировна подзабыла некоторые подробности своего полета и заменила их более красочными деталями, пренебрегая технической достоверностью: журналисты ведь всё равно неправильно поймут, переиначат. Упрекать ее за это не нужно, всякое бывает, — куда продуктивнее разобраться, как было на самом деле.

К счастью, многие документы, связанные с полетом Терешковой, включая ее переговоры с Землей и бортовой журнал, рассекречены и доступны для изучения. Кроме того, Николай Петрович Каманин и Владимир Иванович Яздовский оставили записи по итогам орбитального рейса «Востока-6», что позволяет реконструировать картину происшедшего в полном объеме, без ссылок на умершего Шабарова, который, кстати, был заместителем Королёва по полигонным испытаниям и непосредственной технической подготовкой «Востоков» не занимался.

Возьмем немного назад по хронологии. Вопрос о необходимости отправки женщины на орбиту первым поднял Николай Петрович Каманин в мае 1961 года. Он побывал с Гагариным в зарубежных поездках и обратил внимание, что одним из наиболее популярных вопросов, задаваемых Юрию Алексеевичу, был вопрос о том, собирается ли Советский Союз запустить космонавтку. Кроме того, на генерал-лейтенанта явно произвела впечатление громкая рекламная кампания, развернувшаяся в США вокруг летчицы Джерри Кобб, которая настаивала на включении ее в отряд астронавтов программы «Mercury». Хотя у Кобб ничего не получилось, Каманин подозревал, что космический полет американки — вопрос времени.

Однако и главный конструктор Сергей Королёв, и академик Мстислав Келдыш, и главком ВВС Константин Вершинин высказались резко против затеи Каманина. У того ушло полгода, чтобы путем интриг и закулисных переговоров добиться своего.

Женщин, которые служили бы в ВВС тогда не было, поэтому отбор пошел по «спортивному» направлению. 15 января 1962 года ДОСААФ

представило личные дела 58 женщин. После их рассмотрения и прохождения госпиталя остались пятеро: Жанна Дмитриевна Ёркина (22 года), Татьяна Дмитриевна Кузнецова (20 лет), Валентина Леонидовна Пономарёва (28 лет), Ирина Бояновна Соловьёва (24 года), Валентина Владимировна Терешкова (25 лет). Замужем и с ребенком была только Пономарёва, она же имела навыки пилота (освоенные машины — «По-2», «Як-18») и высшее образование (инженер-механик жидкостных ракетных двигателей). Остальные члены женской группы были парашютистками и до прихода в отряд смутно представляли себе реалии отечественной космонавтики. 15 декабря 1962 года каждой из пятерки присвоили звание младшего лейтенанта и стали готовить к полету на «Востоке».

Во время их тренировок использовался позывной «Берёзка» (по позывному командного пункта женской пилотажной группы, в составе которой летала Пономарёва), поэтому другие космонавты их так и звали — «берёзками». Будучи командиром отряда космонавтов, Юрий Гагарин с ними довольно часто встречался, давал советы, как вести себя на медкомиссии и на испытаниях, какими приемами надо пользоваться, чтобы легче переносить нагрузки. Проявлял он заботу и в чисто житейских делах.

Валентина Пономарёва вспоминала (цитирую по ее интервью газете «Факты», опубликованному 12 апреля 2012 года):

«Нам пришлось пройти курс молодого бойца по несколько усеченной программе. Правда, строевая подготовка и изучение воинских уставов были. Возникла проблема с подбором обмундирования. Не сразу, но всё же отыскали пожилого мастера, который пошил нам форменные юбки и кителя. Военные рубашки выдали мужские. А ботинки подобрали из ассортимента, который отечественная промышленность выпускала для мальчиков. Кроме этого, мы получили другое „вещевое довольствие“. В него входили синие спортивные костюмы с белыми полосками на воротнике и манжетах. Они и стали нашей основной одеждой. Мы попытались было ходить в них и в столовую, но Гагарин не одобрил. Сказал, что мужчины, собираясь в столовую, передеваются в офицерские мундиры, а вы приходите в платьях. И предложил отвезти нас на автобусе в Москву за обновками. Мы обрадовались, вот только с деньгами было туго. „Ничего, возьму, что дома есть, — сказал нам Гагарин. — Потом отдадите“. И мы отправились в ГУМ, в его так называемую сотую секцию, в которой отоваривалась номенклатура.

Идем по магазину и замечаем, что за нами следует вереница женщин со взволнованными лицами. Но им пришлось остановиться на пороге секции. Когда дверь закрылась, нас разобрал смех».

Запомнились ей и другие специфические детали работы Гагарина в ЦПК (цитирую по книге «Женское лицо космоса», 2002):

«Когда в Центр прибывал „новый набор“, их „посвящали в космонавты“ — в бассейне устраивалось действо, которое, не знаю уж почему, называли Днем Нептуна (может, потому, что и символика привлекательная, и „акватория“ есть).

Это всегда было очень весело. Действующие лица и зрители, кто в купальном, кто в спортивном костюме, сидели вдоль стены на низенькой скамеечке. „Прилично“ одетые от греха подальше располагались выше на галерее: в воду бросали не символически, не очень разбираясь, кто ты есть: посвящаемый, просто зритель или почетный гость. В роли Нептуна выступал Гагарин. Он восседал на троне с длинной белой бородой и с трезубцем в руке, а русалкой у него служил Н. Ф. [Николай Фёдорович] Никерясов. Это была великолепная русалка — с большой круглой, обритой наголо головой и с большим круглым животом. Увидев „ее“, мы чуть не попадали в воду от хохота!

Водяные приводили молодых космонавтов перед светлые очи Нептуна, и он задавал им вопросы. Если ответ был неудачен, водяные по знаку трезубца бросали посвящаемого в воду. Публика рыдала от восторга.

Вот Нептун спрашивает очередного:

— Скажи, какой у нас самый лучший стенд?

Тот думает, боится ошибиться, наконец говорит:

— Качели!

— Нет, — говорит Нептун. — Самый лучший стенд у нас — это стенд товарища Уварова.

А „стенд товарища Уварова“ — это бухгалтерия и касса, где нам выдавали зарплату. Гагарин мастер был на такие шутки...»

С профессиональной точки зрения наиболее подготовленной к полету была Валентина Пономарёва, однако Гагарин, от которого во многом зависел выбор первой космонавтки, с самого начала высказывался против нее. Пономарёва вспоминала:

«Оставалась так называемая мандатная комиссия. Ее заседание состоялось в госпитале. Среди членов комиссии был Юрий Гагарин. Мы заходили в зал, отвечали на какие-то вопросы, а затем в коридоре

ждали вердикта. Нам объявили, что прошли я и Жанна Ёркина. Когда некоторое время спустя у меня установились доверительные отношения с заместителем начальника Центра подготовки космонавтов Николаем [Фёдоровичем] Никерясовым, он рассказал, что Гагарин выступил против моей кандидатуры. Высказался примерно так: ради освоения космоса можно рисковать жизнью мужчин-летчиков, если очень нужно — „холостых девчонок“ (именно так он выразился), хотя и не стоило бы. Но недопустимо рисковать жизнью матери. И тем не менее меня зачислили. Вероятно, решающую роль сыграла рекомендация директора моего института академика Келдыша».

Тогда же Гагарин положил глаз на Валентину Терешкову, отмечая ее среди остальных. Наверное, она нравилась ему своим волевым характером. Терешкову выделял и Сергей Павлович Королёв, разглядевший в ней «Гагарина в юбке».

Выбор первой космонавтки отличался от выбора пилота первого «Востока». Все руководящие товарищи ясно представляли себе, что значит стать первым в космосе. Больше того, если при подготовке первого «Востока» Королёв не сомневался, что вслед за Гагариным полетят его товарищи, то теперь такой уверенности не было: полет женщины мог стать (и действительно на девятнадцать лет стал) единственным. И это обостряло ситуацию: все понимали, что выбор впишет имя одной из девушек в историю, в то время как другие должны будут довольствоваться скромной ролью безвестных участниц эпохального события. И всё же, как утверждает Пономарёва, девушки держались друг друга и помогали по мере сил: *«Тренинги возникали, но мы сами разбирались в своих проблемах — начальству никто ни на кого не жаловался. В обиду друг друга не давали. Кстати, Ирина Соловьёва ввела традицию дарить что-либо девочкам после сложных испытаний. Так, вернувшись из сурдокамеры, в которой я провела десять суток, нашла на своей кровати игрушку — пластмассового олененка. Мне было очень приятно получить этот подарок, до сих пор его храню, как дорогую реликвию».*

Выбор был долгим и трудным. Учитывалось всё, вплоть до менструальных циклов. Но помимо здоровья, знаний, особенностей характера выбор определялся еще и субъективными оценками тех, кто выбирал. Королёв, Каманин, Карпов и Гагарин были за Терешкову. Специалисты ГНИИИ авиационной и космической медицины, прежде всего Владимир Яздовский, стояли горой за Пономарёву;

к ним присоединился академик Мстислав Келдыш. Бесконечным спорам положил конец глава государства Никита Сергеевич Хрущёв. Есть версия, что он выбирал будущую космонавтку по фотографии, но вряд ли она соответствует действительности (кстати, о Гагарине периодически рассказывают то же самое). Скорее всего, сыграло роль то, что Валентина Владимировна была по базовому образованию ткачихой, а представительницы текстильной промышленности занимали во внутренней политике Хрущёва одно из важнейших мест. Достаточно вспомнить, что на XXII съезде КПСС он сидел рядом с прядильщицей Валентиной Ивановной Гагановой (с другой стороны должен был сидеть Гагарин, но по известной причине он в президиум съезда не попал). В итоге именно Валентина Владимировна Терешкова получила заветный билет в космос.

Долго не могли определиться с программой полета. В январе 1963 года рассматривались три варианта: полет одного корабля с женщиной на сутки или трое; групповой полет двух кораблей с женщинами с суточным интервалом между запусками; «смешанный» вариант, когда корабль с женщиной летает до трех суток, а с мужчиной — пять-семь суток. Хотя окончательный вариант не был утвержден, Николай Петрович Каманин поставил женской группе задачу готовиться к групповому полету на двух кораблях к 20 марта 1963 года. Но то было волонтеристское решение, которое ничем не подкреплялось.

21 марта Президиум ЦК КПСС постановил: «Отдельно женский полет не проводить, провести его вместе с мужскими длительными полетами». 13 апреля Королёв и Каманин окончательно согласовали программу: на первом корабле летит мужчина на восемь суток, на втором — женщина на двое-трое суток; полет состоится в августе 1963 года (до того планировались пуски серии межпланетных станций и фоторазведчиков «Зенит-2»); к этому сроку надо подготовить Терешкову, Соловьёву, Пономарёву и Ёркину (Кузнецова выпала из графика по болезни, но оставалась в отряде и сдавала экзамены).

Мужчины-космонавты тоже не теряли времени даром. После первого группового полета в лидирующей группе остались Валерий Быковский, Борис Волинов и Владимир Комаров — они занимались по программе одиночного длительного полета, первоначально намеченного на сентябрь 1962 года. Но к тому времени не удалось изготавить корабль, посему до конца года космонавты жили в режиме

«поддержания тренированности». 22 января Каманин поставил группе более конкретную задачу: готовиться к двум-трем длительным (на пять и более суток) одиночным полетам в конце 1963 года.

Однако и эти планы претерпели изменения. Руководство решило провести новый групповой полет в августе, и тут вдруг выяснилось, что ресурс кораблей № 7 и № 8 заканчивается в июне. Разработчики систем, несмотря на давление сверху, не соглашались на продление ресурса. Таким образом, пуски обоих кораблей было необходимо провести до 15 июня. Сергей Королёв направил соответствующее письмо, и ЦК КПСС 29 апреля постановил провести групповой полет в мае-июне 1963 года. До старта оставался всего месяц, и если женщины были более или менее готовы, то мужчинам надо было еще выполнить по несколько прыжков с парашютом и провести тренировки в тепловом макете корабля. Главным кандидатом на полет стал Валерий Быковский, остальные не вписались либо по весу (корабль был перегружен оборудованием, и каждый лишний килограмм имел значение), либо по общей готовности.

10 мая в узком кругу членов Госкомиссии было принято решение пускать «Востоки» в начале июня. Командиром «Востока-5» назначили Валерия Быковского, запасным — Бориса Волынова. На «Востоке-6» в космос должна была отправиться Валентина Терешкова; ее запасные — Ирина Соловьёва и Валентина Пономарёва.

1 июня космонавты прибыли на Байконур. Разумеется, был с ними и Юрий Гагарин, который, несмотря на занятость и утомительные поездки, внимательно следил за программой подготовки товарищей по отряду. Он участвовал во всех полигонных заседаниях Госкомиссии, причем уже не как член отряда, а как полноправный представитель ВВС. 4 июня состоялось «парадное» заседание Госкомиссии, на котором журналистам были представлены космонавты с дублерами, а также оглашен план полетов: мужчина будет летать до восьми суток, женщина — до трех.

5 июня вывоз ракеты-носителя с кораблем «Восток» № 7 не состоялся из-за шквального ветра. Много времени заняло и устранение неполадок. Лишь 9 июня ракетно-космический комплекс вывезли на стартовую площадку, рассчитывая произвести запуск 11-го. Однако незадолго до старта Мстислав Келдыш, позвонив из Москвы, сообщил, что резко возросла солнечная активность и в ближайшие дни возможны очень мощные вспышки. Ученые высказали мнение,

что доза облучения космонавта намного превысит допустимую. Пуск отложили на 12 июня, затем еще на сутки, затем еще...

14 июня Валерий Быковский наконец-то занял свое место в корабле. При проверке систем выяснилось, что не работают оба УКВ-передатчика. Тем не менее было решено лететь, ведь в распоряжении космонавта находились еще три передатчика коротковолновой связи. Когда была объявлена 40-минутная готовность, обнаружилось нарушение в подготовке катапультного кресла. За пять минут до старта нашли новую неисправность: отказал гиригоризонт третьей ступени ракеты. Решили задержать старт еще на два-три часа и пойти на новый риск, исправив сбой на месте, ведь более серьезное вмешательство повлекло бы за собой слив топлива, снятие ракеты со старта и отправку для проверки на завод-изготовитель. Всё это время Юрий Гагарин находился на командном пункте, развернутом поблизости от стартового комплекса, поддерживал товарища по телефонной связи, участвовал в обсуждении возникающих проблем. Если бы Гагарин как опытный космонавт пришел к выводу, что запуск нужно отменить, он был бы отменен. Но Юрий Алексеевич взял на себя ответственность за возможные негативные последствия, доказывая сомневающимся, что Быковский справится с трудностями.

Старт «Востока-5» («ЗКА» № 7) с Валерием Фёдоровичем Быковским (позывной «Ястреб») на борту состоялся 14 июня 1963 года, с задержкой на три часа. К радости конструкторов, УКВ-передатчики заработали после выхода на орбиту. Почти сразу выяснилось, что высота перигея (181 км) ниже расчетной — на восьмые сутки полета корабль мог самопроизвольно «зарыться» в атмосферу, совершив неуправляемый спуск. Между тем Валерий Быковский быстро адаптировался к невесомости, вел наблюдения Земли, Солнца, звезд. Несколько раз брал управление «Востоком» на себя и успешно ориентировал его «по-посадочному». Быковский проводил и научные эксперименты: например, впервые вел наблюдение за ростом гороха в условиях космического полета. Занимался физкультурой, в том числе с резиновым жгутом.

Согласно баллистическим данным по кораблю «Восток-5», было решено произвести запуск «Востока-6» 16 июня, после полудня. Вся подготовка ракеты-носителя и космического корабля на этот раз обошлась без замечаний и каких-либо задержек. Корабль «Восток-6» («ЗКА» № 8) с первой женщиной-космонавтом Валентиной Влади-

мировой Терешковой (позывной «Чайка») на борту вышел на расчетную орбиту. Поначалу казалось, что и дальше всё пойдет хорошо, — наземные службы отметили собранность Терешковой, четкость ее реплик. Генерал-лейтенант Каманин даже записал в дневнике, что доволен выбором (цитирую по книге «Скрытый космос: Книга первая», 1995):

«Ровно в 12 часов 15 минут автобус доставил Терешкову на старт. Она коротко и четко доложила: „Товарищ председатель Госкомиссии, космонавт Терешкова к полету готова“. Ей вручили цветы, которые она тут же передала Королёву. К лифту Валя поднималась довольно тяжело, а при посадке в корабль пульс у нее был 140 ударов в минуту. Через 10–15 минут она установила радиосвязь с КП [командным пунктом] и доложила о ходе проверки оборудования. На старте связь с ней поддерживали Гагарин, Николаев, Королёв и я. Подготовка ракеты, корабля и все операции обслуживания прошли исключительно четко. По четкости и слаженности работы всех служб и систем старт Терешковой напомнил мне старт Гагарина. Как и 12 апреля 1961 года, 16 июня 1963 года полет готовился и начался отлично. Все, кто видел Терешкову во время подготовки старта и вывода корабля на орбиту, кто слушал ее доклады по радио, единодушно заявили: „Она провела старт лучше Поповича и Николаева“. Да, я очень рад, что не ошибся в выборе первой женщины-космонавта.

Сейчас радио и газеты всего мира говорят и пишут о Терешковой. Мир еще раз должен отдать дань глубокого уважения нашему народу, нашей советской женщине. Терешкова установила радиосвязь с Быковским, отлично провела переговоры с Хрущёвым и очень толково докладывает о ходе полета. Нам предстоит еще очень большой труд, чтобы успешно закончить программу полета Быковского и Терешковой и приземлить их невредимыми. Переживаний и волнений будет еще много, но независимо от результатов посадки старт и полет — это уже начало большой победы».

Однако дальнейшее развитие событий было далеко от идеала. На вторые сутки, 17 июня, руководители полета обратили внимание на нечеткие уклончивые ответы Терешковой. Ее поведение насторожило и вызвало сомнение в бодрых отчетах. Впоследствии Терешкова в докладе Госкомиссии 20 июня отмечала, что первые сутки она практически не ощущала скафандр; затем появились ноющие боли в правой голени, которые не проходили до самой посадки. Ее мучи-

ла тошнота, она не могла есть заготовленный провиант. Из-за проблем с самочувствием фактически сорвала программу научных экспериментов: не смогла отвязаться от кресла, не смогла дотянуться до укладок с материалами.

В то же время и сам космос подбрасывал проблемы: из-за солнечных вспышек атмосфера Земли «разбухла», естественное торможение «Востоков» ускорилось. Собравшаяся Госкомиссия решила корабль Быковского посадить на 82-м витке (к исходу пятых суток), а корабль Терешковой — на 49-м витке (к исходу третьих суток).

18 июня Валентина Владимировна должна была опробовать ручное управление, чтобы в случае отказа автоматической системы ориентации перед спуском взять ситуацию под контроль на текущем витке. Однако ни с первого, ни со второго раза у нее ничего не получилось. Понятно, что руководство полетом озаботилось проблемой. Генерал-лейтенант Каманин записал в дневнике:

«18 июня [1963 года]. <...>

С Терешковой разговаривал несколько раз. Чувствуется, что она устала, но не хочет признаться в этом. В последнем сеансе связи она не отвечала на вызовы ленинградского ИПА [измерительного пункта]. Мы включили телевизионную камеру и увидели, что она спит. Пришлось ее разбудить и поговорить с ней и о предстоящей посадке, и о ручной ориентации. Она дважды пыталась сориентировать корабль и честно призналась, что ориентация по тангажу у нее не получается. Это обстоятельство всех нас очень беспокоит: если придется садиться вручную, а она не сможет сориентировать корабль, то он не сойдет с орбиты. На наши сомнения она ответила: „Не беспокойтесь, я всё сделаю утром“. Связь она ведет отлично, отображает хорошо и пока не допустила ни единой ошибки. За ночь она отдохнет и автоматическую посадку должна перенести хорошо. Поручили Гагарину, Титову, Николаеву <...> на 45-м витке потренировать ее в ориентировании корабля по посадочному варианту (спиной вперед). Ребята подготовили план переговоров с ней, согласовали со специалистами все рекомендации и попытаются ей помочь».

Утром 19 июня, на 45-м витке, Юрий Гагарин лично зачитал Терешковой эту инструкцию, требуя подтверждения каждого шага. Сохранилась запись ее докладов на Землю, процитирую фрагмент (по сборнику «Космос. Время московское», 2011): «С 7 ч 40 мин до 8 ч 05 мин ориентировала корабль... Всё в порядке. Сделала закрутку по

крену. <...> *Передайте „Заре-1“ — на 47-м витке полностью за 20 минут сориентировала корабль по-посадочному по всем трем осям. Сделала закрутку корабля. Сделала всё как положено».*

Здесь изложена главная проблема, которую пришлось решать Терешковой на орбите: из-за усталости, тошноты и боли она не смогла сделать то, что у Быковского получалось легко и просто. И вероятно, ей запомнилось всё это как проблема корабля, который вдруг проявил норы и мог погубить ее, выйдя на более высокую орбиту. Тем не менее проблему она решила, еще раз отрепетировав ручную ориентацию.

На этом злоключения женщины-космонавта не кончились. В момент схода с орбиты она доложила о срабатывании ТДУ-1 и начале спуска, но ее не услышали. Специалисты разволновались, ведь никто не знал, что происходит с кораблем. Тем не менее «Восток» всё сделал по графику: отсеки разделились, начался нормальный спуск в атмосфере. Катапультирование прошло мягко — Терешкова приземлилась в 400 м от спускаемого аппарата, поблизости от расчетного района. Из-за невозможности управлять парашютом Валентина Владимировна села спиной и сильно ударилась лицом о гермошлем, в результате — разбитый нос и синяк под глазом. Местные жители помогли ей снять скафандр, и она в знак благодарности подарила им тюбики с «космической» едой. Они в ответ накормили ее картошкой с луком и напоили кумысом, что нарушало все медицинские инструкции. Хуже того, Терешкова пыталась на Земле дописывать бортовой журнал, и это заметили прибывшие поисковики.

Что касается персонального разговора с Королёвым, то некоторые его подробности можно найти в мемуарах Бориса Евсеевича Чертока (цитирую по: «Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны», 1999):

«Несмотря на счастливое окончание полета Терешковой, нам, управленцам, требовалось убедиться в том, что в неудачной попытке ручной ориентации нет вины системы. Может быть, управлять космическим кораблем вручную в самом деле должен летчик, имеющий опыт управления истребителем? Опыт Терешковой был прецедентом, который мог быть истолкован двояко. <...> Мы — инженеры, проектировавшие систему управления, считали, что управлять космическим кораблем гораздо проще, чем самолетом. Все процессы во времени более растянуты, есть возможность подумать. В штопор корабль не сорвется, и если запланировано включение тормозного двигателя, то по законам небесной механики корабль со своей орбиты никуда не

денется. Стало быть, управлять им может каждый физически и психически нормальный и подготовленный за два-три месяца человек — даже женщина!

Оппоненты убедительно возражали: за штурвал самолета или руль автомобиля человека допускают после многих часов налета или „наезда“ с инструктором. Самостоятельный полет или выезд на автомобиле никогда не первый. Никакой тренажер и никакая учеба не могут заменить практику самостоятельного управления самолетом или автомобилем. На космическом корабле внимание человека отвлечено непривычным состоянием невесомости, которое расстраивает вестибулярный аппарат, а потому простой смертный способен натворить много ошибок. Летчик, привыкший бороться за свою жизнь, в любом случае более надежен.

Что было на самом деле, мы решили узнать у самой „Чайки“ в откровенной беседе „без начальства“. <...>

Желающих побывать на такой необычной встрече набралось больше, чем мог вместить кабинет. <...>

Всё шло по расписанию. Терешкова приехала в сопровождении Лялина — личного референта Королёва, бывшего оперативного работника КГБ. Я представил „Чайке“ собравшихся и сказал, что нам бы хотелось услышать от нее рассказ в подробностях о попытках ручного управления, ощущениях, визуальном наблюдении, и, если может, пусть критикует, не стесняясь, всё, что затрудняло управление ориентацией, включение режимов связи, и, вообще, очень просим откровенно высказать всё, что она думает о корабле.

Неожиданно в кабинет вошел Королёв.

— Извините, товарищи, мне нужно с Валею побеседовать. Через десять минут я ее к вам отпущу.

Я открыл „комнату отдыха“ за кабинетом. Конфиденциальная беседа вместо десяти продолжалась минут тридцать. Королёв появился первым. Посмотрев на собравшихся, лукаво улыбнулся и быстро вышел. Еще несколько минут мы прождали Терешкову. Она не могла скрыть заплаканных глаз и подавленного состояния. Мы поняли, что разговора, о котором договорились, теперь уже не получится. <...>

У меня было ощущение, что она вот-вот заплачет. В конце концов разберемся мы с этим ручным управлением, а сейчас Терешкову надо освободить от наших допросов. Проводив „Чайку“ до машины, я пообещал, что мы еще найдем время для серьезного разговора. Когда вернул-

ся, за столом шло бурное обсуждение случившегося. <...> Никто из нас так и не узнал, зачем СП [Сергею Павловичу] понадобилось доводить Терешкову до слез».

Впрочем, советское политическое руководство подобные тонкости мало интересовали — Никита Сергеевич Хрущёв получил новую возможность покрасоваться с космонавтами на трибуне Мавзолея и заявить о научно-технической отсталости США.

Вскоре, 3 ноября 1963 года, по настоянию главы государства провели еще одну пропагандистскую акцию, превратив свадьбу Валентины Терешковой и Андрияна Николаева в дорогостоящее шоу с участием партийных начальников. Юрий Гагарин с женой были на этой свадьбе свидетелями со стороны невесты.

Глава тридцать восьмая

Звёздный городок

9 апреля 1962 года в советском прокате появилась художественная кинолента «Самые первые», снятая режиссером Анатолием Михайловичем Граником на студии «Ленфильм». В ней освещалась подготовка космонавтов, их повседневная жизнь и даже отношения с девушками, но, разумеется, без упоминания реальных лиц.

Фильм начали снимать еще до полета Гагарина, а к прокату подготовили уже после него, поэтому в картину были органично вмонтированы кадры торжественного приезда первого космонавта в Москву, митинга на Красной площади и приема в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Наибольший интерес сегодня, пожалуй, вызывают последние сцены фильма, в которых к реализму примешана фантастика «ближнего прицела»: после приема руководители ракетно-космической отрасли (таинственного главного конструктора блестяще сыграл Владимир Яковлевич Самойлов) прогуливаются по территории Кремля и рассуждают о будущем внеземной экспансии:

«— Как вы отнесетесь к тому, чтобы несколько изменить программу нашей работы?

— Это что же, на Луну лететь?

— Ну не сразу, конечно. Сначала — облет вокруг, а потом действительно... на Луну.

— На Луну?

— А вам мало?

— Нет...

— Мало! И мне мало, и всем нам мало. А вы знаете, о чем нас спросили сегодня там? Нас спросили: а что дальше? Мы говорим: у нас есть перспективный план Академии. Знаем, говорят, перспективный план — ну а что же дальше? И вы знаете, у меня дух захватило... Действительно, что же дальше, а?

— Дальше? Всерьез заняться планетами. Использовать всё около-солнечное пространство для нужд человечества. Словом, пересмотреть систему Коперника.

— Ну а дальше?

— А дальше — новые ракеты. Без них мы будем болтаться на задворках Солнечной системы. Звезды — вот будущее человечества. Объединение цивилизаций, общегалактическая культура...

— И человечество станет бессмертным? Бессмертным...»

Не важно, какие именно персонажи произносят эти слова. Фактически перед нами монолог, смысл которого обозначить глобальное целеполагание первых робких шагов космонавтики в ее философском измерении.

Иллюстрацией к сказанному условным Советом главных конструкторов становится финальный эпизод: молодой космонавт Сергей Сазонов (актер Игорь Борисович Пушкарёв) триумфально стартует с космодрома к Луне (поскольку облик «Р-7» был засекречен, он улетает на какой-то сигарообразной «дуре», по дороге превращающейся в немецкую «V-2»).

Фильм настраивал на определенный лад: освоение внеземного пространства будет продолжаться, у нас есть план, лидерство мы никому не отдадим, записывайтесь в космонавты! Только вот в действительности планы постоянно менялись, подстраиваясь под политическую конъюнктуру, и молодые слушатели отряда, подобные вымышленному Сазонову, годами были вынуждены ждать своего шанса сесть в кресло корабля, раз за разом повторяя одни и те же инструкции и тренируясь на износ. Далеко не все из них сумели выдержать это испытание.

Как мы помним, в декабре 1961 года Президиум ЦК КПСС разрешил набрать в отряд Центра подготовки космонавтов еще шестьдесят слушателей, в том числе пятерых женщин. Если с женщинами

проблем не возникло, ведь от них не требовалось каких-то особых профессиональных качеств, то отбор мужчин затянулся: теперь искали не просто здоровых летчиков, а летчиков, имеющих ко всем прочим достоинствам еще и высшее образование. Только через год, 10 января 1963 года, приказом главкома ВВС на должности слушателей-космонавтов были приняты... пятнадцать человек.

От «гагаринского» набора новички отличались более солидным возрастом и имели больше практического опыта за плечами. Самому старшему, Льву Степановичу Дёмину, на следующий день после зачисления исполнилось 37 лет. Самым младшим оказался Виталий Михайлович Жолобов — ему было лишь 24 года. Все они, как и говорилось, имели высшее образование, многие окончили академии, а Лев Дёмин завершал кандидатскую диссертацию по противоракетной обороне и защитился через четыре месяца после зачисления в отряд. Впервые среди космонавтов появились четверо кадровых ракетчиков: все они участвовали в испытаниях боевых ракет на полигонах или были военными представителями ракетных войск на предприятиях. Удивительное дело: инженер-капитан Петр Иванович Колодин с полигона Плесецк сумел «преодолеть» врачей, не имея большого пальца левой руки. Однако в космос он, увы, так и не слетал, оставшись на «скамейке запасных».

В 1963 году в отряде космонавтов произошло не только пополнение, но и сокращение. 27 марта Григорий Нелюбов, Иван Аникеев и Валентин Филатьев попали в пренеприятную историю у железнодорожной станции Чкаловская. Существует множество версий того, что там произошло, но наибольшее доверие вызывают сведения, которые собрали Олег Валерьевич Варяник и Александр Павлович Лютый для своей книги «Полшага до старта», посвященной космонавту № 3 Григорию Нелюбову (книга пока не вышла массовым тиражом, поэтому приходится использовать отдельные отрывки из нее, имеющиеся в свободном доступе).

В тот злополучный день Нелюбов проводил жену Зинаиду Ивановну, студентку МГУ, на электричку. Он находился на «больничном», поэтому был одет в штатское. Возвращаясь, зашел в буфет, чтобы купить бутылку пива. Там он встретил двух товарищей по отряду — Аникеева и Филатьева, которые в подпитии мерялись силой на руках, случайно задели солонку и разбили ее. Буфетчица накричала на них и вызвала патруль. Нелюбов пытался унять инци-

дент, хотя мог бы этого и не делать, ведь он по факту был случайным участником конфликта. В разговоре Григорий оскорбил начальника патруля — офицера из состава отряда летчиков-испытателей. Тот предложил всем проследовать в комендатуру, а на следующий день подал рапорт на троих космонавтов.

Генерал-лейтенант Каманин записал в дневнике:

«4 апреля [1963 года]. <...>

Заходил и Герман Титов. Я спросил его, как он относится к „делу“ Нелюбова, Аникеева и Филатьева. Герман ответил, что ему жаль Нелюбова, что на ребят наговорили много лишнего. Тогда я сказал Титову, что факт захода в „забегаловку“ и выпивки несовместим со званием космонавта. Он немного поколебался, а потом твердо заявил: „Ребята знали, что им настоятельно не рекомендовали и даже запрещали заходить в подобные заведения. Они знали, что им запрещено пить, — их уже за это наказывали — пускай отвечают за свою глупость“.

5 апреля. <.... >

Вчера получил от [Михаила Петровича] Одинцова официальные документы по факту пьянки трех космонавтов 27 марта 1963 года на станции Чкаловская. Нелюбов, Аникеев и Филатьев уже не первый раз замечаются в выпивках. Двое последних не представляют ценности как космонавты (пьянки, слабоволие и низкие успехи в учебе), и этот случай дает нам законное право освободиться от них. Нелюбов входил в первую „гагаринскую“ шестерку и одно время был кандидатом на 3-й или 4-й полет, но потом показал не лучшие результаты на центрифуге и отошел на второй план. В данном происшествии он повинен меньше других (был в гражданской одежде и пытался уговорить товарищей пораньше уйти). Вершинин, Руденко, Рытов и Одинцов за увольнение из космонавтов всех троих. Гагарин считает, что нужно уволить только Филатьева, а Нелюбова и Аникеева следует строго наказать, но в Центре оставить. Было бы правильным уволить всех троих, хотя они и составляют 25 процентов от общего числа подготовленных к полетам космонавтов. Я за увольнение из Центра Филатьева и Аникеева и за попытку последний раз проверить Нелюбова, бывшего совсем недавно одним из лучших космонавтов первого набора».

В итоге вопрос решал Военный совет ВВС, постановивший отчислить всех троих в назидание остальным. Главком Вершинин прика-

зал Каманину донести информацию до отчисленных космонавтов. Позднее тот записал:

«19 апреля.

Весь день провел в ЦПК. На общем построении офицеров Центра объявили приказ Главкома об отчислении Филатьева, Аникеева и Нелюбова. После объявления приказа я поговорил с ребятами. Они ошеломлены таким ударом, но переносят его стойко. Просили меня только об одном: прежде чем направить их в полки, дать им возможность оттренироваться в полетах на самолетах в одном из училищ или центров переучивания».

Жизнь Григория Григорьевича Нелюбова завершилась трагически. Хотя Каманин в личной беседе пообещал, что через полтора года придет вызов в часть, куда направлялся Нелюбов, и восстановит его в ЦПК, он не выполнил обещание: хватало других забот. Нелюбов честно служил в 224-м авиационно-истребительном полку под Кемерово, в Приморском крае, но так и не смог смириться с тем, что его отчислили из отряда. Несколько раз он сам приезжал в Москву, пытался встретиться с Николаем Каманиным и Сергеем Королёвым, начал много пить и в результате 18 февраля 1966 года покончил с собой — бросился под поезд.

В Центре подготовки космонавтов тоже далеко не всё было в порядке. Поскольку отряд расширялся, а перспективные планы требовали больше подготовленных кадров, Николай Петрович Каманин пришел к выводу, что врач, каким был и оставался начальник ЦПК ВВС Евгений Анатольевич Карпов, не сможет справиться с возросшим объемом обязанностей, поэтому в декабре выдвинул на должность начальника генерал-майора авиации Михаила Петровича Одинцова, который в то время был первым заместителем командующего Воздушной армией в Хабаровске. В январе 1963 года Одинцов приступил к работе, однако его управленческий «стиль» вызвал резкое неприятие у военнослужащих ЦПК. Прежде всего, заступив на новую должность, он не захотел посоветоваться с летавшими космонавтами, которые лучше разбирались в реалиях жизни Центра и имели полное право претендовать на совместное решение вопросов. Такой подход задел их самолюбие. Но еще больше их задели новые порядки, установленные генерал-майором. Одинцов не желал признавать, что космонавты чем-то отличаются от обычных офицеров, выступал за соблюдение распорядка дня, требовал исполне-

ния «Положения о космонавтах», в том числе — нарядов раз в два месяца, и отмены всех привилегий. Одинцов запретил членам отряда после выполнения дневной программы уезжать домой, на Чкаловскую, требуя оставаться в Звёздном городке и заниматься самоподготовкой.

В итоге уже через месяц космонавты устроили «бунт»: 21 февраля Юрий Гагарин и Павел Беляев провели партийное собрание, на котором Гагарин прочитал доклад «Роль коммунистов в соблюдении режима труда и отдыха космонавтов». На собрании также выступили Алексей Леонов и Борис Вольнов, резко раскритиковавшие политику Одинцова. В ответ тот указал на недопустимость подобной критики от младших по званию, но и после его заявления собрание постановило обратиться к Главкому ВВС и в Главное политическое управление армии с просьбой укоротить амбиции свежеепеченного начальника ЦПК. Генералитет разделился в оценке «бунта» — предлагали даже примерно наказать Гагарина. Однако Николай Каманин предпочел урегулировать вопрос и посоветовал Одинцову адекватно ответить на критические замечания. Тем не менее противостояние продолжилось, и генерал-майор совершил несколько неуклюжих действий, что заставило Каманина усомниться в служебном соответствии своего протеже:

«12 июня [1963 года]. <...>

Сегодня маршал [Сергей Игнатьевич] Руденко имел продолжительную беседу с генералом Одинцовым. Беседа началась по инициативе Одинцова. Он заявил маршалу: „Центр работает без руля и без ветрил, у нас нет годового плана работы, нам не ясна перспектива. Центр — это строительная площадка, на которой много стройматериалов, но нет планов сооружений, архитектор не приложил еще своих усилий...“ и т. д. Мы часа два говорили с Руденко об этой беседе. На маршала она произвела плохое впечатление, он прямо заявил мне: „Я боюсь, что Одинцов ляпнет что-либо подобное кому-нибудь из больших руководителей (здесь маршал привел для примера случаи, когда его подвел М. М. [Михаил Михайлович] Громов перед Сталиным во время войны). Он просто неумен, его нужно будет заменить: необходимо подобрать таких заместителей, которые могли бы в любой момент стать на его место“. Да, я всё больше убеждаюсь, что Одинцов не сможет быть хорошим начальником Центра, ему не хватает вдумчивости, такта, а иногда и просто здравого смысла».

Чашу терпения переполнил выговор, вынесенный Юрию Гагарину за «пьянки на старте, панибратство с подчиненными и игнорирование указаний начальника Центра» — все эти обвинения не соответствовали действительности. Претензии к Одинцову накапливались, и 16 июля Военный совет ВВС единогласно проголосовал за его отстранение от должности. Новым начальником ЦПК был назначен генерал-майор Николай Фёдорович Кузнецов, возглавлявший Черниговское военное авиационное училище. Он пришелся космонавтам по душе — с легкой руки Гагарина его вскоре прозвали «нашей теткой» (видимо, звание «нашего дядьки» закрепилось за Каманиным).

В то же время Каманин понимал, что раньше или позже начальником ЦПК ВВС должен стать Юрий Гагарин. 27 июля 1963 года генерал-лейтенант записал: *«У меня всё больше крепнет мысль о назначении на эту должность Гагарина. Гагарину 29 лет, он хорошо знает дело и людей. Правда, он занят учебой в академии, у него нет еще высокой требовательности к подчиненным, мало опыта организационной и административной работы, но это не непреодолимые препятствия. Я сам в его возрасте командовал авиационной бригадой, и командовал хорошо. <...> Мне предстоит серьезная и, может быть, длительная борьба, но Гагарин будет начальником Центра»*. Каманин начинает давать первым космонавтам различные задания, так или иначе связанные с обретением «командирских» навыков. Те с переменным успехом пытаются соответствовать возлагаемым надеждам.

6 ноября 1963 года Юрий Гагарин получил очередное звание — за рекордный срок он прошел путь от старшего лейтенанта до полковника, на который у других офицеров обычно уходит от пятнадцати до двадцати лет. И всё же, как отмечал Каманин в своем дневнике, «два с половиной года всемирной славы не испортили Гагарина». Следовательно, из него получится очень хороший начальник для космонавтов.

Полковничьи погоны позволяли претендовать на высокий пост в ЦПК, и Каманин в том же ноябре предложил Юрию Алексеевичу стать замом Кузнецова. Подумав, Гагарин согласился, и с 20 декабря 1963 года занял штатные должности заместителя начальника ЦПК ВВС по летно-космической подготовке и начальника отдела летно-космической подготовки. Его обязанности командира отряда космонавтов принял на себя Андриян Григорьевич Николаев. На сле-

дующий день Гагарин собрал товарищей и выступил с коротким докладом, в котором указал на «недостатки в поведении некоторых космонавтов». Таким образом он сразу дал понять, что хотя и не будет вести себя подобно генерал-майору Одинцову, заиклившись на соблюдении устава, нарушений дисциплины не потерпит.

Хотя Юрий Алексеевич Гагарин лучше остальных подходил на роль руководителя ЦПК и ничего не имел против такого назначения, он мечтал вернуться к летной работе. И надеялся еще раз попасть в космос. Ведь только ради этого он и рискнул своей офицерской карьерой и своим будущим, уехав по вызову в Москву.

Еще в феврале 1963 года Гагарин прошел медицинское обследование, чтобы получить аттестат годности к полетам и принять участие в одном из существующих проектов.

Генерал-лейтенант Николай Каманин оказался в затруднительном положении. Вот что он писал в дневнике (2 марта 1963 года): *«У нас не решен главный вопрос о Гагарине — будем ли мы его готовить к повторным космическим полетам? Мне кажется, что не нужно рисковать „Колумбом космоса“, посылая его в полет, который может выполнить любой другой космонавт. Гагарин сам добивается разрешения летать и готовить себя к будущим космическим полетам. Нужно будет попробовать убедить его отказаться от полетов и готовить себя на роль одного из главных руководителей космической деятельности в СССР».*

Еще одна запись на ту же тему (4 апреля 1963 года): *«Вчера заходил Гагарин. Он только что возвратился из Киржача, где провел шесть тренировочных прыжков с парашютом. Это первая после его космического полета попытка вновь обрести форму космонавта. Гагарин надеется, что когда-нибудь он совершит новые космические полеты. Маловероятно, что это когда-нибудь произойдет, — Гагарин очень дорог человечеству, чтобы можно было рисковать его жизнью для рядового космического полета».*

Юрий Гагарин и сам понимал, что непосредственное начальство воспротивится его намерению вернуться в космос, однако так или иначе собирался добиться своего. Поскольку готовых космических кораблей было мало, а очередь кандидатов на орбитальный полет росла за счет приема в ЦПК новых слушателей, следовало всячески лоббировать расширение программы пилотируемых запусков, чем он и предполагал заняться.

Глава тридцать девятая

Политика и литература

Побывав на орбите, Юрий Алексеевич Гагарин в одночасье превратился из старшего лейтенанта в майора, а из летчика третьего класса — в летчика первого класса, Героя Советского Союза. Однако советская машина пропаганды была устроена таким образом, что ей оказалось мало возвышения нового героя в рамках его военного и дипломатического статусов — ее усилиями Гагарин превратился в суперавторитета, специалиста по всем наукам и искусствам. Конечно, его часто выручала начитанность и многостороннее образование, полученное в ремесленном и летном училищах, однако не всегда получалось удержаться в рамках.

Например, Гагарина периодически пытались привлечь к оценке литературных произведений. В своих вкусовых пристрастиях первый космонавт, как мы знаем, был довольно традиционен: любил самые яркие из классических произведений и современную патристическую прозу, почитывал фантастику. Разумеется, многие писатели и поэты мечтали встретиться с Юрием Алексеевичем на пике его популярности, чтобы привлечь дополнительное внимание публики к своему существованию, но не у всех получалось: к космонавту «подводили» только избранных.

В результате через много лет ходят байки о том, как Гагарин встречался с легендарными личностями эпохи в неофициальной обстановке. Например, есть сведения о встрече космонавта с Владимиром Семёновичем Высоцким. Об этом, в частности, написал биограф великого барда Марк Исаакович Цыбульский в статье «Владимир Высоцкий и Юрий Гагарин» (2007).

История заслуживает особого внимания, поэтому остановимся на ней подробнее. Однажды на концерте Высоцкий рассказал:

«Я снимался в фильме, который назывался „Увольнение на берег“. Когда на судно [крейсер „Михаил Кутузов“] приехали Гагарин и Титов <...>, всех прогнали... А я в это время на съемках, и жил я там вместе с ребятами в кубриках. Всех киношников выгнали, а меня забыли, потому что я был тоже в форме, одет, как все, ко мне уж привыкли на корабле. Так что я первый из очень многих гражданских людей видел в лицо и разговаривал с Титовым и с Гагариным».

К сожалению, история эта вымышленная. В «Увольнении на берег» Высоцкий снимался в июле-августе 1961 года, а из дневника генерал-лейтенанта Каманина следует, что в Крым космонавты впервые прилетели 14 сентября, а на крейсер ездили 21 сентября — в это время Высоцкий находился в Ленинграде, где начинались съемки фильма «713-й просит посадку». Вероятно, бард, удивившись близкому совпадению по датам (визит космонавтов в Севастополь подробно освещался в прессе), придумал эту байку для красного словца, чтобы повеселить слушателей, — обычный прием людей, часто выступающих с концертами.

Другую историю о знакомстве космонавта с артистом рассказал полковник медицинской службы Анатолий Григорьевич Утыльев, работавший в ГНИИИ авиационной и космической медицины (цитирую по статье Виталия Головачёва «Первый навсегда», опубликованной в газете «Труд» 5 марта 2004 года):

«Утром первого января 1964-го или 1965 года в квартиру инженера Валерия [Николаевича] Сергейчика в Звёздном городке пришел Гагарин. Все еще спали после шумной новогодней ночи, я по привычке встал рано. „Знаешь, — сказал Юра, — мне вчера подарили необычную магнитофонную кассету, — какой-то парень поет просто потрясающе. Давай послушаем...“ И он врубил магнитофон так, что ребята (а в квартире были Николаев, Хрунов, кто-то еще) тут же забыли про сон. Я сказал Гагарину, что знаком с певцом, — это Высоцкий, артист театра на Таганке. Юра тут же попросил и его познакомить с актером. Встреча двух кумиров состоялась в мае в моей квартире в Москве в Проточном переулке. Был теплый субботний день. Гагарин приехал из Звёздного с друзьями на своей черной „Волге“, а Высоцкий с гитарой — на метро. Они крепко, по-мужски обнялись и, по-моему, сразу понравились друг другу. Юра сказал, что Володины песни производят на него сильное впечатление. Оживленный разговор продолжился за столом. Произносили, конечно, и тосты, но Высоцкий пил только сок — он был „в завязке“. Зато песен спел множество. Володя в тот день был явно в ударе. Засиделись допоздна. Договорились почаще встречаться. Но больше, по-моему, Юрию и Володе не суждено было свидеться...»

Полковник Утыльев в личной беседе с Цыбульским подтвердил факт встречи, уточнив адрес квартиры, где она происходила: Смоленская набережная, дом 5/20, квартира 25. Больше того, удалось определить и приблизительную дату — май 1965 года.

Еще одну встречу, состоявшуюся в апреле 1966 года, описал актер Георгий Семёнович Епифанцев, друг Высоцкого по Школе-студии МХАТ:

«Высоцкий спросил Гагарина: „А вот, если нам придется играть космонавтов, вот — как там, в космосе, чисто по-человечески: чем жить, чем дышать? Какое главное ощущение в космосе?“ На что Гагарин ответил: „Ну смотрите, — говорит, — я могу сказать, мне-то ничего не будет, но это — государственная тайна. Вам может повпасть, если вы разгласите ее. Самое главное ощущение в космосе, чисто по-человечески, это — страшно. Вот это черное-черное небо, вот эти яркие-яркие звезды на этом черном небе... И вот, туда, в эту черноту зачем-то надо лететь“.

И вот, через два месяца мы были с Высоцким в Тбилиси, жили в одной гостинице, в разных номерах, но ночью перезванивались, потому что Высоцкий тоже работал по ночам (другого времени не было), писал. И вот, так в шестом часу вдруг он позвонил: „Жора, бегом ко мне! Если б ты знал, что я написал!“ Я ему всегда стереотипно отвечал: „Ну да, прям-таки я и побежал! Один ты у нас пишешь, больше никто ничего не пишет!“ А он: „Нет, прибежишь, если узнаешь, что я написал, о чем. Я написал песню о космосе!“ Конечно, очень большая радость была для друзей, для близких, что Высоцкий стал писать о космосе. И я пришел к нему, и он прочел начало песни космических бродяг. Посмотрите, как это написано со знанием предмета... „Вы мне не поверите и просто не поймете...“ Эту песню Высоцкий долго потом обрабатывал, работал над ней, еще несколько месяцев дорабатывал. Но иногда писал очень быстро. Особенно если это песни были с юмором. Вот, юмор ему очень помогал работать, и эти песни он писал легко».

Речь здесь идет о песне «Марш космических негодяев», которая действительно датирована 1966 годом. Что касается разговора с Гагариным, то видно: он откровенно подшучивал над актерами, стремясь вызвать у них душевный трепет: «Вот это черное-черное небо, вот эти яркие-яркие звезды на этом черном небе...» Знал бы он, во что Высоцкий превратит его шутку!

Возможно, Гагарин и Высоцкий встречались многократно, но других более или менее достоверных свидетельств, увы, не сохранилось. В любом случае космонавтика влияла на творчество Владимира Семёновича, и он написал множество прекрасных стихов (в том числе с фантастическим элементом), посвященных ей. Наи-

более эмоциональным, конечно, остается стихотворение «Первый космонавт», впервые опубликованное в журнале «Москва» (1982, № 1) — к сожалению, после смерти и Гагарина, и Высоцкого. Прочити-
фрагмент:

*Я первый смерил жизнь обратным счетом.
Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.*

*Я затаился и затих, и замер.
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.*

*Сейчас я стану недвижим и грузен
И погружен в молчанье, а пока
Меха и горны всех газетных кузен
Раздуют это дело на века.*

В творчестве Высоцкого космонавту должен был импонировать народный патриотизм, противопоставленный партийно-государственному официозу, с которым Гагарин, конечно, мирился, но от которого сильно уставал. Стихи и песни знаменитого барда вносили живую струю в нагромождение лозунгов, придавая им осмысленное звучание и выявляя преемственность поколений в борьбе за лучшее устройство мира.

Понятно, что в советских газетах о знакомстве Гагарина с Высоцким не писали: творчество барда было под «мягким» запретом, как, скажем, и творчество Есенина до него, поскольку не укладывалось в прокрустово ложе идеологических установок. Зато всячески рекламировался факт встречи космонавта с Михаилом Александровичем Шолоховым.

В июне 1967 года Юрий Гагарин вместе с участниками Международного семинара молодых писателей побывал в станице Вёшенская, где жил классик советской литературы. Поскольку встреча была согласована заранее, местное партийное руководство во главе первым секретарем райкома Петром Ивановичем Маяцким подготовило площадки для торжественных собраний, вплоть до того, что залатали ямы на дорогах, а в доме Шолохова повесили японский кондиционер.

Писатели прилетели в Ростов-на-Дону 11 июня, а через два дня к ним присоединился космонавт. Сначала гости города прогулялись на катере по реке, потом состоялось застолье с ухой на одной из баз отдыха. Ночь провели в гостинице «Ростов», а рано утром 13 июня вылетели на двух чешских «Моравах» («Let L-200 Morava») и одном «Ил-16» в Вёшенскую, рядом с которой в станице Базковская располагался небольшой аэродром. Гагарин попросил у пилота своей «Моравы» пустить его к управлению и несколько минут перед посадкой выписывал в воздухе лихие пируэты, чем изрядно напугал первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павловича Павлова, находившегося в том же самолете.

Встреча с космонавтом должна была проходить в зале заседаний Вёшенского райкома партии. Прибывших встретили аплодисментами, но Шолохов тут же предложил поехать на природу, благо летняя погода к этому располагала. Гагарин сел за руль писательского газика (ГАЗ-69), и все желающие направились на любимое место Шолохова — на песчаную косу между станицами Еланской и Букановской. Писатель Валерий Николаевич Ганичев, возглавлявший в то время издательство «Молодая гвардия», вспоминал (цитирую по книге Георгия Васильевича Губанова «Гагарин на Дону», 2011):

«Юрий Алексеевич попросил показать Вёшенскую. Приехал тихий, задумчивый: готовился выступать вечером перед станичниками. Михаил Александрович шутками, добрым словом снял неестественную для космонавта скованность. На берегу Дона Юра (так мы его тогда все звали) устроил форменную круговерть.

Затеял состязаться в прыжках, играл в волейбол, делал стойку на руках. А потом, весело гикнув, кинулся в Дон и быстро поплыл, увлекая за собой других. Впрочем, большинство вскоре конфузливо отстали и лишь немногие достигли другого берега. Обратного Гагарин плыл еще быстрее — нам это было уже не под силу.

— Ну, Юра, казак, — посмеивался Шолохов. — Ты мне писателей тут не загоняй...»

Когда все расселись за скатертью с угощениями, расстеленной прямо на траве, начались литературные разговоры. Там между Гагариным и Шолоховым состоялся примечательный обмен мнениями, который был зафиксирован вездесущими журналистами и впоследствии неоднократно воспроизводился в разных источниках (цитирую по биографическому очерку Валерия Жаркова «Он всех нас позвал в космос», 1986):

«О чем и как писать, размышлял вслух Шолохов, каждый сам для себя решает, но есть неперемное условие — писать надо правду. Первый советчик писателя — совесть, главный судья — народ.

— А ты, Юра, как считаешь? — вдруг обращается он к Гагарину.

Гагарин улыбается, разводит в смущении руками:

— Неудобно мне, рядовому читателю, профессиональным литераторам советовать... Признаюсь, откладываю иной раз книгу с досадой. Чувствую, что автор грешит против правды: высосан сюжет из пальца или взят с потолка. А это занятие не писательское, а скорее писарское. Такая книга — что полет без цели. Я за те книги, которые помогают людям больше видеть, глубже знать, делают их сильнее и, как знамя в бою, ведут за собой.

Михаил Александрович разводит руками:

— Вот тебе и рядовой читатель...»

На следующий день космонавт улетел на городской праздник Комсомольска-на-Амуре, а поляну на берегу Дона, где он заседал с писателями, до сих пор называют «гагаринской».

Эффектный ответ Юрия Алексеевича на вопрос Шолохова выглядит искренним пожеланием читателя, выросшего на классике и соц-реализме, поэтому сторонящемуся литературных экспериментов. В то же время принцип Гагарина, примененный на практике, легко позволяет отличить «литературщину», которая не всегда бывает оправданной. При этом космонавт очень осторожен в своем высказывании: дело в том, что за три года до семинара в станице Вёшенская он получил урок, который усвоил с первого раза.

Весной 1963 года Юрия Гагарина вовлекли в политическую травлю поэта Евгения Александровича Евтушенко. Тот умудрился опубликовать в западноевропейской периодике эссе «Преждевременная автобиография молодого человека» (1962), в котором излагал свои взгляды на негативные стороны советской действительности, в том числе на ущемление творческой свободы. Прочитую небольшой фрагмент, нужный для понимания претензий Гагарина:

«Я ходил вместе с мамой и отцом на демонстрации и просил отца приподнять меня повыше.

Я хотел увидеть Сталина.

И когда, вознесенный в отцовских руках над толпой, я махал красным флагом, то мне казалось, что Сталин тоже видит меня.

И я страшно завидовал тем моим ровесникам, которым выпала честь подносить букеты цветов Сталину и которых он ласково гладил по головам, улыбаясь в свои знаменитые усы своей знаменитой улыбкой.

Объяснять культ личности Сталина лишь насильственным навязыванием — по меньшей мере примитивно. Без сомнения, Сталин обладал гипнотическим обаянием.

Многие большевики, арестованные в то время, отказывались верить, что это произошло с его ведома, а иногда даже по его личному указанию. Они писали ему письма. Некоторые из них после пыток выводили своей кровью на стенах тюремных камер: „Да здравствует Сталин“.

Понимал ли народ, что на самом деле происходило?

Я думаю, что в широких массах — нет. Он кое-что инстинктивно чувствовал, но не хотел верить тому, что подсказывало его сердце. Это было бы слишком страшно.

Народ предпочитал не анализировать, а работать. С невиданным в истории героическим упорством он воздвигал электростанцию за электростанцией, фабрику за фабрикой. Он ожесточенно работал, заглушая грохотом станков, тракторов, бульдозеров стоны, доносящиеся из-за колючей проволоки сибирских концлагерей.

Но всё-таки совсем не думать было невозможно.

Надвигалась самая страшная опасность в истории каждого народа — несоответствие между жизнью внешней и внутренней.

Это было заметно и нам, детям. Нас тщательно оберегали родители от понимания этого несоответствия, но тем самым еще больше подчеркивали его. <...>

Мама хотела от меня, чтобы я учился, учился и учился.

А учился я необыкновенно плохо.

К некоторым предметам я вообще был неспособен — например, к физике. Я до сих пор, кстати, не могу понять, что такое электричество и откуда оно берется.

Плохие отметки у меня всегда были по устному русскому. Писал я почти без ошибок, и мне казалось бессмысленным заучивать грамматические правила, если я и так пишу правильно.

Уже в школе начиналась — конечно, только в зародышевой форме — дифференциация моего поколения. За школьными партами сидели маленькие правдоискатели, маленькие герои, маленькие циники и маленькие догматики.

Я уже тогда не любил бездельничающих циников, иронически издевающихся надо всем и всеми, но точно так же терпеть не мог бессмысленно трудолюбивых тихонь, принимающих всё на веру».

По современным меркам текст не слишком-то острый, но осуждение со стороны партийных и литературных кругов, очевидно, было связано не столько с текстом, сколько с фактом публикации его за рубежом.

Юрия Гагарина настойчиво попросили высказаться, и 12 апреля 1963 года он опубликовал в «Литературной России» статью «Слово к писателям», в которой есть такие строки: *«Что можно сказать об автобиографии Евгения Евтушенко, переданной им буржуазному еженедельнику? Позор! Непростительная безответственность!»*

7 мая космонавт выступил на Всесоюзном совещании молодых писателей с речью, в которой пригвоздил Евтушенко в том числе и за безграмотность (цитирую по записи речи, опубликованной в газете «Литературная Россия» 10 мая 1963 года):

«Я не понимаю вас, Евгений Евтушенко... Вы писатель, поэт, говорят, талантливый. А вы опубликовали в зарубежной прессе такое о нашей стране и о наших людях, что мне становится стыдно за вас. Неужели чувство гордости и патриотизма, без которых я не мыслю поэтического вдохновения, покинуло вас, лишь только вы пересекли границы Отечества? А ведь без этих чувств человек нищает духом, теряет себя, обкрадывает своё творчество. <...>

Я уверен: для того, чтобы видеть новое, надо много знать. Ведь еще не потеряли ни для нас, космонавтов, ни для вас, писателей, своей остроты слова старого флотоводца адмирала Макарова: „Широта горизонта определяется высотой глаза наблюдателя“. Отлично сказано, не правда ли?

А что такое высота глаза наблюдателя? Это в первую очередь уровень твоих знаний, высота твоего идейного самосознания.

А вот в своей недоброй памяти „Автобиографии“ Евгений Евтушенко хвастается тем, что он, дескать, никогда не изучал электротехники и ничего не знает об электричестве.

Нашел чем хвастаться! С каких это пор невежество возводится в степень некой добродетели?

Если нам, космонавтам, нужна в пути поэтическая ветка сирени, то — я уверен — вам, писателям, не обойтись без больших и серьёзных знаний современности, и в первую очередь без глубокой идейности».

Позднее Юрий Алексеевич осознал, что перегнул палку в старании угодить партийным руководителям, и даже извинился перед Евтушенко. Желая исправить возникшую неловкость, космонавт пригласил опального поэта выступить 12 апреля 1964 года на концерте в Звёздном городке. Позднее Евтушенко сам рассказал о том, как это происходило (цитирую по его книге «Волчий паспорт», 2015):

«И вдруг мне позвонил Гагарин. Год назад он прочитал на Совещании молодых писателей написанную кем-то речь, где было сказано, что негоже Евтушенко хвастаться в своей автобиографии непониманием происхождения электричества.

Мне рассказывали, что один из наших старейших физиков, [Пётр Леонидович] Капица, встретив Гагарина на научной конференции, сказал ему, лукаво заглянув в глаза:

— Юрий Алексеевич, батенька, вы бы поделились с человечеством вашим открытием происхождения электричества. А то я уже столько лет бьюсь над этой проблемой, и ни тпру ни ну... Кстати, вы Евтушенко не слишком вовремя ругнули...

Гагарин попросил меня не обижаться и пригласил в Звёздный городок выступить 12 апреля [1964 года], в День космонавтики. Гагарин хотел мне помочь — ведь концерт транслировался на всю страну.

Я очень волновался и взад-вперед ходил за кулисами, повторяя строчки главы „Азбука революции“, которую собирался читать. Это мое мелькание за кулисами было замечено генералом [Николаем Романовичем] Мироновым, занимавшим крупный пост и в армии, и в ЦК.

— Кто пригласил Евтушенко? — спросил он у Гагарина.

— Я.

— По какому праву? — прорычал генерал.

— Как командир отряда космонавтов.

— Ты хозяин в космосе, а не на земле, — поставил его на место генерал.

Генерал пошел к ведущему, знаменитому диктору Юрию [Борисовичу] Левитану, чей громовой голос объявлял о взятии городов в Великую Отечественную, показал ему красную книжечку и потребовал исключить меня из программы концерта. Левитан сдался и невнятно пролепетал мне, что мое выступление отменяется. Я, чувствуя себя глубочайше оскорбленным, опрометью выбежал из клуба Звёздного городка, сел за руль и повел свой потрепанный „москвич“ сквозь проливной дождь, почти ничего не видя из-за дождя и собственных слез. Чудо, что

не разбился. Гагарин кинулся за мной вдогонку, но не успел. „Найдите его, где угодно найдите...“ — сказал он двум молодым космонавтам. Они нашли меня в „предбаннике“ ЦДЛ [Центрального дома литераторов], где я пил водку стаканами, судорожно сжимая непрочитанные машинописные листочки... Самолет с советской правительственной делегацией, в которой был генерал Миронов, через месяц [на самом деле в октябре] разбился о югославскую гору Авала, а с Гагариным я больше никогда не виделся и глубоко переживал его трагическую гибель».

В силу своего статуса Юрий Алексеевич Гагарин был обязан участвовать в общественно-политической деятельности, но не всегда желал этого, особенно когда доходило до демонстративной борьбы с конкретными людьми. И дело не в мягкости характера (ведь Гагарин стал первым космонавтом во многом благодаря своим волевым качествам), а в тонком интуитивном понимании, что лично он не может указывать другим на ошибку, если точно не знает, ошибаются ли они. Без сомнения, тут сыграло роль его бесконечное уважение к образованию, которое дает право на многое, включая независимость в суждениях.

Оставаясь партийцем, Гагарин отказался от стези политика (и литературного критика), занявшись главным делом жизни — космонавтикой. И здесь он добился немалых успехов, которые вовсе не ограничиваются одновитковым полетом на орбиту.

Глава сороковая

К вопросу о Боге

Давно известен социально-психологический феномен, проявляющийся в приписывании авторитетным людям прошлого идей и убеждений, которые они не разделяли, с целью подкрепления идеологий настоящего. Выше мы разбирали пример того, как предвоенные советские идеологи записывали в революционеры любого российского дворянина, если он хотя бы раз что-то такое сказал против самодержавия.

По-человечески подобную подмену понять можно: все мы мечтаем о том, чтобы наши убеждения разделяло как можно больше симпатичных и, тем паче, всемирно известных людей, а если они не разделяли, то публицистическими приемами всегда можно изобра-

зять дело так, будто бы они готовились разделять, просто не были, бедняги, в курсе, какое счастье их ждет.

В последнее десятилетие существования Советского Союза Юрия Гагарина пытались представить последователем русского космизма — искусственного метафизического учения, под виртуальным знаменем которого старались объединить тех мыслителей прошлого, которых занимал вопрос взаимодействия микрокосма с макрокосмом и которые в своих интеллектуальных поисках не слишком удалялись от материализма. К русским космистам относили, например, Николая Фёдоровича Фёдорова и Константина Эдуардовича Циолковского. Хотя между ними нет никакой серьезной идеологической связи, Фёдорова и Циолковского позиционировали по схеме учитель-ученик, а Гагарин получался как бы наследником обоих. Для доказательства этого спорного тезиса Виктор Анатольевич Митрошенков в своих книгах даже приписывал Гагарину чтение литературы, которую тот в принципе прочитать не мог, в чем мы убедились выше. Безусловно, Юрий Алексеевич был в некотором смысле космистом, но по убеждениям весьма далеким от «религии воскрешения» Фёдорова и «панпсихизма» Циолковского — к внеземной экспансии он относился, как Сергей Павлович Королёв, то есть с прагматизмом человека, который увидел, что за этим величественным делом стоит будущее, и захотел присоединиться к нему для того, чтобы всегда быть впереди остальных.

Сегодня русский космизм привлекает мало внимания, зато широко распространяется православная вера. Поскольку на волне десекуляризации в православные стараются записать всех более или менее приличных людей прошлого, то не удивляет, что в какой-то момент добрались и до Гагарина.

В 2010 году Телестудия Роскосмоса выпустила документальный фильм режиссеров Ларисы Смирновой и Дмитрия Свергуна «Космос как послушание» о связи православия с космонавтикой. Среди очевидцев давних событий, представленных в фильме, есть и некий Валентин Васильевич Петров, утверждающий, что хорошо знал Гагарина по учебе в Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского и однажды лично отвез космонавта в Свято-Троицкую Сергиевскую лавру: *«Но Гагарина потрясло одно — макет храма Христа Спасителя... И он так заглядывает и говорит: „А где этот храм?“ А батюшка говорит: „Ну там, где эта лужа — бассейн «Моск-*

ва»“. Через две недели пленум ЦК по воспитанию молодежи, и он выходит на трибуну... Текст нам давали в ЦК согласованный. Он читает текст, потом отворачивается и говорит: „О каком воспитании молодежи патриотическом можно говорить, когда взорвали храм воинской славы? Я, — говорит, — видел только один макет, и то душа замирает“. И я вот никогда не думал, что у Гагарина такая смелость будет».

Далее создатели фильма превращают историю о «скандальном выступлении» Гагарина на «пленуме ЦК» в настоящий детектив. Дескать, о нем было запрещено писать в прессе, а тех, кто был там и пересказывал, поднимали на смех. Решающее доказательство правдивости слов Петрова съёмочная группа находит в Архиве социально-политической истории, где работает специалист Галина Токарёва: на глазах зрителя она достаёт с полки стенограмму выступления Гагарина на пленуме ЦК ВЛКСМ, завизированную его подписью, и зачитывает фрагменты: «В Москве была снята и не восстановлена Триумфальная арка 1812 года, был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном». Вот оно — доказательство! «Этой папке уже сорок пять лет, — сообщает автор закадрового текста. — Историки не интересовались ею только по одной причине — не верили, что она есть...»

Полковник Валентин Васильевич Петров не ограничился участием в фильме. Оказывается, он давно и настойчиво излагал свою версию приобщения Гагарина к таинствам истинной веры. Вот, например, что он говорил в интервью порталу «Интерфакс-Религия», датированном 22 апреля 2006 года:

«Юрий Алексеевич, как все русские люди, был человеком крещеным и, насколько я могу знать, верующим. Для меня незабываемой остаётся наша совместная поездка в Троице-Сергиеву лавру в 1964 году, как раз когда Гагарину исполнилось 30 лет. Он, такой заводной по натуре, как-то напрямую меня спросил, был ли я в лавре. Получив утвердительный ответ, предложил поехать еще раз, и мы отправились сразу же — вечером, переодевшись в „гражданку“. Дураки дураками, конечно, потому что Гагарина ведь во что ни переодень... Когда мы пришли в лавру, толпа народу пошла к нему за автографами. Еще даже служба не успела кончиться, но все, узнав о приезде Гагарина, поспешили к нему. Вот такая была народная любовь к Юре, и он не мог никому отказать. <...>

Потом отец наместник предложил нам посетить ЦАК. Мы удивленно отвечаем: „Что вы, отче, да мы в ЦАГИ были!“, имея в виду наш Центральный аэрогидродинамический институт. Потом выяснилось, что речь идет о Церковно-археологическом кабинете при Московской духовной академии. Мы туда, конечно, пошли, и там произошел случай, который меня потряс полностью. Когда мы подошли к макету храма Христа Спасителя, Юра заглянул внутрь, посмотрел и говорит мне: „Валентин, посмотри, какую красоту разрушили!“ Очень долго он на него смотрел тогда...

Когда мы возвращались в тот раз из лавры, на нас такое впечатление произвело всё увиденное, что мы ехали как под гипнозом. Юра мне неожиданно сказал: „Валентин, вдумайся в слова: «иже еси на небеси»“. Я распахнул глаза: „Юрий Алексеевич, вы что, молитвы знаете?!“ Он говорит: „А ты думаешь, один ты их знаешь? Ну, молчать-то ты умеешь“. А ведь на дворе — 1964 год, время, когда Хрущёв раздавал свои обещания „показать последнего попа“...

Для меня эта поездка даром не прошла, меня обвинили в том, что я Гагарина „тащу в религию“. Гагарин же меня и спас, он сказал: „Как это так — капитан полковника тащит в религию?! Не он меня возил — а мы ездили на моей машине“. В результате я получил выговор по партийной линии за то, что „ввел Юрия Гагарина в православие“, и теперь этим очень горжусь.

А спустя некоторое время после нашей поездки Юрий Гагарин, выступая на заседании пленума ЦК по вопросам воспитания молодежи, в открытую предложил восстановить храм Христа Спасителя как памятник воинской славы, как выдающееся произведение православия. Одновременно он предложил восстановить и разрушенную в то время Триумфальную арку. Мотив у Гагарина был очень простой: нельзя поднимать патриотизм, не зная своих корней. Поскольку храм Христа Спасителя — это памятник воинской славы, то люди, которые идут защищать Родину, должны это знать.

Никто на пленуме, конечно, не ожидал таких слов от первого космонавта, реакция была потрясающая, раздались бурные аплодисменты. Президиум, конечно, был серьезно напуган, но ничего сделать против Юрия Алексеевича они, разумеется, не могли.

Есть и более свежие заявления. Читаем на сайте Московской православной духовной академии (запись от 12 октября 2012 года):

«Юрий Алексеевич и Валентин Васильевич поехали в Лавру в конце марта 1964 года. Когда они только вошли в Лавру, Гагарина сразу узна-

ли... люди начали собираться, брать автографы. Он не хотел никого опечалить, и казалось, что желание увидеть древние храмы окончилось неудачей. Ситуацию спас наместник Лавры, который проводил гостей в свою келлию. После этого космонавты прошли в храм, приложились к мощам преподобного Сергия. Решили посетить также и ЦАК [Церковно-археологический кабинет].

Перед одним из экспонатов Юрий Гагарин остановился в восхищении. Это был макет храма Христа Спасителя в Москве:

— Валя, посмотри, красота какая!

— Да...

— Ну и где этот храм?

— Где?.. Там, где бассейн „Москва“...

Храм запал в душу Гагарину, тем более, что он был памятником не только русского Православия, но и русской воинской славы. И как оказалось, это посещение Московской духовной академии не прошло даром. Через несколько месяцев на пленуме ЦК ВЛКСМ Юрий Гагарин, выступая с речью о патриотическом воспитании молодежи, предложил восстановить Храм Христа Спасителя, а заодно и Триумфальную арку как памятники воинской славы России! Инцидент тогда замяли, и, тем не менее, факт остается фактом — Юрий Гагарин был первым, кто предложил восстановить Храм Христа Спасителя. И это было в 1965 году! А Валентина Васильевича после этого вызывали в партбюро, где он получил выговор „за попытку втянуть в Православие первого космонавта России“.

При сравнении этих текстов прежде всегостораживает разброс дат. Полковник Петров говорит о том, что возил Гагарина в лавру в дни, близкие к тридцатилетию космонавта (9 марта 1964 года), в другой версии упоминает конец марта 1964 года, в третьей — вообще переносит действие в 1965 год, когда проходил пленум ЦК ВЛКСМ, на котором Гагарин якобы произнес свою засекреченную речь.

Впрочем, не будем придирааться — события происходили давно, и свидетель мог перепутать даты. Лучше отыщем «засекреченную на сорок пять лет» речь. И для этого нам не понадобится спускаться в подвал архива и перебирать папки, потому что полная стенограмма была... дважды опубликована! Открываем сборники статей и речей Гагарина под одним и тем же названием «Есть пламя!», выпущенные в 1968 году (тираж 50 000 экземпляров) и в 1971 году (тираж 125 000 экземпляров), находим в них одно и то же «Выступление на XVIII пленуме ЦК ВЛКСМ. Декабрь 1965 года» и читаем искомые строки:

«На мой взгляд, мы еще недостаточно воспитываем уважение к героическому прошлому, зачастую не думая о сохранении памятников. В Москве была снята и не восстановлена Триумфальная арка 1812 года, был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Неужели название этого памятника затмило его патриотическую сущность?

Я бы мог продолжать перечень жертв варварского отношения к памятникам прошлого. Примеров таких, к сожалению, много.

Вы скажете, что, мол, Гагарин раскритиковал всех, а есть ли у космонавтов свои традиции? Да, есть. Стало неписанным правилом, что перед полетом космонавт приходит на Красную площадь к Мавзолею Ильича и дает клятву выполнить порученное задание, чего бы это ни стоило. За несколько дней до полета у нас проходят традиционные собрания, на которых специалисты, космонавты и их дублеры докладывают о своей готовности к полету.

Традиционным стало посещение родины Циолковского по возвращении из космоса. Это является своеобразным отчетом перед великими основоположниками космонавтики».

Как видите, из фрагмента совершенно не следует, что Юрий Гагарин собирался восстановить храм Христа Спасителя и еще каким-то образом способствовать возрождению православия. Скорее, наоборот — он говорит о новейших традициях, освященных Октябрьской революцией и гением Циолковского. Что касается оговорки о «варварском отношении к памятникам прошлого», то после XXII съезда стало модно покритиковать сталинскую эпоху: напомним, что храм был взорван в декабре 1931 года — расчищали место под помпезный Дворец Советов, который так и не был построен.

Итак, что мы имеем в итоге? История приобщения Гагарина разваливается при первой же проверке. У нас нет ничего, кроме слов Валентина Васильевича Петрова, который не может выступать свидетелем, поскольку выглядит заинтересованным лицом, использующим актуальную тему для саморекламы.

Выступление Юрия Гагарина на пленуме подтверждает совершенно другое — последовательную приверженность первого космонавта советской патриотической идеологии, рожденной в конце 1930-х годов и закрепившейся в ходе страшной войны. Личные убеждения Гагарина формировались под ее влиянием, и во многом именно она помогла ему найти свое место в мире. И в вечности.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

На пороге вечности

Глава сорок первая

Шаг к Луне

В октябре 1963 года Юрий Алексеевич Гагарин и Валентина Владимировна Терешкова в сопровождении генерал-лейтенанта Николая Петровича Каманина побывали в Мексике и на обратном пути задержались в Нью-Йорке, где приняли участие в пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Примечательно, что если о других поездках советская пресса трубила непрерывно, то об этом двухдневном визите предпочла сообщить предельно скупой, а в поздних советских биографиях он вообще не упоминается.

16 октября космонавты выступили на специально организованной пресс-конференции, где им пришлось выдержать очередное серьезное испытание: беспринципные американские «акулы пера» задались целью выведать у них хоть какую-то конкретную информацию о перспективных планах Советского Союза, касающихся развития космонавтики и будущих полетов на Луну. Их острый интерес можно понять, ведь США вкладывали колоссальные средства в свою программу «Saturn-Apollo», и американцев всерьез беспокоило, что миллиарды долларов могут быть потрачены впустую, если Советский Союз вновь опередит их.

По своей привычке Юрий Гагарин отвечал на вопросы уклончиво. Я приведу здесь несколько его ответов.

«Вопрос: Подполковник Гагарин, почему СССР не желает сотрудничать с США в осуществлении совместного проекта по лунной программе?»

От в е т: А какие у вас есть данные по этому вопросу?

Во п р о с: Вы сказали в Мехико, сэр, вас цитировали, что СССР не готов сотрудничать с США по осуществлению этого проекта.

От в е т: Такого моего заявления не было.

Во п р о с: Значит, СССР готов сотрудничать с Соединенными Штатами в осуществлении высадки на Луну?

От в е т: Этот вопрос был выдвинут президентом Соединенных Штатов Америки. Но он выдвинут так, в общих вопросах. И нужно, конечно, тут уточнение по этим вопросам. Но вот я так тоже слышал, так примерно так же, как вы, в Мексике, что конгресс США запретил эти совместные исследования.

Во п р о с: Правда ли, что были сообщения о том, что подполковник Гагарин будет командиром корабля, который отправится на Луну? Это так?

От в е т: Вообще-то, по секрету могу сказать, что я очень хочу полететь на Луну. Также как наши все советские космонавты. Валентина Владимировна [Терешкова] тоже мне составляет конкуренцию, она тоже хочет полететь на Луну. Каждому хочется лететь, и кто из нас полетит, пока еще неизвестно, но по крайней мере у всех у нас есть такое стремление. И нам очень хочется, чтоб наша мечта сбылась.

Во п р о с: Если СССР первым отправит космический корабль на Луну, то выдвинет ли он юридические претензии на Луну?

От в е т: Ну, тут вопросы юридические. Мы космонавты, а не юристы. Наше дело летать, а законы устанавливать, права устанавливать — это дело юристов.

Во п р о с: Поскольку подполковник Гагарин отрицает большую часть заявлений, которые ему приписывали в последнее время, можете ли вы прокомментировать и такое заявление, приписанное вам, — что Советский Союз сможет отправиться на Луну в будущем году?

От в е т: В будущем году — такого заявления я не делал, по крайней мере. То, что в предстоящем десятилетии будут такие полеты, это я говорил.

Во п р о с: После возвращения английского астронома Ловелла из СССР он сделал заявление, что, по сути, США ведут гонку за Луну с самими собой и что СССР, по существу, вышел из этой гонки. Правда это?

От в е т: Видите ли, я бы не хотел переубеждать господина Ловелла в этом вопросе. Но всё-таки Луна в какой-то степени представляет интерес для человечества.

Вопрос: Это всё-таки не совсем ответ на вопрос. Я спросил — правда ли, что Советский Союз отказывается?

Ответ: Знаете, всеми этими проектами занимается Академия наук. Я не являюсь академиком, не вхожу ни в какой совет — так что лучше всё-таки у них спросить».

Юрий Алексеевич в очередной раз продемонстрировал умение говорить на публике обтекаемо настолько, что никто не мог интерпретировать его слова по-своему. Но по большому счету ему было нечего ответить американцам. Ведь проблема здесь не в вывихнутой логике пропаганды, а прежде всего в том, что у Советского Союза и впрямь долгое время не было внятной программы освоения Луны.

Сделаем очередной небольшой экскурс в историю, чтобы разобраться, в чем были трудности. Для достижения человеком Луны необходимы минимум две вещи: космический корабль, способный развивать вторую космическую скорость, и мощная ракета-носитель, которая могла бы вывести такой корабль на «опорную» орбиту. Грузоподъемность ракеты определяет конфигурацию корабля и схему полета. На основе межконтинентальной ракеты «Р-7» можно было создать форсированный вариант носителя, который вытаскивал бы на орбиту корабль массой до 6,5 тонны. Такого корабля было явно недостаточно для нормальной экспедиции на Луну. Поэтому в конце 1950-х годов встал вопрос о создании сверхтяжелой ракеты «Н-1» («Носитель-1» или «Наука-1»), которая могла бы выводить в космос до 100 тонн полезного груза. Существование подобного носителя сделало бы возможными полеты на Луну, а в перспективе — на Марс.

Разумеется, сразу взяться за конструирование сверхтяжелой ракеты Сергей Павлович Королёв не решился, и в 1959 году были выдвинуты предложения построить сначала более легкий вариант — с грузоподъемностью до 40 тонн. В июне 1960 года в ЦК КПСС обсуждались предложения по перспективной ракете, которую главный конструктор обещал сделать к 1963 году и просил под ее разработку три миллиарда рублей. Однако Министерство обороны, которому в той или иной степени подчинялись все бюро и институты, работавшие на космонавтику, не спешило заваливать Королёва деньгами, а требовало внятно объяснить, зачем для укрепления обороноспособности страны нужны полеты на другие планеты.

Ход дальнейших дискуссий по вопросу был прерван катастрофой на полигоне Тюратам, погубившей маршала Митрофана Ивановича

Неделина. К теме вернулись в январе 1961 года, когда было устроено «ревизионное» заседание Совета обороны, которое постановило «сосредоточить усилия конструкторских организаций промышленности в первую очередь на решении важнейших задач в интересах обороны страны». Понятно, что все высшие должностные лица при возникновении споров обращались к этому документу. Сергею Королёву пришлось доказывать, что его ракета «Н-1» может быть использована в военных целях: как носитель для выведения орбитальной разведывательной станции и как симметричный ответ на аналогичные американские ракетные проекты «Saturn» и «Nova». Однако противникам «Н-1» тоже было чем крыть: министр обороны Родион Яковлевич Малиновский и начальник Генштаба Матвей Васильевич Захаров общались в своих записках для ЦК КПСС, что сверхмощную ракету нельзя будет использовать для укрепления обороноспособности, ведь ее производственные, испытательные и стартовые сооружения из-за размеров не спрячешь от вражеской разведки — следовательно, они станут объектами для нанесения упреждающего удара.

В конце марта, за две недели до полета Юрия Гагарина, участь сверхтяжелой ракеты была решена: ее разработку отложили на два года. 7 апреля на повестку дня поставили вопрос о закрытии финансирования проектов межпланетных кораблей. Сергею Королёву удалось отстоять только один собственный проект, который мог быть реализован с помощью модифицированного варианта существующей ракеты «Р-7» — проект облета Луны на маленьком двухместном корабле без высадки на ее поверхность. Однако и его велели ограничить стадией эскизного проектирования, перенеся сроки представления документации на 1963 год.

Получается, Юрий Гагарин еще не успел слетать в космос, а военно-политическое руководство страны уже вовсю занималось демонтажем собственной ракетно-космической программы. В апреле 1961 года он, конечно, еще ничего не знал об этом (ведь даже «Восток» с ракетой увидел совсем недавно), но к своей пресс-конференции в Нью-Йорке, состоявшейся в октябре 1963 года, был хорошо осведомлен о серьезных проблемах советской пилотируемой космонавтики. Что он мог сказать любопытным журналистам? Правду? Какую? Ведь работы над проектом облета Луны всё же велись, только вот реальный облик будущей системы был очень далек от завершенности.

Глава сорок вторая

Космический линкор

Свои надежды главный конструктор Сергей Павлович Королёв связывал с многофункциональным трехместным кораблем «Север» («Союз»), который перед броском к Луне должен был обеспечить реализацию второго этапа развертывания внеземной инфраструктуры. Отработанные корабли-спутники «Восток» он планировал передать Военно-воздушным силам, чтобы те приняли их на вооружение и занимались развитием «оборонного» направления в космонавтике независимо от ОКБ-1. И действительно — никто поначалу не ставил под сомнение разумность такого шага, благо он был поддержан серьезными планами создания космических войск.

Отсчет истории советской военной космонавтики можно вести с 1956 года, когда начал формироваться институт по разработке теоретических и практических вопросов построения глобальной противовоздушной обороны страны. Через год структуру перевели в Калинин (ныне Тверь) под названием «Научно-исследовательский институт № 2 Министерства обороны» (НИИ-2 МО). Начальником Управления истребительной авиации НИИ-2 был назначен подполковник Олег Александрович Чембровский. Подчиненный ему коллектив определял типы истребителей, необходимых для прикрытия страны от самолетов потенциального противника. К 1960 году в институте стало известно о появлении в США проектов космических боевых систем и средств нанесения удара из космоса. Олег Чембровский тут же выступил с инициативой формирования специальной группы, которой поручалось исследование возможности использования космоса в военных целях. Министерство обороны одобрило первоначальный научный отчет и издало приказ о развертывании работ по формированию концепции построения противокосмической обороны СССР. Понятно, что руководство тематикой было поручено самому Олегу Чембровскому.

К 1962 году его группа выпустила проект многоразового авиационно-космического комплекса перехвата, а вскоре в НИИ-2 было создано самостоятельное Управление по космическим системам. Спектр исследований был широк: разведка космических объектов, распознавание их образов, удаление «космического мусора» и отработанных блоков ракет, осуществление помощи экипажам, выпол-

нение монтажных операций и многое другое. Новому подразделению не хватало данных, поэтому в его интересах в программу первого группового полета кораблей «Восток-3» и «Восток-4» был введен учебный космический бой. Андриян Николаев на борту «Востока-3» изображал условную цель, а Павел Попович на «Востоке-4» — перехватчик. Вручную управляя системой ориентации, Попович наводил свой «перехватчик» на «врага» и фиксировал результат. 13 сентября 1962 года, через месяц после группового полета, научно-техническая комиссия Генштаба заслушала доклады космонавтов о военных возможностях кораблей «Восток». Вывод звучал так: *«Человек способен выполнять в космосе все военные задачи, аналогичные задачам авиации (разведка, перехват, удар). Корабли „Восток“ можно приспособить к разведке, а для перехвата и удара необходимо срочно создавать новые, более совершенные космические корабли.»*

После группового полета Валерия Быковского и Валентины Терешковой, имевшего, как мы помним, чисто пропагандистское значение, Сергей Павлович Королёв прямо потребовал, чтобы ВВС наконец забрали программу себе, потому что «устал» заниматься повторением пройденного. При этом он не отказывался от участия в подготовке космических рейсов. «Востоки» новой серии предлагалось запускать в феврале-марте 1964 года, причем с продолжительностью работы на орбите до 10 суток и с подъемом высоты апогея до 1200 километров. На техническом совещании, состоявшемся 27 июля 1963 года, главный конструктор сообщил, что первые корабли «Союз» смогут полететь не раньше 1965 года, поэтому в 1964 году необходимо построить как минимум десять кораблей «Восток» для выполнения научных и военно-прикладных экспериментов, причем поздние из них должны быть серьезно доработаны: снабжены дублирующей тормозной установкой, системой мягкой посадки и более совершенной радиосвязью.

Однако все эти перспективные планы внезапно оказались не ко двору. Министерство обороны вполне удовлетворилось автоматическими фоторазведчиками «Зенит-2», а командование ВВС искренне не понимало, для каких целей нужны неманеврирующие орбитальные перехватчики с пилотом на борту. Изготовление новых «Востоков» и проектирование «Союзов» затягивалось. Остро встал вопрос о дальнейшем финансировании «гражданской» космонавтики: из 80 миллионов рублей, которые правительство обещало вы-

делить на постройку первой партии из четырех «Союзов», было выделено всего 30 миллионов — то есть ровно на полтора корабля! И тогда Сергея Королёва осенила «счастливая» идея: в январе 1964 года он доложил Никите Сергеевичу Хрущёву, что может «взять» еще один значимый всемирный приоритет, запустив корабль с экипажем из трех человек задолго до американцев. Хрущёв, соскучившийся по громким победам, дал отмашку. Королёв вернулся в бюро воодушевленный, отменил задание на «Союзы» и распорядился разработать на основе «Востока» трехместный корабль «ЗКВ», получивший название «Восход».

Проектанты ОКБ-1 во главе с Константином Петровичем Феоктистовым сначала приняли идею в штыки, но и на них главный конструктор нашел управу. Феоктистов вспоминал (цитирую по его книге «Траектория жизни: между вчера и завтра», 2000):

«Однажды в разговоре он [Сергей Королёв] спросил: „А что, разве нельзя в спускаемый аппарат „Востока“ двух или даже трех космонавтов поместить?“ Я ответил, что невозможно. Прежде всего потому, что уже апробированную схему посадки с катапультированием и приземлением экипажа на своих парашютах применить было нельзя. Габариты не позволяли поместить в спускаемый аппарат более одного катапультируемого кресла.

Но посадка была не главной проблемой. В то время группа авиационных инженеров во главе с [Гаем Ильичом] Северином и [Фёдором Дмитриевичем] Ткачёвым вела отработку схемы мягкой посадки корабля. Мягкой — за счет использования тормозного порохового двигателя, укрепленного на стренгах посадочного парашюта, включаемого перед касанием аппарата поверхности Земли. Так что появлялась возможность разместить в спускаемом аппарате до трех человек и осуществлять их приземление внутри спускаемого аппарата. Но как решить проблему аварийного спасения двух или трех космонавтов на старте и хотя бы в начальной фазе полета носителя? Даже если бы удалось разместить в спускаемом аппарате двух или трех человек в катапультирных креслах, то врезать в оболочку шара ни два, ни даже один дополнительный люк для катапультирования невозможно. А следовательно, невозможно было бы обеспечить спасение экипажа в случае аварии ракеты на старте или на начальной фазе полета. Ведь нужны были еще два отстреливаемых люка для основной и запасной парашютных систем.

Тогда Королёв отступился. Потом он еще два-три раза возвращался к этому вопросу, и снова приходилось его убеждать, что ничего хорошего из этого не получится. Да и зачем? Мы уже вели разработку нового корабля „Союз“, который мог обеспечить полет на орбиту экипажа до трех человек и при этом должен был обладать вполне личной системой спасения экипажа в случае аварии ракеты на любом участке полета. <...> Но Королёв не был бы самим собою, если бы отступился.

В феврале 1964 года он опять задал этот же вопрос. Однако теперь на крючок насадил жирного червяка. Как бы ненароком сказал, что если найдем способ посадить в „востокоподобный“ корабль двух-трех человек, то одним из них мог бы быть инженер. Я воспринял это как предложение о джентльменском соглашении. Вернувшись в отдел, заново перебрал возможные варианты. Вроде бы, если пойти на увеличение риска на старте, можно осуществить мягкую посадку корабля с тремя космонавтами, используя различные схемы аварийного спасения на разных участках полета, кроме, разумеется, начального: существо дела измениться не могло.

Появилась какая-то надежда на осуществление моей детской мечты самому отправиться в заманчивое и необыкновенное космическое путешествие. Воспоминание о детских размышлениях к тому времени, а вернее, сразу же, как только мы приступили к проектированию „Востока“, оформилось во вполне конкретное стремление. Можно даже сказать, что это стремление явилось одним из важнейших стимулов в работе».

4 февраля 1964 года Сергей Королёв получил распоряжение: новых «Востоков» больше не строить, а те четыре корабля «ЗКА», которые находились на Опытном заводе, переоборудовать для полета трех космонавтов. 5 февраля на представлении проекта переделанного «Востока» главный конструктор объявил, что полет возможен весной 1964 года. Однако не всё было так просто, как виделось на чертежах, и многие технические решения требовали проверки натурными испытаниями.

Генерал-лейтенант Николай Петрович Каманин записал в дневнике (цитирую по книге «Скрытый космос: Книга вторая», 1997):

«14 марта [1964 года].

Вчера на заседании Военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР рассматривался вопрос о переделке „Востока“ в „Вос-

ход“: решили делать трехместный корабль. Поручили ВВС готовить экипаж в составе: космонавт, ученый, врач. Пуск намечается на первую половину августа.

Сегодня <...> два часа совещались у маршала Руденко о возможности выполнения поставленной задачи. Все единодушно согласились, что за три месяца подготовить двух пассажиров для космического полета можно. Необходимо немедленно приступить к отбору кандидатов и закончить его не позднее 30 апреля. Решили пропустить через медицинскую комиссию 30 врачей и 30 ученых, чтобы отобрать из 60 человек только 6. Мое личное мнение о предстоящем полете по этому поводу таково: подготовить пассажиров можно, есть значительная доля уверенности, что и полет трехместного корабля можно успешно выполнить, но поспешность и бесплановость, с которой это делается, отдают духом авантюризма. Всё это уже привело нашу космическую программу к большим трудностям, а может привести и к грандиозным провалам. Я понимаю, что для <...> Келдыша и Королёва сейчас нет другого выхода. Они должны были бы честно и прямо признать, что США догоняют СССР, что в 1964 году Америка может вырваться вперед, а в 1965 году она прочно займет ведущее место в космосе, но они всеми средствами будут оттягивать и маскировать наше поражение. Попытка быстро переделать одноместный „Восток“ в трехместный „Восход“ и посылка в космос пассажиров — это не тщательно подготовленный дальнейший шаг вперед в деле освоения космоса, а отчаянный рывок. Но за рывками часто следуют срывы, и дай Бог, чтобы мы и на этот раз не сорвались. Положение таково, что сейчас ничего лучшего и не предложишь. Придется делать всё возможное, чтобы не допустить срыва, но не всё зависит только от нас...»

Тревога Каманина понятна: от затеи и впрямь пахнет авантюризмом, а ее реализация ничего принципиально не дает для развития космонавтики. Однако Королёва интересовал не только приоритет — он надеялся, что успех, который привычно будет использован пропагандистской машиной, придаст весомость его аргументам в спорах о дальнейшем финансировании, как в старые добрые времена после полета Гагарина.

Через месяц, 13 апреля, вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров № 294–117сс «О подготовке пилотируемых космических кораблей», в котором предписывалось в дополнение к четырем «Востокам» («ЗКА»), переделываемым в трехместные корабли «Вос-

ход» («ЗКВ»), изготовить еще пять модернизированных кораблей для осуществления выхода в открытый космос — «ЗКД».

Казалось, все организационные проблемы решены, но к середине июля выяснилось, что в первой половине августа старт трехместного «Восхода» не состоится: возникли серьезные проблемы с процедурой приземления. 9 июля спутник «Зенит-4» («Космос-34»), на котором испытывали систему мягкой посадки для корабля, приземлился в Уральских горах и катился 300 м по крутому склону, прежде чем сработал двигатель мягкой посадки. Чтобы уберечь космонавтов от такого варианта развития событий, специалисты предложили снабдить их... специальными шлемами. Королёв настаивал на решении проблемы другими способами, и к середине августа удалось накопить положительный опыт: из девяти приземлений три прошли со скоростью 7,5 м/с, а шесть — со скоростью ниже 1,5 м/с.

21 августа Сергей Королёв доложил, что работа по кораблю «ЗКВ» близка к завершению. Однако новые проблемы не заставили себя ждать. Сначала вышла задержка с поставкой ракеты-носителя на полигон. Затем, 29 августа, в Феодосии при подвеске спускаемого аппарата к самолету для испытаний самопроизвольно открылся люк парашютного контейнера. Пришлось разбираться, в чем причина сбоя, а испытания отложить. 7 сентября тот же люк не раскрылся вообще, и спускаемый аппарат, упав с десяти километров, разбился. Тогда же из-за отказа двигателя центрального блока «А» ракета с очередным фоторазведчиком «Зенит-4» не ушла со старта, а ведь она была точно такой же, что и подготовленная для запуска первого «Восхода».

Юрий Алексеевич Гагарин всё это время принимал участие в отборе и подготовке экипажей. Об этом свидетельствуют и записи в дневнике генерал-лейтенанта Каманина.

Запись от 21 марта: «Кроме недостаточной надежности „Восхода“, Гагарина беспокоит и малый срок подготовки экипажа. Он высказал пожелание, чтобы командиром „Восхода“ был назначен еще не летавший космонавт. Пожалуй, с предложением Гагарина нужно согласиться. Полет будет продолжаться не более суток, научные задачи программы полета ограничены, а его риск будет значительно большим, чем был до сих пор. Кроме того, летавшие космонавты сейчас далеко не в летной форме, и за 2–3 месяца их будет трудно подготовить. Я разделяю сомнения и беспокойство Гагарина».

Запись от 4 апреля: «Вчера был в Центре и объявил Титову, Поповичу и Быковскому решение о необходимости начать их подготовку к полету на „Восходе“. Приказал также готовить четырех космонавтов и двух слушателей-космонавтов из числа инженеров для полета в качестве пассажиров. <...> Гагарин и Николаев еще раз решительно высказались против гражданских пассажиров».

Запись от 27 апреля: «Звонил С. П. Королёв, он ратует за создание специальной комиссии (Тюлин, Королёв, Келдыш, Мрыкин, Гагарин и я), которая приняла бы решение о формировании экипажа для „Восхода“. Я сказал ему, что мы не против такой комиссии, если она будет рассматривать только те кандидатуры, которые предварительно отобраны комиссией ВВС. Сергей Павлович согласился с моим условием, но высказался против назначения командиром „Восхода“ уже летавшего космонавта. Я заверил Королёва, что мы не видим серьезных оснований для спора о том, кто будет командиром „Восхода“ — летавший или нелетавший космонавт. Есть много доводов за то, чтобы полетел нелетавший космонавт».

Разница между записями о Гагарине 1961 и 1964 годов очевидна. Мнение Юрия Алексеевича о составе экипажей не просто учитывается всеми заинтересованными лицами, оно используется в поддержку того или иного варианта. Можно констатировать, что через три года после своего полета первый космонавт полностью вписался в систему подготовки кадров для расширения внеземной экспансии, причем в формате, который не мешал ему заниматься общественно-политической работой и учиться в академии.

Летом 1964 года в группе космонавтов, проходивших подготовку для полета в трехместном «ЗКВ», осталось семь человек. Из них были сформированы два экипажа. Первый — Борис Валентинович Волынов, Георгий Петрович Катыс, Борис Борисович Егоров. Второй — Владимир Михайлович Комаров, Константин Петрович Феокистов, Алексей Васильевич Сорокин. Кандидат Василий Григорьевич Лазарев стал запасным для обоих экипажей.

Генерал-лейтенант Каманин, убежденный в том, что летать в космос должны только военные, был категорически против гражданских кандидатов, тем более подготовленных на скорую руку. Феокистов, по мнению Каманина, лететь не мог, так как у него, помимо слабого зрения, были выявлены и другие сложности со здоровьем. Проблемным оказался и Катыс. От сотрудников госбезопасности

генерал-лейтенанту стало известно, что «у *Катыса*, кроме расстрелянного отца, есть еще брат и сестра (по отцу) в Париже, и *Катыс* ничего не написал о них в своей автобиографии. Правда, они уехали в Париж еще в 1910 году, за 16 лет до рождения *Катыса*, но, тем не менее, всё это очень портит портрет кандидата в космонавты». По тем временам наличие родственников в капиталистической стране было серьезным «пятном» в биографии.

12 августа Каманин доложил, что оба экипажа подготовлены к полету, но заметил: «*Феоктистова* врачи забраковали по здоровью, а *Егорова* по результатам обследований они оценивают значительно ниже *Лазарева* и *Сорокина*». Острая дискуссия между специалистами и военными разгорелась с новой силой. *Катыс* и *Егоров* лишь «удовлетворительно» перенесли полеты на невесомость, а вестибулярные тренировки существенного результата не дали. В связи с этим Каманин пытался согласовать предложения ВВС по новому составу первого экипажа: *Волынов*, *Комаров* и *Лазарев*. Но его предложение отвергли. Споры продолжались весь сентябрь, и в результате Сергей Королёв сумел настоять на своем варианте экипажа для первого «*Восхода*».

В конце сентября Никита Сергеевич Хрущёв лично посетил Тюратам. Он осмотрел макет корабля «ЗКД», побеседовал с Юрием Гагариным, Павлом Беляевым и Алексеем Леоновым. Кроме того, лидер государства наблюдал пять показательных запусков ракет разных модификаций.

29 сентября выяснилось, что при наземной проверке беспилотного «*Восхода*» отказала бортовая телеметрия. Пуск отложили. Первый корабль («ЗКВ» № 2) стартовал только 6 октября 1964 года под обозначением «Космос-47». Вместо космонавтов на его борту были три манекена. Через сутки, на семнадцатом витке, корабль успешно приземлился в заданном районе между Кустанаем и Петропавловском при сильном ветре. Система мягкой посадки сработала штатно. Спускаемый аппарат коснулся земли практически с нулевой скоростью, но из-за ветра его протянуло на 160 м. Если бы на борту были космонавты, то они отстрелили бы парашюты вручную. Испытание корабля признали удачным.

4 октября оба экипажа, члены Госкомиссии, Юрий Гагарин и Андриян Николаев самолетом «Ан-10» прибыли на полигон. Началась предстартовая подготовка. Космонавты продолжили изучать программу полета, рассчитанного на сутки. Все семеро, и особенно Кон-

стантин Феоктистов, понимали, что в этом полете риск для его участников весьма велик. Кроме конструктивных особенностей корабля «Восход», снижающих надежность системы в целом, была еще одна серьезная проблема: ограничения по массе не позволили обеспечить космонавтов запасом средств жизнеобеспечения больше чем на двое суток. Таким образом, возможность спуска корабля при отказе тормозных двигателей за счет естественного торможения исключалась.

11 октября состоялся вывоз ракеты с кораблем на старт. При тестах выяснилось, что не работает телеметрическая система третьей ступени. Систему пришлось менять прямо на ракете, установленной на комплексе. В тот же день Николай Каманин вручил командиру экипажа Владимиру Комарову коммунистические реликвии из Музея Ленина в Москве: портрет Карла Маркса, принадлежавший Владимиру Ильичу Ленину, фотографию Ленина с газетой «Правда» в руках и красный бант со знамени Парижской коммуны.

12 октября 1964 года в 10:30 по московскому времени с 1-й площадки полигона Тюратам стартовала модернизированная ракетаноситель «Восход», которая вывела на орбиту первый в мире трехместный космический корабль «Восход» («ЗКВ» № 3) с экипажем (позывной «Рубин») в составе: командир-инженер — полковник Владимир Комаров; научный сотрудник-космонавт — кандидат технических наук Константин Феоктистов, врач-космонавт — Борис Егоров. Во время выведения связь с экипажем поддерживал Юрий Гагарин, ему отвечал Владимир Комаров.

Об успешном пуске Сергей Королёв доложил Никите Хрущёву, отдыхавшему в Пицунде, а затем другим руководителям правительства, включая Леонида Ильича Брежнева. Однако последнему было в те дни не до космоса: подготовка государственного переворота находилась в самом разгаре.

Экипаж приступил к выполнению программы полета. На первом витке Егоров провел медицинский контроль, затем все позавтракали. На втором витке космонавты передали приветствие участникам Олимпиады, проходившей в Токио. На третьем и четвертом витках космонавты проводили физиологические исследования: измеряли кровяное давление, легочную вентиляцию, брали мазки крови. С помощью специальных таблиц исследовалась работоспособность. На четвертом витке экипаж пообедал. Затем, согласно плану полета, Ко-

маров попытался уснуть. Феоктистов и Егоров несли вахту, вели переговоры с Землей. Феоктистов наблюдал за облаками, определял с помощью приборов их яркость, контрастность, фиксировал прозрачность при разных углах освещенности. Егоров исследовал сердечно-сосудистую систему и вестибулярный аппарат сначала у себя, потом у Феоктистова. На шестом витке Владимир Комаров вручную ориентировал корабль «по-посадочному», а Феоктистов фиксировал этот процесс. Егоров в это время отдыхал. На седьмом и восьмом витках состоялся телевизионный сеанс связи. На Земле впервые увидели лица космонавтов, а члены Госкомиссии смогли с ними пообщаться.

С девятого по тринадцатый витки «Восход» был вне зоны радиовидимости с территории Советского Союза. Экипаж продолжал работать по индивидуальным программам, отдыхая поочередно. На четырнадцатом витке космонавты передали параметры всех систем корабля и приняли рекомендации для ручного управления на случай отказа автоматики. На пятнадцатом витке Комаров вновь испытал ручную систему управления и ориентации корабля. Феоктистов фотографировал горизонт, определял работоспособность по специальным тестовым таблицам. Егоров отдыхал.

Утром 13 октября Сергей Королёв решил доложить Хрущёву о завершении полета. Он связался с Пицундой и получил согласие Никиты Сергеевича на посадку корабля. Необходимости в этом не было, корабль в любом случае приземлился бы, но согласие главы государства требовалось по политическим соображениям. То был последний разговор главного конструктора с Хрущёвым, которого через несколько часов отстранили от управления страной «соратники» по ЦК КПСС.

На шестнадцатом витке автоматически включилась система ориентации, и над Гвинейским заливом ТДУ-1 была включена на торможение. Вскоре поступила информация, что пилот самолета «Ил-14», кружащего в зоне посадки, видит спускаемый аппарат на земле, а рядом с ним трех космонавтов, машущих руками. Самый рискованный советский космический полет вопреки всем опасениям завершился успешно.

Историки до сих пор спорят, был ли «Восход» шагом вперед или, наоборот, стал своеобразным отступлением. В сущности, здесь не о чем спорить: «Восход» был всё тем же «Востоком», но приспособленным под решение одной узкоспециальной задачи. Идея запих-

нуть в сферу спускаемого аппарата трех человек вместо одного останется в истории чисто тактическим ходом, ради которого пожертвовали стратегией.

Знакомая нам деталь: подробности конструкции корабля «ЗКВ» были засекречены, поэтому западные эксперты могли оперировать только общими соображениями и сделали ошибочный вывод, будто бы «Восход» — это корабль нового поколения, намного превосходящий всё, что было создано ранее. В прессе его даже называли «космическим линкором». Однако, чтобы запустить этот «линкор», конструкторам пришлось отказаться от катапультируемого кресла и скафандров для экипажа; космонавты, одетые в тренировочные костюмы, летели в неудобных позах, лежа на спине с подогнутыми к груди коленями. Понятно, что ничего нового такой полет космонавтике не давал, а вот риски существенно возросли: технический сбой на любом из этапов приводил к неизбежной гибели трех человек. К счастью, в том октябре всё завершилось благополучно.

Глава сорок третья *Открытие космоса*

В антиутопическом романе Джорджа Оруэлла «1984» («Nineteen Eighty-Four», 1949) можно встретить странный термин — «нелицо» («unperson»), который обозначает человека, существование которого официально отрицается, потому что он наказан властями за измену или другое тяжелое преступление, подрывающее основы государственности.

Художественный образ «нелица» может показаться вздорной выдумкой, но только не тому, кто жил в Советском Союзе или изучал его историю достаточно подробно. Практика выведения публичных лиц в «нелица» получила распространение еще до войны, когда репрессированных политиков и полководцев, писателей и инженеров в буквальном смысле вымарывали из учебников и книг, из энциклопедий и служебных документов, из названий городов и улиц. При Сталине процесс приобрел поистине всенародный размах. Стоит ли удивляться, что когда после XXII съезда КПСС начался новый этап десталинизации, то и сам Иосиф Виссарионович вдруг превратился в «нелицо»?

Другой вопрос, о чем вообще думал Никита Сергеевич Хрущёв, запуская привычную процедуру вымарывания своего предшественника из истории. Нежели не понимал, что, сохраняя абсурдную традицию, сам себе роет яму? Или он действительно собирался дожить до коммунизма, когда такие методы расправы с вышедшими в тираж оппонентами станут неприличными?.. В итоге Брежнев и его единомышленники, 14 октября 1964 года сместившие Хрущёва, поступили с ним по готовому шаблону создания «нелица»: изъятие из обращения книг и фильмов с упоминаниями отправленного в отставку лидера, ограничение доступа к журнальным и газетным подшивкам. Откройте любую книгу о Гагарине, изданную с 1965 по 1985 год, и попытайтесь найти там Хрущёва. Его нет. Его просто нет! Материалы подогнаны друг к другу таким образом, что складывается впечатление, будто бы первого космонавта в Москве встречал только Брежнев!

Сам Гагарин тоже некоторым образом пострадал от превращения Хрущёва в «нелицо». Книги о космонавте, вышедшие до 1965 года, не переиздавались; доступ к ранним изданиям «Дороги в космос» был ограничен. Фильм «Первый рейс к звездам» изрядно сократили и перемонтировали, а фильм «Самые первые» просто перестали показывать. Историю советской ракетно-космической отрасли и без того трудно было назвать реалистичной, а с изъятием из нее Сталина и Хрущёва она вообще превратилась в бессвязный набор событий, которые происходили сами собой — по коллективной воле народа.

Тем не менее отрасль продолжала жить и развиваться, причем расходы на нее даже увеличились. После полета «космического линкора» главной задачей бюро Королёва стало осуществление операции по выходу в открытый космос с использованием корабля «ЗКД».

В апреле 1964 года, когда работа над «Восходом» была в самом разгаре, в ОКБ-1 возникла идея с помощью дополнительной шлюзовой камеры осуществить выход одного космонавта в открытый космос. К проектированию «ЗКД» подключился Константин Петрович Феокистов. Изготовление и заводские испытания двух кораблей (с манекенами и для пилотируемого полета) шли достаточно быстро. Однако уже в феврале 1965 года при проверках систем беспилотного корабля обнаружили отказ второго комплекта телеметрической системы. На доставку аппаратуры из Львова и замену потребовалось семь дней. Из-за этого дата запуска «Восхода-2» сместилась с 22 февраля на начало марта. Затем было принято решение

перенести ее на вторую половину месяца, поскольку 13 марта должен был состояться запуск научной станции к Луне, а готовить два аппарата одновременно не было возможности.

22 февраля 1965 года с 31-й площадки полигона стартовала ракета-носитель «Восход», которая вывела на орбиту беспилотный «технологический» образец корабля «ЗКД» № 1, получивший официальное название «Космос-57». Телевизионная картинка с изображением обреза внешнего люка была на удивление четкой. Казалось, всё идет нормально, но после второго витка корабль... пропал. С него не поступал ни один сигнал, не шла информация по телеметрическим каналам. Средства противоракетной обороны корабль на орбите тоже не обнаружили. При расшифровке телеметрии выяснилось, что одну из команд управления шлюзом передали на борт одновременно с двух наземных пунктов управления. В результате их наложения в дешифраторе сформировалась команда на спуск. Включилась тормозная двигательная установка, и корабль пошел на посадку, а поскольку он спускался в незапланированном районе, то сработала система автоматического подрыва объекта. Тем не менее было признано, что в целом испытания прошли успешно.

Подготовку в группе, нацеленной на полет в «Восходе-2» (программа «Выход»), проходили четыре кандидата: Павел Иванович Беляев, Алексей Архипович Леонов, Евгений Васильевич Хрунов и Виктор Васильевич Горбатко. Из них в июле 1964 года и сформировали два экипажа: первый — Беляев — Леонов, второй — Горбатко — Хрунов. К этому времени тренажера корабля «ЗКД» еще не было. Виктор Горбатко вспоминал (цитирую по книге «Мировая пилотируемая космонавтика. История. Техника. Люди», 2005):

«Тренировки проводили прямо на летном корабле. Его делали, а мы одновременно готовились и проводили как бы испытания этого корабля. Мне запомнилось, что даже воздух в кабину подавался снаружи по шлангу. И вот шланг этот где-то перегнулся... Как я не задохнулся — не знаю... Не помню, закончил я тренировку или всё-таки увидели, что я задыхаюсь. В общем, когда меня вытащили оттуда, я нагнулся — и из шлема прямо вода потекла. Вылилось много воды... Вы ведь знаете, что в скафандре вокруг шеи облегают резина. Я так вспотел, что там полно влаги накопилось».

Очень тяжелые тренировки состоялись в самолете-лаборатории «Ту-104» в декабре 1964 года, где во время кратковременной невесо-

мости приходилось отрабатывать весь процесс входа и выхода из шлюза корабля, использование фала для перемещения и другие операции. Руководить процессом от ЦПК ВВС направили Юрия Гагарина.

Когда тренировки были в самом разгаре, произошло чрезвычайное происшествие. 22 декабря на электрокардиограмме у Виктора Горбатко проявились отрицательные зубцы, говорящие о серьезном нарушении работы сердца. В результате 25 декабря он прекратил подготовку и попал на углубленное обследование в госпиталь. После долгого изучения организма кандидата выяснилось, что во всём виноваты... гланды. После их удаления состояние нормализовалось, но время было упущено: место Горбатко во втором экипаже занял Дмитрий Алексеевич Заикин.

13 января 1965 года генерал-лейтенант Каманин записал в своем дневнике (цитирую по книге «Скрытый космос: Книга вторая», 1997):

«Заслушали доклады полковника Гагарина, полковника медицинской службы Карпова и инженер-полковника [Всеволода Арсеньевича] Смирнова. Докладчикам было задано очень много вопросов и высказано много замечаний и предложений. Общий вывод: в техническом, медицинском и организационном отношении полет с выходом космонавта в открытый космос достаточно хорошо подготовлен. До 15 февраля могут быть полностью закончены все испытания, проверки и доработки. К этому же сроку полностью закончит подготовку группа космонавтов.

Выход из космического корабля в космос — сложная, ответственная и опасная операция. Вот почему я так настойчиво добивался, чтобы этот полет был осуществлен не в ноябре 1964 года, как хотел Королёв, а в феврале-марте 1965 года. Сейчас можно уверенно сказать, что в марте мы успешно проведем этот полет. <...> После полета Гагарина выход человека из корабля в космическое пространство будет крупнейшей нашей победой. Операция „Выход“ обеспечит нам в будущем стыковку и сборку кораблей на орбите, сделает возможной замену экипажей в космосе, позволит космонавтам выходить на поверхность Луны и планет.

Я уж не говорю о безграничных возможностях для наблюдений и обзора, которые откроются перед человеком, свободно плавающим в космическом пространстве. Для первого выхода в космос подготовлен Алексей Леонов, а запасным „выходящим“ будет Евгений Хрунов. Оба они — отличные, сильные космонавты, а Леонов, кроме того —

художник. Он, безусловно, лучше других почувствует всё своеобразие и красоту этого эксперимента и сумеет конкретно передать свои наблюдения и переживания после возвращения на Землю».

9 марта 1965 года экспедиция Центра подготовки космонавтов вместе с экипажами вылетела на полигон. 11 марта первый экипаж произвел «отсидку» в корабле. Второму экипажу поработать в нем не дали — время поджимало.

13 марта прошли последние контрольные занятия с экипажем. Когда они завершились, Королёв сказал: *«Ну что ж, друзья, наверное, я в последний раз с вами на пуске. „Востоки“ и „Восходы“ слишком дорого мне обошлись...»* Его слова оказались пророческими: пилотируемый запуск «Восхода-2» оказался для главного конструктора последним.

18 марта 1965 года космический корабль «Восход-2» («ЗКД» № 4), стартовав в 10:00 по московскому времени, вышел на орбиту. На его борту находились Павел Беляев и Алексей Леонов (позывной «Алмаз»). Масса корабля была рекордной: 5682 кг — на 362 кг больше массы трехместного «Восхода». Рекордной оказалась и орбита: максимальная высота полета на первом витке составила 495 км.

Подготовка к выходу второго пилота корабля в открытый космос началась сразу после выведения, когда прошла команда на раскрытие двухметрового шлюза, сложенного под головным обтекателем ракеты. Когда «Восход-2» шел над Африкой в конце первого витка, Павел Беляев помог Алексею Леонову надеть наспинный ранец с запасом кислорода для дыхания. Леонов «вплыл» в шлюзовую камеру, где вторично проверил скафандр на герметичность при закрытых входном и выходном люках. К 11:28 по московскому времени давление в шлюзовой камере было снижено до нуля. Космонавт открыл люк и через пару минут вместе с кинокамерой «выплыл» в открытое космическое пространство на пятиметровом фале. При этом он увидел Черное море и горы Кавказа.

Установив кинокамеру на кронштейн шлюзовой камеры и держась за фал, Леонов сделал первый отход от корабля на минимальное расстояние — около метра, чтобы выяснить возможности ориентации в новых условиях. В этот момент Павел Беляев объявил на весь мир: *«Внимание! Человек вышел в космическое пространство! Человек вышел в космическое пространство!»* Изображение парящего на фоне планеты Алексея Леонова транслировалось по всем телеканалам. В последующих отходах космонавт удалялся от корабля на полную

длину фала. Все движения в космосе он выполнял в той же последовательности, что и на тренировках: отходил от корабля спиной, а подходил головой вперед с вытянутыми руками, чтобы предупредить возможный удар о поверхность. В один из моментов, когда Леонов оттолкнулся от корабля, его закрутило: перед глазами стали проплывать звезды, черное небо сменялось видами земной поверхности и Солнца. Всего космонавт совершил пять отходов и подходов. «Плавающая» в пространстве, он вел телефонные переговоры с Беляевым и наземными пунктами.

За пять минут до входа корабля в земную тень космонавт вместе с кинокамерой и бухтой фала решил возвращаться. Следуя инструкции, он старался войти в шлюз вперед ногами, но скафандр раздулся так, что не позволял этого сделать. Позднее Алексей Архипович Леонов рассказывал (цитирую по книге «Мировая пилотируемая космонавтика. История. Техника. Люди», 2005):

«Когда создавали корабль для выхода в открытый космос, то приходилось решать множество проблем, одна из которых была связана с размером люка. Чтобы крышка открывалась внутрь полностью, пришлось бы урезать ложемент. Тогда бы я в него не поместился в плечах. И я дал согласие на уменьшение диаметра люка. Таким образом, между скафандром и обрезом люка оставался зазор по 20 мм с каждого плеча.

На Земле мы проводили испытания в барокамере при вакууме, соответствующем высоте 60 км... В реальности, когда я вышел в открытый космос, получилось немного по-другому. Давление в скафандре — около 600 мм, а снаружи — 10^{-9} ; такие условия на Земле смоделировать было невозможно. В космическом вакууме скафандр раздулся, не выдержали ни ребра жесткости, ни плотная ткань. Я, конечно, предполагал, что это случится, но не думал, что настолько сильно. Я затянул все ремни, но скафандр так раздулся, что руки вышли из перчаток, когда я брался за поручни, а ноги — из сапог. В таком состоянии я, разумеется, не мог втиснуться в люк шлюза. Возникла критическая ситуация, а советоваться с Землей было некогда. Пока бы я им доложил... пока бы они совещались... И кто бы взял на себя ответственность? Только Паша Беляев это видел, но ничем не мог помочь. И тут я, нарушая все инструкции и не сообщая на Землю, перехожу на давление 0,27 атмосферы. Это второй режим работы скафандра. Если бы к этому времени у меня не произошло вымывание азота из крови, то закипел бы азот —

и всё... гибель. Я прикинул, что уже час нахожусь под чистым кислородом и кипения быть не должно. После того, как я перешел на второй режим, всё „село“ на свои места. На нервах сунул в шлюз кинокамеру и сам, нарушая инструкцию, пошел в шлюз не ногами, а головой вперед. Взявшись за леера, я протиснул себя вперед. Потом я закрыл внешний люк и начал разворачиваться, так как входить в корабль всё равно нужно ногами. Иначе я бы не смог, ведь крышка, открывающаяся внутрь, съедала 30 % объема кабины. Поэтому мне пришлось разворачиваться... Вот здесь была самая большая нагрузка, у меня пульс дошел до 190. Мне всё же удалось перевернуться и войти в корабль ногами, как положено, но у меня был такой тепловой удар, что я, нарушая инструкции и не проверив герметичность, открыл шлем, не закрыв за собой люк. Вытираю перчаткой глаза, а вытереть не удастся, как будто на голову кто-то льет...

Но самое страшное было, когда я вернулся в корабль, — начало расти парциальное давление кислорода, которое дошло до 460 мм и продолжало расти. Это при норме 160 мм! Но ведь 460 мм — это гремучий газ, ведь Бондаренко сгорел на этом... Вначале мы в оцепенении сидели. Все понимали, но сделать почти ничего не могли: до конца убрали влажность, убрали температуру (стало 10–12°). А давление растет... Малейшая искра — и всё превратилось бы в молекулярное состояние, и мы это понимали. Семь часов в таком состоянии, а потом заснули... видимо, от стресса. Потом мы разобрались, что я шлангом от скаффандра задел за тумблер наддува... Что произошло фактически? Поскольку корабль был долгое время стабилизирован относительно Солнца, то, естественно, возникла деформация; ведь с одной стороны охлаждение до -140 °С, с другой нагрев до +150 °С... Датчики закрытия люка сработали, но осталась щель. Система регенерации начала нагнетать давление, и кислород стал расти, мы его не успевали потреблять... Общее давление достигло 920 мм. Эти несколько тонн давления придавили люк — и рост давления прекратился. Потом давление стало падать на глазах».

На этом неприятности экипажа «Восхода-2» не закончились. По программе полета корабль «Восход-2» после отстрела шлюзовой камеры на семнадцатом витке должен был совершить посадку в Кустанае с помощью автоматической системы управления. На шестнадцатом витке по командам с Земли была включена программа ориентации и спуска. От «Восхода-2» была отстрелена шлюзовая

камера. Но в результате подрыва детонирующего кабеля произошел удар по корпусу, корабль закрутило в двух плоскостях, что привело к выходу из строя системы ориентации по Солнцу, а это, в свою очередь, привело к выдаче запрета на включение тормозного двигателя в автоматическом режиме.

После короткого анализа обстановки Сергей Королёв распорядился: «Вам разрешена ручная посадка на восемнадцатом витке. Всё будет хорошо! Мы вам верим!» Командир корабля Павел Беляев вручную выполнил ориентацию корабля «по-посадочному», после чего включил двигатель. Через 12 секунд после окончания работы ТДУ-1 произошло отделение спускаемого аппарата от приборного отсека, начался полет по баллистической траектории.

Спускаемый аппарат приземлился в труднодоступном таежном массиве на территории Шемейного леспромхоза, в 66 км от районного центра Усолье и примерно в 12 км от населенного пункта Кургановка. Температура воздуха там была -25°C . После приземления аппарат оказался зажатым между сосной и березой. Сначала под его тяжестью треснула береза, затем повалилась на бок и сосна. Люк, через который можно было выйти, оказался у ствола березы, и открыть его поначалу не удалось. Раскачиванием изнутри космонавты сдвинули крышку с опорных болтов и отбросили в снег.

Экипаж грузового самолета «Ан-2», выполнявшего рейс по маршруту Чёрмоз — Соликамск, получил от диспетчера аэропорта примерные координаты нахождения космонавтов и указание на определение точных координат в квадрате между Косинским и Соликамским районами. После 40-минутного облета указанной территории на высоте двухсот метров второй пилот самолета «Ан-2» Анатолий Иванович Парасенко обнаружил большой купол парашюта, черный шар на белоснежном фоне и космонавтов около него. Жестами они показывали на одежду: им предстояло ночевать в лесу при низкой температуре в скафандрах, которые совершенно для этого не подходили. Летчики сняли свою верхнюю одежду, скрутили ее в узел и сбросили космонавтам, но она, видимо, застряла на деревьях.

Хотя до конца светового дня оставалось менее двух часов, к месту посадки вылетел вертолет местных авиалиний «Ми-1» с теплой одеждой и продуктами питания. Но одежда опять оказалась на деревьях, а продукты упали в глубокий снег. Чтобы как-то утеплиться, космонавты содрали в корабле дедерон, нарезали ленты из парашют-

ных строп, а затем, помогая друг другу, сняли до пояса скафандры, обернулись дедероном, привязав ткань лентами, а потом снова натянули на себя скафандры и с трудом залезли в корабль. Спать легли в креслах ложементов.

Рано утром космонавтов разбудил гул самолета: он кружил вокруг, чтобы отпугивать диких зверей. Работники ближайших леспромхозов сформировали лыжную поисково-спасательную группу под командованием главного лесничего. В девяти километрах от места приземления было найдено мелколесье, где спасатели вырубili деревья и подготовили площадку для посадки вертолета. После его прилета на поиски экипажа «Восхода-2» отправились пятеро, среди которых был будущий космонавт Владислав Николаевич Волков. До места приземления спускаемого аппарата они добрались 20 марта.

Один из самых экстремальных полетов в истории советской пилотируемой космонавтики завершился успешно. Но, к сожалению, он мало что дал развитию космонавтики.

Глава сорок четвертая

Тема «Союз»

Сергей Павлович Королёв рассчитывал, что пропагандистская шумиха вокруг новых рекордных запусков будет способствовать реанимации его авторитета в высших военно-политических кругах и ему позволят наконец-то взяться за программу отправки кораблей к Луне. Однако, несмотря на ожидания, ситуация оставалась неопределенной. Высший совет народного хозяйства выделил деньги на создание еще пяти «Восходов» для проведения «комплекса медико-биологических, физико-технических и военно-прикладных исследований»: например, планировался длительный полет на 15 суток, полет с многократными выходами в открытый космос, полет с созданием искусственной тяжести за счет вращения корабля. Но всё это, скорее, тормозило космонавтику, ведь «Восходы» оставались теми же кораблями-спутниками, что и «Восток». Главный конструктор перехитрил сам себя: он добился интереса к своим специфическим проектам, однако теперь они оттягивали дефицитные ресурсы. Генерал-лейтенант Каманин записал в дневнике, что впервые видел Королёва в смятении и растерянности.

Ветераны ЦПК ВВС, включая Юрия Гагарина, тоже выражали недовольство: задержка с проектированием многоместных маневрирующих кораблей ограничивала их возможность участия в полетах — им оставалось заниматься административной и общественно-политической работой, что многих стало утомлять.

22 октября 1965 года с подачи Николая Петровича Каманина они направили записку, помеченную грифом «совершенно секретно», Леониду Ильичу Брежневу, за год до этого сменившему Никиту Сергеевича Хрущёва на посту главы государства. Я позволю себе процитировать ее почти целиком (по сборнику «Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг.», 2008), поскольку в тексте подробно описана ситуация, сложившаяся в советской ракетно-космической отрасли к осени 1965 года, когда американские конкуренты уже вовсю делали орбитальные корабли «Gemini» и лунные корабли «Apollo», открыто оспаривая лидерство СССР.

«Дорогой Леонид Ильич!

Мы обращаемся к Вам по вопросам, которые считаем очень важными для нашего государства и нас.

Всем хорошо известны успехи Советского Союза в освоении космоса, нет надобности перечислять наши победы. Они есть, они останутся в истории и всегда будут гордостью нашего народа. Народ, партия и наши руководители всегда справедливо связывали успехи в космосе с успехами строительства социализма. „Социализм — лучшая стартовая площадка для полетов в космос“. Эта крылатая фраза облетела весь мир. Эти слова с гордостью произносили советские люди, в них верили народы социалистических стран, сотни миллионов людей за рубежом, по нашим космическим успехам познавали азбуку коммунизма. Так было.

Мы, космонавты, много раз выезжали за границу, мы тысячи раз были свидетелями того, как горячо многомиллионные массы людей различных стран приветствовали успехи советского народа в космосе.

Но за последний год положение изменилось. США не только догнали нас, но и в некоторых областях вышли вперед. Полеты космических аппаратов: „Рейнджер-7“, „Рейнджер-8“, „Маринер-4“, „Джеминай-5“ и некоторых других космических аппаратов являются серьезным достижением американских ученых.

Это отставание нашей Родины в освоении космоса особенно неприятно нам, космонавтам, но оно наносит также большой ущерб

престижу Советского Союза и отрицательно скажется на оборонных усилиях стран социалистического лагеря.

Почему Советский Союз теряет ведущее положение в космических исследованиях? На этот вопрос чаще всего отвечают так: США развернули очень широкий фронт исследовательских работ в космосе, на космические исследования они выделяют колоссальные средства. (За пять лет они израсходовали более 30 миллиардов долларов и только за 1965 г. — 7 миллиардов долларов.) Этот ответ в основном правильный. Хорошо известно, что США расходуют на космос много больше, чем СССР.

Но дело не только в средствах. Средств и Советский Союз на освоение космоса выделяет немало. Но у нас, к сожалению, много недостатков в планировании, организации и руководстве этими работами. О каком серьезном планировании космических исследований можно говорить, когда у нас нет никакого плана полетов космонавтов. Кончается октябрь месяца, до конца 1965 г. осталось немного времени, а ни один человек в Советском Союзе не знает, будет ли в этом году очередной полет человека в космос, каково будет задание на полет, какова продолжительность полета. Такое же положение было и во всех предыдущих полетах кораблей-спутников „Востоков“ и „Восходов“, что создает совершенно ненормальную обстановку в период подготовки космонавтов к полету, не позволяет заблаговременно в спокойной обстановке готовить экипажи к полету.

Мы знаем, что в стране есть планы создания космической техники, знаем решения ЦК КПСС и правительства с конкретными сроками изготовления космических кораблей. Но мы знаем также, что многие из этих решений не выполняются совсем, а большинство выполняется с большим опозданием по срокам.

Космические полеты людей становятся всё более сложными и длительными. Для подготовки таких полетов нужно много времени, нужна специальная аппаратура, учебные корабли и тренажеры, которые сейчас создаются с большим опозданием кустарным способом. Короче говоря, нужен государственный план космических полетов людей, в котором планировалась бы задача полета, дата, состав экипажа, продолжительность полета, срок готовности корабля, тренажера и другие наиболее важные моменты подготовки полета.

До настоящего времени полеты пилотируемых кораблей проводились по планам Академии наук СССР, а непосредственное управление и техническое обеспечение организовывалось представителями про-

мышленности и Министерства обороны СССР. Военные вопросы в программу полета включались довольно относительно, что можно объяснить тем, что внутри Министерства обороны нет организации, которая занималась бы комплексно вопросами освоения космоса.

Космосом занимаются все: Ракетные войска, ВВС, ПВО, ВМФ и другие организации. Такая раздробленность усилий и средств на освоение космоса мешает делу, много времени уходит на согласование планов и решений, на решениях часто отражается ведомственный подход к делу.

Существующее положение с организацией космических исследований противоречит духу решений сентябрьского пленума ЦК КПСС и должно быть изменено. <...>

Командование ВВС и мы, космонавты, неоднократно обращались в Генеральный штаб, к министру обороны и в Военно-промышленную комиссию с конкретными предложениями по строительству и оборудованию космических кораблей, способных решать задачи боевого применения. Наши предложения, как правило, не поддерживались руководством Ракетных войск. Мы получали резолюции: „«Востоки» военного значения не имеют, заказывать их нецелесообразно“, „Заказывать «Восходы» не будем, нет средств“.

В 1961 г. мы имели два „Востока“.

В 1962 г. мы имели два „Востока“.

В 1963 г. мы имели два „Востока“.

В 1964 г. мы имели один „Восход“.

В 1965 г. мы имели один „Восход“.

(Американцы в 1965 г. запустили два корабля „Джеминай“ и предполагают запустить еще два до конца этого года).

Почему для полетов космонавтов не строили корабли? Во всяком случае, не из-за недостатка средств. Это происходит потому, что руководители Ракетных войск больше верят спутникам-автоматам и недооценивают роли человека в космических исследованиях. Стыдно признаться, но это факт, в нашей стране, первой пославшей человека в космос, четыре года ведутся дискуссии на тему: „Нужен ли человек на борту военного космического корабля?“

В Америке этот вопрос твердо и окончательно решен в пользу человека, а у нас и сегодня многие ратуют за автоматы. Только этим можно объяснить, что у нас на 30–40 спутников-автоматов строится 1–2 обитаемых корабля. Многие спутники-автоматы стоят много дороже обитаемого корабля, многие из них не достигают цели.

„Востоки“ и „Восходы“ с человеком на борту полностью выполнили программу научных исследований и вместе с тем принесли для страны большой политический эффект.

Мы не собираемся умалывать значение автоматических космических аппаратов. Но увлечение ими по меньшей мере вредно. На „Востоках“ и „Восходах“ можно было бы провести большой комплекс очень нужных военных исследований и довести продолжительность полета до 10–20 суток. Но у нас нет кораблей, не на чем летать, не на чем выполнять программу космических исследований.

Кроме изложенного, есть и другие недостатки в организации наших полетов, устранить которые своими силами мы не можем. У нас в стране нет единого штатного пункта управления космическими полетами. В процессе полета космический корабль не имеет связи с командным пунктом в промежутки времени от 6-го до 13-го витка каждых суток.

На полигоне не созданы условия для поддержания натренированности и хорошего отдыха космонавтов.

У нас есть еще другие вопросы, которые ждут своего решения. Многие вопросы можно было бы решить и без обращения в ЦК КПСС. Мы неоднократно обращались к министру обороны по этим вопросам. Нам известны обращения Командования ВВС в Министерство обороны и правительство, но эти обращения в большинстве не достигали цели. Мы много раз встречались с министром обороны, но, к сожалению, это были не деловые встречи. И сегодня у нас нет уверенности, что поднимаемые нами вопросы могут быть решены в Министерстве обороны.

Дорогой Леонид Ильич! Мы знаем Вашу большую занятость и тем не менее просим Вас познакомиться с нашими космическими делами и нуждами.

Приближается 50-летие Великого Октября. Нам очень хотелось бы для этого великого праздника добиться новых больших побед в космосе.

Мы глубоко убеждены в том, что решение вопроса об объединении военного космоса на базе ВВС, продуманное планирование космических исследований и создание космических кораблей для решения задач боевого применения пилотируемых космических летательных аппаратов в значительной мере укрепит оборонную мощь нашей Родины.

ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР

Гагарин Леонов Беляев Титов Николаев Быковский Комаров»

Как видите, с 1963 года, несмотря на все инициативы летавших космонавтов, высшего командования авиации и создателей ракетно-космической техники, ситуация с развитием советской пилотируемой космонавтики не сдвинулась с мертвой точки. Погнавшись за рекордами, Советский Союз потерял стратегическую инициативу в деле освоения внеземного пространства, уступая первенство США. Выход виделся один — в создании космического корабля нового поколения «Союз».

После того как в 1961 году почти все космические инициативы Сергея Павловича Королёва были отвергнуты, события развивались следующим образом. Изначально проектанты ОКБ-1, работавшие над темой «Север», не предполагали, что будут форсировать ракету «Р-7» и исходили из ее грузоподъемности в 5 тонн. Космический корабль для облета Луны никак не вписывался в габариты «Востока», поэтому решили собирать его на околоземной орбите из отдельных блоков и только потом запускать к Луне.

10 марта 1962 года главный конструктор Королёв утвердил технический проспект «Комплекс сборки космического аппарата на орбите спутника Земли (Тема „Союз“)». В нем обосновывалось использование пилотируемого корабля с условным названием «Восток-7» для отработки процедуры монтажа лунного комплекса на орбите, для чего корабль предлагалось снабдить системами сближения и стыковки, а также маршевой двигательной установкой многократного включения.

Через год, 10 мая 1963 года, был выпущен второй проспект, в котором тема «Союза» обрела более конкретные черты. Теперь комплекс включал пилотируемый двухместный корабль, унаследовавший от «Севера» обозначение «7К», ракетный блок для разгона до второй космической скорости «9К» и корабли-танкеры «11К». Все аппараты должны были выводиться на околоземную орбиту носителем, сделанным на основе «Р-7». Первым запускался блок «9К», затем к нему в автоматическом режиме по очереди пристыковывались четыре танкера «11К», чтобы заправить его топливом долгого хранения. Последним стартовал корабль «7К» с экипажем. После его стыковки с разгонным блоком связка отправлялась в облет Луны.

Однако в условиях снижения финансирования все силы ОКБ-1 были брошены на переделку «Востока» в трехместный «Восход», и в августе 1964 года создание корабля для облета Луны было пору-

чено конкурентам из бюро Владимира Николаевича Челомея, предложившего проект одноместного ракетоплана «ЛК-1», запускаемого собственной мощной ракетой «УР-500К» («Протон»). Разработка лунного комплекса «7К-9К-11К» была прекращена.

Сергею Королёву опять пришлось прикладывать усилия, чтобы сохранить задел. Он добился разрешения использовать «7К» для отработки системы стыковки на околоземной орбите, которая в любом случае понадобилась бы при строительстве долгоживущих военных станций: в августе 1965 года лунный облетный корабль превратился в орбитальный «7К-ОК», унаследовавший от предыдущего проекта звучное название «Союз».

Главной проблемой нового этапа стали политические интриги. Сергей Королёв объединил усилия с Николаем Каманиным, чтобы перевести космонавтику под крыло Военно-воздушных сил. Космонавты, которые оставались летчиками-истребителями, всячески поддерживали такой выбор. Но ракетчики и войска противовоздушной обороны хотели оставить отрасль за собой.

Обращение космонавтов к Леониду Ильичу Брежневу наконец-то придало толчок делу. В верхах прошло несколько значимых совещаний по поводу будущего космонавтики. Однако, пожалуй, самым сильным аргументом в спорах стал успешный групповой полет американских кораблей «Gemini 6» и «Gemini 7», состоявшийся в декабре 1965 года. Как и предсказывали космонавты в своем письме Брежневу, одиночный рейс «Восхода-2» совсем потерялся на фоне полетов американских кораблей, которые маневрировали и выполняли сложные операции на орбите. Руководящие товарищи тут же начали обмениваться гневными письмами с требованием вернуть утраченное превосходство и дали наконец «зеленый свет» проекту «Союз».

1965 год заканчивался на подъеме надежд сотрудников ракетно-космической отрасли. Были возобновлены работы над сверхтяжелой ракетой «Н-1», над проектами кораблей для облета Луны и высадки на ее поверхность. Получил серьезную поддержку орбитальный корабль «7К-ОК» («Союз»). Ветераны отряда космонавтов могли всерьез рассчитывать на то, что их призовут на испытания новой техники. Они мечтали слетать на Луну, а затем и на Марс. У них почти получилось.

1 января 1966 года газета «Правда» опубликовала очередную статью проф. К. Сергеева (напомню, что это псевдоним, под которым публиковался Сергей Королёв) «Шаги в будущее»:

«В дальнейшем для более полного и систематического накопления необходимых сведений о Луне и хотя бы о ближних к Земле планетах, несомненно, потребуется проведение серьезных и длительных исследований. В ближайшее время разовые полеты автоматических станций уже не будут в сколь-либо достаточной мере удовлетворять запросы науки. Период первых сенсационных открытий и первых фотографий, сделанных с дальних расстояний и не имеющих систематического характера, окажется явно недостаточным. Нет необходимости говорить о том, как давно, как сильно и неотвратимо Луна привлекала внимание людей. Мечтой человечества было желание, чтобы сын Земли, наконец, ступил на нетронутую поверхность Луны! К сожалению, эта задача не такая простая и не столь близкая к осуществлению. <...>

Каждый космический год — это новый шаг вперед отечественной науки по пути познания сокровенных тайн природы. Наш великий соотечественник К. Э. Циолковский говорил: „Невозможное сегодня, становится возможным завтра“. Вся история развития космонавтики подтверждает правоту этих слов. То, что казалось несбыточным на протяжении веков, что еще вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра — свершением. Нет преград человеческой мысли!»

Через две недели, 14 января 1966 года, Сергей Павлович Королёв скончался на столе хирурга в ходе рядовой операции.

Его смерть потрясла не только близко знавших его людей, но и весь мир. Имя таинственного главного конструктора, которое долгие годы было засекречено, вдруг стало широко известным: помимо обширных некрологов, начали публиковать его статьи, изучать его наследие, издавать его биографии. Создавалось впечатление — во многом ложное! — что он был чуть ли не единственным человеком, созидавшим советскую космонавтику. И разумеется, одной из причин любых последующих промахов называли его преждевременную смерть.

Очень тяжело переживали уход Королёва космонавты, и особенно Юрий Гагарин, для которого Сергей Павлович был суперавторитетом и человеком, открывшим новый образ будущего. И был этот образ настолько зрим, казался настолько близким, что Юрий Гагарин и Алексей Леонов решились на дерзкий поступок: перед церемонией захоронения праха главного конструктора в Кремлевской стене они проникли в крематорий и похитили несколько щепоток, чтобы потом, когда кто-нибудь из них доберется до Луны, устроить сим-

волические похороны. Пепел был засыпан в небольшую капсулу. Гагарин прятал ее у себя в рабочем сейфе, но потом она «затерялась».

Разумеется, проекты, запущенные Сергеем Павловичем Королёвым при жизни, получили развитие. Вот только не все они были доведены до логического завершения.

Глава сорок пятая

Жертва гонки

Историки космонавтики считают первого заместителя главного конструктора ОКБ-1 Василия Павловича Мишина, занявшего кресло Королёва, менее сильным и целеустремленным человеком. Дескать, будь он «пробивным», как Сергей Павлович, имей он целостное представление о космической экспансии, то сумел бы избежать ошибок и не допустил поражения в лунной «гонке». Но вряд ли стоит перекладывать вину на одного человека. С уходом Королёва расклады почти не изменились — ресурсы, выделяемые на научно-технические программы ракетно-космической отрасли, оставались скудными. Из-за этого обострилась «холодная война» между главами конструкторских бюро, каждый из которых считал свою версию космонавтики более перспективной. В то же время партийное руководство, настаивая на демонстрации скорейших побед в «хрущевском» стиле, не осознавало серьезности технических проблем. Всё вместе это привело к трагическому провалу.

Согласно выпущенному проекту, корабль «Союз» («7К-ОК») предназначался для полета по околоземной орбите с экипажем в составе от одного до трех человек. Сам космический аппарат выполнялся в «активном» («А») и «пассивном» («П») вариантах, которые обеспечивали взаимный поиск, сближение и стыковку (механическое соединение) двух пилотируемых кораблей. Второй задачей, которую предстояло решить, была отработка перехода экипажа из одного корабля в другой через открытый космос, необходимость которого предопределили технические особенности проекта высадки на Луну, проходившего под обозначением «Н1-Л3».

Отличительной чертой «Союза» стала компоновка — он состоял из трех отсеков: бытового (БО), приборно-агрегатного (ПАО) и спускаемого аппарата (СА). Для чего это было сделано? Напомню, что

спускаемые аппараты «Востоков» и «Восходов» содержали системы, нужные не только для спуска, но и для орбитального полета в течение 10–14 суток. Вынеся эти системы в другие отсеки, не имеющие тяжелой теплозащиты, проектанты смогли заметно сократить объем и массу спускаемого аппарата и значительно увеличить общий обитаемый объем без резкого роста массы корабля в целом. При этом сферический «востоковский» спускаемый аппарат на «Союзе» превратился в «фару»: за счет формы им можно было управлять; по сравнению с баллистическим спуском, нормальным для «Востока», она позволяла более чем на порядок повысить точность приземления (с 300–400 до 5–10 км) и вдвое-втрое (с 8–10 до 3–5 г) снизить перегрузки при спуске, делая посадку гораздо более комфортной.

В 1965 году работы над «7К-ОК» сосредоточились в отделе № 93 под руководством Ивана Савельевича Прудникова. В мае были выданы исходные данные для выпуска рабочей документации по «изделию 11Ф615» (индекс заказывающего управления для корабля «Союз»). Космический аппарат создавался при жестких лимитах массы (не более 6400–6500 кг на орбите) из-за ограниченных возможностей ракеты-носителя. Размеры бытового отсека и спускового аппарата выбирались, исходя из имеющегося оборудования, созданного для «Востока», но с учетом объема двух жилых помещений, достаточного для экипажа при наличии минимума необходимых систем, — всё остальное выносилось в герметичный приборный отсек. Двигательная установка с запасом топлива располагалась в негерметичном агрегатном отсеке. Для наведения и сближения кораблей с дальности примерно 20–30 км служила радиотехническая система «Игла».

В начале 1966 года начался отбор космонавтов для летных испытаний нового корабля. Василий Павлович Мишин, исполнявший в тот момент обязанности руководителя ОКБ-1, сделал в своем дневнике запись, датированную 22 января 1966 года, о формировании пяти экипажей «7К-ОК» в составе: Юрий Алексеевич Гагарин и Анатолий Фёдорович Воронов, Андриян Григорьевич Николаев и Юрий Петрович Артюхин, Владимир Михайлович Комаров и Пётр Иванович Колодин, Валерий Фёдорович Быковский и Александр Николаевич Матинченко, Евгений Васильевич Хрунов и Дмитрий Алексеевич Заикин. Экипажи-лидеры определились к марту: Комаров — Колодин, Быковский — Матинченко — то есть летавший космонавт с не-

летавшим. Интересно, что, согласно записям Каманина, Гагарин в то время проходил подготовку в двух штатных группах: для полета на орбиту (корабль «7К-ОК») и для полета с высадкой на Луну («ЛЗ»).

20 апреля 1966 года у министра общего машиностроения Сергея Александровича Афанасьева состоялось совещание. Мишин отметил в дневнике: *«Приняты предложения по 7К-ОК. <...> Первые полеты решено проводить поэтапно: корабли № 1 и 2 — беспилотные, со снятой системой сближения и стыковки „Игла“, а корабли № 3 и 4 — пилотируемые».*

Осенью были завершены первые экземпляры «Союзов». Сначала должны были полететь два беспилотных аппарата, которые проведут стыковку в автоматическом режиме, продемонстрировав возможности новой техники.

28 ноября 1966 года с 31-й площадки полигона Тюратам, известного всему миру под названием космодром Байконур, стартовал «активный» корабль «Союз» («7К-ОК(А)» № 2), который получил официальное название «Космос-133». На следующий день с 1-й площадки планировался запуск «пассивного» корабля «7К-ОК(П)» № 1. Но на первом же витке «Союз» из-за монтажной ошибки, нарушившей логику управления, израсходовал всё топливо, и старт второго корабля был отменен. Испытатели попытались свести первый неисправный корабль с орбиты, однако он пошел по нерасчетной траектории и был уничтожен системой автоматического подрыва.

Рекомендовав устранить недоработки, Госкомиссия приняла решение запустить пассивный корабль № 1 в одиночный полет. Старт должен был состояться 14 декабря 1966 года. В момент запуска ракеты-носителя произошло автоматическое отключение двигателей. Поступила команда на отбой и осмотр ракеты. Примерно через 27 минут самопроизвольно сработала система аварийного спасения, отстрелившая спускаемый аппарат, который благополучно приземлился в 300 м от комплекса. Последствия этого сбоя оказались гораздо серьезнее: струи двигателя системы аварийного спасения вызвали пожар на ракете — та взорвалась, до основания разрушив 31-ю площадку полигона. Погиб офицер из стартового расчета. Жертв могло быть гораздо больше, но, к счастью, фермы обслуживания еще не были сведены и специалисты не успели на них подняться.

Из-за проблем с первыми кораблями программа испытаний была изменена. Следующий «Союз» был срочно переоборудован из пило-

тируемого в беспилотный. Запуск «7К-ОК(П)» № 3, получивший официальное обозначение «Космос-140», состоялся 7 февраля 1967 года с 1-й площадки. В ходе двухсуточного полета тестировались системы корабля и двигателя, причем были обнаружены сбои в работе солнечно-звездной ориентации, а спускаемый аппарат «Союза» приземлился в нерасчетном районе — на лед Аральского моря. Через некоторое время аппарат затонул, и его пришлось извлекать с помощью водолазов. При осмотре выяснилось, что днище спускаемого аппарата в центральной части проплавилось и разгерметизация произошла еще во время входа в атмосферу — в пилотируемом варианте такое разрушение привело бы к гибели экипажа.

Результаты трех беспилотных запусков показали, что корабль «Союз» еще очень «сырой». Его следовало дорабатывать и проводить новые беспилотные запуски. И тут случилось невероятное — большинство руководителей программы высказались за переход к пилотируемым полетам! Очевидно, сыграл свою роль политический фактор: партийное руководство требовало в преддверии 50-летия Великой Октябрьской революции возобновить полеты космонавтов, ведь их не производили два года, что вызвало пересуды в западной прессе и стало сказываться на репутации СССР как ведущей космической державы. Больше того, на совещаниях было высказано мнение, что наличие пилота в кабине «Союза» повысит надежность системы — он в случае чего сможет выступить «ремонтником». Идею поддержали и члены отряда космонавтов, которым нестерпимо хотелось летать.

Генерал-лейтенант Николай Петрович Каманин сделал запись в своем дневнике (цитирую по книге «Скрытый космос: Книга третья», 1999):

«15 февраля [1967 года].

Был у Мишина. Более четырех часов разбирались с ходом испытаний корабля 7К-ОК и подготовкой экипажей к полету. На мой вопрос о сроках пуска Василий Павлович ответил: „По нашему мнению, запускать технологические корабли больше не нужно, будем готовить полеты „Союзов“ с космонавтами на борту. До полетов надо закончить все испытания и выполнить все доработки. Короче говоря, будет очень хорошо, если первый пилотируемый полет состоится до 12 апреля“. Договорились, что выезд на полигон должен состояться 20–25 марта. В связи с тем, что до выезда остается 26–31 рабочий день, я попросил Мишина в ближайшие два-три дня выдать нам всю полетную документацию (задания,

программы, инструкции) и полностью закончить оборудование ТБК-60, самолета Ту-104 и учебного космического корабля. <...>

Как ни печально, но меня всё чаще тревожит мысль: мы неотвратимо приближаемся к новым тяжелым происшествиям. Для завершения подготовки космонавтов требуется минимум 40 дней, при отличной и очень напряженной работе подготовку можно закончить в 32–35 дней...»

К тому времени были окончательно сформированы два экипажа для выполнения первого полета на «Союзах». Основной экипаж: Владимир Комаров, Валерий Быковский, Евгений Хрунов, Алексей Елисеев. Дублирующий экипаж: Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Виктор Горбатко, Валерий Кубасов.

В феврале-марте 1967 года два экипажа прошли интенсивную подготовку. Владимир Комаров и Юрий Гагарин осваивали навыки сближения и стыковки кораблей на специальном тренажере «Волга», а члены экипажей отрабатывали свои действия по переходу из корабля в корабль в термобарокамере ТБК-60 и на борту самолета «Ту-104», способного имитировать кратковременную невесомость. 14–15 марта первый экипаж одолел тридцатичасовую комплексную тренировку, а 17–18 марта то же самое проделал и второй экипаж.

16 марта, в перерыве между тренировками, инженер-полковник Владимир Михайлович Комаров, который был безусловным лидером программы «Союз», отпраздновал свой сорокалетний юбилей. Некоторые отговаривали его от этого шага: есть поверье, что сорок лет отмечать нельзя — быть беде.

25 марта состоялось заседание Военно-промышленной комиссии Совета министров, на котором обсуждалась готовность кораблей и экипажей. Общий вывод был таков: техника и космонавты могут быть готовы к осуществлению группового полета «Союзов» со стыковкой в период с 20 по 28 апреля. По первенству экипажей решение не принималось, но все молча согласились, что первым будет экипаж Комарова. После заседания остался узкий круг высокопоставленных членов комиссии, и Николаю Петровичу Каманину сообщили под большим секретом, что в правительстве высказываются против возвращения Юрия Гагарина в космонавтику. Позднее Каманин запишет в своем дневнике (27 марта 1967 года): *«Я сказал, что рано Гагарина превращать в музейный экспонат, — если мы отнимем у Гагарина перспективу дальнейших полетов в космос, мы погубим его.*

Сейчас мы держим Гагарина на режиме (меньше встреч, приемов и выписок и больше спорта, занятий техникой и полетов) и этим сохраняем его здоровье и работоспособность. Запретить космические полеты, полеты на самолетах, парашютные прыжки... так можно дойти до запрета заниматься спортом, автомобилем и даже ходьбой (умирают и на ходу)». Выслушав взволнованную тираду в защиту интересов Юрия Гагарина, члены комиссии были вынуждены согласиться с аргументами генерал-лейтенанта.

30 марта оба экипажа сдали теоретические экзамены на отлично, а 8 апреля прибыли в Тюратам. В течение двух недель космонавты участвовали в предстартовой подготовке: обживали «Союз», меняли индивидуальные ложементы, подгоняли шлемофоны, надевали и снимали скафандры. 20 апреля состоялось заседание Госкомиссии, на котором были утверждены экипажи: основной — экипаж Владимира Комарова, дублирующий — экипаж Юрия Гагарина.

23 апреля 1967 года в 3:35 по московскому времени стартовал пилотируемый корабль «Союз-1» («7К-ОК(А)» № 4) с Владимиром Комаровым (позывной «Рубин») на борту. 24 апреля с восстановленной 31-й площадки должен был состояться запуск корабля «Союз-2» («7К-ОК(П)» № 5). Однако сразу после выведения «Союза-1» на орбиту начались проблемы. Не раскрылась левая панель солнечных батарей. Не работала солнечно-звездная ориентация, поэтому не прошла автоматическая закрутка корабля, что, в свою очередь, привело к разрядке аккумуляторов. Владимир Комаров несколько раз пытался выполнить закрутку вручную, но безуспешно. Госкомиссия, проанализировав ситуацию, приняла решение отменить запуск «Союза-2» и посадить «Союз-1» досрочно. На шестнадцатом витке космонавту были переданы все инструкции, и он начал готовиться к спуску, однако не сработала система ионной ориентации, двигатель не включился, и посадка сорвалась. Лишь на девятнадцатом витке Комаров сумел свести корабль с орбиты.

После разделения отсеков и торможения спускаемого аппарата в высших слоях атмосферы отстрелилась крышка люка контейнера основного парашюта, тормозной парашют раскрылся, но вытянуть большой купол из контейнера не смог. Согласно логике работы в действие был введен запасной парашют, но и он не раскрылся, попав в аэродинамическую «тень» тормозного парашюта. В результате спускаемый аппарат со скоростью 50 м/с врезался в землю, раз-

бился и загорелся от перекиси водорода из лопнувших баков. Летчик-космонавт Владимир Михайлович Комаров погиб.

Правительственная комиссия, расследовавшая катастрофу, пришла к выводу, что причиной невыхода основного парашюта явилось «зажатие» его стенками контейнера. То, что подобное не произошло во время испытаний, объяснили «вероятностным фактором». Однако после завершения работы комиссии появилась еще одна версия случившегося: спускаемые аппараты кораблей № 4 и 5, в отличие от предыдущих беспилотных, ставились в автоклав для полимеризации теплозащиты вместе с парашютными контейнерами, но, как оказалось, они не были закрыты штатными крышками — вследствие этого стенки контейнеров могли покрыться налетом смол, который резко повысил коэффициент трения. Чтобы проверить версию, на заводе был проведен эксперимент: спускаемый аппарат незапущенного корабля «Союз-2» подвесили за тормозной парашют и стали медленно поднимать, замеряя усилие, при котором произойдет выход основного парашюта, — каково же было изумление инженеров, когда они увидели, что аппарат массой примерно 2,8 тонны болтается на тормозном парашюте, как на веревке, а основной парашют из контейнера вообще не вышел. Тогда стало ясно, что в апреле 1967 года могла произойти еще более страшная катастрофа: если бы стартовал и «Союз-2», погибли бы четверо космонавтов.

Для Гагарина внезапная смерть товарища была страшным моральным ударом. Хуже того, Юрий Алексеевич прекрасно понимал, что теперь его вряд ли пустят в космос. Действительно — из состава новых экипажей, сформированных для полетов на «Союзах», первого космонавта исключили.

Николай Петрович Каманин посоветовал Гагарину сосредоточиться на учебе в академии, пока не пройдет всеобщий шок и не улягутся страсти. Юрий Алексеевич так и поступил.

Глава сорок шестая *Тема для диссертации*

О том, что члены отряда космонавтов решили получить высшее образование, стало известно почти сразу по факту их зачисления в вуз. Собственно, об этом публично сообщил сам Юрий Алексеевич

Гагарин в своем небольшом очерке «Готовы к новым космическим полетам» (журнал «Авиация и космонавтика», 1962, № 4): *«Неотложная нужда в знаниях привела меня и Г. Титова в аудиторию Военно-воздушной инженерной академии имени проф. Н. Е. Жуковского. Для предстоящих полетов, кроме отличного здоровья, необходимы глубокие летные и инженерные знания. Космонавт должен быть и пилотом, и штурманом, и инженером, и исследователем».*

Однако информацией о ходе обучения советские публицисты делились скупой, а если делились, то отделялись пустыми фразами, за которыми не было никакого внятного содержания. Подробно писали о чем угодно: о заграничных поездках космонавта, о посещении им родных мест, о выступлениях на всевозможных партийных мероприятиях и митингах, о встречах с пионерами, комсомольцами, рабочими, колхозниками, о привычках и предпочтениях, о семье и друзьях, — но никогда о том, чем он занимается в академии. Время от времени, впрочем, в печати появлялись фотоснимки, на которых Юрий Гагарин сидит в учебной аудитории, разглядывает какие-то чертежи и диаграммы, что-то рисует мелом на доске, работает с какими-то приборами. Поскольку фотоснимки часто не имели подписей, у постороннего человека складывалось впечатление, что послеполетная жизнь первого космонавта и впрямь состоит в основном из общественно-политической и просветительской деятельности, а в академии он бывает редко, для «галочки», занимаясь не столько науками, сколько позированием.

Ничего не изменилось в этом смысле и после гибели Юрия Алексеевича. Несколько примеров. Вот что писал Герман Степанович Титов в брошюре «Первый космонавт планеты» (1971), выпущенной к десятилетнему юбилею исторического полета: *«Мне доводилось много и часто вместе с Юрием решать разные летные задачи, довелось и защищать диплом в академии имени Н. Е. Жуковского. Хочется избежать избитых слов „меня поражало“, „мне было приятно“. Скажу так: с Юрием можно было хорошо и спокойно делать любое дело и надежно дружить».* Можно заглянуть и в статью «Страницы „Гагаринского альбома“» (журнал «Советское фото», 1971, № 4) кандидата технических наук Виталия Алексеевича Шитова: *«После полета в космос его жизнь была тесно связана с Военно-воздушной инженерной академией имени Н. Е. Жуковского. Юрий Алексеевич учился увлеченно; тщательно, даже красиво вел конспекты, внимательно слушал советы*

преподавателей, в срок выполнял лабораторные работы. Важные поручения и обязанности часто отрывали его от занятий. Иногда он вынужден был уходить с середины лекции. Но на следующее занятие неизменно приходил подготовленным. Было просто непостижимо, когда он всё успевал. Ему помогало умение трудиться самоотверженно, постоянно и упорно. Да и требовательность преподавателей не допускала никаких послаблений в учебе. <...> Пожалуй, самый дорогой для меня снимок — портрет Гагарина, сделанный 15 февраля 1968 года. В этот день Юрий Алексеевич читал свой доклад по дипломной работе. Я его непрерывно снимал. Закончив доклад, он улыбнулся и сказал: „Вот и всё“. В этот момент я нажал на спуск затвора. Этот портрет, по мнению его близких друзей и хороших знакомых, показывает Гагарина таким, каким он остался в их памяти. 17 февраля Юрий Гагарин блестяще защитил диплом».

Вел конспекты, ходил на лекции, блестяще защитил — вот и всё, как сказал бы Гагарин. И это, замечу, наиболее подробное описание учебного процесса в академии из всех опубликованных материалов того времени. В других источниках, даже в солидных фолиантах, и того меньше. Чем же занимался космонавт в стенах военного вуза? Какая у него была тема дипломной работы? Кто были его научные руководители? Тайна покрыта мраком.

Впрочем, хитроумный аналитик из ЦРУ, наверное, мог бы составить некоторое представление о том, по какому именно профилю проходили Гагарин и его друзья-сослуживцы. Прежде всего он обратил бы внимание на специфику Военно-воздушной инженерной академии (ВВИА), основным направлением деятельности которой всегда была разработка методов совершенствования боевых самолетов, в том числе за счет оснащения их ракетными двигателями или ракетным вооружением. Кроме того, среди фотоснимков, иллюстрирующих статью «Страницы „Гагаринского альбома“», он обнаружил бы один очень странный: на нем Гагарин, Титов, Николаев, Попович и Быковский осматривают модель, своими формами напоминающую «Space Shuttle». Поскольку именно в то время американские политики, военные и ученые обсуждали в закрытом режиме концепцию многоразового орбитального корабля, взлетающего по-ракетному и приземляющегося по-самолетному, аналитик ЦРУ должен был бы встрепетаться и накатать своему начальству докладную записку о том, что Советы опять вознамерились опередить США и даже при-

влекли к этому делу своего первого космонавта. В реальности же значимый международный резонанс этот фотоснимок (только почему-то с заретушированным Титовым) вызвал намного позже — в 1989 году, когда его опубликовала газета «Труд» (4 января) в качестве одной из иллюстраций к статье Виталия Головачёва «Готовясь к полету на „Буран“...», в которой приоткрывалась завеса секретности над советскими проектами многообразных орбитальных кораблей.

Появление загадочного снимка в журнале «Советское фото» никак не изменило ситуацию с доступностью информации о занятиях космонавтов в академии. Впервые более или менее подробные сведения о них появились в книге «Диплом Гагарина» (1986) профессора Сергея Михайловича Белоцерковского, возглавлявшего кафедру аэродинамики в ВВИА. Позднее расширенный вариант этой работы издавался под названием «Первопроходцы Вселенной. Земля-Космос-Земля» (1997), но нас интересует прежде всего первое издание, вышедшее солидным даже по советским меркам тиражом в 155 000 экземпляров. В нем нет загадочной фотографии с «шаттлом», зато хватает других, сделанных Шитовым «скрытой камерой» на протяжении многих лет обучения космонавтов в академии. Главное — профессор Белоцерковский подробно рассказал о том, как учились космонавты, какие проблемы у них были, какие науки приходилось усваивать и тому подобное. Из книги становится ясно, что Гагарин во главе группы друзей-сослуживцев проектировал сверхзвуковой одноместный летательный аппарат с решетчатыми крыльями. Однако опять нет ответа на вопрос, что это был за аппарат, для каких целей он проектировался, были ли у него предшествующие аналоги-прототипы. Среди обилия иллюстративного материала явно не хватает хотя бы общего компоновочного чертежа аппарата или его полноценной фотографии, сделанной с удобного ракурса. Опять загадка!

Видимо, из-за скудности фактической информации этому удивительному эпизоду жизни первого космонавта в книге Виктора Александровича Степанова «Юрий Гагарин» (1987) посвящено всего пять страниц, причем со ссылкой именно на воспоминания Белоцерковского. В постсоветское время тенденция сохранилась. Хотя большое количество подробностей об обучении космонавтов можно найти в опубликованных дневниках Николая Петровича Каманина, а профессор Белоцерковский во втором издании своей книги наконец-то раскрыл, как назывался загадочный летательный аппарат,

спроектированный Гагариным, и привел его эскиз, биографы проигнорировали тему, уделяя ей минимальное внимание. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть самые новые биографии Гагарина, изданные к 50-летию его полета в космос. Джеми Доран и Пирс Бизони в книге «Гагарин. Человек и легенда» (2011) уделили теме четыре страницы, при этом изрядно напутав факты и добавив «развесистой клюквы», — что с иностранцев взять? Лев Александрович Данилкин в книге «Юрий Гагарин» (2011) тоже посвятил учебе космонавтов не больше четырех страниц, разбавив информацию своими глубокомысленными рассуждениями о политическом контексте происходившего. В книге Николая Яковлевича Надеждина «Юрий Гагарин» (2011) под рассказ о ВВИА уделено аж полстраницы (в оправдание автору можно только сказать, что сама книжка невелика по объему). В книге Валерия Николаевича Куприянова «Космическая одиссея Юрия Гагарина» (2011) поздний период жизни Гагарина вообще не освящен. И так далее.

Возникает ощущение, что дипломная работа первого космонавта мало интересует биографов. Какое же впечатление при этом складывается у любопытствующих читателей? Да, именно такое — Гагарин занимался чем-то скучным и маловразумительным, исключительно для получения «корочек» о высшем образовании.

Впрочем, не всё так плохо. Своего рода прорыв в теме сделали исследователи истории космонавтики Вадим Павлович Лукашевич и Игорь Борисович Афанасьев. Работая над книгой «Космические крылья» (2009), посвященной развитию авиакосмических систем, они обратились за разъяснениями к Александру Ивановичу Желанникову, начальнику кафедры аэродинамики ВВИА, и получили исчерпывающую информацию о проекте, над которым работали космонавты в академии. Если совместить ее с той, которая изложена в книгах Белоцерковского и мемуарах Каманина, то вполне можно реконструировать этот этап жизни Гагарина, который был не менее ярким и насыщенным, чем любой другой.

Итак, в июле 1961 года было принято решение о том, чтобы космонавты (как летавшие, так и не летавшие) получили высшее образование: к тому моменту в отряде оно было только у Владимира Михайловича Комарова. Вместе с Гагариным и Титовым в ВВИА пошли учиться Андриян Григорьевич Николаев, Павел Романович Попович, Валерий Фёдорович Быковский, Алексей Архипович Леонов, Борис

Валентинович Вольнов, Евгений Васильевич Хрунов, Виктор Васильевич Горбатко, Георгий Степанович Шонин, Иван Николаевич Аникеев, Дмитрий Алексеевич Заикин, Марс Закирович Рафиков, Валентин Игнатьевич Филатьев. Через год к ним присоединились девушки из женского набора. Не все они дошли до защиты диплома, не все слетали в космос, но связано это было не с личными качествами, а с проблемами, неизбежно возникшими во время подготовки к полетам.

Выбор в пользу академии имени Н. Е. Жуковского был сделан под влиянием главного конструктора ракетной техники Сергея Павловича Королёва, который имел виды на этот вуз. Разумеется, учебный план начал составляться еще до поступления, причем Королёв был одним из самых активных участников его обсуждения. Однажды он сказал профессору Белоцерковскому: *«Покажите им, как тяжело быть в нашей „шкуре“. Это очень важно. „Шкуру“ космонавта они почувствовали, а „шкуру“ главного конструктора нет. А им надо хорошо понимать трудности конструктора. Проблема-то одна, ее не разорвешь на части...»*

Обучение в ВВИА, формально начавшееся 1 сентября 1961 года, давалось космонавтом нелегко, ведь в то же самое время нужно было еще и посещать тренировки, летать для сохранения навыков, заниматься общественно-политической работой. Поэтому оно быстро приобрело очно-заочную форму и продолжалось больше шести лет.

Поскольку космонавты поступали без экзаменов и имели за плечами лишь среднее образование посредственного качества, то на первых же занятиях выявились серьезные пробелы. Все, включая Гагарина, нахватили двоек. В какой-то момент ситуация стала настолько критической, что первый космонавт по поручению друзей-сослуживцев обратился к Главкому ВВС с просьбой перевести всех в Военно-воздушную академию, располагавшуюся в Монино. Там кадровым офицерам было, как считалось, учиться намного легче. Маршал Константин Андреевич Вершинин выслушал Гагарина и ответил: *«В ближайшее время у меня не будет флотилий космических кораблей, которыми вы смогли бы командовать, поэтому учитесь там!»* И космонавтам пришлось браться за ум. Надо отдать им должное: несмотря на тяжелый график и строгость преподавателей, они смогли добиться больших успехов. Все последующие оценки «отлично», начиная со второго года обучения, у космонавтов были твердые и заслуженные. В книге воспоминаний Белоцерковский отмечает, что Гагарин выбил-

ся в отличники раньше остальных, что вполне объяснимо: он всегда был настойчив в учебе и привык схватывать новое на лету.

Интересно, что на втором году обучения вокруг космонавтов стала формироваться группа преподавателей, которые рассматривали свою работу с Гагариным и остальными как возможность поучаствовать в великом процессе расширения внеземной экспансии и с большим энтузиазмом взялись за создание методики обучения, которая помогала бы осваивать традиционные дисциплины быстрее, чем принято по программе, и была бы напрямую увязана с практической космонавтикой. Благодаря им появились новые учебники, объединяющие близкие теоретические курсы, и соответствующие пособия. Среди профессоров академии того времени был, например, Георгий Иосифович Покровский — ярчайшая личность, вошедшая в историю не только научными, но и научно-популярными работами, публиковавшимися в молодежных журналах. Кроме прочего, он был неплохим художником, часто обращавшимся в своем творчестве к теме космоса, на чем сошелся с Алексеем Леоновым.

Профессор Белоцерковский так вспоминал о распорядке обучения:

«Впервые как преподаватель я встретился с космонавтами в начале 1964 года — мы начали изучать курс аэродинамики летательных аппаратов. Помню, как начальник учебного отдела академии А. И. Бутенко привез меня в Звёздный городок — тогда он мало кому был известен — и представил группе слушателей-космонавтов во главе с Гагариным. Мне почему-то сразу бросилась в глаза одна особенность, так сказать, аудиторной дислокации слушателей, которая сохранялась на всех занятиях. За первым столом сидел Гагарин, а за последним — Титов. Как-то позже я поинтересовался у Германа Степановича, почему он всегда занимает последний стол, хотя впереди есть свободные места.

— Школьная привычка, — последовал ответ. — Люблю видеть перед собой весь класс, всю группу.

Занятия в то время проходили и у них, в Звёздном, и у нас, в академии: из четырех-пяти учебных дней в неделю два — там и два-три — у нас. Естественно, всё, что требовало применения экспериментальных установок, тренажеров, вычислительных машин, проводилось в академии. Мои лекции в Звёздном начинались в 9 часов утра, и меня обычно возили туда на „Победу“. Выезжали из Москвы мы в 7–7.30 утра, и так продолжалось около года...»

В октябре 1965 года встал вопрос о темах дипломных работ. Белоцерковский встретился с Каманиным. Академия выдвинула три темы: «Орбитальный самолет-разведчик», «Орбитальный самолет-перехватчик» и «Космический корабль для нанесения ударов по объектам на Земле». Каманин не стал оспаривать выбор, но предложил подумать над комплексной темой «Освоение Луны», в рамках которой можно было бы назначить более конкретные направления работ: «Научные аппараты для изучения Луны», «Пилотируемые корабли для облета Луны», «Пилотируемые корабли для высадки на поверхность Луны и возвращения на Землю», «Оборонное значение освоения Луны». Каманин посоветовался с Гагариным, но тот сразу заявил, что лунную тему группе не потянуть: она слишком сложна в своей многогранности. В конечном итоге остановились на космоплане — орбитальном самолете, стартующем на ракете-носителе, а возвращаемся, планируя в атмосфере, на любой аэродром. Тема была близка и руководству академии, и космонавтам, и даже главному конструктору Королёву, который перед войной пытался построить ракетный самолет.

Еще до появления космонавтов в ВВИА велись эскизные проработки проекта многоразового высокоманевренного крылатого орбитального корабля, названного в документах «КЛА» («Космический летательный аппарат»). Проект появился под впечатлением от триумфальных запусков спутников — сотрудники академии догадывались, что в скором времени на орбиту отправится человек, поэтому проявили творческую инициативу. Понятно, что в силу специфики академии основное внимание они уделяли вопросам маневрирования в атмосфере на участках снижения и посадки. Специалистам было ясно, что такой аппарат должен быть крылатым. Однако крылья, создающие подъемную силу, трудно защитить от теплового воздействия на больших (гиперзвуковых) скоростях полета. Выход был найден в интересной технической идее — использовании решетчатых крыльев! Они должны были раскрываться после прохождения участка максимального теплового воздействия, на высотах от 45 до 25 км, обеспечивая широкие возможности для маневрирования.

В 1962 году образовалась группа, в которую вошли ведущие специалисты академии, включая сотрудников Белоцерковского с кафедры аэродинамики. Результаты исследований по теме, получившей неофициальное обозначение «Решетка-62», обобщили в двух

коллективных отчетах, которые были разосланы во все заинтересованные организации, включая бюро Сергея Королёва. Таким образом, к моменту начала обучения космонавтов сложился коллектив, имевший опыт научной работы в области формирования облика многоразовых космопланов. Понятно, что Юрию Гагарину и его товарищам было выгоднее взять дипломную тему, хорошо знакомую их академическому окружению, а не лунные проекты, к которым сотрудники Белоцерковского не имели допуска.

Каждый из космонавтов получил свой самостоятельный раздел, который тщательно увязывался со всеми остальными таким образом, чтобы в совокупности все работы можно было рассматривать как техническое предложение по проекту нового космического корабля. В ходе обсуждения структуры дипломной работы само собой получилось так, что особое место занял Юрий Гагарин. Именно он распределил дипломников по руководителям и лично провел обсуждение темы с Сергеем Королёвым, который помог определить вариант облика «КЛА» для проекта. Сотрудники академии стояли за складные решетчатые крылья, но Королёв предложил заняться более традиционной самолётной компоновкой.

Направления деятельности, выбранные дипломниками, также многое говорят о научно-инженерных предпочтениях членов отряда космонавтов. Юрий Гагарин отвечал за общую методологию использования «КЛА» и выбирал конфигурацию аппарата (аэродинамические формы, размеры несущих элементов, способы посадки), тем самым выступая неформальным «главным конструктором». Систему аварийного спасения аппарата отрабатывал Герман Титов. За расчет аэродинамических характеристик и теплозащиту отвечал Андриян Николаев. Внутреннюю компоновку и расчет весовых характеристик взял на себя Дмитрий Заикин. Силовой установкой занимался Павел Попович, системами ориентации — Евгений Хрунов, топливной системой и жидкостным ракетным двигателем — Валерий Быковский. И так далее.

Окончательный вариант космоплана с рассчитанными геометрическими параметрами был утвержден в 1966 году. По чертежу-эскизу Юрия Гагарина была изготовлена деревянная модель для аэродинамических исследований, получившая название «ЮГ». Дальнейшие исследования выбранной схемы выявили проблему, с которой сталкиваются все конструкторы подобных аппаратов: не удавалось обес-

печить балансировку на всех (гипер-, сверх-, транс- и дозвуковых) участках полета. У «ЮГ» это особенно проявлялось на сверхзвуковых скоростях. Через много лет проблему научились обходить за счет автоматического управления с помощью бортовых электронно-вычислительных машин, но Юрию Гагарину ничего не оставалось, как добавить на свой «КЛА» переднее горизонтальное оперение. Легко догадаться, что в качестве стабилизаторов он применил складные решетчатые крылья. При этом, правда, вопрос складывания и выпуска решеток на уровне конкретной конструкции не прорабатывался — его оставили на потом.

К середине осени 1967 года проект аппарата вчерне был «увязан», и начался критический просмотр сделанного. Налиествовала еще одна проблема — крутая предпосадочная траектория. Для консультации был привлечен Александр Андреевич Дьяченко — специалист ВВИА по динамике полета. Ознакомившись с работой, он спросил Гагарина: «А самолет-то вы сажать собираетесь? Или это не обязательно?» И услышал ответ: «В крайнем случае, посажу на парашюте». В результате было выдано резко отрицательное заключение: «*В работе крупный дефект: не изучена динамика посадки. Приземление самолета на парашюте — абсурд*».

После нескольких дней обсуждения было принято решение по дальнейшим шагам: доработать аэродинамику аппарата, организовать изучение процесса посадки для определения оптимального способа пилотирования, рассмотреть вопрос об установке небольшого воздушно-реактивного двигателя, обеспечивающего посадку. Юрий Гагарин был против последнего решения, ведь оно потребовало бы изменения всего дипломного проекта. Поэтому он пошел другим путем. На кафедре динамики полета был смонтирован моделирующий стенд-тренажер, включавший электронно-вычислительную машину МН-8, кресло летчика с органами управления и регистрирующие приборы, на котором Гагарин самостоятельно провел двести зачетных «посадок». Причем «посадки» совершались как в идеальных условиях, так и с учетом ветра и кривизны Земли, что наряду с улучшением аэродинамики аппарата позволило Гагарину обосновать отказ от дополнительного двигателя. Этот тренажер с полным основанием можно считать первым в нашей стране пилотажным стендом.

В связи с тем, что космонавты собирались завершить обучение в начале 1968 года, в последние несколько месяцев перед защитой

они поступили в полное распоряжение академии. Жили в курсантском общежитии и работали по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Для Юрия Гагарина был выделен небольшой кабинет на третьем этаже в аэродинамической лаборатории, где он, завершая дипломную работу, безвыездно трудился с 4 января по 16 февраля. Поскольку именно ему выпало быть «главным конструктором», то и пояснительная записка, подготовленная им, была вдвое объемнее, чем у других космонавтов.

17 февраля 1968 года Юрий Алексеевич Гагарин блестяще защитил проект и получил квалификацию «летчик-инженер-космонавт» и диплом с отличием. О глубине владения материалом и зрелости Гагарина как инженера-исследователя свидетельствует сохранившаяся магнитофонная запись его доклада, прочитанного на защите в Звёздном городке:

«Была выбрана аэродинамическая схема летательного аппарата, и произведено исследование его аэродинамических характеристик. Прежде всего рассчитаны статические характеристики данного аппарата. В принятой методике летательный аппарат заменяется крылом сложной формы в плане, которое в свою очередь заменяется вихревой поверхностью. Она представляет собой определенное количество косых подковообразных вихрей. Граничные условия удовлетворяются в расчетных точках. Затем по теореме Жуковского „в малом“ находится распределенная нагрузка, действующая на крыло. А потом — суммарные характеристики. Результаты теоретических расчетов, которые проводились на электронно-вычислительной машине БЭСМ-2М, представлены на двух графиках. В качестве примера построены зависимости подъемной силы и момента по углу атаки. <...> Затем были проведены экспериментальные исследования модели данного летательного аппарата с целью определения этих же статических характеристик. Эксперименты проводились в аэродинамической трубе. Из рассмотрения графиков следует, что во всем летном диапазоне углов атаки теоретические и экспериментальные данные полностью и очень хорошо совпадают. Следовательно, метод расчета был выбран правильно. Полученные характеристики для выбранной после ряда проб компоновки обеспечивают необходимые общие свойства летательного аппарата. Но для того чтобы оценить динамику посадки летательного аппарата, его летные свойства, недостаточно знать только статические характеристики летательного аппа-

рата. Они находились теоретическим путем по методике, примерно аналогичной той, которую я уже изложил. Расчеты проводились также на электронной вычислительной машине. В качестве примера здесь приведены данные для момента демпфирования по угловой скорости и по изменению положения центра тяжести. <...> После этого на специальном электронно-моделирующем стенде было проведено исследование динамической устойчивости летательного аппарата. Некоторые результаты приведены на осциллограммах. Из них видно, что вертикальный порыв с интенсивностью до десяти метров в секунду вызывает заметное изменение угла атаки. Но затем аппарат быстро приходит к исходному положению по аperiodическому закону. Изучались также порывы ветра в горизонтальном направлении интенсивностью до пятнадцати метров в секунду. Их воздействие также существенно, но затем аппарат восстанавливает исходную скорость. Для решения вопроса об оценке посадочных и летных характеристик аппарата очень важно сочетание опытов по конструированию и пилотированию. В работе данному вопросу уделено большое внимание. Для этого как при проектировании, так и на этапе подготовки к полетам целесообразно создание тренажеров...»

По итогам защиты Государственная экзаменационная комиссия рекомендовала Юрию Гагарину продолжить обучение в заочной адъюнктуре академии. Он стал первым соискателем академии среди космонавтов, а тема диплома должна была стать темой его кандидатской диссертации. Сбылась еще одна давняя мечта Юрия Алексеевича: он получил высшее инженерное образование с перспективой подняться до звания кандидата и, возможно, доктора технических наук. К сожалению, все эти планы разрушила его внезапная гибель.

Что касается загадочного «шаттла», снимок которого впервые появился в журнале «Советское фото» в 1971 году, то расследование показало, что на нем была запечатлена учебная модель гипотетического гиперзвукового летательного аппарата или крылатой ракеты с очень большим удлинением фюзеляжа — просто автор снимка Виталий Шитов (скорее всего, непреднамеренно, ведь речь идет о 1960-х годах) сумел подобрать такой ракурс, при котором крылатая ракета обрела характерные черты орбитального корабля многоцелевого использования типа «Буран». Случайность, но весьма символическая.

Глава сорок седьмая

Психология и космос

25 марта 1968 года Юрий Алексеевич Гагарин подписал верстку своей новой книги «Психология и космос», созданной в соавторстве с Владимиром Ивановичем Лебедевым, который возглавлял Отдел медико-психологической подготовки в ЦПК ВВС. До того у Гагарина было не слишком много публикаций: литературная запись его воспоминаний «Дорога в космос», сделанная корреспондентами «Правды», и два десятка статей в периодической печати. Книга должна была стать следующим шагом Юрия Алексеевича в попытке осмыслить значение внеземной экспансии, ее влияния на мир и будущее человечества.

Надо сказать, что психология — один из самых тонких аспектов космонавтики. Специалисты в этой области не рискуют публиковать объемные труды, рассчитанные на широкую аудиторию. Ведь космонавты в таких книгах неизбежно предстанут пациентами, там будут обсуждаться отклонения от нормы, адекватность, неадекватность и прочие малоприятные для самооценки темы. Лучше не рисковать — не давать повода для зубоскальства тем, кто далек от научной проблематики, но не упускает возможность очернить кумиров. И всё же такая литература необходима. Еще основоположники космонавтики интуитивно догадывались, что выход за пределы атмосферы, на высоты, с которых Земля будет выглядеть планетой, должно изменить духовную суть человека. Психология изменится — она уже меняется! — но в каком направлении? Готов ли современный человек с его рефлексам, фобиями, неврозами и предрассудками выйти в принципиально новую среду обитания?

Психологи мрачно смотрели на перспективы освоения космоса с точки зрения своей профессии. Писали об этом много, почти столько же, сколько о длительном влиянии невесомости, хотя и основываясь на чисто умозрительных соображениях. Приведу в качестве примера статью Фёдора Дмитриевича Аннинского «Космическая психология» (журнал «Наука и жизнь», 1961, № 2), написанную и опубликованную незадолго до полета Юрия Гагарина. В ней подводится своеобразный промежуточный итог исследованиям, проливающим свет на психологические проблемы, которые теоретически могут возникнуть у космонавтов в реальном полете:

«С чего начать? Можно ли всерьез говорить об описании еще не существующей деятельности? Оказывается, можно. Дело в том, что у будущей профессии космонавта есть много общего с профессией летчика. И тот и другой оторваны от твердой площади опоры — Земли, находятся в герметической кабине летательного снаряда, мчащегося с огромной скоростью, подвергаются действию перегрузок (тех внешних механических сил, которые давят на человека при ускорении или замедлении полета). Поэтому летчика с полным правом можно называть космонавтом „ближнего следования“, и многое из того, что установлено в отношении его ощущений, может оказаться приложимо к будущему покорителю просторов Вселенной. <...>

В космическом полете пространство и время будут восприниматься в условиях стремительного движения вперед самого космонавта. Однако эта стремительность движения, огромная скорость космического корабля, в свободном полете чувствоваться не будет. В земных условиях, например, пассажир автомобиля „видит“, с какой скоростью идет машина: мимо окон проносятся деревья, столбы, пешеходы. Даже закрыв глаза, пассажир чувствует движение: ревет мотор, неровности дороги встряхивают кузов.

Свободный полет в кабине космического корабля лишает человека столь привычных ему ощущений движения: двигатели молчат, никаких сотрясений, за окнами кабины — ни одного предмета на близком расстоянии.

По образному выражению одного ученого, человек будет как бы „неподвижно подвешен в неподвижной пустоте“.

Правильная ориентировка человека в пространстве и времени — неперенное условие его нормального существования и успешной деятельности. Ориентировка в пространстве — это восприятие окружающего. В привычной обстановке мы твердо знаем, где низ, где верх, умеем взять предмет, отшвырнуть ногой камень, умеем свободно координировать множество движений. <...>

Несомненно, состояние невесомости затруднит координацию движений космонавта, „верх“ и „низ“ станут понятиями относительными. Возможно, на первых порах части тела „откажутся“ подчиняться. При этом задача еще осложнится резко измененной масштабностью. Речь идет не о замене сравнительно малых, „земных масштабов“ на грандиозные, космические, а о приобретении сложного навыка быстро переключаться с одной масштабности на другую. Это особенно

важно, например, при возвращении на Землю, когда совершается переход от неопределенно больших масштабов к привычным, земным. Однако есть полное основание полагать, что все эти сложности преодолимы.

Несколько слов о чувстве времени. Когда-то Иван Михайлович Сеченов говорил о том, что человек измеряет время в основном двумя „механизмами“: короткие интервалы — ухом, более длительные — с помощью мышечного чувства. Понятно, что и ухо и мышцы являются лишь датчиками, принимающими внешние сигналы, основной же регистратор времени находится в мозгу. Выражением работы „мозгового метронома“ являются биопотенциалы мозга, имеющие определенную циклическую периодичность.

Отсутствие привычной смены дня и ночи, земной освещенности не главные причины затруднения в оценке астронавтом времени по своим ощущениям. Основа этих затруднений заложена в самом факте полета в пространстве с огромной скоростью, в новых, необычных условиях пониженной весомости. Отсюда и должно проистекать неумение на первых порах правильно определять протяженность во времени того или иного события. Сместятся такие понятия, как „быстро“, „медленно“, „долго“. Они могут оказаться ошибочными. <...>

Экспериментально установлено, что человек воспринимает окружающую обстановку двойственно: с одной стороны, наши органы чувств непрерывно, последовательно снабжают нас информацией обо всем происходящем вокруг, с другой стороны, выявляется дискретная, прерывистая природа этого процесса. В обычной обстановке мы не ощущаем этой прерывистости, так как перерывы оказываются заполненными за счет так называемых следовых явлений. Кроме того, подобные перерывы в деятельности органов чувств наступают не одновременно.

Совсем иное дело, когда на сцену выступают огромные скорости. Тогда прерывистость процесса восприятия становится весьма актуальным вопросом.

Приведем простой пример. Человек не может смотреть, не мигая. Это защитный рефлекс, благодаря которому глазное яблоко омывается слезной жидкостью и таким образом предохраняется от высыхания. Непроизвольное периодическое мигание длится 13–20 сотых долей секунды. Промежутки между миганиями бывают различными: от 2 до 10 секунд. Так как мигание совершается быстрее, чем исчеза-

ет образ, запечатленный глазом в нервных центрах мозга, непрерывность зрения не нарушается. Обычно за время в две десятых секунды не происходит сколько-нибудь заметной смены зрительных объектов. Но при очень большой скорости перемещения даже за один „миг“ всё может измениться вокруг, прерывистость нашего восприятия становится явной, заметной.

Представьте себе, что, утомившись или задумавшись, астронавт отвлекся, внимание его притупилось — всего на миг. Но именно это мгновение может оказаться решающим. В действие как бы вступает „лупа времени“, миг получает большую развертку. Здесь способны помочь только точнейшие приборы. <...>

Представление о площади опоры как о чем-то жизненно необходимым, нашло свое отражение в древнегреческом мифе о непобедимом Антее. Вся сила его проявлялась только тогда, когда Антей стоял на земле. Легенда рассказывает, что Геракл смог победить Антея лишь потому, что сумел оторвать его от матери-земли.

А сможет ли человек обходиться без площади опоры, находясь в состоянии невесомости во время космического полета? Изменение положения привычной площади опоры вызывает сильную реакцию у животных и у неподготовленных людей. Известная укротительница И. Бугримова рассказывает, что, приучая львов качаться на качелях, она наблюдала, как животные буквально впадали в оцепенение, когда доска взмывала вверх. В одной из московских газет сообщалось о том, что тигр, которого перевозили в самолете, облысел в результате сильного нервного потрясения. Так реагируют на изменение положения площади опоры самые подвижные и смелые животные. <...>

Примерно такое же чувство охватывает человека, стоящего у края крутого обрыва или на балконе высотного дома.

Страх, доходящий до ужаса, может возникнуть не только если падаешь сам, но и при виде падения другого, даже при одной мысли о падении. У человека в этих случаях возникает как бы внутренняя имитация падения: внутри будто что-то обрывается, захватывает дыхание.

Так постепенно мы подошли к косвенному ответу на вопрос: до какой степени необходима человеку площадь опоры? Ученым, однако, нужны точные и прямые доказательства того, что человек в условиях невесомости будет чувствовать себя хорошо и не потеряет работоспособности. <...>

Великий русский ученый Иван Петрович Павлов описывает такой случай. Стремясь быстро выработать у собаки нужный условный рефлекс, он отобрал наиболее подвижное, жизнерадостное и сообразительное животное. Но, к своему удивлению, убедился, что собака не поддается воздействию из-за непреодолимой сонливости. Позднее выяснилось, что сонливость наступала из-за того, что животное лишили возможности нормально двигаться, привязывая его в специальном станке. Подобного рода явления наблюдались и на больных, которые видели лишь одним глазом и слышали одним ухом. Такой человек, закрыв здоровый глаз и ухо, тут же впадал в сон. Это говорит о значении притока внешних впечатлений для поддержания нормального уровня бодрствующего состояния мозга.

Не очутятся ли в подобном „сонном“ состоянии космонавт, лишенный привычных впечатлений, оторванный от Земли? Удаленность, замкнутость в тесной кабине, одиночество... Как повлияет это всё на психику человека?

Не так давно за рубежом проводились опыты, исключая привычные раздражения. Человека сажали в звуко- и светонепроницаемую кабину — таким образом выключали его зрение и слух. С помощью особых перчаток ослабляли также раздражители, влияющие на осязание. В такой обстановке у человека через несколько суток расстраивалось сознание. Иногда возникали галлюцинации. Некоторые зарубежные ученые делают отсюда вывод, что подобная участь ждет и астронавта. <...>

Перемещение с огромной скоростью, „отрыв от Земли“, отсутствие привычной площади опоры, опосредованность восприятий, новизна и неизведанность пути и цели полета — вот условия, которыми можно охарактеризовать профессиограмму будущего космонавта».

Из текста следует, что экзотические условия, в которые попадет космонавт/астронавт, могут спровоцировать самые неожиданные психические расстройства. Автор высказывал предположение, что тут применим авиационный опыт, но и сам же опровергал его, указывая, что космонавт не будет ощущать огромной скорости, с которой движется, но при этом будет находиться в состоянии сенсорного голода и отсутствия силы тяжести, чего в авиации не бывает даже при «слепых» полетах.

Некоторые из опасений психологов прошлого, связанные с космонавтикой, вызывают сегодня удивление. Например, автор описывает проблему двойственности восприятия, когда человек не спо-

собен увидеть всё, что его окружает, поэтому если скорость перемещения человека возрастает, то он успевает увидеть всё меньше и меньше. Однако совершенно очевидно, что огромные скорости космических перелетов находятся за пределами восприятия пилота — даже когда он находится, подобно Алексею Леонову, в открытом пространстве, он может воспринимать только относительные скорости в локальной зоне сопоставимых с ним масштабов.

Впрочем, мы удивляемся только потому, что через полвека после начала космических полетов имеем хотя бы общее представление о восприятии мира из космоса: спасибо соответствующим книгам и фильмам! Ученые середины прошлого века такими знаниями не могли похвастаться.

Без сомнения, большой вклад в формирование современных представлений о человеческой рефлексии в условиях внеземного пространства сыграла книга Юрия Гагарина и Владимира Лебедева «Психология и космос». Кстати, она издавалась трижды: в 1968, 1971 и 1976 годах. Перед нами одна из первых открытых работ, посвященных влиянию космического прорыва на людей и человечество. При этом она написана ясным языком и доступна для понимания дилетантов.

В первой главе, озаглавленной «Ласточка, делающая весну», авторы рассказывают о космическом корабле «Восток» и быте его пилота (между прочим, здесь прямо сказано, что пилот в обязательном порядке катапультировался из спускаемого аппарата перед приземлением), но практически сразу переходят к обсуждению проектов больших орбитальных станций и межпланетных кораблей, которые когда-нибудь будут построены. Они описывают, как решаются главные проблемы длительного пребывания человека в космосе: проблема снабжения воздухом и водой, проблема обеспечения свежими продуктами, проблема сенсорного голода, проблема выживания экипажа в аварийной ситуации.

Во второй главе «Космонавт и робот» авторы обсуждают вопрос взаимодействия человека и автоматики при изучении космического пространства. Здесь они поднимают и проблему двойственности восприятия, которую мы обсуждали выше, доказывая, что опыт летчика и космонавта имеют мало общего друг с другом:

«Практика показала: чтобы оценить обычную ситуацию, пилоту реактивного самолета нужно примерно 1,5–2 секунды. За это время космический корабль, скорость которого 8 км/сек, преодолеет 16 ки-

лометров. Казалось бы, при такой скорости, а в дальнейшем она, несомненно, возрастет, космонавт вообще не сумеет реагировать на события, происходящие в космическом пространстве, и различать объекты, попадающие в поле его зрения. А это значит, что управление межпланетным кораблем можно доверить только автоматам.

Однако уже первый космический полет с человеком доказал, что это не совсем так. Вот как во время этого полета воспринимался окружающий мир из иллюминатора корабля:

„С высоты 300 километров освещенная поверхность Земли видна очень хорошо. Наблюдая за поверхностью Земли, я видел облака и легкие тени их, которые ложились на поля, леса и моря. Водная поверхность казалась темной, с поблескивающими пятнами. Я хорошо различал берега континентов, острова, крупные реки, большие водоемы, складки местности. Когда я пролетал над нашей страной, то отчетливо видел квадраты колхозных полей. Раньше мне приходилось подниматься на самолетах на высоту не более 15 тысяч метров. С корабля-спутника видно, конечно, хуже, чем с самолета, но всё-таки видно очень отчетливо. Меня, по правде говоря, удивило, что с высоты, на которой я находился, так хорошо видны детали земной поверхности.

Хотя корабль шел со скоростью, близкой к 28 тысячам километров в час, все объекты на земной поверхности как бы проплывали в моем поле зрения, ограниченном иллюминатором корабля“.

Почему же человек даже при космической скорости видит детали земной поверхности или еще более далекие звезды? Оказывается, дело именно в расстоянии. Если смотреть из окна мчащегося поезда на насыпь, то трудно разобрать что-либо, кроме сплошных сливающихся линий. Предметы же, которые находятся подальше, выглядят гораздо отчетливей. Существуют три зоны — слияния, мелькания и ясного видения отдельных объектов. Между прочим, граница зон слияния и мелькания помогает опытному летчику определить расстояние до Земли при посадке самолета.

Чем ниже над Землей летит человек, тем сложнее ему различать какие-либо предметы. Чем выше орбита корабля-спутника, тем меньше человек воспринимает скорость, и зрение его как бы становится лучше, острее. А в межпланетном полете у космонавтов вообще исчезнет ощущение скорости.

У них будет „избыток“ времени, когда корабль станет удаляться от планет. Зато их ждет, выражаясь языком шахматистов, жесто-

кий цейтнот во время приземления или при встрече с каким-нибудь небесным телом, например метеоритом. Вот тут-то и необходима автоматика».

Авторы подчеркивают, что без этого взаимодействия человека с автоматами в любом случае не обойтись, но если система недостаточно хорошо продумана, она может привести к ситуации «конфликта с приборами», когда оператор или пилот начнут неправильно интерпретировать получаемые данные и допускать опасные ошибки. Примечательно, что в этом разделе попадаются отсылки к западной научной фантастике, в которой тема взаимодействия с роботами была всесторонне рассмотрена.

В главе «Не отрываясь от земли» подробнее, чем в других источниках, рассказывается о тренажерной базе Центра подготовки космонавтов, приводятся примеры тестов и испытаний, включая курьезные случаи, когда испытуемые не всегда понимали, чего от них хотят. Там же можно найти и выдержки из секретных аттестаций (точнее, это сегодня мы узнали, что они секретные, увидев документы целиком), которые составлялись на первых космонавтов специалистами ЦПК ВВС, причем приводится и фрагмент из личного дела самого Гагарина:

«Большая подвижность нервных процессов способствует гибкости ума сангвиника, она помогает ему легко переключать внимание и схватывать новое.

Типичными сангвиниками были Герцен, Лермонтов, Фрунзе, Марков.

К представителю этого типа отнесли и одного из авторов этой книги. В клинико-психологической характеристике, составленной перед его полетом, было записано:

„Ю. А. Гагарин на протяжении подготовки и тренировки к полету показал высокую точность при выполнении различных экспериментально-психологических заданий. Показал высокую помехоустойчивость при воздействии внезапных и сильных раздражителей. Реакции на «новизну» (состояние невесомости, длительная изоляция в сурдокамере, парашютные прыжки и другие воздействия) всегда были активными: отмечалась быстрая ориентация в новой обстановке, умение владеть собой в различных неожиданных ситуациях.

При исследовании в условиях изоляции в сурдокамере была обнаружена высокоразвитая способность расслабляться даже в короткие

паузы, отведенные для отдыха, быстро засыпать и самостоятельно пробуждаться в заданный срок.

Одной из особенностей характера можно отметить чувство юмора, склонность к добродушию, шутке.

При тренировках на учебном космическом корабле для него был характерен спокойный, уверенный стиль работы с четкими, лаконичными докладами после проведенного упражнения. Уверенность, вдумчивость, любознательность и жизнерадостность придавали индивидуальное своеобразие выработке профессиональных навыков“.

В главе «Экипаж межпланетного корабля» обсуждается проблема психологической совместимости при дальних долгих рейсах. В то время продолжительные полеты с многочисленными экипажами еще не проводились, поэтому авторы апеллируют к опыту полярников, вынужденных робинзонов и исследователей, устраивавших эксперименты по изоляции. На основе богатого материала был сделан вывод, что воспитание «коллективистского духа» является залогом успешного выполнения любых долгих экспедиций, поскольку позволяет преодолеть даже явную психологическую несовместимость. Методы «воспитания» предлагались на основе опыта, полученного при формировании экипажей для кораблей «Восход».

«Особая слаженность и работанность потребовалась от экипажа космического корабля „Восход-2“. Такую сложную задачу, как выход человека в космическое пространство из кабины корабля через шлюзовую камеру, можно было решить только при полном взаимопонимании, доверии и уверенности друг в друге.

Когда распределяли обязанности между членами экипажа, учитывали не столько профессиональную подготовку (и Беляев и Леонов были высококвалифицированными летчиками), сколько индивидуальные психологические качества.

Для Беляева характерны огромная воля и выдержка, позволяющая ему не теряться в самых опасных ситуациях, логическое мышление с глубоким самоанализом, большая настойчивость в преодолении трудностей.

Леонов же по темпераменту относится к холерическому типу. Сильный, порывистый, он способен развивать кипучую деятельность, проявляя решительность и смелость. Наделенный художественным даром, он мог быстро охватывать и запоминать целые картины, а затем довольно точно воспроизводить их.

Эти два различных по характеру человека как бы дополняли друг друга, образовав высокосовместимую группу, которая успешно выполнила сложную программу».

Глава «Эмоции и космос» посвящена разнообразным переживаниям космонавтов, в том числе тем, которые они испытывали будучи летчиками истребительной авиации. Есть там и трагический эпизод, в котором при чтении невольно видишь предчувствие беды (хотя, конечно, впечатление это ложное):

«Но бывали случаи — правда, чрезвычайно редко, — когда летчик терялся и совершал действия, которые приводили к катастрофе. Однажды загорелся самолет, на борту которого, кроме командира, находились еще два человека. Летчику удалось спастись: он вовремя катапультировался, остальные же члены экипажа погибли, хотя в их распоряжении тоже находились катапультирующие установки. Во время расследования летчик утверждал, что перед катапультированием он дал сигнал оставить самолет, однако, по его словам, не получил ответа, хотя ожидал его несколько минут. Фактически же интервал между подачей команды и катапультированием летчика составил, как выяснилось, всего несколько секунд. И конечно, члены экипажа не могли подготовиться к катапультированию. Огромное нервное напряжение явно исказило представления летчика о времени и повлекло за собой в конечном счете гибель людей».

Главы «В мире пропавшей тяжести» и «Загадки тишины» охватывают и более серьезные аспекты воздействия на психику факторов космического полета: нарушение ориентации и кинетоз при невесомости, пространственные иллюзии, перестройка биологических ритмов, информационная избыточность и сенсорное голодание. Авторы дают подробный обзор способов повышения физической и психологической устойчивости будущих космонавтов, на большом количестве примеров показывая, что любая из проблем может быть решена за счет гибкой приспособляемости человеческого организма.

Книга «Психология и космос» не устарела и по сей день. Человечество, как во времена Юрия Гагарина, всё еще робко топчется на околоземных орбитах, не решаясь двинуться дальше. Тому есть множество причин, но, наверное, главную обозначили еще авторы книги: это всеобщая разобщенность, основанная на неспособности подниматься над сиюминутными личными интересами.

Тем не менее последние абзацы наполнены оптимизмом:

«Покоряется космос лишь сильным людям!

Обладать незаурядными способностями и отличными физическими данными космонавту крайне необходимо. И всё же этого еще не достаточно. Нужны еще настойчивость в достижении цели, упорство, беззаветная преданность избранному делу и любовь к нему.

Только эти черты характера помогут физически сильному и высокообразованному человеку стать космонавтом!»

Юрий Алексеевич Гагарин был именно таким человеком. Мы запомним его таким.

Глава сорок восьмая

День рождения

Свой последний день рождения Юрий Алексеевич Гагарин отметил в крымской Евпатории. Почему именно там? В Евпатории находился так называемый НИП-16 (Научно-измерительный пункт № 16). Он был создан как Центр дальней космической связи и работал в основном с межпланетными аппаратами: например, впервые операторы НИП-16 показали себя в феврале 1961 года, когда стартовала станция «Венера-1».

Каким же проектом они занимались в марте 1968 года?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно снова вернуться в прошлое. В 1964 году, после того как американцы сообщили об успешном запуске тяжелой ракеты «Saturn I», руководство Советского Союза осознало, что превосходство в области космических технологий ускользает, и наконец-то рассмотрело вопрос о покорении Луны. В принятом Постановлении ЦК КПСС и Совета министров № 655–268сс «О работах по исследованию Луны и космического пространства» от 3 августа 1964 года главной задачей была заявлена высадка советского космонавта на поверхность Луны до конца 1967 года — то есть к 50-летию Великой Октябрьской революции! Осуществление промежуточной программы облета Луны было поручено конструкторскому бюро, которое возглавлял Владимир Николаевич Челомей, проработавший аванпроект лунного корабля «ЛК-1», запускаемого мощной ракетой «УР-500К» («Протон»).

В октябре 1964 года Никита Сергеевич Хрущёв был смещен, и бюро Челомея, который до этого пользовался открытой поддержкой

главы государства, оказалось «за бортом». Руководство лунной программой полностью перешло к Сергею Павловичу Королёву, больше того — тот получил возможность использовать все наработки Челомея по пилотируемому полету к Луне, включая ракету «УР-500К».

Для начала конструкторы ОКБ-1 попытались «скрестить» на бумаге трехступенчатую ракету Челомея с модифицированным вариантом корабля «7К». Предлагались самые различные варианты: например, рассматривалась возможность создания упрощенного аппарата «7К-ПЛК» («Простейший лунный корабль»). Обсуждаемые модификации были проще и рациональнее, чем первоначальный «7К-9К-11К», и, как представлялось, имели реальные шансы на осуществление.

26 августа 1965 года у председателя Военно-промышленной комиссии состоялось совещание на тему «О состоянии работ по исследованию космического пространства, Луны и планет». Говорилось о неудовлетворительном ходе работ по лунным программам, что «ставит под угрозу приоритет СССР в области освоения космоса». Было предписано считать центральной задачей 1965–1967 годов осуществление облета Луны пилотируемым кораблем. В итоге на базе двух проектов родился третий — «УР-500К-Л1» («УР-500К-7К-Л1»). В декабре 1965 года он был утвержден и стал основным.

В соответствии с проектом предлагалось провести полет к Луне без высадки на ее поверхность на модифицированном корабле «7К-Л1», старт которого с околоземной орбиты осуществлялся бы при помощи разгонного блока «Д». Поскольку по массе полезного груза проект был на пределе возможностей ракеты и разгонного блока с корабля «Союз» («7К-ОК»), имеющего расчетную массу 6,5 т, были сняты все системы, от которых при облете Луны можно было отказаться. Из-за этого корабль лишился бытового отсека и состоял только из спускаемого аппарата (СА) и приборно-агрегатного отсека (ПАО). В пилотируемом варианте корабля «7К-Л1» должны были устанавливаться два кресла с амортизаторами системы «Казбек», фотоаппарат «Салют-1М» с дополнительным длиннофокусным объективом «Таир-33С», кинокамера «16ЛК-К1» Красногорского завода, автоматический фотоаппарат «АФА-БАМ», фотоаппарат «СКД», индивидуальные дозиметры. Космонавты должны были совершать полет в спортивных костюмах, без спасательных скафандров.

Программа летно-конструкторских испытаний кораблей «7К-Л1», получивших официальное название «Зонд» (индекс изделия 11Ф91),

предусматривала десять беспилотных запусков вплоть до первого пилотируемого облета Луны, намеченного на 26 июня 1968 года; после него планировались еще три рейса для закрепления приоритета (два беспилотных и один пилотируемый). В состав экипажей вошли в качестве командиров Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Владимир Комаров, Валерий Быковский, Евгений Хрунов; в качестве членов экипажей — Виктор Горбатко, Георгий Гречко, Виталий Севастьянов, Валерий Кубасов, Владислав Волков. Если бы запуски первых пилотируемых «Союзов» и беспилотных «Зондов» прошли удачно, то вполне возможно, что вскоре, на полгода опередив американский корабль «Apollo 8», к Луне ушел бы экипаж из Юрия Гагарина и Виктора Горбатко. Американцы вновь потерпели бы сокрушительное поражение в космосе, что, вероятно, сказалось бы и на самой лунной программе США.

Однако с самого начала проект «7К-Л1» столкнулся с недостатком финансирования, отсутствием необходимых производственных мощностей и скудностью испытательной базы. График летно-конструкторских испытаний неоднократно менялся, а дата пилотируемого полета отодвигалась. Последний раз пилотируемый запуск в облет Луны был перенесен на 9 декабря 1968 года.

Первый корабль проекта стартовал лишь 10 марта 1967 года. Целью запуска упрощенного варианта «7К-Л1П» (№ 2П), получившего название «Космос-146», стало испытание разгонного блока «Д». Первое включение блока для выведения корабля на орбиту Земли прошло успешно, однако из-за неполадок в системе управления его второе включение привело к отклонению «Космоса-146» от расчетной траектории. Апогей увеличился, а перигей понизился, и в результате корабль на второй день полета сгорел в атмосфере.

Следующий «7К-Л1П» (№ 3П), под названием «Космос-154», стартовал 8 апреля 1967 года, но направить его к Луне не удалось. На этот раз из-за отказа в системе управления произошел досрочный сброс блоков малых двигателей, обеспечивающих запуск двигательной установки блока «Д», и корабль остался на околоземной орбите.

Вывод на орбиту корабля «7К-Л1» (№ 4) не состоялся вообще. При его запуске 28 сентября 1967 года отказал один из шести двигателей первой ступени ракеты-носителя «УР-500К», и она была подорвана на 67-й секунде полета.

Очередная попытка запустить «7К-Л1» (№ 5) 22 ноября 1967 года тоже оказалась неудачной. На этот раз не набрал необходимой тяги

один из четырех двигателей второй ступени ракеты-носителя. Успешно сработала система аварийного спасения, которая увела спускаемый аппарат в сторону от погибающего ракетного комплекса.

И только 2 марта 1968 года корабль «7К-Л1» (№ 6), получивший название «Зонд-4», был выведен в космос, а затем с помощью блока «Д» переведен на высокоэллиптическую орбиту с апогеем около 300 000 км, имитирующую облет Луны. Спуск корабля из-за неготовности системы ориентации осуществлялся по баллистической траектории, и в связи с возникшей угрозой приземления вне советской территории 9 марта спускаемый аппарат был уничтожен аварийным подрывом над Бискайским заливом.

С началом запусков пилотируемых кораблей НИП-16 стал одним из командных пунктов, и Гагарин периодически посещал Евпаторию. Поскольку запуск «Зонда-4» прошел успешно, 3 марта Юрий Алексеевич во главе группы офицеров, среди которых были Алексей Леонов, Павел Попович и Валерий Быковский, вылетел с полигона Тюратам в Евпаторию, чтобы на практике попробовать дистанционное управление прототипом «7К-Л1».

Интересно, о чем Гагарин думал в те дни? Ведь он прекрасно знал, что это первый удачный полет советского лунного корабля, что за ним последуют другие, что до конца года с большой вероятностью к Луне отправится первый экипаж, который тоже войдет в историю. Он мечтал оказаться в этом экипаже, но всерьез не мог рассчитывать на такое счастье, ведь риск был слишком велик, а ему запретили рисковать. Может быть, потом — следующим рейсом?.. Мы никогда не узнаем...

Разумеется, жители Евпатории были в курсе, что в городе находится Гагарин и что у него как раз приближается тридцатичетырехлетие. И хорошо подготовились к празднованию.

Надо сказать, Гагарин давно наладил связи с евпаторийской общественностью. Впервые он приехал туда в августе 1965 года, во время отпуска в Гурзуфе, — встретился с пионерами, партийцами, руководителями города. В дальнейшем, бывая в Евпатории, Юрий Алексеевич останавливался в санатории «Ударник», сдружился со вторым секретарем горкома партии Валентином Васильевичем Петуновым. 7 марта 1968 года Гагарин зашел к Петунову и сообщил, что собирается отметить свой день рождения. Попросил «организовать стол» для прибывших с ним космонавтов и выдал пятьдесят

рублей. Хотя Петунов отказывался от оплаты, Гагарин настоял: в денежных вопросах он был щепетилен и не хотел быть ни у кого в долгу. Стол накрыли в люксовом номере «Ударника».

Но 9 марта евпаторийцы организовали собственное торжество — на втором этаже кафе «Юбилейное» (улица Интернациональная, 115). Поздравить Гагарина пришли местные партработники, председатели колхозов, военнослужащие евпаторийского НИП-16 и симферопольского НИП-10. Всех «затмил» управляющий трестом столовых и ресторанов Иван Герасимович Козицкий: от имени работников треста он преподнес Юрию Алексеевичу огромный торт в виде книги, с надписью: «Дневник космонавта». Однако разрезать такой торт никто не осмелился, и Гагарин решил забрать его с собой в Звёздный городок.

В завершение бурного вечера Юрий Алексеевич сказал: «Я скоро снова приеду в Евпаторию». К несчастью, он не смог выполнить обещание.

Глава сорок девятая

Последний полет

Гибель Юрия Алексеевича Гагарина до сих пор вызывает кривотолки и обросла огромным количеством мифов. Мне попадались самые экзотические теории — вплоть до похищения первого космонавта инопланетянами. Но встречаются среди них и откровенно оскорбительные. К примеру, часто приходится слышать такую версию: после возвращения из космоса Гагарин занимался только тем, что заседал в президиумах и пьянствовал, поэтому когда его заставили (!!!) вернуться к летной работе, то он напился с горя и, не справившись с истребителем, разбился. Самое печальное, что эта версия, передаваемая из уст в уста, — тоже производная от советской традиции сокрытия любой внятной информации. Теперь-то мы знаем, что Юрий Алексеевич напряженно работал в последние месяцы: совершал виртуальные «посадки» на стенде-тренажере космоплана «ЮГ», дописывал диплом и защищал его, работал над книгой «Психология и космос», участвовал в подготовке космонавтов и управлении лунным кораблем из Евпатории. Чтобы разрушить миф, нужно прежде всего вспомнить, каким был последний полет Гагарина.

Будучи заместителем начальника Центра подготовки космонавтов, Гагарин по своему служебному положению должен был летать, однако времени на это у него почти не оставалось: за весь 1967 год общий налет с инструктором составил 24 часа. Последние полеты года он совершил 27 ноября, а 2 декабря подал рапорт начальнику ЦПК ВВС генерал-майору Николаю Фёдоровичу Кузнецову, в котором просил до 1 мая 1968 года освободить от обязанностей заместителя для сдачи последней экзаменационной сессии, работы над дипломным проектом и его защиты.

В рапорте Гагарин добавил от души: *«Считаю морально неоправданным находиться на должности заместителя начальника в/ч 26266 по летно-космической подготовке, не имея возможности летать самому и контролировать летную подготовку подчиненного состава».*

Генерал-майор Кузнецов в свою очередь обратился с вопросом к Николаю Петровичу Каманину: *«В связи со сложившейся в данное время обстановкой считаю целесообразным предоставить полковнику Гагарину Ю. А. необходимое время для завершения учебного процесса в академии имени профессора Н. Е. Жуковского. Самостоятельный полет на боевом самолете и дальнейшие тренировочные полеты перенести в наиболее благоприятные метеорологические условия весенне-летнего периода 1968 года».*

8 декабря Каманин наложил на сообщение Кузнецова резолюцию «Согласен», а в дневнике записал (цитирую по книге «Скрытый космос: Книга третья», 1999): *«Получил рапорт Гагарина — он очень обижен запретом самостоятельного вылета на самолете и просит освободить его от должности заместителя начальника ЦПК, полагая, что будучи руководителем летно-космической подготовки космонавтов он сам обязан много летать. Сейчас главная задача для Гагарина — окончание Академии имени Жуковского до мая 1968 года, — а потом мы разрешим ему летать, но лишь при организации полетов более строгой, чем та, при которой собирался это сделать генерал Кузнецов в ноябре. Придется серьезно поговорить с Юрой».*

Как решили, так и поступили. Тренировочные полеты Юрий Гагарин возобновил на аэродроме Чкаловский только 13 марта 1968 года — сразу после возвращения из Евпатории. До 22 марта он успел выполнить восемнадцать полетов на хорошо знакомом ему самолете «МиГ-15УТИ» с инструктором, общей продолжительностью девять часов. Его навыки проверяли инструкторы 70-го отдельного иссле-

довательского авиаполка, созданного специально для тренировок космонавтов: капитан Хмель, командир звена майор Лашков, заместитель командира эскадрильи майор Есиков и, наконец, командир эскадрильи подполковник Устенко.

27 марта Гагарин был допущен к самостоятельному пилотированию на «МиГ-17» (бортовой № 19): для него запланировали два полета по кругу продолжительностью 30 минут каждый (упражнение 4 КБП ИА-67). Однако в последний момент решили изменить план. Открываем дневник генерал-лейтенанта Николая Петровича Каманина: «26 марта [1968 года]. <...>

После заседания Госкомиссии генерал [Николай Фёдорович] Кузнецов доложил мне, что завтра предполагается выпустить Гагарина в самостоятельный полет на самолете МиГ-17. Кузнецов просил меня разрешить ему лично проверить на самолете УТИ МиГ-15 подготовленность Гагарина к самостоятельному вылету. Совместный полет Гагарина с Кузнецовым я запретил, прямо заявив последнему, что он давно утратил навыки летчика-инструктора. Я разрешил командиру полка В. С. [Владимиру Сергеевичу] Серёгину проверить завтра технику пилотирования у Гагарина, а генералу Кузнецову приказал лично проверить организацию выпуска в полет Гагарина, проанализировать и доложить мне воздушную обстановку и метеоусловия. Право на разрешение самостоятельного вылета Гагарина я оставил за собой».

Возможно, это решение стало роковым. Позднее член отряда космонавтов Дмитрий Алексеевич Заикин по просьбе Каманина опросил всех участников событий, которые видели Гагарина в то утро, и среди них есть весьма примечательный рассказ начальника штаба полка Евгения Артамоновича Ремизова (цитирую по книге Сергея Михайловича Белоцерковского «Гибель Гагарина: факты и домыслы», 1992):

«В день полетов 27 марта утром я находился в своем кабинете. Прибыл полковник [Владимир Сергеевич] Серёгин и вызвал меня. Начался разговор о погодных условиях и о подготовке Юрия Алексеевича к самостоятельному вылету. Пришел генерал [Николай Фёдорович] Кузнецов и попросил посмотреть вместе с ним полетную документацию Юрия Алексеевича. Мы взяли летную книжку, полетные листы, стали смотреть его проверки и посчитали налет. В это время в кабинет вошел Юрий Алексеевич. Он уже переоделся в летную кожаную куртку и брюки от летного костюма. Выглядел он бодро, улыбался. Так он, ни слова не говоря, моргнул мне, указывая кивком головы на

сидящего спиной к нему генерала Кузнецова, как бы говоря: „Что, начальство проверяет?“ Я ему показал жестом, что всё нормально. И он вышел из кабинета.

Затем я его видел, когда он выходил с каким-то летчиком из штаба, следуя на аэродром. Погода в этот день с утра была такой, когда можно было принять решение на полеты по простому варианту или при повышенном минимуме. Я предложил генералу Кузнецову пройти на метеостанцию, еще раз проанализировать прогноз погоды и решить вопрос относительно самостоятельного вылета Юрия Алексеевича. Я высказал свое предложение: „После полета Юрия Алексеевича с Серёгиным мы запишем в книжку допуск к самостоятельному вылету, а в этот день выпускать не будем“.

Мы прошли к синоптикам. По их докладам погода к этому времени была следующей: облачность с разрывами, нижний край 900 м, верхний — 4000 м, но ожидалось ухудшение метеоусловий. Генерал Кузнецов согласился с моим предложением, и было принято решение: Юрия Алексеевича в этот день проверить, а самостоятельно выпустить в следующий летный день после предварительного контрольного полета.

С метеостанции мы вместе с генералом Кузнецовым Н. Ф. пошли на аэродром к самолету, в котором сидел Юрий Алексеевич. Генерал Кузнецов подошел к самолету, встал на стремянку и о чем-то говорил с Юрием Алексеевичем. Я в это время находился метрах в пяти от самолета и их разговора не слышал, а только наблюдал это. Затем генерал Кузнецов отошел от самолета и сказал мне, что почему-то задерживается начало полетов. Мы пошли на КП [командный пункт] полка.

В это время из домика, где размещался КП полка, вышел Серёгин В. С. и пошел к нам навстречу. Он был несколько возбужден и сказал нам: „Сейчас осуществлялся полет на километраж и нам временно задержали полеты. Но теперь разрешили“. Владимир Сергеевич пошел к самолету Гагарина, а мы с генералом зашли на КП. Но пробыли мы там недолго».

После всех этих переговоров и согласований Юрий Алексеевич Гагарин наконец-то занял место в передней кабине учебного самолета «МиГ-15УТИ» с бортовым № 18 (заводской № 612739). Командир полка Владимир Сергеевич Серёгин — в задней. Взлетели в 10:19.

Радиообмен позывного 625 с руководителем полетов, судя по сохранившимся записям, был четким и кратким. В 10:22 Юрий Гагарин по указанию руководителя полетов перешел на третий канал связи.

Первое задание на полет было простым — упражнение № 2 Курса боевой подготовки истребительной авиации (2 КБП ИА-67), то есть одно из самых начальных упражнений курса: пилотаж в зоне с выполнением виражей, витков малой спирали, пикирований, боевых разворотов, бочек, полета на эволютивной скорости (минимальной скорости горизонтального полета). Вскоре последовал доклад Гагарина: «625-й задание в зоне двадцать закончил, прошу разрешения разворот на курс 320». «625-й, разрешаю», — ответил руководитель. «Понял, выполняю», — сказал Гагарин. После этих слов в 10:30 радиобмен прекратился, ни на какие запросы 625-й больше не отвечал.

Когда стало ясно, что горючего на самолете Гагарина и Серёгина остается слишком мало и вернуться им будет проблематично, тревога охватила всех. Из Центра подготовки космонавтов вызвали Николая Петровича Каманина. Последовала команда срочно готовить и поднять в воздух два транспортных «Ил-14». Потом — четыре вертолета «Ми-4». И вот в 14:50 командир одного из вертолетов доложил: «Южнее поселка Новосёлово, в лесу видна большая воронка, дым и пожар».

Каманин и собравшиеся на аэродроме генералы немедленно вылетели на место падения «МиГа». Вот что позднее записал Николай Петрович в своем дневнике:

«На полях и в лесу лежал еще не тронутый оттепелью глубокий снег, лишь кое-где просматривались небольшие проталины — обстановка для поиска белых куполов парашютов была очень сложной (в полете я еще надеялся, что экипаж катапультировался). Через несколько минут мы были в районе Новосёлово. В 1–2 километрах от деревни увидели на земле два вертолета. В воздухе кроме нашего вертолета был еще один: он кружил над лесом, пытаюсь указать нам точку падения самолета. У меня большой опыт отыскания обломков самолетов с воздуха, да и зрение еще не подводило, но на этот раз я заметил их только с третьего виража — помог трактор, который уже подошел к обломкам. Наш вертолет сел на опушке леса метрах в 800 от места падения самолета. Глубина снега была более метра, при каждом шаге ноги проваливались, идти было очень трудно. Когда мы добрались до места падения самолета, там было уже около трех десятков человек во главе с подполковником Козловым. Самолет упал в густом лесу, скорость в момент удара о землю была 700–800 километров в час. Двигатель и передняя кабина ушли в землю на 6–7 метров. Крылья, хвостовое оперение, баки и кабины разрушились на мельчайшие части, которые

были разбросаны в полосе 200 на 100 метров. Многие детали самолета, парашютов, одежды пилотов мы находили на высоких сучьях деревьев. Через некоторое время обнаружили обломок верхней челюсти с одним золотым и одним стальным зубом. Врачи доложили, что это челюсть Серёгина. Признаков гибели Гагарина не было, но и надежды на его спасение катастрофически падали. Вскоре обнаружили планшет летчика. Были основания считать, что это планшет Гагарина, но утверждать, что Гагарин погиб, было еще нельзя — планшет мог остаться в кабине и после катапультирования, да и принадлежность его Гагарину надо было еще доказать. Быстро темнело, производить раскопки ночью и без аварийной комиссии было невозможно. Доложили Брежневу и Косыгину, что Серёгин погиб, гибель Гагарина очень вероятна, но окончательно о судьбе Гагарина доложим только утром 28 марта после детального обследования района падения самолета».

Второй осмотр места падения действительно позволил обрести уверенность: Юрий Алексеевич погиб вместе со своим инструктором. Обнаруженные фрагменты тел и одежды пилотов доставили в Москву, где уже к вечеру кремировали — две урны с прахом были выставлены для прощания в Краснознаменном зале Центрального дома Советской Армии (ЦДСА). У современных исследователей давней трагедии возникает резонный вопрос: зачем было столь поспешно кремировать останки? Ответ прост: информация об авиакатастрофе прошла в средства массовой информации утром 28 марта, до завершения второго осмотра, и страна хотела подобающе проститься с героем космоса.

Смерть Юрия Алексеевича Гагарина потрясла весь мир. В адрес семей Гагарина и Серёгина посыпались телеграммы со словами соболезнования, скорбь выражали главы государств, международные организации, руководители политических партий. Доступ к урнам был открыт 29 марта с 9:00. В тот день с прахом погибших попрощались около сорока тысяч человек. В почетном карауле стояли руководители партии и правительства, космонавты, летчики, рабочие и колхозники, ученые и артисты, маршалы и солдаты.

Вечером Николай Каманин, Валерий Быковский, Алексей Леонов и Павел Попович выступили в прямом эфире на телевидении, чтобы рассказать о гибели Гагарина и Серёгина, поделиться воспоминаниями о встречах с ними. Ведущий спросил Каманина: «Нужно ли было Гагарину летать? Мог ли он не летать?» Николай Петрович

ответил так: *«Гагарин не мог не летать, для него жить — означало летать. Вопрос о том, нужно ли летать космонавту, звучит неестественно. Это всё равно, что спросить: нужно ли пловцу плавать, а моряку выходить в море? Не каждый летчик может быть космонавтом, но космонавт не может не летать».*

30 марта зал с урнами пришлось открыть на полчаса раньше — люди занимали очереди с шести утра. В 13:00 в почетный караул встало руководство Министерства обороны. В 13:10 космонавты подняли урны и вынесли их на площадь Коммуны. Минут через десять длиннейшая траурная процессия тронулась по Неглинной улице к Дому Союзов. На протяжении всего пути стояли сотни тысяч москвичей, удрученных тяжелой утратой. Около Дома Союзов урны были установлены на артиллерийские лафеты, все провожающие вышли из машин, и траурная процессия направилась на Красную площадь. Вслед за урнами шли родственники, члены Президиума ЦК КПСС, космонавты, маршалы, министры, генералы и офицеры. В 14:30 урны с прахом Юрия Гагарина и Владимира Серёгина были установлены в нишах Кремлевской стены.

28 марта 1968 года для выяснения обстоятельств авиакатастрофы была создана правительственная комиссия, которую возглавил Дмитрий Фёдорович Устинов, занимавший должность секретаря ЦК КПСС. На ее первом заседании были образованы четыре подкомиссии: № 1 — по изучению летной подготовки экипажа, проверке организации и обеспечения полета 27 марта 1968 года; № 2 — по изучению и анализу материальной части самолета «МиГ-15УТИ» № 612739 и подготовки его к полету; № 3 — по проверке организации летной подготовки космонавтов в ЦПК ВВС; № 4 — по подготовке общего заключения и доклада в ЦК КПСС. В состав каждой подкомиссии вошли от 12 до 15 человек, в том числе представители КГБ, правительства и ЦК КПСС.

1 апреля первые три подкомиссии начали активную работу. Результаты расследования были изложены в двадцати девяти томах, доступа к которым нет до сих пор. Поэтому обсуждение версий долгое время велось только в опоре на свидетельства тех людей, которые принимали участие в разбирательстве.

Прежде всего были определены обстоятельства катастрофы. Первое — самолет перед ударом о землю был целым. Второе — двигатель самолета работал в момент удара на оборотах, достаточных для гори-

зонтального полета. Третье — летчики не пытались катапультироваться. Четвертое — летчики были в рабочем состоянии. Пятое — по двум кабинным часам и наручным часам пилотов катастрофа произошла в 10:31, то есть через 50 секунд после последнего радиообмена. Дополнительно было подтверждено, что Юрий Гагарин и Владимир Серёгин находились в самолете абсолютно трезвыми — последний раз они выпивали 25 марта, на пятидесятилетии замполита Центра подготовки космонавтов, но в меру, и рано покинули торжество.

Далее начались всевозможные проверки исправности техники с привлечением сторонних специалистов. Они позволили комиссии сделать определенный вывод: *«Подготовка самолета к полету 27. III. 68 года произведена в полном объеме, в соответствии с требованиями действующей документации по технической эксплуатации».*

Намного сложнее оказалось установить состояние «МиГа», его двигателя и оборудования во время самого полета. Тем не менее научные методы расследования в авиации уже тогда достигли высокого уровня, и было доказано, что все системы функционировали в пределах нормы до разрушительного удара о землю. Один из способов, который тогда применили, — анализ отпечатков стрелок приборов на циферблатах. С его помощью восстановили показания авиагоризонта, узнали обороты двигателя, углы отклонения рулей высоты и прочее.

Специалисты делали всё возможное, чтобы использовать несколько независимых источников информации. Сразу после установления места падения «МиГа» были приняты меры для сохранения обстановки в нетронутом виде. Кроме того, немедленно начались фотографирование, тщательные измерения, аккуратный сбор и учет всех частей самолета. По стоящим рядом березам, верхушки которых срубил «МиГ», получилось точно установить угол наклона его траектории перед ударом о землю. Размеры ямы, образовавшейся при ударе, позволили вне зависимости от показаний приборов определить скорость полета.

Не менее строго изучалась возможность столкновения с птицами, другим самолетом, шаром-зондом, запускаемым для получения данных о состоянии атмосферы. Отряды солдат несколько раз прочесывали округу в поисках такого шара или останков птиц. Были изучены документы, регламентирующие полеты. Сопоставлены проводки радиолокаторами самолетов, находившихся в данном районе. Версии о столкновении были отвергнуты.

Важная информация была получена при изучении состояния экипажа, включая момент удара о землю. Медики проанализировали магнитофонную запись речи Гагарина, изучив динамику ее частотного спектра. Эксперты по отпечаткам пальцев рук и обуви установили, в каких позах находились пилоты при ударе. Патологоанатомы произвели тщательное обследование останков. Комиссия подтвердила сделанное ранее предположение: Гагарин и Серёгин были полностью работоспособны до самого конца. Юрий Алексеевич левой рукой держался за ручку управления двигателем. Ноги у обоих летчиков были на педалях. Следов отравления ядами или газами обнаружено не было, как и признаков характерных повреждений от взрыва или пожара.

Так что же могло произойти в полете? Что стало причиной катастрофы?

В марте 1987 года профессор Сергей Михайлович Белоцерковский и летчик-космонавт Алексей Архипович Леонов, участвовавшие в расследовании, выступили со своей версией авиакатастрофы, унесшей жизнь Юрия Гагарина. Они сообщили, что группа специалистов по динамике полетов Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского произвела ряд расчетов, дублируя их в двух организациях. Примечательно, что расчеты делались на той же вычислительной машине БЭСМ-2М, на которой Юрий Гагарин производил свои исследования по аэродинамике полета космолана «ЮГ». С помощью моделирования удалось восстановить наиболее вероятный ход событий.

Получив разрешение от руководителя полетов на возвращение, Юрий Гагарин должен был сделать разворот с курса 70 на курс 320 со снижением. При этом полет совершался между двумя слоями облачности при отсутствии видимости естественного горизонта. Далее случилось нечто неожиданное, и «МиГ» оказался на закритических углах атаки в положении отвесного пикирования.

Тут возможны три причины.

Первая причина — при подходе к верхней границе нижнего слоя облачности, который был весьма «рваный», с «языками» облаков, пилоты могли принять такой «язык» за препятствие: другой самолет или шар-зонд. Нельзя исключить, что там действительно возникло какое-то препятствие — например, стая птиц. Резкое сближение могло привести к маневру со взятием ручки на себя и сваливанию «МиГа».

Вторая причина — попадание в след пролетевшего самолета. С конца крыла у каждого летательного аппарата сбегает так называемые свободные (или концевые) вихри. Авиаторы хорошо знают, что при полете строем или при дозаправке в воздухе нельзя попасть в сферу действия концевых вихрей летящей впереди машины — иначе возникает столь мощное воздействие закрученного потока, что справиться с ним почти невозможно: самолет уходит в резкий крен и сваливание.

Третья причина — восходящий вертикальный поток воздуха, который мог изменить характер обтекания «МиГа» при горизонтальном полете. С учетом приближающегося в тот день холодного фронта нельзя исключать подобные явления из анализа.

Вполне могло иметь место сочетание двух или всех трех перечисленных факторов. Если не виден естественный горизонт, как в последнем полете Гагарина, пилотирование затруднено, и пространственная ориентировка ведется только по приборам, в основном по авиагоризонту. Однако резкий маневр, особенно когда он сопровождался выходом на большие углы пикирования, способен привести к большим ошибкам в показаниях авиагоризонта АГИ-1. Правильно оценить свое пространственное положение пилоты смогли бы только при выходе из облачности, то есть на высоте около 400–500 метров. Но в том-то и дело, что для вывода «МиГа» из отвесного пикирования такого запаса высоты недостаточно.

Подводя итог, можно попытаться воссоздать картину, разыгравшуюся на последней минуте полета «МиГ-15УТИ» по версии Белоцерковского — Леонова. Доложив руководителю о выполнении упражнений в зоне и получив разрешение на возвращение, Юрий Гагарин после нисходящей спирали начал сразу же выполнять разворот. Обычно при таком маневре происходит постепенное нарастание перегрузки, углов атаки и углов крена. Вблизи верхней границы нижнего слоя облаков самолет испытал одно из перечисленных «воздействий», что привело к сваливанию на крыло. Оказавшись в сложнейшей ситуации, оба летчика не только не растерялись, но и сделали всё возможное для спасения. В течение нескольких секунд Юрий Гагарин и Владимир Серёгин, сохраняя согласованность действий, боролись за жизнь, выводя самолет из пикирования, хотя и находились под перегрузками, скачком увеличившимися до 10–11 g. Им не хватило всего двух сотен метров высоты — всего лишь двух секунд полета!

В апреле 2011 года под давлением общественности были рассекречены некоторые документы, связанные с расследованием 1968 года, в том числе «Заключение и предложения Правительственной комиссии по выяснению обстоятельств гибели летчика-космонавта СССР полковника Гагарина Ю. А. и инженер-полковника Серёгина В. С.». Я процитирую только финальное заключение (по сборнику «Советский космос», 2011):

«В результате расследования установлено, что аварийная обстановка в полете возникла внезапно и носила скоротечный характер.

Исходя из анализа обстоятельств летного происшествия и материалов расследования, наиболее вероятной причиной катастрофы является выполнение резкого маневра для отворота от шара-зонда или (что менее вероятно) для предотвращения входа в верхний край первого слоя облачности. Резкий маневр привел к последующему попаданию самолета в закритический режим полета и сваливанию в условиях усложненной метеорологической обстановки».

Фактически перед нами — упрощенная версия Белоцерковского — Леонова, без привлечения версии постороннего самолета, случайно оказавшегося в пилотажной зоне Гагарина. Однако Алексей Архипович Леонов не принял появившиеся документы, а сделал новое заявление, в котором сообщил, что можно быть уверенным: причиной сваливания «МиГа» Юрия Гагарина стал всё-таки посторонний истребитель-перехватчик «Су-15», выполнявший полет с аэродрома Жуковский и случайно вошедший в зону маневрирования. Леонов утверждает, что пилот, управлявший истребителем и нарушивший регламент полетов, до сих пор жив, однако назвать его имя отказался, сославшись на государственную тайну.

Есть, правда, и другой вариант той же версии. Летчик-космонавт Владимир Александрович Шаталов в своей книге «Космические будни» (2008) утверждает, что посторонний самолет мог появиться на встречном курсе:

«События могли развиваться так. Закончив задание и доложив на землю, Гагарин начал разворот на курс 320° для входа в круг над аэродромом. В это время на встречном курсе летел самолет Су-15. Полет проходил со снижением в направлении аэродрома Раменское. Самолет шел на сверхзвуковой скорости. Наши товарищи, выполнявшие парашютные прыжки в районе г. Кержач, слышали хлопок, когда звуковая волна, идущая за самолетом, проходила через этот район. На встреч-

ных курсах, в условиях разорванной многослойной облачности летчики могли не видеть друг друга или увидеть на мгновение только в момент пролета. Суммарная скорость полета самолетов достигала при этом величины более двух тысяч километров в час. Как могла проходить эта встреча? Если бы встречный самолет летел несколько ниже, летчики инстинктивно резко схватили бы ручку на себя. Большая положительная перегрузка не могла вывести самолет на закритические углы атаки на этой скорости. Самолет резко набрал бы высоту, и летчики спокойно могли бы лететь дальше, уменьшив перегрузку.

Если же встречный самолет они увидели летящим чуть выше, то тоже естественная реакция летчика заставила бы их резко отдать ручку от себя. Это совпало бы с прохождением над ними звуковой волны от самолета, летящего на сверхзвуке. Расстояние между ними могло измеряться буквально метрами. В авиации не так уж редки случаи столкновения даже больших самолетов. Резкий бросок самолета мог привести к разрушению фонарей кабины и сильному удару летчиков головами о каркас фонаря, к мгновенной разгерметизации кабины и потере сознания летчиками. Летали мы тогда в простых мягких шлемофонах, которые не могли защитить голову от удара. Подобных случаев в авиации было несколько. Разгерметизация подтверждается показанием отрицательного давления на приборной доске, зафиксировавшегося в момент столкновения с землей. Кроме того, в заключении правительственной комиссии говорится о том, что не удалось обнаружить на месте падения более 80 % остекления фонаря кабины самолета. Он мог разрушиться где-то раньше, вдалеке от места падения самолета. Если бы эти осколки были найдены, может быть, моя версия была бы подтверждена более убедительно. Попытки поиска каких-либо предметов, способных объяснить причину гибели, результатов не дали. В глубоком лесном снегу удалось обнаружить только несколько остатков метеорологических шаров-зондов. Изучение их происхождения убедило членов комиссии, что они запускались в более ранние дни и их состояние подтверждало непричастность к столкновению с самолетом».

Опытный летчик-инструктор Николай Константинович Сергеев, проживающий ныне в США, предлагает вообще отказаться от любых версий, связанных с внезапным препятствием, спровоцировавшим сваливание в пике. В неопубликованной книге «Юрий Гагарин. Гибель легенды. Как это было» (2014) он призывает обратить внимание на два обстоятельства: слабую летную подготовку космонавта и осо-

бенности самолета «МиГ-15УТИ» с бортовым № 18, который готовили поспешно из-за изменения планов по выпуску Гагарина в контрольный полет. Опираясь на косвенные сведения, Сергеев пришел к выводу, что злополучный «МиГ» находился в процессе переоборудования в самолет для показательных катапультирований:

«15 марта эту спарку [двухместный самолет] поставили в ТЭЧ (техничко-эксплуатационная часть, попросту мастерская) и сняли РУС (ручка управления самолетом) в задней кабине (кабине инструктора), чтобы она не мешала офицеру-парашютисту при катапультировании.

Вот этот самолет и притащили 27-го утром на полеты и начали „быстренько“ готовить к вылету. В результате „быстренькой“ подготовки подвесные баки не сняли, самописец параметров полета бумагой не заправили, кран вентиляции кабины летчика не закрыли! И вот на этом „быстренько подготовленном“ самолете, без ручки управления в задней кабине они и полетели в свой последний полет...»

Однако любая авиакатастрофа — это всегда сочетание факторов. Хотя Гагарину было присвоено внеочередное звание летчика 1-го класса, он всё еще оставался летчиком 3-го класса (общий налет с момента окончания училища составлял всего 379 часов — за десять лет!), то есть имел допуск исключительно к полетам в тихую ясную погоду. После начала выполнения задания в пилотажной зоне Серёгин увидел, что погода начала резко портиться, и приказал Гагарину возвращаться. Тот начал разворот на курс 320 градусов со снижением и на высоте 3900 метров вошел в сплошные облака. Там космонавт потерял пространственную ориентировку: самолет начал заваливаться в крен и опускать нос. Серёгин без труда педалями устранил крен и стал ждать, когда машина выйдет под облака, где Гагарин выровнял бы ее. Сам он этого сделать не мог из-за отсутствия ручки управления в своей кабине. Но облака оказались слишком низко — на высоте около 450 метров, и Юрий Алексеевич просто не успел справиться с самолетом.

Оппоненты Сергеева указывают на тот факт, что «МиГ-15УТИ» прошел все проверки и ни в одном из документов не говорится о переделке задней кабины под катапультирование. В ответ Николай Константинович требует предъявить ему технический формуляр самолета, который почему-то строго засекречен. Последнюю точку в споре Сергеева с оппонентами может поставить только повторное изучение обломков самолета «МиГ-15УТИ», хранящихся в герметич-

ных емкостях на складе 13-го ГосНИИ Министерства обороны (город Люберцы Московской области, в/ч 75360).

Мог ли Юрий Гагарин покинуть самолет, воспользовавшись катапультной? Да, но схема катапультирования была организована таким образом, что первым погибающую машину должен был покинуть инструктор. Вероятно, после выхода из облаков полковник Серёгин понял, что Гагарин просто не успеет катапультироваться вслед за ним и принял мгновенное решение — остаться с космонавтом до конца.

В любом случае до тех пор, пока не будет рассекречен и опубликован полный текст отчета Правительственной комиссии (то есть все двадцать девять томов), даже самые убедительные версии гибели Юрия Алексеевича Гагарина остаются спекулятивными. Надо добиваться правды! В истории жизни и смерти первого космонавта планеты не должно быть «белых пятен».

Глава пятидесятая

Музей будущего

Единого музея Юрия Алексеевича Гагарина не существует. Наверное, он и не нужен. Его короткая жизнь была связана со многими городами нашей страны, и в них нашлось место для увековечивания его памяти.

Работает Дом-музей детских лет Ю. А. Гагарина в селе Клушино по адресу: улица Гагарина, 42. Он построен в 1975 году на том месте, где стоял деревенский дом семьи Гагариных, и воспроизводит его внешний вид и внутреннее убранство. Здесь же реконструирована землянка, в которой Гагариным пришлось ютиться при оккупации.

Дом-музей школьных лет Ю. А. Гагарина находится в городе Гагарин (бывший Гжатск) по адресу: улица Гагарина, 69. И это действительно тот самый дом, который Алексей Иванович Гагарин по бревнышку перенес в 1945 году из деревни. В нем воссоздана обстановка 1949 года, когда будущий космонавт покинул город своей юности. Во дворе находится памятник Анне Тимофеевне Гагариной.

Если пройти дальше, то можно увидеть Дом-музей родителей Ю. А. Гагарина, расположенный по адресу: улица Гагарина, 74. В 1961 году его построили и подарили родителям первого космонав-

та по решению правительства РСФСР. В трех комнатах воссоздана обстановка той поры, когда сюда приезжал космонавт, на стенах много фотографий. Здесь находятся и подарки, которые были вручены Юрию Алексеевичу и его родителям многочисленными гостями. Возле дома-музея, под специальным стеклянным куполом — автомобиль «Волга», принадлежавший Гагарину.

В соседнем доме, 74а, построенном в 1983 году, проживала свои последние годы Анна Тимофеевна Гагарина и размещались космонавты, наведовавшие сюда с визитами. В настоящее время там расположена историко-биографическая выставка «Слово о сыне», а также детский музей «Игры Юрия Гагарина».

И снова Гагарин-Гжатск. На улице Ленина, 12, открыт в 2011 году и работает Музей Первого полета. Там можно увидеть уникальные экспонаты: сурдобарокамеру СБК-48, в которой проходили предполетную подготовку члены первого отряда космонавтов; панель с пультами управления и катапультируемое кресло корабля «Восток»; тренажеры Центра подготовки космонавтов, рабочий стол Сергея Королёва с документами.

В марте 2016 года открылся после реконструкции обновленный Музей Ю. А. Гагарина в Люберецком техникуме имени летчика-космонавта Ю. А. Гагарина по адресу: Октябрьский проспект, 36. Среди экспонатов музея находится парта, за которой обучался Ю. А. Гагарин, рабочие инструменты космонавтов, космическое питание и другие раритеты.

В Саратове можно посетить Народный музей Ю. А. Гагарина, разместившийся в стенах Профессионально-педагогического колледжа Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина по адресу: улица Сакко и Ванцетти, 15. Он начал работу 5 января 1965 года — единственный прижизненный музей, посвященный Гагарину. Там можно увидеть его личное дело, его судейский свисток и даже модель «Як-18», отлитую будущим космонавтом для инструкторов Саратовского аэроклуба.

В Оренбурге есть Мемориальный музей-квартира Юрия и Валентины Гагариных. С 1971 года он открыт для посетителей по адресу: улица Чичерина, 35. Именно здесь, в двух комнатах на втором этаже, жила семья Горячевых и бывал по вечерам будущий космонавт. В экспозиции собраны предметы и вещи того времени, в том числе и переданные в дар Валентиной Ивановной. Поблизости, на улице

Челюскинцев, 17, находится Музей космонавтики, в одном из залов которого выставлено летное снаряжение Гагарина, а на самой улице можно увидеть «МиГ-15бис» — один из самолетов, который использовался для обучения курсантов 1-го Чкаловского военного училища летчиков.

В мае 2015 года в поселке Сафоново Мурманской области открылся Дом-музей Ю. А. Гагарина. Он представляет собой финский коттедж, перевезенный из Луостари, в котором жил космонавт с семьей во время службы в Заполярье. В двух комнатах полностью реконструирована обстановка того времени. Рядом на постаменте можно увидеть «МиГ-15» — почти такой же, как тот, на котором летал Гагарин.

Сам Юрий Алексеевич участвовал в создании Государственного музея истории космонавтики имени К. Э. Циолковского в Калуге, музея Центра подготовки космонавтов в Звёздном городке и павильона «Космос» на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. Их экспозиции содержат множество его личных вещей, предметов из космической деятельности и подарков, которые вручали ему в разных, порой весьма экзотических, странах.

Памятники Гагарину или улицы его имени можно найти практически в любом городе России и бывших советских республик. Самая большая в мире страна стала музеем первого космонавта. Потому что благодаря ему мы все, включая поколения, которым еще предстоит появиться на свет, заслужили право на строчку в учебниках будущего.

Полет Гагарина стал значительным шагом к увековечиванию нашей культуры, причем в космическом масштабах. Если когда-нибудь огромные стремительные звездолеты отправятся в путешествие сквозь Галактику, их экипажи обязательно помянут Юрия Алексеевича Гагарина. И нас — вместе с ним.

Послесловие

В последнее время всё чаще слышны высказывания, что любой мог бы занять место в кабине «Востока» и совершить первый космический полет; что не следует по этой причине говорить о каком-то особенном достижении Юрия Гагарина; что вся его заслуга состоит лишь в том, что он оказался в нужное время в нужном месте («полежал в корабле»). Причем, замечу, высказывания эти позволяют себе не сотрудники ракетно-космической отрасли или летчики-космонавты, которых в данном вопросе можно назвать экспертами, а в основном гуманитарная интеллигенция, которая судит о космонавтике по фильмам, в лучшем случае — по книгам. Отдельные, особо одаренные, деятели не моргнув глазом даже заявляют, что легко поменялись бы с Гагариным местами и столь же легко выполнили бы полет, благо впереди ждала всемирная слава.

Наверное, нет серьезной необходимости реагировать на подобные глупости, однако они вызывают большой общественный резонанс, чем деятели беззастенчиво пользуются. Поэтомуотреагируем.

Во-первых, никто и никогда не может предсказать, как поведет себя в по-настоящему экстремальной ситуации. Даже специально подготовленные люди теряются и впадают в ступор, когда оказываются в положении, не имеющем ничего общего с их предыдущим опытом. Вот почему отбор в отряд космонавтов осуществляется не только по физическим данным, но и по результатам глубокого психологического обследования. Выше мы убедились, что Гагарин обладал если и не уникальными, то достаточно редкими качествами, которые позволили специалистам говорить о том, что он выдержит не только экстре-

мальный полет на «сыром» корабле, но и без особых проблем преодолевает выматывающий нервы период предстартовой подготовки.

Во-вторых, пилот «Востока» должен был пережить полет и сохранить здоровье, что потребовало месяцев усилий на стендах и тренажерах. Никто не может быть уверен, что сможет пройти, например, испытание на центрифуге при перегрузке выше 10 g, пока не попробует. Мы помним, что именно перегрузка стала причиной «отбраковки» слушателя-космонавта Анатолия Яковлевича Карташова, а ведь по другим параметрам он был в числе лучших. Если вы не испытывали ничего подобного, то не нужно говорить о своей готовности «полежать» на месте Гагарина.

В-третьих, в апреле 1961 года никто точно не мог сказать, как поведет себя корабль на орбите, сработают ли все системы в штатном режиме, поэтому на борту должен был находиться человек, имеющий разностороннее техническое образование и способный внятно ответить на вопросы специалистов после возвращения. Если у вас нет достаточного образования и уверенности, что вы сможете обрести его за год, то, наверное, не стоит примерять на себя костюм космонавта даже мысленно.

Если уж и сравнивать Юрия Гагарина с кем-то, кто мог бы совершить первый полет на «Востоке», то лишь с другими членами отряда: с Титовым и Нелюбовым, с Николаевым и Поповичем, с Быковским и Комаровым. Они действительно имели все основания претендовать на кресло в «Востоке», а по ряду испытаний даже показывали более высокие результаты. Но надо помнить, что кресло было одно, и руководящим товарищам (Карпову, Королёву, Каманину) приходилось выбирать, оценивая множество факторов. И конечно, фактор послеполетной деятельности играл немаловажную роль: ко всему прочему космонавт должен был выдержать испытание всемирной славой и использовать ее в благих целях, фактически пожертвовав личной жизнью. Тот, кто полагает, что легко справился бы, скорее всего, не испытывал в своей жизни даже мимолетного успеха.

Так или иначе, Юрий Гагарин был выбран на первый космический полет, сумел преодолеть «звездную болезнь» и вложил себя в пропаганду идеи внеземной экспансии.

Когда изучаешь его жизнь, то с удивлением обнаруживаешь, что почти вся она (за исключением, наверное, раннего детства) прошла в сумасшедшей гонке со временем. Мало кто на планете успел сделать

за отведенный срок больше, чем Юрий Гагарин за тридцать четыре года. И остается только пожалеть, что его жизнь оказалась такой короткой. Может быть, будь он с нами еще тридцать четыре года, наш современный мир выглядел бы совсем по-другому. Может быть, жи-ви он сейчас, никто не посмел бы говорить, что космос человечеству не нужен.

В контексте нашего движения к звездам биография Юрия Алексеевича Гагарина перестает быть историей отдельного человека, одного из многих, — она содержит в себе урок служения грядущим поколениям вне зависимости от времени, которое мы не выбираем. Говорят, что главное — на Земле. Позволю себе не согласиться. Главное — в будущем, всегда в будущем. И все мы на службе у будущего, как бы нам ни хотелось этого избежать.

* * *

Завершая книгу, я хотел бы поблагодарить тех, кто помогал мне в ее создании, предоставив редкие материалы, связанные с личностью Юрия Алексеевича Гагарина и историей проекта «Восток»: Юрия Михайловича Батурина (Москва), Янину Станиславовну Грошеву (Евпатория), Александра Борисовича Железнякова (Санкт-Петербург), Владислава Иосифовича Каца (Израиль), Герхарда Ковальски (Германия), Ирину Олеговну Кулагину (Калуга), Валерия Николаевича Куприянова (Санкт-Петербург), Игоря Анатольевича Лисова (Москва), Дмитрия Исааковича Манта (Санкт-Петербург), Сергея Дмитриевича Манта (Санкт-Петербург), Николая Константиновича Сергеева (США) и Андрея Черкасова (Оренбург).

Отдельное спасибо всем спонсорам, принявшим участие в сборе средств на издание книги в системе BOOMSTARTER. RU, и особенное спасибо: Александру Хохлову, Виталию Егорову, Филиппу Терехову, Александру Ильину, Максиму Цуканову, Валерию Коваленко, Александру Турханову, Илье Лаврененко, Павлу Иванову, Александру Федотовских, Владимиру Четверику, Елене Дмитренко, Роману Соломкину, Дмитрию Петрову, Сергею Лебедеву, Александру Сигачёву, Антону Баранову, Алексею Елецкому, Евгению Иванову, Дмитрию Макарову, Константину Бойко, Анонимному Пользователю, Александру Боковому, Ивану Юрасову, Алексею Митину, Павлу Полоскову, Андрею Дарову и Артёму Криштофору.

ХРОНИКА ЖИЗНИ Ю. А. ГАГАРИНА (1934–1968)

1934 год

9 марта. Ю. Гагарин родился в родильном доме города Гжатска Смоленской области. Вскоре родители привезли его в собственный дом в селе Клушино Гжатского района.

1941 год

22 июня. Начало Великой Отечественной войны.

1 сентября. Ю. Гагарин пошел в 1-й класс Клушинской неполной средней школы.

12 октября. Передовые части 9-й армии вермахта вошли в село Клушино. Начался период оккупации.

1943 год

6 марта. Советские войска вошли в село Клушино. Завершился период оккупации.

9 марта. Ю. Гагарин пошел в 1-й класс Клушинской начальной школы.

1944 год

1 сентября. Ю. Гагарин пошел во 2-й класс Клушинской начальной школы.

1945 год

9 мая. День Победы в Великой Отечественной войне.

Июнь — ноябрь. Семья Гагариных переезжает из села Клушино в город Гжатск.

Ноябрь. Ю. Гагарин зачислен в 3-й класс начальной базовой школы при Педагогическом училище Гжатска.

1946 год

1 сентября. Ю. Гагарин пошел в 4-й класс начальной базовой школы при Педагогическом училище Гжатска.

4 ноября. Ю. Гагарина приняли в пионеры.

1947 год

1 сентября. Ю. Гагарин пошел в 5-й класс средней школы № 1 города Гжатска.

1948 год

1 сентября. Ю. Гагарин пошел в 6-й класс средней школы № 1 города Гжатска.

1949 год

Август. Не окончив среднюю школу, Ю. Гагарин уехал в Москву.

30 сентября. Приказом № 140 Ю. Гагарин зачислен на 1-й курс в Люберецкое ремесленное училище № 10 при Государственном заводе сельхозмашин имени А. Ухтомского по специальности «литейщик-формовщик».

14 декабря. Ю. Гагарина приняли в члены ВЛКСМ.

1950 год

1–2 января. Ю. Гагарин гостил у родственников по матери в поселке Клязьма (ныне входит в город Пушкино Московской области).

3 января. Ю. Гагарин участвовал в новогоднем празднике в Колонном зале Дома Союзов.

1 сентября. Ю. Гагарин перешел на 2-й курс Люберецкого ремесленного училища № 10.

Сентябрь. Ю. Гагарин начал вечернее обучение в 7-м классе Люберецкой средней школы рабочей молодежи № 1 при заводе имени А. Ухтомского.

1951 год

29 апреля. За спортивные успехи и сдачу всех необходимых норм Ю. Гагарин получил удостоверение № 1295887 на право ношения значка «ГТО».

15 июня. Ю. Гагарин получил свидетельство об окончании с отличными оценками 7-го класса вечерней школы рабочей молодежи.

4 августа. Ю. Гагарину присвоена квалификация формовщика-литейщика пятого разряда.

13 августа. Ю. Гагарин переехал в город Саратов.

18 августа. Ю. Гагарин был зачислен в Саратовский индустриальный техникум Министерства трудовых резервов по специальности «техник-литейщик».

1 сентября. Начало занятий на первом курсе Саратовского индустриального техникума (группа Л-11).

7 декабря. Ю. Гагарина наградили грамотой за победу в спортивном блицтурнире техникума.

Декабрь. Ю. Гагарин с друзьями записался на отделение по подготовке пилотов, открытое в техникуме Аткарского учебного центра ДОСААФ.

1952 год

Январь. Отделение по подготовке пилотов закрылось; Ю. Гагарин был разочарован провалом первой попытки стать авиатором.

1 сентября. Начало занятий на втором курсе Саратовского индустриального техникума (группа Л-21).

17 сентября. На научно-практической конференции физико-технического кружка Саратовского индустриального техникума Ю. Гагарин прочитал доклад о реактивном движении и космонавтике, приуроченный к 95-летию К. Циолковского.

1953 год

6 марта. Объявлено о смерти И. Сталина. Ю. Гагарин собирался поехать в Москву на похороны, но его отговорили однокурсники.

16 июля – 28 августа. Ю. Гагарин провел каникулы в Гжатске.

1 сентября. Начало занятий на третьем курсе Саратовского индустриального техникума (группа Л-31).

1954 год

Июль–август. Комсомольская организация направила Ю. Гагарина физруком в летний лагерь детского дома «Красный городок».

Август. Ю. Гагарин съездил на короткие каникулы в Гжатск.

1 сентября. Начало занятий на четвертом курсе Саратовского индустриального техникума (группа Л-41).

4 сентября – 8 октября. Ю. Гагарин проходил преддипломную практику на Чугунолитейном заводе имени П. Войкова в Москве.

26 октября. Приказом № 82 Ю. Гагарин зачислен курсантом отделения пилотов Саратовского областного аэроклуба ДОСААФ (группа № 1).

1955 год

Январь. У разъезда Тюратам в Казахстане начались строительные работы на месте 5-го Научно-исследовательского полигона Министерства обороны, предназначенного для испытаний ракетной техники.

14 февраля – 24 марта. Ю. Гагарин проходил преддипломную практику на заводе «Вулкан» в Ленинграде.

18 мая. Ю. Гагарин совершил первый прыжок с парашютом на аэродроме Саратовского аэроклуба.

20 мая. Ю. Гагарин отдал свой готовый дипломный проект на отзыв консультанту.

23 мая. Вышел приказ № 33 по Саратовскому областному аэроклубу ДОСААФ «О допуске курсантов-пилотов первоначального обучения к учебным полетам на самолете Як-18».

25 мая. Ю. Гагарин провел итоговое заседание физико-технического кружка.

23 июня. Ю. Гагарин защитил дипломный проект на отлично. В выписке из сводной ведомости успеваемости сказано: «Присвоить квалификацию техника-технолога литейного производства, мастера производственного обучения и выдать диплом с отличием».

1 июля. Ю. Гагарин совершил свой первый самостоятельный полет на самолете «Як-18» (аэродром Дубки).

3 июля. В газете «Молодой сталинец» опубликована статья Е. Петрова «День на аэродроме», в которой рассказывалось о первом самостоятельном полете Ю. Гагарина.

27 сентября. Вышел приказ № 58 об окончании обучения курсантов в Саратовском областном аэроклубе. Ю. Гагарин закончил курс с отличием. Общий налет составил 42 часа 23 минуты.

25 октября. Ю. Гагарин переехал в город Чкалов (Оренбург).

27 октября. Ю. Гагарин зачислен курсантом в 1-е Чкаловское военное училище летчиков (ЧВАУЛ) имени К. Ворошилова.

6 декабря. Ю. Гагарин впервые участвовал в учебных стрельбах.

1956 год

8 января. Ю. Гагарин принял военную присягу.

20 января. Ю. Гагарин получил новый комсомольский билет (№ 02959544).

1 февраля. На танцевальном вечере в клубе ЧВАУЛ Ю. Гагарин познакомился со своей будущей женой В. Горячевой.

18 февраля. За успехи в учебе Ю. Гагарина определяют в группу ускоренного обучения ЧВАУЛ с выпуском в 1957 году.

22 февраля. Ю. Гагарину присвоили воинское звание «курсант-сержант».

1 мая. Праздничный парад Оренбургского гарнизона.

2–3 мая. Курсантов группы ускоренного обучения отправили в расположение 814-го учебного авиационного полка переходных самолетов (в/ч 19110) на аэродром Меновой Двор (Оренбург-3).

4 июня. На аэродроме Меновой Двор начались тренировочные полеты на «Як-18» и «Як-18У».

21 августа. Тренировочные полеты завершились. Успехи Ю. Гагарина (5-я эскадрилья) были отмечены благодарностью в приказе и грамотой. Его общий налет за лето составил 103 часа 5 минут.

26 августа – 15 сентября. Курсанты ЧВАУЛ работали на сборе урожая картофеля в одном из колхозов Шарлынского района.

20 сентября. В ЧВАУЛ возобновились теоретические занятия по изучению реактивного истребителя «МиГ-15бис».

7 ноября. Праздничный парад Оренбургского гарнизона.

9–23 ноября. Положенный отпуск Ю. Гагарин провел в Гжатске.

1 декабря. Курсантов группы ускоренного обучения отправили в расположение гарнизона 817-го учебного авиационного полка (железнодорожный разъезд Ветёлки).

1957 год

30 января. В результате избиения «старослужащими» Ю. Гагарин попал в госпиталь.

Март. Курсанты группы ускоренного обучения разместились в палаточном лагере полевого аэродрома около совхоза «Караванный».

Апрель. На полевом аэродроме начались полеты курсантов на «МиГ-15УТИ» с инструктором.

Май. Из-за ошибок при посадке Ю. Гагарина представили к отчислению из ЧВАУЛ, но он сумел убедить командование дать ему шанс и справиться с проблемой.

15 мая. На полигоне Тюратам состоялся первый запуск межконтинентальной баллистической ракеты «Р-7».

22 мая. Курсанты, получившие допуск к самостоятельным полетам на «МиГ-15бис», начали осваивать тактику воздушного боя.

Сентябрь. Учебные полеты завершились. Общий налет Ю. Гагарина за лето составил 87 часов 47 минут.

21 августа. Состоялся четвертый запуск ракеты «Р-7», который был признан первым успешным.

4 октября. На полигоне Тюратам произведен запуск ракеты-носителя «Р-7», которая вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли «ПС-1» («Спутник-1»).

8 октября. Начались выпускные экзамены группы ускоренного обучения.

26 октября. Квалификационная комиссия постановила выдать Ю. Гагарину диплом с отличием (№ 206199) и присвоить ему квалификацию пилота-техника.

27 октября. В Чкаловском городском отделе ЗАГС состоялось бракосочетание Юрия Гагарина и Валентины Горячевой.

3 ноября. На полигоне Тюратам произведен запуск ракеты-носителя «Р-7», которая вывела на орбиту второй искусственный спутник Земли «ПС-2» («Спутник-2») с собакой Лайкой на борту.

5 ноября. Выпускники ЧВАУЛ получили звания лейтенантов и направления в воинские части.

6 ноября. Прошло последнее торжественное построение выпускников ЧВАУЛ в стенах училища.

9–14 ноября. Молодожены Ю. Гагарин и В. Гагарина (Горячева) гостили в Гжатске.

28 ноября. Ю. Гагарин прибыл в расположение своей войсковой части (в/ч 74479) — 769-го истребительного авиационного полка 122-й истребительной авиационной дивизии (769 ИАП 122 ИАД ВВС СФ), дислоцировавшейся поблизости от поселка Луостари-Новое Мурманской области.

1958 год

21 марта. Ю. Гагарин совершил первый полет в Заполярье на «МиГ-15УТИ» с инструктором.

6 апреля. Ю. Гагарин совершил первый самостоятельный полет в Заполярье на «МиГ-15бис».

15 мая. На орбиту запущена научно-исследовательская орбитальная станция «Д» («Спутник-3»).

30 мая – 1 июня. Состоялись масштабные воздушные учения с привлечением всего личного состава 769-го истребительного авиационного полка.

2 августа. В. Гагарина переехала в Луостари-Новое.

1959 год

2 января. В космос запущен межпланетный исследовательский аппарат «Е-1» («Луна-1»), ставший первой искусственной планетой.

5 января. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 22–10сс «Об усилении научно-исследовательских работ в области медико-биологического обеспечения космических полетов».

14 января. Под председательством М. Келдыша в Академии наук СССР прошло закрытое заседание по вопросу критериев отбора будущих космонавтов.

17 апреля. В семье Ю. Гагарина и В. Гагариной родилась дочь Елена.

22 мая. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 569–264сс «О создании объектов „Восток“ для осуществления полета человека в космос и других целей»

Июнь. В расположение 769-го истребительного авиационного полка приехали военные врачи П. Буянов и А. Пчёлкин. Там из числа представленных кандидатов они отобрали будущих космонавтов: Ю. Гагарина и Г. Шонина.

12 июля – 21 августа. Ю. Гагарин ездил в отпуск с семьей, посетил Гжатск и Оренбург.

12 сентября. В космос запущен межпланетный исследовательский аппарат «Е-1А» («Луна-2»), через два дня врезавшийся в Луну.

30 сентября. Приказом главнокомандующего ВВС № 00240 была создана Главная медицинская комиссия по отбору кандидатов в космонавты.

4 октября. В космос запущен межпланетный исследовательский аппарат «Е-2А» («Луна-3»), через три дня начавший передавать телекадры с изображением обратной стороны Луны.

7 октября. Ю. Гагарин приехал по вызову в Москву.

11 октября – 4 ноября. Ю. Гагарин проходил двухэтапное психофизиологическое обследование по «теме № 6» в стенах Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя в Сокольниках (ЦНИАГ).

6 ноября. Ю. Гагарину присвоено воинское звание старшего лейтенанта.

1960 год

11 января. Главком ВВС подписал директиву № 321141, согласно которой была организована специальная войсковая часть (в/ч 26266), в которой предстояло служить будущим космонавтам.

25 февраля. Мандатная комиссия определила окончательный состав отряда космонавтов. Двадцати летчикам направлены вызовы в Москву. В отряд были отобраны: И. Аникеев, П. Беляев, В. Бондаренко, В. Быковский, В. Варламов, Б. Вольнов, Ю. Гагарин, В. Горбатко, Д. Заикин, А. Карташов, В. Комаров, А. Леонов, Г. Нелюбов, А. Николаев, П. Попович, М. Рафилов, Г. Титов, В. Филатьев, Е. Хрунов, Г. Шонин.

3 марта. Выпущен приказ министра обороны СССР № 0031 «Временное положение о космонавтах».

5 марта. Ю. Гагарин прибыл в Москву для прохождения службы в в/ч 26266.

7 марта. Двенадцать летчиков были представлены главнокомандующему ВВС, главному маршалу авиации К. Вершинину, все они приказом № 267 были зачислены на должность «слушателей-космонавтов» Центра подготовки космонавтов Военно-воздушных сил (ЦПК ВВС).

14 марта. Начались теоретические занятия на Ходынке (Центральный аэродром им. М. Фрунзе). Первую лекцию слушателям-космонавтам прочитал В. Яздовский.

13 апреля – 20 мая. Парашютная подготовка на военном аэродроме в городе Энгельсе (в/ч 62648). Ю. Гагарин совершил 36 прыжков с парашютом (41 прыжок в общем зачете). По итогам подготовки тринадцать слушателей-космонавтов (И. Аникеев, В. Быковский, Б. Волинов, Ю. Гагарин, В. Горбатко, А. Леонов, Г. Нелюбов, А. Николаев, П. Попович, Г. Титов, В. Филантьев, Е. Хрунов, Г. Шонин) получили звание «инструктор парашютно-десантной службы ВВС».

15 мая. Успешный запуск на орбиту «простейшего» корабля-спутника «1КП» («Первый корабль-спутник»).

24 мая – 31 мая. Испытание на кратковременную невесомость на аэродроме Чкаловский (город Щёлково Московской области). Ю. Гагарин совершил в качестве испытуемого пять полетов на «МиГ-15УТИ». Его переносимость невесомости была признана «хорошей».

1 июня. Возобновление теоретических занятий группы слушателей-космонавтов на Ходынке.

16 июня. На партийном собрании ЦПК ВВС Ю. Гагарин единогласно принят в ряды КПСС. Позднее он получил членский билет № 08909627.

17 июня. Приказом главкома ВВС № 839 должность слушателя-космонавта получил А. Карташов — последний из двадцати отобранных летчиков первого набора ЦПК ВВС.

18 июня. Слушатели-космонавты встретились с С. Королёвым в ОКБ-1 (город Калининград Московской области), посетили Опытный завод ОКБ-1, осмотрели корабль «Восток».

Июль-август. Переезд ЦПК ВВС в подмосковный Зелёный (впоследствии — Звёздный) городок.

8 июля. Прошли первые экзамены слушателей-космонавтов по теоретическим курсам.

24 июля. Во время купания В. Варламов получил травму шеи, которая привела к отстранению от дальнейшей подготовки в ЦПК ВВС.

26 июля – 5 августа. Ю. Гагарин проходил испытание в сурдокамере.

28 июля. Из-за взрыва ракеты-носителя погиб корабль «1К» («Восток-1») с подопытными собаками Лисичкой и Чайкой на борту.

3 августа. Постановлением № 866–361 Совета министров СССР утверждено «Положение о космонавтах Союза ССР».

19 августа. Успешный запуск на орбиту корабля-спутника «1К» («Восток-1», «Второй корабль-спутник») с собаками Белка и Стрелка на борту. Собаки благополучно вернулись на Землю.

27 сентября. Начальник ЦПК ВВС Е. Карпов по требованию разработчиков тренажерных стендов выделил из состава отряда шестерых слуша-

телей-космонавтов, которые были наиболее подготовлены к первому космическому полету.

11 октября. Приказ главкома ВВС № 00176 о создании специальной группы для ускоренной подготовки к первому космическому полету. В группу были введены шесть слушателей-космонавтов, отобранных Е. Карповым: Ю. Гагарин, А. Карташов, Г. Нелюбов, А. Николаев, П. Попович, Г. Титов.

24 октября. На полигоне Тюратам произошел взрыв межконтинентальной ракеты «Р-16» на стартовой площадке. В результате погибли 78 человек, среди них — маршал М. Неделин. Катастрофа перечеркнула реализацию планов запуска пилотируемого корабля «Восток» до конца 1960 года.

Ноябрь. После испытаний специальной группы на переносимость перегрузок до 12 g из нее по медицинским показателям был исключен А. Карташов. Его место занял В. Быковский.

15 ноября – 24 ноября. Шестеро слушателей-космонавтов тренировались на макете № 1 корабля «ЗКА» (Опытный завод ОКБ-1).

22 ноября. Начались занятия на макете № 2 корабля «ЗКА» (Филиал Летно-исследовательского института) под руководством летчика-испытателя М. Галлая.

1 декабря. Успешный запуск на орбиту корабля-спутника «1К» («Восток-А», «Третий корабль-спутник») с собаками Пчёлкой и Мушкой на борту. При возвращении на Землю спускаемый аппарат был уничтожен системой аварийного подрыва объекта.

10 декабря. Начались тренировки в тепловом макете корабля «ЗКА» (ЦНИАГ).

22 декабря. Аварийный пуск корабля-спутника «1К» («Восток-А») с собаками Жемчужной и Жулькой. Спускаемый аппарат отделился от корабля и приземлился в районе реки Нижняя Тунгуска. Собак удалось найти и спасти.

1961 год

4 января. Е. Карпов выпустил приказ ЦПК ВВС № 001, допускающий шестерых слушателей-космонавтов к «экзамену на готовность выполнения обязанностей космонавта».

17–18 января. Состоялись «выпускные» экзамены шестерых слушателей-космонавтов. Все они показали отличные знания и навыки работы с пультом управления кораблем «ЗКА».

20 января. Принято решение о срочном изготовлении скафандров «СК-1» по индивидуальной мерке для шести космонавтов в последовательности: Ю. Гагарин, Г. Титов, Г. Нелюбов, А. Николаев, В. Быковский, П. Попович.

25 января. Главнокомандующий ВВС К. Вершинин подписал приказ № 21 о назначении шестерых членов отряда, сдавших экзамены, на должность «космонавт».

12 февраля. В космос запущен межпланетный исследовательский аппарат «1ВА» («Венера-1»), успешно стартовавший в сторону Венеры.

7 марта. В семье Ю. Гагарина и В. Гагариной родилась дочь Галина.

9 марта. Успешный запуск на орбиту корабля-спутника «ЗКА» («Восток-3А», «Четвертый корабль-спутник») с собакой Чернушкой на борту.

16 марта. Шестеро космонавтов в сопровождении высших офицеров ВВС побывали на полигоне Тюратам, осмотрели монтажно-испытательный корпус с ракетами, потренировались в надевании скафандра.

23 марта. В сурдобокамере из-за нелепой случайности заживо сторел член отряда космонавтов В. Бондаренко.

25 марта. Состоялась «генеральная репетиция» пилотируемого полета, в которой участвовали космонавты. Запуск на орбиту корабля-спутника «ЗКА» («Восток-3А», «Пятый корабль-спутник») с собакой Звездочкой на борту завершился успешно.

29 марта. На заседании Государственной комиссии принято решение следующий запуск корабля «ЗКА» сделать пилотируемым.

30 марта. Космонавты вернулись в Москву, побывали на Красной площади, посетили Мавзолей В. Ленина.

3 апреля. Ю. Гагарин, Г. Титов и Г. Нелюбов записали свои предстартовые речи на магнитофон.

4 апреля. Главнокомандующий ВВС К. Вершинин выдал троице космонавтам полетные удостоверения.

5 апреля. Шестеро космонавтов отправились на полигон Тюратам для подготовки к пилотируемому запуску.

6 апреля. Составлено задание космонавту на одновитковую полет.

8 апреля. На заседании Государственной комиссии было принято решение назначить Ю. Гагарина основным пилотом корабля, Г. Титова — запасным.

10 апреля. На торжественном заседании Государственной комиссии в присутствии журналистов и кинооператоров был представлен план полета с участием космонавта Ю. Гагарина.

11 апреля. Ракету-носитель вывезли на стартовую площадку. Ю. Гагарин выступил перед пусковым расчетом с короткой речью.

12 апреля. Успешный орбитальный полет Ю. Гагарина на корабле-спутнике «ЗКА» («Восток-3А», «Восток»), продолжавшийся 106 минут. Еще в процессе полета Ю. Гагарину было присвоено воинское звание майора.

13 апреля. Ю. Гагарин выступил с подробным докладом о полете перед Государственной комиссией и дал первое интервью корреспондентам «Правды» и «Известий».

14 апреля. Торжественная встреча Ю. Гагарина в Москве, митинг на Красной площади, прием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, награждение космонавта.

15 апреля. Пресс-конференция с участием Ю. Гагарина в Доме ученых (Москва).

18 апреля. Ю. Гагарин составил письменный отчет о полете на корабле «Восток».

20–26 апреля. Ю. Гагарин проходил комплексное медицинское обследование в ЦНИАГ, там он начал работу над книгой «Дорога в космос»; ему помогли Н. Денисов и С. Борзенко.

28–29 апреля. Визит Ю. Гагарина в Чехословацкую Социалистическую Республику.

1 мая. Праздничная демонстрация на Красной площади; Ю. Гагарин впервые приветствует ее с Мавзолея. Опубликованы две статьи Ю. Гагарина, подготовленные на основе его радиовыступлений: «Звёздное время» (газета «Красная звезда») и «Мне партия крылья дала» (газета «Комсомольская правда»).

4 мая. Встреча Ю. Гагарина с представителями частей Московского гарнизона в Центральном театре Советской Армии (Москва).

12 мая. Указом Президиума Верховного Совета СССР утверждено Положение о звании «летчик-космонавт СССР» и описание нагрудного знака «Летчик-космонавт СССР».

7–21 мая. Члены отряда космонавтов отдыхали на Явейной даче санатория «Сочи».

22–27 мая. Визит Ю. Гагарина в Народную Республику Болгарию.

1–6 июня. Визит Ю. Гагарина в Оренбург.

8 июня. Выступление Ю. Гагарина на X пленуме ЦК ВЛКСМ.

13 июня. Прилетев в Калугу на один день, Ю. Гагарин заложил первый камень в фундамент Государственного музея истории космонавтики имени К. Циолковского.

17–19 июня. Провел кратковременный отпуск в Гжатске.

Июль. Вышла книга Ю. Гагарина «Дорога в космос».

30 июня — 5 июля. Визит Ю. Гагарина в Финляндскую Республику.

6 июля. Ю. Гагарин выступил на Всеармейском совещании комсомольских работников в Центральном театре Советской Армии (Москва).

8 июля. Опубликована статья Ю. Гагарина «Держайте, боевые друзья!» (газета «Красная звезда») на основе выступления в Центральном театре Советской армии.

9 июля. Опубликована статья Ю. Гагарина «Вас ждет воздушный океан» (газета «Комсомольская правда»), посвященная Дню Воздушного Флота СССР.

10 июля. В ходе подготовки к Всемирному форуму молодежи в Москве была организована пресс-конференция, посвященная первому в мире полету человека в космос, с участием Ю. Гагарина.

11–15 июля. Визит Ю. Гагарина в Великобританию. 14 июля состоялся завтрак с королевой Елизаветой II.

17–18 июля. Ю. Гагарин принял участие в работе 2-го Московского международного кинофестиваля.

20–22 июля. Визит в Польскую Народную Республику.

23 июля. По пути на Кубу самолет с Ю. Гагариным совершил промежуточные посадки в Кефлавике (Исландия) и Гандере (Ньюфаундленд); состоялись встречи с местными жителями.

24–28 июля. Визит Ю. Гагарина в Кубинскую Республику.

28 июля – 3 августа. Визит Ю. Гагарина в Соединенные Штаты Бразилии.

Июль. Опубликована статья Ю. Гагарина «Мечтайте, держайте» (журнал «Молодая гвардия»).

3–4 августа. При перелете из Бразилии в Канаду самолет с Ю. Гагариным совершил промежуточные посадки в Кюрасао (Нидерландские Антильские острова) и Гаване (Кубинская Республика).

5–6 августа. Визит Ю. Гагарина в Канаду на Пагуошскую конференцию ученых по разоружению, международной безопасности и сотрудничеству.

6–7 августа. Успешный суточный орбитальный полет Г. Титова на корабле-спутнике «ЗКА» («Восток-3А», «Восток-2»).

9 августа. Ю. Гагарин участвовал в торжественных мероприятиях по поводу встречи Г. Титова.

19–21 августа. Визит Ю. Гагарина в Венгерскую Народную Республику.

1 сентября. Космонавты ЦПК ВВС поступили в Военно-воздушную инженерную академию (ВВИА) имени проф. Н. Жуковского для получения высшего образования. Первыми документы подали: Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, П. Попович, В. Быковский, А. Леонов, Б. Вольнов, Е. Хрунов, В. Горбатко, Г. Шонин, И. Аникеев, Д. Заикин, М. Рафиков, В. Филатьев.

14 сентября – 4 октября. Космонавты Ю. Гагарин и Г. Титов отдыхали в Крыму на бывшей даче М. Горького в Форосе. Во время инцидента 3 октября Ю. Гагарин получил серьезную травму.

14 октября. Ю. Гагарина привезли в Москву и поместили в ЦНИАГ до излечения.

14 октября. Опубликована статья Ю. Гагарина «Металл и характер отливаются в труде» (газета «Красная звезда»).

17–31 октября. Состоялся XXII съезд КПСС. Из-за травмы Ю. Гагарин смог появиться там только 24 октября. Вместо него с речью от имени космонавтов выступил Г. Титов.

14 ноября. Ю. Гагарин выступил в Московском государственном университете; там ему вручили медаль Международной аэронавтической федерации за рекорды первого космического полета.

29 ноября – 6 декабря. Визит Ю. Гагарина в Индийскую Республику.

7–11 декабря. Визит Ю. Гагарина в Доминион Цейлон (Шри-Ланка).

12–14 декабря. Визит Ю. Гагарина в Королевство Афганистан.

15 декабря. По пути из Кабула в Москву Ю. Гагарин задержался в Ташкенте, встретился с партийным руководством Узбекской ССР и выступил в Театре Алишера Навои.

23 декабря. Президиум ЦК КПСС полностью одобрил предложение ЦПК ВВС о наборе шестидесяти новых космонавтов, в том числе пяти женщин.

1962 год

29 января – 3 февраля. Визит Ю. Гагарина в Объединенную Арабскую Республику.

5 февраля. Однодневный визит Ю. Гагарина в Республику Гана.

6–11 февраля. Визит Ю. Гагарина в Республику Либерия.

11 февраля. По пути из Либерии в Грецию Ю. Гагарин задержался на день в Триполи, столице Республики Ливии.

12–14 февраля. Визит Ю. Гагарина в Греческую Республику.

14–16 февраля. Визит Ю. Гагарина в Республику Кипр.

24 февраля. Ю. Гагарин посетил Гжатск для встречи с земляками-избирателями, которые выдвинули его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

25–26 февраля. Предвыборная поездка Ю. Гагарина по городам Смоленской области.

8 марта. Ю. Гагарин выступил в кинотеатре «Зенит» перед молодежью Ждановского района Москвы, поздравил женщин с Международным женским днем.

16 марта. Ю. Гагарин выступил на XV Московской городской конференции ВЛКСМ.

18 марта. Всесоюзные выборы в Верховный Совет СССР 6-го созыва.

19 марта. Ю. Гагарин и Г. Титов официально стали депутатами Верховного Совета СССР 6-го созыва.

20 марта. Ю. Гагарин и Г. Титов выступили в Центральном доме Советской Армии (ЦДСА) с устным выпуском журнала «Авиация и космонавтика».

27 марта. Из отряда космонавтов за недостойное поведение был отчислен М. Рафиков.

12 апреля. Опубликована статья Ю. Гагарина и Г. Титова «Вперед, всегда вперед» (газета «Правда»).

12–13 апреля. Впервые страна отмечала День космонавтики.

16–20 апреля. Ю. Гагарин и Г. Титов участвовали в работе XIV съезда ВЛКСМ.

18 апреля. Ю. Гагарин был избран членом Центрального Комитета ВЛКСМ.

22 апреля. Встреча Ю. Гагарина с комсомольцами Ленинского района Москвы на вечере, посвященном В. Ленину.

1 мая. Ю. Гагарин с другими космонавтами принял участие в праздничных мероприятиях на Красной площади.

10–15 мая. Визит Ю. Гагарина в Австрийскую Республику.

21–29 мая. Визит Ю. Гагарина в Японию.

30 мая. На обратном пути из Японии при промежуточной посадке Ю. Гагарин задержался в аэропорту Новосибирска, чтобы встретиться с местными жителями.

14 июня – 6 июля. Свой отпуск Ю. Гагарин провел с семьей в Гурзуфе (Крым).

9–11 июля. Ю. Гагарин и Г. Титов приняли участие в Московском всемирном конгрессе «За мир и разоружение».

12 июля. Ю. Гагарину присвоено воинское звание «подполковник».

4–5 августа. Повторный визит Ю. Гагарина в Финляндскую Республику — для участия в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов.

6 августа. Ю. Гагарин прилетел в Тюратам, где шла подготовка к групповому полету кораблей «Восток».

11 августа. Успешный запуск корабля-спутника «ЗКА» («Восток-3А», «Восток-3») с космонавтом А. Николаевым на борту.

12 августа. Успешный запуск корабля-спутника «ЗКА» («Восток-3А», «Восток-4») с космонавтом П. Поповичем на борту.

15 августа. А. Николаев и П. Попович благополучно вернулись на Землю.

16 августа. Опубликована заметка Ю. Гагарина о групповом космическом полете (газета «Правда»).

18 августа. Торжественная встреча А. Николаева и П. Поповича в Москве.

23 августа. Ю. Гагарин выступил в Высшей комсомольской школе (Москва).

25–27 августа. Ю. Гагарин посетил Ленинград, принял участие в 7-м Конгрессе международного союза студентов.

2–3 сентября. Ю. Гагарин побывал у родителей в Гжатске.

5–10 сентября. Визит Ю. Гагарина в Королевство Дания.

1–14 октября. Ю. Гагарин вернулся на отдых в Гурзуф.

18 октября. Ю. Гагарин, А. Николаев, П. Попович присутствовали на митинге по случаю открытия Бородинского военно-исторического музея.

6 ноября. Ю. Гагарин присутствовал на торжественном заседании, посвященном 45-й годовщине Великой Октябрьской революции, которое проходило в Кремлевском Дворце съездов.

7 ноября. Ю. Гагарин присутствовал на параде и демонстрации трудящихся на Красной площади, вечером выступил на праздничном приеме в Кремле.

10–12 ноября. Ю. Гагарин гостил в Оренбурге.

10 декабря. Ю. Гагарин присутствовал на сессии Верховного Совета СССР 6-го созыва.

14–15 декабря. Участвовал в работе Пленума ЦК ВЛКСМ.

1963 год

4–10 января. Ю. Гагарин внезапно заболел и перенес операцию по удалению аппендицита, неделю оставался в клинике профессора А. Вишневого.

9 января. Начальником ЦПК ВВС назначен генерал-майор М. Одинцов.

1 февраля. Отчетно-выборное партийное собрание в ЦПК ВВС.

28 февраля – 7 марта. Ю. Гагарин прошел медицинское обследование в ЦНИАГ, чтобы получить аттестат годности к полетам и принять участие в одном из существующих проектов в качестве космонавта. Его признали годным.

2 апреля. Ю. Гагарин совершил шесть тренировочных прыжков с парашютом, начал восстанавливать навыки летчика-космонавта.

12 апреля. Опубликована статья Ю. Гагарина «Слово к писателям» (газета «Литературная Россия»).

12 апреля. В Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное Дню космонавтики; на нем с большой речью выступил Ю. Гагарин.

19 апреля. За инцидент с военным патрулем и недостойное поведение из отряда космонавтов были отчислены И. Анискин, Г. Нелюбов и В. Филатьев.

1 мая. Ю. Гагарин принял участие в праздничных мероприятиях на Красной площади.

2 мая. По приглашению ЦК ВЛКСМ Ю. Гагарин побывал на большом спортивном празднике в Лужниках.

3 мая. Министерство связи Союза ССР присвоило Ю. Гагарину, Г. Титову, А. Николаеву и П. Поповичу звания почетных радистов.

8 мая. Опубликована статья Ю. Гагарина «Поэзия звездных высот» (газета «Комсомольская правда»).

10 мая. Опубликована речь Ю. Гагарина «Успехов и счастья!» на Всесоюзном совещании молодых писателей (газета «Литературная Россия»).

28 мая. Выполняя тренировочный парашютный прыжок, в полете погиб наставник космонавтов Н. Никитин.

1 июня. Группа космонавтов прибыла на Тюратам, где шла подготовка к новому полету.

14 июня. Успешный запуск корабля-спутника «ЗКА» («Восток-3А», «Восток-5») с космонавтом В. Быковским на борту.

15 июня. Успешный запуск корабля-спутника «ЗКА» («Восток-3А», «Восток-6») с космонавтом В. Терешковой на борту.

19 июня. В. Быковский и В. Терешкова благополучно приземлились.

21 июня. Торжественная встреча В. Быковского и В. Терешковой в Москве.

10–25 июля. Ю. Гагарин был госпитализирован в ЦНИАГ с подозрением на воспаление гланд; 18 июля прошла операция по их удалению.

1–27 августа. Ю. Гагарин проводил отпуск с семьей в Гурзуфе.

18 августа. Опубликована статья Ю. Гагарина и В. Терешковой «Высокого вам полета, друзья!» (газета «Красная звезда»).

23 сентября. Ю. Гагарин встретился в ЦК ВЛКСМ с молодыми строителями Сибири и Дальнего Востока.

25–26 сентября. Ю. Гагарин посетил Красноярск и Дивногорск.

27 сентября. Опубликована речь Ю. Гагарина «И у вас, друзья, космические трассы!» (газета «Комсомольская правда»).

27 сентября – 3 октября. Визит Ю. Гагарина во Французскую Республику.

1 октября. Опубликована статья Ю. Гагарина «Лыжню — летящим по волнам» (газета «Комсомольская правда»).

4 октября. Опубликована статья Ю. Гагарина «Штурмующие небо» под рубрикой «О чем не писали и не могли писать „Известия“ в октябре 1922 года» (газета «Известия»).

9 октября. По пути на Кубу Ю. Гагарин задержался в аэропорту Румбула (Рига) и встретился местными жителями.

10–11 октября. Повторный визит Ю. Гагарина в Кубинскую Республику, где его дожидалась В. Терешкова.

12–14 октября. Визит Ю. Гагарина и В. Терешковой в Мексиканские Соединенные Штаты на 56-ю генеральную конференцию Международной аэронавтической федерации.

15–16 октября. Ю. Гагарин и В. Терешкова выступили на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке (США).

17–22 октября. Визит Ю. Гагарина в Германскую Демократическую Республику.

3 ноября. Состоялась свадьба между летчиками-космонавтами А. Николаевым и В. Терешковой.

5 ноября. Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, П. Попович и В. Быковский участвовали в записи большой радиокomпозиции «СССР — берег Вселенной».

6 ноября. Ю. Гагарину присвоено воинское звание «полковник».

Опубликована статья Ю. Гагарина «Наша гордость» (газета «Красная звезда»).

7 ноября. Ю. Гагарин был на военном параде и демонстрации трудящихся на Красной площади; по просьбе корреспондентов Всесоюзного радио ответил на несколько вопросов.

8–10 ноября. Ю. Гагарин ездил к родителям в Гжатск.

11 ноября. Начальником ЦПК ВВС назначен генерал-майор Н. Кузнецов.

17 ноября. Вышла книга М. Арлазорова «Циолковский», предисловие к которой написал Ю. Гагарин.

8 декабря. Ю. Гагарин сопровождал членов бюро ЦК ВЛКСМ при их посещении ЦПК ВВС.

10 декабря. Ю. Гагарин принял участие в конференции энтузиастов космических путешествий в Доме ученых (Москва).

14 декабря. В ЦПК ВВС состоялась очередная свадьба: слушатель-космонавт Ж. Ёркина вышла замуж за инженера В. Сергейчика. Ю. Гагарин и другие космонавты приняли активное участие в праздновании.

16–18 декабря. 3-я сессия Верховного Совета СССР 6-го созыва. Как депутат Ю. Гагарин присутствовал на сессии.

21 октября. На совещании отряда космонавтов Н. Каманин объявил о назначении Ю. Гагарина заместителем начальника ЦПК ВВС, А. Николаева — командиром отряда.

1964 год

14–15 января. Ю. Гагарин принимал участие в работе IV пленума ЦК ВЛКСМ, выступил с речью на открытии.

21 января. Ю. Гагарин присутствовал в Большом Кремлевском дворце на приеме, устроенном советским правительством в честь визита кубинского лидера Ф. Кастро в СССР.

31 января. Состоялось большое совещание по организации Музея подарков космонавтов в Звёздном городке.

3 февраля. В Доме офицеров Чкаловского гарнизона (Москва) состоялась встреча первых Героев Советского Союза (Молоков, Ляпидевский, Слепнев, Водопьянов, Каманин) с летавшими космонавтами (Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский и Терешкова).

19 февраля. Ю. Гагарин выступил в ЦК ВЛКСМ с докладом, посвященным 46-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота.

1–6 марта. Визит Ю. Гагарина в Королевство Швеция.

7–15 марта. Визит Ю. Гагарина в Королевство Норвегия.

Апрель. Опубликованы статьи Ю. Гагарина «Воскресший дважды» (журнал «Молодой коммунист»), «Перед новыми стартами» (журнал «Авиация и космонавтика»).

4–5 апреля. Ю. Гагарин по приглашению В. Гагановой посетил город Вышний Волочёк.

7 апреля. Ю. Гагарин выступил на пресс-конференции, организованной Государственным Комитетом Совета министров по культурным связям с зарубежными странами.

9–10 апреля. По поручению ЦК ВЛКСМ Ю. Гагарин отправился в Ярославль для присутствия на собрании комсомольского актива Ярославской области.

11 апреля. В Большом театре состоялось торжественное собрание, посвященное Дню космонавтики.

24–25 мая. Ю. Гагарин и В. Гагарина посетили Калугу с частным визитом; Ю. Гагарин осмотрел Дом-музей К. Циолковского и стройку Государственного музея истории космонавтики имени К. Циолковского.

17 июля – 10 августа. Ю. Гагарин отдыхал с семьей в Гурзуфе.

17 августа. Ю. Гагарин присутствовал на торжественном собрании, посвященном Дню Воздушного Флота СССР, которое состоялось в Центральном театре Советской Армии.

18 августа. Опубликовано статья Ю. Гагарина «Есть пламя!» (газета «Комсомольская правда»).

19–20 августа. По поручению ЦК ВЛКСМ прилетел в Ташкент для участия в IV Всесоюзном слете молодых механизаторов-хлопкоробов хлопкосеющих республик страны.

21–29 сентября. Ю. Гагарин с космонавтами принял участие в организации демонстрационных мероприятий для правительственной делегации на полигоне Тюратам.

4 октября. Группа космонавтов прибыла на полигон Тюратам, где шла подготовка к запуску корабля «Восход».

12–13 октября. Состоялся успешный суточный полет космического корабля-спутника «ЗКВ» («Восход») с экипажем из трех человек: В. Комаров, К. Феоктистов, Б. Егоров.

14 октября. Глава государства Н. Хрущёв был освобожден от должности первого секретаря ЦК КПСС «по состоянию здоровья»; на следующий день — от должности главы советского правительства; его сменил Л. Брежнев.

14 октября. Опубликовано статья Ю. Гагарина «С космодрома стартуют трое» (экстренный выпуск журнала «Авиация и космонавтика»).

19 октября. Торжественная встреча членов экипажа «Восхода» в Москве; впервые Н. Хрущёв не участвовал в чествовании космонавтов.

31 октября. Встреча космонавтов Ю. Гагарина, В. Комарова, К. Феоктистова и Б. Егорова с писателями в Центральном доме литераторов; тем же вечером космонавты выступили на Всесоюзном радио.

4 ноября. Ю. Гагарин выступил на митинге в честь открытия монумента «Космос» (Москва).

28 декабря. Состоялось отчетно-выборное партийное собрание ЦПК ВВС.

1965 год

4–7 января. Ю. Гагарин вместе с женой посетил Саратов и Энгельс, принял участие в торжественных мероприятиях по поводу 20-летия Саратовского индустриального техникума.

5 января. В стенах Саратовского индустриального техникума начал работу Народный музей Ю. Гагарина — единственный прижизненный музей первого космонавта.

18–19 марта. Состоялся успешный суточный полет космического корабля-спутника «ЗКД» («Восход-2») с экипажем из двух человек: П. Беляев и А. Леонов; впервые осуществлен выход человека в открытое космическое пространство.

23 марта. Торжественная встреча членов экипажа «Восхода-2» в Москве.

10 апреля. По приказу Н. Каманина одиннадцать летавших космонавтов собрались в Доме офицеров Чкаловского гарнизона (Москва) для участия в профессиональной фотосессии.

11 апреля. Опубликована статья Ю. Гагарина «Наши ряды растут» (газета «Красная звезда»).

12 апреля. В Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное Дню космонавтики.

15 апреля. После долгих переговоров о визите Ю. Гагарина в Италию, космонавт туда так и не поехал, поэтому золотая медаль Астронавтического общества Италии была вручена ему в Москве.

6–11 мая. Повторный визит Ю. Гагарина в Германскую Демократическую Республику.

25 мая. Ю. Гагарин выступил на вечере, посвященном 40-летию газеты «Комсомольская правда».

2 июня. Ю. Гагарин присутствовал на открытии павильона «Космос» (ВДНХ, Москва), рассказал гостям о конструкции космического корабля «Восток», который был впервые экспонирован.

10–22 июня. Повторный визит Ю. Гагарина во Французскую Республику с целью участия в работе 26-го Международного авиационного салона в Ле-Бурже.

16 августа – 12 сентября. Ю. Гагарин провел отпуск с семьей в Гурзуфе.

17 сентября. Ю. Гагарин дал интервью корреспонденту Агентства политических новостей (АПН) по вопросу космического права.

30 сентября. Ю. Гагарин посетил Люберецкое ремесленное училище № 10 на 25-летие с момента его основания.

7–9 декабря. 7-я сессия Верховного Совета СССР 6-го созыва. Как депутат Ю. Гагарин присутствовал на сессии.

10 декабря. В составе делегации ЦК ВЛКСМ Ю. Гагарин посетил Мурманск, Североморск и Луостари-Новое.

11 декабря. Ю. Гагарин в сопровождении адмирала С. Лобова вышел в открытое море на борту подводной лодки «К-35» проекта 675 (11-й ДИПЛ СФ).

27–28 декабря. Ю. Гагарин участвовал в работе VIII пленума ЦК ВЛКСМ, который проходил в конференц-зале гостиницы «Юность» (Москва); в своей речи космонавт критиковал разрушение памятников воинской славы, в том числе — храма Христа Спасителя.

1966 год

14 января. На операционном столе скончался главный конструктор ракетно-космической техники С. Королёв.

15–18 января. Вместе с другими космонавтами Ю. Гагарин участвовал в траурных мероприятиях, связанных со смертью С. Королёва.

21–22 января. Ю. Гагарин принял участие в конференции Смоленского областного комитета ВЛКСМ.

23 января. Пользуясь случаем, Ю. Гагарин навестил родителей в Гжатске.

2 февраля. Присутствовал на совещании в ЦК ВЛКСМ, на котором обсуждались итоги проведения ряда областных комсомольских конференций.

18 февраля. Покончил с собой бывший член отряда космонавтов Г. Нелюбов.

20 февраля. Ю. Гагарин выступил на торжественном собрании, посвященном Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота.

5 марта. На Московской городской партийной конференции Ю. Гагарин был избран делегатом XXIII съезда КПСС.

29 марта – 8 апреля. Состоялся XXIII съезд КПСС. В его работе приняли участие Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, П. Попович, В. Быковский, В. Терешкова, В. Комаров, П. Беляев и А. Леонов. Ю. Гагарин был избран в президиум съезда; по решению делегатов он представлял съезд перед телевидением ГДР, на пресс-конференции иностранных журналистов и на ВДНХ.

9 апреля. Встреча космонавтов с членами Политбюро ЦК КПСС.

12 апреля. Прошли праздничные мероприятия в связи с Днем космонавтики. Ю. Гагарин выступал на митинге в Звёздном городке, у обелиска «Космос», на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов.

19 апреля. Вышла книга Б. Лукьянова «Мы верим, друзья, караваны ракет...» с предисловием Ю. Гагарина.

24–26 апреля. Ю. Гагарин посетил Киев для участия в работе XX съезде украинской комсомольской организации ЛКСМУ.

17–20 мая. Ю. Гагарин, В. Терешкова и А. Леонов приняли участие в XV съезде ВЛКСМ. По окончании съезда их избрали членами ЦК ВЛКСМ.

22 мая. В Лужниках состоялся большой спортивный праздник, Ю. Гагарин присутствовал на нем в качестве почетного гостя.

30 мая. Ю. Гагарин совершил поездку по городам Калужской области, встретился с избирателями Людинова и Кирова.

31 мая. Ю. Гагарин посетил Калугу и Обнинск, выступил на торжественных мероприятиях, встретился с избирателями.

12 июня. Всесоюзные выборы в Верховный Совет СССР 7-го созыва.

13 июня. Ю. Гагарин стал депутатом Верховного Совета СССР 7-го созыва.

2–3 августа. Ю. Гагарин участвовал в работе 1-й сессии Верховного Совета СССР 7-го созыва.

6 ноября. В Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное празднику Великой Октябрьской революции. Ю. Гагарин был в президиуме собрания.

7 ноября. Ю. Гагарин присутствовал на Красной площади на параде частей Московского гарнизона и демонстрации трудящихся.

15–19 декабря. Ю. Гагарин участвовал в работе 2-й сессии Верховного Совета СССР 7-го созыва.

1967 год

Январь. Опубликована статья Ю. Гагарина «Счастливых стартов!» (журнал «Вокруг света»).

9 января. Ю. Гагарин написал предисловие для книги-альбома А. Леонова, А. Соколова «Ждите нас, звезды» (1967).

28 января. Ю. Гагарин послал в США телеграмму с соболезнованиями по поводу гибели трех американских астронавтов при подготовке корабля «Аполло 1».

1 февраля. Ю. Гагарин присутствовал на II пленуме ЦК ВЛКСМ, который проходил во Дворце пионеров на Ленинских горах (Москва).

13 февраля. Ю. Гагарин написал предисловие к книге А. Киселёва и М. Реброва «Покорители космоса» (1971).

11 апреля. В связи с Днем космонавтики Ю. Гагарин выступал по телевидению.

13 апреля. Ю. Гагарин с семьей навестил старшего брата Валентина в Рязани.

14 апреля. Ю. Гагарин присоединился к группе космонавтов, готовившихся на полигоне Тюратам к запуску кораблей «Союз-1» и «Союз-2».

15–22 апреля. Ю. Гагарин проходил все предстартовые тренировки и процедуры как дублер назначенного на полет космонавта В. Комарова.

23 апреля. Успешный запуск космического корабля «7К-ОК» («Союз-1») с летчиком-космонавтом В. Комаровым на борту.

24 апреля. При возвращении на Землю спускаемый аппарат «7К-ОК» разрушился; летчик-космонавт В. Комаров погиб.

25–26 апреля. Траурные мероприятия, связанные с гибелью В. Комарова.

29 апреля. Н. Каманин официально объявил Ю. Гагарину о том, что тот выводится из группы космонавтов, занимающихся по программе «Союз».

7 мая. Ю. Гагарин написал предисловие к книге Е. Сашенкова «Почтовые сувениры космической эры» (1969).

17 мая. Газета «Комсомольская правда» опубликовала интервью Ю. Гагарина о расследовании причин гибели В. Комарова и «Союза-1».

2 июня. Ю. Гагарин выступал на вечере «О доблести, о подвигах, о славе», который состоялся в Центральном доме работников искусств.

12 июня. Ю. Гагарин прилетел в Ростов-на-Дону, чтобы присоединиться к Международному семинару молодых писателей.

13–14 июня. Ю. Гагарин побывал в гостях у М. Шолохова в станице Вёшенская.

15–18 июня. Ю. Гагарин посетил Комсомольск-на-Амуре для участия во Всесоюзном слете молодых передовиков производства; участвовал в манифестации городской молодежи.

22 июня – 6 июля. Ю. Гагарин отдыхал с семьей в Гурзуфе.

7–9 июля. Ю. Гагарин, В. Терешкова и А. Леонов приняли участие в 1-м фестивале советской и чехословацкой молодежи, с 5 июля проходившем во Львове.

10 июля. Ю. Гагарин вернулся в Крым для продолжения отпуска.

30 июля – 2 августа. В последние дни отпуска Ю. Гагарин с семьей посетил родственников жены в Оренбурге.

8 августа. Ю. Гагарин возобновил полеты с инструктором на «МиГ-15УТИ» на аэродроме Чкаловский (Москва).

23–30 сентября. Третий визит Ю. Гагарина во Французскую Республику, на этот раз — в составе делегации, приглашенной движением коммунистической молодежи Франции на празднование 50-летия Октябрьской революции.

14 октября. Ю. Гагарин открыл первый концерт в Доме космонавтов, поблагодарив его строителей за прекрасный подарок жителям Звёздного городка.

3 ноября. Ю. Гагарин участвовал в торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

4 ноября. Ю. Гагарин выступал на митинге советской молодежи, который состоялся в Кремлевском Дворце съездов.

27 ноября. Ю. Гагарин получил допуск к самостоятельным полетам, однако из-за ухудшения погоды Н. Каманин запретил ему вылеты до весны следующего года. Общий налет Ю. Гагарина в 1967 году составил 24 часа.

6 ноября. Открылся Музей подарков космонавтов в Звёздном городке. Ю. Гагарин выступил первым экскурсоводом для молодежной делегации из 82 стран мира.

2 декабря. Ю. Гагарин подал рапорт начальнику ЦПК ВВС Н. Кузнецову с просьбой временно освободить его от обязанностей заместителя для сдачи экзаменов и защиты дипломного проекта в ВВИА.

5–6 декабря. Ю. Гагарин навестил родителей в Гжатске.

12 декабря. Главный редактор журнала «Байкал» обратился к Ю. Гагарину с просьбой высказать свое отношение к вводимому в журнале раз-

делу «Авиация — космос — век XX», если возможно, статьей открыть раздел. Ю. Гагарин ответил согласием и позднее подготовил статью «О профессиональной деятельности космонавтов», однако не успел ее отправить.

1968 год

4 января – 16 февраля. Ю. Гагарин находился в Военно-воздушной инженерной академии, готовясь к защите дипломного проекта.

8 января. Ю. Гагарин присутствовал в ВВИА на защите дипломных проектов А. Николаевым, П. Поповичем, В. Быковским, В. Горбатко, Б. Вольтовым и Г. Шониным. Защита прошла успешно.

17 февраля. Ю. Гагарин защитил собственный дипломный проект в ВВИА, получив квалификацию «летчик-инженер-космонавт» и диплом с отличием.

20 февраля. Ю. Гагарин завершил работу над статьей «Ступени во Вселенную» для сборника «В 2017 году» (1968).

22 февраля. Ю. Гагарин с частным визитом посетил Люберецкое ремесленное училище № 10.

28 февраля – 3 марта. Ю. Гагарин в составе группы космонавтов наблюдал на полигоне Тюратам подготовку и запуск космического аппарата «Зонд-4» — прототипа лунного корабля «7К-Л1».

4–10 марта. Ю. Гагарин в составе группы космонавтов работал в Евпаторийском центре дальней космической связи над техническим обеспечением полета космического аппарата «Зонд-4»; там же 9 марта отметил свой день рождения.

13 марта. Ю. Гагарин возобновил полеты с инструктором на «МиГ-15УТИ».

25 марта. Ю. Гагарин посетил редакцию издательства «Молодая гвардия» и подписал верстку книги «Психология и космос» (1968), написанную им совместно с психологом В. Лебедевым.

27 марта. Ю. Гагарин и В. Серёгин трагически погибли в авиационной катастрофе близ деревни Новосёлово Киржачского района Владимирской области при выполнении проверочного полета на самолете «МиГ-15УТИ».

30 марта. Урна с прахом Ю. Гагарина захоронена в Кремлевской стене.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги

20 лет полету Гагарина. Сборник статей. — М.: Знание, 1981.

Афанасьев И. «Большой космический клуб» / И. Афанасьев, А. Лавре-нов. — М.: Новости космонавтики, РТСофт, 2006.

Афанасьев И. Возвращение из космоса. Хронология посадок пилотируемых кораблей. 1961–2011 / И. Афанасьев, А. Глушко, Ю. Желтоногин. — М.: Фонд «Русские Витязи», 2012.

Афанасьев И. Золотой век космонавтики: мечты и реальность / И. Афанасьев, Д. Воронцов. — М.: Фонд «Русские Витязи», 2015.

Афанасьев И. «Мы — первые!» / И. Афанасьев, Д. Воронцов. — М.: РТСофт, 2011.

Бабийчук А. Человек, небо, космос / А. Бабийчук. — М.: Воениздат, 1979.

Башкиров В. К 50-летию со дня рождения Ю. А. Гагарина. Материал в помощь пропагандистам, политинформаторам, лекторам и докладчикам организаций ДОСААФ / В. Башкиров, Е. Карпов. — М.: ДОСААФ СССР, 1984.

Белоцерковский С. Гибель Гагарина: факты и домыслы / С. Белоцерковский. — М.: Машиностроение, 1992.

Белоцерковский С. Диплом Гагарина / С. Белоцерковский. — М.: Молодая гвардия, 1986.

Белоцерковский С. Первопроходцы Вселенной. Земля-Космос-Земля / С. Белоцерковский. — М.: Машиностроение, 1997.

Бобцова Л. Советский летчик-космонавт Ю. А. Гагарин (Краткий список литературы) / Л. Бобцова, Г. Игнатова. — М.: Гор. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1971.

Борзенко С. Первый космонавт / С. Борзенко, Н. Денисов. — М.: Политиздат, 1969.

Борисенко И. На космических стартах и финишах / И. Борисенко. — М.: Знание, 1975.

Борисенко И. Первые рекорды в космосе / И. Борисенко. — М.: Машиностроение, 1965.

Будни космической эры. К 20-летию полета Ю. А. Гагарина / Сост. Н. Николаев. — М.: Книга, 1981.

Бучарский В. Небо Гагарина. Научно-художественный роман / В. Бучарский. — Калуга: Изд-во «Золотая аллея», 2011.

Вильямский В. Юрий Гагарин в Заполярье / В. Вильямский. — Ростов н/Д., 2016.

Винокуров А. Первый космонавт — воспитанник аэроклуба / А. Винокуров, Ю. Зельвенский. — М.: Изд-во ДОСААФ, 1962.

Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских

захватчиков / Авт.-сост.: Н. Емельянова, А. Дедкова, О. Виноградова, Г. Гаврилова, В. Кононов. — Смоленск: Маджента, 2003.

Высокие орбиты. Отважным исследователям космоса посвящается. Сборник / Сост. В. Митрошенков. — М.: Известия, 1985.

Гавриленко А. Механическая технология металлов. Часть II. Литейное дело. Полное руководство к устройству литейных и ведению в них работ / А. Гавриленко. — М.; Л.: Госиздат, 1926.

Гагарин. Книга-альбом. — М.: Молодая гвардия, 1968.

Гагарин. Книга-альбом (2-е изд.). — М.: Молодая гвардия, 1971.

Гагарин. Фотоальбом / Авт. лит.-фотогр. композиции А. Грачев. — М.: Планета, 1976.

Гагарин. Фотоальбом (2-е изд., доп.) / Авт. лит.-фотогр. композиции А. Грачев. — М.: Планета, 1977.

Гагарин в Оренбурге. Воспоминания, документы, выступления, очерки, фотографии / Сост. А. Лазукин, А. Чернова. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1975.

Гагарин и гагаринцы. Сборник / Сост. Л. Большаков, В. Дубровкина. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1980.

Гагарин В. Мой брат Юрий / В. Гагарин. — М.: Московский рабочий, 1972.

Гагарин В. Мой брат Юрий. Повесть (Доп. изд.) / В. Гагарин. — М.: Московский рабочий, 1979.

Гагарин В. Мой брат Юрий. Повесть (2-е изд.) / В. Гагарин. — Минск: Юнацтва, 1982.

Гагарин В. Мой брат Юрий. Повесть (3-е изд.) / В. Гагарин. — Смоленск: Московский рабочий, 1984.

Гагарин В. Мой брат Юрий. Повесть (4-е изд.) / В. Гагарин. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1986.

Гагарин В. Мой брат Юрий. Повесть (5-е изд.) / В. Гагарин. — Минск: Юнацтва, 1988.

Гагарин В. Мой брат Юрий. Повесть (6-е изд.) / В. Гагарин. — М., 2002.

Гагарин на космодроме Байконур. Фотоальбом / Сост. М. Кузнецкий. — Краснознаменск, 2001.

Гагарин Ю. Вижу Землю... / Ю. Гагарин. — М.: Детская литература, 1968.

Гагарин Ю. Вижу Землю... (2-е изд.) / Ю. Гагарин. — М.: Детская литература, 1971.

Гагарин Ю. Вижу Землю... (3-е изд.) / Ю. Гагарин. — М.: Детская литература, 1976.

Гагарин Ю. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР / Ю. Гагарин. — М.: Правда, 1961.

Гагарин Ю. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР (2-е изд.) / Ю. Гагарин. — М.: Правда, 1961.

Гагарин Ю. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР (Доп. изд.) / Ю. Гагарин. — М.: Воениздат, 1961.

Гагарин Ю. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР (3-е изд.) / Ю. Гагарин. — М.: Детгиз, 1963.

Гагарин Ю. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР (4-е изд., испр. и доп.) / Ю. Гагарин. — М.: Воениздат, 1969.

Гагарин Ю. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР / Ю. Гагарин. — М.: Воениздат, 1978.

Гагарин Ю. Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР / Ю. Гагарин. — М.: Воениздат, 1981.

Гагарин Ю. Есть пламя! Статьи, речи, письма, интервью / Ю. Гагарин. — М.: Молодая гвардия, 1968.

Гагарин Ю. Есть пламя! Статьи, речи, письма, интервью (2-е изд., доп.) / Ю. Гагарин. — М.: Молодая гвардия, 1971.

Гагарин Ю. Психология и космос / Ю. Гагарин, В. Лебедев. — М.: Молодая гвардия, 1968.

Гагарин Ю. Психология и космос (2-е изд.) / Ю. Гагарин, В. Лебедев. — М.: Молодая гвардия, 1971.

Гагарин Ю. Психология и космос (3-е изд.) / Ю. Гагарин, В. Лебедев. — М.: Молодая гвардия, 1976.

Гагарин Ю. Психология и космос (4-е изд.) / Ю. Гагарин, В. Лебедев. — М.: Молодая гвардия, 1981.

Гагарина А. Память сердца / А. Гагарина. — М.: АПН, 1985.

Гагарина А. Память сердца (2-е изд.) / А. Гагарина. — М.: АПН, 1986.

Гагарина А. Слово о сыне / А. Гагарина. — М.: Молодая гвардия, 1983.

Гагарина А. Слово о сыне (2-е изд.) / А. Гагарина. — Минск: Юнацтва, 1985.

Гагарина А. Слово о сыне (3-е изд.) / А. Гагарина. — М.: Молодая гвардия, 1986.

Гагарина В. 108 минут и вся жизнь / В. Гагарина. — М.: Молодая гвардия, 1981.

Гагарина В. 108 минут и вся жизнь (2-е изд.) / В. Гагарина. — М.: Молодая гвардия, 1982.

Гагарина В. 108 минут и вся жизнь (3-е изд., доп.) / В. Гагарина. — М.: Молодая гвардия, 1986.

Гагарина В. Каждый год 12 апреля / В. Гагарина. — М.: Советская Россия, 1984.

Гагаринские орбиты / Сост. В. Чантурия. — Ижевск: Удмуртия, 1991.

Галлай М. С человеком на борту / М. Галлай. — М.: Советский писатель, 1985.

Галлай М. Через невидимые барьеры / М. Галлай. — М.: Молодая гвардия, 1969.

Герд М. Первые космонавты и первые разведчики космоса / М. Герд, Н. Гуровский. — М.: Издательство АН СССР, 1962.

Голованов Я. Дорога на космодром: Мечта, Опыт, Дело / Я. Голованов. — М.: Детская литература, 1982.

Голованов Я. Королёв: факты и мифы / Я. Голованов. — М.: Наука, 1994.

Голованов Я. Космонавт № 1 / Я. Голованов. — М.: Известия, 1986.

Голосовский И. Звёздный час мира / И. Голосовский, Г. Анзимиров. — М.: Знание, 1961.

Гольдовский Д. Первые полеты в космос (к 25-летию полета Ю. А. Гагарина) / Д. Гольдовский, Г. Назаров. — М.: Знание, 1986.

Горшков В. Мы — дети Земли / В. Горшков. — Л.: Лениздат, 1986.

Губанов Г. Гагарин на Дону / Г. Губанов. — Ростов н/Д.: Альтаир, 2011.

Губарев В. Величайшая тайна Гагарина. Мифы и правда о Первом космонавте СССР / В. Губарев. — М.: Яуза, Эксмо, 2014.

Губарев В. «Поехали!»: Документальные очерки о космосе и космонавтах / В. Губарев. — М.: Молодая гвардия, 1981.

Губарев В. Русский космос / В. Губарев. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

Губарев В. Тайны Гагарина. Мифы и правда о первом полете / В. Губарев. — М.: Яуза, Эксмо, 2011.

Губарев В. Утро космоса. Королёв и Гагарин / В. Губарев. — М.: Молодая гвардия, 1984.

Гэтланд К. Космическая техника: Иллюстрированная энциклопедия / К. Гэтланд, М. Шарп, Д. Скиннер, Ч. Вик, Т. Пирард, Д. Дулинг, А. Шнапф, Н. Джонсон, Д. Вудс, Р. Льюис, Б. Белицкий, Р. Паркинсон, А. Бонд; пер. с англ. С. Костромина, В. Савичева. — М.: Мир, 1986.

Давыдов И. Триумф и трагедия советской космонавтики. Глазами испытателя / И. Давыдов. — М.: Глобус, 2000.

Данилкин Л. Юрий Гагарин / Л. Данилкин. — М.: Молодая гвардия, 2011.

Денисов В. Космонавт летает... на Земле / В. Денисов. — М.: Машиностроение, 1964.

Денисов Н. Хорошо, хорошо, Гагарин! Из записной книжки корреспондента «Правды» / Н. Денисов. — М.: Московский рабочий, 1963.

Денисов Н. Звёздный дневник. Из блокнота корреспондента «Правды» / Н. Денисов. — М.: Знание, 1974.

Денисов Н. На берегу Вселенной / Н. Денисов. — М.: Машиностроение, 1970.

Денисов Н. На орбитах мира и дружбы. Из записной книжки корреспондента «Правды» / Н. Денисов. — М.: Знание, 1963.

День Гагарина. Сборник / Сост. Л. Нечаюк. — М.: Современник, 1986.

Дихтярь А. Прежде чем прозвучало: «Поехали!»: Документальная композиция / А. Дихтярь. — М.: Политиздат, 1987.

Дихтярь А. Жизнь — прекрасное мгновение: Документальная композиция / А. Дихтярь. — М.: Молодая гвардия, 1974.

Дихтярь А. Жизнь — прекрасное мгновение: Документальная композиция (2-е изд.) / А. Дихтярь. — М.: Молодая гвардия, 1975.

Докучаев Ю. Урок Гагарина / Ю. Докучаев. — М.: Детская литература, 1985.

Докучаев Ю. Юрий Гагарин / Ю. Докучаев. — М.: Детская литература, 1981.

Дороги звездные открыты. Юрий Гагарин осуществил смелую мечту К. Э. Циолковского (Сборник материалов). — Калуга: Кн. изд-во, 1961.

Евтушенко Е. Волчий паспорт / Е. Евтушенко. — М.: Колибри, 2015.

Елисеев А. Техника космических полетов / А. Елисеев. — М.: Машиностроение, 1983.

Железняков А. От «Востока» к «Рассвету». Хроника пилотируемых космических полетов / А. Железняков, И. Забелина, В. Куприянов, В. Левтов, В. Савиных. — СПб.: ЛИК, 2011.

Железняков А. Первые в космосе. Как СССР победил США / А. Железняков. — М.: Яуза, Эксмо, 2011.

Железняков А. «Поехали!» Мы — первые в космосе / А. Железняков. — М.: Яуза, Эксмо, 2014.

Железняков А. Секретный космос. Были ли предшественники у Гагарина? / А. Железняков. — М.: Яуза, Эксмо, 2011.

Железняков А. Тайны ракетных катастроф (плата за прорыв в космос) / А. Железняков. — М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Жизнь — подвиг (Библиотека «Известий». Специальный выпуск) / Сост. Б. Коновалов — М.: Известия, 1968.

Загадки звездных островов. Книга вторая / Сост. Ф. Алымов. — М.: Молодая гвардия, 1983.

Загадки звездных островов. Книга третья / Сост. Ф. Алымов. — М.: Молодая гвардия, 1986.

Залюбовская М. Знаете, каким он парнем был. Документальная повесть / М. Залюбовская. — Киев: Молодь, 1977.

Залюбовская М. Сын Земли и звезд. Лирическая повесть о Гагарине / М. Залюбовская. — Киев: Молодь, 1980.

Залюбовская М. Сын Земли и звезд. Лирическая повесть о Гагарине (2-е изд., перераб. и доп.) / М. Залюбовская. — Киев: Молодь, 1984.

Звёздный путь. Сборник / Сост. М. Герасимова, А. Иванов. — М.: Политиздат, 1986.

Зверев Ю. Юрий Гагарин и Саратовская земля / Ю. Зверев. — Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1981.

Зверев Ю. Юрий Гагарин на земле Саратовской / Ю. Зверев, Г. Оксюта. — Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1972.

Знаете, каким он парнем был! (Ю. А. Гагарин). Рекомендуемый список литературы / Сост. О. Стахевич. — М.: ГРЮБ, 1980.

Иванов А. Первые ступени. Записки инженера / А. Иванов. — М.: Молодая гвардия, 1970.

Ивановский О. Ракеты и космос в СССР. Записки секретного конструктора / О. Ивановский. — М.: Молодая гвардия, 2005.

Исследование мирового пространства / Под ред. Д. Бэйтса; пер. с англ. З. Черняк. — М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит-ры, 1959.

История Гжатских деревень. Материалы научно-практической конференции. 7 декабря 2005 г. — Гагарин: Спутник, 2005.

К звездам! (Фотоальбом о летчиках-космонавтах Ю. Гагарине и Г. Титове) / Худ.-сост. К. Орлов, авт. текста П. Барашев. — М.: Агентство печати «Новости», 1961.

К звездным мирам (Сборник материалов). — Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1961.

Казаков С. Минуты встреч неповторимых / С. Казаков. — М.: Советская Россия. — 1986.

Казаков С. Юрий Гагарин: портрет без ретуши / С. Казаков. — М.: Советская Россия, 1991.

Казанцев А. Ступени грядущего / А. Казанцев. — М.: Политиздат, 1963.

Каманин Н. Летчики и космонавты / Н. Каманин. — М.: Политиздат, 1972.

Каманин Н. Первый гражданин Вселенной / Н. Каманин. — М.: Молодая гвардия, 1962.

Каманин Н. Скрытый космос: Книга первая / Н. Каманин. — М.: Информтекст-ИФ, 1995.

Каманин Н. Скрытый космос: Книга вторая / Н. Каманин. — М.: Информтекст-ИФ, 1997.

Каманин Н. Скрытый космос: Книга третья / Н. Каманин. — М.: Информтекст-ИФ, 1999.

Карпущенко В. Юрий Гагарин — внук путиловца / В. Карпущенко. — Л.: Лениздат, 1981.

Касьян И. Первые шаги в космос / И. Касьян. — М.: Знание, 1985.

Кац В. «Именно с Саратовом...» / В. Кац. — Саратов, 1998.

Козырев В. Еще раз о гибели Гагарина / В. Козырев. — Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998.

Копылов И. Оренбургское летное / И. Копылов, А. Лазукин, Г. Райкин. — М.: Воениздат, 1976.

Королёва Н. С. П. Королёв: Отец, К 100-летию со дня рождения. В 3-х книгах / Н. Королёва. — М.: Совет РАН по космосу. — 2007.

Космонавтика. — М.: Советская энциклопедия, 1968.

Космонавтика. Маленькая энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1970.

Космонавтика. Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1985.

Космонавты рассказывают. — М.: Детская литература, 1967.

Космос. Время московское: Сб. документов / Сост. Т. Головкина, А. Чернобаев. — М.: РГГУ, 2011.

Костылев Н. Город Гагарин (путеводитель) / Н. Костылев, В. Афанасьев. — Гагарин, 1974.

Крошкин М. Человек проникает в космос (Научные исследования с помощью ракет и спутников) / М. Крошкин. — М.: Воениздат, 1961.

Кузнецов Н. Главный и Первый. Повесть / Н. Кузнецов. — М.: Советский писатель, 1988.

Кузнецов Н. Годы испытаний / Н. Кузнецов. — Л.: Лениздат, 1987.

Кузнецов Н. Правда о гибели Гагарина / Н. Кузнецов. — М.: Домодедовский полиграфический комплекс, 1994.

Куденко О. Орбита жизни. Биографическая повесть / О. Куденко. — М.: Московский рабочий, 1965.

Куденко О. Орбита жизни. Повесть-хроника (2-е изд., доп.) / О. Куденко. — М.: Московский рабочий, 1971.

Куприянов В. Космическая одиссея Юрия Гагарина / В. Куприянов. — СПб.: Политехника, 2011.

Легендарный «Восток». — М.: Издательство АПН, 1965.

Леонов А. Восприятие пространства и времени в космосе / А. Леонов, В. Лебедев. — М.: Наука, 1968.

Лиханов А. Сын России. Книга-альбом / А. Лиханов, К. Кукулиева, Б. Кукулиев. — М.: Молодая гвардия, 1981.

Лиханов А. Сын России. Книга-альбом (2-е изд.) / А. Лиханов, К. Кукулиева, Б. Кукулиев. — М.: Молодая гвардия, 1982.

Лукашевич В. Космические крылья / В. Лукашевич, И. Афанасьев. — М.: ООО «Лента Странствий», 2009.

Лукьянов Б. Мы верим, друзья, караваны ракет... / Б. Лукьянов. — М.: Молодая гвардия, 1965.

Ляпунов Б. Сквозь тернии к звездам / Б. Ляпунов, Н. Николаев. — М.: Молодая гвардия, 1962.

Материалы по истории космического корабля «Восток». — М.: Наука, 1991.

Мельников Н. Командир «Востока». Очерк / Н. Мельников, Н. Котыш. — М.: Газ. «Красная Звезда», 1961.

Миль А. Знаете, каким он парнем был... Почтовые марки, конверты, спецпогашения / А. Миль. — М.: Радио и связь, 1984.

Мировая пилотируемая космонавтика. История. Техника. Люди. / И. Афанасьев, Ю. Батулин, А. Белозерский, И. Иванов, А. Лазуткин, К. Лантратов, И. Лисов, В. Лукашевич, И. Маринин, А. Марков, Т. Прыгичев, Б. Черток, С. Шамсутдинов. — М.: Изд-во «РТСофт», 2005.

Митрошенков В. Голубая вертикаль. Очерки / В. Митрошенков. — М.: Правда, 1976.

Митрошенков В. Земля под небом / В. Митрошенков. — М.: Советская Россия, 1981.

Митрошенков В. Земля под небом. Хроника жизни Ю. А. Гагарина (2-е изд., доп.) / В. Митрошенков. — М.: Советская Россия, 1987.

Митрошенков В. Млечный круг. Очерки / В. Митрошенков. — М.: Правда, 1980.

Митрошенков В. Мы летим за солнцем / В. Митрошенков. — М.: Воениздат, 1970.

Молчанов В. О тех, кто не вышел на орбиту / В. Молчанов. — М.: Знание, 1990.

Мост в космос. Сборник / Сост. И. Колтовой, Б. Коновалов. — М.: Известия, 1971.

Нагибин Ю. Маленькие рассказы о большой судьбе / Ю. Нагибин. — М.: Советская Россия, 1976.

Нагибин Ю. Рассказы о Гагарине / Ю. Нагибин. — М.: Детская литература, 1978.

Нагибин Ю. Рассказы о Гагарине (2-е изд.) / Ю. Нагибин. — М.: Детская литература, 1979.

Нагибин Ю. Рассказы о Гагарине (3-е изд.) / Ю. Нагибин. — М.: Детская литература, 1988.

Надеждин Н. Юрий Гагарин / Н. Надеждин. — М.: Мир энциклопедий Аванта+: Астрель, 2011.

Наш Гагарин / Авт.-сост. Я. Голованов. — М.: Прогресс, 1979.

Наш Гагарин. Материалы о пребывании летчика-космонавта СССР Ю. А. Гагарина в Калужском крае. Из собрания Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского. Каталог. — Калуга: Золотая аллея, 2006.

Недаром был любим. Земляки о Ю. А. Гагарине / Сост. С. Казаков. — М.: Московский рабочий, 1991.

Никифоров В. Гагарин — Gagarin (путеводитель) / В. Никифоров. — Гагарин, 2011.

Николаева-Терешкова В. Вселенная — открытый океан / В. Николаева-Терешкова. — М.: Правда, 1964.

Обухова Л. Вначале была Земля... Повесть-воспоминание о Ю. Гагарине / Л. Обухова. — М.: Современник, 1973.

Обухова Л. Звёздный сын Земли. Повесть / Л. Обухова. — М.: Детская литература, 1974.

Обухова Л. Как мальчик стал космонавтом. Повесть о Ю. Гагарине / Л. Обухова. — М.: Малыш, 1984.

Обухова Л. Как мальчик стал космонавтом. Повесть о Ю. Гагарине (2-е изд.) / Л. Обухова. — М.: Малыш, 1987.

Обухова Л. Любимец века. Гагарин. Повесть-воспоминание (2-е изд., доп.) / Л. Обухова. — М.: Молодая гвардия, 1979.

Обухова Л. Любимец века. Повесть-воспоминание о Ю. А. Гагарине / Л. Обухова. — М.: Молодая гвардия, 1972.

Обухова Л. Любимец века. Повесть-воспоминание о Ю. А. Гагарине (2-е изд.) / Л. Обухова. — Л.: Лениздат, 1977.

Он был первым. Записки, публицистические заметки, воспоминания. — М.: Воениздат. — 1984.

Он всех нас позвал в космос. Сборник / Сост. А. Иванов. — М.: Известия, 1986.

Орлов В. Гжатск / В. Орлов, А. Чернобаев. — Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1957.

Первушин А. 108 минут, изменившие мир / А. Первушин. — М.: Эксмо, 2011.

Первушин А. 108 минут, изменившие мир: как человечество впервые полетело к звездам (2-е изд.) / А. Первушин. — М.: Изд-во «Э», 2016.

Первушин А. Юрий Гагарин. Космонавт № 1 / А. Первушин. — М.: Алгоритм, 2013.

Первушин А. Юрий Гагарин. Первый полет в документах и воспоминаниях / А. Первушин. — М.: Алгоритм, 2014.

Первые космические полеты человека. Сборник / Под ред. Н. Сисакяна и В. Яздовского. — М.: Издательство АН СССР, 1963.

Первый космонавт / Сост. Н. Цымбал, Л. Чуйко — М.: Советский воин, 1981.

Первый космонавт планеты Земля / Сост. В. Митрошенков, Н. Цымбал. — М.: Советская Россия, 1981.

Первый пилотируемый полет. Российская космонавтика в архивных документах. В 2-х книгах / Под ред. В. Давыдова. — М.: Родина МЕДИА, 2011.

Первый полет человека в космос. Материалы, опубликованные в «Правде». — М.: Правда, 1961.

Петров Е. Космонавты. Записки руководителя группы / Е. Петров. — М.: Советская Россия, 1962.

Пиблз К. Тайные полеты / К. Пиблз; пер. с англ. А. Коноплева. — Смоленск: Русич, 2002.

Победоносцев Ю. Путь в космос (достижения советской ракетной техники) / Ю. Победоносцев. — М.: Воениздат, 1962.

Покорение бесконечности. Сборник / Сост. В. Митрошенков. — М.: Известия, 1981.

Полет Гагарина. Материалы, опубликованные в «Правде». — М.: Правда, 1961.

Пономарева В. Женское лицо космоса / В. Пономарева. — М.: Фонд «Гелиос», 2002.

Попович П. Вылетаю утром / П. Попович. — М.: ДОСААФ, 1974.

Попович П. Не могло быть иначе! Космическая хроника / П. Попович, В. Лесников. — М.: Молодая гвардия, 1980.

Попович П. О времени и о себе / П. Попович. — М.: МАКД, 2010.

Порохня В. Гагарин и его время. Сорокалетию первого полета человека в космос посвящается / В. Порохня. — Смоленск, 2000.

Порохня В. Дорога на Байконур / В. Порохня. — Алма-Ата: Казахстан, 1977.

Путь в космос. Сборник / Г. Покровский, П. Исаков, И. Меркулов, В. Добронравов. — М.: Знание, 1961.

Радушина С. С него началась дорога в космос: к 50-летию первого полета человека в межзвездное пространство / С. Радушина. — Оренбург: Димур, 2011.

Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королева: 1946–1996. — М.: Менонсовполиграф, 1996.

Ребров М. Дневник летчика-космонавта К. / М. Ребров. — М.: Советская Россия, 1963.

Ребров М. Космонавты / М. Ребров. — М.: Воениздат, 1977.

Ребров М. Советские космонавты / М. Ребров. — М.: Воениздат, 1983.

Ребров М. Уходят в космос корабли / М. Ребров, А. Киселев. — М.: Воениздат, 1967.

Россошанский В. Наш Гагарин / В. Россошанский. — Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1989.

Россошанский В. Парни из нашего города / В. Россошанский. — Саратов: Сателлит, 2004.

Россошанский В. Феномен Гагарина. К 50-летию первого полета в космос / В. Россошанский. — Саратов: ООО Изд-во «КУБиК», 2011.

Россошанский В. Феномен Гагарина / В. Россошанский. — Саратов: Летопись, 2001.

Россошанский В. Шаги по земле / В. Россошанский. — М.: Памятники Отечества, 1998.

Рузанова Н. Юность космонавта. Очерки / Н. Рузанова. — М.: ДОСААФ, 1986.

Семенихин Г. Рассказы о космонавтах (Библиотечка журнала «Советский воин») / Г. Семенихин. — М.: Советский воин, 1963.

Сербин В. Евпатория космическая / В. Сербин. — Евпатория: Издательский дом Александровой, 2007.

Синицын В. Первый космонавт / В. Синицын. — М.: Малыш, 1979.

Синицын В. Первый космонавт (2-е изд.) / В. Синицын. — М.: Малыш, 1981.

Смирнов Н. На орбите дружбы / Н. Смирнов. — М.: Изд-во восточной литературы, 1983.

Созвездие. Сборник / Сост. В. Митрошенков, Е. Митрошенкова. — М.: Московский рабочий, 1989.

Советская жизнь. 1945–1953 / МГУ, ф-т гос. управления, Федер. архив. служба; Сост.: Е. Зубова, Л. Кошелева, Г. Кузнецова и др. — М.: РОССПЭН, 2003.

Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / Под ред. Ю. Батурина. — М.: РТСофт, 2008.

Советская космонавтика. Фотоальбом к 20-летию полета Юрия Алексеевича Гагарина / Сост. Л. Гильберг, Е. Рябчиков. — М.: Машиностроение, 1981.

Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина / Сост. С. Кудряшов, Л. Макарова. — М.: Вестник Архива Президента Российской Федерации, 2011.

- Советский летчик — первый космонавт.* — М.: Воениздат, 1961.
- Советский человек в космосе* (Библиотека «Известий». Специальный выпуск) / Сост. С. Гарбузов, В. Гольцев. — М.: Известия, 1961.
- Степанов В. Юрий Гагарин* / В. Степанов. — М.: Молодая гвардия, 1987.
- Столярж Б. Знаете, каким он парнем был...* / Б. Столярж. — М.: Физкультура и спорт, 1985.
- Столярж Б. Знаете, каким он парнем был... (2-е изд., перераб. и доп.)* / Б. Столярж. — М.: Физкультура и спорт, 2004.
- Сын Земли. Книга о саратовских годах жизни Ю. А. Гагарина, его пребывания в Саратовской области* / Сост. П. Ефимов. — Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1985.
- Сын Земли. Сборник* / Сост. В. Митрошенков. — М.: Советский писатель, 1983.
- Творческое наследие академика Сергея Павловича Королева. Избранные труды и документы.* — М.: Наука, 1980.
- Титов Г. Первые орбиты* / Г. Титов // Гагаринские научные чтения по космонавтике и авиации (1981 г.). — М.: Наука, 1983.
- Титов Г. Первый космонавт планеты* / Г. Титов. — М.: Знание, 1971.
- Толкалин Л. Юрий Гагарин — наш одноклассник. О серьезном и смешном* / Л. Толкалин. — Тула: Гриф и К, 2011.
- Ты помнишь, как курсант Гагарин по нашим улицам ходил...* / Авт.-сост. В. Рябов, В. Шабрин. — Оренбург: Димур, 2014.
- Урок Гагарина. Методические рекомендации в помощь классному руководителю, организатору внеклассной работы, старшему пионерскому вожатому* / Сост. Б. Пшеничнер. — М.: Дворец пионеров, 1979.
- Урок Гагарина. Методические рекомендации в помощь классному руководителю, организатору внеклассной работы, старшему пионерскому вожатому* / Сост. Б. Пшеничнер. — М.: МГДПиШ, 1984.
- Уроки Юрия Гагарина. Сборник* / Сост. Ю. Ковешников. — Л.: Лениздат, 1984.
- Утро космической эры. Сборник* / Сост. А. Азизян, Б. Андриянов, П. Барашев, М. Бунаева, Н. Васильев, Н. Денисов, Б. Заславский, Г. Строумов, А. Тюпаев. — М.: Госполитиздат, 1961.
- Федченко М. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.): Монография.* — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009.
- Феоктистов К. Траектория жизни: между вчера и завтра* / К. Феоктистов. — М.: Вагриус, 2000.
- Хайрюзов В. Юрий Гагарин. Колумб Вселенной* / В. Хайрюзов. — М.: Вече, 2013.
- Хромаков М. Его город. Родина Ю. А. Гагарина — г. Гжатск* / М. Хромаков. — М.: Молодая гвардия, 1981.
- Хрунов Е. Покорение невесомости* / Е. Хрунов. — М.: Воениздат, 1976.
- Человек в космосе. Сборник* / А. Генин, Н. Гуровский, М. Емельянов, П. Саксонов, В. Яздовский. — М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1963.

Человек. Корабль. Космос: Сборник документов к 50-летию полета в космос Ю. А. Гагарина. — М.: Новый хронограф, 2011.

Чернышева О. Становление отечественной космонавтики 1920-е — 1950-е годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / О. Чернышева. — М., 2002.

Черток Б. Ракеты и люди / Б. Черток. — М.: Машиностроение, 1999.

Черток Б. Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны / Б. Черток. — М.: Машиностроение, 1999.

Черток Б. Ракеты и люди. Лунная гонка / Б. Черток. — М.: Машиностроение, 1999.

Черток Б. Ракеты и люди. Фили — Подлипки — Тюратам / Б. Черток. — М.: Машиностроение, 1999.

Чесноков М. Советская космонавтика (комплект из 32 открыток) / М. Чесноков. — М.: ДОСААФ, 1972.

Четверо из космической семьи. Сборник / Л. Попов, И. Касьян, Н. Кузьмичев. — М.: Машиностроение, 1991.

Чугунов Т. С юности на всю жизнь / Т. Чугунов. — Южноуральск, 2006.

Шаталов В. Космические будни / В. Шаталов. — М.: Машиностроение, 2008.

Шаталов В. Космонавты СССР / В. Шаталов, М. Ребров. — М.: Просвещение, 1980.

Шершер Э. Тайна гибели Гагарина. Почему падают самолеты / Э. Шершер. — Мн.: Харвест, 2006.

Шонин Г. Самые первые / Г. Шонин. — М.: Молодая гвардия, 1976.

Ю. А. Гагарин (К 50-летию со дня рождения). Сборник статей. — М.: Знание, 1984.

Ю. А. Гагарин на земле Саратовской. Рекомендательный указатель литературы / Сост. О. Лазаренко. — Саратов: Саратовская обл. науч. б-ка, 1981.

Юрий Гагарин. Сборник. — М.: Молодая гвардия, 1978.

Юрий Гагарин. Фотодокументы Гос. арх. фонда СССР / Фото В. Базанова и др.; текст и сост. В. Нестеровой и др.; науч. ред. И. Борисенко. — М.: Планета, 1986.

Язвинский С. Гагарин: «Привет, седая слава!» / С. Язвинский. — Калуга: Креатив-Центр, 2006.

Яздовский В. На тропях Вселенной. Вклад космической биологии и медицины в освоение космического пространства / В. Яздовский. — М.: Слово, 1996.

Weightlessness — Physical Phenomena and Biological Effects. Proceedings of the Symposium on Physical and Biological Phenomena Under Zero Conditions Held July 1, 1960 at Hawthorne, California / Ed. by E. Benedikt. — Springer Science+Business Media New York, 1961.

Статьи, рассказы, интервью

Аксенов Е. Выдающийся научный эксперимент. Небесная механика и первый полет человека в космос / Е. Аксенов, Е. Гребеников, В. Демин // *Природа*. — 1961. — № 8.

Александров А. Кто полетит первым? / А. Александров // *Советская Россия*. — 2006. — № 37, 38.

Алексеев М. Когда ему было шестнадцать / М. Алексеев // *Огонек*. — 1961. — № 18.

Алексеева Т. Тренер Гагарина: «Никто и подумать не мог, что весельчак Юра станет первым космонавтом» / Т. Алексеева // *Комсомольская правда*. — 2011. — 11 апр.

Аматуни П. Дорога в космос / П. Аматуни // *Дон*. — 1961. — № 10.

Анненский Ф. Космическая психология / Ф. Анненский // *Наука и жизнь*. — 1961. — № 2.

Антонов В. Юрий Гагарин: взгляд через десятилетия / В. Антонов, Т. Горячева-Бордюркина // *Оренбургский край*. — 2004. — № 1.

Арсентьев В. Человек выходит на космические трассы / В. Арсентьев // *Дон*. — 1961. — № 5.

Артемов Г. Пирожки горячие, мороженое «Мишка на Севере» / Г. Артемов // *Люберецкая газета*. — 2004. — 22 окт.

Астров М. Что видел космонавт / М. Астров // *Знание — сила*. — 1961. — № 7.

Афанасьев И. Тяжелое начало программы «Союз» / И. Афанасьев, Д. Воронцов // *Новости космонавтики*. — 2017. — № 1.

Бакулина С. Наш Гагарин / С. Бакулина // *Университетский меридиан*. — 2006. — № 2.

Балаховский И. Биологические проблемы межпланетных полетов / И. Балаховский, В. Малкин // *Природа*. — 1956. — № 8.

Белоцерковский С. Им не хватило двух секунд / С. Белоцерковский, А. Леонов // *Правда*. — 1987. — 23 марта.

Берг Ю. Оренбургские крылья Гагарина / Ю. Берг // *Родина*. — 2014. — № 2.

Бобков В. Космический корабль «Восток» / В. Бобков // *Крылья Родины*. — 1991. — № 4.

Болотин А. 10-я площадка, А. Болотин // *Огонек*. — 1989. — № 16.

Борисенко И. Мировые рекорды Юрия Гагарина / И. Борисенко // *Радио*. — 1961. — № 7.

Бородулин Л. Там, где учился Гагарин / Л. Бородулин, А. Григорьев // *Огонек*. — 1961. — № 19.

Бувин А. Юрок из Люберец (О своем друге рассказывает бывший формовщик-литейщик Люблинского литейно-механического завода Александр Бувин) / А. Бувин // *Комсомольская правда*. — 2011. — 30 марта.

Бучарский В. Саратовские небеса. Повесть о первом полете / В. Бучарский // *Наш современник*. — 2009. — № 3.

Введенский А. 11 («Человек веселый Франц...») / А. Введенский // Введенский А. И. Полное собрание произведений: В 2 т. — Т. 1. Произведения 1926–1937. — М.: Гилея, 1993.

В гостях у Юрия Гагарина // Искатель. — 1961. — № 4.

В кабине космолета // Знание — сила. — 1961. — № 5.

Ввысь! // Знание — сила. — 1961. — № 6.

Вильямский Н. Гагарин — морской летчик / Н. Вильямский // Крылья над океаном. — М., 1986.

Внуковский Ф. Помним улыбку Гагарина / Ф. Внуковский // Евпаторийская здравница. — 1997. — 12 апр.

Воробьева О. Север в судьбе первопроходца / О. Воробьева // Красная звезда. — 2011. — 12 апр.

Время искать и удивляться. На этой ракете летал Юрий Гагарин // Техника — молодежи. — 1967. — № 9.

Гагарин Ю. Вас ждет воздушный океан / Ю. Гагарин // Комсомольская правда. — 1961. — 9 июля.

Гагарин Ю. Вперед, всегда вперед / Ю. Гагарин, Г. Титов // Правда. — 1962. — 12 апр.

Гагарин Ю. Время коммунизма, время космоса / Авиация и космонавтика. — 1967. — № 4.

Гагарин Ю. Готовы к новым космическим полетам / Авиация и космонавтика. — 1962. — № 4.

Гагарин Ю. Дважды воскресший / Ю. Гагарин // Молодой коммунист. — 1964. — № 3.

Гагарин Ю. Девушка из нашего отряда / Ю. Гагарин // Мост в космос. — М.: Известия, 1971.

Гагарин Ю. Дерзайте, боевые друзья! / Ю. Гагарин // Красная звезда. — 1961. — 8 июля.

Гагарин Ю. Доклад от 14 апреля 1961 г. на заседании государственной комиссии после космического полета / Ю. Гагарин // Авиация и космонавтика. — 1991. — № 4.

Гагарин Ю. Есть пламя! / Ю. Гагарин // Комсомольская правда. — 1964 года. — 18 авг.

Гагарин Ю. Звёздное время / Ю. Гагарин // Красная звезда. — 1961. — 1 мая.

Гагарин Ю. Идти дальше / Ю. Гагарин // Мост в космос. — М.: Известия, 1971.

Гагарин Ю. Командир / Ю. Гагарин // Мост в космос. — М.: Известия, 1971.

Гагарин Ю. Лыжню — летящим по волнам / Ю. Гагарин // Комсомольская правда. — 1963. — 2 окт.

Гагарин Ю. Металл и характер отливаются в труде / Ю. Гагарин // Красная звезда. — 1961. — 14 окт.

Гагарин Ю. Мне партия крылья дала / Ю. Гагарин // Комсомольская правда. — 1961. — 1 мая.

Гагарин Ю. Наши ряды растут / Ю. Гагарин // Красная Звезда. — 1965. — 11 апр.

Гагарин Ю. О профессиональной деятельности космонавта / Ю. Гагарин // Первый космонавт планеты Земля. — М.: Советская Россия, 1981.

Гагарин Ю. Поэзия звездных высот / Ю. Гагарин // Комсомольская правда. — 1963. — 10 мая.

Гагарин Ю. Слово к писателям / Ю. Гагарин // Литературная Россия. — 1963. — 12 апр.

Гагарин Ю. Ступени во Вселенную / Ю. Гагарин // В 2017 году. — М.: Издательство АПН, 1968.

Гагарин Ю. Успехов и счастья! / Ю. Гагарин // Литературная Россия. — 1963. — 10 мая.

Гагарин Ю. Юрий Гагарин читателям журнала «Знание — сила» / Ю. Гагарин // Знание — сила. — 1961. — № 7.

Гагарин Ю. Штурмующие небо / Ю. Гагарин // Известия. — 1963. — 4 окт.

Газенко О. Биология космических полетов / О. Гозенко, В. Малкин // Наука и жизнь. — 1958. — № 11.

Газенко О. Человек в космосе. Проблема жизни в условиях невесомости / О. Гозенко, В. Малкин // Наука и жизнь. — 1959. — № 12.

Гильберг Л. Возвращение на Землю / Л. Гильберг // Знание — сила. — 1961. — № 7.

Глушко А. Форма одежды Юрия Алексеевича Гагарина. Разновидности и особенности ношения / А. Глушко // Новости космонавтики. — 2014. — № 4.

Голиков А. После космического рейса / А. Голиков, И. Смирнов // Огонек. — 1961. — № 18.

Голованевский М. Гражданин Вселенной (к 60-летию Ю. А. Гагарина) / М. Голованевский // Евпаторийская здравница. — 1994. — 10 марта.

Голованевский М. Живая память / М. Голованевский // Евпаторийская здравница. — 1981. — 9 апр.

Голованевский М. «Мне открылся кусочек космоса...» / М. Голованевский // Евпаторийская здравница. — 1986. — 12 апр.

Голованевский М. Юрий Гагарин и Евпатория / М. Голованевский // Евпаторийская здравница. — 1994. — 12 апр.

Голованов Я. Размышления над попытками приукрасить историю / Я. Голованов // Огонек. — 1989. — № 10.

Головачев В. Готовясь к полету на «Буране»... / В. Головачев // Труд. — 1989. — 4 янв.

Григорьева О. Безукоризненная шестерка / О. Григорьева // Русский мир. — 2011. — № 1.

Давыдова В. 70-летие первого космонавта планеты Юрия Гагарина / В. Давыдова, П. Шаров, И. Маринин // *Новости космонавтики*. — 2004. — № 5.

Джакелия М. Правда «Чайки» / М. Джакелия, В. Терешкова // *Огонек*. — 2007. — № 11.

Дугиль Т. «Я скоро снова приеду в Евпаторию!» / Т. Дугиль // *Обозрение крымских дел*. — 2010. — 12–19 марта.

Евтушенко Е. Преждевременная автобиография молодого человека / Е. Евтушенко // *Евгений Евтушенко. Собрание сочинений. Том 1*. — М.: Эксмо, 2014.

Есин Б. 40 лет отряду космонавтов РГНИИ ЦПК / Б. Есин // *Новости космонавтики*. — 2000. — № 3.

Жарков В. Он всех нас позвал в космос / В. Жарков // *Загадки звездных островов. Книга 3*. — М.: Молодая гвардия, 1986.

Звёздный рейс Юрия Гагарина. Документы о первом полете человека в космос // *Известия ЦК КПСС*. — 1991. — № 5.

Игорева Т. Село Клушино в лицах / Т. Игорева // *История Гжатских деревень. Материалы научно-практической конференции. 7 декабря 2005 г.* — Гагарин: КЦ «Спутник», 2005.

Извергин В. Знаете, каким он парнем был... / В. Извергин, Я. Акбулатов // *Казанский альманах*. — 2006. — № 1.

Каманин Н. На космодроме / Н. Каманин // *Огонек*. — 1961. — № 20.

Карпов Е. «Гагарин выдвинул себя сам» / Е. Карпов // *Техника — молодежи*. — 1986. — № 4.

Карпов Ю. ЧП при спуске не было / Ю. Карпов // *Красная звезда*. — 2001. — 12 апр.

Касьян И. Почему Гагарин? / И. Касьян // *Земля и Вселенная*. — 1991. — № 2.

Копылова Т. Как Гагарин держал удар / Т. Копылова // *Известия*. — 2004. — 7 марта.

Корбут В. Ребята из «литейки» / В. Корбут, Г. Фирсов // *Советская Белоруссия*. — 2007. — 12 апр.

Кохан В. История разработки медицинских подходов к отбору первого отряда кандидатов в космонавты / В. Кохан, В. Карлов // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. — 2001. — № 2.

Китаев-Смык Л. Подготовка первого пилотируемого космического корабля «Восток-За» и первой группы космонавтов в Летно-Исследовательском Институте / Л. Китаев-Смык, М. Леонова, С. Марченко, С. Филипенков // *XXXVII Гагаринские чтения. Научные труды Международной молодежной научной конференции в 8 томах. Москва, 5–8 апреля 2011 г.* — М.: МАТИ, 2011.

Куприянов В. Биография Ю. А. Гагарина. Заметки к биографии / В. Куприянов // *Пресс-бюллетень основных мероприятий по празднованию 50-летия полета в космос Ю. А. Гагарина*. — М.: Оргкомитет по подго-

товке и проведению празднования в 2011 году 50-летия полета в космос Ю. А. Гагарина, 2010.

Лисов И. 106 минут Гагарина в свете рассекреченных документов / И. Лисов, И. Афанасьев // *Новости космонавтики*. — 2011. — № 6.

Лисов И. Безответственные байки / И. Лисов // *Новости космонавтики*. — 2001. — № 6.

Лисов И. Полет Гагарина: нужна вся правда! / И. Лисов // *Новости космонавтики*. — 2001. — № 6.

Львов И. Гагарин грузил арбузы на Волге / И. Львов // *Как дела?* — 2014. — 10 апр.

Маликов А. Он учил Гагарина летать / А. Маликов, Г. Денисенко // *Липецкая газета*. — 2010. — 10 апр.

Маринин И. Апрельский день: 44 года назад / И. Маринин // *Новости космонавтики*. — 2005. — № 4.

Маринин И. Полету Германа Титова полвека / И. Маринин // *Новости космонавтики*. — 2011. — № 8.

Маринин И. Учительница Гагарина / И. Маринин, Е. Козлова // *Новости космонавтики*. — 2006. — № 4.

Мозгунова Г. Предки Ю. А. Гагарина / Г. Мозгунова // *Москва*. — 2006. — № 7.

Мозгунова Г. Родовые корни / Г. Мозгунова // *Родина*. — 2011. — № 4.

Митрошенков В. Путь космонавта. Факты биографии / В. Митрошенков // *Байконур*. — Алма-Ата, 1986.

Михайлова С. Лев Толкалин: «Я знал первую любовь Гагарина» / С. Михайлова, Л. Толкалин // *Комсомольская правда – Тула*. — 2004. — 13 апр.

Мицкевич П. Гагарин мог стать не летчиком, а литейщиком / П. Мицкевич, Г. Денисенко // *Комсомольская правда – Беларусь*. — 2015. — 4 февр.

Моисеев В. Гагарин: полет продолжается / В. Моисеев // *Оренбургская неделя*. — 2011. — 16 февр.

Молодцов В. История проектирования корабля «Восток» / В. Молодцов // *Космический альманах*. — 2001. — № 5.

Молодцов В. Проектные замыслы космических исследований в ОКБ-1 / В. Молодцов // *Избранные труды XIX–XXI академических чтений по космонавтике, посвященных памяти академика С. П. Королёва и других выдающихся отечественных ученых-пионеров освоения космического пространства (1995–1997 гг.)*. — М.: Война и мир, 1999.

Муртазин Р. Факты и мифы об орбите Гагарина. Баллистический анализ / Р. Муртазин, В. Благоев // *Новости космонавтики*. — 2016. — № 4.

Нагибин Ю. Маленькие рассказы о большой судьбе / Ю. Нагибин // Ю. М. Нагибин. *Сочинения*, Т. 9. — М.: МГПО «Мосгорпечать», 1989.

Нагибин Ю. Рассказы о Гагарине / Ю. Нагибин // Ю. М. Нагибин. *В апрельском лесу. Повести и рассказы*. — М.: Воениздат, 1974.

Нагибин Ю. Рассказы о Гагарине / Ю. Нагибин // Ю. М. Нагибин. Ты будешь жить. Повести и рассказы. — М.: Современник, 1974.

Назаров Г. 9 марта — 40 лет со дня рождения Ю. А. Гагарина (1934 г.) / Г. Назаров, В. Севастьянов // Из истории авиации и космонавтики (вып. 22). — М.: ИИЕТ АН СССР, 1974.

Новоплянский Д. Приземление / Д. Новоплянский // Комсомольская правда. — 1961. — 14 апр.

Обухова Л. Звёздный сын Земли / Л. Обухова // Пионер. — 1972. — № 3–7.

Обухова Л. Любимец века / Л. Обухова // Л. А. Обухова. Избранное. — М.: Советский писатель, 1983.

Осипов В. Посланец комсомольского ЦК / В. Осипов // Очерк-81. — М.: Современник, 1982.

Осипчук И. Валентина Пономарева: «Гагарин выступил против моего зачисления в группу космонавтов, потому что я была матерью» / И. Осипчук, В. Пономарева // Факты. — 2012. — 12 апр.

Остроумов Г. Первое десятилетие / Г. Остроумов // Наука и жизнь. — 1971. — № 4.

Остроумов Г. Рассказывает космонавт / Г. Остроумов // Известия. — 1961. — 13 апр.

Павельцев П. Советская лунная программа 1960–1961 годов / П. Павельцев // Новости космонавтики. — 2011. — № 9.

Палло А. Воспоминания / А. Палло // Дороги в космос. — М.: Издательство МАИ, 1992.

Пальчиков Н. Академик экстрима / Н. Пальчиков // Красная звезда. — 2011. — 16 фев.

Пальчиков Н. Испытатели: забытый отряд / Н. Пальчиков // Красная звезда. — 2010. — 15 дек.

Пальчиков Н. Космический медполк / Н. Пальчиков // Красная звезда. — 2011. — 26 янв.

Парин В. Ради этого дня стоило прожить жизнь / В. Парин // Литературная газета. — 1961. — 15 апр.

Парин В. Физиология человека и космос / В. Парин // Природа. — 1961. — № 10.

Первушин А. Великолепная шестерка / А. Первушин // Секретные материалы XX века. — 2005. — № 8.

Первушин А. Гагарин и цензура / А. Первушин // Наука и жизнь. — 2011. — № 4.

Первушин А. Главная тайна «Востока» / А. Первушин // Вселенная, пространство, время. — 2006. — № 4.

Первушин А. «Задачу выполнил. Гагарин» / А. Первушин // Наука и жизнь. — 2011. — № 3.

Первушин А. Запрещенный Гагарин / А. Первушин // Секретные материалы XX века. — 2006. — № 7.

Первушин А. Космический рейс Германа Титова / А. Первушин // Наука и жизнь. — 2011. — № 8.

Первушин А. «Меркурий» в погоне за лидером / А. Первушин // Наука и жизнь. — 2012. — № 4.

Первушин А. «Небесные братья» / А. Первушин // Наука и жизнь. — 2012. — № 8.

Первушин А. Он сказал: «Поехали!» / А. Первушин // Секретные материалы XX века. — 2001. — № 7.

Петрунин Ф. Мечты моего друга сбылись / Ф. Петрунин // Огонек. — 1961. — № 18.

Пономарев Е. Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940–1950-е годы) / Е. Пономарев. — Новое литературное обозрение. — 2009. — № 97.

Романов Л. Омич Леонид Романов: «Я жил с Гагариным полтора года» / Л. Романов // Омская газета. — 2001. — 18 апр.

Рубин В. Помните, каким он парнем был... / В. Рубин, А. Хныкина // Университетский меридиан. — 2011. — № 1.

Сисакян Н. Биология и освоение космоса / Н. Сисакян // Авиация и космонавтика. — 1962. — № 2.

Сисакян Н. Путь в космос / Н. Сисакян // Правда. — 1961. — 19 апр.

Смирнов Г. В преддверии подвига / Г. Смирнов // Знание — сила. — 1961. — № 5.

Смородкин С. Сон о Гагарине / С. Смородкин // Смена. — 2003. — № 4.

Столярова Т. Первая любовь Юры / Т. Столярова // Комсомольская правда. — 2002. — 12 апр.

Суворов В. Двести сорок мгновений (записки кинооператора) / В. Суворов // Техника — молодежи. — 1990. — № 9.

Супрунюк Г. Знаете, каким он парнем был... / Г. Супрунюк // Крымская газета. — 2001. — 11 апр.

Сушков Ю. «Восток» открыл дорогу в космос. Человек, машина, космос / Ю. Сушков // Изобретатель и рационализатор. — 1961. — № 4.

Сывульский В. Космос далекий и близкий // В. Сывульский // Евпаторийская здравница. — 1997. — 12 апр.

Титов Г. Первые орбиты / Г. Титов // Гагаринские научные чтения по космонавтике и авиации (1981 г.). — М.: Наука, 1983.

Толкалин Л. Наш одноклассник Юрий Гагарин / Л. Толкалин // Приокские зори. — 2007. — № 3–4.

Толкалин Л. Юра Гагарин: каким он парнем был? / Л. Толкалин // Новости космонавтики. — 2003. — № 4.

Уханов И. Памятен, как первая любовь / И. Уханов // Оренбургский край. — 2001. — № 2.

Федин В. 50 лет первому выходу в открытый космос / В. Федин // Новости космонавтики. — 2015. — № 3.

Федин В. 55 лет подвигу Юрия Гагарина / В. Федин // Новости космонавтики. — 2016. — № 4.

Филина Л. Главный конструктор слушает доклад первого космонавта планеты Земля / Л. Филина // Из истории авиации и космонавтики (вып. 76). — М.: ИИЕТ РАН, 2001.

Формин Г. Почему полеты «Востоков» и «Восходов» были безаварийными / Г. Формин // Новости космонавтики. — 2004. — № 6, 7.

Формин Г. Правда о возвращении Юрия Гагарина / Г. Формин // Новости космонавтики. — 2002. — № 4.

Халезова Н. Кумир Гагарина — горьковчанин? / Н. Халезова // Аргументы и факты — Нижний Новгород. — 2011. — № 52.

Шамсутдинов С. «Кедр»! Я — «Заря!» / С. Шамсутдинов // Новости космонавтики. — 1999. — № 5.

Шамсутдинов С. Валентина Терешкова: «Я была счастлива!» / С. Шамсутдинов // Новости космонавтики. — 2013. — № 8.

Шамсутдинов С. Полету «Ястреба» и «Чайки» — 50 лет / С. Шамсутдинов, И. Извеков, Ю. Квасников // Новости космонавтики. — 2013. — № 8.

Шамсутдинов С. Удостоверение космонавта / С. Шамсутдинов // Новости космонавтики. — 2003. — № 7.

Шаров П. Ада Котовская: «Конечно, Юра волновался, но он умел сдерживать эмоции...» / П. Шаров, А. Котовская // Новости космонавтики. — 2007. — № 4.

Шаров П. Незабываемая встреча с Гагариным / П. Шаров // Новости космонавтики. — 2004. — № 11.

Шаров П. Учительница Гагарина / П. Шаров, Е. Козлова // Новости космонавтики. — 2006. — № 4.

Швыдкин А. Всему начало здесь, в краю моем родном (о родном селе Юрия Гагарина) / А. Швыдкин // История Гжатских деревень. Материалы научно-практической конференции. 7 декабря 2005 г. — Гагарин: КЦ «Спутник», 2005.

Шитов В. Страницы «Гагаринского альбома» / В. Шитов // Советское фото. — 1971. — № 4.

Штернфельд А. Межпланетные путешествия и физиология человека / А. Штернфельд // Наука и жизнь. — 1938. — № 11–12.

Шуневич В. Интервью с А. Я. Карташовым / В. Шуневич, А. Карташов // Факты. — 2004. — 10 марта.

Ячменникова Н. Валентина Терешкова раскрывает свои тайны / Н. Ячменникова, В. Терешкова // Российская газета. — 2007. — 2 марта.

Oberg J. Phantoms of Space / J. Oberg // Space World Magazine. — 1975. — Jan.

Научно-популярное издание

Первушин Антон Иванович

ЮРИЙ ГАГАРИН: ОДИН ПОЛЕТ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Полная биография первого космонавта планеты Земля

Ответственный редактор *А. Топорова*
Художественный редактор *Е. Саламашенко*
Корректор *О. Андреева*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 07.04.2017.
Формат издания 60×90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 42,0.

Издательство «Пальмира».
197022, Санкт-Петербург,
Инструментальная ул., д. 3, лит. К.

12+ | Издание не рекомендуется детям младше 12 лет